

Аллан Коул
Возвращение воина
Далекие Королевства – 4



<http://www.fenzin.org>
«Возвращение воина»: Армада; М., 1997
ISBN 5-7632-0530-8

Аннотация

Заключительный роман тетралогии "Антеро", написанный одним из представителей славного дуэта фантастов — Алланом Коулом.

Аллан Коул
Возвращение воина

Посвящается всем тем, кто знает, почему смеялся Янош, а также Катрин, которая предложила идею истории о Рали.

Часть первая.
ПТИЦА ЛИРА

Глава 1.
ЦАРСТВО ЛЬДА

Перо — мой меч,
Чернила — людская кровь.
Мои слова — твоя судьба.
Пройдя ворота, ты поймешь,
Что в книге сказка, но не ложь
Расскажет книга лучше всех,

Где спрятан грех, где спрятан грех.

Вы знаете меня как Рали Эмили Антеро. В первой жизни я была воином. Во второй — волшебницей. После этого я спала в течение пятидесяти лет до тех пор, пока моя хозяйка Маранония не пришла и не разбудила меня, прервав сладкие грезы в объятиях моей возлюбленной. Несмотря на то что она — богиня, которую я почитаю выше всех остальных, пробуждение не было легким.

Моя могила была ледяной. Крепость, в которой хранилась могила, тоже была ледяной, она приросла к границе холодных камней, омываемых Северным морем. Но в своих мечтах, во сне, я жила в стране вечного лета, где правила моя возлюбленная Салимар. Мы жили в хрустальном дворце с радостно сияющими фонтанами, садами, утопающими в белых, алых и желтых розах. В эти дни не смолкал смех, в эти ночи не смолкали томные вздохи, и мне не хотелось, чтобы все это исчезло.

Но богиня сказала, что разлука неизбежна.

Я рассердилась.

— О моя богиня, — воскликнула я, — так это и есть вознаграждение за все страдания, которые я перенесла, служа тебе?

Маранония улыбнулась, ее улыбка осветила огромное помещение, мой корабль заиграл серебряными бликами, заискрились раскрытые сундучки с алмазами, сверкнула сталь оружия. Я невольно потерла свой видящий глаз, который заслезился от всего этого великолепия. Лежащая рядом в одной сорочке Салимар поежилась и прошептала мое имя.

В моей отрубленной левой руке запульсировала боль, и я невольно застонала. Такая боль-призрак хорошо известна многим воинам... Боль еще больше усилила мою злость. Я пожертвовала глазом и рукой ради богини и ради моего народа. Правую глазницу закрывала золотая латка, ниже на щеке виднелся небольшой шрам. Вместо руки, потерянной в рудниках Короноса, у меня была теперь волшебная золотая рука.

Несмотря на то что она действовала значительно лучше, чем та рука, с которой я родилась, она все-таки постоянно напоминала о тех страданиях, которые перенесла я прежде, чем заслужила долгий сон.

Теснее прижавшись к Салимар, я осмелилась повернуться спиной к богине. Я собиралась снова погрузиться вместе с ней в страну сладких грез. В этой стране у меня не было ран и увечий. Здесь я была молода. Здесь меня ни в чем не обвиняли. В стране грез моей единственной заботой был выбор подарков возлюбленной. Будет ли это венок луговых цветов, который украсит ее волосы? Или певчая птица, которую мы выпустили из клетки, благословит наши объятия своим пением?

Раздался настойчивый голос Маранонии.

— Вставай, Рали, — требовала она, — твои сестры нуждаются в тебе.

— Защитница в опасности? — резко спросила я и, спрятав смятение за грубостью, продолжала: — Скажи им, чтобы нашли другую.

— Другой быть не может! — ответила богиня.

— Я сделала достаточно, дайте мне отдохнуть.

Но я все-таки перекинула свои обнаженные ноги через кромку могилы, сделанной из чистого голубого льда.

Сзади я услышала всхлип. Это плакала во сне Салимар.

Маранония была высока, ее заостренный шлем почти касался высокого свода ледяной пещеры, длинные распущенные волосы струились по плечам. В одной руке она держала факел правды. В другой — копьё справедливости. Ее обувь была золотой, ее платье сверкало белизной под легкой кольчугой. Ее глаза светились, как горн для закалки брони. Казалось, воздух потрескивает от мощи ее биополя. Но я ее не боялась.

Я и раньше бросала вызов богам.

Богиня вздохнула, ее дыхание наполнило пещеру запахом фиалок. Потом она засмеялась, и ее смех был похож на далекий набат.

Я тронула латку, прикрывающую пустую глазницу, искусственной рукой и сказала:

— Я доверила тебе всю свою жизнь без остатка. Ради служения тебе я позволила расчленить мое тело. — Я повернулась, показывая на беспокойно спящую Салимар. Из-под ее сомкнутых век скатывались серебристые слезинки. Ее ресницы казались темными веерами на фоне нежных оливковых щек. Сорочка распахнулась, подставив холоду нежную грудь.

Прикрыв Салимар, я спросила:

— Почему ты не можешь позволить нам быть вместе?

— Твои сестры умрут, — ответила богиня. Мои слова прозвучали как обвинение:

— Смерть знакома стражницам Маранон. Сколько душ я доставила тебе? Тысячи? Десятки тысяч? Когда же ты насытишься?

Не слыша обвинений, Маранония настаивала:

— Орисса в опасности, Рали.

Я пожала плечами:

— Тогда пригласи моего брата. Амальрик никогда не отказывался от выполнения общественного долга.

Мы обе знали, что мои жесткие слова на самом деле не являются правдой. Никого на свете я не любила больше, чем Амальрика. Даже Салимар не могла сравниться с ним. Наша мать умерла, когда он был еще очень мал, и вся моя любовь досталась этому рыжеволосому ребенку. Воспоминания об этом заставили меня криво усмехнуться. Несмотря на возраст и достижения, Амальрик всегда будет для меня малышом.

— Твой брат мертв, — ответила богиня.

Ее ответ вскрыл старую рану, которая, как я думала, давно зарубцевалась. Видение подсказало, что мой брат и Янила Серый Плащ покончили жизнь самоубийством. Хотя они совершили этот шаг без сожаления, уверенные в том, что найдут другую, более радостную жизнь в великолепном потустороннем мире, мое сердце все еще кровоточило при воспоминаниях об этом событии.

Я старалась спрятать свою боль от богини.

— Тогда найди другого Антеро, — сказала я, — выбор практически неограничен. Я родом из плодovитой семьи.

«Только мне не повезло, — подумала я. — Я люблю детей спокойной любовью. Ведь они — чужие. Материнские чувства мне незнакомы».

Но сейчас я стояла обнаженная и дрожащая рядом с могилой посреди большой ледяной пещеры.

— Все Антеро мертвы, — продолжала Маранония, — кроме тебя и еще одного человека...

Я отшатнулась, услышав эту страшную новость. Какая же катастрофа могла погубить всю мою семью?

Богиня взмахнула рукой, и мне вдруг стало тепло. Я огляделась и увидела, что на мне рубашка, леггинсы и верхняя одежда стражника Маранонии. На плече красуется капитанский знак отличия. Я почувствовала, как в мочках ушей появились сережки. Мне не требовалось щупать их, чтобы точно узнать, какие подвески выбрала богиня. Одна должна быть миниатюрной копией золотого факела Маранонии, а другая — копьа. Я вздохнула и попросила:

— Покажи мне.

Богиня снова взмахнула рукой.

Взметнулось облако ярко-красного дыма и разошлось, как занавес. Перед моим взором предстала комната. В кровати лежал маленький ребенок. Две вооруженные женщины в форме стражниц стояли по сторонам кровати.

Обе женщины были седыми — как старые солдаты.

Неподалеку я слышала крики и бряцание оружия.

У ребенка были рыжие волосы Амальрика. Локоны обрамляли нежное лицо с фарфоровой кожей и глазами цвета моря, долго целовавшегося с солнцем.

Спокойным тоном Маранония сказала:

— Она дочь твоего убитого племянника. Ее называли Эмили в память о твоей матери.

Я снова поежилась, но теперь уже не от холода.

Раздался электрический треск волшебного грома, и ребенок вскрикнул, выставляя маленькую дрожащую руку, как будто бы хотел защититься от удара. Инстинктивно я шагнула вперед, чтобы отогнать угрозу, нависшую над ним.

Снова за клубился алый дым, и видение исчезло.

В моей голове роились вопросы. Кому потребовалось причинять зло такому прелестному младенцу? И почему? Как будто бы прочитав мои мысли, богиня сказала:

— В Эмили скрыты задатки огромных сил, Рали. Значительно более мощных, чем твои. В ней последняя надежда Ориссы. Если Эмили будет убита, то все те жертвы, которые принесли ты и твой брат, будут напрасны. И, по всей вероятности, надежда будет потеряна. Где же я тогда найду Антеро, когда не будет ни тебя, ни Эмили?

— Так кто же сотворил все это зло? — спросила я.

Пока я ожидала ответа на вопрос, мои глаза исследовали оружие; во мне возродились воспоминания о былом мастерстве воина.

— Ты знаешь ее, — сказала наконец богиня, — как Птицу Лиру.

Удар был таким, как будто бы я попала между двух столкнувшихся рыцарей в доспехах.

— Новари? Но я же убила ее!

Богиня сделала вид, что не слышит.

— Когда в очередной раз в Ориссе выпадет снег, — сказала она, — Эмили достигнет первого уровня своего могущества. Наши враги намерены не допустить этого.

Я была поражена:

— У меня есть только год? И это все? Почему так мало, ведь года едва хватит, чтобы добраться до дома! — Но я уже приняла решение.

— Тем не менее, — ответила Маранония, — мне разрешили предоставить тебе лишь этот срок.

— Кто устанавливает ограничения? — настаивала я. — Какой дурак командует небесными делами? Покажи мне это неприкосновенное лицо, чтобы я смогла плюнуть в него!

Мои эмоции выплеснулись в пустоту. Богиня исчезла.

Применив ряд заклинаний, я пополнила запасы и загрузила трюмы корабля. Мой корабль был небольшим и быстроходным, с одной мачтой и легким управлением. Паруса, как и корпус корабля, были серебряными. Я назвала корабль ласковым именем «Сияние».

Я старательно собрала оружие, завернула его в промасленную материю, произнесла заклинания, защищающие от ржавчины, положила в сундук и заперла его на ключ.

Закончив подготовку к отплытию, я подошла к могиле. Она была прозрачна, как голубое стекло. Салимар казалась маленькой на огромном ложе, которое еще недавно мы делили. Ее золотисто-каштановые волосы разметались на подушке, и, когда мои пальцы коснулись их, я испытала ощущение, похожее на боль. Наши руки соединились, и мы снова погрузились в мир грез и сновидений, без счета времени... Но хмурая тень пробежала по прекрасному лицу Салимар, и я поцеловала морщинки, чтобы разгладить их.

Салимар произнесла мое имя и потянулась ко мне.

Но я не могла больше оставаться.

Я прошептала обещание, но не была уверена, что выполню его. После этого я снова поцеловала Салимар, закрыла резную ледяную крышку, чтобы предохранить ее от возможных неприятностей.

Я взошла на палубу корабля, взялась за румпель и произнесла заклинание.

Сверкнула молния, и грянул гром, раскат которого поглотил мои прощальные слова.

После этого я поплыла под серебряными парусами по ледяному морю. Попутный ветер помогал мне.

Я никогда не думала, что буду вести дневник. Дневник, который я вела, — история, полная приключений, и доставила мне много трудных моментов. Я не так грамотна, как мой брат, поэтому я прибегла к услугам переписчика, чтобы скрыть свою неотесанность. Это, похоже, было целесообразно, потому что продавцы книг на развалах по многу раз в день восхваляли мои произведения, но, без сомнения, только благодаря веселому звону и шелесту поступающих в их кошельки денег.

На этот раз я обошлась без переписчиков. Они — желчное и ограниченное племя, буквально сводившее меня с ума своим романтическим бредом. К тому же мой стиль, вероятнее всего, улучшился в результате пятидесяти лет тренировки. Он не ограничен окончательно, но все-таки, я надеюсь, что мои слова — не мышинный помет.

Читатель, имей в виду: эта книга — не для благодушных. Если вы испытываете отвращение, если вы раздражены и оскорблены моим интересом к женщине, — закройте эту книгу. История, рассказанная в ней, полна не только любовных переживаний и эротических сцен.

Поэтому я бы настоятельно посоветовала вам обязать кого-нибудь из ваших близких прочитать эту книгу и рассказать остальным о тех предупреждениях, которые она содержит.

Я шла под парусами по направлению к Южному морю, но с трудом продвигалась вперед. Я уклонялась от шквалов, пробивалась сквозь огромные ледяные поля, а однажды несколько дней маневрировала вблизи айсберга размером с остров, пытаясь обогнуть его. Лед айсберга был розового цвета, с голубыми полосками, и когда я бросала кусочки этого льда в мой бокал с теплым вином, оно бурлило и пенилось.

Хотя мне предстоял дальний путь — пять тысяч или более лиг [Лига — морская мера длины, равная 5,56 километра], — хорошо, что я задержалась именно в первые дни. На дне мира, где сезонные изменения противоположны климату Орииссы, все еще было лето. Здесь было только два времени года: зима и лето. В течение шести циклов солнце никогда не поднимается над горизонтом, стоит непрерывная ночь с невообразимо яростными штормами, которые внезапно налетают с гор и смешивают лед и камень. Холод настолько свиреп, что очень немногие существа могут выжить. Те, кто построил здесь жилища, наиболее стойки и упорны из всех обитателей Земли.

В течение следующих шести циклов луны солнце не заходит. Шторма налетают реже, хотя иногда дует ветер, способный так разогнать летящее копьё, что оно пробивает самую крепкую броню.

Холод в этот период переносится легче.

Слезинка, катящаяся по щеке, все так же замерзает, но она не взрывается с резким звуком, как капли расплавленного железа, падающие в воду, или масло, когда кузнец закаливает поковку.

Я использовала первые дни путешествия в Орииссу для того, чтобы окончательно стряхнуть оцепенение после удивительного сна. Когда я легла в могилу вместе с Салимар, мне было около сорока лет. За пределами нашего ложа прошло пятьдесят лет. В королевстве Салимар пять десятилетий равны по продолжительности пяти месяцам, поэтому, когда я проснулась, мне все еще не хватало нескольких месяцев до сорока лет.

Мое тело затекло, мои движения были неуверенны, поэтому несколько раз я не сумела удержать в руке канат, с помощью которого регулируется площадь парусов. Беспокоило также и то, что мое воинское мастерство также могло сойти на нет, поэтому я не имела права спокойно ждать, когда появится неизвестный враг и проверит его.

Пока позволяли погодные условия, я следовала за стаей дельфинов, плывущей по направлению к большому айсбергу с плоской вершиной, около которого скопились многочисленные косяки жирной рыбы, явно искушавшие дельфиний аппетит.

Я поднялась на этот айсберг с самым тяжелым боевым снаряжением. Я упражнялась в боевом искусстве, повторяя приемы до полного изнеможения. Я пыхла, как старая морская

львица, неожиданно попавшая под полуденное летнее солнце. И я уже не могла шевельнуть и пальцем, а мне предстояло раздеться догола, растереть тело снегом и пуститься в сумасшедшую пляску, чтобы согреться. Я устроила великолепный спектакль тюленям и пингвинам, которые собрались посмотреть на странное существо с розовой кожей, которое громко кричало, гикало, подпрыгивало и кувыркалось, совершенно не стесняясь своих движений.

Мне не пришлось жалеть о времени и силах, затраченных на упражнения. Каждый день, вглядываясь в зеркало, я видела, как нарастают мускулы. Моя кожа приобрела здоровый цвет, и я поддерживала ее эластичность путем массажирования с теплым ароматным маслом. Для того чтобы сделать Салимар приятное, я отрастила волосы — однажды она сказала, что ей нравится ласкать их. Салимар называла их золотыми полями любви. Длинные волосы могут доставить удовольствие возлюбленной, но и у врага есть причины обрадоваться им. За косу можно схватить, когда хочешь перерезать горло. Поэтому я подрезала волосы с помощью бритвы так, чтобы их можно было скрыть шлемом. Думаю, это придало мне мальчишеский вид, хотя до сих пор никто не впадал в заблуждения, глядя на мою фигуру. Вряд ли найдется много желающих дразнить меня, если я войду в таверну в мужской одежде, не скрывающей пиратскую повязку на глазу, шрам на щеке и золотую руку.

Когда мои ноги приобрели былую сноровку и я смогла более уверенно ходить по качающейся палубе, отчаянно цепляясь за ускользящий парусный канат, в попытках сделать необходимую на судне работу, я приступила к следующему этапу тренировок.

В дело пошло оружие — меч, лук, кинжал и топор. Моя подруга Полилло была большим мастером боя на топорах. Она была могуча, хотя ее фигура сохранила девические формы: вообразите себе красавицу ростом более двух метров, которая может без усилий поднять каменный блок из фундамента крепости. Я видела однажды, как она одним ударом сбила щиты у шеренги нападавших на нее воинов, а потом сокрушила нападавших, превратив их в бесформенное месиво доспехов и тел.

«Боже мой, — подумала я, — если бы Полилло была со мной, то исполнить задуманное оказалось бы значительно проще». Но она мертва. Для того чтобы убить Полилло, потребовались усилия одного из самых мощных колдунов — последнего Архонта Ликантии.

Я с грустью вспоминала свою подругу, пока затачивала боевой топор и устанавливала мишень — запасную крышку люка, приблизительно равную по площади фигуре мужчины. Мой первый бросок был неточным, топор расщепил поручни и едва не вылетел за борт. Я привязала длинную кожаную веревку к рукоятке топора, другой конец которой обмотала вокруг талии, надеясь, что это поможет мне вернуть топор в том случае, если я промахнусь еще раз. Бросив топор второй раз, я попала в люк, но в полете топор очень быстро кувыркался, поэтому ударился обухом.

Я начала думать об ошибках, которые совершила при этих бросках. И снова вспомнила Полилло и то, как она учила наших новобранцев метать топор.

«Так что же придумать, чтобы ты сконцентрировался? — изумлялась, бывало, она на незадачливого новичка. — Вынь сиську из уха и слушай. Видишь вон ту цель? — Испуганный новобранец охотно кивал головой. — Оцени расстояние до цели. Далеко? — Голова новобранца истово качалась из стороны в сторону. — Ты хочешь мне сказать, что метала эту проклятую штуку целый день, а теперь не знаешь, на какое расстояние она улетит в очередной раз? — Пристыженный кивок. — Хорошо, тогда измерь расстояние шагами».

Ученица старательно измеряла дистанцию до мишени шагами, потом трусцой возвращалась к Полилло, чтобы сообщить результат.

«Двадцать шагов, говоришь? Очень хорошо. Теперь смотри внимательно».

Полилло не спеша отходила подальше от мишени, давая при этом наставления:

«Думай о своей руке, бросающей топор, как о бруске железа.

Не сгибай ее в локте и, ради всех святых, ни в коем случае, я настаиваю, не сгибай руку в запястье. Теперь о ноге. Она продолжение руки, руки, сделанной из цельного куска железа. Так, дальше: перед тем как бросить, сделай шаг вперед другой ногой. Не совсем полный шаг.

Держи всю эту сторону тела в напряжении. Не старайся применить физическую силу, силу руки и плеча. Бросок получится слабым, как у недоноска, который моет туалеты в забегаловке. Используй всю мощь тела, направляя бросок... и отпускай топор... вот так!»

И Полилло бросала. Медленно повернувшись в полете только один раз, топор обрушивался на голову мишени, войдя в нее так глубоко, что только сама Полилло могла вытащить его.

«Ты видела, сколько раз топор перевернулся?» — спрашивала она.

Ученица охотно кивала и показывала один палец.

«Именно так — только один раз. Правильно брошенный топор поворачивается один раз на расстоянии двадцати шагов. Если до мишени сорок шагов — то два раза. Если десять — делает пол-оборота. Тридцать — полтора. Уловила?»

Следовало энергичное кивание, так как теперь ученице казалось, что она узнала главный секрет, и, естественно, она спешила проверить, как тот работает. Если будущая стражница Маранонии добросовестно выполняла указания Полилло, она редко ошибалась вновь.

Я вспомнила грубые инструкции Полилло после третьей неудачной попытки. Сколько до мишени? Десять шагов. Тогда пол-оборота. Рука-железо. Приварена к ноге. Не сгибай локоть, не сгибай запястье. Короткий шаг вперед левой ногой. Бросок.

Топор глубоко вошел в крышку люка.

Я никогда не выбирала топор в качестве боевого оружия. На мой взгляд, метнуть его во врага — последнее средство. Но он может быть полезен для отражения атаки превосходящих сил противника; тогда ничто не может улучшить настроение так, как мощные, повторяющиеся удары, которые заставляют напряженно работать все тело.

Моя левая, искусственная, рука очень сильна. Поэтому я всякий раз должна быть уверена, что правая не оставлена без внимания, хотя я думаю, что она никогда не сравняется по силе и ловкости с левой, не только потому, что левая сделана из металла, но и потому, что это — волшебный металл, содержащий вещества, которые я добыла у Новари. Я называю ее «божественная рука».

Она может выдержать очень сильный жар и предельный холод. Сила захвата искусственной руки такова, что в ней крошится камень. Но самым замечательным ее качеством является то, что она действует как настоящая: я могу сгибать ее пальцы, вращать большим пальцем — делать все, что угодно, только не скрипеть суставами. Божественная рука действительно бесподобна. Но я потеряла ее младшую и более слабую сестру — живую руку. Она хорошо послужила мне. Призрачные нервы вновь напомнили о себе, как будто бы требуя вернуть утраченное.

Я тренировалась до тех пор, пока промахи не стали минимальными. Пришлось немало потрудиться, потому что с одним глазом часто бывает довольно трудно правильно оценить расстояние. Неудобство было уменьшено в моем случае благодаря тому, что латка, которую я носила, чтобы прикрывать глазницу, была сделана из того же материала, что и рука. С ее помощью я могу заглядывать в Другие Миры по своему желанию, не прибегая к заклинаниям. Я называю ее «божественный глаз».

После упражнений с топором настал черед взяться за меч.

Так как моя физическая сила изо дня в день нарастала, я должна была позаботиться о сохранении ловкости и быстроты движений. Меч всегда был для меня любимым видом оружия, и я не хвастаюсь, когда говорю, что ни разу не встречала ни мужчины, ни женщины, которые могли бы превзойти меня в искусстве владения клинком. Но я знаю, что на самом деле такой человек существует. Такова природа наших возможностей. Не имеет значения, насколько хорошо вы овладели тем или иным мастерством, всегда найдется тот, кто превосходит вас. Будучи молодым воином, — а юность моя прошла в частых дружеских попойках, — я мечтала встретиться с человеком, который заставил бы меня испытать мои возможности. Это доказывает только то, что недостаточно иметь внешние отличительные признаки и гордиться ими, для того чтобы быть мужчиной. Конечно же, моя юношеская

«мечта» — каприз.

Несмотря на то что я продолжала, стеля и испытывая физическую боль, оставаться в человеческом теле, очень важно было не забывать мою неземную сущность. Поэтому я достала волшебный сундучок и распаковала волшебные свитки и манускрипты, мази, пудры и другие принадлежности заклинателя духов.

Сначала я вызвала с помощью заклинаний мелкие предметы — стеклянную бусинку, клочок красного пергамента, каплю духов, обладавших мощным и устойчивым запахом, наполнившим всю каюту, большого жука с крылышками, окрашенного в зеленый и черный цвета, жужжание которого в полете напоминало мне пение сладкоголосой птицы. Потом я превратила этого жука в предназначенное Салимар сверкающее бриллиантовое ожерелье в форме жука-скарабея, которое могло издавать музыкальные звуки и источать аромат.

Я овладела искусством заклинателя будучи не первой молодости и без особого желания. Жестокая нужда и злая воля старой слепой колдуньи заставили меня преодолеть нежелание. Случайно я узнала, что необыкновенные способности передались мне по наследству от матери. Именно по ее линии некоторые члены семьи Антеро наследуют талант волшебника. Я применила этот талант на то, чтобы уничтожить Архонтов Ликантии и положить конец древней угрозе, нависшей над Ориссой.

Амальрику не было даровано необыкновенное наследие — божественное или дьявольское, кто знает, но его присутствие, казалось, всегда увеличивало напряженность волшебного поля, в особенности когда Амальрик был в сопровождении двоих из семьи Серого Плаща — Яноша или Янилы. С Яношем он обнаружил Далекие Королевства — это стало величайшим достижением в истории нашего народа. С Янилой он превзошел этот подвиг, совершив путешествие в Королевство Ночи, чтобы присоединиться к Старейшинам и сокрушить демонического короля, Бааленда, который ввергнул человечество в тысячелетний период мрака и забвения. А в качестве небольшого прощального подарка всем Амальрик помог Яниле Серый Плащ открыть закономерности, действующие в сфере как физических сил, так и магических.

Амальрик совершил свое последнее, наиболее трудное путешествие, будучи старым человеком. Опасности, с которыми он столкнулся, активизировали мой спящий мозг до такой степени, что видения о них четко отпечатались в моем подсознании. Это был единственный случай такого сильного возмущения за все пятьдесят лет блаженного сна. Поначалу я не видела никакой возможности помочь Амальрику. Потом я сформулировала заклинания, благодаря которым брат становился моложе по мере продвижения к цели до тех пор, пока он не приобрел силу и выносливость мужчины в расцвете лет. Амальрик так и не понял, кто вызвал изменения его биологического возраста. Его настолько не интересовало, как он выглядит, что я иногда сомневалась в том, что он задумывался об этих изменениях.

Когда он обрел покой, а я вернулась в свою обитель, я подумала, что в том мире, который мы оба оставили, все сложится наилучшим образом. Грядущее представлялось веком великого духовного просветления.

По мере того как я тренировалась для достойного выполнения предстоящих обязанностей, нарастало ощущение, что что-то неладно. Позже я вспомнила прощальные слова Амальрика. Так как он записал эти слова в бортовом журнале, они стали настолько могущественными, что преодолели огромные расстояния, разделявшие нас. Я услышала их, находясь в ледяной пещере, так ясно, как будто бы Амальрик сидел рядом со мной:

«... Я заключил соглашение с королем Солярисом. Все знания, которые получила Янила, будут переданы жителям ОриССы. Для этого в путь скоро отправится несколько колдуний, и я прошу тебя оказать им достойный прием. Они принесут правду о том, что именно двое из семьи Серый Плащ украли у богов. Если правда о краже будет дарована всем обитателям ОриССы, то мы наконец освободимся от наших хозяев, которые так ревностно оберегают этот секрет. Совершая предначертанное, ты не должна ничего бояться. Но если эта тайна будет спрятана от людей за семью ржавыми замками в старом пыльном чулане, обязательно наступит роковой день, когда все проклянут тех, кто убил Бааленда, и назовут

мучения, на которые он обрек народ, суровой добротой отца».

Предупреждение, которое сделал брат, было совершенно ясным. Но прислушались ли к нему? Не явилось ли молчание народа причиной угрозы, нависшей над Ориссой? Не потому ли моим сестрам из войска Маранонии грозит смертельная опасность? Не в этом ли причина того, что все Антеро, кроме моей маленькой племянницы Эмили, убиты?

Маранония ничего мне не рассказала. Я почувствовала, как при воспоминании о богине во мне вновь разгорается гнев. Почему она не могла быть до конца откровенной со мной? Почему она сохранила практически все главные события в тайне и даже не намекнула, что я должна сделать?

Я нервно перебирала отполированные косточки, необходимые для заклинаний. Своим безразличием боги способны свести с ума. Они восседают на тронах в небесных дворцах, время от времени вставая и вновь садясь, оправдывая одних и наказывая других, поощряя одно и запрещая второе, — людская жизнь проходит мимо них. И горе тому простому смертному, который осмелится вызвать у правителя искренние чувства.

Однако богиня была откровенна, по крайней мере относительно трех вещей.

Первое — у меня есть только год на то, чтобы во всем разобраться и устранить угрозу Ориссе.

Второе — моя неудача обернется огромной катастрофой.

Третье — за всеми злодеяниями стоит Птица Лира.

Новари — внешне прекрасный и злодейски могущественный дьявол в образе женщины, любящий приходить ночью к спящим мужчинам, — дьявол, который однажды чуть не уничтожил меня. Именно в битве с Новари я потеряла руку и глаз.

Так как Новари снова мой враг, мне потребуется гораздо больше мужества и изворотливости, чем в битве против последнего Архонта из Ликантии.

Я вернулась к напряженным тренировкам, удвоив усилия. Ключ к победе над Новари, подумала я, — в анализе событий, которые привели к нашей первой встрече.

Я начала вспоминать.

Глава 2. АМАЛЬРИК

Из тех, кто знал моего брата, в живых осталось всего несколько человек. Память о нем осталась по большей части в книгах. Некоторые из тех сокровищ, которые он добыл во время путешествий, до сих пор выставлены в музеях, а его облик запечатлен на портретах, в бюстах, статуях, которые так привлекают птиц... У Амальрика нет ни могилы, ни гробницы, чтобы, по обычаю, отметить заслуги выдающегося жителя Ориссы, потому что его пепел был смешан с пеплом Янилы Серый Плащ и, в соответствии с последним желанием обоих, развеян над водой его любимой реки, протекающей через столицу к морю.

Я сомневаюсь, что простые люди часто упоминают его имя; многие из этих людей — дети и внуки рабов, отпущенных на свободу. Но, с другой стороны, вы то и дело убеждаетесь в том, что наша семья стала притчей во языцех.

«Счастлив, как Амальрик Антеро» — одна из расхожих фраз. А если вы говорите: «Я вам обязан честью Амальрика», это означает не подтвержденную по вашей вине гарантию или неоплаченную долговую расписку. Большая часть людей, по-видимому, и не догадывается об истинном происхождении таких поговорок. Один из моих любимых сарказмов звучит так: «Видать, он думает, что знает больше, чем Амальрик Антеро». Мой брат тут же учуял бы двойную иронию, скрытую в этой фразе. Амальрик более, чем кто-либо из тех, кого я знала, любил иронию.

Он повидал в жизни гораздо больше вещей и мест, чем кто-либо еще. Он столкнулся с огромным количеством препятствий и опасностей и преодолел их. Амальрик испытал больше всех печали в жизни, включая предательство лучшего друга в юности, а в более зрелом возрасте — измену единственного из оставшихся в живых ребенка. Но ему довелось

пережить и большую любовь.

Амальрик часто поговаривал, что Янош Серый Плащ — самый мудрый человек из всех, кого он встречал. Думаю, что Серый Плащ знал, насколько Амальрик в действительности небезразличен к нему. Такая похвала — это нечто совершенно не похожее на моего брата, который в зрелом возрасте знал гораздо больше, чем Янош.

Итак, я сестра легендарной личности, Амальрика Антеро, величайшего путешественника, искателя приключений, первооткрывателя новых торговых путей, ученого.

Для меня он всегда оставался мальчуганом с огненно-рыжей шевелюрой и такой нежной кожей, что она отражала малейшие движения его души. В детстве он был озорником, в юности — щедрым и непрактичным, а в зрелом возрасте — наидобрейшим из всех людей, кого я знала.

Будучи ребенком, Амальрик без конца оказывал небольшие тайные услуги как простым работягам, кухонным работникам, занятым на мытье посуды, так и детям обеспеченных родителей. Делал он это так, что никто не догадывался о его участии и принимал все за везение, игру случая. Повзрослев, преодолев все соблазны лени и праздности, которые порождает богатство, он пренебрег всем ради дружбы. Амальрик был предан Яношем Серый Плащ столь низменным образом, что, по моему разумению, имя Яноша должно было стать нарицательным для обозначения предательства. Несмотря на это, мой брат остался самым яростным защитником Серого Плаща. После того как они поссорились, Амальрик стремился понять причины поступка Яноша, а в конце жизни простил его, придя к выводу, что добрые дела друга перевесили причиненное им зло.

Несмотря на то что я на несколько лет старше Амальрика, мы были всегда очень дружны и полностью доверяли друг другу. Будучи ребенком, он считал меня героиней — и действительно, должна честно признать, когда я стала молодым воином, мое самочувствие значительно улучшалось, если я замечала гордый блеск в его глазах. Помню, однажды я собиралась на каникулы после нескончаемых недель учений, когда надоедливые сержанты продавливали мне череп и просверливали уши обвинениями в тупости и неуклюжести, Амальрик тихо вошел в мою комнату и попросил показать ему новые приемы боя на мечах.

Он никогда не считал странным, что его сестра — воин. Он был уверен, что мой интерес к женщинам — больший, чем к мужчинам, — в порядке вещей. На самом же деле Амальрик использовал это обстоятельство к немалой выгоде для себя в период необузданных и беспорядочных юношеских связей, настойчиво выпрашивая у меня об особенностях женского поведения в тех или иных ситуациях, полагая, что в этих делах я должна быть вдвойне более опытна.

Инстинктивно Амальрик догадывался, что женщинам в Ориссе были отведены только четыре роли: дочери, матери, жены и представительницы древнейшей профессии. Некоторым, включая меня, была позволена пятая роль — одной из стражниц Маранонии, которые на протяжении многих лет обороняли столицу государства, заплатив за эту честь отречением от мужчин. Для большинства из нас последнее вовсе не являлось жертвой.

В более поздние годы своей жизни Амальрик открыл мне путь к шестой роли. После моего возвращения из путешествия по Западному морю я вдруг обнаружила, что моя карьера солдата близится к концу. Я видела потоки крови, во многих случаях сама ее проливала. А кроме недавно открывшихся магических способностей, у меня появилась страсть к путешествиям, которая является сущим проклятием всего рода Антеро. Знакомое окружение быстро утомляло меня. Я стремилась познать неизведанное, спрятанное под покровом жгучей тайны, там, где свежие ветры вздымают волны на пустынных морях, а лучи солнца освещают далекие горы, на которых не бывала ни одна живая душа.

Амальрик добыл для меня назначение в качестве заклинателя, мне предстояло руководить очередной экспедицией. На меня произвела очень сильное впечатление не сама по себе оказанная мне услуга, а то, что Амальрик сумел такое придумать. Сама я толком не знала, чего хочу... и это меня очень сильно тревожило. Говоря откровенно, я и поныне являюсь единственной женщиной, когда-либо занимавшей должность заклинателя, — и это

обстоятельство исчерпывающе характеризует нравы Ориссы.

Чем Амальрик запомнился мне больше всего — так это своей улыбкой. Клянусь богами, он умел улыбаться! Улыбка казалась необыкновенно широкой и светлой на безбородом лице моего брата, его губы и щеки так краснели, что затмевали его огненно-рыжие волосы.

Последний раз я видела улыбку Амальрика пятьдесят лет назад.

Я шла морем в Ориссу, ведя четыре корабля, нагруженных ценным товаром. У меня были все основания быть довольной собой. Эта торговая экспедиция складывалась наиболее успешно из всех, совершенных ранее. В моем жизненном багаже было уже четыре подобных путешествия, в трех из которых я была заклинателем духов, а сейчас, в четвертом, — главой торговой миссии. В мои обязанности входила не только защита экипажа, кораблей и товара с помощью магии, но и руководство всеми коммерческими операциями. В соответствии с устоявшимися традициями ориссианских торговых мероприятий капитан и его военные инструкторы технически обеспечивали безопасность плавания и оборону от нападений. Несмотря на то что единственная цель подобных путешествий состояла в получении прибыли, мое слово имело вес практически во всех случаях.

Так повелось, что раз флот идет под флагом одного из Антеро, то его слово — закон. У меня наступила счастливая полоса в жизни, мои корабельные апартаменты ломились от всевозможных редкостей — ковров ручной работы, лечебных трав, парфюмерии, пряностей, самоцветов, драгоценных металлов, тяжелых связок хорошо выделанных кож и бесценных мехов.

Все это было честно заработано, и я знаю, что Амальрику было бы приятно услышать о том, как все в Ориссе воочию убедились, насколько все-таки был прав мой брат, сделав меня заклинателем духов флота и создав немыслимый ранее прецедент. Радость от встречи могла превзойти все ожидания, потому что я возвращалась в разгар праздника, который следует за месяцем сбора урожая.

Вино, веселье попеременно с хмельными забавами и откровенным распутством, всеобщее воодушевление и, конечно же, деньги растекались во все стороны широкими потоками, переполняя столицу. Первый же встречный купец рассказал бы вам, насколько превосходен этот момент для получения небывалой прибыли. Самое удивительное состоит в том, что и это обстоятельство также могло бы упрочить мою репутацию.

Но, когда мы входили в гавань, мой эмоциональный настрой предвещал жесточайшую бурю. Я быстренько поменяла костюм заклинателя на неприметную одежду простой горожанки и незаметно ускользнула с корабля, едва он пришвартовался вблизи принадлежащих Антеро пакгаузов, оставив заботу о разгрузке добытого и портовых формальностей Карале — капитану нашей маленькой флотилии.

Стоял жаркий солнечный полдень, улицы и таверны уже звенели гомоном. Я пробиралась через Чипсайд и Центральный рынок.

Подвыпившие фермеры сбили наземь и ударами своей грубой обуви пинали яркую вывеску с изображением двух встречных струй — вина и звонких монет. Надо отдать должное трудягам от сохи — каждый год в это время они в поте лица собирают немало пшеницы и другого зерна.

Воздух был пропитан горячим, опьяняющим фимиамом, похожим на дым жертвенного костра индейцев, запахом жареного мяса и орехов, мускатным ароматом, исходившим от женщин в масках, для многих являвшихся чуть ли не единственным одеянием, — как нимфы они вышли из темных загадочных аллей, оставив позади запряженные экипажи с занавешенными окошками. Я видела, как нарядно одетые бедняки играли в популярную игру «найди горошину» с прожорливыми фермерами. Из таверн раздавались возбужденные голоса празднующего люда, то и дело превозносившие удачу, выпавшую на долю кого-нибудь из игроков в кости. Играли в распространенную в Ориссе игру «Заклинатели и Дьяволы» картами, которые, как они уверяли, были совершенно некраплеными. Карманные воришки усиленно трудились в местах заметного скопления народа, со всего маху налетая на

ничего не подозревающего прохожего или же занимая его незначительными разговорами, пока их напарники спокойно вытаскивали кошельки и опустошали сумки.

Со всех сторон доносилась музыка. Уличная толпа обжимала меня, пока я пробиралась сквозь нее. Многочисленные зрители собрались посмотреть на аттракционы, развернутые цирком-шапито: фокусников-шпагоглотателей, жонглеров, необычно одетых, с раскрашенными лицами артистов, канатоходцев, балансирующих на стальных тросах, туго натянутых между крышами домов. Маленькие озорники мальчишки то и дело бросали дымовые шашки куда попало; маленькие девочки, с торжественными лицами восседающие на плечах родителей либо прилепившиеся к отцам сбоку, непрерывно щебетали и радостно размахивали руками. Вальяжные ухажеры с важным видом демонстрировали мускулы хихикающим девицам, одетым в пестрые, праздничные платья и украсившим хорошо уложенные волосы цветами и бусами.

Главная магистраль города была заранее перегорожена канатами, чтобы хоть как-то направить движение ночного шествия и не дать ему выйти из берегов, в особенности когда начнутся праздничные фейерверки и волшебные представления. Вершиной праздника должен был стать большой костюмированный карнавал.

Я заплатила совершенно невероятную сумму, чтобы нанять лошадь, страдающую костным шпатом [Костный шпат — одно из распространенных заболеваний лошадей], и отправилась на виллу моего брата, расположенную приблизительно в часе пути от Ориссы. Не успели мы проехать и половины расстояния, как лошадь захромала, и я была вынуждена вести ее под уздцы вдоль пыльной дороги. Мы представляли собой жалкое зрелище: лошадь хромала, я обливалась потом под палящим полуденным солнцем, с усилием продвигаясь вперед качающейся морской походкой, выработанной за многие месяцы странствий.

Когда я приблизилась к длинному низкому забору, ограждавшему бескрайние владения моего брата, я услышала, как Омери играет на флейте. Мелодия была приятна, и я вдруг почувствовала, как улетучивается моя усталость. Казалось, ветер с моря принес прохладу и воздух приобрел запах цветущих фруктовых деревьев и молодого вина.

Похоже, Омери ощутила мое присутствие, так как сладкая мелодия неожиданно перешла в традиционное приветствие, которым обычно встречают возвращающихся из дальних странствий моряков. Мое сердце невольно защемило, пульс участился, а руки уже сами обнимали дорогих мне людей. Амальрик приветствовал меня на пороге, и его радость от встречи со мной была настолько велика, что я на какое-то время позабыла истинную цель своего поспешного визита.

Смыв с лица дорожную пыль и облачившись в чистые одежды, предоставленные Омери, я последовала за братом и его женой в сад, к могиле матери.

Цветущие деревья всегда были одним из самых сильных увлечений матери, доставляли ей непередаваемую радость; и после того как она умерла, сначала отец, а потом Амальрик затратили очень много усилий для того, чтобы в саду все оставалось так, как любила мама. Вместо того великолепия, которое вы встречаете в большинстве богатых домов, в нашем саду присутствовала некоторая приятная неухоженность, которая давала ощущение того, что вы находитесь в диких зарослях, не тронутых рукой садовода. Тропинки были узки, клумбы — без цветов, а деревьям, кустарникам и другим (уже по большей части одичавшим) растениям была предоставлена полная свобода, некоторым было даже дозволено в беспорядке расти среди посаженных ранее, нарушая симметрию.

Я отвечала за состояние маминой могилы, простого каменного надгробия, стоящего под небольшим розовым деревом. Несложное заклинание, мысленно произнесенное мной, вызвало небольшую струйку воды, омывшую камень и мох, растущий у его подножия.

Амальрик хорошо знал, насколько сильно я привязана к этому месту, поэтому он приказал слугам накрыть стол неподалеку от него. На кустах роз, в изобилии растущих вокруг, лениво копошились и негромко жужжали пчелы; а осы, совершенно пьяные от винограда, который сушился на шестах, неистово бились о камень и как будто бы изумлялись, что он не поддается их усилиям и не реагирует на яростные жала.

Хозяева накормили и напоили меня досыта, поделившись при этом последними слухами. Омери была, как всегда, прекрасна: длинные красивые руки, шелковистая кожа, почти такие же рыжие, как у Амальрика, длинные волосы. Она была одета в короткое белое платье с вырезом, узость талии была подчеркнута простым зеленым поясом.

Потом я увидела в ее глазах огонек, который всегда загорался, когда она хотела посекретничать, и я была почти уверена, что и сейчас Омери готова сообщить мне новости, не предназначенные для посторонних ушей. Несмотря на то что ее живот был плоским, как у девушки, я заметила, что ее груди казались набухшими под легким платьем. А когда она поворачивалась или поднимала руки, она делала это так осторожно, как будто бы ее грудь была предметом особой заботы. Для того чтобы окончательно убедиться в своей догадке, я склонила голову, сделала незаметное магическое движение пальцами и прислушалась.

Я смогла услышать биение маленького сердца. Я выпрямилась, улыбнулась, и Омери всплеснула руками.

— Смотрю, тебе уже известен наш маленький секрет, Рали, — сказала она.

Я рассмеялась:

— В противном случае я не имела бы права называться волшебницей, Омери, хотя яркий румянец на твоих щеках и особый блеск твоих глаз и так все рассказали мне.

Амальрик улыбнулся и сказал:

— Тебе, дорогая сестра, вскоре предстоит стать тетушкой. Если родится девочка, мы назовем ее Рали в твою честь.

— Если ты мечтаешь о девочке, то тебе, братец, придется как можно быстрее позаботиться о следующем ребенке, — ответила я, — или я ничего не стою как колдунья, или тот, кто созревает в Омери, будет мальчиком.

Омери была в восторге.

— Тогда мы назовем его Клайгиусом в честь деда, — сказала она. — К сожалению, я никогда его не знала, он умер вскоре после моего рождения, но оставил мне на память вот эти трубы. — Омери показала на изящные инструменты, лежащие рядом. — Ты знаешь, он был музыкантом в суде. И все мы надеялись, что тот ребенок, которого носила моя мать под сердцем, с рождения будет следовать традициям.

Омери была дочерью Ирайи — земли, которая была известна нам как Дальние Королевства. Мой брат встретил ее и влюбился в то время, когда вместе с Яношем Серый Плащ был в тех краях.

— Клайгиус, — повторила я, — что ж, это имя звучит достаточно твердо.

— На вашем языке оно означает «навсегда верный», — сказала Омери.

— Теперь у тебя есть сын, которого необходимо растить, для того чтобы в будущем он взял на себя заботы о семейном бизнесе, — сказала я Амальрику, — думаю, что мало-помалу ты перестанешь надолго отлучаться из дома.

Амальрик кашлянул и сказал:

— Ты что же, уже запланировала мою отставку? Все-таки малышу придется довольно долго обходиться без меня, так как я намерен путешествовать до тех пор, пока есть силы.

— О Великий заклинатель духов, расскажи нам, — нараспев, но далеко не в шутку произнесла Омери, вступая в разговор, — будут ли боги благоприятствовать Клайгиусу? Не погадаешь ли ты ему на счастье, Рали, сделай милость!

Я ворчливо отвечала, что мне надо было заранее подготовиться к такому ответственному мероприятию, но втайне я была польщена просьбой. На самом деле я считала за большую честь быть первой, кто сумеет предсказать судьбу наследника моего брата. Я выудила из кармана свой любимый набор гадальных костей, который много лет назад подарил мне магистр заклинателей лорд Гэмелен. Кости так потерялись за длительное время их использования, что магические символы, нанесенные на них, почти нельзя было различить. Из кармана, вшитого в рукав моей одежды, я достала складной стаканчик для бросания игральные кости, который всегда ношу с собой, и приготовила его к действию. Гэмелен учил меня, что искусство заклинателя является в действительности не только

волшебством, но и умением создать маленький спектакль. Поэтому я постаралась не подкачать и блеснула сценическим мастерством.

Серьезно сосредоточившись, я подула на кости, прошептала волшебные слова, бросила их в стаканчик. Немного погремев костями, как сухими горошинами, я широким жестом, с размаху бросила их на каменный стол.

Захваченные действием, Амальрик и Омери быстро наклонились, чтобы посмотреть на выпавшие комбинации символов, несмотря на то что никто, кроме самой колдуньи или очень опытной гадалки, не сможет сразу прочесть послание судьбы. Через несколько мгновений они оба подняли ко мне виновато-вопросительные лица с одинаковыми, едва тронувшими губы улыбками ожидания.

Как хорошо, что я отточила умение сохранять непроницаемое выражение лица! Это умение выручило меня... Так как мой брат и его любимая жена впали бы в отчаяние, если бы они увидели в моих глазах то, что я наверняка почувствовала своим сердцем.

Плохо различимые символы, беспощадно выставленные судьбой напоказ, не предвещали ничего хорошего. Все символы относились к печати дьявола.

Я улыбнулась хорошо отрепетированной, широкой улыбкой и собрала кости.

— Ваш сын доставит вам великое удовлетворение жизнью, — солгала я, — этот парень будет достоин носить имя Антеро.

Как теперь известно всем и каждому, Клайгиусу предстояло вырасти и превратиться в более изощренного предателя моего брата, чем до него был Янош Серый Плащ. Но разве я могла тогда сказать правду дорогим мне людям? И что они смогли бы сделать, если бы узнали ее? Утопили бы своего первенца — будущего негодяя — сразу после его рождения?

Думаю, вряд ли.

Моля Тедейта о том, чтобы мое искусство заклинателя на этот раз подвело, я быстро закопала страхи в дальний угол подсознания и молча наблюдала за тем, как дорогие мне люди ласково воркуют и щебечут, обсуждая волнующую их проблему, как это часто делают все молодые родители, подробно рассказывая мне о планах и надеждах, связанных с будущим ребенком.

Когда приблизилось время обеда, Омери извинилась и ушла, сказав, что ей необходимо посмотреть, все ли в порядке на кухне, и проследить за слугами, накрывающими на стол. Амальрик налил нам обоим по большому бокалу того исключительно ароматного вина, которым славились погреба нашей семьи. Мы расслабились, и я в общих чертах поведала брату о том, как происходило мое последнее путешествие.

Когда я закончила, Амальрик сказал:

— Ты действовала совершенно правильно, но я чувствую, что ты не настолько довольна, как того хотелось бы.

Я тряхнула головой и сказала:

— В конце нашего путешествия с нами произошло кое-что, что меня беспокоит.

Брови Амальрика удивленно поднялись, и он умоляющим тоном попросил меня продолжать. Что я и сделала.

— На нас неожиданно напали пираты, — сообщила я, снова возвращаясь к теме рассказа, — сразу после того, как мы прошли мыс Демона. Недалеко от бухты Антеро...

Во время предыдущего путешествия мне удалось проникнуть гораздо южнее, куда еще ни разу не доходила ни одна экспедиция. Мне удалось преодолеть границы Айофры, где опаленные солнцем пески пустыни встречаются с безжизненным, устланным отшлифованной галькой побережьем. Я прошла гораздо дальше того места, до которого удалось добраться в юности моему отцу. Мой отец был первым, кто встретился с аборигенами Заполярья. Более того, мне удалось пересечь тот мистический круг, который, как представляется, опоясывает весь мир, где всеми делами и человеческими судьбами управляют странные созвездия.

Выполняя это поручение, я сосредоточилась более на организации будущих торговых

связей, нежели на получении конкретной единовременной прибыли. Поэтому я занималась тем, что очаровывала, морочила головы и запугивала многих, даже самых яростных вождей местных племен для того, чтобы прочно запутать их в торговых сетях Антеро. Я организовала торговые представительства, безопасность которых обеспечивали всего несколько человек из нашей службы охраны.

Мои усилия с лихвой окупились во время четвертого торгового путешествия, когда мы приблизились к мысу Демона, расположенному вблизи самого северного из ледяных полей Южного полушария, а трюмы наших кораблей ломились от товаров. Предстояло побывать еще в двух наших торговых представительствах, наиболее удаленных из всех, мною открытых. Первое из них размещалось в заливе Антеро, который я назвала так в честь моей семьи.

После того как мы проложили курс вокруг скалистых мелководных участков моря, которые окружают мыс Демона, я снова оказалась в неопределенном положении, надеясь все-таки, что торговля в этих двух представительствах идет не так хорошо, как во всех остальных, которые мы уже посетили.

— Нам бы надо догадаться взять пятый корабль, — почти жалобным голосом сказала я капитану Карале.

Карале был темноволосым человеком небольшого роста с густыми усами и угрюмым характером, который всегда видел тину там, где другие — золото. Капитан разговаривал специфически небрежным языком старого морского волка, который усиливал впечатление от его мрачной натуры. Когда Карале говорил, вместо «да» слышалось «айда» или «ада», вместо «к тому же» — «омут же», а когда Карале говорил «для» — слышалось — ...

— Да, госпожа, но это может привести к тому, что мы потеряем на один корабль больше, — сказал он. — Эти чертовы боги, должно быть, совершенно пьяны в своих небесных тавернах, только поэтому они позволили нам забраться так далеко и сохранить наши шкуры в целости, а мясо — на костях.

— О мой бедный, славный Карале, — ответила я, — мой брат потратил целое состояние на жертвоприношения, прежде чем я смогла отправиться в путешествие. Кроме того, я без конца потакала многочисленным местным шаманам, каждый из которых чувствовал себя хозяином положения, сидя в покосившемся «дворце», обмазанном для «красоты» глиной, смешанной с соломой. И за все это время единственный плохой период — когда мы попали в штиль продолжительностью в неделю около острова Кораблекрушений.

— Запомните мои слова, госпожа, запомните их хорошенько, — пробурчал Карале, при этом его черные брови как маленькие, но грозные мечи скрестились у переносицы, — впереди у нас очень тяжелое время, нас будут преследовать неудачи. Мы еще не раз пожалеем о том, что не остались дома, сразу после того как боги протрезвеют.

В ответ я рассмеялась:

— Ты хочешь сказать, Карале, что наша удача была чрезмерной?

— Смейтесь, сколько вам будет угодно, госпожа, — сказал Карале, — но в таких случаях обстоятельства неумолимы, и это хорошо известно всем, кто решает испытать судьбу, плавая под парусами по соленым водам. Когда в начале путешествия случается поломка, это оборачивается безоблачным небом в конце.

— Следуя этой логике, — ответила я, — самая прибыльная экспедиция должна была бы начаться со смерти твоей матери.

— Так то была моя сестра, миледи, — ответил Карале, — истинно сучьей дочерью она являлась, простите великодушно за выражение. Я был искренне рад увидеть ее в гробу. Но в конце концов она стала лучше воспринимать интересы семьи, и, видимо, ее смерть позволила мне увидеть самые светлые дни жизни.

Несмотря на сумрачность натуры, Карале был одним из лучших капитанов моего брата. Действительно, на Карале стоило посмотреть в сражении, когда он становился неукротимым и дрался, как лев.

Мне снова захотелось рассмеяться, но я боялась, что это вызовет еще более мрачные

комментарии. Вместо этого я придала лицу жесткое выражение и, вздохнув, сказала:

— Хорошо, но согласись, у нас нет другого выбора, мы должны двигаться дальше. Нас ждут. Мы должны привезти письма, продовольствие, товары.

— Да, госпожа, это наша прямая обязанность, — подтвердил Карале со скорбным выражением лица. — Никто не посмеет сказать, что капитан Карале когда-то отлынивал от выполнения долга. Кроме всего прочего, я хорошо понимаю, что нашим представителям, должно быть, очень одиноко и тоскливо так долго жить вдали от дома. Когда они встретят нас, их жизнь станет немного веселее.

Произнеся это, Карале лихо закрутил усы, как бы удостовераясь в том, что их концы смотрят вниз, как и полагалось, после чего отправился с важным видом восвояси, чтобы сделать несносной еще чью-нибудь жизнь. Наблюдая за тем, как капитан неуклюжей походкой, сутулясь и раскачиваясь, идет по палубе, я вдруг подумала, что обитатели наших представительств, по всей видимости, придут к выводу о необходимости покончить с жизнью, если они очень долго будут созерцать невероятно мрачное лицо капитана. Я решила сделать визит как можно более, коротким. Может быть, мне удастся убедить жителей отдаленного поселения сделать склад для хранения провианта и оружия, чтобы другая экспедиция в случае нужды могла бы воспользоваться им. Там можно было бы спрятать приобретенные в результате торговых операций товары, пригодные для длительного хранения, тогда я смогла бы как-нибудь разместить оставшееся на четырех кораблях.

Первое, что пришло мне в голову, — использовать собственную каюту, которая была достаточно вместительной. Я поручила корабельному плотнику соорудить небольшую нишу недалеко от входа в каюту, где я разместила сундучки заклинателя. Я устроила подвесную койку прямо над ними, так чтобы мне достаточно удобно было спать на обратном пути.

... Раздался крик впередсмотрящего, и из моря поднялся и предстал перед нашими глазами мыс Демона.

Это был лишенный растительности, унылый, совершенно не защищенный от ветра участок земли, часть гряды несколько отдаленных от моря, необитаемых гор. Две пещеры, точно черные пустые глазницы, отмечали верхнюю часть возвышенности. Разделял их дугообразный скалистый хребет, похожий на крючковатый нос. Глубокий разлом с рваными краями образовал рот, искривленный в мрачной ухмылке, а завершали картину два острых камня, похожие издалика на рога дьявола.

Мыс Демона оправдывал свое название, хотя я не знаю, кто впервые увидел его. Может быть, это был абориген Заполярья, который проплывал однажды мимо на своем пути из отдаленного небольшого поселения. Представляю, как застучали зубы того парня со спутанной бородой и длинными волосами, когда вид этой причудливо искореженной земли заставил его сердце дрогнуть и сжаться, как от удара.

Местные мореплаватели рассказывали мне, что в этих местах небо редко бывает свободно от низких облаков, полностью скрывающих мыс Демона. Облака эти то и дело резко освещаются молниями, бьющими, если верить рассказам одного морского волка, не как обычно, а вверх из земли. Жестокие, злые цунами, поднимающиеся на море в районе мыса Демона, пользуются такой же дурной славой, как и штормы, и люди говорят, что однажды целый рыболовецкий флот был поглощен морской пучиной. Тогда волны поднимались на высоту, сравнимую с высотой Столбов Тедейта, которые стоят у границы Южного моря.

Такие штормы делали мыс почти полностью недостижимым во время трех моих предыдущих походов; однако тогда штормы не были столь яростны, как в легендах. А день, когда мы приблизились к мысу Демона в четвертый раз, был прозрачен и тих, как лицо только что принявшей постриг молодой монахини. Бледное солнце зависло над мысом, и в его лучах слегка вились невесомые белые облака, витающие высоко-высоко, как девичьи грезы. Море было необыкновенно чистого голубого цвета, и, когда мы огибали мыс, стайка дельфинов приблизилась к нам, как будто приветствуя. Дельфины прыгали и кувыркались, взлетая над поверхностью воды, и явно выражали радость, издавая звуки при виде компании

в столь безлюдном месте.

Я пребывала в миролюбивом расположении духа и именно поэтому была застигнута врасплох.

Ветер слегка утих, и я услышала, как Карале приказывает экипажу поменять паруса. Повторяющаяся команда капитана, которая передавалась по цепочке моряков, показалась мне эхом; звуки, постепенно затухающие в снастях корабля, преобладали над медленным, однообразным плеском морских волн. Я почувствовала запах живой, свежей, влажной зелени, который донес вдруг ветер, и осознала, что довольно безучастно размышляю о том, откуда мог взяться этот замечательный аромат.

На протяжении нескольких дней мне не удавалось увидеть никаких признаков растительности. Перед глазами непрерывно тянулась холодная, неуютная, черная береговая линия, так густо усыпанная галькой, обкатанной солеными волнами, что ни одно уважающее себя дерево или кустарник не стало бы даже пытаться пустить корни в таком месте. Кроме того, я знала, что в небольшом удалении от моря простирается пустыня. За ней росли пальмы, которые образовали небольшой оазис, где аборигены пытались обработать наделы деревянными мотыгами в надежде, что клубни, воткнутые в грядки, дадут хоть какой-нибудь урожай.

Если верить случайным сведениям, прибрежная полоса остается такой же безжизненной на протяжении многих десятков километров. Позже я обнаружила, что эти сведения по большей части правдивы. Кроме того, я узнала, что в конце необитаемой полосы расположен пролив, который ведет в необозримое Восточное море, о существовании которого до меня не знал никто.

Стоя на палубе корабля и восхищаясь бесподобным ароматом трав, пропитавшим легкий бриз, я неожиданно услышала звуки музыки.

Деликатный мелодичный перезвон чудесных струн волшебным маревом поднимался в воздух. Этот напев согревал душу, напоминал о родных очагах.

Неожиданно и необъяснимо стало вдруг очень важно увидеть, кто именно извлекает из струн столь сладкие звуки. Я повернулась, чтобы попросить Карале изменить курс корабля и направить его поближе к источнику музыки, и в этот момент я услышала, как капитан приказывает команде выполнить именно тот маневр, о котором я только что подумала.

Его крик усилил возникшее у меня ощущение, но я все еще пребывала в экстазе и в течение довольно продолжительного времени не реагировала на настойчиво повторяющиеся импульсы из подсознания, требующие принять меры предосторожности против угрозы, притаившейся впереди.

Это всего лишь музыка, говорило мне сердце, очень приятная музыка. Только люди, имеющие добрые намерения, могут так владеть инструментами. Только цивилизованные и гуманные люди, чьи сердца преисполнены любви и миролюбия.

Мои чувства заклинателя внезапно обрушились на меня всего за несколько мгновений до того, как я увидела первый корабль.

Это был широкий, высокий галеон очень древней конструкции. Но ничего древнего и примитивного не олицетворяла его угрожающая скорость. Тройные ряды весел с каждого борта галеона ритмично и согласованно устремляли вражеский корабль навстречу нам. Расстояние быстро уменьшалось. Теперь я слышала барабанный бой надсмотрщика, заглушивший мелодию, лившуюся из-под загадочных струн. Я даже представила себе, как хлестко бьют по спинам гребцов кнуты его помощников, пока они не спеша ходят между скамеек и «просят» прибавить скорости.

Все это я увидела как будто бы во сне. Должна признать, что это был очень живой сон. Наполненный лучниками, стоящими на изготовку в передней части вражеского корабля, и обнаженными воинами с мечами, толпящимися вдоль его бортов.

Над кораблем развевалось огромное знамя. На черном фоне был изображен огромный серый медведь, вставший на дыбы, с обнаженными клыками, когтистыми лапами, готовыми схватить добычу.

Я освободилась от вражеских заклятий как раз в тот момент, когда в поле зрения появились еще два галеона. Я наконец криком предупредила Карале об опасности. Но еще до этого я знала, что мой голос не будет слышен, так как команда оглушена злыми чарами.

Дико озираясь, я принялась лихорадочно соображать, что можно предпринять, чтобы противостоять нападению, готовящемуся под прикрытием магии. Первый галеон был почти рядом с нами, и я смогла услышать, как моя команда радостно приветствует врагов, не обращая никакого внимания на грязные ругательства пиратов, готовых броситься на abordаж.

Видение битвы вихрем налетело на меня — я отчетливо увидела все так, как будто бы движения замедлились до черепашней скорости. Но мои мысли уже мчались вперед, как боевая колесница в отчаянной надежде пробить брешь в рядах противника.

Упал смертельный дождь стрел, каким-то чудом минувший всех, кроме юнги, который стоял на палубе, держа в руке ведро с помоями. Стрела пронзила его шею, и юнга коротко вскрикнул, падая на палубу. По иронии судьбы ведро с помоями шлепнулось вертикально, и содержимое почти не расплескалось.

В этот момент я находилась в состоянии высокого энергетического и волевого напряжения, поэтому отвратительное зловоние кухонных отходов, которое я почувствовала во влажном воздухе, заставило мои ноздри трепетать, и неожиданно сумасшедшее решение сверкнуло в моем мозгу.

Я бросилась к умирающему юнге и к ведру, изо всех сил стараясь увернуться от стрел второго залпа. Это мне удалось, я догадалась сделать резкий шаг в сторону, и как только нога соприкоснулась с палубой, стрела со свистом пронзила рукав моей одежды.

Схватившись за ручку ведра, я раскрутила его, как обычно вращает стальной снаряд спортсмен-молотобоец, и изо всех сил запустила его как можно выше в сторону пиратского галеона.

Пока ведро поднималось все выше и выше, толкаемое теперь только благодаря моей воле, я произнесла волшебные слова:

— Точно бей, дрянь,
Будь проклята сладость.
Гадость отвратною стань,
Так чтоб дерьмом показалась!

Я допускаю, что это был не очень элегантный стих. Иногда мои казарменные привычки и грубый лексикон проглядывают сквозь наработанные манеры колдуньи. Но это было лучшим, на что я оказалась способной в чрезвычайных обстоятельствах.

Гораздо важнее было то, что... мое заклятие сработало!

Удар холодного влажного ветра отрезвил всех нас, и я увидела, как помойное ведро распухает, как желчный пузырь дикого кабана. Через мгновение оно взорвалось, и ветер швырнул бурую и коричневую дрянь в лицо врага.

Нас обволокла настолько тошнотворная вонь, что я чуть не упала на колени, скрюченная спазмами. Вокруг меня корчилась и ругалась вся команда. Но более всего досталось пиратам, я слышала, как они стонут и визжат от боли и призывают своих богов избавить их от такой напасти.

Я набрала в легкие побольше воздуха, стараясь превозмочь вдыхаемый с ним яд. Затем я с силой выдохнула, посылая вслед не заклинание, но мольбу тому богу, который случайно может услышать и спасти нас от моей бесконечной глупости.

Я сомневаюсь в том, что когда-либо смогу повторить то, что за этим последовало.

В тот самый момент, когда я резко выдохнула, ветер снова ударил меня в спину. Наш корабль чуть-чуть не опрокинулся, когда на него обрушился внезапный шквал.

Ураганной силы ветер уже унесся, когда мы все уже пришли в себя и приготовились к отражению атаки, но когда я вскочила на ноги, то увидела, что галеон отброшен далеко

назад.

Смятение улеглось на всех наших кораблях, и команды полностью осознали то, что с ними только что произошло. Офицеры отдали приказы, и ориссийские воины бросились исполнять их, организуя сначала оборону, а уж потом думая о своей собственной безопасности.

Произойди нечто подобное в прошлом, я бы поспешила навстречу врагу с мечом в руках и огнем ярости в глазах. Мои руки и ноги заломило от желания броситься на врага. Но теперь я должна была предоставить право руководить боем другим.

Я собрала воедино все свои силы и привела в порядок чувства. Вскоре мне удалось отыскать противника. Это было отвратительное, колючее существо с острыми зубами и когтями. От него исходил удушливый запах серы, как от подпорченных яиц.

Когда я приблизилась к нему, существо пыталось отворить дверь в Другие Миры и поскорее юркнуть в образовавшуюся щель. Но я опередила его, преградив путь. Демон огрызнулся, и мое астральное тело почувствовало укус. Через мгновение я поняла, что этот странный демон — маленькое одутловатое создание.

С помощью конкретного изображения я вызвала большую метлу и уничтожила его.

Сразу после того, как демон взвизгнул в агонии, я вернулась к действительности. Я увидела, что моя команда берет верх, а пиратские галеоны отступают. Карале склонялся к тому, чтобы начать преследование и полностью уничтожить врага. Он замер в ожидании моего приказа.

Но я качнула головой в знак несогласия и скомандовала отбой. Наши корабли были слишком перегружены для того, чтобы пускаться в погоню. Так как наш враг оказался достаточно хитер, использовав только маленького демона, который едва не победил нас, мне не хотелось подвергать своих людей новым опасностям.

К тому же выяснилось, что в схватке один из наших кораблей был серьезно поврежден. Булыжник, выпущенный катапультой с одного из пиратских галеонов, начисто снес главную мачту. Поэтому мы вынуждены были заняться ремонтом. В связи с тем что вражеский флот затаился неподалеку, нам предстояло найти безопасное убежище. А это, в свою очередь, означало, что мы должны прервать плавание к нашей основной цели и укрыться в безопасном месте для латания пробоины в одном из наших однотипных кораблей.

Как только главная мачта корабля была отремонтирована, мы незамедлительно вернулись домой.

— Ты верно назвала это происшествие незначительным, — сказал брат, комментируя мой рассказ. — Ты успешно справились с задачей, и, насколько я могу судить, ты действовала совершенно правильно. — Амальрик пристально посмотрел на меня и спросил: — Так почему же, дорогая моя сестра, это тебя все еще беспокоит?

Вздыхнув, я ответила:

— Если подумать, для этого есть несколько причин чисто личного характера. Первое — меня укусили. Это задевает мою гордость. Вторая причина — тоже личная. Магическое нападение было организовано столь ничтожным существом, что непонятно, почему оно чуть-чуть не добилось успеха? Немного поразмыслив в спокойной обстановке, я пришла к выводу, что демон, с которым я столкнулась, мог быть только помощником, действующим по воле более мощного колдуна.

— Так ты думаешь, что именно здесь собака зарыта? — спросил брат.

— Да, — ответила я, — и теперь я понимаю, что я чувствовала это как слабый след чего-то большего. Более опасного, имеющего мышление и цели, абсолютно чуждые маленькому демону.

— Флаг, который ты видела, — продолжал Амальрик, — будит во мне воспоминания, похожие на тихий звон отдаленных колоколов. Но я все еще не могу восстановить, когда именно я слышал об этом.

— Вот видишь. Более того, на обратном пути я еще раз повидалась со старым

шаманом, с которым познакомилась во время последнего путешествия. Когда я описала ему знамя, он необыкновенно разволновался. Старик сказал, что оно принадлежит королю по имени Белый Медведь. Владыке ледяных просторов, известному только по легендам. Пирату и захватчику, который в давние времена держал в страхе те земли. Белый Медведь мертв уже более ста лет. Шаман сказал, что какой-нибудь предприимчивый негодяй мог присвоить себе герб и имя знаменитого пирата Белого Медведя для того, чтобы угрозами заставить несведущих людей подчиняться ему.

— Я думаю, что шаман, по всей вероятности, прав, не так ли, Рали? — спросил брат.

Я кивнула в знак согласия.

— Это наиболее вероятное объяснение. Но думаю, что пиратское происхождение ничуть не принижает его возможностей. Самозванец обладает не только крутым нравом, но и, как мы совершенно определенно узнали, — искусством колдуна.

— Тебя еще волнует судьба наших торговых представительств, не правда ли, Рали? — спросил Амальрик.

— Меня не оставляет чувство, что я бросила их на произвол судьбы, повернув корабли, — ответила я.

— И это несмотря на то, что там более чем достаточно воинов и вооружения для того, чтобы защитить себя?

— Да.

— Разве нет с ними двух самых опытных орисских заклинателей для защиты от магических атак, вроде той, с которой столкнулась ты, — лорда Серано и лорда Сирби, если я правильно запомнил их имена?

— Тем не менее, — настаивала я, — беспокойство не оставляет меня. В особенности за обитателей залива Антеро, где служит лорд Сирби. Залив Антеро расположен неподалеку от того места, где я видела пиратов.

— Если предпринять незапланированное путешествие в такую даль, это влетит нам в копеечку, — сказал Амальрик, — в особенности если посылать в экспедицию вооруженные силы, достаточные для победы над самозванным Белым Медведем, независимо от того, кто скрывается под этим именем.

— Нет, у меня нет достаточных доказательств, чтобы заставить тебя пойти на такой риск.

Амальрик на минуту задумался. Потом произнес:

— Вот что я тебе должен сказать — я пошлю быстроходный разведывательный корабль. Настолько маленький, что он сможет проскочить незамеченным, но и способный отразить внезапное нападение. Произведя разведку, кораблик смог бы быстро отправиться к нашим двум торговым представительством, чтобы убедиться, что у них все в порядке.

Предложение моего брата должно было бы принести мне облегчение, но этого не произошло. Голова и плечи болели от нервного напряжения.

Амальрик, как всегда почувствовав мое настроение, нахмурился и спросил:

— Ты хотела бы стать во главе предстоящего плавания, не так ли, Рали?

Он угадал.

— Я должна быть там, Амальрик. Ответственность за жизнь оставшихся там людей лежит на мне.

— Снова слышу голос капитана стражи Маранонии, — усмехнувшись, сказал брат. — Видимо, это в твоей крови, не правда ли?

— Думаю, так и есть, — ответила я. — Кроме того, это мой долг. Посуди сам: кто открыл новые земли, кто заставил людей жить и работать там? Кто обещал вернуться?

— Но ты же не обещала им полной безопасности, — возразил Амальрик. — К тому же они все очень опытные люди. Каждый из них прекрасно сознает риск и опасности, которым подвергается в районе, населенном дикими племенами.

— Тогда давай рассуждать так, — настаивала я. — Будь ты на моем месте, что бы ты предпринял?

Амальрик ответил без колебаний:

— Я бы отправился незамедлительно.

— Именно так я и собиралась поступить, — подтвердила я, — отправиться незамедлительно.

— Тогда непременно иди, дорогая моя сестра. Иди.

Разведывательный корабль был снаряжен и подготовлен к отплытию через несколько недель. Но перед тем, как отправиться в опасное путешествие, я совершила небольшое паломничество.

Ордену сестер стражи Маранонии принадлежал небольшой замок в Галане, расположенный на расстоянии в три полных световых дня пути с максимальной скоростью от Ориссы. Замок представлял собой простой каменный дом небольшого размера, поставленный в живописном лесу, который был на самом деле не более чем лесистым участком земли. Вокруг, на покатой, сглаженной череде холмов и в низинах, простирались фермерские угодья. Хозяйством на фермах управляли стражницы Маранонии, которые были по тем или иным причинам не способны принимать участие в боевых действиях. У некоторых из них были телесные раны, у других — духовные, у третьих — и те и другие. Кроме того, очень пожилые стражницы коротали в Галане свои дни, а те, кто помоложе и посильнее, — ухаживали за своими менее удачливыми сестрами и трудились на фермах.

В тот день, когда меня сопровождали через ворота замка Галаны, было очень тепло и так сухо, что шуршала листва под ногами, а кожа становилась шершавой.

Женщины, обитавшие в Галане, жили в нескольких уютных домиках. Меня заинтересовало, что владения включали и невысокий холм, на склонах которого виднелись пещеры. Вдоль границ владения располагались более высокие холмы, а дальше — горы, поэтому мне пришло в голову, что место для замка выбрано очень удачно, что позволит отразить любую угрозу.

Вежливости ради я немного поговорила с седовласой начальницей, управляющей делами Галаны, похвалив ферму и осмотрев небольшой отряд, который она держала наготове на случай непредвиденной опасности. Я одобрила выправку воинов и вооружение, хотя, говоря откровенно, совершенно не замечала ни конкретных предметов, ни лиц. Главной моей заботой было как можно быстрее попасть в замок и посоветоваться с провидицей моей богини.

В замок я вошла одна, положив короткую записку в ящичек, стоящий около входа. В ней я обещала пожертвовать на нужды замка хорошо откормленного буйвола. Потом направилась к алтарю.

В замке было прохладно; крупные пылинки вились в единственном луче света, который проникал сверху, через прикрытое стеклом круглое отверстие в остроконечной крыше. Это был путь, по которому богиня приходила в замок и возвращалась на небо.

Стены замка украшали старые, выцветшие фрески, на которых очень эмоционально были запечатлены все те поражения и победы, которые познала стража Маранонии на протяжении многих веков. Справа от статуи богини виднелась недавно нарисованная картина, напоминающая о моей битве с Архонтом, которая произошла несколько лет назад.

Я невольно поморщилась, когда увидела свое излишне идеализированное изображение с окровавленным мечом в одной руке и с головой Архонта, которую я держала за волосы, в другой. На самом деле все произошло по-другому. К тому же я могла бы только мечтать выглядеть так хорошо, как на этой картине, — с такой тонкой талией и с такой высокой грудью, что многие женщины должны были бы почувствовать приступы отчаяния при виде такого ослепительного совершенства. Я знаю, что в то время так и было. Подумав еще мгновение, я признала, что на картине было действительно мое изображение.

По пути к алтарю я остановилась около небольшого бассейна, устроенного на возвышении. Край бассейна представлял собой невысокую мраморную стенку, и я наклонилась, слегка перегнувшись через камень, чтобы погрузить пальцы в воду. Мое лицо

отразилось на ровной серебристой поверхности воды, и я невольно усмехнулась, когда слегка зарябившее зеркало напомнило мне, насколько я теперь далека от героического совершенства, изображенного на фризе замка.

Изображение разлетелось, брызнув осколками, когда я зачерпнула и поднесла к лицу душистую святую воду. Слегка омыв лицо, я почувствовала прохладу и свежесть, после чего поспешила к алтарю, где ждала меня каменная фигура Маранонии.

Преклонив колени на ступенях и подняв глаза на статую богини, которая стояла в незыблемо-проникновенной позе человека, знающего правду, я молилась, чтобы предстоящее путешествие прошло благополучно.

Я не совсем уверена в том, что достаточно почтительно относилась к богам в то время. Не исключено, что я стала немного циничной, что происходит со многими заклинателями, когда со временем они становятся способными сами творить чудеса. Так или иначе, мне запомнилось, что я чувствовала себя немного глупо, пока я молила богиню о благословении. В моей голове мелькнуло секундное изумление тем, что мольба и обязательства с моей стороны предлагаются не более чем красивому скульптурному изображению, сделанному хорошим мастером из мертвого камня, изображению не более реальному, чем мое — на стене замка.

Но в тот момент, когда я опустилась на колени и они едва только успели почувствовать холод твердого, гладкого камня, луч света, идущий сверху, внезапно расширился и загустел. Пронеслось легкое дуновение ветра, послышался шорох одежды и клацанье оружия.

В следующее мгновение я увидела, что статуя шевельнулась. Сначала поднялась рука, потом вперед двинулась нога, обутая в сандалии. Статуя осветилась сиянием и полностью ожила.

Богиня взмахнула рукой.

Радужный дождь сверкающих искр упал на ее плечи, одеяние воина и оружие исчезли, и теперь богиня была одета в шелковые одежды из полупрозрачной алой ткани, которая мягко облегла тело цвета слоновой кости, подчеркивая его естественную красоту. С левой стороны платье богини имело глубокий разрез, и, когда она шла, время от времени мелькала изящная ножка, дразня ложными надеждами.

Я стояла, ошеломленная красотой богини. Должно быть, я судорожно глотала воздух, как мелкая рыбешка, застигнутая врасплох отливом и оказавшаяся на суше.

Увидев меня, Маранония засмеялась, и воздух наполнился запахом фиалок.

Я была испугана, поэтому низко поклонилась богине, при этом мое сердце как будто бы состязалось с головой, стремясь приложиться к полу. До этого богиня не являлась ко мне. В будущем мой благоговейный трепет сменится, как вы увидите, на менее уважительные чувства.

— У тебя есть просьба ко мне, Рали? — спросила богиня.

— Да, миледи, если вас не затруднит, — произнесла я дрожащим голосом.

— Что заставило тебя предположить, что я ее исполню? — продолжала Маранония.

Без сомнения, я выглядела весьма комично, в откровенном изумлении взирая на богиню, как маленький ребенок, которому только что сообщили, что его родители не являются бесконечным источником силы и мудрости. Мне никогда в голову не приходило, что богиня не сможет сделать все, что пожелает. Она ведь богиня, не правда ли? Я думала, что единственный вопрос — захочет ли богиня, но чтобы ставить под сомнение ее возможности...

Почувствовав мою растерянность, Маранония снова рассмеялась, и именно в этот момент мне пришло в голову сравнение ее смеха с тревожным набатом.

Смех богини разозлил меня. Колени заболели, и я почувствовала, что едва сдерживаюсь.

— Прошу прощения за то, что причинила вам так много беспокойства, госпожа, — сказала я ледяным тоном.

В ответ прозвучал жестокий смех. Я стиснула зубы и постаралась переждать бурю,

вызванную во мне «божественным» юмором.

Потом богиня сказала:

— Тебе следовало бы последить за своим поведением, Рали. Твой характер может в будущем осложнить наши отношения.

Несмотря на то что Маранония все еще улыбалась, ее взгляд обрел стальную твердость, поэтому я внутренне затрепетала.

— Да, госпожа, — ответила я.

Богиня слегка согнула указательный палец, и часовня завертелась у меня перед глазами, сразу стало темно, только фигура Маранонии освещалась легким пульсирующим светом. Она заговорила, и мне показалось, что голос богини исходит как бы изнутри меня.

— Я могу сообщить тебе только следующее, Рали Эмили Антеро, — начала богиня, — ты обязательно должна совершить это путешествие. Оно жизненно важно для будущего Ориссы — того народа, который избран мной для опеки. Я не имею права открыто встать на твою сторону, но постараюсь сделать все, что в моих силах. Среди моих двоюродных братьев, имеющих влияние в божественных дворцах, есть те, кто не любит Антеро.

Поэтому я должна предупредить тебя со всей серьезностью — никогда никому не говорить о моей встрече с тобой сегодня и о том, что я тебе скажу. В первую очередь это относится к твоему брату. Его сила должна быть сохранена до поры до времени. Она понадобится, если наступит час решающего сражения.

Вот почему от тебя одной, Рали, целиком и полностью зависит, сумеет ли твой народ пережить кризис.

Фигура Маранонии начала таять в воздухе.

— И это все, что ты можешь рассказать мне, богиня? — вскричала я. — Пожалуйста, объясни мне все, что можно, не нарушая безопасности. Я никому не скажу ни слова.

Изображение Маранонии снова проявилось.

— Твое путешествие будет преисполнено опасностей, — сказала богиня, — некоторые из твоих спутников могут погибнуть.

Некоторые дезертируют. Твой успех или неудача целиком и полностью зависят от тебя, Рали. Но не от богов.

И вот еще что...

Твоя удача напрямую связана с тремя кораблями. Три корабля знаменуют твою судьбу. Три корабля, на которых ты будешь плавать... Первый — серебряный, второй — медный, третий — золотой.

Богиня исчезла, а я упала без сознания на каменный пол.

К тому времени, когда нам предстояло отправиться в путь, я полностью восстановила свое душевное равновесие. Когда Амальрик пришел проводить нас, я уже могла довольно достоверно разыграть веселье. Я уже подумывала о том, что видение, которое посетило меня в замке, было следствием того, что я выпила немного кислого вина, заглянув в таверну, расположенную недалеко от Галаны.

Чем больше я думала об этом случае, тем более нереальным и неестественным он мне казался.

На прощание Амальрик обнял меня и сказал:

— Пусть попутные ветры и удачная торговля всегда сопровождают тебя, дорогая моя сестра.

Я поцеловала его, потом отошла на шаг, чтобы повнимательнее присмотреться к его лицу. В этот момент мой брат выглядел как очаровательный маленький мальчик, которого я знала много лет назад и вынуждена была покинуть, отправившись воевать. Поэтому я попросила у него то, о чем не раз и не два умоляла в прошлом, в нашем давнем прошлом.

— Улыбнись мне, мой маленький брат, — произнесла я, — твою улыбку я пронесу через все расстояния.

И Амальрик подарил мне самую яркую, самую чудесную из своих улыбок.

Я долго смотрела в лицо брата, стараясь запомнить его получше. Думаю, что он делал

то же самое, пристально глядя на меня. Вдруг я заметила, что в его глазах зреет вопрос. И этот вопрос звучал так: увидимся ли мы когда-нибудь вновь? Боже мой! Если бы я тогда знала ответ, то поцеловала бы Амальрика еще раз.

Глава 3. ПРОВИДИЦА ПИСИДИИ

До того, как родились я и мой брат, наша земля была маленьким мрачным местом с устрашающим окружением. Мы были похожи на мышей, притаившихся в норке, сооруженной за стенкой сарая, и испуганно высовывающих носы наружу только тогда, когда голод становится нестерпимым. Тогда мыши дерзко, пренебрегая опасностью, исходящей от всемогущей совы, сидящей на стропилах, бросаются схватить не переваренное до конца зернышко в курином помете.

Открытия, которые совершил Амальрик во время своих путешествий, проложили путь далеко на восток, до самых остроконечных Тиренийских гор, которые возвышаются над пустынными землями, где Старейшины в течение бесконечных эпох воюют с демонами. Мой поход против последнего Архонта Ликантии снял покров тайны с загадочного запада — а это тысячи и тысячи километров за яростными рифами, которые отмечали границу освоенного мира.

Мы всегда торговали с людьми, обитающими в теплых землях Северного полушария, поэтому мы хорошо их изучили. Несмотря на то что очень немногие из нас побывали на севере, у нас имелись подробные карты, на которых достаточно точно были изображены районы, населенные дикими племенами.

Мой отец, Пафос Антеро, исследовал полярные области Южного полушария в юности, но он был слишком перегружен работой, сопряженной с приумножением достояния нашей семьи, для того чтобы найти достойное применение своим открытиям.

Он был воспитан в старых традициях, настоящим джентльменом с благородными манерами, добродушной внешностью, за которой прятался весьма проницательный ум. Он никогда не скупился на похвалу, в особенности для меня. Однажды я оказала ему мелкую, на мой взгляд, услугу, обновив его любимую чашу, которая потрескалась и покрылась пятнами от времени, так что теперь отец снова мог наливать в нее любимое медовое вино и ужинать, медленно погружая в него ломоть хлеба. После того как я осторожно поставила чашу на его рабочий стол, он крепко обнял меня и поблагодарил, как будто бы я только что пересекла неизвестные горы и штормовые моря в стремлении сделать ему приятное.

— Спасибо тебе, дочка, — сказал он, — и добавь еще десять тысяч самых сердечных «спасибо».

Вы представляете, о чем идет речь? Одной простой благодарности недостаточно... А вот десять тысяч и один — в самый раз.

Несмотря на то что моя мать имела на меня определяющее влияние — ведь именно благодаря ей я унаследовала магические способности, — отец вызвал к жизни наиболее благородные из моих эмоций, сформировав и закрепив во мне четкие понятия о добре и зле и, самое главное, о чести. Именно через него я заразилась страстью исследовать новые земли и узнавать новые вещи, отличавшей семью Антеро. И когда мать заговорила с отцом о планах на будущее, опережая самые сокровенные мои мысли, и сообщила, что больше всего на свете я хочу быть солдатом, отец подтвердил, что у меня есть шансы достичь желаемого.

Я всегда была его любимицей, невзирая на то что мои игры носили подчас довольно грубый характер. Будучи ребенком, я обожала сидеть у отца на коленях, запустив пальцы в бороду, пока он рассказывал свои бесконечные истории о приключениях, пережитых в юности, когда он путешествовал по южным землям.

Отец рассказывал мне об устричных отмелях, расположенных вдоль берегов пролива Мадакар, где жемчужины вырастали до очень больших размеров, обладали необыкновенной округлостью и блеском. Он показал мне одну из редких жемчужин, которую нашел в тех

местах. Она была размером с детский кулачок и черна, как глубины моря. У отца была статуэтка богини плодородия, маленькой полной женщины с большой грудью и развитыми половыми органами, — ее он ценил выше прочих сокровищ. Отец рассказывал, что прежде, чем попасть к нему, статуэтка прошла через множество рук. Ей поклонялся народ, обитавший на дне мира. Заветной мечтой отца было добраться до тех мест, но жизнь не предоставила ему возможности совершить такое путешествие.

Выйдя из возраста косичек и оцарапанных коленок, я побывала в той стране. Мне удалось увидеть то, о чем рассказывал отец. Я навсегда запомнила первый взгляд, брошенный на эту прекрасную, но дикую землю, и мысли о том, что, если бы не определенные обстоятельства, мой отец Пафос Антеро, а не брат Амальрик был бы первым великим землепроходцем Орииссы. Кто знает, как был бы устроен мир, случись такое в прошлом?

И насколько шире были бы его границы в настоящем...

Думаю, что именно благодаря мечтам и мыслям отца вскоре после того, как я оставила службу в Страже Маранонии и пустилась в путешествия вместе с братом, я начала осваивать южное направление и проложила новые торговые пути. Не исключено, что угроза, исходившая от самозваного короля Белого Медведя, которую я интуитивно чувствовала, заставила меня позаботиться о безопасности именно южных районов. К этому меня подталкивало убеждение, что любой удар, нанесенный пиратами отцу, я бы восприняла как кровную обиду.

Поэтому, когда я решила более внимательно изучить реальные масштабы угрозы, если она вообще существовала, то приступила к выполнению задачи, будучи более подготовленной, чем любой другой торговец. Будь я проклята, если позволю какому-то варвару мешать мне. Если в придачу ему удастся убить или ранить хоть одного из моих людей, я буду охотиться за ним, пока не избавлю землю от этой суетливой блохи. Нельзя было забывать, что я — воин и волшебница, поэтому я поклялась прекрасными глазами Маранонии, что воля к завершению предназначенного судьбой дела никогда не ослабеет.

Мы совершили быстрый рейд на юг. Шли без флага, паруса перекрасили в голубой цвет, так чтобы совершенно не выделяться на фоне неба. И мы избегали даже самых незначительных встреч вблизи морских трасс.

Мой корабль назывался «Тройная удача». Это было одномачтовое судно с малой осадкой, построенное специально для скоростного плавания как в штормовых морях, так и в спокойных широких реках. Я набрала команду из десяти человек, что было более чем достаточно для обеспечения плавания, но все моряки были, кроме того, опытными воинами, поэтому мы представляли собой довольно грозную силу, сталкиваться с которой не стоило. На нашем корабле было по ряду весел с каждого борта, что позволяло передвигаться в штиль. Кроме того, я оборудовала «Тройную удачу» самыми современными приборами, например маленьким насосом, только что купленным в магазине для заклинателей, способным быстро выкачать воду из трюмов в шторм.

Насос приводится в действие с помощью легкого заклинания бесконечного движения, поэтому он никогда не нуждается в наладке и обслуживании, за исключением тех случаев, когда необходимо очистить всасывающий шланг, если пакля или какой-нибудь другой мусор забьет его. Этот насос является одним из множества полезных приборов, изобретенных орисситами в прежние годы, в нем соединялась магия, которую брат вывез из Дальних Королевств, с высокими достижениями отечественных механиков.

Карале снова был капитаном, и я искренне радовалась возможности еще раз отправиться в плавание вместе с ним. Старпомом был Донариус, крупный парень с очень плохим характером, но обладавший исключительно острым зрением. Он отличался еще и тем, что владел двуручным мечом с устрашающей легкостью. А что касается его темпераментности — что ж, поворчав немного, Донариус всегда точно исполнял приказы.

Сотрудничая с Амальриком, я организовала подготовку мужчин и женщин, обучая их морскому делу и воинскому искусству. Во время похода против Архонта я не раз убеждалась

в необходимости совмещения навыков. Матросам приходится время от времени принимать участие в сражениях. Однако их способность обеспечить нормальное плавание ценится выше боевого мастерства. Тот, кто хоть однажды попал в шторм, не станет возражать против такой практики.

Мне представлялось, что достаточно высокого мастерства в обеих областях можно достичь в том случае, если команда не будет многочисленна. Это казалось наиболее приемлемым решением для такого предприятия, как наше путешествие, совершаемое под прикрытием коммерческого. Мой брат всегда предусматривал также первоклассные ударные отряды, состоявшие из отставных военных или офицеров элитных частей. Благодаря поддержке Амальрика мне удалось осуществить план подготовки к отплытию и подобрать лучших людей, независимо от того, насколько далеко от нас они проживали.

Команде были обещаны жесткий режим тренировок, высокие заработки и жизнь, целиком посвященная одному делу, жизнь, которая могла оказаться весьма короткой. На этот случай я основала довольно значительный фонд, — для тех, кто будет ранен, состарится или же погибнет за время нашего похода, оставив семью без обеспечения. С самого начала на меня обрушился шквал добровольцев, поэтому я смогла выбирать. К моему удовольствию, среди желающих пуститься в опасное плавание было много женщин, хотя я должна была проявить в этом случае особую осторожность, чтобы ни в коем случае не препятствовать восстановлению Стражи Маранонии, которая потеряла каждого десятого воина в битве против Ликантии.

Всех отобранных добровольцев инструктировали лучшие капитаны, которых пригласил мой брат, а ратному искусству обучала их я. По мере приближения срока отплытия меня все больше занимали организационные вопросы, поэтому я вынуждена была поручить подготовку воинов стражнице, сержанту со стальными мускулами, ногами, которые могли дать ощутимого пинка, и с нюхом, обостренным на любителей прохладиться. Некоторые из будущей команды получили также специальные навыки, как, например, умение вести караван вьючных животных и сражаться в условиях пустыни.

Когда я отправилась с особым поручением, данным богиней, значительная часть этих мужчин и женщин была приглашена для других дел семьи Антеро. Эти люди получили хорошую подготовку, потому что, несмотря на большое количество желающих путешествовать, с которым я столкнулась вначале, на самом деле возможность выбора была невелика. Но в конце концов мы укомплектовали команду, и, к сожалению, только мужчинами.

Среди тех, кто был отобран для похода, была пара близнецов, Талу и Талай. Симпатичные блондины, настолько похожие внешне, поведением и манерой говорить, что их было совершенно невозможно различить. По этой причине мы звали их вместе Талуталай. Или Талут для краткости. Их поначалу готовили для элитных частей Стражи, но потом, в полном соответствии с армейскими традициями, братьям было отказано в возможности служить вместе. Они покинули армию, как только истек первый срок службы, а мне посчастливилось перехватить их прежде, чем они сумели достичь ближайшей пивной, чтобы залить свои печали вином.

Другим членом нашей команды, о котором стоит рассказать, был корабельный повар. Он был необыкновенно высок и оставался тонким, как рангоутное дерево, независимо от того, сколько съедал. У него была длинная шея и маленькая голова, лысая, как головка сыра. Кок обладал странной привычкой — то и дело облизывать губы быстрым движением языка. Несмотря на то что он был довольно забавным малым, его кулинарное искусство было вне конкуренции; к тому же никто не метал дрютики дальше, чем он. Он родился и вырос в семье рыбака и заразился вирусом странствий.

Я забыла его настоящее имя; это произошло, видимо, потому, что мы все звали его Ящерица — именно так он представлялся, и, несомненно, он был очень похож на ящерицу. Представьте себе ящерицу с повадками новорожденного щенка.

Я не рассказывала нашей команде об истинной цели путешествия до тех пор, пока мы

не отчалили, хотя предупредила, что оно может быть опасным. Несмотря на то что уверенности мне добавляло тройное жалование, я все-таки постаралась скрыть истинные цели и подчеркнула опасности, которые подстерегают впереди. Мне бы не хотелось, чтобы кто-то решил пуститься в плавание из нужды или жадности.

Как раз перед тем как мы достигли Столбов Тедейта, я созвала всех вместе и рассказала им, каковы истинные цели похода.

Карале, единственный из всех, кто был со мной во время предыдущего плавания, тяжело вздохнул. Его лицо, обычно хмурое и суровое, заметно посветлело, если можно назвать просветлением тяжелый шторм, сменившийся проливным дождем.

— Эти убогие зануды в нашей колонии будут просто в восторге, когда мы приплывем к ним, ей-богу! — воскликнул Карале.

Остальные закивали головами в знак согласия. Действительно, мы с Амальриком рассчитывали показать людям, которых мы наняли на работу, что их поддерживают Антеро, независимо от того, как далеко от дома забросили их деловые обязательства.

— Хотела бы подчеркнуть, — сказала я, — что мы должны внимательно следить за тем, что говорим, всякий раз, когда прибываем в очередной порт. Мне не хотелось бы, чтобы наш пират что-нибудь учуял.

— А если и учует, так он же всего-навсего кучка дерьма. Чего нам бояться, госпожа Антеро? — возразил Донариус. — Нам не составит особого труда пришить его шкуру к стенке сарая. Думаю, что не успеет растаять снег, как мы вернемся домой. — Донариус даже слегка прищелкнул губами и продолжал: — И я бы с радостью зацвел и зазеленел, допьяна напившись в весенних потоках!

— С женщинами, не так ли, Донариус? — пошутила я.

Хорошо было известно, что у увальня старпома дрожали коленки при виде любой портовой шлюхи и он готов достать луну, чтобы заслужить ее одобряющий смешок.

Команда дружно рассмеялась, может быть, даже немного громче, чем требовалось. В действительности мне хотелось, чтобы экипаж «Тройной удачи» подчинялся моим приказам. Осуществить это было бы гораздо проще, если бы я носила мундир с капитанскими знаками отличия: в такой ситуации многие мужчины волей-неволей вскоре позабыли бы, что я женщина, и воспринимали бы меня как воина. Но в эти дни я была еще и заклинателем, к которому то и дело обращались как к госпоже Антеро, так часто срывая бескозырки с голов, что я начала опасаться, что наша команда вскоре облысеет.

Смех, раздавшийся на палубе, вызвал еще несколько шуток в адрес старпома. Он покраснел, как юноша, впервые в жизни услышавший непристойность, и я наконец подняла руку, чтобы разрядить обстановку, так как знала, что безобидный юмор Донариуса вскоре может незаметно перерасти в гнев.

Я вернулась к обсуждению проблем, порожденных самозванным Белым Медведем.

— У меня нет полной уверенности в том, что этот пират — простой бандит с развитым воображением, — продолжала я. — Он может представлять реальную угрозу. Если исходить только из того, что на сей день известно, то он не более чем ловкий мошенник, который ухитрился с помощью шантажа, угроз и обмана закабалить известного вам демона. Убив этого демона, я стерла также и его небольшую защитную оболочку, созданную с помощью магии.

— Я думаю, госпожа, что на самом деле все обстоит гораздо хуже, — произнес Карале с унылым выражением лица. — Ведь известно, что там, где водится один демон, обязательно появляются и другие.

Это была неправда. Мне приходилось ранее сталкиваться с демонами-одиночками — к примеру, с лордом Иламом, который едва не победил меня и моих спутников. Но я хорошо понимала, что бессмысленно возражать, когда рассказывают мифы, рожденные в тавернах, поэтому я решила согласиться с Карале. Если уж на то пошло, мне гораздо больше импонирует осмотрительность капитана, нежели самонадеянность старпома.

— Отличная идея, Карале, — сказала я. — Думаю, что будет безопаснее, если мы

примем идею, что пиратский вождь является воплощением настоящего Белого Медведя. И что у него в запасе целые стада демонов, подчиняющихся мановению его руки. И наконец, этот пират так же беспощаден, как и любой другой, с которыми мы сталкивались. Нужно быть осторожным, чтобы не попасть в беду. А это действительно может произойти, если мы недооценим разбойника.

Вот еще что. Каждый мало-мальски уважающий себя пират держит в крупнейших портах платных осведомителей, которые выискивают потенциальную жертву. Этот бандит делает то же самое.

— Вам нет необходимости беспокоиться насчет длинных языков, госпожа Антеро, — заверил Донариус. Он грозно посмотрел на команду, при этом его грудь и плечи вздулись, как у самца тропической жабы. Старпом имел довольно угрожающий вид, как бы возвращая должок тем, кто только что издевался над ним. — Мы будем немы как рыбы, — продолжал Донариус, — не так ли, парни?

В ответ послышалось невнятное бормотание, означающее согласие.

— Но на самом деле, — вернулась я к своей мысли, — мне очень хотелось бы, чтобы вы как можно больше трепали языками. Дело в том, что, чем больше вы будете болтать, тем лучше для нас.

Мои спутники растерялись. После продолжительного молчания на их лицах стали появляться улыбки конспираторов.

— Мое предложение состоит в том, что мы должны казаться легкой добычей. Мы будем слегка покачивать купеческой кормой, перемещаясь от одного порта к другому, и мы обязательно выманит пирата из его логова.

Карале скорчил кислую мину и произнес:

— С какой целью, позвольте вас спросить, госпожа? Нас всего одиннадцать человек, считая вас, на этом маленьком корабле. И я не могу позволить себе вообразить, что мы способны противостоять целому пиратскому флоту, не важно — волшебному или нет. Я слишком хорошо вас знаю, чтобы предположить, что вы предложите выйти в море для открытого боя с пиратом. Но...

— Но какой еще вариант действий у нас остался, — закончила я за Карале, — если мы собираемся сообщить Белому Медведю, где нас искать?

Карале кивнул и произнес:

— Похоже на то, госпожа.

— Я настаиваю на том, что мы должны лгать, — сказала я. Карале с облегчением вздохнул.

Я продолжала:

— Мы будем говорить, что ищем перспективные районы для расширения бизнеса и более всего нас интересуют драгоценные камни. Эта легенда может принести нам немалую пользу. Мы все будем неустанно повторять, что держим путь на юго-восток, а на самом деле отправимся на юго-запад. К нашим торговым представительствам.

Мои слова вызвали улыбки. Большинство людей склонно считать себя хитрецами, что и демонстрируют при каждом удобном случае. Вот почему они становятся легкой добычей для настоящих мошенников. Вору играют на этом, и простаки становятся жертвой. Однако история, которую я сочинила, была настолько проста, что любой из членов экипажа мог без затруднения рассказывать ее во время запланированных стоянок.

Если все пройдет гладко, команда «Тройной удачи» вернется домой, будучи необыкновенно довольна собой. У каждого из ее членов будет толстый кошелек и основательная причина для непрерывного хвастовства.

Первой остановкой на нашем пути была Писидия, большой торговый центр, расположенный за Столбами Тедейта и занимавший господствующее положение перед входом в пролив Мадакар.

Писидия полностью оправдывала свое название. Вы могли бы почувствовать это за

добрый десяток километров от города.

Я первой увидела Столбы Тедейта однажды ясным солнечным утром, когда море лениво плескалось между огромных каменных колонн, которые были настолько велики, что казалось, будто они поддерживают небосвод. Я знала, что сразу за каменным проливом расположена Писидия, естественная гавань которой сделала этот порт перекрестком торговых путей, ведущих на юг. Но впечатление было испорчено задолго до того, как показались Столбы Тедейта, когда ветер донес нестерпимую вонь от огромных дубильных чанов Писидии.

Именно эту вонь я имела в виду, когда готовила контратаку на пиратов, — настолько непереносимый дух, что только злая магия могла бы ухудшить его.

После зловония второе, на что обращаешь внимание, приближаясь к Писидии, — это густые, темные, клубящиеся тучи, которыми постоянно закрыт город. А третьим было низкое жужжание, которое как будто пропитало воздух и из-за которого тучи казались живыми.

К своему отвращению, я узнала, что это действительно так. Тучи представляли собой огромные скопления мух, которые непрестанно кружились над городом, как будто бы Писидия была гигантским ребенком, перепачкавшим лицо в варенье.

Писидия была еще молодым поселением, дома в котором строились из необработанных сосновых бревен. Густые сосновые леса покрывали склоны гор, окружавших город, разделенный на четыре не равные по площади части. Среди них — район гавани, вокруг которого громоздились доки, пакгаузы, рахитичные многоквартирные дома, в которых проживало большинство простых работяг. Местами эти дома совершенно невероятным образом нависали над проезжей частью дороги, почти не оставляя просвета, поэтому на улицах было темно. Слева от гавани располагались дубильни — похожие на башни высокие строения из бревен, где в котлах размером с фермерскую телегу кипело дни и ночи напролет дьявольское варево. На двориках, окружающих каждую из дубилен, имелись площадки, где обрабатывались сырые шкуры, сортировались и связывались в тюки готовые. Справа от гавани на базальтовых столбах виднелись роскошные загородные виллы людей, наживших состояния на всех этих зловонных шкурах.

Эти люди предъявляли довольно высокие требования к жизни и в то же время имели плохой вкус недавно разбогатевших выскочек. Я всегда считала их стремление к дешевой роскоши возмутительным и неразумным, хотя бы потому, что, когда ветер изменял свое направление, над всеми домами кричащей расцветки и безвкусного дизайна с их декоративными цветниками воцарялось то же зловоние, в котором обитали и люди попроще. Однако нувориши ничего не замечали. По-видимому, живя в отравленной атмосфере, все местные жители так привыкли к отвратительному запаху, что не воспринимали его.

Миловидная девушка из одной богатой семьи однажды влюбилась в меня. Она предусмотрела все для того, чтобы наши встречи в саду их семейного дома происходили совершенно «случайно». Будучи одетой в самые вызывающие костюмы, она садилась среди многочисленных цветов ошеломляющей окраски. У нее были такие влажные, призывные глаза, она вся так излучала желание, что я не помню, чтобы я встречала нечто похожее в своей жизни. Она преподнесла мне большой бокал вина, попросила присесть рядом с ней, говоря о том, что вся ее семья уехала на рынок торговать и мы остались одни на целый день, если не считать, конечно, слуг.

Потом она игриво предложила мне цветок, нежные белые и розовые лепестки которого вызвали недвусмысленные ассоциации. Девушка покраснела, но почти сразу начала кокетливо хихикать и отдала цветок мне, при этом она позволила платью сползти с плеча так, что я смогла бросить быстрый взгляд на ее округлые девические груди. Мы флиртовали еще некоторое время, но воздух быстро становился горячим, гораздо быстрее моих ласк, и тепло пробудило мух Писидии, и они поднялись из своих укрытий, где пережидали ночной холод.

Моя предполагаемая возлюбленная, должно быть, пришла в ужас, потому что мой нос

непроизвольно дернулся от запаха гнилого мяса. Но совершенно смертельно она была ранена тогда, когда закрыла глаза и вытянула губы в ожидании поцелуя. Потому что в этот момент я не выдержала и отвернулась, увидев нескольких мух, усевшихся в уголках ее нежного ротика.

Единственное, о чем я была способна думать сразу после этого, — были горы личинок, которые писидийцы применяют для очистки от сгнивших остатков мяса на необработанных шкурах. Именно в этом и состояла причина того, что над городом вились мириады назойливых насекомых. Личинка мухи, как мне кажется, совершенно бесподобное создание. Их ценят не только дубильщики шкур, но и лекари. Эти маленькие прожорливые насекомые уничтожают гнилую ткань и предохраняют раны от дальнейшего заражения. По этой причине я готова скорее благодарить, а не ругать богов за то, что они создали нечто подобное.

Так или иначе, образ личинки не вызывает романтического настроения. Это огромные пухлые кучи червей, копошащиеся на шкуре несчастного животного, убитого по прихоти человека. Мой желудок взбунтовался, и я быстро встала, невнятно произнесла тихим голосом извинения и... бежала. Подобные случаи могут привести к тому, что здоровая женщина начнет волей-неволей вести более целомудренный образ жизни, чем ей поначалу хотелось. Не исключено, что при определенных условиях это может служить для укрепления воли, но ведет также и к бесконечным бессонным ночам, наполненным горькими воспоминаниями.

Преодолев неприятные ощущения, связанные со зловонием и плохими манерами писидийцев, вы выясняете, что они — довольно крепкий народ, значительно более благородный, чем многие другие, и имеющий абсолютно независимый характер. Их предками были первобытные скотоводы, которым удалось с большой пользой использовать традиционное мастерство выделки шкур. Писидия отличалась еще и тем, что любой ее житель, независимо от происхождения, мог при желании стать значительной личностью.

Городской порт был идеальной стартовой точкой для осуществления моего плана.

Как только мы пришвартовались, я оставила двоих матросов охранять корабль, а остальных отпустила, выдав им достаточно денег, чтобы они смогли посидеть в тавернах и пустить слух о поиске драгоценных камней, а также собрать какие-нибудь сведения о пирате.

Что касается меня, то я намеревалась посетить провидицу Писидии.

В то время она не была еще широко известна. Большой храм, который возвышается на сглаженном ветрами холме за пределами столицы, только начали строить. Ему предстояло стать единственным каменным зданием в округе. Для того чтобы осуществить финансирование строительства, потребовалось продать бесчисленное множество шкур. Только благодаря благотворительности и, возможно, чувству вины местных нуворишей этот храм стал одним из самых известных культовых сооружений: он был построен в честь Тедейта. Паломники из южных областей стекались непрерывными потоками к святому месту, поэтому в казне скапливались горы золотых монет.

Но в тот день, когда я приближалась к будущему храму, он представлял собой строительную площадку с обычной грязью, беспорядком и горами необработанных булыжников. Строители только начинали готовить раствор и думать о том, как воплотить замысел архитектора.

Рабочий день уже заканчивался, и на площадках перед храмом я увидела нескольких каменщиков. Пройдя мимо этих плотных, физически сильных мужчин, я направилась к деревянному дому из рассохшихся от старости бревен, который и служил храмом и обителью матери провидицы и ее служительниц.

Когда я вошла в храм, пятеро паломников ожидали очереди перед покоями провидицы. Среди них были три молодые женщины с раздавшимися талиями — они, без сомнения, собирались задать провидице несколько вопросов о судьбе еще не родившихся младенцев. Двое других просителей были стары и нетверды в движениях. К алтарю их провожали молодые жрицы. Алтарь представлял собой простой черный камень, расположенный в

центре храма. Это был священный Камень Откровения Писидии, внешний вид которого разочаровывал практически каждого, кто видел его впервые. Решивший обратиться к оракулу ожидает увидеть огромный черный, отполированный до блеска монолит, а не простой темный камень высотой с колесо телеги.

Красивая женщина средних лет в желтом одеянии с широкими рукавами и алмазной диадемой в волосах — очевидно, мать провидица — занималась с паломниками. После того как очередной паломник приближался к ней и шепотом излагал просьбу, провидица кивала или задавала несколько вопросов, если ей что-либо было неясно или же от просителя требовалось так перефразировать свой вопрос, чтобы она могла ответить «нет» или «да».

Паломники возблагодарили провидицу за услуги. Размеры пожертвований были соразмерны реальным возможностям просителя, и, пока молодая жрица считала деньги, мать провидица готовилась читать заклинания. Когда все было готово, паломнице вручили тонкую металлическую пластинку, окрашенную в черный цвет с одной стороны и белый с другой.

Я наблюдала за тем, как одна из беременных женщин — почти девочка, недавно игравшая в куклы, — судорожно сжала пластинку и стояла, дрожа от ожидания.

Мать провидица бросила сушеные волшебные травы на камень. Камень ожил и засветился изнутри; магические стебли вспыхнули. Взвился розоватый дымок с приятным запахом. Жрица медленно подняла руку ладонью вверх, как будто бы собирая в нее волшебные испарения, потом несколько раз махнула в сторону молодой женщины, при этом быстро шепча молитву. Потом мать провидица сделала знак просительнице, и та глубоко вздохнула и после секундной паузы изо всех сил подбросила пластинку.

Молодая паломница явно нервничала, так как пластинка едва не ударилась о стропила. Потом она, медленно вращаясь, упала на пол. Я увидела, как мать провидица широко улыбнулась, после того как молодая женщина, убедившись, что пластинка упала белым вверх, захлопала в ладоши и радостно вскрикнула. Одобряющая улыбка провидицы исчезла, она грозно нахмурилась, так, как будто бы разгневалась непристойным поведением в святом месте. Молодая женщина, заикаясь, произнесла извинения и постаралась поскорее исчезнуть. Однако, проходя мимо меня, она широко улыбалась, и я видела, что будущая мать спешит рассказать хорошие новости своей семье и друзьям.

Я была последней. Жрица подошла ко мне, все еще полная бодрости и энергии после многих часов общения со страждущими.

— Пожалуйста, сюда, — сказала она. — Мать Дасиар ждет вас.

Жрица была довольно миловидна, с очаровательными черными глазами и игривой улыбкой. Я поймала ее взгляд с хитрецей, явно оценивающий, и знала, что она заинтригована.

Должна признать, что в те дни я выглядела довольно привлекательно. На мне было темно-синее платье без рукавов, прикрывающее колени, такие же по цвету колготки. Платье было надето поверх тонкой серебристой рубашки. Талию стягивал широкий пояс, на котором с одной стороны висел богато украшенный кинжал, а с другой — ножны меча. Я оставила меч у стражника, скучающего около храма. Мои ноги были обуты в высокие облегающие сапожки. Я тешу себя надеждой, что мои ноги достаточно длинны и элегантны. Венчал мой наряд плащ, который я обычно надевала во время путешествий; он был наброшен на одно плечо и крепился застежкой с эмблемой дома Антеро. Я знала, что выгляжу как молодой купец, недавно начавший познавать мир, открытый новым друзьям и новым приключениям... но с украшениями и излишествами в одежде, характеризующими мой пол.

Пока жрица собиралась проводить меня в покои Дасиар, я увидела, как она поправляет одежду, явно для того, чтобы подчеркнуть достоинства фигуры, и аккуратно укладывает волосы, так чтобы красивая темная волна оттеняла обворожительные глаза.

Когда я увидела Дасиар, в моей душе потеплело. И я не смогла удержаться и подмигнула жрице, когда она произнесла приглашение войти и поприветствовать мать провидицу. В ответ на подмигивание молодая женщина мило покраснела и ладошкой

прикрыла рот, чтобы сдержать удивленный смешок.

— Надеюсь, что мать Дасиар будет снисходительна ко мне, — сказала я приглушенным голосом, — потому что при первом взгляде на вас вопрос моментально вылетел у меня из головы.

Нос провидицы дернулся, выражая неудовольствие услышанным.

— Тсс, госпожа, не забывайтесь. Помните, где вы находитесь!

Я поклонилась и пробормотала извинения, которых она, похоже, не заметила.

Дасиар положила легкую ладонь на мою руку и твердо, как и полагается в таких случаях, повела меня в нужном направлении. Но как раз в этот момент, когда мы приблизились к Камню Откровения, она быстро, почти неуловимым одобряющим движением пожала ее.

Мать Дасиар все еще стояла ко мне спиной. Прежде чем провидица повернулась, чтобы утешить последнего за день просителя, я увидела, как она усталым движением поправила складку одежды на плече. До меня донесся ее вздох, потом она сказала:

— Тедейт приветствует тебя, странница. Если твое дело справедливо, мысли чисты, он сможет тебя сегодня благословить, ответить на вопросы, которые тебя беспокоят.

Быстро, еще до того, как Дасиар подняла глаза, я ответила:

— Спроси его, Дасиар, можно ли тебе сегодня пораньше закрыть заведение, так чтобы я успела вместе с тобой выпить.

Она отпрыгнула, как от удара. Потом разглядела меня, и ее рот открылся в изумлении. Потом он резко закрылся, и радостная улыбка осветила ее лицо.

— Гореть мне синим пламенем в аду, — пророкотала она низким бархатным голосом, — если это не Рали Антеро! — Бросив виноватый взгляд на Камень Откровения, она поморщилась, а потом пожала плечами и произнесла: — Извини, о Тедейт. — Потом, обращаясь уже ко мне, продолжила: — Ну, бог с ним, я-то знаю, что он стал гораздо хуже слышать.

— Если это не так, то обещаю, что скоро будет так, если ты сейчас же не помчишься со мной в какое-нибудь укромное местечко, где крепкое вино помогает отключиться. Разве ты не знала, что это оговорено кодексом гильдии предсказателей. Каждые сто лет полагается находить время для греха, хочешь ты того либо нет.

Дасиар рассмеялась и обняла меня.

— Ты действительно дьявол, Рали, — сказала она. — И клянусь богами, которых мы всеу поминаем, я очень рада тебя видеть.

К сожалению, совершенно очевидно, мать провидица Писидии не могла захаживать в увеселительные заведения. Поэтому мы поднялись на несколько пролетов вверх по лестнице, ведущей в покои Дасиар, где имелись достаточные запасы крепких напитков.

Дасиар была дочерью хозяина постоянного двора, но была избрана для ее нынешних обязанностей еще ребенком. Писидийцы верили, что, когда мать провидица умрет, ее дух будет существовать до тех пор, пока не родится подходящий ребенок, после чего дух провидицы переселится в его тело.

Дасиар была «открыта» старейшинами храма, когда ей исполнилось десять лет; ее полностью ввели в курс дела после двух лет испытаний и обучения. К тому времени, когда мы с ней встретились, она уже довольно долго занимала этот духовный пост и так крепко стояла на ногах, что только чума или стихийное бедствие могли помешать ей править духовным миром писидийцев еще очень долго. Ее прихожане всегда имели максимальную выгоду во всех делах, в особенности связанных с торговлей, потому что Дасиар доказала не только то, что может быть хорошей предсказательницей, но и то, что она искусна в колдовстве. Кроме всего прочего, она создала заклинания защиты города от злых деяний. Когда мы виделись с ней в последний раз, мы вместе работали над тем, чтобы улучшить эти заклинания, и стали близкими друзьями

— Я думаю, что это большая честь — быть матерью провидицей, — исповедовалась

Дасиар в те дни. — Но я все же еще тоскую по обычной человеческой жизни, которую я вела в семье, будучи ребенком. Я была всеобщей любимицей. Меня без конца качали на коленях, дарили мне сладости и подарки и совершенно избаловали. Я люблю людей, Рали, действительно люблю. И мне не хватает общения с ними на равных, вне всяких условностей. Ведь сейчас люди видят во мне только мать Дасиар. Хотя, положив руку на сердце, я хочу быть девкой в кабаке, которая подливает вино из кувшина завсегдатаям.

Возможность сделать нечто похожее ей представилась вскоре после того, как мы уединились в личных покоях Дасиар и я утонула в гостеприимном старом диване.

Маленькие комнаты, составлявшие частные покои Дасиар, были несколько убогими, но все-таки удобными. На стенах висели незатейливые украшения, свидетельствовавшие о происхождении Дасиар из простой семьи: маленькие, несколько идеализированные портреты ее родителей, которые обычно делают рисовальщики на базарах; лоскутки незаконченного рукоделия, лежащие, видимо, с того времени, когда Дасиар вдруг показалось, что она потеряла женственность, и ей вдруг потребовалось немедленно заняться «чем-нибудь полезным, чтобы скоротать время», что, как однажды ей сказала мать, было неотъемлемой женской обязанностью.

Забавно выглядевший металлический инструмент лежал поверх книги провидицы, прижимая раскрытые страницы. С его помощью можно было бы в случае необходимости уничтожить небольших демонов. Он служил открывашкой кегавинного бочонка объемом в четыре ведра, принадлежавшего ее отцу. Дасиар сказала, что хранит инструмент в память о нем. Жилище провидицы было наполнено сушеными цветами и травами, как обычными, так и волшебными; они повсюду стояли в горшках, свисали со стропил. На каждом шагу попадались курительницы благовоний разнообразных форм; в каждой из них уже была заготовлена небольшая порция волшебного порошка, подходящая для того или иного случая. На одной из стен висела картина, немного скособоченная, явно написанная самой Дасиар.

Несколько необычного покроя платья желтого цвета свисали с крючков на расстоянии протянутой руки от старой керамической сидячей ванны. Над ванной располагалась полка, густо заставленная пузырьками, бутылочками, баночками с ароматизированными банными маслами. Рядом с бадьей, наполненной водой, стоял стул, развернутый к стойке с зеркалом, где Дасиар причесывалась и приводила в порядок лицо. В другом конце комнаты размещался большой камин, выложенный широкой плиткой: на нем стояли несколько старых набивных кукол с потертыми лицами из детства хозяйки жилища и маленькая заводная игрушка, которая приводилась в действие с помощью опущенной в щель медной монеты.

Каждый раз, когда игрушка начинала работать, я непроизвольно смеялась. Обычно я опускала в прорезь орисскую медную монету, на одной стороне которой был отчеканен корабль, а на другой — символ дома Антеро. После того как монета с легким щелчком попадала в механизм, дородная хозяйка фермы выскакивала из маленького домика, гоняясь с топором за визжащим поросенком. У основания игрушки была сделана надпись, гласившая «Дорогой, до обеда осталась всего минута».

Тогда это рассмешило меня, но теперь я думаю, что была слишком впечатлительна.

Все остальное пространство на каменной полке занимали разнообразные книги: романтические истории и приключенческие романы, поэзия, историческая литература, книги по философии, а также руководства с описаниями волшебных символов и процедур.

Рядом с уютно потрескивающим камином виднелась штора из яркой ткани, скрывающая альков, целиком занятый кроватью.

Рядом со спальней размещалась приемная Дасиар, где она обычно принимала важных гостей и решала официальные вопросы. Но только близким друзьям было дозволено видеть провидицу в неофициальной обстановке.

После того как Дасиар приготовила для нас напитки, она сняла с головы диадему, распустила волосы, позволив им рассыпаться серебряными волнами по плечам, и плюхнулась в кресло, я устроилась напротив нее на диване.

После этого Дасиар подняла бокал и произнесла тост:

— За нас! Отныне и до веку, чтобы завтраки были легки, а ужины беззаботны.

Первый глоток вина после такого тоста показался истинным наслаждением. Тем более что это был первый глоток за много дней. Я раскинулась на диване и почувствовала, как постепенно улетучивается обычное для меня напряжение.

Некоторое время мы поболтали о всяких пустяках, не забывая при этом подливать вина в бокалы. Потом я рассказала Дасиар о цели своего визита. Она очень внимательно слушала, когда я описывала встречу с пиратами и то, как заколдованная музыка чуть-чуть не привела нас к гибели.

— Если не считать доисторических легенд, дорогая Рали, мне ничего не известно об этом прохождении Белом Медведе, — сказала Дасиар, когда я закончила рассказ. — Более того, я не слышала о том, чтобы участились нападения пиратов на купеческие корабли. Не исключено, что этот пират терроризирует всех только в районе, мимо которого вы проплывали. Если это так, то он должен быть всего-навсего местным разбойником, который при всем своем желании не сможет доставить тебе много неприятностей.

Мне хотелось верить в это. Мне очень хотелось быть уверенной в том, что, когда мы шли к бухте Антеро и собирались потом заглянуть и во второе торговое представительство, не произошло бы ничего плохого. В случае необходимости я смогла бы набрать достаточно воинов из жителей колоний, организовать преследование самозваного Белого Медведя и заставить его заплатить за непомерные притязания. Но если этот пират — небольшая помеха на нашем пути, которая может быть устранена столь просто, тогда почему же богиня Маранония явилась ко мне и предостерегла, что Орисса находится в смертельной опасности?

Дасиар, которая с легкостью читала эмоции, поняла, что меня тревожит.

— Есть еще что-то, Рали, дорогая, — забеспокоилась она, — чем ты не поделилась со мной?

— Да, — призналась я, — но я поклялась, что буду молчать.

— Тем не менее, — настаивала Дасиар, — я тешу себя надеждой, что ты все-таки нуждаешься в моем совете. Насколько я понимаю, ты не можешь прийти к определенному решению.

— Это, дорогая моя подруга, — ответила я, — исключительно моя дилемма.

Дасиар нахмурилась, размышляя. Через мгновения ее лицо посветлело. Она подошла к камину и, что-то бормоча под нос, стала двигать и перебирать игрушки, книги, цветочные вазы, стоящие на полке, пока наконец не остановилась на большом хрустальном кубке, поверхность которого была покрыта пентаграммами и другими магическими символами. Дасиар сдула с него пыль, протерла поверхность рукавом и поставила кубок на прежнее место.

Остановившись на полпути, как будто бы вспомнив что-то, она произнесла:

— Сейчас... мне нужно еще немного святой воды. Знаешь, Рали, дорогая, иногда по утрам я не знаю, куда девалась моя голова, когда я пытаюсь надеть на нее диадему.

Наконец Дасиар нашла глиняный кувшин. Понюхав его содержимое, поморщилась и объявила, что оно «достаточно свято». В конце концов Дасиар вернулась, села в кресло и сказала:

— Давай посмотрим, что я смогу узнать, не заставляя тебя нарушить данное обещание.

Она поставила хрустальный кубок и кувшин со святой водой на стол, накрытый старой скатертью с полустертым орнаментом. После этого Дасиар попросила меня взять в рот немного красного вина и потом выплюнуть в кубок, который она быстро заполнила святой водой.

Немного приподняв руки над поверхностью стекла, Дасиар закрыла глаза и произнесла волшебные слова:

Свет пролей
На секреты — здесь и там:
Что предписано умам,

Что повелено сердцам
Молча изучи ответ —
А словам даю запрет.

Розовая жидкость вскипела. Возникли какие-то изображения, и я наклонилась, чтобы лучше разобрать их. Однако Дасиар, глаза которой все еще были закрыты, почувствовала движение воздуха и сделала отстраняющее движение рукой.

Не успела я поднять лицо от кубка, как жидкость выплеснулась и закружилась в яростном вихре, как морской смерч. Комната наполнилась запахом цветущих роз. Я ощутила покалывание магического поля на висках, как будто к ним прикоснулись пальцы призрака.

Я услышала, как Дасиар негромко застонала и судорожно вздохнула.

Неожиданно водяной вихрь испарился, и вместе с ним исчезло магическое поле.

Дасиар открыла глаза.

— Ну что ж, — сказала она, — должно быть, все получилось как надо.

Быстро допив содержимое своего бокала, Дасиар потеряла ладони и улыбнулась.

— Без сомнения, Рали, голубушка, тебе крупно повезло. К тебе явился бог.

Я уже почти успела нахмуриться и дать отрицательный ответ, но Дасиар подняла руку, как бы предостерегая меня от опрометчивого шага.

— Не реагируй на мои слова, Рали, — строго посоветовала она. — В противном случае ты нарушишь данное тобой обещание. Я видела очень немного. Путь к видению был закрыт именно той святой персоной, которая приходила к тебе. Я знаю, что это был бог или богиня. По всей видимости, не Тедейт, иначе я бы его обязательно почувствовала. Я общалась с ним значительную часть своей жизни и хорошо знаю его божественный след. Скорее интуиция, чем точное знание, полученное путем волшебства, подсказывает мне, что тебе являлась богиня... вероятно, которую ты считаешь больше всего, — Маранония.

Пока я восхищалась результатами этой великолепной комбинации таланта предсказателя и долгого опыта, Дасиар снова закрыла глаза, чтобы получше сосредоточиться. Через несколько мгновений она открыла их. На этот раз, однако, Дасиар не улыбалась, но выглядела слишком обеспокоенной.

— Я увидела смертельную опасность, — сообщила она, — и мне представляется, что она грозит не только тебе и твоему экипажу. Не знаю, в чем именно состоит и откуда исходит эта опасность. Хорошей новостью, как мне кажется, является то, что я увидела три корабля, которые могут стать твоим спасением. Один корабль — медный, второй — золотой, третий, последний, — серебряный.

Маранония перечислила корабли в другой последовательности — она назвала сначала серебряный, потом медный и в заключение — золотой, но в этот момент я подумала, что это всего-навсего небольшой сдвиг в сознании Дасиар, приведший к погрешности предсказания, в остальном безукоризненного.

— Кроме того, я вижу очень своеобразную птицу, — тем временем продолжала Дасиар. — Я не знаю, почему эта птица имеет важное значение, но это — так.

Вот это новость! Маранония не упоминала ни птиц, ни каких-либо других животных.

— И еще я вижу женщину, — рассказывала Дасиар, — очень красивую женщину. Нет, двух. Одна королевской крови... а вторая — нет. Не вижу, какая угроза таится в этом для тебя, но имей в виду, что обе женщины из других миров.

Дасиар закончила. Она сидела молча в течение длительного времени, внимательно вглядываясь в мое лицо. Потом поморщилась, как от боли, и побледнела. Она вытянула дрожащую руку и дотронулась до моей правой щеки. Я сидела не шелохнувшись, пока Дасиар гладила ее, неуверенными движениями приближаясь к глазу. Потом ее рука медленно опустилась, и пальцы коснулись левого запястья, потом она медленно убрала руку.

В ее глазах стояли слезы.

— Боюсь, что ты будешь ранена. — Голос Дасиар звучал надтреснуто от избытка эмоций. — Мне так жаль, Рали.

Внешне я старалась показать безразличие, хотя на самом деле мое сердце сжалось от страха.

— Я и раньше не раз получала раны, — ответила я подруге. — Какое это имеет значение?

— Рали, ведь ты же знаешь, — сказала Дасиар, — хотелось бы... хотелось бы заглянуть поглубже, но тропа providения закрыта.

— Ну и бог с ним, будь что будет, — ответила я.

Время от времени я вспоминаю эти свои слова — глупое смертное создание!

— Двум смертям не бывать, а одной — не миновать. Я примирюсь со Смотрителем Мрака, когда присоединюсь к сестрам из Стражи Маранонии.

— Будь моя воля, я бы посоветовала тебе повернуть корабли назад, дорогая моя Рали, — сказала Дасиар, — и предотвратила бы любую боль, которую тебе суждено пережить. Но думаю, у тебя нет выбора.

Я пожала плечами.

— Да. Но скажи мне вот что: будет ли Белый Медведь моим главным врагом? Или же он — только один из тех, с кем мне придется иметь дело?

— Я не знаю, — ответила Дасиар. — Некоторые мои предсказания общего характера, сделанные недавно, показывают, что время, о котором идет речь, очень беспокойно, связано со всевозможными странными возмущениями в других мирах.

Мои брови полезли вверх от изумления.

— Неужели? Странными в каком смысле? Сейчас в Ориссе все нормально. К тому же я нередко обращаюсь к магии, и ни один из моих коллег не упоминал ни о каких трудностях.

Дасиар слегка кашлянула.

— Твоя экстрасенсорная сила настолько велика, Рали, что иногда я совершенно забываю, насколько ты новичок в этих делах. Конечно же, твои коллеги не скажут тебе ни слова. Мы — подозрительное и завистливое племя, положи руку на сердце, надо признать, что мы неохотно раскрываем свои тайны другим магам.

Что касается твоего опыта — так это только благодаря тому, что ты — Антеро. И, если мне окончательно не изменили мои скромные возможности предсказателя, то именно Антеро являются причиной будущих потрясений. После того как ты и твой брат начали путешествовать, из спиритических чанов стали выплескиваться всевозможные химеры. Это можно сравнить с ситуацией, когда внезапно из тысячи личинок на свободу вырываются мириады зловредных насекомых.

— Как тот демон, который был рабом пирата? — спросила я.

— Подозреваю, что это так, — ответила Дасиар.

— Мне искренне жаль, что наша семья стала источником стольких неприятностей.

— Не сожалею ни о чем, — сказала подруга, — во всем мире не найдется ни одной колдуньи, которая не была бы хоть чем-нибудь обязана тебе и твоему брату. Сейчас нам известно во много раз больше, чем всего несколько лет назад. Это можно сравнить с тем, как если бы мы внезапно проснулись и обнаружили, что были раньше слепы и глупы. Это сравнимо с внезапным озарением, внезапным узнаванием ребенком жизненной правды.

Дасиар произнесла это настолько искренне, что я невольно почувствовала себя лучше.

После этого мы еще некоторое время обсуждали менее значительные проблемы, заменив по ходу дела вино на превосходный коньяк, который освобождал сознание от тревог и разжигал огонь желания в теле, сметая все преграды.

— Скажи-ка мне, Рали, — спросила Дасиар, когда огонь уже начинал гореть в ее глазах, — как обстоят у тебя дела на любовном фронте? Не увенчались ли успехом твои долгие поиски?

Я поморщилась.

— Для этого у меня не было даже подходящей карты, — ответила я. — По правде говоря, — я уже была готова окончательно отступить, — в любви у меня было сплошное невезение с той поры, как...

Я внезапно замолчала, так как не хотела ворошить болезненную память об Отаре. В течение многих лет она была моей любовницей, и я так и не смогла примириться с ее смертью.

Дасиар, которая хорошо меня знала, постаралась сделать вид, что не замечает моего смятения.

— Рали, ведь у тебя бывали интересные приключения, — попросила она. — Будь добра, расскажи. Мне пригодилась бы парочка соленых историй.

Я рассмеялась и признала:

— Ну что ж, парочка историй найдется, врать не стану.

— Только две? — игриво спросила Дасиар. — Где же ты тогда прятала свою сущность, женщина? Ведь должно было бы быть на самом деле неограниченное количество озабоченных юношей, стремящихся во что бы то ни стало разделить с тобой ложе.

И Дасиар засмеялась. Это был замечательный, циничный, вызывающий смех.

— Я заметила, что моя помощница поглядывала на тебя. Илана бы посчитала, что ее благословила своей милостью сама богиня любви, если ты ответила бы на ее авансы. Кстати, почему бы мне не пригласить ее к нам выпить? И тогда мы посмотрим, на что вы способны.

— Пожалуйста, прекрати, — оборвала я, — действительно, я считаю ее привлекательной. Я даже немного пофлиртовала с ней. В этом нет ничего предосудительного. Но у меня и в мыслях не было связывать себя сейчас дополнительными трудностями.

К тому же, если я не очень сильно ошибаюсь, Илана будет удовлетворена только абсолютной победой.

Кроме того, — продолжила я, — она выглядит такой активной! Я бы этого не перенесла. Я бы, наверное, начала бы смеяться.

На самом деле настроение у меня было далеко не веселое. Внезапно я ощутила одиночество, но продолжала улыбаться, чтобы не испортить радость от общения с Дасиар.

Однако Дасиар трудно было обмануть. Она тряхнула головой и сказала слегка приглушенным голосом:

— Бедная Рали. Все, чего она ждет, — немного нежности.

Я не ответила. Одновременно я обнаружила, что смотрю на Дасиар совсем другими глазами. Она приблизительно на пятнадцать лет старше меня. Ее кожа выглядела превосходно, белая и гладкая, как пергамент. У нее большие глаза почти фиолетового цвета, которые, казалось, горели мягким огнем, как угли в костре. Дасиар распустила волосы — они лежали длинными серебристыми волнами. На ней все еще было желтое шелковое платье провидицы, красиво облегающее мягкое округлое тело, которое мне вдруг нестерпимо захотелось ласкать.

У меня стало сухо во рту. Я боялась произнести и слово, так как мои мысли были далеки от приличия.

Дасиар посмотрела на занавешенный альков, потом снова на меня. Огонь, который я заметила недавно в ее глазах, разгорелся ярче. Она поднялась и стала не спеша приближаться ко мне, как облако, взяла меня за руку и мягко заставила встать. Я почувствовала запах ее духов — горячий лимонный аромат, как от подогретого вина с пряностями.

— Пойдем, дорогая Рали, — сказала она.

И она повела меня к своей пуховой постели.

Это была ночь-мечта, ночь тихой магии.

Дасиар долгой и терпеливой лаской сняла напряжение моего тела, массируя каждый палец на ноге, потом медленно и осторожно поднимаясь все выше и выше, обращая внимание на каждый изгиб, на каждый узелок. В руках Дасиар я стала податлива, как нагретый воск, совершенно беспомощна в том блаженном состоянии, в котором находилась, и была способна только на то, чтобы постанывать время от времени и поворачиваться то на одну сторону, то на другую по ее команде.

Потом мы любили друг друга; нас унесло на тенистые поляны в краях вечного лета. Потом мы еще долго нежились в объятиях, свернувшись калачиком, и, когда вернулась страсть, мы снова отдались ей без остатка. Думаю, в какой-то момент я произнесла имя Отары, но Дасиар только крепче обняла меня и прошептала мне слова нежности и утешения, поэтому я была уверена, что она не обиделась. Когда мы устали и успокоились, я заснула на ее руках.

Дасиар преподнесла мне дар, который был дороже всего золота богов.

Я была разбужена почти на рассвете приятными звуками музыки; казалось, что кто-то играл на лире. Лежа, убаюканная волнами этой музыки, я вдруг поняла, что раньше много раз слышала ее.

Мелодия была очень хорошо мне знакома.

А потом я услышала взрывной звук большой трубы, несущий весть о войне. Услышав крики, я вскочила.

Город подвергся нападению.

Глава 4. ВОИНЫ-ВЕЛИКАНЫ

Обнаженная, я вскочила с постели, яростными движениями расшвыривая вещи, отыскивала кинжал — единственное оружие, которое имела, и бросилась к окну.

Комната располагалась на несколько этажей выше основного помещения храма, поэтому из окна открывался хороший обзор гавани и дороги, которая извилисто поднималась от берега к храму. Порыв холодного ветра влетел через окно, и в этот момент я невольно поежилась. Но не от внезапного холода.

В гавани стоял корабль таких размеров, что в первый момент я растерялась, когда увидела его, и подумала с изумлением, как столь удаленный предмет может казаться столь большим. Страх парализовал меня, когда до меня дошло, что только гиганты могут управлять им. Голова закружилась, но внезапно звуки сражения приковали мой взгляд к порту. Три огромных воина возвышались над серой массой, которая, судя по всему, была сотней писидийских солдат. Великаны носили шлемы, были одеты в тяжелые доспехи, а в руках держали мечи шириной с человека и длиной в два его роста. Писидийцы храбро пытались окружить гигантов.

Три огромных воина неожиданно сделали резкий одновременный выпад мечами, и много писидийских солдат полегло в этой яростной, но умело организованной атаке. Однако, несмотря на достигнутое преимущество, гиганты, казалось, не спешили закрепить успех и вскоре отошли на прежние позиции.

Затем я заметила баркас размером с обычный корабль, который был пришвартован на некотором отдалении от берега. На баркасе держали оборону еще четверо воинов-великанов. Я быстро сообразила сосчитать весла — десять двойных рядов — и поняла, что предстоит встретиться еще не менее чем с тринадцатью вражескими воинами.

Вдруг я почувствовала, что Дасиар стоит рядом. Она подошла, чтобы узнать, что происходит. В течение нескольких минут мы молча наблюдали за сражением, пытаясь собраться с мыслями. Подул более холодный ветер. Дасиар принесла мне платье, и я неловко и торопливо оделась. И тут я увидела на вражеском корабле флаг, который, казалось, затвердел на холодном ветру.

На флаге была эмблема Белого Медведя.

Холод и вид этого флага неожиданно прояснили мои мысли. Тут же возникли вопросы.

Как великаны прорвались сквозь волшебную защиту, установленную Дасиар? Звуки лиры были ответом. А это означало, как я и опасалась, что за пиратским вождем стояло более мощное колдовство, чем то, которым обладал так легко уничтоженный мной маленький демон.

Тогда почему же мы не спали, как безвольные рабы, околдованные магическими

звуками? Ответ был прост. Заклинания, сформулированные Дасиар, ослабили силу воздействия звуков лиры. А это означало, что с такого рода магией я смогла бы сразиться, имея надежду победить.

Следующий вопрос: какова цель великанов? Взять город? Судя по тому, что я видела, маловероятно. С десантом в двадцать человек, баркасом наготове и кораблем под парусами и с поднятым якорем им скорее нужно быстро ретироваться. Так каково же их намерение? Ответ не заставил себя ждать.

Я услышала пронзительные крики, которые раздавались как раз под нами, а потом приказы, похожие на рев дикого буйвола, доносящиеся со стороны дороги. Там, где дорога выходила на плоскую вершину ближайшего пригорка, показались огромные воины в доспехах, быстро приближающиеся неуклюжей трусцой. Гиганты атаковали храм.

Их было тринадцать. Один из них отстал, чтобы блокировать дорогу со стороны гавани. Он перегородил путь, встав как огромная стальная надолба. Его колоннообразные ноги устроились по обе стороны от дороги. Щит воин поднял до уровня подбородка, меч держал на изготовку. Он непрерывно извергал громоподобным голосом грубые оскорбления в адрес писидийских солдат, которые преследовали нападавших.

Остальные писидийские воины окружили храм. Когда началось нападение, они развернулись веером в сторону врага.

За безопасность храма отвечали только два охранника. Кому могло прийти в голову нападать на святое место? Оба охранника были в возрасте; одному могло показаться, что они — герои, другому — что они дураки, но, несмотря на явно превосходящие силы противника, они оба немедленно вышли навстречу великанам.

Они сражались изо всех сил. И оба умерли как солдаты. Иногда я вспоминаю их. Сцена битвы ярко встает перед моим внутренним зрением. Два человека лет шестидесяти с наспех надетыми доспехами быстро бегут по направлению к вражескому авангарду. Чувство долга, привитое им, заставило сразиться с многократно превосходящим в силе противником. И они не колебались ни секунды. Не дрогнули в тот момент, когда мне все казалось безнадежным, когда превосходство врага казалось подавляющим. Когда я мысленно воскрешаю эту картину, двух невзрачных с виду мужчин, бросивших кости, чтобы узнать свою судьбу, то думаю, что судьба безжалостно посмеялась над ними, смешала кубики из слоновой кости и выдала смертельный расклад. Происходи все в детской сказке, благородство и храбрость этих воинов были бы вознаграждены. Какими-то неведомыми силами гиганты были бы опрокинуты, старики остались бы невредимы, храм спасен.

На самом деле все произошло по-другому.

Герои быстро погибли, и это не потребовало особенных усилий со стороны нападавших. Единственной наградой, которую получили старые солдаты, была светлая жизнь их душ.

После того как храбрецы пали, дверь в моей комнате резко распахнулась и испуганные жрицы заполнили ее, умоляя Дасиар о спасении.

Дасиар стояла босиком, на ней было надето только желтое платье, похожее на одно из тех, которое она дала мне, а ее серебряные волосы все еще не были причесаны после сна. Но я никогда больше не видела у нее такого ясного взгляда и царственной осанки, как в тот момент, когда умоляющие женщины окружили провидицу плотным кольцом.

Она освободилась, выпрямилась и громовым голосом крикнула:

— Молчать!

И воцарилась тишина.

Протянув руку, она сказала Илане:

— Диадему!

Илана бросилась исполнять приказ, жрицы расступились, пропуская ее.

Дасиар высоко подняла алмазную диадему, как бы предлагая ее в дар небесам. Я почувствовала, как пронесся сгусток энергии, пока она собирала воедино свою магическую мощь, чтобы снова стать матерью провидицей. Затем она осторожно надела диадему: поток

энергии стал равномернее, потом полностью окутал фигуру Дасиар, которая казалась теперь неуязвимой.

Ее руки взметнулись, формируя заклинание. Я почувствовала, что в пространстве происходит движение, напоминающее ход голубого кита, и мое астральное тело задрожало от воздействия упругого, все ускоряющегося потока.

За секунду до того, как Дасиар была готова послать заклинание, я почувствовала удар прозрения.

— Дасиар, подожди! — закричала я.

Дасиар была мягкой колдуньей, чье искусство служило людям на протяжении долгих лет. Она была кладезем теоретических знаний о магии, но ее практические навыки были ограничены актами милосердия для страждущих. Она напоминала одаренного знахаря, посвятившего жизнь проблемам семьи, обычным людям с их обычными болезнями. Такой знахарь, как правило, хорошо представляет себе, какие смертельные эпидемии могут время от времени поражать нашу землю. Более того, он может изучить приемы защиты от таких эпидемий, тактику и стратегию поведения знахарей, столкнувшихся с экстремальными ситуациями в прошлом. Однако одно дело — знать что-то в теории, другое — столкнуться с этим в реальной жизни. И получится, что у вас — кухонный нож, а у врага — двуручный меч.

Дасиар не приходилось участвовать в войне. Она никогда не произносила заклинания в гневе, не отражала контратак, не учитывала возможности удара со стороны хитрого врага, пришедшего убивать. У меня же был такой опыт. И в последний момент я почувствовала опасность — как раз перед тем, как Дасиар заканчивала произносить заклинание. Она метнула его во врага изо всех сил, как обычно бывает в реальных сражениях. Это было классическое заклинание, я испытала трепет при виде его чистых граней и восхитительных углов. Ни один магистр магии, ни даже Янош Серый Плащ, не смог бы сделать это лучше. Но мое восхищение разлетелось вдребезги, когда я увидела, какова будет контратака.

Мое предупреждение прозвучало слишком поздно.

Великаны заревели от боли, когда заклинание Дасиар поразило их. Но затем оно с такой яростью и удвоенной силой отразилось назад, что мои чувства чуть не расплавились от перегрева.

Дасиар вскрикнула и упала на пол.

Жрицы заплакали, и я увидела, как тонкая струйка крови вытекла из угла рта Дасиар. Она лежала без движения.

За окном раздался громоподобный голос гиганта:

— Эй, вы, там! В храме! Мы не причиним вам зла. Нам нужна мать провидица. Выдайте нам ее побыстрее! Выдайте, и вы будете свободны!

Приказания злодея вызвали легкий шорох в комнате. Жрицы быстро переглянулись. Я чувствовала, как нарастает их гнев, крепнет решимость. Эти женщины не предали провидицу. Они не отдали бы ее даже в том случае, если бы Дасиар умерла.

Я должна была действовать очень быстро.

Поспешив к Дасиар, я опустилась перед ней на колени.

Никто не издал ни звука. Казалось, женщины понимали, чем я занята, поэтому они не возражали, когда я сняла диадему с головы провидицы. Прежде чем надеть ее, я поцеловала Дасиар в губы. Они были теплыми, и я надеялась, я молилась, чтобы то, что я почувствовала, когда наши губы соприкоснулись, оказалось дыханием.

Гигант снова угрожающе закричал:

— Повторяю, выдайте ее! Выдайте Дасиар. Или вы все умрете!

Я подошла к окну.

Негодяи тем временем подошли ближе. Наши глаза оказались почти на одинаковом уровне. На меня пристально уставился их капитан.

— Я Дасиар, — сказала я, — я мать провидица. — И сразу после этого я отошла от окна и приступила к приготовлениям.

Я почувствовала себя как ягненок, которого ведут на рынок, когда гиганты гнали меня вниз по склону. На мне было платье и диадема матери провидицы Писидии.

Больше с нами никого не было. Именем Дасиар я приказала писидийским солдатам отойти, предупредив, что буду убита, если они сделают малейшее движение, чтобы освободить меня. Дорога была пустынная, но я слышала, как время от времени скрипят ставни, и чувствовала, как люди выглядывают, чтобы посмотреть на процессию.

Идя среди гигантов, захвативших меня, я чувствовала собственную беспомощность. Вы не можете себе представить, насколько огромными мне показались воины. Они были высоки, широки в плечах и, видимо, очень тяжелы. Но к тому же от них исходил тяжелый дух. Более отвратительный, чем вонь дубилен Писидии. Их животы урчали от непереваренной пищи, и я могла слышать, что полужидкое содержимое желудков булькает и плещется, как мясной суп в железном котле. Их дыхание напоминало морской ветер, рвущий скалы. Когда они скребли в невымытых и нечесанных бородах, доходивших до пояса, мне казалось, что из них выпрыгивают вши угрожающих размеров.

Капитану удалось поймать одно такое создание, и он сжал его своими мясистыми пальцами. Раздался внятно слышимый хруст, когда он раздавил насекомое грязными ногтями, и я увидела, как брызнула кровь. Капитан вытер пальцы о свисающие усы и обсосал, чтобы окончательно избавиться от остатков. Потом он громко рыгнул и произнес:

— Мне нравится смотреть, как ты идешь, малышка провидица. Держу пари, что под твоим желтым платьем есть кое-что, способное вызвать аппетит.

Остальные заржали. Впечатление было такое, что в океане сталкиваются айсберги.

— А почему бы не глянуть, а? — спросил кто-то второй. — Не такая уж она недотрога, это золотко, чтобы не сделать приятное простым воякам.

— Ей-богу, она и там блондинка! — предположил третий.

— Когда она начнет раздеваться, будет интересно, не сомневайтесь, парни, плохо то, что очень мала. Не выдержит более четырех, от силы пяти из нас.

Я не обращала на все это ровно никакого внимания, сконцентрировавшись на том, чтобы идти как можно ровнее. Грубые намеки вражеских солдат становились все более отвратительными, откровенными, изощренными. Но я не могла позволить им вывести меня из равновесия. Они хотели унижить меня. Обесчестить. Полностью подчинить своей воле.

Более всего я хотела стать Полилло. Она была сильной.

Она умела ненавидеть. В ответ на сальные грубости она врезала бы так, что то, что торчало, повисло бы навек. А когда они брякнулись бы на задницы, она оторвала бы яйца и приготовила из них завтрак.

«Ах, друг мой Полилло, — подумала я еще раз с горечью, — как мне не хватает тебя. Как бы я хотела, чтобы ты была со мной».

И я негромко произнесла волшебные слова:

Видение. Любимое видение. Приди. И мною стань ты вновь. Оставь астральное парение. Войди в меня — и в плоть, и в кровь... Переполняй меня, Полилло. И гнев и силу приготовь.

И она вошла в меня. Я почувствовала, как благодаря духу Полилло вздуваются мои вены, становятся толще кости, мышцы превращаются в стальные канаты. Я засмеялась, и прозвучал смех моей подруги. Грубый и громкий. Я повращала плечами и почувствовала пульсацию силы Полилло. Я топнула ногой с дикой радостью. Земля вздрогнула от веса Полилло.

— Эй, ты что там затеяла? — спросил капитан.

Его массивная лапа схватила меня за плечо и развернула. Я заставила себя разыграть застенчивость.

— Нет, ничего особенного, — жалобным голосом произнесла я, заставив себя задрожать и уронить слезу, — я споткнулась.

— Мы слишком разволновали ее, — сказал один из его сообщников, — ее коленки

начинают дрожать, когда она представляет себе, как мы все побываем между ними.

Капитан грубо захохотал, отпустил меня и произнес:

— Тебе не придется долго ждать, малышка провидица. — Он показал на разрушенную дамбу, где их ожидал баркас и его гигантские охранники. До баркаса оставалось шагов сто, не более.

— Совсем недолго, — повторил капитан, — обещаю тебе. Дух Полилло зарычал, но я сдержала ее гнев. Я оценила профессиональным взглядом разрушенную дамбу. Она изгибалась, повторяя очертания береговой линии, иногда так далеко вдаваясь в море, что значительные участки берега были невидимы из баркаса. Будь у меня время, я бы заранее спрятала солдат в одной из таких излучин. Оценив, как меняется высота дамбы, я обнаружила места, где можно было с легкостью взобраться наверх.

Я не теряла хладнокровия — как и подобает женщине-воину при обдумывании предстоящей операции. Теперь эти громилы не пугали меня. Несмотря на грязные намеки, они не могут причинить мне вреда. Потому что у них приказ — доставить меня в определенное место, к кому-то, кого я еще не знаю. Нет, не меня. Не Рали Антеро. Но Дасиар. Мать провидицу.

Но почему?

По чьему приказу?

И как долго я смогу скрываться под маской Дасиар?

Дух Полилло предупредил: «Рали, не ходи дальше».

Подруга была права.

Капитан подтолкнул меня по направлению к баркасу, и я сделала вид, что опять споткнулась. Но, падая вперед, кувыркнулась через голову, вскочила и помчалась на самую высокую площадку разрушенной дамбы. Я услышала, как гиганты встревожено зарычали и бросились вдогонку, их доспехи неистово забренчали.

Сила Полилло наполнила мои мышцы, поэтому я без усилий взлетела на вершину дамбы. Там, на самой верхней площадке, остановилась как вкопанная.

Я уловила изумленный взгляд знакомого мне лица. Это было как моментальный снимок, изображение, замороженное на мгновение: Лицо было очень уродливо. Лысая голова в складках кожи. Мелькнул длинный розовый язык...

Ящерица!

Потом я увидела силуэты остальных — моя команда спешила ко мне на помощь.

Однако я уже полностью подготовилась к задуманному. Как только пальцы ног коснулись камней дамбы, сила инерции бросила мое тело вперед. Я резко выбросила руки, чтобы усилить движение и управлять им. Дух Полилло крикнул от напряжения, и мои ноги стали упругими пружинами, которые поглотили инерцию. После этого я сделала обратное сальто. Поворачиваясь в воздухе, я напрягла ноги, пока они не стали твердыми, как багры. Я угодила точно в грудь капитана, и мы оба покатались кубарем. Его доспехи гремели, как сложная металлическая машина, спущенная с горы.

Капитан заревел от ярости и боли. Дух Полилло подсказал мне, чтобы я остановилась, заткнула орущую пасть и сломала эту проклятую шею. Но я почувствовала, что приближаются другие гиганты, и продолжала двигаться. Я вскочила на ноги как раз перед атакующим великаном. Он отпрянул в изумлении, как дикий кабан, который искал корень, чтобы полакомиться, но вдруг учуял мышку и испугался, что она укусит его в пяточок.

Дух Полилло засмеялся и заставил меня резко опустить ногу на пальцы его ноги. Гигант вскрикнул. Я подпрыгнула, ухватила за его бороду и стремительно качнулась в сторону, как матрос, который спускается по канату.

Моя нога с режущим звуком скользнула по броне, которая имела сочленение в паху и была неполной, и глубоко вошла в не прикрытую ею плоть.

Клянусь богами, это был неплохой удар. Достойный Полилло! Приятно было послушать вой великана, дорогие мои сестры! Он начал с очень низких тонов, а закончился таким пронзительным фальцетом, что, будь небеса стеклянными, они непременно бы

раскололись.

Воспоминание об этом и сейчас веселит меня.

Но не время смаковать вкус победы. Приближались остальные великаны. К тому же их капитан пришел в себя и, размахивая огромным мечом с широким лезвием, громовым голосом приказал своим воинам расступиться, чтобы позволить ему рассечь меня пополам.

Тогда у меня был шанс погибнуть. Последовать за двумя пожилыми охранниками храма. Я была бы наказана за неспособность завершить свой план. И за то, что подставилась под смертельный удар.

Мимо меня пронеслось темное облачко — туча стрел ударила капитану в лицо.

Он вскрикнул и рефлекторно вздернул руки, но тут же вскрикнул еще раз и резко отстранил ладони. Из каждого глаза торчало по несколько стрел. Когда капитан грохнулся оземь, моя команда бросилась врукопашную. Я не смогла сдержать чувства гордости за них. Мои воины издали боевой клич, от которого кровь стыла в жилах. Но в предпринятой атаке не было ничего дикого и тем более несправедливого. Их было всего семеро. Близнецы и Ящерица окружили одного великана, увертываясь от его страшного оружия, нанося ответные удары и старательно прикрывая друг друга. Донариус и двое других взяли на себя еще одного бронированного громилу. Капитан Карале прикончил гиганта, сбитого с ног, быстро подбежал, встал рядом со мной и вступил в бой. Со стороны берега доносились звуки сражения, и я знала, что остальные члены моей команды помогают одолеть охрану баркаса.

Несмотря на чувство гордости за храбрость людей, которым я доверилась, было ясно, что великаны скоро опомнятся и уничтожат нас.

Я крикнула Сарале:

— Помогите остальным!

Капитан быстро огляделся и помчался к сражающимся у баркаса.

Мне была необходима передышка... совсем немного времени.

Опустившись на колени, я положила на землю диадему Дасиар. После этого я вытащила из кармана в рукаве ее заводную игрушку и окружила ее алмазным кольцом, замкнув украшение провидицы.

Маленькая ферма с закрытыми дверями казалась слишком жалкой и беспомощной. Особенно сейчас, когда вокруг гремела яростная битва. Но это было все, что я успела приготовить, когда меня захватили в храме.

Из того же кармана я достала монету. Это была монета Антеро, сделанная из хорошей орисской меди. Я поцеловала изображение корабля, на одном дыхании прошептала молитву Маранонии, затем поставила монету на край щели.

И начала лихорадочно искать подходящее заклинание. Но в голове было удручающе пусто. Мне предстояло незаметно проскользнуть мимо магической защиты, построенной врагом, иначе, независимо от того, какое заклинание я сформулирую, оно вернется ко мне и я разделю участь Дасиар.

Заклятие, которое мне предстояло бросить во врага, должно было звучать совершенно невинно, так, чтобы он не заметил его до момента удара. Мне в голову пришел детский стишок. Особо не рассуждая, не вдумываясь в его содержание, я начала быстро шептать слова, возникшие в сознании:

Ах ты чертов поросенок,
Что ж, стервец, ты натворил —
Слопал сливки все и масло,
Следом кошку проглотил.
Будешь гнуть свое копыто, —
Так получишь по башке!
Нашпигую вмиг «досыта»,
Сжарю в собственном жирке!

Я отпустила монету.

Механизм игрушки заработал. Я вскочила на ноги, как только рывком открылась дверь и из нее выскочила хозяйка фермы, заноса над головой игрушечный топорик.

Вместо того чтобы помчаться за поросенком, она бросилась к краю неестественно раскрашенной подставки. На границе игрушки фермерша не колебалась ни одной секунды, перемахнув через нее. Маленькие ноги понесли ее по направлению к сражающимся.

Я сделала небольшое волшебное движение, и фермерша немного выросла. Я повторила движение, и она начала увеличиваться до тех пор, пока не достигла размера великанов.

Она яростно закричала на негодеев, и ее крик напоминал гром небесный, несмотря на то что это был не боевой клич, а мой детский стишок:

— Ах ты чертов поросенок, что ж, стервец, ты натворил? Великаны мгновенно замерли, как будто увидели привидение. Огромная игрушечная фермерша маниакально засмеялась и подняла топор размером с лопасть ветряной мельницы. Ее широкие юбки неестественно громко зашуршали, когда она помчалась на врага. На раскрашенном лице сияли огромные круглые глаза, а застывшая усмешка была настолько радостной, что вызывала ужас.

— Что ж опять ты натворил, — взревела фермерша. Через мгновение она оказалась среди великанов, разя направо и налево.

Казалось, нет такой силы, которая могла бы остановить ее неотступную, неумолимую, безжалостную механическую ярость. Великаны верещали в страхе, как недорезанные свиньи. Одного фермерша разрубила пополам. Второму отсекла руку... Я увидела, как с широких плеч третьего слетела большая чубастая и бородастая голова.

Хозяйка игрушечной фермы преследовала свои жертвы с поразительной скоростью, оставляя за собой горы окровавленного мяса. Она продолжала избиение великанов до самого баркаса, и вскоре в живых не остался ни один из них.

Пока мы стояли, ошеломленные страшной картиной и реками пролитой крови, фермерша прыгнула в море и, вспенивая воду, быстро поплыла к гигантскому кораблю.

— Будешь гнуть свое копыто, — кричала она, набирая скорость и устремляясь навстречу врагу, как торпедоносец, — так получишь по башке!

Я не могу даже вообразить, какие мысли кружились в головах великанов, оставшихся на борту, когда они увидели, что их атакует огромная игрушка. Клянусь, независимо от того, что они подумали, ими овладел ужас. Услышав потрескивание магического поля, я поняла, что достигла цели.

С палубы вражеского корабля вверх ударил огромный шар магического пламени. Я смогла с большого расстояния почувствовать запах серы, подтверждающий дьявольские намерения. Я произнесла волшебные слова:

— Вызванное — вызываю,
Проклятое — проклинаяю,
Назад посылая копье.
Зеркальное — отражаю,
Дважды — и бью огнем!

И крикнула:

— Будет так!

Огненный шар ударил в громадную игрушку, и, когда море закипело и забурлило, все исчезло в смеси воды и пара.

Поверхность моря неожиданно стала такой спокойной и ровной, что сейчас уже никто бы не догадался о том, что только что произошло. А тот, кто все видел, подумал бы, что это было порождением воспаленного воображения.

Затем поверхность моря вспучилась, впечатление было такое, как будто из глубин всплыл подводный корабль. Однако это был не корабль, но волшебное зеркальное отражение

того огненного шара, которым выстрелили в нас великаны. Вокруг шара кипела вода, он шипел и брызгал во все стороны огненными искрами.

В течение нескольких бесконечных секунд шар неподвижно парил над поверхностью моря, потом ударил в том направлении, откуда появился. Я услышала резкие взволнованные крики гигантов, которые только сейчас поняли, что происходит. И как эхо прозвучали их истерические вопли, когда до остатков команды наконец дошло, что все пропало. До того мгновения, пока огненный шар не ударил во вражеский корабль, взорвавшийся с грохотом, я слышала все те звуки, которые издает живое существо, отчаянно стремящееся остаться в живых.

Из-под палубы вырвался упругий и яростный столб пламени, в мгновение ока охвативший мачты, затем вспыхнули паруса. Кто-то попытался бороться с пламенем. Большинство бросилось к бортам.

Воздух наполнился последними короткими вскриками, и ад поглотил их.

Когда вскрики стихли, мы вдруг отчетливо услышали, как неистово бушует пламя. Столб дыма поднимался до самого неба. Корабль быстро выгорел до ватерлинии. С продолжительным пронзительным шипением, которое было слышно на противоположных берегах моря, остов корабля гигантов канул в пучину. Стало необыкновенно тихо. Только слегка посвистывал ветер да негромко плескались волны.

Через несколько дней я заглянула к Дасиар, которая все еще лежала в постели. Она выглядела необыкновенно хрупкой и болезненной под одеялом, до сих пор не оправившись от удара злой магии. Но яркий блеск ее глаз подсказал мне, что она поправляется.

Дасиар отослала сиделку, и мы остались вдвоем. Мы обнялись, быстро и невнятно говоря друг другу все то, что обычно говорят люди, когда они искренне рады видеть близкого человека, каким-то чудом оставшегося в живых после катастрофы.

Когда прошел первый эмоциональный порыв, я смочила губы Дасиар губкой, пропитанной вином. Я смешала это вино с препаратами, восстанавливающими силы, а также с волшебными травами и была вознаграждена румянцем, вернувшимся на щеки Дасиар.

— Ты знаешь, Рали, почему все это произошло? — спросила она.

Я покачала головой и призналась:

— Не имею понятия. Пока ты вынуждена была лежать в постели, я долго думала об этом. Но вернулась к тебе, имея гораздо больше вопросов, чем до нашей первой встречи. Мы знаем, что гиганты шли под флагом Белого Медведя, поэтому это может быть его рук делом. Кроме того, мы знаем, что гиганты прибыли специально за тобой. Им был отдан приказ доставить тебя кому-то. Не исключено, тебя должны были привезти самому Белому Медведю. Мы можем только гадать на этот счет. Оснований для точного суждения нет.

— Вероятно, враг надеялся, что без меня Писидия станет беспомощной, — предположила Дасиар, — после чего большая армия сможет спокойно занять город, не встретив сопротивления.

— Думала и об этом. Похоже, что это наиболее правдоподобное объяснение. Для меня не является откровением, что пирату пришла в голову великолепная идея объявить себя королем, а после этого предпринять усилия для захвата королевства, которым он смог бы править.

— Это настолько очевидно, — сказала Дасиар с улыбкой, — что ты в действительности не считаешь это главным мотивом действий Медведя.

— Да, должно быть еще что-то, — подтвердила я, — иначе пираты постарались бы убить тебя, а не взять в плен.

— Но с какой целью, для чего я могла бы им быть полезной? — спросила Дасиар.

— Единственное, что приходит мне в голову, — предположила я, — пираты хотели воспользоваться нашей силой заклинателей. Каким-то образом они получили возможность (или им это только кажется) применить наши способности к волшебству для достижения своих целей.

Дасиар иронически усмехнулась и сказала:

— Практически это недостижимо. В истории магии и колдовства такие попытки предпринимались неоднократно. Можно даже создать заклинание, которое отражает другое заклинание, поражая атакующего. Именно так, как случилось со мной. Я до сих пор чувствую себя полной идиоткой. Но украсть, отнять силой магические способности невозможно. Более того, их невозможно получить по доброй воле волшебника, как подарок.

— Насколько мне известно, — согласилась я, — дело обстоит именно так. Но можно ли быть уверенной до конца? Магия древнее законов. Только благодаря Серому Плащу эта идея стала подвергаться проверке.

Дасиар кивнула в знак согласия. Она прочувствовала мою точку зрения. До Яноша Серый Плащ все заклинания и тем более способность к магии передавались по наследству из поколения в поколение. Никто не задавал вопросов «что?», «как?» и «почему?». Предначертания судьбы были законом, принимаемым без рассуждений.

— Руководители Писидии и военачальники сейчас собираются, — продолжала Дасиар, — чтобы решить, что можно предпринять. Завтра, если здоровье мне позволит, я присоединю свой голос к тем, кто стремится унять растерянность и истерию, которая овладела частью населения. Рали, скажи, пожалуйста, что, на твой взгляд, можно было бы сделать?

— У меня нет права голоса, — ответила я, — нападению подверглась твоя родина. Только ты сама и жители Писидии должны определить, на какой риск вы способны ради спасения. Насколько необходима немедленная месть агрессору? Если да, то какую цену вы способны заплатить за эту месть или, по крайней мере, за то, чтобы уверить противника в том, что вы достаточно сильны, чтобы отразить нападение?

Дасиар молчала в течение нескольких мгновений, обдумывая мои слова, потом сказала:

— Я бы посоветовала не спешить и проследить за развитием событий. Позаботиться о вооружении и предусмотреть все, что возможно, для отражения еще одного вторжения. И собрать как можно больше информации, прежде чем начнем действовать.

— Думаю, что это наиболее мудрое решение.

— А что собираешься делать ты, дорогая Рали?

— Смотри, — сказала я, — целью моего плаванья на сей раз было узнать, насколько велика опасность, исходящая от Белого Медведя. Теперь я знаю. Она исключительно велика.

Мне не надо долго и упорно плавать по Южному морю, чтобы доказать это. Но настолько ли велика эта опасность, чтобы оправдать превентивные действия со стороны Ориссы? С нашей точки зрения, угроза слишком далека. Поэтому я думаю, что последую твоему совету и предложу брату не спешить и последить за развитием событий.

— И поэтому ты немедленно возвращаешься домой? — спросила Дасиар.

— Нет, не сразу, — ответила я, — сначала нужно быстро попасть в торговые представительства. Я не имею права оставить наших людей в беде. Возьму их на борт, оставлю торговые представительства Медведю, если возникнет такая необходимость, и как можно быстрее и с максимальной осторожностью вернусь в Ориссу.

Дасиар улыбнулась.

— Такая предусмотрительная женщина, — сказала она. Я засмеялась:

— Пожилой сержант, которая учила меня, не была склонна считать так. Она доводила меня до бешенства, непрерывно повторяя, что если я и впредь буду столь отчаянно бросаться вперед по малейшему поводу, то рано или поздно враг обязательно этим воспользуется. Тогда я не слушала ее. Может быть, потому, что на кону была только моя голова.

Потом Дасиар задала мне несколько менее значительных вопросов о моем сражении с гигантами и о заклинаниях, которые я применяла для того, чтобы победить.

— Когда мне рассказали, что ты использовала одну из моих детских игрушек, — произнесла Дасиар, — я поначалу подумала, что жрицы снова забрались в наш винный погребок. Но теперь я убедилась, что это правда. Эти звери получили как раз по заслугам.

Дасиар радостно всплеснула руками и спросила:

— А какую монету ты использовала для оживления игрушки?

— Я уже говорила тебе. Медная монета Антеро.

— С изображением корабля? — спросила она.

— Да, конечно, — ответила я, — с изображением корабля.

Я немного растерялась, не понимая, почему Дасиар настойчиво обращает мое внимание именно на это.

Потом до меня дошло... Маранония видела три корабля в моем будущем. Один золотой, второй серебряный, а третий... медный! Медный корабль. Похожий на тот, который изображен на монете.

Дасиар улыбнулась, но больше не настаивала, не желая подвергнуть меня опасности нарушить обет молчания, данный богине. Ничто не мешало мне ответить ей тем же. В этой моей улыбке Дасиар могла прочесть все, что ей захочется. А она была способна сделать правильные выводы. В этом я никогда не сомневалась.

Мы еще некоторое время поговорили о всяких пустяках, но вскоре я стала замечать, что моя подруга устала и нуждается в отдыхе. Я предложила ей одну порцию укрепляющего питья и поставила бутылочку с настоем рядом с ложем на будущее.

Потом мы поцеловались на прощание, прошептав друг другу слова нежности и пожелав быть предельно осторожными.

На следующий день я покинула Писидию.

Я никогда больше не видела Дасиар.

Глава 5. БУХТА АНТЕРО

Мы быстро шли на юг, подгоняемые попутным ветром. Небо над нами сияло такой ослепительной голубизной, что трудно было себе представить, что под ним кто-то может быть несчастлив.

Но меня терзало сильное беспокойство, и не последнее место занимали мысли о друзьях, оставленных в торговых представительствах. Мой мозг кипел при одной только мысли о том, что могло ждать нас впереди. Но с течением времени свежий попутный ветер и безоблачное небо уберегли меня от угрюмости и уныния.

Однако было и то, что наводило на приятные размышления. В схватке с великанами мы получили только несколько царапин и незначительных ранений, моя команда была настроена по-боевому, с такой охотой занималась делом, что заражала энергией.

Такой перемене настроения я была даже рада. У меня нет привычки долго пребывать в мрачных раздумьях. Я воспринимаю жизнь в динамике — рассчитывая на худшее, молюсь о лучшем, при этом жду, как упадут кости, по которым я загадала судьбу. Ведь никто не знает, что у судьбы есть в запасе для каждого из нас. Опасайтесь того заклинателя, который утверждает обратное.

Как сказала одна мудрая женщина, если вы хотите услышать, как боги смеются над вами, расскажите им о своих планах. На море жизнь может быть очень хороша. Большая часть невзгод и забот человека обитает вместе с ним на суше: ненадежные друзья, непослушные дети, назойливые родственники и беспросветные долги. Когда вы на море, все эти проблемы отодвигаются на второй план, так как вы все равно ничего не сможете поделать с ними до тех пор, пока на горизонте не покажется следующий порт. Так зачем же зря переживать?

Из всего того путешествия мне более всего запомнился один день, когда море и небо были почти одинакового цвета. Впечатление было такое, как будто бы мы плывем по воздуху. Только рыбы, мелькавшие иногда вблизи бортов корабля, и птицы над головой давали некоторое представление о пространстве.

Постепенно из нас улетучились сухопутные замашки. Мы стали готовить то, что могло

быть приготовлено, и научились получать настоящее удовольствие от рыбных блюд, подаваемых ежедневно.

Я достала из закровов грог — прелестную жидкость, изготовленную на островах Сахарного Тростника, находящихся на западе, и щедро угостила команду.

Отведав грога, люди развеселились. Донариус достал флейту, извлек из нее веселую мелодию, и близнецы потешили нас пляской. Я отбивала такт вместе с остальными, обрадовавшись возможности побыть с ними на равных.

Но наибольший сюрприз ждал всех, когда Ящерица запел. Теперь, вспоминая прошлые дни, я думаю о том, что Ящерица не был самым приятным созданием Тедейта. Я каждый раз думаю о том, что внимание Всевышнего было чем-то отвлечено, когда он выдавливал Ящерицу из первородной глины. Он продолжал давить, давить, пока не получилось что-то настолько длинное и узкое, что почти не осталось места для того, чтобы приделать ноги и руки, и настолько гладкое и скользкое, что волосы не держались. Поэтому показалось необыкновенно странным, что этот столь необычно выглядевший человек вдруг запел баритоном, мелодичнее которого я в жизни не слышала.

Мне хорошо запомнились слова грубой матросской песни, которую исполнил Ящерица:

Прекрасною назвав, я не рискую...
Качай-качай, покачивай, ребята!
Пятак давал ей вслед за поцелуем —
Качай-качай, покачивай, приятель!
Я целовал ее и прямо, и пригнувшись,
Качай-качай, покачивай, ребята!
Я целовал и пальцы ног, и грудки...
А очнувшись,
Кричал: «Качай-качай, покачивай, ребята!»

Не успели мы оправиться от изумления, вызванного красивым голосом Ящерицы, как нас развеселила эта песня. Не желая оставаться в тени, Донариус затянул свою любимую морскую балладу высоким волнующим голосом:

По бурному морю скиталась братва,
Пристала к таверне у Глейда.
О празднике том не стихает молва
Вокруг — и в таверне у Глейда.
Плясали и пели они до тех пор,
Пока не иссякли бочонки,
А их небывалый и смелый напор
Запомнят надолго девчонки...

Баллада продолжалась в том же духе еще некоторое время, постепенно становясь все более и более непристойной. Во время пения Донариуса я стала замечать, что некоторые из присутствующих бросают на меня быстрые вопросительные взгляды, спрашивая, без сомнения, не оскорблена ли заклинательница. Но мне приходилось слышать и более отвратительные вещи от моих сестер, когда мы вместе были в казармах, и даже во время двух-трех попоек я сама пела кабацкие песни о похождениях, пережитых в юности. Поэтому сейчас я хлопала ладонями, следуя ритму песни Донариуса, как и все остальные, но втайне наслаждалась.

Оказалось, что у Ящерицы есть в запасе еще более впечатляющее представление. Пока Донариус пел, он промочил горло грогом, а когда старпом закончил, поднял руку, призывая к вниманию.

Прочистив горло, Ящерица запел чудесную старинную балладу, запел голосом глубоким, как море, и чистым, как небо над головой:

— Прекрасный парень не был принцем, —
Всего лишь сыном кузнеца.
И надо ж было так случиться —
Влюбился в дочку подлеца...
Печальна повесть, как о том
Доныне помнит Кеслдон.
Была жестокой и холодной
Хозяйка грез, хозяйка снов...
И не поверила ни слову,
Отвергла искренность, любовь...
А он любил одну на свете,
Любил одну на целом свете...
Ее родня уж бьет тревогу.
И мать с отцом вперегонки.
Стыд позабыв и срам, ей-богу,
Кричат, что точит кулаки...
А у него разбито сердце,
И думы вовсе не легки.
В Ориссу парень был отослан.
На долгий срок, на много лет.
И слезы лил, и все — напрасно.
Просил о милости он Бога.
Он умолял, к себе был строгим...
Ответа нет, ответа нет.
Потом печаль подъела парня,
И утопился он в реке.
Разлука, как болезнь, коварна:
Не смог прожить он вдалеке.
Печальна повесть — как о том
Доныне помнит Кеслдон...

Баллада далее рассказывала о том, что девушка все-таки испытала горестные сожаления о судьбе парня. Осознав глубину и силу любви, которую она отвергла, девушка сошла с ума и обитала еще некоторое время на земле, прежде чем навсегда ее покинуть.

Когда пение закончилось, я немного поплакала. Мы все немного поплакали. Это было так утешительно.

Это была очень старая, печальная песня, знакомая до боли мелодия которой унесла нас в дни юности, в тот прекрасный для каждого человека возраст, когда самым страшным несчастьем кажется неразделенная любовь. Песня очистила наши души лучше любого заклинания, которое я могла бы создать для обновления памяти о выигранных нами сражениях и о тех праздниках, которые последовали за победами.

Пока я сидела среди команды моего корабля, хлопая в ладоши и время от времени вытирая слезы, мною овладело необычное чувство, как будто бы я нахожусь на пороге важного открытия.

Я попыталась удержать возникшее ощущение, но это было все равно что попытаться достать небольшой предмет со дна бассейна. Как только рука пересекает поверхность раздела воды и воздуха, предмет перемещается в другое место и оказывается совсем не там, где первоначально его зафиксировал взгляд.

Потом это чувство исчезло, и я осталась с неприятным чувством потери и

разочарования.

В ту ночь ко мне приходил Гэмелен. Мне снилось, что я сижу на палубе «Тройной удачи» и не спеша затачиваю меч. Рядом никого из команды не было, но это по каким-то неясным мне причинам казалось естественным. Не удивилась я и тогда, когда услышала голос Гэмелена, приветствующий меня. Я подняла взгляд, улыбнулась и произнесла обычный в таких случаях ответ.

Не исключено, что не все слышали о магистре магии. Лорд Гэмелен был главным заклинателем Ориссы в течение того времени, когда мой брат совершал открытия, а также сопровождал меня, когда я отправилась в длительную погоню за последним Архонтом Ликантии. Именно он заставил меня понять и принять как должное магическую сторону моей натуры. Именно он был моим учителем, посвятившим меня в искусство волшебницы. Гэмелен погиб, совершив один из выдающихся подвигов в истории нашего города.

В моем сне Гэмелен выглядел так, как он выглядел до того, как его ослепил Архонт. Румяное лицо обрамляла пышная седая борода, а в глазах живо играл ум. Он наклонился, тронул мое колено. Сон был настолько реален, что я ощутила тепло от прикосновения хрупкой старческой ладони. Когда учитель заговорил, впечатление было такое, как будто бы до этого мы остановились на середине беседы, во время которой обсуждали события прошедшего дня.

— Так что это было — неясный образ в подсознании, который ты не смогла удержать, Рали? — спросил Гэмелен, после того как Ящерица закончил петь.

В течение мгновения, пока я вспоминала тот момент, ощущение снова стало возвращаться.

— Вероятно, не было ничего, — ответила я, — но вероятно и то, что неожиданно пришедший мне на ум подсознательный образ был следствием еще большей магии, чем допускал великий Янош Серый Плащ.

— Это вполне возможно, дорогая моя Рали, — сказал Гэмелен. — Серый Плащ открыл совершенно новый подход к магии, не сомневайся. Но до сих пор многое неизвестно. Что конкретно он мог упустить, как ты думаешь?

После непродолжительного колебания я ответила:

— Я думаю, что содержание того, что Янош Серый Плащ называл естественным миром, должно быть в действительности гораздо глубже. Я имею в виду, что количество природных стихий, которые его составляют, должно быть больше, чем нам известно. Представьте себе картину сегодняшнего полудня. Я шла под парусами при такой погоде, о которой только можно молить богов. И я была занята делом на равных со своей командой. Я пренебрегла своим классовым положением, чином, полом и присоединилась к ним. И в этот самый момент самый уродливый член нашей команды, как никто, тронул наши души. Не чем-нибудь, а песней. Хотя то, что он спел, не было песней в полном смысле слова, но голос этого человека захватил нас, унес в заоблачные дали. Этот музыкальный инструмент передал малейшие оттенки всего того опыта, который мы приобрели в течение жизни, при этом едва уловимые нюансы звучания, чувство меры исполнителя, выражение его лица точно отражали содержание. И это содержание заставило всех нас дружно заплакать.

— Я счастлив, что у тебя было такое удачное время, Рали, — сказал Гэмелен, — но трудно допустить, что в этом было что-то необычное. Люди часто собираются вместе, чтобы повеселиться. Либо это грандиозные концерты и фестивали, либо просто пьяные компании в тавернах. Так какое же может иметь отношение такое рядовое событие к миру волшебства?

Во сне я вздохнула, как растерявшийся студент, загнанный в тупик исключительно простым вопросом.

— Честное слово, не знаю, — ответила я, — если не считать того, что чувство, которое я разделила с командой, было настолько сильным, что в какой-то момент времени оно показалось мне реальным физическим воздействием. Воздействием одной из тех сил, которые описал Янош Серый Плащ.

— Давай рассмотрим их, — предложил воображаемый Гэмелен. — Янош Серый Плащ

заявлял, что силы, которые участвуют в создании мира, — это свет, тепло, притяжение, движение, а также движение в состоянии покоя. Он также заявлял, что магия, способность вызывать превращения, является такой же природной силой, как и все остальные. Но самое важное, по мысли Яноша, состоит в том, что все силы, включая магию, — одна и та же природная сущность. Одна и та же сила, которая проявляется разными способами. — Брови старого заклинателя изогнулись дугами. Он повторил: — Я еще раз спрашиваю тебя, Рали, скажи мне, как ты думаешь, что упустил Серый Плащ? Что он не включил в перечень сил?

— Ту силу, о которой я вам говорила, — ответила я, все больше убеждаясь в правильности своей догадки, — слагаемое духовных сущностей отдельных личностей, которые вместе радуются, горюют или борются за выживание. Оно образует общую духовную сущность. Общую волю. — И первое, о чем я подумала, сказав это, — о всех тех мужчинах и женщинах, которых я победила в течение долгих лет. Мои эмоции, казалось, вскипели, а слова стали горячими: — Клянусь богами, которые вечно сбивают нас с толку, — я искренне верю, что воля может быть такой же силой, как молния, яростный шторм или любое заклинание, которое может создать колдунья. Эта сила является порождением самой жизни, а наиболее острое желание любого живого существа состоит в том, чтобы выжить и... жить.

Неожиданно Гэмелен, пришедший ко мне во сне, стал очень оживленным и возбужденным.

— Да, да, я вижу, что ты ухватила суть дела. Ты рассказала как раз о том, что Серый Плащ не включил в перечень сил. Именно жизнь и желание живого существа оставаться в живых как можно дольше. Ты сказала, что это — сила, род энергии, похожий на другие ее виды.

Гэмелен радостно хлопнул ладонью по колену и одобрительно закончил:

— Продолжай, Рали, я уверен, что ты на пороге большого откровения. Давай продвинемся еще немного вперед и...

Как раз в этот момент в моем сне неожиданно появились Ящерица, Донариус и другие члены команды. Они смеялись и передавали от одного к другому большой черпак с грогом. Гэмелен засмеялся вместе с ними, отпил из ковша и протянул его мне. Мой образ во сне неумело взял ковш и жадно отпил, проливая содержимое на палубу. Послышались веселые шутки в мой адрес, и я не могла не присоединиться к веселью.

Засмеявшись, я проснулась.

Я с некоторым изумлением глазела по сторонам, не понимая, почему нахожусь одна в своей каюте, подвесная койка, на которой я спала, мерно покачивалась вслед за движением корабля.

Мое сердце дрогнуло, когда я вдруг вспомнила содержание сна. Неистово ухватившись за это воспоминание, я попыталась вернуться к моменту, когда сон прервался, и досмотреть конец, получить ответ на мучивший вопрос, который, казалось, вот-вот сорвется с губ.

Но все исчезло... впечатление было такое, что ничто никогда и не снилось.

Дни проходили за днями, а я все пыталась вернуться к тому сновидению, чтобы еще раз внимательно изучить его и постараться заметить пропущенное ранее и представляющее ценность.

Однажды я увидела группу дельфинов, играющих впереди нашего корабля, и почти приблизилась к разгадке. В тот же или в какой-то другой день я сделала еще одну попытку, когда смотрела на акул за кормой, пожирающих отбросы, которые Ящерица сбросил за борт после уборки камбуза.

Но всякий раз, когда я стальным неводом воли пыталась притянуть ускользающую идею, она проходила сквозь сетчатые ячейки и исчезала.

Мы плыли уже много-много дней, и временами казалось, что нас заколдовали.

Море было совершенно пустынно — никаких следов человека и тем более каких-либо сражений. Горизонт притягивал и манил все дальше. Каждый рассвет становился чудом в

золотых лучах солнца. Каждый закат приносил наслаждение нежными розовыми оттенками вечернего неба. Высоко в небе парили легкие облачка, похожие на играющих ягнят. Большие косяки серебристой рыбы кружились, распадалась и соединялись вновь недалеко от бортов нашего корабля.

Во сне я сказала Гэмелену, что воды южных морей весьма богаты. Здесь так редко ловят рыбу, что обитатели этих спокойных вод не боятся других живых существ, которые не имеют плавников. Казалось, они смотрят на нас как на каких-то чудаков и только из чувства любопытства изменили свой обычный курс, чтобы подплыть к кораблю и получше нас рассмотреть. Я уже не помню, сколько раз задумчиво смотрела на воду, заблудившись в собственных мыслях. Время от времени я выходила из оцепенения и обнаруживала, что на меня смотрят рыбы глаза. Казалось, меня внимательно изучают. Я отвечала тем же, но, клянусь, в глазах обитателей моря я видела изумление.

Однажды мы встретились со стаей китов — огромных морских животных, каждый из которых был гораздо длиннее нашего корабля. Киты величественно бороздили море, извергая время от времени из дыхательных отверстий пенистые фонтанирующие струи воды. День был очень спокойный, но казалось, что где-то в отдалении зреет шторм. Море лежало перед нами как отполированный синевато-серый сланец. То здесь, то там толстые льдины медленно колыхались на его поверхности. Птицы с очень большим размахом крыльев непрерывно летали над китами, стремительно бросаясь вниз и подхватывая с поверхности воды какой-нибудь лакомый кусочек.

Я довольно долго наблюдала за китами, искренне восхищаясь тем, насколько грациозны эти огромные морские животные. Внезапно налетевший порыв ветра обдал меня дождем соленых брызг, и я начала поворачиваться, чтобы найти укрытие. Но что-то удержало меня на месте — необычное покалывание нервных окончаний. Оно не доставляло удовольствия, но и не было неприятным.

Потом я увидела, как самый большой кит отделился от стаи и направился к кораблю. Когда животное приблизилось, я внезапно почувствовала мощное биополе женского существа. От него струились и захлестывали меня волны печали.

— Что случилось, сестра, — спросила я, — что тебя беспокоит? Ответом мне была еще одна волна сожаления, настолько мощная, что чуть не поглотила меня. Казалось, что я погрузилась в кромешный мрак, вокруг меня кружились, стремительно сменяя друг друга, потоки тепла и холода. Ногами я ощущала палубу, руки держались за поручни. Я даже слышала, как где-то поблизости ходит кто-то из команды. Но в то же время мне казалось, что только какая-то часть меня по-прежнему находится на корабле. А другая пробивается сквозь непроходимые дебри эмоций, которые излучает животное.

Приложив усилия, я как будто бы вынырнула на поверхность со смертельной глубины.

Потом я почувствовала рядом присутствие Карале и услышала его взволнованный голос:

— Госпожа, что с вами, что-то неладно?

— Уходите, — ответила я, — уходите.

Я не уверена в том, что Карале подчинился. Более того, я вовсе не уверена в том, что говорила что-нибудь. Слова превратились в спутанный клубок. Потом одна четкая мысль все-таки пришла мне в голову.

— Как я могу помочь тебе, сестра, — обратилась я к самке кита, — пожалуйста, скажи, что я должна сделать?

На меня снова обрушились волны эмоций. Она пыталась ответить.

Вдруг меня пронзила такая острая боль, что я, должно быть, невольно вскрикнула, — точно не помню. Столь интенсивную боль я испытала впервые в жизни. Очнувшись от шока, я почувствовала, что меня крепко держат за плечи. Сквозь полубморочное состояние я увидела, что рядом Карале и остальная команда. И я очень хотела, чтобы меня побыстрее увели отсюда, мне хотелось избежать этой боли.

В то мгновение, когда я почувствовала, что не могу больше терпеть, боль исчезла.

Потом я ощутила мягкие бесплотные прикосновения и поняла, что это снова китиха. Она сообщила, что сожалеет, что она не знала, что ей помочь нельзя, и — она немедленно уходит.

Но я попросила ее остаться и рассказать, в чем дело.

Вдруг я поняла.

Превратив свое биополе в щупы в виде пальцев, я осторожно двинулась вперед, сквозь ту огромную боль, которую она испытывала. И я почувствовала присутствие еще одной жизни. Эта жизнь была почти неуловима, как призрак, она едва теплилась, едва пульсировала внутри ее.

— Ах, бедняга, — сказала я, — у тебя детеныш.

— Помоги мне, — мысленно попросила меня она на уровне подсознания, — пожалуйста.

Мне не потребовалось много времени, чтобы выяснить, что внутри ее сидит сломанное копье. Мысленно я увидела, как зазубренное лезвие пронзило тот проход, по которому должен был появиться на свет китенок.

Я создала заклинание, которое придало моим волшебным пальцам способность к врачеванию, и постаралась как можно мягче высвободить копье. Когда я приступила к работе, китиха дернулась, но осталась на прежнем месте. Похоже, я тоже причинила ей нестерпимую боль.

Копье медленно сдвинулось.

Соленая вода быстро окрасилась кровью.

Я почувствовала, как пошевелилось еще не рожденное существо, но слабо... так слабо. Маленькое сердце дрогнуло. Остановилось. Потом дрогнуло опять.

Потом я почувствовала, что детеныш умер.

Я убрала пальцы и отошла.

Рассерженная неудачей. Ругая себя.

— Мне жаль, сестра, — сказала я, — так жаль...

Я почувствовала, как печаль этого большого существа стала глубже, когда оно поняло, что произошло, но потом ко мне мягко прикоснулись щупы, выражающие прощение. И я знала, что, по крайней мере, ушла жгучая боль. Ушла, чтобы вместо нее осталась совсем другая рана...

И я спросила:

— Кто сотворил это с тобой? Кто убил твоего детеныша?

— Опасайся охотников, — был ответ.

— Охотников? Каких?

Перед моим внутренним взором появилось изображение. Это был флаг Белого Медведя.

Потом она отпустила меня. Я очнулась, стоя на палубе корабля и взволнованно наблюдая за тем, как огромное создание медленно отплывает и приближается к стае.

Ее след был окрашен кровью.

Карале взял меня за плечи и с силой несколько раз потрянул. Его лицо побледнело, в огромных глазах светился ужас.

— Что случилось, — спросил он, — с вами все в порядке?

Я разжала его пальцы, стряхнула их с плеч и отступила. Нетвердой рукой я вытерла пот с лица. И только потом пришла в себя.

— Нам бы лучше подготовиться к встрече с неприятелем, и побыстрее. Я не уверена, что у нас осталось много времени.

Я вкратце рассказала команде о том, что произошло.

Колдовство и видения чаще всего пугают людей, но мужчины становятся особенно испуганными, когда дело доходит до беременности, тем более тяжелой. Несмотря на то что я старалась не напирать на некоторые детали своего рассказа об агонии неродившегося китенка, я все-таки заметила, что некоторые из моих людей буквально позеленели от страха.

Когда я закончила, Карале прокашлялся, как будто бы неприятные позывы сжали его желудок.

— Вы считаете, что пираты будут ждать нас в засаде? — прокаркал он.

Я ответила:

— Не знаю. Но зато я точно знаю, что они были в этом районе совсем недавно.

— Прошу прощения, — вступил в разговор Донариус, — но это вовсе не означает, что пираты знают, где мы находимся.

— Правильно, — сказала я, — но нам лучше не испытывать судьбу.

Я приказала им очистить палубу и подготовиться к возможным действиям, а сама спустилась в каюту, чтобы продолжить обдумывание ситуации.

После встречи с китихой я чувствовала себя слабой. Поэтому с помощью волшебной жаровни я изготовила настой из хорошо разваренных рыбьих костей и добавила к трапезе большую порцию грога. Пока смесь нагревалась, я разделась и натерлась средством, восстанавливающим силы, похожим на то, которым я лечила Дасиар. Прошло совсем немного времени, и я почувствовала себя значительно лучше. Ощущение было такое, будто бы я слегка светилась.

Я облачилась в свободное платье, украшенное символами заклинателя, и пододвинула свой волшебный сундук к жаровне. Открыв его, я быстро исследовала содержимое встроенных ящичков, полочек, отделений. Вскоре я нашла все необходимое.

К тому моменту, когда я полностью подготовилась, была середина ночи. Присев перед небольшой латунной стойкой, я дула на угли до тех пор, пока они снова не разгорелись.

Потом брызнула на них немного волшебной жидкости, и поднялся желтоватый дымок. Я глубоко вдохнула его, ощутив аромат цветов, потом выдохнула. Стенки каюты растаяли, и мое астральное тело поднялось и улетело в звездную ночь.

Я приготовилась к тому, что будет ветрено и холодно, хотя сейчас не ощущала ничего, кроме чувства быстрого полета. Внизу стремительно уменьшались огоньки «Тройной удачи» и белые буруны разрезаемых кораблем волн. Стояла полная луна, и я постоянно чувствовала притягивающее воздействие холодного ночного светила на мою астральную сущность. Но я почти не оказывала сопротивления, приближаясь к ряду облаков. Теперь «Тройная удача» казалась мерцающей точкой внизу. На границе неба и моря я увидела высокие, покрытые льдом вершины, которые ярко отражали лунный свет. Я как можно осторожнее направила свои ощущения к ним. Это было похоже на продвижение по густо заросшему кустами оврагу, шаг за шагом, в опасении, что из-за ближайшего куста неожиданно выскочит враг.

Я почувствовала призрачное прикосновение щупальца и мгновенно замерла. Но мое движение должно было выдать меня, поэтому сейчас я оставалась совершенно неподвижной, сделав сознание полностью пустым. Щупальце немного поискало, ощупало мое астральное тело в нескольких местах. Потом поскучнело и удалилось.

Я начала медленно отходить, зная теперь, что малейшее явное движение с моей стороны будет сигналом врагу о том, что против него ведут разведку.

Но обошлось. Мне удалось сбить противника с толку, и я медленно опустилась к кораблю. Стены каюты вновь сомкнулись вокруг меня, мое астральное и физическое тела соединились. Я вновь сидела около латунной печурки и наблюдала, как пляшет огонь.

Я улыбнулась.

Враг ждал нас. Но ждал именно там, где я и хотела.

Следующее утро застало нас вместе с капитаном Карале. Мы стояли чуть ли не в обнимку и сосредоточенно разглядывали навигационные карты. Пальцем я обозначила границы ближайшей суши, до которой была приблизительно неделя пути в юго-западном направлении. Получилась большая выпуклость полуострова, форма которого, как пошутил Карале, напоминала брюшко толстяка. Пониже этого «брюшка» береговая линия устремлялась еще дальше вниз на многие лиги и в конце концов растворялась, переходя в точки, которые проставил картограф, реальные знания которого заканчивались и начиналось

гадание.

До моего последнего путешествия почти вся эта карта была не чем иным, как линиями и точками, проведенными и поставленными в соответствии с игрой воображения картографа. Например, полуостров, который удостоился шутки Карале, был неизвестен орисситам до моего похода на юг. А вся береговая линия за полуостровом была положена на карту после моих последующих путешествий.

Я вонзила ноготь в точку, расположенную несколькими лигами восточнее полуострова.

— Вот здесь я их видела, — сказала я.

Карале более пристально взгляделся в карту. Вокруг точки, которую я обозначила ногтем, располагался ряд маленьких островов, но нам было известно, что они настолько невысоки, что полностью скрываются под водой во время штормов.

— Да, — подтвердил Карале, — все в точности так, как вы и предсказали, госпожа. Похоже, они заглотили наживку.

Наживкой, о которой говорил Карале, была та самая история, что я попросила команду распространять. История о том, что мы охотимся за бриллиантами. Острова лежали сразу за устьем реки, которая пересекала полуостров в западном направлении. В это время года река должна быть большей частью свободна от льда, и если мы будем идти вдоль нее, как рассказали мне вожди местных племен, с которыми я познакомилась раньше, то река может привести нас к очень красивым водопадам, которые грохочут среди гор, буквально напичканных драгоценными камнями.

Карале почесал подбородок и спросил:

— Вы действительно предполагаете, госпожа, что те горы настолько богаты?

— Не знаю, — ответила я, — но вы помните те изумруды, которые они показывали? Без малейшего изъяна и размером с кулак. Один вождь сказал мне, что он выменял изумруды на товары у диких племен, живущих там.

Карале засмеялся и сказал:

— Я хорошо помню это, миледи. Вождь сказал, что нам лучше всего держаться подальше от того места, где есть камни. С дикарями опасно иметь дело. Свиное отродье. На пришельцев смотрят, оценивая, достаточно ли они упитанны, чтобы наполнить большой котел, где варят мясо.

Память об этом до сих пор заставляет меня смеяться. Вождь, который порицал обычаи диких племен водопада, имел красную татуировку над губами в виде клыков и рога на бритом черепе, а когда мы приветствовали его под навесом из шкур, он был совершенно обнажен и выставял напоказ большую золотую булавку, каким-то образом продетую сквозь крайнюю плоть его мужского достоинства.

— Мой брат предупреждал меня, что первое впечатление часто бывает обманчиво и надо быть очень осторожным со словами, — сказала я Карале. — Амальрик говорил, что каждый купец быстро убеждается в том, что независимо от того, насколько угрожающе выглядит потенциальный торговый партнер, он обязательно предостережет, что настоящие дикари обитают вверх по течению реки или по ту сторону ближайшей пустыни.

Карале подтверждающе кивнул. Потом сказал:

— Хорошо бы все-таки убедиться в том, что они не людоеды. И потом только иметь с ними дело, если вы считаете, что это может быть полезным для нас.

— Может быть, в следующий раз мы посмотрим на эти водопады. Тогда мы убедимся воочию, что в действительности представляют собой эти люди, насколько они злонамеренны и враждебны по отношению к чужакам. Я почти уверена, что нас будут принимать как королей и они преднамеренно станут преувеличивать свое богатство. Но для того, чтобы получить потом от нас побольше прибыли, а не для того, чтобы поплотнее наполнить мясом котел.

Лицо Карале стало серьезным, и он задумался. Затем спросил:

— Вы в самом деле уверены, миледи, что следующий раз представится? Забыли о том, что наш любимый пират околачивается поблизости в компании с гигантами? Забыли все

остальное? Боюсь, что это может помешать осуществлению наших планов.

— Думаю, что вскоре мы должным образом позаботимся о пирате, — ответила я. Тогда я искренне верила, что так и будет. И продолжала: — Меня не особенно тревожит, какими силами обладает пират, людскими или магическими. Суть в том, что весь этот район получил немалую пользу от торговли, которую мы организовали. Так как мы только что потеряли торговцев, брат получил возможность облачиться в дипломатическую тогу и поговорить с нашими друзьями о совместных действиях против так называемого Белого Медведя. И это не будет ни первым опытом подобного рода, ни последним, как я подозреваю, — брату приходилось и придется сталкиваться с самозванцами. И раньше совместные действия всегда приводили к желаемому результату.

— Все это правильно и правдиво, миледи, как сердце моей дорогой жены, — сказал Карале, — но, как вы справедливо отметили, сначала мы должны избавить наших друзей от вероятной опасности.

— Несмотря на то что пираты клюнули на мою уловку, это не означает, что нам удастся легко проскочить мимо них. Если мы направимся прямым курсом к бухте Антеро, к первому нашему торговому представительству, пираты тут же сядут нам на хвост. Думаю, что гораздо лучше было бы обогнуть пиратов, быстро проведать наши торговые посты, а потом вернуться, следуя тем же маршрутом в обратном направлении.

Карале отреагировал немедленно, обнажив скрытую проблему, препятствовавшую осуществлению плана.

— Миледи, сейчас уже поздняя осень. Слишком поздняя, чтобы совершать широкие маневры, пытаясь обмануть пиратов. Хотите, чтобы зимние штормы накрыли нас? Чем дольше мы будем маневрировать, тем очевиднее вероятность того, что нам грозят неприятности. Мы должны благодарить богов, что до сих пор нам пришлось опасаться только пиратов. Пока мы находились в зоне с относительно мягким климатом. Если мы продолжим движение на запад, то земля, которую мы встретим, будет значительно отличаться от Ориссы. Продолжительность зимы — значительно больше. Особенность той земли — деревья и растения, всю зиму спящие под снегом в ожидании весенней оттепели. Еще южнее растут только колючие травы, там я никогда не встречал ни одного растения, распускающего весной зеленые листья. Еще южнее — и эта жесткая трава тоже исчезает, оставляя только голые замерзающие скалы. Единственное растение, которое может здесь выжить, — водоросли, да и то в наиболее защищенных от ударов стихии мелких прибрежных озерцах, наполняемых приливной волной.

Над этой землей царствует вечная зима. Не обычная зима, но самая лютая из всех, которые только можно себе представить. Жесточайшие штормы будят воспоминания о страшных легендах прошлого, которые обычно рассказывают друг другу путешественники, собравшиеся на ночь у костра. Как мне однажды рассказали, демоны, которые появляются вместе со штормами, самые злые и могущественные из всех демонов.

Тогда мне было недосуг расспросить поподробнее, чтобы узнать, насколько достоверны легенды о заполярных штормах. А они были достоверны.

И у меня, и у Карале не было иного выбора, кроме как проложить курс корабля в опасной близости от поджидавших нас пиратов. Но главная задача состояла не в том, чтобы незаметно проскочить мимо противника, природа которого и намерения были хорошо известны. Такой опытный капитан, как Карале, без труда провел бы «Тройную удачу» нужным курсом. Более всего меня тревожили союзники пиратов, обладающие магическими способностями.

Обнаруженная мной раскинутая противником волшебная сеть была настолько мощной, что я не помню, когда встречала нечто подобное. Та сила, которую я ощутила прошлой ночью, была грубой. В ней не присутствовало ни грани того изящества, которое отличает волшебство орисских заклинателей.

Несмотря на то что эта сеть выглядела грубой и примитивной, я знала, что нам будет трудно проскочить сквозь ее ячейки.

Когда мы приблизились к пиратам, был серый день. Серый, как сплав олова со свинцом, давно застывший в изложнице. И море и небо казались одной твердой поверхностью, которая полностью рассеивала взгляд, давая ощущение бесплотности и невесомости, лишала ориентации в пространстве. Единственными звуками были шелест волн о борта корабля и хлопающие удары парусов. Туман был настолько густым, что казалось, он проглатывает и эти звуки, приглушая их до призрачного шороха. Я чувствовала заостренные кромки волшебной сети, растянутой противником, и говорила Карале, в каком направлении он должен двигать корабль, чтобы осторожно пройти вдоль кромки опасной зоны.

Я вызвала эту влажную мглу с помощью элементарного заклинания, настолько простого, что я была уверена — враг его не заметит. Под это заклинание я поместила второй тонкий слой колдовства, который притупляет любопытство. Если внимание пиратской колдуньи случайно будет обострено в результате нашей оплошности, как произошло однажды, когда близнецы уронили на палубу рангоут, — мое заклинание предлагало простое объяснение. До этого я создавала видимость того, что удар дерева о дерево — внезапный удар волн о скалистую отмель.

Большим недостатком заклинаний подобного рода, из-за которого они редко применяются, является то, что они ослепляют колдунью, которая их создает.

Поэтому я была такой же незрячей волшебницей, как и мой враг.

В тот день мы не только уклонялись от пиратов, но и осторожно пробирались среди непрерывной череды маленьких безжизненных островов, расположенных вблизи побережья. Пока мы ползли сквозь туман, возможности команды были ограничены до предела; во все глаза мы смотрели по бортам вперед, чтобы вовремя заметить острую черную скалу, торчащую над поверхностью моря.

Когда я посчитала, что мы находимся напротив устья реки, которая вела к выдуманным залежам изумрудов, я достала маленькую модель корабля, которую Донариус вырезал из дерева в течение недели нашего путешествия. Это было грубое подобие «Тройной удачи» длиной с копьё и шириной в две ладони. На палубе была закреплена изумрудная подвеска из моего ящичка с драгоценностями. Для той цели, которую я наметила, это была незначительная жертва. К тому же я потеряла сережки, подходящие к этой подвеске, много лет назад.

Я крепко взялась за поручни, держа в руке модель корабля, и произнесла волшебные слова:

— Сокровища ищем, как чуда, —
Богатство далеких морей:
Алмазы затмят изумруды, —
Под стать для короны царей.
Наполним карманы и трюмы,
Таверны вовсю зазвонят.
И девушки мигом полюбят
Отчаянных наших ребят.

Я бросила модель корабля в воду. Волна подхватила ее, стараясь перевернуть кверху килем, и я следила затаив дыхание, как она выравнивалась. Когда это наконец произошло, небольшой кораблик начал медленно разворачиваться, пока его нос не стал указывать верное направление.

Я прошептала второе заклинание, и миниатюрная модель «Тройной удачи», слегка покачиваясь на волнах, исчезла во мраке.

Мы ждали час или чуть дольше. Тихое шипение морских волн, негромкий скрежет льдин, трущихся о корпус нашего корабля, отдаленный крик чаек делали ожидание утомительным. Казалось, время растянулось.

Внезапно я отшатнулась, почувствовав удар волшебных волн радости, который расколол тишину, царившую до сих пор в экстрасенсорном поле. Модель корабля попала в ловушку, расставленную вражеским колдуном. Потом я услышала возбужденные крики, прорвавшиеся сквозь туман. Пираты поднялись по тревоге. Последовали резкие, отрывистые команды вражеских офицеров, и снова все стихло.

Мне было теперь несомненно ясно, что главная цель пиратов — следовать за тем, что они считали нашим кораблем «Тройная удача», до самых изумрудных полей, о которых моя команда широко похвалялась в Писидии.

Вскоре волшебная сеть, сотканная вражеским колдуном, исчезла. Через небольшой промежуток времени мы слышали приглушенные звуки: пираты пустились в погоню.

Мой трюк сработал. Врага удалось пустить по ложному следу.

Негромким голосом я отдала приказ, и мы подняли паруса, чтобы отправиться к первому торговому представительству. Если боги не оставят нас, мы будем там через несколько дней.

Мы приплыли в бухту Антеро на рассвете. Только что взошло солнце, его лучи заставили все побережье засиять, приветствуя нас. Входя в бухту, мы были полны радужных мыслей. Мы стремились увидеть наших товарищей, и все, кто не был занят делами на корабле, столпились около поручней и жадно всматривались вперед.

Я надеялась увидеть заросли высокой желтой травы, простирающиеся по берегам. В центре должен быть док. Вокруг дока должно было быть десятка три домов, где обычно ночевали наши друзья. Когда я в последний раз видела их, наши колонисты только что завершали строительство. Они очень гордились яркими крышами, выкрашенными в зеленый, красный и синий цвета, которые так напоминали о родине. В тот момент я была уверена, что увижу еще несколько новых построек.

Мой нос приятно защекотало в предвкушении хорошего орисского завтрака, приготовленного на раскаленных камнях.

Но на этот раз боги не были благосклонны к нам.

Когда мы приблизились к поселению, мое сердце едва не разорвалось. Нашим взорам предстали дымящиеся руины.

Торговое представительство в бухте Антеро было разрушено и сожжено.

Ужасное зрелище... То обстоятельство, что мы не увидели следов крови, делало ощущение катастрофы еще более нестерпимым. Руины были все еще теплыми от воздействия огня, который стер наш пост с лица земли. Мы не увидели тел, но обнаружили сероватый пепел в тех местах, где когда-то лежали наши друзья. Сохранились только печные трубы, голые обожженные камни, как персты, указующие в небо сквозь дымящиеся развалины. Внутри жилища мы обнаружили осколки взорвавшихся глиняных кувшинов, застывшие ручейки расплавившейся от сильного жара жести, которой были обиты сундуки жителей представительства, крупы золота и серебра, разбросанные по всему помещению, — это было все, что осталось от украшений и драгоценностей, а также обломки цветной черепицы.

Мы молча ковыляли по руинам в надежде отыскать хоть какие-нибудь следы, которые позволили бы разобраться в том, что же произошло с нашими друзьями.

Сначала мы выяснили, что огонь не мог быть вызван естественными причинами. Я довольно быстро почувствовала, а чуть позже получила подтверждение догадки, что огонь, уничтоживший наше торговое представительство, имел магическую природу. Повсюду встречались следы сапог. Их было так много, что невозможно было установить, кому конкретно они принадлежат. Одно не вызывало сомнения — по развалинам прошли сапоги противника.

Когда мы осматривали то, что осталось от поселения, жившего кипучей деловой жизнью, я заметила, что в глазах членов моей команды закипают слезы. А однажды я услышала, как Ящерица всхлипнул. В этот момент он держал в руках смятый котел, в

котором находились превратившиеся в камень остатки пищи. Приглядевшись, мы выяснили, что это была традиционная овсяная каша, сваренная на воде. Никто из нас не считал унижительным это неуправляемое проявление эмоций, потому что здесь, на этих обугленных развалинах, каждый почувствовал, что предательский удар был нанесен прямо по Ориссе. Была осквернена небольшая частица нашего дома, по воле судьбы отделенная от него, а жители застигнуты врасплох и уничтожены.

В воздухе чувствовалась прохлада, свидетельствующая о приближении зимы, небо было совершенно прозрачным, что делало зрелище еще более безрадостным.

Мы спустились с корабля одетые в расчете на холод. На нас были меховые парки и утепленные непромокаемые сапоги.

Тихий ветер то и дело раздувал дымки, которые медленно поднимались в небо над горами развалин.

Карале и я пытались что-нибудь отыскать посреди дымящихся руин главного торгового центра, где обычно спала охрана. Как и в других местах, здесь мы не увидели никаких следов борьбы, только страшные кучки пепла — все, что осталось от мужчин и женщин, которые сгорели, не успев проснуться.

Рядом с казармой располагался арсенал. Он был построен из камня и имел общий с казармами камин. От воздействия магического пламени каменные стены взорвались. Взрывом их разбросало в разные стороны, а хранящееся в арсенале оружие расплавилось и застыло бесформенной массой на полу. Дымовая труба и камин устояли. Их размеры приблизительно в два раза превышали размеры очагов, стоявших в сожженных жилых домах. Зрелище навело на сравнение с огромной органной трубой, в которой вздыхал ветер.

Единственным живым существом из всех обитателей бухты Антеро оказалась собака, явно лишившаяся рассудка. Она выползла из ближайших развалин и принялась выть и истерически лаять. Донариус, который всегда очень любил животных и при случае старался облегчить их участь, принялся было утешать ее, но тут же поплатился прокушенной почти до кости рукой. Собака была настолько шокирована тем, что произошло в бухте Антеро, что ее невозможно было утешить. Она ничего не ела и не пила, только непрерывно выла. Когда у нее иссякли силы, собака легла в пепел.

Донариус из чувства сострадания в конце концов убил бедное животное. После этого прошло несколько часов, прежде чем старпом вновь заговорил.

Под обугленными развалинами того, что раньше было доком, мы обнаружили множество следов. Отпечатки сапог на прибрежном иле свидетельствовали о том, что именно в этом месте напавшие на наше торговое представительство высадились на берег. Эти следы были видны гораздо яснее, чем все остальные. Пройдя немного вдоль кромки воды, мы нашли отпечатки, оставленные семьёю остроносыми баркасами, на которых, по всей видимости, приплыли атакующие. Враг подкрался со стороны моря.

Карале приложил свою ногу, обутую в сапог, к одному из следов, оставленных вражеским солдатом. Размеры почти совпадали.

— На этот раз это были не великаны, миледи, — сказал Карале, — если только нападавшие не были великанами с очень маленькими ступнями.

— Меня это не удивляет, — сказала я. — Посудите сами, капитан, сколько всего может быть великанов в ограниченной части мира? Когда боги создали их такими большими, то позаботились о том, чтобы ограничить их численность. Я почти уверена, что во всем известном мире не найдется достаточно великанов, чтобы населить город, сравнимый с Ориссой.

— Не выдаете ли вы, миледи, желаемое за действительное? — спросил Карале голосом, в котором слышался протест. — Ваши логические рассуждения часто бывают очень убедительными, основанными на здравом смысле. Но вспомните — здравый смысл не дал нам никаких намеков на то, что и в первый раз появятся великаны, которые чуть-чуть не захватили вас и Дасиар.

А что касается второго... это было бы совершенно безрассудно со стороны создателей.

Безрассудно!

— Если бы вы, мой друг, сами побывали великаном по воле богов, то быстро бы изменили свое мнение, — пробормотала я.

Карале меня не слышал. В этот момент он, склонившись почти до земли, внимательно всматривался в следы.

— Как вы думаете, что это такое? — спросил вдруг капитан, показывая на участок прибрежной полосы.

Присмотревшись, я разглядела множество отпечатавшихся в полном беспорядке обычных следов и начала было поворачиваться, чтобы с удивлением спросить, что именно имел в виду капитан. Но в последнее мгновение я заметила в иле четкий отпечаток большого пальца босой ноги. В следующий момент я увидела, что на пятке, след которой также рельефно сохранился, изображена эмблема Гильдии Заклинателей. Я склонилась поближе, провела рукой вдоль точечной наколки, с помощью которой обычно делают изображение эмблемы, и почувствовала очень слабое покалывание в пальцах, убедившее меня в том, что след оставлен человеком, обладающим магическими способностями. Более того, характер этого магического покалывания был мне хорошо знаком.

— Так это же следы ног заклинателя, — произнес Карале, — или я ослеп и поглупел, как наши любимые боги!

— Вы правы, капитан, — подтвердила я, — к тому же по магическому запаху, по тому экстрасенсорному воздействию, которое оказывают эти следы на мои чувства, я делаю заключение, что они оставлены лордом Сирби, заклинателем одного из наших торговых представительств.

— Не похоже, миледи, что он оказал врагам хоть какое-то сопротивление, — поделился со мной Карале своими наблюдениями. Затем быстро прибавил: — Конечно, к его горлу могло быть приставлено острие меча...

Я кивнула в знак согласия, хотя про себя подумала, что, по всей видимости, угрозы и принуждения на сей раз не понадобились.

Сирби был полностью растерян.

Так же как и я, он поздно познал секреты колдовства. Так же как и я, Сирби начал взрослую жизнь, поступив на военную службу. Он был большим человеком — громкий густой голос, довольно грубые манеры и привычка всегда давать прямые ответы на любые вопросы. Жить по чести было основным принципом Сирби. Я всегда симпатизировала ему. На меня удивительно освежающе действовало полное отсутствие стремления к интригам, столь свойственное многим из тех, кто долгое время общается с лидерами общества, а также его привычка всегда говорить откровенно. В этом он поразительно отличался от всех тех надменных типов, которые почему-то становились заклинателями.

Поэтому, когда Сирби проявил добровольное желание возглавить одно из наших удаленных торговых представительств, я с немалым удовольствием согласилась и одобрила его кандидатуру. Однако, когда я высадила его в бухте Антеро, он моментально приобрел столь самодовольный и значительный вид и стал настолько надменным в отношениях с простыми обитателями, что я почувствовала необходимость предостеречь его. Он долго и многословно извинялся, уверял, что не понимает, что на него нашло. Тогда, помня о его честности, я приняла извинения Сирби за чистую монету. Но с тех пор как я оставила его в бухте Антеро, время от времени в мою душу закрадывались сомнения. Я часто размышляла о том, не совершила ли я ошибку. Ведь Сирби был не настолько прост, как казалось на первый, неискушенный взгляд. Иногда он становился напыщенным и колючим! Поразмыслив, я пришла к выводу, что Сирби, судя по всему, эгоцентричная натура. В условиях изолированного от внешнего мира представительства в бухте Антеро это могло создать дополнительные проблемы его обитателям.

Сомнения вновь овладели мной именно в тот момент, когда я пристально всматривалась в следы ног Сирби, оставленные им на берегу бухты.

Если я все-таки ошиблась, то это ошибка, способная привести к серьезным

последствиям. Если такой человек, как Сирби, помешанный на чести и справедливости, вдруг резко обрывает взаимоотношения, то в результате на его месте оказывается крайне озлобленный зверь. Зверь, обладающий в придачу очень тонким чутьем, настороженный, как куница.

А хуже всего было то, что этот зверь находился теперь во вражеских руках.

Отпечатки босых ног Сирби, сопровождаемые вмятинами от сапог четырех стражников, вскоре отделились от остальных следов и повели нас вдоль берега бухты. По обе стороны от Сирби неизменно следовали по два вражеских солдата. Однако, судя по расстоянию между пленником и вражескими солдатами, охрана была условной. Сапоги проставили глубоко вдавленные отметины. Металлические скобки их подошв вонзались в прибрежный ил, кое-где поцарапали зеленый мох, выросший на валунах, как обычно царапает кошачий коготь.

Прибрежная линия, а вслед за ней и следы сделали крутой поворот, и мы увидели широкое поле, заросшее высокой желтой осокой. Казалось, что она не только успешно противостоит ударам зимних морозов, но и буйно разрастается в теплое время. В этой траве гнездились мелкие животные и большие нелетающие птицы.

Когда мы приблизились к полю, я увидела, что во многих местах трава помята и выжжена все еще дымящимися кострами.

Многочисленные навозные кучи свидетельствовали о том, что здесь совсем недавно стоял караван вьючных животных. Поделившись своими наблюдениями, я сказала Карале:

— Похоже, капитан, что здесь разбил лагерь довольно большой караван.

Карале почесал в затылке и подтвердил:

— Да, госпожа, похоже, что так.

Затем капитан посмотрел в сторону пристани, где мы нашли отпечатки, оставленные киями вражеских баркасов, и добавил:

— Судя по всему, нападавших было две группы. Одна атаковала с моря. Другая пришла сюда по суше, с караваном, чтобы встретиться с первой после уничтожения нашего представительства в бухте Антеро.

— И та группа, которая появилась со стороны моря, — продолжила я мысль Карале, — передала нашего захваченного в плен заклинателя той, которая пришла с караваном. Я видела, как следы Сирби ведут прямо к этому полю, но, черт побери, капитан, я не вижу, чтобы они возвращались.

Посмотрев еще раз на поле, заросшее желтой травой, я заметила тропу, которой ушел караван. Тропа вела к безжизненной каменистой равнине, окружавшей бухту Антеро.

Я повернулась и быстрым шагом направилась к нашим лодкам. Карале поспешил за мной.

— Думаю, что нам нужно как можно скорее добраться до второго представительства! — крикнула я капитану, не поворачивая головы. — Отправляемся немедленно!

К тому времени, когда мы вернулись на берег, небо потемнело. Над нами нависли черные грозовые тучи.

Внезапно со стороны бухты поднялся ветер, который крепчал с каждой минутой. Я попыталась крикнуть остальным, чтобы поспешили на корабль, но опоздала, мой голос стал уже почти не слышен в нараставшем штормовом вихре.

Глава 6. ШТОРМ

Шторм обрушился на нас, как черный стальной занавес, мгновенно окружил и прижал к земле. Мы не успели укрыться.

Впечатление такое, будто из глубин ада на нас напали ледяные демоны. Ураганный ветер нес с собой брызги морской воды, превратив их в мириады ледяных игл, которые впивались в тело, принося нестерпимые мучения. Затем холод усилился еще больше.

Морская вода, которую неистово швырял в нас ветер, сначала превратилась в обжигающую лицо влажную соленую крупу, а затем — в тяжелый, бьющий до крови град.

«Тройная удача» разбилась в щепы после первого удара стихии.

Я помню момент катастрофы так, как будто бы все произошло не далее как вчера. Он навсегда врезался в память, потому что в этот страшный момент рухнули все надежды. Вместе с кораблем погибли три человека команды.

Распластавшись на земле, мы ползком начали искать какое-нибудь укрытие. Мне удалось доползти до группы невысоких скальных обломков, я вжалась в землю, чтобы избежать ударов шторма.

Едва я приподняла голову, чтобы получше осмотреться, как щеки мгновенно онемели. Я почти ничего не смогла рассмотреть сквозь жалящий рой острых градин, поэтому мне пришлось заслониться рукой со слегка растопыренными пальцами, чтобы хоть немного защитить лицо и уберечь глаза. Сначала пальцы перестали что-либо чувствовать. Вслед за этим они начали гореть так, как будто бы я опустила их в кипящую смолу.

Мне не удалось обнаружить ничего, что могло бы в той или иной мере прояснить наше положение. До боли стиснув зубы, я пыталась рассмотреть, что происходит вокруг.

Я поднимала глаза все выше и выше, пытаюсь различить границу, где берег переходит в море. Там, где должна была находиться эта граница, я увидела кипящий адский котел, в котором бурлила смесь серо-черных штормовых облаков, скал и прибрежного песка.

Похолодев на сей раз от ужаса, я увидела, как штормовой прибой разбивает о берег остатки баркасов. Волна уносила с собой то, что являлось нашей последней надеждой на спасение.

Все произошло так быстро, что в первое мгновение я подумала, что это плод воспаленного воображения. Но мой внутренний голос подсказал, что зрение не обмануло. Я поняла, что это — только начало и все худшее нас ожидает впереди.

Вслед за этим, не в силах выдерживать удары стихии, я без сил опустилась на землю, растирая онемевшие пальцы и лицо. Придя немного в себя, я шепотом произнесла молитву, хотя не сомневалась в том, что боги на этот раз меня не услышат.

Затем я еще раз приподняла голову.

Мои глаза, как чайки, застигнутые врасплох ураганом, пытались пробиться вперед, за его невидимые пределы.

Вдалеке, как будто бы вырастая из моря, сияла яркая полоска почти белого чистого неба. Мне она показалась циничной гримасой дьявола.

На фоне этой дьявольской усмешки я увидела, как «Тройная удача», которую крепко удерживали якоря, опрокидывается кверху килем.

Внезапно по моей щеке хлестнул заледенелый конец выбившегося из-под капюшона парки локона, и я почувствовала, как по щеке потекла, быстро остывая, кровь. Выступили слезы, которые на мгновение ослепили меня, поэтому я должна была вновь опустить голову, чтобы восстановить зрение, а заодно и дыхание. Когда я снова приподнялась, в поле зрения осталась только гримаса дьявола. «Тройная удача» исчезла.

Я рухнула на землю, почувствовав мгновенную слабость в теле. Потеря была настолько огромна, что я почти не владела собой.

Вместе со мной нас оставалось восемь человек. До ближайшего торгового поста было много дней пути морем. Теперь у нас не было корабля. Но даже если бы корабль не погиб, мы наверняка приплыли бы к сожженному, как и в бухте Антеро, поселению. На чью-либо помощь рассчитывать не приходилось.

Захвативший нас шторм мог быть только ранним предвестником надвигающихся морозов. Но я знала, что вскоре наступит настоящая зима, и тогда пройдет много месяцев, прежде чем экспедиция из Ориссы сможет отправиться на поиски.

Другими словами, мы попали в безвыходное положение.

И надо было благодарить богов за то, что мы пока остались живы.

Я постаралась вытеснить из сознания все мысли, кроме одной. Мысли о выживании. Моя главная задача состояла в том, чтобы помочь оставшимся пережить шторм. Поэтому я начала критически оценивать сложившееся положение.

Оно было настолько угрожающим, что я испугалась. Если не предпринять решительных действий, то все мы вскоре умрем.

Я попыталась вызвать свои магические чувства в надежде, что они помогут принять разумное решение. Но они, казалось, так же ооченели, как и мои пальцы. Я не смогла прощупать даже небольшое пространство прямо перед собой. Достаточно неуклюже я проникла в эфир. На первый взгляд шторм выглядел как слепое буйство природной стихии. Но затем я уловила спрятанное под ним слабое магическое течение. Сразу в след за этим холод естественного происхождения и холод магический сомкнулись, усилив и без того яростный натиск. Мне пришлось быстро отдернуть волшебное щупальце. Я попыталась разобраться в том, что только что узнала, но неистовый двенадцатибальный шторм лишил меня возможности рассуждать здраво. Я поняла, что теперь моя способность будет в значительной степени зависеть от моей физической формы.

Ну что ж, чему быть, того не миновать.

Но что я все-таки смогла бы сделать?

Я сосредоточилась... В первую очередь я должна отыскать надежное укрытие.

Напрягшись, я вспомнила, что самой большой преградой на пути штормового ветра являлась дымовая труба с камином, возвышавшаяся посреди разрушенного торгового центра. Напрягшись еще больше, я смогла экстрасенсорно привлечь внимание остальных членов команды, и мы все медленно начали отползать в сторону предполагаемого укрытия.

Нам потребовалось очень много времени и сил, чтобы добраться до него. В пути мы испытали адские муки. Приходилось все делать на ощупь. Тем временем жесткие недобрые руки штормового ветра рвали одежду, били и хлестали по лицам, встряхивали и пытались оторвать от земли. Ураганный вихрь бросал в нас мелкие камни, поливал соленой водой, смешанной со льдом и песком. Мороз усилился. Клянусь Маранонией и всеми остальными богами — стало по-настоящему холодно. Никому из нас не приходилось когда-либо испытывать подобный холод. Даже Карале и мне, двум морским волкам, не раз плававшим в этих местах, не доводилось встречаться с таким натиском стихии.

Шторм налетел так внезапно — здесь явно не обошлось без злых заклинаний.

Меховые парки не спасали от ледяного ветра. Мне показалось, что вместо теплой зимней одежды, усиленной заклинанием на удержание тепла, на мне легкое летнее платье.

Мы почувствовали некоторое облегчение, когда наконец доползли до камина с большой дымовой трубой и спрятались за ней.

Штормовой ветер неистово завывал в этой огромной органной трубе. Мне чудилось, что он вот-вот разорвет ее на мелкие части своими ледяными пальцами.

Не стоило и пытаться перекричать гул ветра, поэтому я подавала команде знаки руками, показывая, куда необходимо положить камни, чтобы немного уменьшить напор стихии.

Я не помню, сколько времени мы затратили на то, чтобы сложить из скальных обломков и больших валунов преграду для штормового ветра. Может быть, потребовалось несколько дней, а может быть — и недель. Хотя я уверена в том, что не смогла бы потом написать эту книгу, если мы потратили на сооружение каменной стены более четырех-пяти часов. В конце концов мы закрыли каминное отверстие грубой кладкой из камней различного размера. Сквозь щели свистел ветер, пробивался град, но все равно мы почувствовали себя гораздо лучше.

Вслед за этим мы сложили дополнительные боковые, относительно невысокие стенки, которые еще больше ослабили уколы ледяного шторма.

К тому времени мы остались без сил, но я была уверена, что никто не посмеет и подумать об отдыхе. Время для отдыха еще не наступило. Я сильно замерзла. Мною настолько овладела слабость, что я с большим трудом воспринимала происходящее вокруг.

В голове стоял туман, детали стерлись и исчезли. С каждой минутой я все больше слабела. В какой-то момент я подумала, что вскоре моя душа замерзнет, и я потеряю волю к жизни. Остальным приходилось не лучше, они должны были чувствовать нечто похожее.

Я должна была заставить себя непрерывно двигаться. И заставить двигаться остальных.

Поэтому я предложила команде разбиться на группы, которые должны были по очереди выползать из нашего укрытия под жесткие удары шторма и собирать остатки не сгоревших до конца бревен, досок и щепок, которые можно было отыскать на развалинах. Приходилось вести поиск в несколько этапов. Сначала первая группа — близнецы — проводили разведку на дымящихся развалинах центра. Они возвращались, волоча за собой все, что им удавалось обнаружить и стараясь не потерять находки. Возможности разговаривать все так же не было. Неистовый рев шторма проглатывал все звуки. Поэтому при необходимости общения — если вдруг возникала опасность, о которой необходимо было предупредить следующую группу, — те, кто искал топливо для костра, делали знаки руками.

Но иногда они замерзали так, что были не способны пошевелить и пальцем. Нам приходилось долго отогревать их, что приводило к дополнительным затратам драгоценного топлива и не менее ценного времени.

Вслед за близнецами вторая пара отправлялась на поиски, подставляя себя ледяному вихрю. Потом третья...

Оставшиеся от костра угли мы выложили слоем, достаточно широким, чтобы сверху на нем смогли разместиться, тесно прижавшись друг к другу, восемь человек. Сверху мы насыпали слой гальки и растянулись в полный рост на этом каменном матрасе. Поднимающееся от углей тепло доставило нам райское блаженство. Однако вскоре мы заметили, что часто поворачиваемся с боку на бок, потому что сторона тела, подставленная холоду, быстро замерзала.

Я наметила сделать многое, что могло бы помочь нам выжить на пустынном берегу бухты Антеро, но увидела крайнюю усталость на изможденных, осунувшихся лицах моей команды и поняла, что не имею права заставлять их, да и себя, работать на пределе возможного. Необходимо было поесть и отдохнуть.

Мы не рассчитывали надолго задерживаться в бухте Антеро, поэтому захватили с собой запас продовольствия только на один день. По сути дела, этой еды должно было хватить только на то, чтобы один раз утолить голод. Вот почему мне предстояло принять важное решение. Или мы до минимума сокращаем разовый рацион и пытаемся растянуть на максимально доступный срок имеющиеся у нас незначительные запасы еды, или съедаем всю имеющуюся пищу, пока наши ослабевшие организмы способны усваивать содержащиеся в ней питательные вещества. Я выбрала второе. После еды мы заснули как убитые. Яростный шторм, завывавший морозным ветром, от которого шевелились сложенные нами камни, не смог нас потревожить.

Для каждого из нас это был первый глубокий сон за много дней.

Я проснулась в тот момент, когда шторм еще сильнее обрушился на нас. Из щелей в стенке текли грязные ручейки соленой, почти замерзшей воды, смешанной со льдом, песком и мелкими щепками.

Я разбудила Карале, который тут же принялся расталкивать остальных, и мы принялись за работу, стараясь заделать пробоины в корпусе нашего сухопутного корабля.

Я не имела ни малейшего представления о том, как долго будет продолжаться этот неистовый шторм. Но как-то раз мой старый знакомый, живший неподалеку от бухты Антеро, шаман племени, рассказывал мне, что единственным способом борьбы со стихией является глубокая внутренняя убежденность в том, что весь остаток жизни, независимо от того, насколько долгой она окажется, вы проведете в тех условиях, в которых оказались благодаря этой стихии. Шаман считал, что ничто не может быть временным. Кроме того, удача не приходит сама — ее нужно завоевать.

Я убедила мужчин в том, что стены должны быть немного повыше и потолще. Мы соорудили крышу из плоских камней, подпорками которым служили небольшие каменные

колонны, разделившие наше временное жилище на несколько комнат. Хотя я думаю, что нужно было обладать достаточно развитым воображением, чтобы представить себе жилище, напоминающее скорее загон для коз, высотой приблизительно по пояс человеку высокого роста. Для того чтобы войти внутрь этого жилища, необходимо было встать на колени и осторожно, почти на ощупь, продвигаться вперед, стараясь при этом не потревожить кратковременный отдых остальных членов команды.

Мы заделали щели между крупными камнями с помощью замазки, состоящей из земли и того мусора, который нанесло ветром внутрь укрытия. Вскоре мы поняли, что нам придется заниматься этим непрерывно, потому что ураганный ветер упорно находил все новые и новые лазейки, через которые внезапно начинал свистеть ледяной вихрь, едва мы успевали заделать замеченную ранее пробоину.

В крыше мы оставили небольшое отверстие, через которое вытягивался дым от костра. Нам пришлось сделать костер не очень большим. Основная причина состояла в том, что у нас не было достаточно дров для того, чтобы непрерывно поддерживать его интенсивное горение, а также тепло нашего каменного ложа. Каждый выход в поисках дополнительного топлива был суровым испытанием, которое доводило многих из нас почти до обморочного состояния.

Постепенно мы были вынуждены уменьшить размеры костра. Теперь только четверо могли одновременно отогреваться вблизи него. При этом стоявший около огня мог рассчитывать на то, что только одна сторона его тела будет мало-мальски отогрета, а другая будет холодной как лед. Рядом нетерпеливо ожидали своей очереди остальные, непрерывно переминаясь с ноги на ногу и стараясь занять друг друга разговорами. Я заметила, что они с удовольствием вдыхают едкий дым костра и стараются прижаться как можно ближе, чтобы не упустить ни капли тепла.

После того как мы соорудили достаточно надежный костер, возникла проблема питания оставшихся в живых членов команды «Тройной удачи». Это оказалось более сложной задачей, чем поиск дров. Мы достаточно быстро выяснили, что магический огонь уничтожил все запасы продовольствия, имевшиеся в торговом представительстве, поэтому мы могли рассчитывать в лучшем случае на какие-то жалкие остатки, преимущественно обугленные, от последних трапез несчастных обитателей бухты Антеро. Это было, по-видимому, самое жестокое из всех возможных унижений, которое только может выпасть на долю живого существа: ползать по руинам сожженного поселения во время шторма в поисках остатков чего-нибудь съестного в остывших очагах и каминах.

Каждый раз оказывалось, что те остатки, которые нам удавалось обнаружить, настолько обгорели и затвердели, что нам приходилось смешивать их с водой, вытопленной из льда над огнем. Только после этого нам удавалось получить некое подобие похлебки, пригодной в пищу. В другое время и при других обстоятельствах эта похлебка вряд ли могла бы вызвать аппетит у нормального человека. Поэтому, несмотря на смертельный голод, мне пришлось создать специальное заклинание, чтобы преодолеть отвратительное ощущение, возникшее во рту сразу после того, как я попробовала первую ее порцию. Единственным утешением служило то, что найденные нами остатки еды не были испорчены. Даже если не принимать во внимание шторм — поздней осенью в этих местах всегда устанавливается холодная погода, сопровождаемая заморозками на почве, что препятствует процессам распада и гниения.

Думаю, что прошла по крайней мере неделя, — неделя все возрастающего ощущения ничтожности и безвыходности нашего положения, прежде чем Ящерица решился подойти ко мне и заговорить.

— Прошу прощения, госпожа, — произнес он слабым голосом, с трудом различимым на фоне штормового ветра, — но я тут подумал насчет кухонных отбросов.

Несмотря на то что я замерзла до мозга костей, мой рассудок все еще не помутился, поэтому я непроизвольно спросила себя, о чем это, черт побери, говорит Ящерица?!

— Ящерица, здесь нет кухонных отбросов, — сказала я, — если бы они и были — то

мы давно бы их съели. Так стоит ли напрасно беспокоиться насчет того, что мы не выбрасывали? Друг мой, если бы у нас были хоть какие-нибудь излишки, то не надо было бы беспокоиться насчет их свежести — здесь чертовски холодно. Поверь мне, Ящерица. Они сохранились бы в первозданном виде.

Капюшон его парки заходил ходуном. Я предполагаю, что это означало согласие, которое выразил Ящерица в ответ на мои слова. Я подозреваю, что в этот момент он иронически усмехался, но кто может теперь сказать наверняка?

— Именно об этом я и подумал, госпожа, — произнес Ящерица в ответ на мои слова, — здесь ничто не портится. А это означает, что любые остатки еды, выброшенные незадолго до начала шторма, должны были надежно сохраниться в выгребной яме. Они должны остаться такими же свежими, какими были тогда, когда повар в последний раз приготовил еду для обитателей бухты Антеро.

Мысль о том, что предстоит доедать остатки последней трапезы жителей нашего торгового представительства, меня не возмутила. Произошло нечто обратное. Мой рот наполнился слюной в предвкушении обильной еды.

Одно меня заботило — как отыскать эту выгребную яму? Раньше я ни разу не интересовалась тем, где устраивают место для сбора бытовых отходов. Теперь же этот вопрос становился совершенно бессмысленным, потому что наш пост лежал в руинах. Не будь шторма, мы запросто отыскали бы это место, которое должно располагаться где-то на окраине поселения:

Но сейчас каждый выход из укрытия становился испытанием жизненной стойкости.

В придачу ко всему, мои возможности заклинателя были почти полностью подавлены. Огромная естественная сила шторма в сочетании с заклинанием растерянности и смятения, которое было умело замаскировано под ним, одурманила меня. Мои возможности ограничивались примитивными бытовыми заклинаниями. К примеру, я могла бы с помощью несложного заклинания разжечь новый костер в том случае, если бы наш внезапно задуло ветром либо он по недосмотру выгорел бы дотла. Но все равно я не смогла бы извлечь из эфира достаточно энергии, чтобы длительное время поддерживать его горение. Ведь и мое заклинание на удержание тепла, которым я пыталась дополнительно защитить от мороза нашу меховую одежду, растаяло без следа. Я с горечью подумала, что это заклинание было специально для нас сформулировано и создано очень опытными заклинателями, работавшими с Гильдией оптовой торговли.

Мой сундучок, в котором я хранила все необходимые волшебные принадлежности заклинателя, покоился на дне моря вместе с «Тройной удачей», поэтому у меня не было никакой возможности проверить, повлиял ли на них шторм, усиленный заклинанием растерянности и смятения. Я почти не сомневалась, что повлиял и мои волшебные предметы стали бы теперь совершенно бесполезными, поэтому мне не стоило печалиться по поводу их утраты.

В результате вот каких длительных размышлений я вновь вернулась в исходную точку, и вновь передо мной встала почти неразрешимая задача: как обнаружить выгребную яму? Поиск с помощью сменных групп, как тогда, когда мы запасались дровами, полностью исключался. Выручить могло только мое искусство заклинателя. Я должна была прибегнуть к этому последнему средству. Однако я сначала растерялась, потому что не представляла себе, как в сложившихся обстоятельствах смогла бы воспользоваться оставшимися в моем распоряжении магическими возможностями. Внезапно я ощутила ничтожность своих сил по сравнению с ураганной мощью шторма.

И вдруг мне пришло в голову, что именно в малости и ничтожности может содержаться подсказка. Ухватившись за эту мысль, я начала напряженно размышлять. И чем больше я об этом думала, тем больше убеждалась в том, что для успеха я должна превратиться в нечто с очень маленькой магической поверхностью.

Очередная наша группа, которая выходила в поисках чего-нибудь съедобного, вернулась с богатой добычей. Под камнями одного из очагов ей удалось обнаружить

замерзшую корабельную крысу. Донариус случайно схватил ее, в очередной раз ощупывая смешанные с золой и снегом угли в надежде наткнуться на почерневшую корочку хлеба или кость с остатками мяса. Мы были готовы носить старпома на руках — так нас обрадовала его неожиданная находка. Все мы с нетерпением ожидали, когда крыса будет разделана, а ее мясо разварено до студенистого состояния. А получившийся наваристый бульон вместе с разделенными приблизительно поровну костями будет добавлен к полагающейся каждому очередной порции похлебки. Многие уже предвкушали настоящее пиршество.

Когда я попросила, чтобы крысу отдали мне, веселье мгновенно погасло. Я понимала, что даже у таких тренированных людей, как члены моей команды, непроизвольно возникло подозрение, что я могу потребовать дополнительную порцию еды, превышающую обычную норму. Я сознательно не обратила никакого внимания на хмурые лица и решила положиться на профессионализм тех, с кем отважилась предпринять путешествие, в надежде, что он поможет моим людям сохранить ясность рассудка.

Я уединилась в углу нашего жилища, а остальные вернулись к костру, четверо разместились рядом с ним, трое неподалеку в ожидании своей очереди. Мужчины из всех сил делали вид, что не замечают меня, поэтому я смогла сосредоточиться для выполнения обязанностей заклинателя. Оказалось, что это не так трудно, как я поначалу себе представляла. Вокруг все так же неистово ревел шторм. Поэтому даже вблизи говорящего не было слышно. Сейчас я испытала почти такое же отрешение от всего, что окружало нас, как и в те непродолжительные, но блаженные минуты, когда я скрючивалась на корточках около нашего костра, стараясь согреться. В эти минуты сквозь дремоту мне казалось, что весь окружающий мир проглочен ревущим чудовищем, которое умчалось далеко-далеко, за горизонт.

Я положила прямо перед собой серое тельце крысы. Из своего кисета, который всегда ношу с собой, я извлекла хрустальные бусы и разместила их поперек лежащего на земле зверька. Мне не пришлось на сей раз беспокоиться о том, чтобы вспоминать надлежащие волшебные слова, с помощью которых обычно заставляют бусы ярко светиться. Раньше я уже пыталась оживить бусы и быстро убедилась в том, что даже это простое заклинание, которое знает каждый ребенок в Ориссе, здесь не работает. Однако я надеялась, что мне удастся использовать мои хрустальные бусы в качестве фокусирующей линзы для слабого заклинания. Но это была теория. Оставалось на практике проверить ее справедливость.

Я сконцентрировала все свое внимание на бусах, лежащих поперек тела крысы. Поток магического биополя я превратила в очень узкий пучок, прямой и заостренный, как игла. Удерживая в сознании созданный образ, я сделала иглу еще более тонкой и острой, с широким ушком для нити. В это ушко как можно осторожнее я вдела почти невесомую нить.

И сразу почувствовала, как в эфире возник неясный шум. Кто-то был настороже! Я ощутила, как в мою сторону двинулись любопытные до назойливости мельчайшие частицы магического поля. К счастью, интерес на сей раз был вялым, магических частиц было немного — они напоминали мне рыхлые, влажные снежинки, предвестники настоящей метели. Я замерла, и снежинки вскоре исчезли.

Когда опасность миновала, я вновь вернулась к своим хрустальным бусам. Прodeв иглу сквозь одну из бусинок, я сразу ощутила микроскопическую, но все-таки достаточно отчетливую вспышку волшебной энергии. Нажав на иглу немного сильнее, я вонзила ее в тело крысы. Оставив иглу на прежнем месте, я постепенно стала отходить, медленно вытягивая из ушка иглы волшебную нить.

Обостренным магическим зрением заклинателя я смогла увидеть, как по мере разматывания нити возникает серебристая паутинка, которая медленно плавает на волнах волшебного эфира. Мысленно я приказала своим магическим щупальцам схватить конец нити и прошептала волшебные слова:

Мех и коготь
Писк — не устршит.

Крыса суетится и спешит...
В норке тьма заботы.
Мех и коготь.
Писк — не утешит.
В смерти — продолжать
Поиск, как при жизни.
Крыса суетится и спешит...
В норке тьма заботы.
И — искать... разыскивать... искать!

Крыса шевельнулась. Сначала слегка дрогнули ее усы, затем дернулся нос, и вслед за тем открылись маленькие розовые глаза. Глаза быстро метнулись из стороны в сторону. Внезапно крыса быстро вскочила на ноги. Она не медлила ни одной секунды, не ждала никаких дополнительных приказов с моей стороны, а бросилась к основанию одного из каменных блоков, из которых мы сложили стены нашего жилища. Там виднелось небольшое отверстие, образованное понижением уровня плотно утрамбованной гальки. Один камешек слегка не доставал до нижней грани лежавшего на ней камня. Крепко держась за нить, я быстро уменьшилась в размерах и позволила крысе увлечь меня за собой. Дернув изо всех сил за конец нити, я превратилась в крысу, которая стремительно ныряла в замеченное мной отверстие. Мои лапы быстро замелькали, наше жилище мгновенно исчезло где-то сзади, и прямо передо мной возник лаз под каменную стену. Он оказался маленьким, слишком маленьким! Однако я не растерялась. Мое и без того ничтожное крысиное сознание начало сжиматься и сжиматься — и вот я уже мчалась по каменному туннелю, забираясь все глубже и глубже, быстро перебирая лапами, как будто бы плывя по воде, старательно огибая встречающиеся на моем пути камни и песчаные наносы. Затем и эти преграды внезапно остались позади, и я обнаружила, что стремительно выскакиваю из-под последнего песчаного обвала, пытавшегося меня засыпать, и мчусь по ровному туннелю.

С помощью магического поля заклинателя я ощутила, что сеть, сотканная неизвестным вражеским колдуном, осталась далеко позади. Я оказалась слишком маленькой. Мой неизвестный противник ничего не заметил. Но я не позволила себе расслабиться и потерять бдительность: одна неосторожная мысль — и он вновь забьет тревогу. Поэтому я в мыслях старалась максимально быть похожей на крысу.

Я непрерывно думала: «Еда. Еда. Ищу еду».

И я мчалась вперед, подхлестываемая неукротимой крысиной энергией. Каждое нервное окончание пульсировало от возбуждения — настолько обострилось мое восприятие всего происходящего. Над собой я слышала гул шторма, но это не имело для меня ровно никакого значения. Я была разгорячена, голодна и быстро мчалась к цели. Внезапно я поняла, что знаю, каким путем должна следовать дальше, поэтому мгновенно повернула влево и стрелой бросилась в ближайший боковой проход. Теперь я уже могла ощущать запах еды. Более того, я почувствовала, что многие другие похожие на меня существа так же неотступно о ней думают. Ищут еду. И так же стремительно мчатся к цели по другим туннелям. От этих существ исходил неприкрытый вызов. Я была настроена на яростное сражение, поэтому превратилась в самую агрессивную из всех крыс. От меня исходил угрожающий запах, как дым от костра; который вот-вот вспыхнет и загорится. Я почувствовала, что те крысы, которые только что бросали мне вызов, поспешно отступили, юркнув в боковые проходы.

Кроме одной. Она неожиданно возникла из входа в высокий боковой туннель и бросилась прямо в мою сторону, проворная, как атакующая голодная кошка, гибкая и стремительная, как змея.

У нее был один глаз, драное ухо и длинные острые зубы, способные прокусить лист металла. Это была Королева Крыс, которая на своем долгом веку не раз отстаивала принадлежавшую ее клану территорию, обороняла драгоценные запасы еды и интересы

своих подопечных. Она имела право сама выбирать лучших представителей другой половины крысиного племени, ей доставались самые жирные куски из выгребной ямы, запах которой я учуяла как раз за крысиной королевой. Я не сомневалась в том, что она уничтожила немало соперников, еще большее число изувечила и сейчас собиралась разделаться со мной.

Я сделала обманный выпад вправо, в сторону, которая была слепой у нападавшей крысы, и ударила влево. Мои зубы вонзились сначала в мех, затем проникли глубже. Рванув горло противницы, я переместилась пониже, разрывая клыками ее живот. Я почувствовала, как острые зубы впились в мою заднюю правую лапу, но не обратила на это никакого внимания и начала постепенно переползать на спину соперницы, пока не нащупала ее позвоночник. Я резко сомкнула челюсти. Королева Крыс издала пронзительный вопль и затихла.

Я быстро нырнула мимо ее тела в туннель, который она охраняла. И там я обнаружила сокровище — гору пищевых отходов.

Дернув за волшебную нить, я прекратила действие заклинания. Мое астральное тело, только что бывшее крысой, соединилось с физическим, и я вновь стала Рали Антеро.

Каждая частица моего тела болела так, как будто я только что завершила выполнение самого величайшего и требующего огромных затрат энергии магического дела. Я с досадой подумала: «Так много сил потрачено только для того, чтобы немного побыть корабельной крысой».

Затем я поспешила сообщить команде приятные новости: пора было подумать о настоящем пиршестве. Еда была совсем рядом. Там лежала старая картофельная шелуха, черствые корки хлеба, долго остававшиеся без употребления обрезки мяса, сыра и целые горы превратившегося в замерзшую зернистую массу жира.

Когда я рассказывала о своей находке, рты у всех наполнились обильной слюной.

Путь до выгребной ямы был не менее тяжелым, чем любой выход за дровами, но зато потом мы долгое время питались, старательно подбедая каждую крошку, смакуя каждый ломтик. И горько сожалели о былом великолепии, когда пришел час последней трапезы.

Вслед за этим наступил момент, когда мы вынуждены были начать экономить топливо. Запасы дров сокращались непрерывно, пока их не осталось только на то, чтобы приготовить каждому на завтрак и ужин по чашке горячей воды.

В течение всего этого времени шторм не затихал ни на мгновение. Иногда поднимался снежный буран, который заносил наше жилище глубокими сугробами. Затем ветер в считанные минуты сметал снег. Этот ветер был настолько сухим, что напоминал пустынный самум, который способен высосать из вас всю влагу.

Я до сих пор не знаю, каким чудом мы выжили в бухте Антеро. Раньше мне приходилось не раз слышать истории о тех, кто попадал в подобные переделки. Некоторые из этих людей становились в результате ближе к богам и восхваляли их имена до своего смертного часа. Я никогда не могла понять, почему эти люди унижались перед богами. Я твердо убеждена в том, что боги заслуживают самых страшных проклятий за то, что они заставили меня так страдать.

Сейчас я уже не могу описать, насколько холодным был этот шторм. Первое пришедшее на ум сравнение — с ледяными ножами, но потом я подумала, что более точно будет представить себе пиявок, которые непрерывно высасывают остатки сил, лишают воли к жизни. Не могу я объяснить, какой голод мы испытывали. Снова на ум пришло сравнение с ножами. Но нет — скорее это было нечто, что поедало нас. Преобладали чувство голода и ощущение холода. Они даже в некоторой степени притупляли боль.

В конце концов мы стали напоминать механических кукол, завод которых близился к концу. Каждое движение было тщательно отмерено, выполнялось медленно и причиняло мучение. Ни разу за все время не было вспышек гнева, никто не демонстрировал дурные стороны своего характера, не впадал в истерику. Так было не потому, что мы все являлись храбрецами или людьми со стальной волей, а только потому, что ни у кого не оставалось

сил, чтобы выяснять отношения. Обычно дело кончалось невнятным ропотом или стыдливо спрятанной слезой.

Однажды мы проснулись и обнаружили, что нас осталось меньше. Приам умер. Он был хорошим моряком, уравновешенным человеком, но, попав в шторм, очень быстро истощил запас жизненных сил. Никто не мог вспомнить, когда в последний раз слышал его голос. Еще вчера он так же, как все остальные, протягивал чашку за порцией теплой воды, а сегодня никто не мог понять, куда он девался. Сначала мы растерянно смотрели друг на друга, стараясь отогнать неприятные предчувствия.

Затем мы догадались, что с Приамом что-то случилось.

Когда мы нашли Приама, он лежал в своей парке, скрючившись, как окоченевшая собачонка. Он был давно мертв.

Я не сомневаюсь, что у каждого из нас возникли чувства сожаления и скорби о случившемся, но весьма быстро я ощутила изменение в настроениях моей команды. Мужчины стали все чаще и чаще смотреть в сторону безжизненного тела Приама. Мне не составило труда догадаться, что было у них на уме.

Поэтому я собрала всех вместе. К счастью, в этот момент наступил один из редких спадов в силе шторма. Я могла рассчитывать на то, что буду услышана.

— Я буду предельно откровенна, — начала я. — Нет необходимости в уклончивой вежливости и недомолвках. Дело слишком серьезное. — Я показала на тело Приама. Затем продолжала: — Один из нас умер. Думаю, что все искренне об этом сожалеют. Однако остальные очень хотят и дальше оставаться в живых. Приаму его тело больше не понадобится. Но мы смогли бы найти ему достойное применение. Это позволило бы нам прожить еще немного.

Я обвела взглядом собравшуюся вокруг меня команду, но каждый старательно прятал глаза. Опускал голову, как будто бы был резко пристыжен. Я увидела, как на скулах людей ходят желваки.

Карале прокашлялся и сказал:

— Думаю, что все мы думали об одном и том же, госпожа... и хотели бы узнать, каково будет ваше мнение.

— О чем? — спросила я. — О каннибализме? Давайте называть вещи своими именами. Мы не сможем избежать проблемы, даже если начнем произносить красивые слова.

— Вы правы, госпожа, — вступил в разговор Донариус, — я тоже считаю, что перед нами лежит мясо, если вы это имели в виду. Раньше это было стариной Приамом. А теперь это мясо.

Я пожала плечами и произнесла:

— Я согласна. У меня нет никаких сомнений по поводу его дальнейшей судьбы.

Все заулыбались, и я почувствовала, как они непроизвольно подались немного вперед и вот-вот достанут ножи... Я подняла руку. Команда застыла на месте.

— Но я все-таки думаю, — предостерегла я, — что нам следует более внимательно отнестись к тому, что мы сейчас собираемся сделать. Если мы съедим бедного Приама, это даст нам возможность утолить голод в лучшем случае два раза. Вслед за этим мы вновь останемся без еды. Однако тогда мы уже хорошо будем знать, где и как можно достать пищу. И мы незаметно для себя начнем с нетерпением ожидать, когда умрет следующий. Не исключено, что рано или поздно мы начнем подталкивать наиболее ослабевшего из нас к самоубийству.

— Мы не убийцы, госпожа, — произнес Карале протестуя.

— Но кто может сказать наверняка? — спросила я. — А что, если, переступив черту один раз, мы станем повторять это с легкостью? Смею предположить, что в следующий раз дело может дойти до вытягивания соломинок. И вытянувший самую короткую должен будет пожертвовать собой ради спасения остальных. Затем мы убьем и съедим его. Раньше, как вы все хорошо знаете, такие случаи бывали. Иногда даже выживали один или двое...

Донариус слегка вздрогнул. Затем сказал:

— Мне и всем остальным приходилось слышать рассказы об этом, госпожа Антеро. Вспоминать их не хочется.

Я продолжала:

— Ведь не все из... добровольцев, назовем их так... проявили чудеса храбрости, не так ли, Донариус? Они и кричали, и умоляли о пощаде. Но это не остановило топор мясника. Потому что они были всего лишь... мясом.

Я взяла кружку и подняла горсть мелких камней.

— Вместо соломинок для нашей лотереи мы можем использовать гальку. На каждом камне я могу написать номер. И каждый опустит в кружку свою судьбу.

Сказано — сделано. Когда очередной камень звонко ударялся о дно, бросавший его вздрагивал. Обойдя всех по кругу, я с силой встряхнула кружку. Камни громко загремели.

— Теперь осталось только, — сказала я, протягивая руку вперед, — вытягивать жребий.

Все разом отшатнулись от кружки, как будто бы мы в действительности делали жестокий выбор и мерой жизни стал мелкий камешек, поднятый мной на берегу.

— Так вот я думаю, — произнесла я, — что теперь мы все вместе должны решить, что делать дальше. Мы и вправду должны проголосовать — за тот курс, который в дальнейшем выберем.

Я смотрела прямо перед собой, давая возможности напряжению достигнуть наивысшей точки.

— Так что же решим? — спросила я. — Съедем Приама или нет?

Близнецы ответили в один голос:

— Нет!

Вслед за ними Донариус и Карале произнесли слово «нет».

Немного поразмыслив, к ним присоединились остальные. Кто-то вздохнул, но я увидела, что все расслабились, как будто бы с плеч упал огромный груз. Кто-то даже пошутил; я не помню, о чем шла речь, не уверена, что это было очень смешно, но мы все дружно засмеялись так, как будто бы изволил пошутить сам придворный шут короля.

Относительное затишье продолжалось, поэтому мы поспешили отправиться в поисках чего-нибудь съедобного. После того как тело Приама было отнесено подальше для погребения сразу после окончания шторма, я вновь созвала команду, чтобы поговорить о других, не менее важных делах.

— Мы уже не раз обсуждали то положение, в котором оказались, — начала я, — но необходимо из отдельных обрывков сложить целостную картину. Сейчас я не уверена, что все знают одно и то же, потому что приходилось действовать небольшими группами.

— Мы с удовольствием вас выслушаем, миледи, — сказал Карале.

— Так вот, — произнесла я, — мы ничего не сможем сделать для собственного спасения до тех пор, пока шторм не кончится. Но, когда это произойдет, мы все равно будем оставаться в западне. Ближайшее место, куда мы могли бы направиться, — это наш второй торговый пост. Но нам лучше всего считать, что он также уничтожен.

— Выходит, парни, — вступил в разговор Карале, — что нам предстоит довольно долгий путь домой.

Попытка Карале выглядеть веселым не имела никакого успеха.

— Не только долгий, но и чертовски холодный, — сказал один из близнецов.

Остальные невнятно поддакивали в знак согласия. Донариус спросил:

— Как вы думаете, миледи, когда закончится этот проклятый шторм?

Отвечая, я постаралась выбирать слова. Будучи не только лидером экспедиции, но и заклинателем, я должна быть уверена в том, что меня поймут. Я не собиралась нагонять страху. Ведь иногда и у того, кто творит заклинания, мурашки по спине бегают...

— По некоторым признакам я могу предположить, что шторм может прекратиться со дня на день. Есть признаки того, что натиск слабеет. Например, это затишье. Затем шторм разгуляется еще сильнее, чем прежде. Но интервал между затишьями сокращается. Это

вселяет надежду.

— Надежда — это все, на что мы можем рассчитывать? — спросил старпом ворчливо.

— Ты имеешь в виду, почему бы мне просто-напросто не остановить шторм или, по крайней мере, немного его ослабить? — обиженно спросила я.

Донариус кивнул:

— Я не имел намерения поставить под сомнение вашу репутацию, госпожа. Но время от времени... закрадывались всякие мысли...

— Шторм, судя по всему, необычайно ранний. Но он вызван естественными причинами. Создание такого шторма не под силу даже всем заклинателям Ориссы, колдунам Далеких Королевств, вместе взятым. Он настолько свиреп, что мои магические способности... ограничены. Я ощутила, что они стали как будто бы плоскими... — И тут я пробормотала про себя, постаравшись, чтобы никто меня не услышал: — Как та полоска светлого неба у горизонта...

— Что такое, госпожа Антеро? — встревожено спросил Донариус. — Вы что-то сказали о горизонте? Так что же там было?

— Ничего особенного, Донариус, — ответила я, — есть много загадок, которые предстоит разгадать нашим ученым. Вернемся к делу. Шторм значительно ограничил мои возможности как заклинателя. Я могу только гадать, почему это произошло. Но мне удалось почувствовать, что этот шторм несет в себе кое-что не совсем обычное.

— За этим стоит какой-то колдун, миледи? — спросил Карале.

— Почти уверена в этом, — ответила я, — но то магическое присутствие, которое я ощутила, напоминает скорее всего... хоровой припев... очень слабый подголосок. И тот, кто создал магический рефрен, каким-то образом сумел воспользоваться штормовым ветром, чтобы усилить свое влияние.

— Обычно хором поют хорошо знакомые люди, которые встают рядом взявшись за руки, — сказал Карале, — а вы, миледи, об этом рассказываете без дружеских чувств.

Я тряхнула головой и произнесла:

— Подголосок и отдаленно не напоминает доброжелателя. Совсем напротив. Он старательно что-то ищет. А именно — присутствие носителей магического биополя. И как только он их обнаруживает, то мгновенно... испепеляет. Ближе аналогии я пока представить себе не могу.

Мне приходилось испытывать нечто похожее, но сейчас я инстинктивно почувствовала, как скорчилось бы мое астральное тело при таком воздействии со стороны вражеского колдуна.

— Вот почему, — сказала я, — мои магические способности в сложившихся условиях могли бы принести только вред. — Немного помолчав, я продолжала: — Любое волшебство, для которого потребовались бы более значительные затраты энергии, чем для трюка с крысой, моментально привлекло бы внимание противника. И он испепелил бы меня. Затем он быстро обнаружил бы и остальных. И узнал бы, с какой целью мы оказались в бухте Антеро. Смею вас уверить, ему бы все это не понравилось.

Донариус даже крикнул. Затем сказал:

— Да, госпожа Антеро, до меня наконец дошло. Я все понял.

— Прошу прощения, миледи, — послышался голос Ящерицы. — Так что же мы все-таки будем делать, когда шторм кончится? После того, как к вам вернутся магические способности? Что же нам предстоит?

— Вызвать хороший бочонок грога, — ответила я, — и попросить тебя спеть нам веселую кабацкую песню.

Все засмеялись. В каменной каморке стало теплее и уютнее. Кто-то начал рассказывать интересную историю. Я устроилась поближе и стала внимательно слушать.

Но вскоре шторм снова обрушился на нас с прежней силой, и каждый волей-неволей погрузился в сугробы уединения.

Мне приснилось, что я стою на ровном песчаном берегу лазурного моря. Внезапно из

белого облака возник серебряный корабль. Во сне он не показался мне прекрасным. Меня это удивило. Тем более что я с нескрываемым любопытством смотрела на вздувшиеся паруса, хотя день был совершенно безветренным. Затем я отчетливо увидела за штурвалом корабля женщину. Ее кожа была цвета слоновой кости. На ней было облегающее платье такого же цвета. Оно подчеркивало естественную красоту ее тела. У женщины были длинные развевающиеся золотисто-медные волосы. Она выглядела как настоящий герой, который уверенно ведет корабль сквозь магический шторм.

Затем я увидела, как женщина повернула голову. Одна ее рука все еще держала штурвал. Женщина посмотрела в сторону берега. Наши взгляды встретились. Мне показалось, что мы находимся на расстоянии вытянутой руки друг от друга. Я вздрогнула, как от удара молнии. Ее глаза были похожи на бездонные озера, которые завлекли меня и в которых я едва не утонула. Внезапно эти волшебные глаза расширились от страха. Через мгновение женщина вновь оказалась на серебряном корабле, а я осталась на берегу. Я услышала, как откуда-то сверху доносится мелодия, исполняемая на лире. Увидела, как фигура в платье слоновой кости приникла к штурвалу и серебряный корабль, отчаянно сопротивляясь, исчезает среди облаков. Я наблюдала за ним, пока он не пропал за горизонтом.

Мелодия оборвалась, и я проснулась.

С удивлением я протерла глаза. Оглядевшись, я подумала, что продолжаю спать и во сне попала в какое-то незнакомое место. Я растерялась. Затем разозлилась. Что-то было не так, как всегда.

Внезапно я поняла, в чем состояло это отличие.

Шторм кончился.

Глава 7. СМЕРТЬ ЗАКЛИНАТЕЛЯ

Растерянно моргая, мы выбрались на яркое солнце. Было очень тихо. Над головой сияло ослепительно голубое небо. Благодаря последнему ночному снегопаду земля была покрыта сверкающей белой пудрой. Море было спокойным и гладким. Кое-где виднелись льдины, издали напоминающие серые керамические плитки. Вдоль линии берега играли мелкие пенистые барашки легкого прибоя и нарастающий лед.

Я судорожно вздохнула и почувствовала себя как никогда свободной. Я долго страдала от голода и жгучего мороза, но — хвала богам — я осталась жива!

Три раза глубоко вздохнув, я вызвала свои волшебные чувства. Сначала осторожно, потом все настойчивее, я взлетала в эфир и нигде не встретила ни сопротивления, ни ловушек.

Я предложила:

— Давайте сделаем костер, хороший костер.

Мужчины заметно обрадовались и собрались вокруг меня. Я широко взмахнула руками и образовала с их помощью незамкнутое кольцо, которым ограничила пространство размером с большой походный костер. Команда немного расступилась.

Я произнесла волшебные слова:

Напомни о доме, Огонь очага. Согреешь хоромы В четыре шага.

Я постаралась превратить свои действия в маленький спектакль, как и надлежало настоящему заклинателю. Мне необходимо было увлечь зрителей, чтобы они следили за мной затаив дыхание. Я взмахнула руками, а вслед за этим стремительно выбросила кулак вперед, открыв его в точно выверенный момент. Все было исполнено так, как будто в этот момент мне предстояло бросить кости, предвещающие судьбу. Возник маленький огненный шар. Мужчины так изумились, что разом отпрыгнули. Шар упал на землю, с шипением прожигая снег и поднимая облако водяного пара. Я широко раскинула руки, и сияние захватило большое пространство.

Я быстро соединила ладони. Сияние превратилось в большой, радостно потрескивающий на снегу костер. От него исходил аромат горячей осенней листвы — листвы с деревьев, растущих в Ориссе.

Команда оживилась. Мы все собрались вблизи волшебного костра. Впервые за много недель мы по-настоящему почувствовали тепло. Я поймала себя на том, что мне надо быть осторожней, чтобы не опалить одежду и волосы. А так хотелось быть поближе! Ласковый огонь манил и привлекал.

Вскоре я заметила, что восстановилось заклинание на удержание тепла, созданное заклинателями из Гильдии оптовой торговли, в которой мы приобрели нашу меховую одежду. Стало гораздо теплее и уютнее.

Мне не требовалось значительных усилий для того, чтобы в полной мере задействовать это заклинание.

Вскоре мы ощущали себя так же уверенно, как и в тот день, когда приближались к бухте Антеро.

Следующая задача, которая стояла перед нами, — пополнить запасы продовольствия. Дело в том, что я не имела возможности произвести пищу с помощью заклинаний — по крайней мере, обычным щелчком пальцами. Безусловно, я могла бы приказать — и тут же явилось бы мясо, более ароматное и аппетитно благоухающее, чем кто-либо мог бы себе вообразить. Если уж на то пошло, я могла бы вызвать целый банкетный стол. Но вся эта еда будет бесплотна. Она не будет обладать каким-либо вкусом, питательными качествами и, независимо от того, сколько ее поглотят, все равно не даст ощущения сытости. Если вы съедите обед, перенесенный в наш материальный мир из мира духовного, то вы встанете из-за стола, оставшись таким же голодным, как и до обеда.

Я нашла тихую бухту, с трех сторон защищенную скалами, развела небольшой огонь и склонилась над ним. Мысленно я представила себе ястреба, хищную птицу, обитающую по берегам морей. Охотящегося ястреба с хохолком на голове. Я мысленно вцепилась в этот хохолок и позволила своему астральному телу парить вместе с ястребом высоко в небе.

Сверху я увидела шестерых людей, собравшихся около большого костра. Никто из них не видел меня, хотя мой дух в образе ястреба пролетел так низко, что поднятый крыльями вихрь должен был растрепать волосы, освобожденные от капюшона парки. Я пронеслась над снежными барханами, которые еще контрастнее подчеркивали мрачный вид развалин нашего торгового представительства, заскользила вдоль береговой линии по направлению к равнине, на которой стоял караван. Размеренно взмахивая крыльями, я пролетела над небольшой лощиной, которая выглядела сверху как низкое плоскогорье, поросшее высокой желтой травой, покрытой высоким волнистым снежным ковром.

Уловив внизу признаки движения, я инстинктивно сложила крылья и камнем упала вниз. Впечатление было такое, будто неясное облачко, очень маленькое, изо всех сил спешило прочь всего в метре от заснеженной поверхности поля. Потом снег словно взорвался перед самым моим клювом, и я услышала писк.

Я взлетела и сделала круг, чтобы получше рассмотреть, какая жертва мне досталась. Сначала я увидела лисицу, облезлую, с некрасивым мехом грязно-серого цвета, которая яростно щелкала зубами у входа в большую нору. Нелетающая птица, почти такая же большая, как и лисица, и вооруженная длинным увесистым клювом, старалась побольнее ударить нападавшую разбойницу. Птица совершенно не боялась лисы, к ее явному немалому изумлению. Вместо того чтобы побыстрее удрать, птица била рыжую хищницу короткими крыльями и колола грозным клювом. Лисица дрогнула и отступила, оставив птицу непрерывно издающей какие-то негромкие звуки, отчасти напоминающие бормотание, и, как казалось, недовольно вышвыривающей попавший в гнездо мусор.

Я неторопливо, осторожно вернула своего ястреба назад, чтобы не было эффекта внезапности перехода от одного состояния к другому ни у меня, ни у реально существующей птицы. Через несколько мгновений мое астральное тело соединилось с физическим, и я снова стояла над костром, отогревая руки. Мой желудок заурчал.

Еда нам была обеспечена.

Мясо нелетающих птиц таяло во рту. Не исключено, что оно было немного жилисто и отдавало рыбой, даже после того, как его хорошо поджарили на костре, но я думаю, что никогда, ни до этого, ни после, не пробовала ничего более вкусного. В особенности запомнился первый кусок...

Этому поначалу восхитительному, а позже просто приемлемому мясу Ящерица придал новое звучание, приготовив к нему соус из внутренних органов этих птиц. Я подозреваю, что за короткий срок мы истребили почти всех птиц, обитающих вблизи бухты Антеро. Мы вгрызались в поля, поросшие высокой желтой травой, и вытаскивали их из гнезд. Мы отрубали им головы, снимали кожу, густо поросшую жесткими перьями, наедались до отвала. Потом разделали большое количество этих птиц, чтобы заготовить мясо впрок.

После того как вопрос о пропитании был окончательно решен, Ящерица подошел ко мне со скромным видом и спросил:

— Вы не забыли о своем обещании, госпожа Антеро? О первой вещи, которую сделаете после того, как стихнет шторм?

Я не забыла. Я обещала хорошую порцию грога в обмен на песню.

Совсем другой вопрос, однако, состоял в том, как создать этот грог. Поэтому я изложила Ящерице суть проблемы и попросила у него помощи.

— Можно достать грог, — сказала я, — но это будет воображаемый напиток. Его можно будет увидеть, почувствовать влагу... но это — все. Однако, если бы у меня было хоть что-нибудь отдаленно напоминающее желаемое, на основе чего я смогла бы построить необходимые заклинания... Тогда я смогла бы вызвать и настоящий грог.

— Вы имеете в виду, что можно получить грог в обмен на грог? — спросил Ящерица. Он почесал затылок и произнес: — Вот уж действительно — ехали и приехали. Если бы он у нас был, то мы, естественно, не нуждались бы в нем. Или я в чем-то не прав, госпожа?

— Совершенно необязательно, чтобы первоначально была маленькая порция именно конечного продукта, — возразила я, — это должно быть вещество, слегка забродившее или подкисшее, хоть чем-нибудь похожее на вино. Любое такое вещество подойдет. Будь у нас, к примеру, уксус, я бы смогла обеспечить приличные количества вина.

Ящерица просиял и оживленно сообщил:

— Так-так... Уксус, говорите? Где вы были раньше, госпожа?

— Прекрасно, — усмехнулась я в ответ, — тогда считай, что я здесь, Ящерица, и говорю тебе: достань уксус! Но не могу и представить себе, ей-богу, где его взять. Как ты лучше меня знаешь, у нас нет никаких запасов, кроме птичьего мяса.

— Вот тут-то вы и ошибаетесь, миледи, — возразил Ящерица, — есть, но не старые, а новые запасы.

Он бросился прочь и через некоторое время вернулся, зажав в кулаке небольшой, блестящий на солнце, окровавленный предмет. Ящерица торжествующе потряс им передо мной. На его необычно веселом лице играла широкая улыбка. Ящерица сообщил:

— Вот ваш уксус, миледи!

Окровавленный лоскут, который Ящерица показывал мне, был, наиболее вероятно, мочевым пузырем одной из тех нелетающих птиц, мясо которых спасло нас от голодной смерти. Ящерица пронзил его ножом, сжал и выдавил струйку прозрачной жидкости. Поставив под струю пальцы, я попробовала ее на вкус.

— Это мочевой пузырь одной из наших птичек, миледи, — подтвердил Ящерица мою догадку.

— Вкус его содержимого практически не отличается от вкуса уксуса, — сказала я.

К тому времени, когда стали сгущаться сумерки, мы вдвоем с Ящерицей выдавили приблизительно галлон [Британский галлон — 4, 546 литра, галлон США — 3, 785 литра] этого «птичьего» вещества. Вскоре после этого я сформулировала необходимое заклинание, и мы все вместе уселись вокруг костра и поднимали в честь друг друга чашки с наиболее приятным и в то же время крепким и опьяняющим из всех вин, которые только можно было

себе вообразить.

Хотя, если быть до конца откровенной, вино слегка отдавало рыбой...

На следующий день мы все с утра пораньше озаботились планами нового путешествия.

— Ситуация следующая, — доложила я команде, — мы можем сделать попытку добраться до нашего второго торгового представительства, моля в пути богов о том, чтобы там все остались в живых.

— Это маловероятно, — пробормотал Карале.

— И мы попадем в еще более безвыходное положение, чем теперь, — косвенно подтвердила я мысль капитана. — Если мы поднатужимся и положим все оставшиеся у нас силы на то, чтобы добраться до второго поселения, а наши друзья каким-то чудом не избежали гибели, то мы будем обречены на неминуемую гибель, так как там уже никто не будет нас ждать с предложениями пополнить запасы еды и дров.

— А куда еще мы могли бы отправиться, госпожа Антеро? — спросил Донариус. — Ближайшее обжитое место, которое нам известно, расположено вдвое дальше, чем наш торговый пост. Но это — стоянка кочевого племени, которое время от времени разбивает там лагерь. Сейчас там, по всей вероятности, никого нет.

— К несчастью, — сказала я, — ближайшие обжитые земли управляются нашим врагом. Мы до сих пор точно не знаем, где расположена его берлога, но мы видели следы, оставленные караваном, который прошел через бухту Антеро. И мы смогли определить, в каком направлении караван двинулся дальше. Понятно, что когда-нибудь след каравана должен кончиться. Я почти уверена в том, что конечным пунктом каравана как раз и будет место, где обосновался наш противник... только я не знаю, хорошо это или плохо.

— Думаю, что плохо, — пробормотал Донариус. Потом он оглянулся и посмотрел на местность, полностью лишенную растительности. Затем его взгляд вернулся к замерзшим птичьим тушкам, сложенным как дрова для костра. Поежившись, заметил: — Но может быть, и нет.

— Так к чему мы окончательно придем, парни, — спросила я, — направимся ли мы напрямик в пасть к врагу или попробуем использовать шанс завладеть кораблем, чтобы отправиться домой, сохранив головы на плечах?

Потом я показала на безжизненную равнину, расстилающуюся перед нами, вид которой заставил содрогнуться старпома, и продолжила:

— Или же мы останемся здесь? Здесь, где скоро начнутся зимние шторма, в чем я не сомневаюсь ни секунды, и нам предстоит столкнуться лицом к лицу с настоящими холодами.

После этого я протянула руку в сторону костра, теплом которого мы все наслаждались, и сказала:

— Я не смогу поддерживать горение до бесконечности, он потребляет волшебную энергию, которую я извлекаю из других мест, а также — мою собственную. Более того, если я по каким-либо причинам использую больше энергии, чем смогу быстро восстановить, то в случае опасности может случиться так, что у меня не будет средств для организации достойного отпора врагу.

— Я не против, госпожа, чтобы время от времени высказывали вконец одичавшие ведьмы, — сказал Карале с присущим ему запредельно мрачным юмором, — но меня достала перспектива остаться без огня. Даже если здесь, в этом крошечном холоде, есть малейший шанс прожить на шесть месяцев дольше, нежели преследуя караван, я бы предпочел все-таки двинуться в путь, а не сидеть сиднем... не знаю, к чему именно пришли вы...

— Вы правильно это ухватили, капитан, — согласился старпом. — Мы обязательно должны посмотреть, как далеко нас заведет караванная тропа. Может быть, сломаем пару хребтов для разминки, а там видно будет... Все равно лучше, чем мерзнуть тут, на ветру.

Все согласились, и с немалым воодушевлением.

Людей полностью раскрепостила необъятность того, что предстояло сделать, и

сложность подготовки к преследованию вражеского каравана, и местность, которую предстояло пересечь, имея с собой достаточно запасов провизии, топлива, вооружения. У каждого сразу образовалось множество больших и малых дел... Все происходило, как в старое доброе время. Как будто бы снова я была солдатом, в казармах, и готовилась к длительному походу, который мог окончиться неизбежным столкновением с противником и даже гибелью.

Но это придало мне сил.

Потребовалось немногим более недели, чтобы подготовиться к преследованию каравана. После того как удалось наладить нормальное питание, мы с каждым днем становились все сильнее. Погода оставалась мягкой, и у нас, обретших суровый опыт сохранения жизни в условиях шторма, появилось много времени, и его теперь с избытком хватало на то, чтобы учесть как можно больше предстоящих неожиданностей. Из всей оставшейся команды только Карале и я не раз бывали в условиях полярной зимы, а другие — владели только теоретическими основами выживания в экстремальных ситуациях.

У меня не возникало приступов малодушия, когда я мысленно представляла себе заснеженную каменистую пустыню, лежащую перед нами. Утешало то, что там не было ила. Однажды мне пришлось сражаться по колено в иле. Смею вас уверить, жидкая грязь хуже снега.

Из шкурок птиц мы соорудили снегоходы, используя их в качестве полозьев, а крупные кости — как каркасы. Такие снегоходы достаточно хорошо скользили. Если вы хоть однажды видели, как раскрашенные в черный и белый цвета птицы стремительно несутся по равнине, едва касаясь килем поверхности снежного покрова, то вам нетрудно будет представить, с какой легкостью мы перемещались на наших снегоходах. Это было похоже скорее на катание на коньках — гораздо лучше, чем изо всех сил неуклюже карабкаться в не приспособленной для этого обуви.

Кожу птиц мы использовали также для того, чтобы сделать сумки для наших вещей. Для этого мы сшивали шкурки вместе жилами, применяя иглы, сделанные из мелких костей. Нам удалось найти две небольшие дощечки, случайно просмотренные, когда мы искали дрова во время шторма. Мы соорудили из них салазки для наших вещей и запасов, которые состояли в основном из мяса птиц и шкурок, не нашедших пока применения. Дощечки мы крепко стянули шнуром, связанным из сухожилий, сверху в виде импровизированного ложа закрепили эти шкуры — и повозка была готова. Качество нашей одежды тоже в значительной степени зависело теперь от этого природного материала. Прорехи в парках мы заделали перьями. Кроме того, мы набили перьев между слоями одежды. Потом мы сделали себе зимние шапки. Они смотрелись на макушках как гнезда из черно-белых перьев. Поверх шапок мы надевали капюшоны, стягивали их концы, так что любой холод становился не страшен.

Нашими умами полностью завладели вопросы борьбы с холодом. Мы стали чрезвычайно требовательны и разборчивы, придирчиво подходя к малейшей детали, как старые солдаты в винном погребе. То и дело я слушала рассуждения о том, что целесообразно, чтобы носки были немного выше ботинок, и если сверху заправить концы штанов, то станет удобно и тепло... Иногда создавалось впечатление, что эти мелочи — самые интересные и захватывающие темы ежедневных разговоров.

Наше вооружение не вызвало у меня отрицательных эмоций. У каждого был меч и кинжал. Имелись также луки, пращи и боевые топоры. Были также и некоторые другие ратные приспособления, дающие в бою дополнительные преимущества, но — немного. Ведь мы планировали, отправляясь из Ориссы, провести здесь только день. А сейчас нам предстояло подготовиться к предстоящим сражениям. И я думаю, что мы не подкачали. К моменту старта мы были во всеоружии.

Когда мы выбрались из бухты Антеро, то выглядели довольно необычно: странные фигуры, спешащие куда-то по снегу на коротких лыжах, сделанных из остатков птичьих шкур и костей, с черными и белыми перьями, торчащими из одежды. Никто из нас не

оглядывался назад, не смотрел на то место, которое чуть-чуть не стало нашим последним пристанищем.

Найти след, протоптанный караваном, и идти вдоль него оказалось не столь трудным делом. С одной стороны, прошел месяц, над этой землей бушевал шторм, который должен был уничтожить следы, засыпав напоследок их снегом. Но каждый из нас был опытным следопытом. В особенности умелы были близнецы. Они расчищали снег в тех местах, где наиболее вероятно должны были находиться отпечатки обуви и копыт, и определяли направление движения. В дополнение к материальным свидетельствам того, что здесь прошел караван, за ним остался и легкий магический след.

Местность, по которой мы шли, была странной. С высоты очередного холма она выглядела как белая волнистая равнина. Эти волны напоминали кружевные облака, прицепившиеся к зазубренным скалам серого, коричневого, черного оттенков, похожим на остроконечные пики. Они были сильно искорежены ветрами и иногда напоминали когти дьявола. Небо над нами не сияло голубизной, а клубилось густыми облаками, цвет которых непрерывно менялся от белого до черного. Время от времени сквозь эту мглу пробивалось озерцо чистого неба, и струя солнечного света ударяла в снег, с необыкновенной контрастностью выхватывая освещенный участок из общего серого однообразия.

Такова была панорама, открывающаяся взору с высоты холма. Но совсем другая картина представала перед глазами внизу. Начать с того, что снег не лежал сплошным ковром. Отдельные участки поверхности были действительно покрыты снегом, и мы достаточно легко продвигались вперед, стремительно катились на лыжах. Но другие участки были полны предательских и вероломных сюрпризов, как моря, отличающиеся коварными прибрежными рифами.

Я могу припомнить только день или два, когда мы находились на местности, достаточно удобной для передвижения. Мы мчались вдоль караванного следа с максимальной скоростью. Команда шла рассредоточено: сзади — близнецы, охраняя нас с тыла, Карале и Донариус — параллельным курсом, с двух сторон прикрывая фланги.

Материальные следы — отпечатки, оставленные караваном на земле, были слабыми, поэтому я приняла эстафету лидерства от близнецов и вела людей по незримому следу волшебного поля. Мне удалось уловить довольно сильный магический след Сирби, нашего плененного заклинателя. Это излучение вызвало смешанные чувства. С одной стороны, я радовалась, что заклинатель был жив, когда караван проходил по этому месту, но с другой — меня беспокоил вопрос, почему он все-таки был пленен, до какой степени предательства интересов Ориссы дошел и с какой целью. Не имея пока ответов на мучившие меня вопросы, я тем не менее хорошо чувствовала энергетические волны, которые позволяли мне уверенно двигаться по следу каравана.

Потом я начала уставать. Как раз в это время отпечатки на земле вновь стали более отчетливыми, и я подала близнецам знак, чтобы они сменили меня и возглавили преследование.

Когда Талуталай заняли лидирующее место в строю, я перешла в арьергард, чтобы некоторое время отдохнуть от постоянного напряжения чувств, которого требовало искусство заклинателя. Близнецы дружно засмеялись, пролетая мимо и в шутку поднимая большие пальцы, как бы показывая мне, что и они хорошо отслеживают магический шлейф Сирби.

Потом они пустились наперегонки, как шаловливые мальчишки, причем Талу постоянно обходил брата и неизменно оказывался в нескольких метрах впереди. Я наблюдала за их состязанием с улыбкой умудренного опытом вожака, готовая в любой момент вернуть их к действительности, так как знала, что возбуждение вскоре пройдет и останется мало сил, чтобы продолжать преследование каравана.

Талу в очередной раз бросился вперед, направляясь к большому валуну, который близнецы выбрали, по-видимому, в качестве финишной отметки. Приблизившись к камню, Талу начал изящным движением огибать его и выстрелил целой очередью снежных струй в

момент остановки. Потом он поднял руки и издал победный клич.

Внезапно снег под Талу провалился, и радостный крик мгновенно перешел в вопль страха. Он пытался схватиться за воздух, отчаянно взмахивая руками, но затем стал быстро исчезать из поля зрения. Я бросилась к нему, но у меня не было почти никаких шансов успеть.

В этот момент как вихрь налетел Талай, выкрикивая имя брата в броске, достал его, схватил за запястья и сумел удержать.

Но не успела я вздохнуть с облегчением, как вновь испытала чувство страха. Талу все-таки перевесил, и оба брата заскользили в ловушку. Талу призывал Талая отпустить его, чтоб хоть один сумел спастись, но Талай не слушал, а только еще крепче сжимал руки брата.

Теперь уже я бросилась вперед и схватилась за ноги Талая. Я вцепилась в его лодыжки, изо всех сил стараясь ступнями, с которых слетели снегоходы, хоть как-нибудь уцепиться за снег. Мы медленно, но неуклонно скользили по заледенелой земле.

Теперь уже и я чувствовала, как вес обоих братьев влечет нас троих к гибели. Но в этот момент я ощутила, как сильные руки Донариуса ухватились за икры моих ног, и его большой вес сработал наконец как стопорный якорь, и мы вчетвером остановились.

Мы оставались в таком положении довольно продолжительное время. Наконец подошли остальные и осторожно оттянули нас от волчьей ямы. Вскоре мы были уже на ногах, с изумлением взирая на скрытую ловушку, в которую чуть было не провалились, и удивлялись, насколько быстро все произошло. Только сейчас до нас начало доходить, что мы были на волосок от гибели.

После этого случая мы шли вперед, приняв все меры предосторожности. Может быть, и не плохо, что этот случай произошел в самом начале путешествия. Это позволило нам быстро прозреть и обнаружить, что вся местность вокруг усеяна ловушками, умело спрятанными под толстым слоем снега.

След каравана служил нам путеводной нитью. Естественно, что проводники выбирали самый легкий и безопасный путь. К сожалению, погода внесла существенные коррективы уже после того, как караван прошел по этим местам. Иногда мы видели, что хорошо протоптанная тропа вела в ущелье, а там упиралась в нагромождение скальных обломков. Мы не раз убеждались в том, что проходы, казавшиеся наиболее привлекательными и безопасными, на самом деле оказывались ловушками. Даже на ровном и открытом месте, когда дорога выглядела гладкой и притягательной, зовущей вперед, можно было неожиданно провалиться в глубокую расщелину, через которую был перекинут тонкий ледяной мостик, присыпанный для маскировки снегом. Как только нога неосторожного путника касалась поверхности такой западни, лед трескался и западня проглатывала жертву.

Мы торопились, поэтому в силу обстоятельств время от времени должны были полагаться на волю случая. Конечно, помогал накопленный опыт. Наиболее подозрительные участки мы проверяли мечами и копьями, как обычно пробуют шестами дно болота. В остальных случаях мы мчались вдоль караванного следа, полагаясь только на милость богов.

За все время нашего пути я видела десятки лавин, низвергающихся со скал. К счастью, все они обошли нас стороной.

Обычно происходило так: я смотрела на вершину горы, покрытую блестящим слоем льда и снега, и неожиданно слышала гул. На моих глазах участок сверкающей поверхности раскалывался, и лавина устремлялась вниз по горным склонам, похожая на белый, пенный водопад, поднимающий облака радужной снежной метели, падая на поверхность обледеневшей земли.

Окружающая местность иногда казалась странной до нереальности под переменчивым небом. Иногда караванный след воспринимался как река, непрерывный поток, образованный тенями, отбрасываемыми облаками на землю. Облака так быстро сменяли друг друга, что мы неизбежно теряли ориентировку и начинали бешено молотить по воздуху руками, чтобы восстановить равновесие. Но уже в следующее мгновение мы снова мчались под пятном чистого голубого неба, и нас заливал настолько ослепительный свет, что мы снова терялись

от неожиданности и замирали, моргая глазами, как какое-нибудь онемевшее от страха животное, внезапно попавшее в другой мир. Действительно, цвета становились насыщеннее, предметы очерчены контрастнее — но только на лоскутке поверхности земли, освещенной солнцем. Все остальное казалось размытым и нереальным.

Добыча была скудна. Я часто ощущала присутствие мелких животных, обитающих, как правило, в норах. Крупного зверя в этих местах не было. Время от времени мы встречали на своем пути замерзшие реки и небольшие озера. Всякий раз в таких случаях я применяла трюк, почерпнутый из опыта одного кочевника. Этот трюк помогал нам регулярно питаться. Для исполнения его не требовалось искусства заклинателя. И без этого чуда природы способны изумить кого угодно. Однако в данном случае потребовалось изрядное напряжение интуиции.

Суть дела в том, что в отдаленных южных районах обитают пресноводные рыбы, которые зимой намертво вмораживаются в лед. Когда наступает весна, эти рыбы оттаивают и уплывают. Кочевник рассказал мне, что эта удивительная рыба способна на протяжении многих лет без заметного вреда для себя замерзать, а потом вновь оттаивать.

Трюк состоял в том, чтобы угадать, в каком месте находится рыба, а потом обколоть лед и извлечь ее. Кочевник советовал представить себе, что ты сама — рыба, и отыскивать удобные расщелины под крутыми берегами реки или пруда, уютные изгибы дна на мелководье, чтобы устроиться для летаргического сна. Первые несколько попыток оказались неудачными. Наши усилия пропали даром. К тому же я заслужила хмурые взгляды членов команды, которые уже стали подумывать, не потеряла ли госпожа Антеро свои магические способности.

Но я упорно продолжала поиски, подогреваемая воспоминаниями о Гэмелене, который был умелым рыболовом и хорошо изучил повадки жертв, чтобы еще успешнее заниматься промыслом.

Когда мы наконец-то пробили лед в нужном месте, хмурые взгляды и насмешки моих друзей сменились широкими улыбками и комплиментами. Первая удачная находка принесла нам около тридцати рыбин. И почти столько же — вторая. А потом уже и все члены команды уловили суть дела. Теперь они уверенно находили рыбу — так, как будто бы здесь раньше был сделан секретный запас продовольствия для обеспечения предстоящих путешествий.

По-прежнему постоянной заботой оставалось топливо для костра, хотя мы вовремя догадались подбирать встречающиеся по дороге стебли сухой травы, мелкие щепки, ветки. Растительность встречалась редко, и, бывало, к концу дня нам приходилось устраиваться на ночлег прямо на заледенелых камнях. Несколько раз, когда ночь настигала нас среди безжизненных скал, я прибегала к помощи волшебства, чтобы мы окончательно не окоченели. В остальных случаях мы вынуждены были подбирать замерзшие лепешки животных каравана и использовать их в качестве топлива. Так мы смогли отогреться и готовить еду.

Проблему воды тоже не просто было решить. Все водоемы замерзли, поэтому нам приходилось растапливать лед или снег. Для этого требовалось много времени, а его у нас почти не оставалось, к тому же мы каждый раз удивлялись, что в котелке, наполненном горкой снега, оставалось после нагрева так мало жидкости.

Магический ландшафт был так же суров, как и природный. Волкодавы злого колдуна, спущенные с цепей вместе со штормом, убивали беспощадно. Все существа, обладавшие хоть малейшими экстрасенсорными способностями, были безжалостно разорваны на куски или раздавлены, независимо от того, насколько малы они были. Не исключено, что для некоторых будет новостью, что некоторые растения и даже отдельные виды земляных червей обладают в незначительной степени способностями, которые позволяют им прислушиваться к шороху эфира и выуживать из него все необходимое для поддержания нормального жизненного процесса. Любой волшебник постоянно ощущает присутствие и таких растений, и примитивных организмов; создаваемый ими звук напоминает легкое гудение и жужжание насекомых в июльском саду. Однако, когда мы быстро двигались по этой промерзшей земле,

эфир казался молчаливым и безжизненным, какой обычно с первого взгляда кажется пустыня. Ощущался только волшебный след каравана, слабо мерцала магическая шелуха, оставшаяся после его прохождения.

Мало-помалу волшебный ландшафт начал изменяться. Я почувствовала, как возвращаются к жизни души растений и животных. Так обычно расцветают цветы в иле, который приносит жесточайшее весеннее половодье. Я догадалась, что эти мои низкорослые родственники по миру сверхчувствительного восприятия получили некоторое время назад предупреждение об опасности, мгновенно спрятались в земле и оставались там до тех пор, пока опасность не миновала.

Несмотря на то что след каравана вилял и извивался, он шел, как правило, в южном направлении, где в отдалении виднелись горы.

В начале пути на нас несколько раз налетали шквалы, но ни один из них и близко не напоминал тот шторм, который чуть было не погубил нас в бухте Антеро. Всякий раз, когда погода резко ухудшалась, мне поначалу казалось, что возвращается наш враг. Мы прятались в ближайшем овраге или в расщелине скалы, хорошо прикрытой толстым слоем снега. Это помогало защититься от шквала и переждать его. Как правило, в течение нескольких часов штормовой фронт проходил, не причинив нам никакого вреда. Ситуация настолько изменилась, что иногда я даже начинала сомневаться в справедливости своего предположения о магической природе того шторма, который больше чем на месяц приковал нас к бухте Антеро. Не исключено, что в действительности это был необычайно сильный ранний зимний шторм, первая ласточка грядущих морозов.

— Вы ни разу не ошиблись на этот счет, госпожа, — заметил Карале, когда мы вернулись с ним к обсуждению некоторых моих сомнений.

— Тем не менее, — ответила я, — в нашем положении гораздо благоразумнее думать, что я ошиблась. Если за этим штормом стоял враг, то где он теперь? Почему он не нападает еще раз? Почему не обрушит на нас еще что-нибудь поновее и пострашнее?

Карале пожал плечами, немного подумал, потом сказал:

— Может быть, он думает, что ему удалось исполнить задуманное, — вы сами узнали, что даже мелкие твари пострадали от шторма. Так что вражеский колдун, похоже, уверен, что прикончил нас.

— Вопрос в том, Карале, что у него было на уме, кроме убийства.

— Вы уверены в том, что враг не знал, что мы находились в бухте Антеро? — спросил Карале.

Немного подумав, я кивнула в знак подтверждения и произнесла:

— Да. Это была атака вслепую. У атакующего не было какой-либо цели.

— Не думаете ли вы, что за этим стоит именно тот «ледяной» пират, которого мы преследуем? — спросил Карале.

— У меня нет в этом уверенности, — ответила я, — враг не оставил никаких характерных следов, по которым можно было бы установить их владельца.

Карале не унимался и продолжал задавать вопросы, мучившие меня на протяжении многих дней после шторма:

— Но вы все-таки склонны подозревать, что к этому причастен пират?

— Да, — ответила я и поняла, что мой голос прозвучал гораздо увереннее, чем следовало.

— Тогда, по всей вероятности, он и есть главный виновник наших бед, — изрек Карале. — Вот вам мой совет: всегда держитесь первой догадки, миледи, ищите доказательства — и они обязательно найдутся. Обязательно!

— Пусть так, — подтвердила я и тут же спросила: — Но почему пират не вернулся?

— Кто знает, миледи, — ответил Карале, — но ведь это не имеет особенного значения, не так ли? Со временем мы все узнаем.

— Но есть еще кое-что, капитан, — продолжала я, — время близится к зиме, а погода слишком мягкая для этих широт. — Я горько рассмеялась и пояснила: — Эта прохлада

совершенно неестественна для этого времени года. Больше похожа на весну.

Карале поморщился и спросил:

— Так почему же вас тревожит погода? Зачем зря беспокоить богов вопросами? Зима нагрянет скоро. Если она по каким-то причинам задержалась, поблагодарим богов за то, что они благосклонны к нам.

— Видите ли, капитан, — довольно грубо возразила я, — думаю, что это не имеет никакого отношения к благосклонности богов.

Брови Карале взметнулись вверх, и он обеспокоено спросил:

— Так вы считаете, госпожа, что за штормом стоит волшебство?

Карале удалось довести меня до белого каления, поэтому я раздраженно тряхнула головой и ответила:

— Не знаю, капитан. И именно это беспокоит меня больше всего. Я просто-напросто ничего не знаю.

Карале дружески похлопал меня по плечу и произнес успокаивающим тоном:

— Не горюйте, госпожа Антеро. Очень скоро мы все узнаем... — Он рассеянно поковырял веткой в костре и неожиданно помрачнел. — И все-таки я бы чувствовал себя гораздо увереннее, будь под ногами палуба. Думаю, что не открою секрета, госпожа, говоря, что мне не по душе длительные пешие переходы.

Я улыбнулась. Это была прелюдия старого и бесконечного спора между моряками и пехотой. Но поддавшись соблазну продолжить и сказала:

— Готова признать, что духовно выросла и полюбила море. Но я слишком долго была солдатом, воевавшим на суше. Теперь я уже не способна полностью доверить судьбу замкнутому пространству.

— Да, госпожа, вы уже говорили мне об этом раньше, — возразил Карале, — но мы должны признать, что не сумеем добраться до дома пешком.

— Вы правы, капитан. Но представьте себе на секунду, что произошло бы с нами, если бы мы остались на «Тройной удаче». Мы давно были бы мертвы, как те трое несчастных, которых мы оставили охранять корабль. Ни одно судно не способно противостоять такому шторму.

Карале поджал губу, обдумывая ответ. Потом сказал:

— Могло быть и так. Но этого мы наверняка никогда не узнаем, не правда ли? Лично я никогда не сомневался в собственных навыках мореплавания, и они меня не подводили ни разу.

Он пощупал ступню, поморщившись от боли, когда тронул натертое место. Потом пожаловался:

— Боги, по-видимому, зло пошутили, госпожа, когда они дали нам вот это. — Капитан презрительно кивнул на свои ноги. — Какие-то уродцы, похожие на обрубки. Я не знаю ничего более некрасивого, чем ступня, — думайте, что хотите, госпожа. Кроме того, пальцы хрупки, как тонкие стебли сухой травы. Вы можете в любой момент сломать их. Вы рискуете обморозить их. Я не говорю о том, что вы то и дело натираете мозоли. Если палуба под ногами прогнила, вы запросто можете залатать ее. Но если что-то случается с пальцами ног, то это — неисправимо.

— Да, капитан, в данном случае вы правы, — согласилась я. — Но многого из того, что вас беспокоит, можно избежать, если надеть хорошую обувь, которая позволит вам чертовски быстро перемещаться.

Карале кивнул в знак согласия.

— Вы правы, госпожа, но далеко убежать все равно не удастся. Когда ты на своих двоих — черти всякий раз быстро тебя догоняют.

Через несколько недель мы приблизились к оазису.

Поначалу ничто не предвещало его появления. Казалось, шторм снова зреет где-то за горизонтом, поэтому небо представляло собой хмурое, мрачное, сверхъестественное

сочетание вихревых облаков серого и черного цвета, что очень сильно затрудняло восприятие окружающей действительности и заставляло нас чувствовать себя насекомыми, ползущими по пергаменту, заляпанному чернилами. Мы шли в течение многих часов и уже начинали присматривать местечко, где в очередной раз можно было бы дать отдых усталым мышцам.

Мы приближались к лощине, относительно защищенной от ударов стихии возвышающимися с двух сторон высокими холмами, склоны которых были усыпаны обломками вулканических пород. След каравана вел в проход между двумя такими холмами, и мы шли вдоль этого прохода до того момента, пока его не пересекла и не слилась с ним еще одна тропа. Судя по всему, вторая тропа была протоптана выючными животными другого каравана. Этот след был более свежим, чем первый, но не намного. Выработанная привычка к осторожности в незнакомых местах заставила нас быть предельно внимательными. На этот раз опасения были напрасны. Лощина была пустыня.

Если бы не караванный след, то мы не обратили бы внимания на строение, расположенное почти в центре лощины. Крыша строения была покрыта снегом, поэтому оно выглядело как очередной высокий холм, множество похожих на который мы не раз встречали на пути от бухты Антеро. След каравана тянулся прямым к этому зданию, огибал его с южной стороны, где мы обнаружили вход. Арка была выложена из вытесанных вручную темных каменных блоков. Мы скололи лед, отбросили снег вокруг арки и обнаружили, что остальная часть строения сложена, по-видимому, из того же материала. Мы вошли, продвигаясь вперед по сводчатому туннелю. Чем глубже мы забирались, тем сильнее становился затхлый запах стойла с примесью кислого аромата немывших человеческих тел.

Приблизительно на половине пути по прямолинейному проходу мы заметили мерцание тусклых огней. Свет исходил от небольших кучек кристаллического горного хрусталя, насыпанных в маленькие каменные чаши, которые были расставлены по нишам в стенах туннеля. Осмотрев один из таких светильников, я убедилась в том, что кристаллы состоят из вещества, аналогичного тому, из которого мы делаем бусы. Для того чтобы кристаллы засветились, требовалось присутствие человека. Способ освещения был очень похож на тот, который мы в Ориссе применяем для освещения глухих, темных закоулков.

Когда мы вошли в центральный зал с довольно низким сводом, сверху заструился свет. Помещение оказалось размером с портовый склад. Пол и стены были выложены темным камнем, но камень стерся за долгие годы. Я прикинула, что его построили несколько веков назад. В верхней части сводчатый потолок плавно переходил в дымоход, который, судя по всему, не позволял ни ветру, ни дождю, ни снегу попадать внутрь.

Около одной из стен виднелся большой загон для скота, огороженный невысоким каменным забором. Там содержались выючные животные каравана. Я обратила внимание на то, что пол загона довольно густо покрыт пометом. Мы были обеспечены запасом топлива для костра. Рядом с загонем возвышалось не менее сотни каменных лож. Многие из них имели небольшие встроенные очажки, которые служили для обогрева спящих. Когда вы собираетесь спать в таком месте, все, что требуется, — повесить у изголовья одежду, пополнить запас топлива в очажке, подождать, пока ложе не нагреется, и — забраться под одеяло.

Нас притягивало к лежанкам, как магнитом, но мы продолжили дальнейшее исследование этого загадочного сооружения. Однако теперь вся команда так часто зевала, что Донариус сравнил нас со стадом обленевшихся верблюдов.

В центральное помещение выходил ряд ниш, похожих на альковы различного размера. Внутри их находились слегка приподнятые над землей ровные каменные платформы. Мы догадались, что эти помещения использовались для того, чтобы хранить товары, которые вез караван. Там валялось несколько порванных кожаных поводков от упряжи и ремней без пряжек. В одном из помещений мы наткнулись на порванный мешок с зерном. Ящерица тут же принялся собирать зерно, зачерпывая его ладонью, а остальным в это время уже грезилась теплая ароматная овсяная каша, приготовленная им на обед.

Мы продолжали идти по кругу, образованному постройкой, высматривая, что еще полезного можно было бы обнаружить в его закоулках. В тот момент, когда мы почти замкнули кольцо, я внезапно уловила присутствие волшебного поля. Взмахом руки остановила остальных и двинулась вперед, приведя все свои чувства волшебницы в полную боевую готовность.

Вход в помещение, в котором я оказалась, был в два раза выше и шире, чем требовалось для обычного человека. На несколько мгновений задержалась в дверях. Потом до меня дошло, что проем достаточно удобен для медведя, поднявшегося на задние лапы.

Я чувствовала сильное беспокойство и старалась учуять ловушку вражеского колдуна.

Помещение оказалось пустым.

Затем на дальней стене я заметила цепи. На цепях висел труп. Я старалась всмотреться повнимательнее, не обращая внимания на многочисленные увечья, причиненные пленнику при жизни. Слезы непроизвольно заструились по моему лицу, когда я поняла, что он мне знаком.

Судя по одежде, это был Сирби.

Я опечалилась, но нельзя сказать, что испытала потрясение. Более всего меня беспокоило, что мы снова столкнулись с колдовством впервые с того времени, как мы были в ледяной ловушке бухты Антеро.

Откровенным сюрпризом для меня явилось то, что Сирби, похоже, не сдался без борьбы, он сражался, прежде чем был убит. Я рассердилась на себя за то, что посмела усомниться в честности заклинателя. Его пытали, но стало совершенно ясно, что он отказался сотрудничать с врагами.

Члены команды помогли мне снять тело и осторожно, с должным уважением к памяти погибшего, положить на каменный пол. Послышался невольный ропот, когда люди увидели, что враг сделал с Сирби, и я не сомневалась, что, поймай мы виновных в этом злодеянии, они получили бы по заслугам в честном бою. Я отослала всех, кроме Карале, чтобы они разбили лагерь. Карале был нужен, чтобы подготовить тело заклинателя к погребению.

Занимаясь этим прискорбным делом, мы с капитаном долго молчали. Потом Карале почесал затылок и пробормотал:

— Похоже, бедняга малость усох...

— Что вы сказали, капитан? — спросила я. Карале показал на тело и произнес:

— А не был ли лорд Сирби повыше, миледи? Помню, у него было довольно округлое брюшко. Он, бывало, любил влить в него немалую порцию пива. Не подумайте, что непочтительно отзываюсь о погибшем, но он довольно часто опрокидывал по маленькой и был похож скорее на завсегдатая таверн, чем на колдуна.

Я грустно улыбнулась капитану, как будто бы прощая его, и сказала:

— По-видимому, он слишком сдал в результате плохого питания и пыток.

— Это так, миледи, — продолжал Карале, — но ведь не мог он ни с того ни с сего стать короче?

Я еще раз внимательно взгляделась в очертания тела заклинателя. Его изуродованное лицо показалось мне знакомым. Потом я проверила догадку, осмотрев остальное. Постепенно до меня стало доходить, что Карале был прав. Сирби был ростом немного выше шести футов [около 183 см], хотя имел обыкновение слегка привирать и добавлял к своему росту еще немного. Особенностью тела Сирби был длинный корпус и короткие, как обрубки, ноги с такими маленькими ступнями, что казалось — он вот-вот упадет. Он передвигался семенящей походкой. Иногда колдун напоминал толстую краснощекую прачку, которая пыталась выдать себя за девицу на выданье.

Тело, лежащее перед нами, было на добрых две ладони короче, с длинными ногами и большими ступнями.

Тело этого человека не было телом Сирби, но тем не менее мне оно было знакомо. Точно так же были знакомы и слабые излучения волшебной энергии, исходящие от него.

Одно несомненно — тело принадлежало орисскому заклинателю.

Следующее мое ощущение можно сравнить с ударом молнии.

— Это не лорд Сирби, не так ли, миледи? — пророкотал голос Карале.

— Да, это не он, — очень тихо ответила я.

— Это заклинатель со второго нашего поста, не правда ли? — спросил Карале. — Его звали лорд Серано. Маленький такой. Но смелый. Сердце льва.

— Да, — подтвердила я, — это точно он, Серано.

— Теперь мы уже точно знаем, — продолжал Карале, — что нападению подверглось и второе наше торговое представительство. И наиболее вероятно — оно также уничтожено. Кроме того, вероятнее всего, там тоже никого не оставили в живых, кроме заклинателя. Все в точности так, как и в бухте Антеро. Заклинателя взяли в плен.

Я слушала молча. Потом Карале бережно набросил одно из наших старых одеял на изувеченное тело Серано, прикрыв его лицо.

— Тяпа-растяпа, — произнес капитан, — бедный сукин сын, он был, ей-богу, храбрым малым.

Мы отдали последние почести заклинателю, выдержав ритуал, насколько это было возможным в наших условиях. Я постаралась уверить остальных в том, что душа Серано найдет мир и покой в последующей жизни. А потом мы сложили над телом курган из обломков скал, так как в это время года было невозможно выкопать могилу в земле.

Покончив с печальной обязанностью, мы вернулись к костру, который Ящерица развел недалеко от спален. Он готовил обед, и воздух наполнялся густым запахом овсяной каши. В зерне содержалось много отрубей и шелухи, оно предназначалось, по всей видимости, для кормления животных, но каша из него показалась нам манной небесной. Во время обеда я поговорила с каждым. Потом, как бы обобщая полученные сведения, сказала:

— Я готова рассказать вам о том, что здесь, по моему мнению, произошло. Пожалуйста, не стесняйтесь остановить или поправить меня, если вы сочтете, что я в чем-то не права.

Команда дружно кивнула, и я приступила к рассказу:

— Оба наших торговых представительства подверглись нападению и были уничтожены. В обоих случаях нападавшие пришли со стороны моря. И мы теперь точно знаем, что обе эти атаки были разделены во времени, потому что вскоре на сцене появились два каравана. Напавшие на наши посты захватили и потом передали владельцам караванов обоих заклинателей — лорда Сирби и лорда Серано. После этого оба каравана поспешно отправились к зимнему оазису, где мы сейчас и находимся. Судя по всему, тот караван, с которым находился лорд Сирби, прибыл сюда первым, а второй появился не позже чем через день-два. — Обращаясь к близнецам, я спросила: — Именно вы первыми обнаружили след второго каравана, не так ли?

Они согласились, добавив, что, по их мнению, две группы вместе стояли здесь лагерем в течение довольно длительного времени. По крайней мере, в течение месяца.

— А это означает, — продолжала я, — что они переждали шторм. Будь это только один караван, я бы предположила, что им просто случайно повезло и они добрались сюда до начала шторма. Но так как их было два — при этом время начала атак на наши посты и сроки караванных переходов четко согласованы, — я почти уверена в том, что они знали заранее о стихии и поэтому изо всех сил поспешили сюда. Если я права, то речь идет именно о заранее спланированной встрече в точно назначенное время.

Когда шторм кончился, обе группы вместе двинулись вперед. Я могу только предположить, что этот большой караван отправился к тому пункту, из которого вышли караваны перед началом операции, но думаю, что эта догадка ближе к истине.

Карале вклинился в ход моих рассуждений:

— Госпожа, мне непонятно, почему, потратив столько усилий и преодолев столько трудностей для захвата наших заклинателей, они кончили тем, что убили одного из них?

— Не знаю. Но я бы посмела предположить, что они потребовали от лорда Серано

выполнения некоторых магических действий.

— И лорд Серано отказался? — спросил Карале.

— Да, — ответила я, — он отказался.

И все согласились, что лорд Сирби подчинился требованиям врага. Иначе мы обнаружили бы и его тело.

— Но почему они все-таки пошли на риск, госпожа Антеро? — спросил Донариус. — Я могу представить себе желание пиратского главаря разрушить и разграбить наши торговые представительства. Но зачем навлекать на себя серьезные неприятности захватом заклинателей?

— По той же причине, по которой гиганты напали на Писидию, — ответила я. — Единственной целью нападения, если я не ошибаюсь, был захват Дасиар.

— Но, миледи, извините великодушно, все это не дает ответа на вопрос «почему», — произнес Карале.

— Да, действительно не дает, — согласилась я, — но указывает путь к разгадке. Напавшие на нас пираты не имели цель нагнать добычу. Кто-то стоящий за ними поставил задачу руками пиратов пленить как можно больше волшебников. Зачем — не могу сказать. Если это было предпринято с единственной целью ослабить противников, то они должны были бы просто-напросто убить заклинателей. Как раз напротив — каждый раз захватчики стремятся во что бы то ни стало оставить заклинателя в живых.

Все, как по команде, разом взглянули на отдаленный угол помещения, где под камнями лежало тело Серано.

— Они что-то не шибко старались оставить его в живых, — пробормотал Ящерица.

— Вероятно, произошла какая-то ошибка, — предположила я, — похоже, выиграла кровь, когда Серано отказался подчиниться нажиму и сформулировать заклинания, которые от него требовали, — не знаю, к сожалению, какие именно. Если я не ошибаюсь, они дорого заплатят, когда придут на место назначения с одним заклинателем вместо двух.

— Судя по следу и некоторым признакам, — сказал Донариус, — мы идем за настоящими дикарями. Они умеют сражаться. Этого у них не отнять. Но их слабость в том, что они плохо подчиняются приказам.

— Эту слабость мы могли бы использовать.

— Не сомневайтесь, госпожа Антеро, мы обязательно этим воспользуемся, — прорычал Донариус, — говоря по правде, я не питаю особых иллюзий по поводу возможности вернуться домой. И если дело дойдет до рукопашной, я не против напоследок хорошенько поработать мечом.

— Давайте все-таки не будем безрассудно храбрыми, — охладила я пыл старпома, — мы и раньше попадали в ловушки. Думаю, сумеем выбраться и из этой.

— Однако мне не приходилось попадать в такой переплет, — пробормотал Ящерица.

— А мне приходилось, — сказала я. — Однажды мы заблудились на Диком Западе и плутали в течение двух лет. Те люди, с которыми я путешествовала в тот раз, если не считать стражниц Маранонии, были очень плохо обучены и не умели действовать в экстремальной ситуации. Если быть откровенной, думаю, они перерезали бы мне горло, не будь я единственной надеждой на возвращение домой. Более того, это чуть не удалось, когда стало ясно, что можно и без меня добраться до Ориссы.

Наше положение здесь несравненно лучше. Мы знаем, в каком направлении дом. Каждый из нас пустился в опасное путешествие по доброй воле, предварительно пройдя хорошую подготовку. Единственное, что от нас требуется, — не останавливаться в пути, упорно идти к цели. Если мы обнаружим порт, то найдем корабль. Тогда единственная проблема будет состоять в том, как овладеть кораблем. Поэтому я предлагаю не заикливаться на месте. У нас еще будет для этого время.

Карале повел рукой, показывая на каменные стены, и сказал:

— Если они и дикари, то у них больше мозгов, чем у прочих дикарей.

— Все это не было построено при нынешнем поколении, — подтвердила я. — Вы

правильно догадались, сооружение появилось в доисторические времена. Судя по очертаниям входной двери в помещение, где мы обнаружили несчастного лорда Серано, это укрытие было построено во времена правления первого короля Белого Медведя. — Я подняла с пола осколок темного камня и продолжала: — Когда это строили, в работе принимали участие колдуны. Я чувствую очень древнее колдовство. Я думаю, наш нынешний враг способен на нечто похожее. Я говорю о том, друзья мои, что ему не потребовалось бы много времени для того, чтобы осуществить аналогичный грандиозный проект.

Готова спорить на большой бочонок с золотом, что во время путешествия мы еще не раз встретим похожие апартаменты.

Но скорее всего мы имеем дело с начинающим колдуном, одержимым жаждой власти. С кем-то, кто пожелал облачиться в мантию легендарного короля, который всю свою жизнь увеличивал богатство и могущество, накопленные его предшественником.

Перед нами лежат остатки империи, друзья мои. Империи, которой кто-то хочет вернуть былое величие.

Глава 8. ЖИТЕЛИ ЗАПОЛЯРЬЯ

Первый раз мы увидели жителей Заполярья сквозь клубящийся туман, зависший над покрытым льдом озером.

Мгла окружила нас со всех сторон, как только мы шагнули на лед. До этого мы четыре дня шли от зимнего оазиса. След каравана исчез на берегу озера, и мы потратили долгие часы на поиски, прежде чем убедились в том, что наши противники двинулись по льду. Несмотря на то что впереди прошла большая группа с тяжело груженными животными, мы чувствовали себя неуверенно, делая первые робкие шаги по замерзшей поверхности водоема.

Она казалась твердой как камень, но осознание того, что каждый из нас может провалиться в ледяную воду, случайно наступив на какое-нибудь слабое место, заставляло нервничать. Побывав в ледяной воде зимой, человек может умереть от переохлаждения в считанные минуты. Точно так же и наша группа могла бы исчезнуть с лица земли, провалившись мы в трещину.

Более правильно было бы растянуться цепочкой, привязавшись друг к другу прочной веревкой, потом не спеша продвигаться вперед, сохраняя как можно большее расстояние между людьми. Если вдруг один провалится под лед, остальные смогут быстро вытащить его. А если веревка оборвется и человек утонет — что ж, утешением послужит то, что погиб только один.

У нас не хватило веревок для того, чтобы предусмотреть такую меру предосторожности. Собрали все отрезки, которые нашлись, и этого с трудом хватило на то, чтобы прочно привязать друг к другу троих, расставив их не более чем на три метра. Именно эти трое составили лидирующую группу, которая непрерывно проверяла надежность льда и давала добро на проход остальным. Однако туман вскоре стал настолько густым, что это оказалось бесполезно. Отсутствие видимости заставило нас держаться на расстоянии вытянутой руки друг от друга, иначе мы разбрелись бы в разные стороны. В самом начале путешествия по льду мы, по-видимому, отклонились от проложенной местными жителями тропы, потому что однажды все вместе попали на участок с тонким льдом.

Первым предупреждением явились треск и хлопки, напоминающие звук ломающейся кости. Лед под нами так неожиданно пришел в движение, что никто не успел и глазом моргнуть.

Мы стояли не шелохнувшись в течение времени, которое показалось нам целой вечностью, пока поверхность льда выгибалась под ногами, неестественно раскачиваясь. Наиболее пугающим было то, что мы не видели источника опасности. Я услышала где-то впереди плеск воды и почувствовала илистый запах.

Внезапно все успокоилось. Лед перестал вибрировать и скрипеть.

Мы выждали как можно дольше, потом осторожно продолжили путь в обход того места, где, по нашему предположению, должна была быть полынья.

К нашему облегчению, приблизительно через час я уловила магический шлейф Сирби. Потом близнецы обнаружили кое-какие отбросы, оставшиеся от каравана. Будучи теперь уверенными в выборе направления, мы стали двигаться с гораздо большей скоростью, держась следа каравана.

Густой туман клубился вокруг, как будто бы мы находились в мире призрачных грез и беспокойных сновидений. Волны тумана то и дело принимали очертания, напоминающие страшных животных, которые внезапно распадались, потом вновь воскресали уже в другом, более неприятном обличье. Мы не имели ни малейшего представления о том, как далеко ушли от берега и сколько нам еще двигаться вперед, чтобы добраться до суши. От непрерывного напряжения мы покрылись потом под меховыми парками. И были готовы к тому, что в любую секунду может внезапно возникнуть опасность, на которую не успеешь среагировать.

В тот момент, когда мы увидели дикарей, я была наготове.

Сначала я их почувствовала — за счет резкого возрастания давления воздуха в результате движения большой массы. Затем туман на мгновение расступился, и я увидела, что сквозь мглу пробивается кто-то или что-то. Темное пятно то приближалось, то отдалялось.

Я услышала странно звучащий голос, выкрикивающий команды. Мы мигом распластались на льду. Потом я услышала другой приказ, отданный громким голосом, вслед за чем послышался скрежет полозьев по льду — как будто бы волочили на них что-то тяжелое.

Внезапно туман на миг растаял, и, к своему изумлению, я увидела буквально в нескольких шагах от меня корабль. Корабль накренился на один борт, на мгновение замер, потом выпрямился и исчез в серой мгле.

Я выждала, пока снова все стихнет. После этого я два раза с силой дернула за веревку, давая остальным знак оставаться на местах. Отвязав веревку, крадучись двинулась вперед. Помня о корабле, я была готова к тому, что в любой момент окажусь у кромки льда и увижу открытую поверхность воды. Вместо этого подо мной лежал толстый слой твердого, намерзавшего длительное время льда.

Неожиданно рука ушла в трещину. Я остановилась, встала на колени, чтобы получше рассмотреть новое препятствие, возникшее на пути.

Трещина оказалась довольно широкой — ладони в три. Некоторое время я двигалась вдоль нее и вскоре убедилась, что это скорее всего след одного из санных полозьев.

Постаравшись запомнить, где расположен след, я не спеша двинулась вперед и немного наискосок, в том направлении, куда аборигены уволокли корабль. Приблизительно в трех метрах от первой колеи я наткнулась на точно такую же вторую. Вернувшись к концу веревки, я просигналила, и остальные приблизились ко мне.

Как только мы собрались все вместе, до меня донеслась волна, вызванная изменением давления; впечатление было такое, как будто бы меня вдавили в надувной матрац. И я вновь — теперь уже с раздражением — почувствовала присутствие неподалеку большого скопления людей и движение какого-то большого предмета.

Нам пришлось быстро и тихо отойти в сторону на лед, когда туман вновь неожиданно поредел и прямо на нас надвинулась неясная тень.

Когда второй корабль проходил мимо, двигаясь по льду на больших деревянных лыжах, я приподняла голову. Корабль казался бесплотным, нереальным. Густые клубы тумана то и дело скрывали его очертания. На мачтах светились огни святого Эльма [хорошо известная морякам форма разряда]. Силуэт корабля напоминал след, который оставляет в ясную звездную ночь мелькнувший в небе болид, — глаз едва успевает уследить за тем, как этот небесный странник одним росчерком пера рисует быстро тающий эскиз... а через пару

секунд уже кажется, что все привиделось... Вокруг корпуса мерцали и потухали льдинки, поэтому корабль казался еще более нереальным.

У штурвала я увидела тень большого человека, услышала исходившие от него отрывистые команды, заметила других людей, которые суетливо бросились исполнять приказ. Никто и не думал смотреть на нас, к тому же я сомневаюсь, что нас можно было бы разглядеть из-за тумана. Через мгновение густой туман снова надвинулся на борт корабля-призрака, из поля зрения исчезло все, кроме рулевого.

Неизвестно откуда взявшийся тонкий луч света внезапно выхватил его лицо из сумрака, и оно стало видно с ошеломляющей контрастностью. Лицо было продолговатым и бледным, как первый лед на реке поздней осенью, а под глазами красовались концентрические круги черного, голубого и белого цветов. Четкие полосы голубого цвета подчеркивали высокие скулы, подбородок оттеняли черные мазки. Губы были неестественно синего цвета, а над ними были изображены клыки.

Я непроизвольно напряглась, когда рулевой посмотрел в мою сторону, и постаралась как можно быстрее отвести взгляд, чтобы случайно не привлечь внимания. Но он смотрел мимо, не заметив меня; а в следующее мгновение корабль исчез...

Ящерица находился ближе всех ко мне, поэтому я дернула его за рукав, давая понять, что он должен передать остальным сигнал об отступлении и перегруппировке. Через несколько секунд Ящерица в ответ дернул мой рукав. Все были готовы.

Мы начали медленно отходить, но внезапно раздался тревожный набат колокола, доносившийся именно оттуда, куда мы держали путь. Звон накатывался неровными волнами сквозь морозный влажный воздух. Мы снова остановились, замерев на льду, и я пребывала в нерешительности, не зная, какое направление выбрать.

Бой колокола стал равномерным, приблизительно один удар на два вдоха. Затем я услышала другие звуки. На этот раз я сумела различить голоса, лай собак. Было похоже, что на нас надвигается толпа людей и множество животных. Как можно быстрее я сформулировала заклинание смятения, чтобы сгустить туман, потом подала Ящерице сигнал рассеяться.

Сразу после того как Ящерица исчез в сгустившейся мгле, вокруг нас замелькали огни, похожие на чудовищных огненных мух.

Две тени быстро приближались ко мне. Я повернулась на бок, чтобы вытянуться в направлении их движения или подставить меньшую поверхность тела.

Тени превратились в двух мужчин в меховой одежде с капюшонами, довольно быстро скользивших по льду. Они были всего в двух-трех шагах от меня, поэтому я невольно напряглась, а пальцы сжали рукоятку ножа. Я была готова всадить нож в одного из дикарей, если он случайно наткнется на меня в тумане.

Я увидела прямо перед собой деревянные лыжи, потом с двух сторон проскользили лыжники.

Один из них наехал на кончик подола моей парки, даже не заметив этого. Я услышала, как в этот момент он что-то рассказывает спутнику. Должно быть, это была смешная история, потому что тот весело смеялся.

Лаяли собаки, свистели хлысты погонщиков, и вскоре перед моим взором появилась цепочка неопрятно одетых людей. Собаки влекли сани прямо на меня, и я с упавшим сердцем подумала, что животные обязательно учуют меня и лаем поднимут тревогу. Однако вновь резко просвистел кнут погонщика, и в этот момент я быстро откатилась, как бы разрешая собакам и саням проскочить мимо.

Большая группа людей устремилась вслед за санями. Я лежала ни жива ни мертва до тех пор, пока мимо не прокатилась на лыжах толпа дикарей в меховых одеждах. Их разговоры на незнакомом мне языке казались обычными и не предвещали опасности. Я слышала, по-видимому, обрывки сплетен, рассуждения по поводу рыночных цен, жалобы на мужей, жен, любовников и любовниц.

Мы пролежали на льду не менее двух часов. Холод прочно сковал руки и ноги и

добрался до самой души, болезненно щипал едва зажившие ссадины и только что зарубцевавшиеся раны — следы нашего приключения в бухте Антеро.

За это бесконечное время мимо нас промчалось десятка два саней, запряженных собаками, прошло более сотни людей — как группами, так и поодиночке. Мимо нас пронеслось еще два корабля-ледохода. Каким-то чудом никто из этих людей не заметил нас и даже не заподозрил нашего присутствия.

Если бы туман вдруг растаял, нас обнаружили бы немедленно. Мы чувствовали себя так, как будто бы спрятались посреди огромного поля, на котором созрел уэт [Хлебный злак, дающий прекрасную белую муку; является основным пищевым злаком для зон с умеренным климатом; важен также как корм для животных; соцветия — длинноостистый колос, зерна имеют окраску от белого до темно-красного цвета], ожидающий сборщиков урожая. Пока мы ждали, надеясь, что все-таки пронесет, — появилась последняя большая группа людей — как мы боялись, наших врагов, — которые шли через озеро, прочесывая лед. Только невероятная игра случая могла так широко и умело расставить эти зубы, чтобы ни один из них не наткнулся ни на кого из нас. Именно так и произошло на сей раз. Вражеские «грабли» проследовали дальше, не причинив нам вреда. На ледяном поле осталось всего несколько дикарей, которые в спешке прошли стороной. Затем колокол замер.

Я попыталась угадать, в каком направлении было бы безопаснее двигаться, и мы отошли как можно быстрее и тише.

Как только мы добрались до скалистого берега, поднялся ветер, который быстро превратил клубящиеся грозовые влажные пряди тумана в длинные клочки, поэтому нам пришлось бегом укрываться за ближайшим холмом, склоны которого были густо усыпаны валунами. Я взлетела к вершине холма, на ходу развернулась и упала на землю. После того как остальные перемахнули за вершину, я приподнялась на локтях и начала внимательно осматривать замерзшее озеро, с которого мы только что отступили. Окружающая местность напоминала сиену из ночного кошмара, навеянного дьяволом. Внизу довольно широко раскинулось озеро. В лед вцепились, как алчные клещи чудовища, уродливые пальцы хаоса. Почти до горизонта южный и северный берега озера выглядели так, как будто их долго и настойчиво царапали и долбили огромные когти. Все холмы, пригорки и возвышенности были изрыты, искорежены и срезаны; склоны более высоких скал и гор — опалены огнем и оплавлены. Вокруг этих ран, как гной, скопились массы грязного льда и снега. То здесь, то там я видела извилистые дороги и тропинки, пробитые в скалистом грунте. Они вели ко входам в огромные пещеры, которые были укреплены каменными блоками, вытесанными вручную. Ни на дорогах, ни у входов в пещеры не было заметно следов деятельности, однако мне показалось, что я смогла различить и узнать оборудование и принадлежности, разбросанные вокруг. Я обратила внимание на скопление больших каменных строений с широкими трубами, покрытыми слоем сажи и копоти. Из некоторых труб то и дело мелькали языки пламени, но дыма почти не было.

Внезапно я услышала свист ветра, и из-за не очень отдаленной излуины высокого берега, едва касаясь поверхности льда, выплыла изящная шхуна. Она была построена явно не для военных целей; впереди, на носу, красовался мощный таран, а борта были покрыты щитами. Я увидела на палубе одетых в меха воинов, вооруженных копьями, мечами и кинжалами.

На мачте развевался флагманский стяг Белого Медведя. Корабль лег на другой галс, направившись к тому месту, где озеро образовывало залив, глубоко вдававшийся в берег. Там виднелся порт с грязными черно-коричневыми доками и в беспорядке нагроможденными пакгаузами. В доках были пришвартованы несколько мелких шхун-ледоходов. Я увидела, как вблизи самого длинного причала суетливо столпились фигурки людей, ожидавших прибытия большой шхуны.

Вдоль порта теснились домики, напоминавшие кроличьи клетки на зверофермах. Виднелись также и более солидные здания, создававшие впечатление, что перед нами лежит небольшой город. Городок теснили некрасиво очерченные горы, окрашенные

преимущественно в серые тона, сквозь которые кое-где прорывались черные пальцы голых скал.

Жилые дома и другие строения были довольно узки, казалось, что они построены из плохо обработанной древесины. У большинства домов были высокие остроконечные крыши, на которых не нарастал снег. Если не считать нескольких человек на пристани, вокруг не было ни души.

Внезапно вновь заговорил большой колокол. Я непроизвольно поискала глазами и вскоре обнаружила источник звука.

В дальнем конце городка возвышался неуклюжий силуэт, превосходивший по размерам самые большие здания в городе, по крайней мере, вдвое.

Разглядев его, я едва не подпрыгнула, как от удара.

Это был медведь. Медведь-великан, вставший на задние лапы и широко разинувший пасть.

Вновь ударил колокол, и я внезапно поняла, что звук исходит из оскаленной медвежьей пасти, настолько большой, что она смогла бы, наверное, поглотить одну из шхун, стоявших у причала. К этому моменту я преодолела шок от увиденного, выровняла дыхание и сфокусировала зрение на зловещей фигуре зверя.

Медведь был вытесан из камня. От его ног поднималась широкая лестница, ведущая к большим воротам, расположенным в брюхе. Ворота были открыты, и я увидела, как через них, толкая друг друга, проходит множество людей.

— Это что еще за чертовщина? — спросил Карале, незаметно оказавшийся рядом.

— Думаю, что это своего рода храм, — бездумно пробормотала я. Мои мысли были заняты совсем другим. Я была сосредоточена на том, чтобы привести в полную боевую готовность чувства заклинателя. Дав Карале знак, чтобы он помолчал, я осторожно послала вперед, к храму, волшебное щупальце. Оно не спеша заскользило вперед — так, как обычно выплывает из укрытия проголодавшийся угорь, который по вкусу воды определяет, не проплывала ли рядом добыча. Я уловила несколько волшебных частиц, медленно дрейфующих по волнам эфира, обратив внимание на то, что они исходят от Сирби — нашего похищенного заклинателя, — и стала держаться этого следа. По мере моего приближения к городу отдельные частицы все чаще сменялись сгустками магических отметин.

Я вернулась, соединив астральное и физическое тела, сделала несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться, и, повернувшись к Карале, сказала:

— Он все еще здесь. — И показала в сторону города.

— Вы имеете в виду лорда Сирби, госпожа? — спросил капитан.

Я кивнула.

— Так мы идем в город, чтобы попытаться освободить его? — спросил Карале.

Немного помедлив с ответом, я произнесла:

— Не вижу, чтобы у нас был выбор.

Карале с мрачным видом кивнул и подтвердил:

— Да, боюсь, вы правы.

Капитан бросил взгляд на город и на отталкивающе безжизненную местность, окружавшую нас. Потом заметил:

— С виду напоминает селение рудокопов. Владельцы рудников — самые грязные, отвратительные люди на свете. Похоже, они тут вгрызались в землю с тех дней, когда Тедейт был еще младенцем.

Оглядевшись еще раз, я убедилась в том, что капитан прав. Пещеры служили, по всей вероятности, входами в рудники. Приспособления, разбросанные по округе, предназначались для того, чтобы копать, дробить, насыпать и отвозить горную породу и руду. Я различила вагонетки и ручные тележки, с помощью которых руду перевозили по деревянным направляющим, встроенным в дороги. Как мне показалось, некоторые из сооружений предназначались для дробления руды и отделения от нее пустой породы. Другие — с большими дымовыми трубами — выглядели как плавильные цеха, где руда превращалась в

слитки металла.

Теперь уже можно было точно представить себе, ради чего изуродовали местный ландшафт. Людьми двигала цель. Разрушительная — но цель.

Единственное, что меня все еще ставило в тупик, — полное отсутствие следов активности у входа в рудники и вблизи плавильен. То, что я увидела, свидетельствовало о том, что практически все население городка рудокопов собралось внутри огромного каменного сооружения, похожего на медведя.

Не исключено, что сегодня у них был праздник в честь одного из богов. Что бы там ни было, событие, невольными свидетелями которого мы стали, должно было иметь очень большое значение. Известно, что владельцы рудников не склонны к столь неслыханной щедрости, как закрытие шахт и плавильен для того, чтобы дать рабочим время для отправления религиозных обрядов.

Внезапно откуда-то из эфира на меня обрушился удар волшебной энергии, который опалил поверхность моего астрального тела. Боль была чудовищной. Я ощутила привкус крови и обнаружила, что почти насквозь прокусила нижнюю губу, пытаюсь удержать крик. Я быстро подавила все свои магические чувства, втянула все щупальца, как кальмар, который готовится к нападению морской ящерицы.

Потом почувствовала, как руки Карале крепко сжали мои плечи, и, прозрев, увидела, что в результате неожиданного нападения согнулась почти пополам. Слабым движением я убрала пальцы капитана и снова приподняла голову, чтобы еще раз взглянуть на город.

Вслед за этим я услышала рев множества голосов, звучащих в унисон, и моя голова непроизвольно дернулась вправо, глаза остановились на крутой излучине берега озера, из-за которой появился корабль.

Послышался рокот больших барабанов, ритмические гулкие удары мечами плашмя по стальным щитам, а потом из туманной мглы стали появляться одетые в меха воины — когорта за когортой.

Они снова дружно закричали, и их крик был подобен раскату грома. Сотни устрашающего вида дикарей лавиной огибали мыс, быстро перемещаясь на лыжах к гавани. Они мчались длинным, непривычно замедленным шагом, который переносил их на удивительно большое расстояние за очень короткие промежутки времени. Видно, что их густые бороды покрылись инеем от усиленного дыхания. На воинах были остроконечные шлемы, украшенные шкурками каких-то мелких хищных животных, головы которых устремляли на противника звериный оскал. Плечи воинов закрывали попоны, сшитые из грубо выделанных шкур, которые вздувались за их спинами, приоткрывая время от времени броневые доспехи из светлого металла, металлические нарукавные щитки и широкие рукавицы. Стремительно продвигаясь вперед, воины ритмично стучали короткими мечами по щитам, отбивая таким образом такт своей звериной песни:

— Мэгон в походе — Враг дрожит! Мэгон в походе — Враг бежит! Мэгон в походе — Радость спешит!

Вражеские воины развернулись в фалангу. К ним вскоре присоединились другие вооруженные люди, мечи которых находились в ножнах, а щиты были переброшены за спины. Они начали бить в тяжелые барабаны, напоминающие большие котлы, битами с меховыми набалдашниками, и присоединились к общему реву:

— Мэгон в походе — Враг дрожит! Мэгон в походе..

И вдруг в поле зрения появился один корабль, потом второй, третий... Эти корабли были значительно больше, чем тот, первый, с которым мы столкнулись в густом тумане. Они были раскрашены в ослепительно яркие цвета и отделаны разноцветными мехами. На палубах стояли воины, боевое снаряжение которых казалось более богатым, чем у лыжников, они потрясали искусно выкованным оружием. Все корабли шли под флагом Белого Медведя.

Вслед за кораблями стремительно выплыла ладья, заполненная воинами, вооруженными копьями и луками. Она двигалась благодаря усилиям плотных мужчин в

лохмотьях с мрачными, отталкивающими лицами, лишенными осмысленного выражения. Эти люди двигали ладью, толкая балки на кожаных ремнях, выступавшие с бортов. Рядом катились надсмотрщики с хлыстами, которые мгновенно реагировали ударом и проклятиями на малейшее отклонение от заданного порядка движения.

Наконец появился удивительный корабль. Это был галеон с двумя палубами, высоким капитанским мостиком, заметно выступающим над их поверхностью.

Ветер к этому времени заметно посвежел и окреп, паруса галеона надулись и легко понесли его по льду на массивных полозьях. На высокой палубе замер огромный бородатый воин без шлема. Его длинные волосы свободно развевались на ветру. На нем была большая шкура белого медведя, наброшенная поверх сверкающей брони доспехов черного цвета с золотой отделкой. В левой руке воин сжимал длинное черное копье, торец которого прочно упирался в палубу. Справа, прильнув к великану, стояла женщина.

Я была ошеломлена, когда впервые увидела ее. Несмотря на зимний холод, на ней красовались всего несколько лоскутков цветного шелка, едва прикрывающих золотисто-медового оттенка бедра и грудь. Ветер слегка шевелил одеяние. Женщина была небольшого роста и очень изящно сложена. Ее волосы, как и мои, отливали золотом. Обнаженные руки были удивительно красиво очерчены. В одной из них она держала жезл, увенчанный хрустальным шаром. Этот шар излучал магическую энергию. Настолько мощную — казалось, что он светится и вибрирует. У меня уже не оставалось сомнений в том, что бородатый воин, стоящий на палубе загадочного корабля, — это Мэгон, король по имени Белый Медведь.

Но я недоумевала, кто же эта женщина? Еще одно обстоятельство заставило меня встревожиться. Галеон был сделан из золота.

Последнее до меня дошло не сразу. Я была оглушена ударом магического поля, и это отбило на некоторое время мою способность к рассуждению. Но теперь я вспомнила пророчество Маранонии о трех кораблях, сделанных из трех разных металлов. Однако моя мысль не задержалась на пророчестве. Я запомнила впечатление от него и отложила в дальние закрома подсознания. Следующей моей реакцией на увиденное было искреннее восхищение.

Казалось, что галеон сделан целиком из золота. Металл призывно светился и мерцал от форштевня до кормы. Удивительно, но и паруса были из того же материала: тонкая золотая пленка, которая трепетала и надувалась бризом так, как будто бы была соткана из обычной парусины. Но вовсе не эта демонстрация немыслимого богатства изумила меня. Многие вожди варварских племен часто делают нечто подобное. В их дворцах можно не только встретить богато инкрустированные троны, но и наткнуться на такие комические предметы, как тюремные ночные горшки, старательно скопированные местными умельцами в золоте и украшенные драгоценными камнями.

Мои глаза полезли на лоб, когда я увидела, как перемещается золотой корабль. Даже если допустить, что он был не монолитным, а деревянным и покрыт сусальным золотом, то все равно он должен был мгновенно провалиться под лед, не выдержав собственного веса. А если бы каким-то чудом галеон уцелел, то даже тот шторм, который терзал нас в течение месяца в бухте Антеро, не смог бы сдвинуть такое тяжелое сооружение ни на шаг.

Снова прозвучал удар большого колокола, привлекая мое внимание к городу и храму Медведя. Из его ворот выливалась толпа людей, которые спешили к берегу озера. Они несли знамена, флажки, били в барабаны и дули в фанфары. Толпа направилась к причалам в неестественно строгом порядке, ровными шеренгами. Во главе виднелась небольшая группа хорошо одетых людей. Я решила, что это городское руководство.

Мы наблюдали за происходящим у озера приблизительно два часа. Толпа приветствовала короля Мэгона и загадочную женщину, которой я мысленно отвела роль королевы. Было очевидно, что время от времени произносились речи, но мы их не слышали. Когда толпа начинала выкрикивать приветствия — их отзвук доносился до холма, на котором мы притаились.

Потом подожгли связки сухой травы, густые клубы дыма поднялись в небо, и вскоре мы отчетливо ощутили аромат фимиама, который расплылся над всей окрестностью. Петарды, как воздушные змеи с взрывающимися хвостами, то и дело взмывали ввысь, за ними поднимались сверкающие воздушные шары, играл нестройный городской оркестр — смесь барабанного боя, визга рожков и стрекотания костяных погремушек.

Карале пытался привлечь мое внимание, чтобы обсудить сложившуюся ситуацию. Но я жестом приказала ему молчать и потом дала знать остальным, чтобы они тоже ничего не говорили.

Несмотря на непрерывный шум праздника, я сумела почувствовать незримое присутствие рядом с нами наблюдателя, который внимательно прислушивался к эфиру.

Церемония у причала завершилась, и толпа двинулась обратно, к храму Медведя. Теперь возглавляли шествие король Мэгон и его королева. Воины оставались у кораблей, некоторые присели отдохнуть, другие катались по льду — как поодиночке, так и небольшими группами. Через мгновение из носа каменного медведя вырвалось облако пара, и его каменные глаза засветились ярким красным светом. Внезапно я ощутила чувство тревоги и дала знак, чтобы все сошли с холма как можно быстрее.

Прежде чем соскользнуть вниз и присоединиться к команде, я еще раз взглянула на город и увидела, как, со стороны доков идут вражеские солдаты. Они двигались в нашем направлении.

Я стремглав скатилась по склону холма и вскочила на ноги. Молчать больше не имело смысла.

— Они приближаются! — крикнула я и после этого постаралась увести людей от опасности в отчаянном до безрассудства броске по снегу — дальше, как можно дальше от проклятого озера. Враги охотились за нами в течение многих часов. Мы использовали все известные нам хитрости для того, чтобы замести следы. Мы прятались в усыпанных валунами глубоких оврагах и лощинах; передвигались, перепрыгивая с одного скального обломка на другой; стремглав проскальзывали поперек гладкой, отшлифованной поверхности льда, покрывшего безымянные реки, впадающие в озеро; внезапно меняли направление движения, петляли; возвращались иногда к своим следам или пропускали вражеские патрули вперед, а потом шли некоторое время след в след, чтобы окончательно сбить врага с толку.

В конце концов нас приперли к отвесному скальному хребту. В этот момент мы находились на льду, выискивая путь вверх, через перевал. Внезапно на лед выкатились двадцать вражеских солдат. Вслед за этим еще двадцать присоединились к ним, а потом — еще и еще... вражеские фланги быстро разрастались, на ходу перестраиваясь для атаки... Я потеряла счет врагам и поняла, что мы попались.

Прозвучал боевой клич, и они помчались по льду навстречу нам, не переставая бить о щиты мечами. Для применения волшебства времени у меня не оставалось, поэтому я обнажила меч и встала рядом со своими людьми.

Нас было ничтожно мало по сравнению с вражеской армадой, но мы сражались долго. Первыми были убиты близнецы. Они врезались в одну из вражеских когорт, смешали ее ряды и в течение нескольких мгновений оставили на льду не менее дюжины убитых или смертельно раненных воинов Мэгона. Но потом варвары сомкнули ряды и одолели двоих смельчаков.

Я не видела, как погиб Ящерица. Но я видела его мертвым на льду, с перерезанным горлом. Прекрасный голос навеки замолк. Остались трое — Карале, Донариус и я. Мы были измучены до предела, но продолжали сражаться — локоть к локтю, и только клинки наших мечей, делающих кровавую работу, вздымались и опускались перед глазами.

Враг нанес последний удар. Твердая волна вооруженной и закованной в латы плоти захлестнула нас. Не выдержав натиска, я упала на спину, меч был выбит и отлетел в сторону. Надо мной в напряженной позе на секунду застыл вражеский воин. Он занес свой меч...

Послышалась музыка. Прекрасная музыка. Звуки божественной лиры.

И я провалилась во мрак.

Глава 9. КОРОЛЬ БЕЛЫЙ МЕДВЕДЬ

Я очнулась в темноте столь непроницаемой, что в какое-то мгновение подумала, что меня ослепили. Тут же вспомнила, каким беспомощным стал Гэмелен, когда возможности заклинателя угасли вместе со зрением.

Я поднесла руку к лицу, но не смогла ничего различить, независимо от того, насколько близко от глаз ее держала. Потрогав веки, почувствовала, как под кончиками пальцев трепещут ресницы, но не обнаружила никаких ран. Однако на щеке нашла запекшуюся корку, кожа под которой онемела. Немного погодя я решила, что это кровь. В голове пульсировала боль, болели все суставы и мускулы. Когда я передвигалась, порезы и царапины начинали колоть и жалить, жечь и щипать. Все ранения оказались незначительными.

Я была боса, меховая одежда исчезла. На мне остались только туника и леггинсы. Я вся была мокрой, одежда неприятно прилипала к телу. Утешением служило то, что мне не было холодно. Скорее наоборот — воздух был нагретым и влажным, поэтому я обливалась потом.

Не питая особых надежд, я прошептала:

— Карале?

Ответом была тишина.

Я осталась одна.

Каменный пол и стены были теплыми на ощупь. Я услышала звук падающей на гладкую поверхность воды и, вытянув руки, не спеша двинулась в том направлении. Медленно нащупывая дорогу, я долго ползла вдоль стены, пока не наткнулась на маленькую лужицу, которая оказалась не чем иным, как тонким слоем воды над слегка засорившимся стоком. Я довольно долго шарила руками по сторонам, пока не обнаружила источник воды, — это был мелкий ручеек, неслышно струившийся по одной из стен, по-видимому более холодной, и негромкой каплей падающей на пол. Я зачерпнула немного этой воды и понюхала. Жидкость казалась слегка затхлой, но чистой. Я попробовала ее на вкус. У нее был слегка илистый привкус — неприятный, но терпимый. Внезапно жажда стала столь сильна, что желудок свело судорогой. Я зачерпнула побольше воды и вдоволь напилась, не боясь побочных эффектов.

После этого я попыталась сосредоточиться. Все мое оружие и другие необходимые вещи исчезли. Но мне удалось обнаружить платок, спрятанный в рукаве туники. Погружая платок в воду, я смогла умыться и стереть кровь.

Покончив с «баней», я внимательно изучила каменный мешок, в котором оказалась, передвигаясь медленно и осторожно, пядь за пядью. Камера была мала, стены сложены из старых каменных блоков с многочисленными зазорами, образовавшимися в тех местах, где от длительного пребывания во влажности утратил цементирующие свойства известковый раствор.

В одной из стен была устроена маленькая дверь, сделанная из толстых досок, обитых широкими полосами металла. Я подумала, что с другой стороны этой двери должен быть коридор, хотя из-за нее не доносилось ни звука; я слышала только собственное дыхание и монотонную капель. В нижней части двери было расположено зарешеченное отверстие. Его размеры позволяли просунуть ведро.

Я встала на колени, потом опустила локти и попыталась посмотреть сквозь решетку. Ничего. Только мрак. Непроницаемый, подавляющий волю мрак. Я просунула растопыренные пальцы сквозь решетку. Они сразу уперлись в дерево. Зарешеченное отверстие было перегорожено доской.

Я продолжала осмотр, внимательно изучая каждую мелкую расщелину или мало-мальски заметную шероховатость.

В камере не нашлось даже деревянных нар, никаких одеял, никакой мебели и утвари. В углу я обнаружила два пустых ведра. Их предназначение было очевидным. Одно отдавало отходами жизнедеятельности человеческого организма. Второе — затхлым душком старых, заплесневевших обедков.

Я знала, что делать дальше, — мне и раньше приходилось бывать взаперти. Поставила ведро для еды рядом с решеткой, чтобы его заменили на полное, если когда-нибудь надзиратель придет, чтобы покормить меня. Другое ведро отнесла в наиболее удаленный угол, чтобы использовать его по мере необходимости. Я сделала несколько несложных упражнений, чтобы размять затекшие мускулы. Они болели, но, похоже, достаточно хорошо действовали, поэтому я несколько минут бежала на месте, вдыхая и выдыхая как можно глубже, пока нервы не успокоились, а сердце не начало биться в устойчивом ритме.

После этого я присела на корточки, опершись спиной о стену, мысленно произнесла волшебные слова:

Помнишь утро? Помнишь ночь? И в ней — луну? Помнишь день? И яркий свет? И без края синеву?

Я энергично потерла друг о друга сложенные ладони, раскрыла их.

Появилось слабое свечение.

Я видела.

С помощью тусклого света, который мне удалось создать, я отыскала большой выступающий из стены камень высотой приблизительно до пояса. Потерев его поверхностью ладонями, я оставила на ней устойчивые мазки света. Я продолжала растирать поверхность монолита до тех пор, пока вся она не засветилась, а на моих ладонях не осталось всего несколько волшебных частиц света. Я щелкнула пальцами, и свет стал более ярким. Не намного, но теперь освещения хватило, чтобы вызвать из небытия беспощадную серую пустоту моей тюремной камеры. Я щелкнула пальцами еще раз, и свет исчез. Третий — снова замерцал. Хорошо. Если кто-нибудь начнет открывать дверь камеры, я смогу быстро отключить освещение.

До сих пор я не знала, сколько времени находилась без сознания. Часы? Дни? Думаю, что все-таки не дольше одного дня.

Я погрузила кончик указательного пальца в светящиеся частицы на поверхности выступающего блока и провела небольшую черту на темном камне под ним, отметив день, когда попала сюда. Потом точно так же пометила день сегодняшний.

Затем я снова присела, опершись спиной о стену, чтобы все хорошенько обдумать, дожидаться своего часа и быть к нему подготовленной.

В конце концов кто-то должен был прийти.

Я должна быть во всеоружии.

Прежде чем обо мне вспомнили, к первым двум светящимся отметкам добавились еще шесть. По моим подсчетам, с момента моего пленения должно было пройти восемь дней, хотя в действительности не представлялось возможным определить, когда кончался один день и начинался следующий. Для отсчета времени я вынуждена была взять за основу интервал между визитами надзирателя, когда открывалось зарешеченное окошко, расположенное внизу двери, пустое ведро для еды заменялось на полное, а второе — на пустое. Мне казалось, что между этими двумя визитами проходило так много времени, что каждый из них означал начало нового дня. Еда была типичной тюремной дрянью, даже вспоминать о ней неохота. Единственным положительным ее свойством было изобилие.

Как мне кажется, первый раз меня покормили через несколько часов после того, как я пришла в сознание, хотя это лишь предположение. Иногда минуты могут показаться часами, в особенности когда находишься в одиночестве да еще заключенной во влажную, душную камеру.

Здесь ничто не предвещало опасности до последнего мгновения, не было слышно ни стука кованых сапог надзирателя, гулким эхом отдающегося в коридоре, ни позвякивания ключей. Внезапно раздался легкий скрип решетки, которая слегка задела за каменный пол,

когда ее стали сдвигать в сторону, поэтому я едва успела как можно тише щелкнуть пальцами, чтобы вовремя убрать свет.

Светящийся камень уже успел почти окончательно погаснуть, когда я увидела мерцающий отблеск тусклого света в том месте, где только что была решетка.

Я продолжала молча сидеть в углу камеры, который выбрала для сна. Стоящий за дверью довольно шумно дышал. И тоже молчал. Я чувствовала кожей, что кто-то буравит темноту глазами. Затем в камеру просунули длинный, светящийся шест. Пошуровали туда-сюда. С торца этого шеста шел довольно яркий луч света. Наконец луч уперся в меня и замер. Некоторое время за мной наблюдали.

Я продолжала сидеть молча и без движений. Шест вытянули из камеры.

— Есть хочешь? — прорычал грубый голос.

— Да, — ответила я.

— Дай ведро, — произнес надзиратель.

Я повиновалась, поудобнее перехватив ведерко для еды и протолкнув его в отверстие. Мой нос непроизвольно дернулся, ощутив вонь тухлого мяса, и в следующее мгновение передо мной появилось ведро, наполненное едой. Я отставила его в сторону.

— Нужду справила?

— Да, — ответила я, — все в порядке.

— Давай ведро, — скомандовал тот же голос.

Тем же путем я отправила и второе ведро. Его заменили на пустое.

Вслед за этим решетка была задвинута на прежнее место, и стражник исчез.

Имея за плечами опыт каменных застенков Конии, я быстро смекнула, что должна съесть эту гадость независимо от того, насколько дрянной она окажется. Но в данном случае еда откровенно отдавала тухлятиной, а мне совершенно не хотелось заболеть. Много лет назад от своего отца я узнала, что в необжитых местах лучше всего употреблять как можно более горячую пищу, если хочешь избежать отравления. Поэтому я сформулировала заклинание, чтобы разжечь небольшой костер, и довела до температуры кипения содержимое ведра. Вскоре моя каменная клетка наполнилась густым духом испорченной капусты и слегка подгнивших мясных обрезков.

Я постаралась думать о чем-нибудь приятном и заставила себя проглотить как можно больше баланды. У меня не было ни ложки, ни даже маленькой дощечки, поэтому я была вынуждена есть руками. Когда мне показалось, что я насытилась, то обнаружила, что в ведре осталось достаточно для того, чтобы поесть еще раз, поэтому я поставила его вблизи светящегося камня, чтобы случайно не опрокинуть.

Напоследок я запустила в ведро пальцы в надежде выудить хоть что-нибудь полезное. В жирном мясном вареве я обнаружила плоскую кость. Я попыталась определить, какому животному она могла принадлежать. Явно не птичья — ручаюсь головой. Не могла она принадлежать ни свинье, ни корове. Немного погодя я пришла к выводу, что такие кости бывают у ящериц. Я припрятала ее в рукаве туники в надежде, что она может пригодиться в будущем. Поев второй раз, я внимательно осмотрела опустевшее металлическое ведро. Оно было местами ржавым и имело примитивную ручку. Я знала, что не смогу воспользоваться даже самой маленькой частицей ведра или его ручки для того, чтобы сделать себе оружие, потому что те, кто держит меня под стражей, сразу обратят внимание на поломку. Поэтому я ограничилась тем, что соскребла с поверхности ведра немного ржавчины — получилась совсем небольшая щепотка — и завернула ее в лоскут, который оторвала от своего платка. Я спрятала получившийся маленький сверток в рукаве, устроив его рядом с косточкой ящерицы.

Сделав несколько расслабляющих упражнений, я выключила свет и вскоре уснула. Проснувшись, почти сразу приступила к зарядке, потом снова присела в излюбленной позе у стены и начала обдумывать сложившуюся ситуацию.

Немного погодя я привела астральное тело в соприкосновение со стеной, вошла внутрь камня, но почти сразу была остановлена. Заклинание, блокирующее камеру, показалось мне

толстой, вязкой и очень упругой губкой. Я усилила нажим, но эта, как оказалось, бесконечная губка поглотила мои усилия. Пришлось отступить. Я находилась на территории, контролируемой вражеским колдуном, которого при любом, самом благоприятном для меня раскладе будет трудно победить, даже если он — невежественный шаман. Поэтому я сформулировала заклинания самозащиты, обеспечив наиболее надежную защиту от внезапной охоты.

Враг не заставил долго себя ждать и напал вскоре после того, как я заснула.

Снова вернулись дни далекого прошлого, когда я преследовала Архонта и заблудилась в просторах Западного моря. Я размышляла в своей каюте, качаясь на подвесной койке, убаюканная равномерным дыханием поверхности палубы, пока корабль мягко качался на волнах.

Внезапно в мой тихий сон вклинился Гэмелен, стуча по палубе посохом.

— Пришло время для очередного урока, друг мой, — произнес учитель.

Он бросил палку в меня, в полете она превратилась в большую крылатую змею, которая отвратительно шипела, с ее острых зубов на палубу капал яд.

Я дернулась убежать. Каждый нерв тела болел, давал команду отпрыгнуть в сторону, скатиться кубарем с подвесной койки и бежать сломя голову от смертельно опасных отравленных клыков. Вместо этого я поймала змею чуть ниже головы, за то место, где с двух сторон располагались небольшие углубления. Надавив на эти углубления с двух сторон большим и указательным пальцами, я вызвала струю зеленого яда.

Отрава расплескалась на сверкающей поверхности палубы у самых ног Гэмелена. Он вскрикнул, и крик его боли заставил мое сердце защемить, потому что я сотворила это с наставником и другом.

Затем изображение Гэмелена расплылось, стекло по мерцающей поверхности дьявольского фантома, как обычно стекает нагретая краска по висящему на стене зеркалу.

Я проснулась, как от удара, сердце кувалдой било по ребрам, поджилки тряслись, как будто кто-то сильно дергал за натянутые струны. Рот был сух, как пергамент, губы запеклись. Я испытывала невероятную жажду. Щелкнув пальцами, я включила свет и направилась в тот угол, где в маленькую лужицу со стены капала вода. Зачерпнув воды, жадно выпила. Язык обволокло илистой жидкостью, но жажда исчезла. Вернувшись в спальняный угол, я присела и попыталась сосредоточиться, на что потратила довольно много времени. Как только я снова полностью овладела собой, то сразу заснула.

Пришел стражник. Заменял ведро. Я оставила еще одну световую отметку на стене, потом тренировалась до полного изнеможения и снова погрузилась в сон.

На этот раз мне приснилось, что я нахожусь в саду Амальрика. Омери играла на флейте. Брат наливал в мой большой хрустальный бокал вино.

— Я люблю тебя, дорогая моя сестра, — произнес Амальрик, — и ты это хорошо знаешь. Более всего меня восхищала твоя храбрость. Но я думаю, что на сей раз ты проиграла. Признай это. Мы поднимем бокалы, и потом ты сможешь вернуться домой.

Я взяла бокал из рук брата. Его Амальрик наполнил вином Антеро, сделанным из лучших сортов винограда, из садов, от сбора в наиболее удачные и урожайные годы. Аромат вина заставил меня снова тосковать по родине. Невольно вскипели слезы, и мне доставило много труда отогнать их.

Амальрик широко раскинул объятия и сказал:

— Обними меня, Рали, я так по тебе соскучился!

Я с размаху разбила бокал о садовую скамейку и увидела, что в моей руке осталось зажатым острое, зазубренное хрустальное оружие. Амальрик поднял руки, как бы защищаясь от меня.

Я рассекла его ладонь рваными кромками разбитого бокала. Амальрик вскрикнул, из раны обильно потекла кровь. Я приблизилась к нему. Брат попытался убежать, но я настигла

его прежде, чем он успел сделать несколько шагов. И я начала наносить удар за ударом своим хрустальным кинжалом.

Амальрик упал замертво у ног рыдающей Омери.

По моему лицу струились слезы, когда я вновь вернулась к действительности. Уняв всхлипы и осушив слезы, я снова направилась к лужице, чтобы утолить возникшую так же, как и после первого страшного сновидения, нестерпимую жажду. Я подавила все чувственные ощущения, все эмоции и сделала мой мозг пустым, как головка симпатичной, но ленивой школьницы.

Шло время. Появлялся и исчезал стражник. На камне появлялось все больше отметок. В сновидения никто не вмешивался. Но я знала, что противник вернется.

Перед тем как он атаковал еще раз, я успела нанести на стену еще несколько светящихся штрихов.

Я снова была в саду Амальрика. Омери рыдала над телом брата. Мои руки и туника были запачканы его кровью.

Неожиданно появилась моя мать, а я стала маленькой девочкой. Кровь, капающая с рук на садовую дорожку, до такой степени усилила чувство вины, что мне захотелось умереть.

— Что же ты наделала, Рали? — закричала мать. — Как же ты посмела убить родного брата?

Я все еще сжимала в руке разбитый хрустальный бокал.

И я сделала то, что должна была сделать.

Быстро.

Когда мать была мертва, я убила Омери. Кровь залила тропинку сада, забрызгала розы.

Меня рывком выдернуло из сна. Я едва успела подбежать к ведру с нечистотами, как меня стошнило.

Для полного восстановления потребовалось несколько часов. Когда мне удалось, я поняла, что отразила последнюю атаку невидимого врага.

И подготовилась к тому, что должно произойти дальше. Я извлекла косточку ящерицы и заточила ее о камень, доведя кончик до остроты швейной иглы. Затем использовала немного жира из ведра для еды, чтобы густо смазать косточку и сделать ее поверхность клейкой. Потом осторожно обсыпала ее ржавчиной, пока вся косточка не покрылась сплошным слоем. Произнесла заклинание, я спрятала оружие в рукаве.

Перед тем как отойти ко сну, я тщательно обмылась. Распутала космы, в которые превратились некогда красивые волосы, и, расчесав их пятерней, постаралась уложить лучше.

Плохо, когда приходится оставаться наедине с теньями прошлого. Все старые грехи и неудачи собираются, чтобы унижать вас. Все случаи, когда поддались по принуждению слабости, все то из содеянного ранее, что достойно сожаления, — как и то прощение, которое вы отказались даровать. Вы поочередно рассматриваете их. Внимательно изучаете, плачетесь в жилетку, занимаетесь самоистязанием, потом бережно прячете их подальше — все нерешенные проблемы. Скрючившись в углу камеры, я погрузилась в пучину воспоминаний и боролась с нравственными мучениями до тех пор, пока мои глаза не превратились в ледышки, а сердце окончательно не зачерствело.

Еще раз приходил тюремщик. Я сделала новую отметку на стене и как-то отрешенно подумала, сколько еще светящихся полосок добавится за время моего пленения.

В тот момент, когда дверь камеры распахнулась, я ела, стараясь не думать о еде. Камеру залил яркий свет, и, когда я подняла ладони, защищая от него глаза, в нее ворвались две большие тени и бросились ко мне. У стражников была мерцающая золотом сеть.

У меня уже сложился определенный план действий, поэтому я не оказала сопротивления. Стражники набросили на меня сеть, и я оказалась завернутой в ячеистую блестящую ткань. Она прилипла к телу, как паутина, так туго спеленав руки и ноги, что все мои попытки сорвать ее с себя оказались бы безуспешными. Пока стражники закатывали меня в сеть, точно в ковер, я незаметно вытащила косточку ящерицы из рукава. Не совершив

ни одного лишнего движения, крепко зажала ее в кулаке — и продолжала лежать совершенно спокойно.

Потом стражники взялись за концы сети, довольно бесцеремонно подняли меня и понесли.

Путешествие по тюремным коридорам и лестницам проходило в полной тишине. Я видела по дороге наглухо закрытые двери камер, громадных охранников, похожих из-за неопрятного вида на водяных; заключенных, прикованных цепями к стенам коридора; извергающую снопы искр печь, в которой палач добела накалял орудия пыток; слышала леденящие душу крики истязаемых. Я почувствовала облегчение, когда меня пронесли мимо камеры пыток, но именно в этот момент в груди снова защемило, так как до меня донесся пронзительный крик. Я не смогла определить, кому принадлежал этот вопль — мужчине или женщине...

Наконец мы остановились на площадке лестничного пролета. Пока мы взбирались по лестнице, я непроизвольно считала ступени. Их оказалось сто семнадцать. До сих пор помню это бесполезное и бессмысленное число, мне не раз приходилось пересчитывать ступени в ночных кошмарах.

Когда стражники подняли меня на верхнюю площадку, я увидела, что каменные стены закончились и вместо них в поле зрения появилась отесанная поверхность скалы. Я немного повернула голову, чтобы получше рассмотреть, где нахожусь, и увидела, что стражники влекут меня к деревянным воротам, за которыми оказался ствол шахты. Они перехватили меня так, как будто бы несли бревно, и стали на деревянную платформу, с невысокими, также деревянными бортами и без крыши. Я отклонила голову назад, чтобы посмотреть вверх, и увидела механизм передачи. Цепи уходили далеко вверх, в неуловимую даль, в темноту, в самом конце которой виднелась точечная искра света.

Жар был почти нестерпимым. Казалось, что где-то рядом, за гранью деревянной клетки, затопили баню. Пот градом катил по лицу, ел глаза и обжигал потрескавшиеся губы.

Один из стражников дернул за канат, и я услышала, как звякнул отдаленный колокол. Платформа дернулась, а потом с натужным скрежетом и скрипом, издаваемым цепным механизмом, медленно поползла вверх. Подъем начался как-то неуверенно, платформа то и дело чиркала о стены, но немного погодя ритм движения стабилизировался, клеть перестала раскачиваться и вращаться, подъем ускорился.

В углу, в одной из деревянных стоек, на которых держалась платформа, свисали маленькие прозрачные лампадки, сделанные из хрусталя, мерцавшие в полумраке шахты. Свет лампад падал на неровные каменные стены шахтного ствола, довольно быстро мелькавшие за бортом, отражался от подземных ручейков, струившихся по скалам, рассеивался во влажном воздухе и на мелких металлических предметах.

Вдруг шахта ушла в глубину, и появились боковые штреки, в которых в ожидании подъемника столпились люди, изумленно заморгавшие, увидев, как мы пронеслись мимо, вместо того чтобы остановиться. Немного погодя я догадалась, что штреки ведут к рудным залежам. Кроме того, я поняла, насколько глубоко была спрятана моя камера под рудником, который, как я впоследствии выяснила, был самым глубоким из рудников Короноса.

Пока клеть поднималась, быстро проплывая мимо выходов в боковые штреки, я слышала рев пламени, стук и лязг металлических инструментов, удары кирок, с помощью которых крушили породу, грохот колес деревянных тачек, грубую брань надсмотрщиков, стоны и крики тех, кого силой принуждали к рабской повинности.

Подъем продолжался несколько часов, и в течение всего этого времени стражники не обменялись друг с другом и парой слов.

Через некоторое время я ненадолго отключилась, разморенная духотой, царившей в шахте.

Очнувшись, я почувствовала порыв холодного ветра; платформа внезапно остановилась.

Мои веки, слегка моргнув, поднялись, но я моментально зажмурилась от яркого света.

Стражники рывком открыли ворота, и меня вынесли на холодный серый день. Прежде чем я успела осмотреться, на голову мне нахлобучили черный мешок. Тяжелый удушливый запах наполнил легкие, ошеломив меня. Я начала судорожно дышать, поглощая все больше этого вызывающего тошноту газа.

И мрак снова овладел мной.

Во сне мне привиделось, что я лежу в заросшей беседке в объятиях любовницы. Она была чужой и знакомой одновременно, черты ее лица и очертания фигуры менялись всякий раз, как только я вглядывалась в них. Она была приятна и добра, и единственное желание, которое владело нами, быть вместе, любить друг друга, а когда желание и страсть улеглись и на смену пришли успокоение и нежность, я погрузилась в томную и радостную негу. Во сне я задремала, положив голову на колени моей возлюбленной.

Я проснулась от едва различимых звуков флейты, на которой невидимый музыкант выводил спокойную мелодию. В воздухе медленно разливался запах фимиама, а под собой я ощутила блаженную мягкость подушек.

Когда сознание полностью вернулось, я поняла, что мои пальцы все еще крепко сжимают косточку ящерицы. Меня омыло дождем облегчения. Мое оружие не нашли!

Кто-то произнес мое имя, и я открыла глаза, чтобы увидеть двух молодых служанок, склонившихся надо мной.

Они были симпатичными созданиями с кожей цвета свежее-взбитого сливочного крема, одетыми в короткие прозрачные платья с узкими золотыми поясами, повязанными вокруг осиных талий.

В руках у служанок были губки, с помощью которых они старательно обтерли мое лицо, используя для этого ароматизированную воду, и кувшин с легким вином, которое помогло утолить жажду. Служанки осторожно подняли меня с великолепной постели с глубокими, отделанными парчой подушками и альковными занавесками розового цвета, которые можно было при желании задержать.

Служанки обращались ко мне как к госпоже Антеро и объяснили, что я должна быть готова к тому, что буду представлена королю. Я позволила им увести меня от волшебного ложа, при этом я не обращала никакого внимания на болтовню.

Будучи совершенно обнаженной, бесшумно ступая по толстым ворсистым коврам, я с любопытством разглядывала все, что меня окружало. Стены комнаты были увешаны невероятно дорогими гобеленами, на которых искусные руки мастеров выткали картины с изображением полей, лесов, рек. Встречались сцены с изображением игр красивых молодых людей. Преследование оленя, мчащегося через луг. Нежные объятия в тени деревьев. Несмотря на то что все изображенные юноши и девушки были нагими, а некоторые из любовных сцен имели слишком откровенный характер, гобелены были выполнены с большим вкусом.

Служанки привели меня к каменной ванне размером с небольшой бассейн, наполненной горячей водой, над которой стоял ароматный пар. Я спустилась по ступеням и вошла в воду по пояс. Служанки взяли меня под локоть и помогли сесть; затем хлопнули в ладоши, и из-за занавесок появилось еще несколько девушек — одна другой краше. Все они были юны, и у меня заметно посветлело на душе, когда я услышала их детское повизгивание от удовольствия после того, как они сбросили одежды и окунулись рядом со мной в воду бассейна.

Потом меня выкупали самым замечательным образом. То там, то здесь я ощущала прикосновение мягких пальчиков, меня терли губкой, массировали, обливали горячей водой. Девушки вымыли мою голову, аккуратно обращаясь с волосами, и приложили лечебные масла к ссадинам.

Впечатление было такое, как будто бы я продолжала спать и видеть сладкий сон, в котором попала в рай, где мгновенно выполнялись мои самые заветные мечтания. Раем, где на самом деле опасности подстерегают на каждом углу.

Я плыла по течению, смеясь над маленькими шутками, щекоча прелестных банщиц и

умело используя их действия, чтобы так переложить косточку ящерицы, чтобы ее не обнаружили.

Служанки не заметили моих обманных движений. Они хвалили мою внешность, плакали и горевали над боевыми шрамами, приговаривая: ах, ах, бедняжка, — но ни на мгновение не прекращали нежно обрабатывать мое ослабевшее тело.

Потом меня терли полотенцем так долго, что кожа начала светиться, затем завернули в большое махровое полотенце и усадили рядом с маленьким столиком, на котором располагались изысканные блюда, предназначенные для того, чтобы утолить голод. Там был прозрачный бульон, гренки, хлеб с маслом и медом, тонкие ломтики бекона, яйца в вине и дольки разнообразных замороженных фруктов. Я наелась досыта, непрерывно улыбаясь и рассеянно отвечая служанкам, когда они спрашивали меня о том, что еще моя душа желает, но не говоря ничего, кроме «пожалуйста» и «огромное спасибо».

Наконец наступило время одеваться. Служанки отодвинули одну из занавесок, и моему взору открылся платяной шкаф размером в жилую комнату. В нем можно было найти любой наряд, который только можно себе представить, сандалии, туфли, сапожки, способные удовлетворить самую разборчивую модницу. Я бегло просмотрела почти весь гардероб, время от времени коротко отмечая качество какой-нибудь вещицы. Мне не надо было ни о чем спрашивать и тем более пытаться примерять все эти наряды, для того чтобы убедиться в том, что каждый из них будет мне впору.

Обстановка была естественной и даже слегка расслабляющей. Мы ощущали себя сестрами, которые готовятся к королевскому балу. Я не произнесла ни одного лишнего слова и не сделала ничего, что могло бы испортить настроение, и предоставила чередой событий возможность увлечь меня навстречу судьбе, не забывая при этом непрерывно пополнять запасы энергии и укреплять волю.

Я выбрала простую тунику и подходящие к ней леггинсы, а под тунику надела блузку с широкими рукавами. Надев блузку, я сразу спрятала в рукаве косточку ящерицы.

Ноги я обула в сапожки из оленьей кожи, в качестве пояса выбрала серебряную цепочку. Служанки открыли шкапулку со множеством ящичков, каждый из которых имел секретный замок. Ящички были наполнены разнообразными ювелирными украшениями — от тиары до браслетов и сережек из золота.

Я поскромничала, заявив, что не люблю драгоценности. На самом деле все обстояло как раз наоборот. Но я предпочитала сделать более благоразумный выбор, нежели носить украшения из металла или драгоценных камней на территории, контролируемой вражеским колдуном.

Служанки были настолько безразличны к моему решению, что я засомневалась, глядя на закрытый только что ими сундук, — может, я ошибалась, и драгоценности безопасны. Я тронула защелку на крышке сундука, имитируя стремление помочь набросить ее на петлю, почувствовала предупреждающее жужжание волшебного поля и поняла, что не зря отказалась от побрякушек.

Наконец я была готова. Глянула в зеркало, пока служанки хлопотали рядом, без конца поправляя складки моей одежды и заправляя непослушные локоны под изящную шляпку.

В дверь комнаты грубо постучали. Одна из девушек открыла ее, и вошли два солдата в доспехах.

Наступило время встречи с королем.

Мы прошли по коридорам, преодолели множество лестниц, ведущих и вверх, и вниз, пересекли гораздо больше комнат и залов, чем я была в состоянии запомнить, и в конце концов остановились около высоких деревянных дверей, которые охраняла стража с копьями.

Из-за них доносились неистовая музыка, необузданный смех, громкие голоса пьяных спорщиков; все это сливалось в какой-то нестройный, хриплый шум. Затем двери раскрылись, и меня ввели в тронный зал короля Мэгона.

Зал был длинным и узким, со столами и скамейками из дерева, которые стояли по обе

стороны от широкого прохода. В зале пировали плотные, неуклюжие воины, которые то и дело отрубали кинжалами или короткими мечами увесистые ломти жареного мяса, заглатывали их и жадно заливали элем из больших кувшинов — пенистый напиток струился по их бородам, а потом долго скандалили из-за лакомых кусков, которые им не достались.

Слуги непрерывно сновали по проходу, поднося блюда с грубо наваленным мясом или кувшины с вином, убирая опустевшую посуду.

Циркачи и шуты шатались среди участников застолья — от стола к столу и вдоль прохода, — по дороге прихватывая, как бы случайно, то нож, то ломоть мяса или пирога, то и дело спотыкаясь, падая, кувыркаясь и создавая полнейшую неразбериху.

В зале стоял непрерывный гул, поэтому музыка, которую исполняли страдальческого вида музыканты, разместившиеся в одном из углов, была практически не слышна.

Стражники довольно грубо подтолкнули меня, и я прошла вперед по длинному проходу между столами, привлекая к себе все больше и больше внимания со стороны застолья. Меня обдала волна похотливых и даже злобных замечаний по поводу моей внешности, которые, по-видимому, казались самым «шутникам» комплиментами. Будь это в другом месте и в другое время, я бы немного задержалась, чтобы преподать им урок хороших манер. Но сейчас я сосредоточилась на том, чтобы идти вперед, не замедляя шага, вовремя уворачиваясь от подвыпивших воинов Мэгона, — но так, чтобы у стражников не возникало никаких опасений насчет моих намерений.

Моя сущность заклинателя оставалась невозмутимой. Я тщательно спрятала магические чувства, вплоть до последней частички астрального тела. Над всем этим шумом и гамом, которые издавали веселившиеся люди Мэгона, я различила легкое жужжание волшебного поля вражеского колдуна.

Чем дальше я продвигалась по проходу, тем сильнее и отчетливее становилось это ощущение.

Недалеко от конца зала толпа поредела, и я увидела короля.

Даже глубоко утонув в подушках трона, перед которым был отдельный стол, король Мэгон казался великаном — меня не обмануло впечатление, когда я впервые увидела его с высоты холма. Он был одет в свободную белую сорочку, залитую красным вином, а на его плечи была небрежно наброшена королевская мантия. Тяжелая, украшенная драгоценными камнями корона так сильно съехала набок, что, казалось, вот-вот упадет. На самом верху высокой спинки красовалась вырезанная из дерева голова белого медведя.

Около Мэгона собралась небольшая группа людей, которая издавала довольно громкие крики, но голос короля звучал настолько мощно, что я хорошо его слышала. Разговаривая, Мэгон ритмично постукивал мясистым пальцем по столу, чтобышний раз подчеркнуть, насколько глубокое значение имеет его мнение.

Потом я увидела, как к Мэгону склонился тщедушный человечек и что-то прошептал ему на ухо. Король кивнул и, пока искал глазами то, о чем ему сообщил человечек, обтер испачканные жирной едой пальцы о бороду. Наконец глаза Мэгона нашли меня, как раз в тот момент, когда я подошла к лестнице, ведущей к возвышению, где был установлен стол короля.

Один из стражников дернул меня за рукав, и я остановилась.

Король громким голосом приказал всем замолчать, но думаю, что в нескольких шагах за моей спиной никто не разобрал его слов. Мэгон покраснел от негодования, поднялся на ноги и с размаху ударил кувшином о поверхность стола.

— Молчать! — проревел он.

Кувшин разлетелся на мелкие осколки, вино залило все вокруг. Однако король добился требуемой тишины. Все повернулись, чтобы посмотреть на Мэгона.

— Ребята, — сказал он голосом, хриплым, как у пьяницы, но и полным озорства, — сегодня у нас необыкновенный гость. Пожаловал к нам, невзирая на все тяготы путешествия, из северной страны.

Король указал на меня, и все разом зашевелились, чтобы получше рассмотреть гостя.

Пока Мэгон говорил, я искала источник магического поля. Легкое жужжание, покалывание исходило не от него. Король не был волшебником. Не обладал магическим даром ни его помощник — щедушный человек, ни кто-либо из окружавших короля людей.

Пока я продолжала поиски, король говорил:

— Кроме того, ребята, она происходит из по-настоящему богатой семьи. Насколько мне известно, это наиболее влиятельная семья на севере. Ее брат — тоже «король», крупный торговец. И в придачу — путешественник. По крайней мере, мне так рассказали. — Мэгон улыбнулся мне и спросил: — Я все правильно излагаю, ни в чем не ошибся?

Я слегка поклонилась и ответила:

— Все совершенно точно, ваше величество.

— Мне говорили, что вы еще и ведьма, — сказал король так громко, чтобы все слышали.

— На самом деле я — заклинательница, ваше величество, — вежливо возразила я, — это официальная должность в моем городе.

— Не имеет значения, как вы это трактуете, — отрубил Мэгон, — смысл от этого не меняется.

Я улыбнулась, принимая эту поправку, и произнесла:

— Да, ваше величество.

Король кивнул, рассеянно ища чашу с вином. Вблизи не оказалось ни одной, но слуга мгновенно зачерпнул из бочки, наполнив чашу почти до краев, и ловким движением вложил ее в руку его величества. Мэгон как ни в чем не бывало сжал ее своей лапой и медленно выпил вино. Осушив чашу, Мэгон перевернул ее, как бы показывая, что не оставил ни капли, а потом отпустил. Чаша покачнулась. Тот же слуга поймал ее, так чтобы звон посуды не нарушил хода мыслей короля.

Мэгон рыгнул и обтер бороду. Потом он слегка наклонился вперед и оглядел меня, ожидая, по-видимому, какого-нибудь ответного слова или действия. С моей стороны ничего не последовало. Хотя я успела заметить, что действие, которое разворачивалось перед моими глазами, было, по всей вероятности, позерством.

Затем Мэгон обвел взглядом своих воинов и спросил:

— Что привело тебя в наше королевство? Конечно, это большая честь для нас. Разве не впечатляет, ребята?

Люди Мэгона начали выкрикивать сальности, презрительные насмешки, язвительные замечания и иронические комплименты.

Король посмотрел на меня, сардонически улыбнулся и произнес:

— Убедилась, что мы польщены?

Вопрос вызвал еще один всплеск смеха и издевательств. Я позволила всей этой грязи стечь с меня, сохраняя на лице спокойную улыбку, — вела себя так, как будто бы все шло нормально.

Когда дикари успокоились, я сказала:

— Надеюсь, ваше величество, что вы не воспримете то, что я скажу, как неуважение с моей стороны, но до этого путешествия я никогда не слышала вашего божественного имени.

Мэгон нахмурился, его тяжелые брови заходили и начали сближаться, как два плывущих рядом баркаса в штормовом море.

— Никогда не слышала о короле Мэгоне? — громовым голосом спросил он.

— Никогда, ваше величество, — ответила я. — Как вы сами сказали, я прибыла издалека.

— Тогда я полагаю, что ты никогда не слышала и о короле по имени Белый Медведь?

Мой взгляд непроизвольно упал на вырезанную из дерева голову медведя, венчающую трон, и, пожав плечами, я ответила:

— До сегодняшнего дня — никогда, ваше величество. Однако мне рассказали, что в этих местах жил легендарный правитель. Сотни лет назад.

Вместо того чтобы рассердиться, услышав мой ответ, Мэгон улыбнулся.

— Вы видите, ребята, как все повернулось, — произнес он, обращаясь к своим воинам, — вы убедились в том, как эти разодетые в пух и прах богатеи из дальних стран распространяют о нас небылицы? Оказывается, мы — легенда, а? И сотни лет как исчезли с лица земли, не слабо?

В ответ воины Мэгона заорали пьяными голосами отвратительные оскорбления в адрес «разодетых в пух и прах богатеев».

Мэгон снова повернулся ко мне.

— Король Мэгон и Белый Медведь — одно и то же лицо. — Он гулко ударил себя в грудь. — И ты стоишь перед ним.

Я слегка наклонила голову, как бы кланяясь, и произнесла:

— Премного польщена, ваше величество. Благодарю вас за то, что просветили меня.

— Но ты не удивлена? — спросил король.

— Удивлена, ваше величество? — спросила я в ответ. — С чего бы мне вдруг удивляться?

Мэгон снова нахмурился. Потом сказал:

— Ведь перед тобой легенда во плоти!

Я еще раз пожала плечами. Мэгон еще больше помрачнел. Видимо, при этом дворе пожатие плечами являлось привилегией королей.

— Сожалею, если я каким-то образом оскорбила ваше величество, — извинилась я, хотя мой голос при этом совершенно не выражал сожаления. — Если бы я изобразила изумление, то это была бы ложь, единственной целью которой было бы польстить вам, получить какую-нибудь выгоду от власти предержащего. На самом деле я только что узнала о вашем существовании. Точно так же, как вы совсем недавно слышали обо мне. Поэтому получается, что на эту встречу мы пришли, будучи равными в своем неведении.

К королю вернулось чувство юмора. Он шутливо погрозил мне пальцем и произнес:

— Не совсем так. Я кое-что о вас знаю, госпожа Антеро.

— Вы сняли большой груз с моих плеч, ваше величество, — сказала я, — потому что, если вам известно, кто я такая на самом деле, то вам должна быть понятна и полнейшая невинность моих целей.

Король Мэгон гулко рассмеялся.

— Невинность? — прорычал он. — Вы слышите, ребята? Вы слышали, что сказала эта ведьма?

Послышался гул голосов. Воины Мэгона как бы подтверждали правоту вождя.

— Так ты отрицаешь, что предприняла это путешествие, чтобы поработить мое королевство? — загремел голос Мэгона. — Так ты отрицаешь, что этот твой город — как его, Орисса — вошел в сговор с моими врагами? И вашими союзниками?

— У меня нет союзников, ваше величество, — ответила я. — Как нет их и у моего брата. Мы купцы, а не официальные лица государства. Наша цель — торговать, а не устраивать заговоры.

— Если твоим желанием была торговля, — продолжал король, — тогда почему ты не пришла прямо ко мне? Для того, чтобы спросить разрешение на торговлю, уплатить полагающиеся пошлины и уладить прочие формальности?

— Так как же я могла это сделать, ваше величество, если я раньше никогда не слышала о вас? А что касается поднятого вами вопроса о разрешениях и пошлинах, то теперь все обстоит гораздо проще. Мы можем приступить к переговорам немедленно. Выработать своего рода соглашение, которое я смогу взять с собой домой, в Ориссу, и получить одобрительное заключение брата.

— Немного поздновато спохватились, не так ли? — спросил король.

— Как же так, ваше величество?

— Между нами кровь, — ответил он.

— Трагическая ошибка, ответственность за которую лежит на обеих сторонах, ваше величество, — сказала я, — и уверена в том, что мы смогли бы достичь взаимоприемлемого

соглашения о компенсациях, которое смогло бы помочь вдовам и сиротам моих людей. Кроме того, было бы уместно услышать с вашей стороны соответствующим образом сформулированные извинения за то, что такой ужасный, но неотвратимый случай произошел. В конце концов, мы все не хотели бы, чтобы этот случай отравлял наши будущие отношения. Поэтому, если вы тут же вернете мне моих людей, ваше величество, мы оставим это печальное недоразумение позади. Заключим небольшое по объему торговое соглашение между вами и семьей Антеро. И мы отправимся домой. Конечно, для этого нам потребуется кредит. Тогда мы сможем купить у вас корабль для возвращения в Ориссу. Как правило, взаимное доверие является неперенным условием любого торгового соглашения. И я уверена, что если вы действительно что-то узнали об Антеро, так это то, что их кредит доверия, их слово — весомы.

— Вот как. — Король щелкнул пальцами. — И все прощено и забыто?

— Почему же нет, ваше величество? — спросила я. — Это путь, которому обычно следуют цивилизованные люди.

— Ты имеешь в виду, что мы — нецивилизованны? — грозно спросил король.

Мои брови выгнулись арками, когда я изобразила изумление и спросила:

— Я, ваше величество? Никогда не говорила ничего подобного!

— Но подразумевала, что если я не соглашаюсь, то становлюсь не более чем дикарем.

— Король посмотрел на своих людей. — Разве не так она сказала, парни?

Послышались подтверждающие крики воинов Мэгона.

— Слышишь? — продолжал Мэгон, вновь обращаясь ко мне. — Здесь нет дикарей.

— Хорошо, — произнесла я, умышленно смещая акценты и нарочно искажая смысл диалога. — Теперь, когда мы с вами уладили это дело, ваше величество, я была бы весьма польщена, если бы вы как можно быстрее дали мне увидеть команду. Тогда мои люди смогли бы вместе с нами порадоваться хорошим новостям и осознать, что находятся в заботливых руках столь мудрого и образованного короля.

Король покраснел. Когда я более пристально взглянула на Мэгона, то подумала, что он гораздо моложе, чем кажется. Кожа его лица была грубой, на ней оставили неизгладимый след стихия и длительное пьянство. Но в то же время на лице Мэгона почти не было морщин, а гусиные лапки в углах глаз — едва заметны.

После небольшой паузы король сказал:

— Сначала нам предстоит обсудить другие дела. Затем мы поговорим о твоей команде.

Я изобразила изумление и произнесла:

— Я была бы никудышным командиром, ваше величество, если бы не ценила своих людей выше всего остального. — И внимательно посмотрела на воинов Мэгона, на лица которых стало появляться выражение растерянности. Я продолжала: — Из преданности и почитания, которые демонстрируют ваши люди по отношению к вам, ваше величество, видно, что вы согласны с моим пониманием воинской чести.

Король готов был уже вспылить, но совладал с гневом, залпом осушив еще одну чашу вина.

— А после того как я увижу своих людей, ваше величество, — продолжала я как ни в чем не бывало, — осмелюсь затронуть одно важное обстоятельство — то обстоятельство, что нам обоим угрожает опасность.

— Опасность? — спросил король. — Что может угрожать мне?

— В ваших владениях орудует банда, ваше величество, — твердо сказала я.

Реакция моего собеседника была мгновенной:

— Бандиты? Какие такие бандиты?

— А те, которые напали на мои торговые представительства, — ответила я. — Они беспощадные убийцы. Чудовища в самом худшем смысле этого слова. Наши люди были убиты во сне.

По залу пронесся шелест изумления. Король в ярости посмотрел на меня. Но по каким-то причинам он был намерен и дальше продолжать эту игру.

— Я только что вернулся сюда, — сказал он, — и еще не успел ознакомиться с последними новостями. Моя столица расположена на берегу моря, на расстоянии многих лиг отсюда.

Тебе еще повезло, что я именно сейчас объезжаю свои владения. Не будь так, никто бы не смог остановить моих людей и они бы тебя убили. Я сожалею, что так получилось, но мы не доверяем чужакам. Вы все вооружены и следили за нами из укрытия. Выглядит довольно подозрительно, если вдуматься. Чертовски подозрительно, не так ли, парни?

Воины мрачно забормотали. Мэгон снова повернулся ко мне. Теперь у короля было жесткое, неодобрительное выражение лица. Он спросил:

— Почему ты не пришла к нам и не изложила суть твоего дела?

Я подняла руку, как бы ссылаясь на неведение, и произнесла:

— Мы заблудились в тумане, ваше величество. Кроме того, я до сих пор не представляю, где нахожусь. Что за город? Как называется ваше королевство?

— Город называется Коронос, — ответил Мэгон. — Здесь мои люди добывают редкие металлы. Королевство — Лофткуэстина. Что означает на нашем языке «Земля, где обитают Медведи».

— Спасибо, ваше величество, за то, что так подробно все рассказали, — поблагодарила я короля. — Когда вернусь домой, я буду повсюду и всем восхвалять ваше имя и ваше королевство. Теперь что касается того, как я очутилась в пределах ваших владений. Моя семья основала два торговых представительства в прибрежных поселениях, которые расположены в нескольких неделях пути отсюда. Мы имели дело только с местным населением, занимаясь торговлей мехами и предметами обихода.

Если мы оказались на вашей территории — я приношу свои извинения. Местное население в тех местах, где мы торговали, — дикие люди, и им, по всей вероятности, и в голову не приходило рассказать мне, кто их король. Но мы были первопроходцами, и я уверена, что мы вскоре обязательно узнали бы о той неосмотрительной оплошности, которую допустили местные коммерсанты, и пришли бы к вам с соответствующими дарами и учтивостью, чтобы попросить разрешения на продолжение торговли.

— Ты говоришь, что ваши два торговых поста были атакованы? — спросил король. Он разыграл крайнее изумление. А я силилась понять, почему король продолжает лгать.

— Да, ваше величество, — ответила я, — они действовали как профессиональные убийцы, чьей единственной целью было уничтожить моих людей. — Я презрительно сплюнула и продолжала: — Пираты и убийцы. Честный противник, который был бы возмущен нашим присутствием на его территории, скорее всего потребовал бы, чтобы мы убрались. А если бы мы были столь неразумны, что отказались бы подчиниться, то тогда между нами произошло бы сражение. Но в таком случае это было бы честным выяснением отношений. В таких действиях не содержалось бы ничего постыдного, хотя нам всем вместе пришлось бы потом оплакивать павших.

— Что же произошло после того, как ты посетила торговые посты и обнаружила, что они уничтожены? — спросил король.

— Я успела побывать только в одном из них, ваше величество, — ответила я, — могу только догадываться о том, что нечто похожее произошло и со вторым. Я видела свидетельство, подтверждающее эту догадку. Но полной уверенности у меня нет.

— Продолжай, — произнес Мэгон.

— Мы были застигнуты врасплох невероятно сильным штормом, который, безусловно, принес много неприятностей и вашему величеству.

Король кивнул и произнес:

— Да, я знаю, какой шторм ты имеешь в виду.

— Один из наших людей, оставленных здесь, был захвачен в плен. Такой же заклинатель, как и я. Его увел караван. Когда шторм закончился, мы пошли по следу каравана. По пути мы обнаружили тело заклинателя со второго нашего торгового поста. Заклинатель был зверски убит. Сначала его пытали. Это я просто обязана подчеркнуть. В

преступлении может быть замешана та же самая шайка бандитов, ваше величество. Кто же, как не они, мог бы замучить до смерти беспомощного человека?

Король сердито посмотрел на меня, но промолчал.

— Именно тогда мы решили не отступать, ваше величество, — продолжала я, — а, наоборот, приступить к преследованию каравана. В надежде спасти нашего второго заклинателя. Мы увлеклись погоней и вдруг оказались в густом тумане, в котором заблудились и наткнулись на ваших людей. К несчастью, мы растревожили их. Может быть, ваше величество, вы сможете помочь мне что-нибудь узнать о судьбе второго заклинателя. Все следы, которые я видела перед тем, как мы заблудились, свидетельствуют о том, что он должен быть где-то поблизости. Его зовут Сирби, лорд Сирби.

Король наклонился в сторону своего помощника и что-то прошептал ему на ухо. Помощник быстро зашептал что-то Мэгону в ответ. Король, пока слушал, неотрывно смотрел на меня.

Именно в этот момент я обнаружила, откуда исходит легкое жужжание волшебного поля. Как раз за королем — на подставке из слоновой кости лежал изящный музыкальный инструмент. Это была чудесная, красиво сработанная лира, ее струны нежно мерцали в свете факелов.

Наконец король снова заговорил, и мне пришлось оторвать глаза от волшебной лиры.

— Похоже, твой друг действительно у нас, он жив и здоров.

— Очень рада услышать эту замечательную новость, ваше величество, — сказала я. — Теперь я смогу вновь увидеться с дорогим лордом Сирби сразу после того, как вы приведете ко мне остальных моих людей. Или расскажете мне, где они находятся, ваше величество. Я тотчас отправлюсь к ним. Вам не придется беспокоиться на этот счет и отдавать какие-либо утомительные приказы.

Король резко отклонился назад, кожа над его бородой постепенно начала приобретать багровый оттенок. Слегка запинаясь, он произнес:

— Хм... ты... ты не сможешь сделать этого...

— Я сама приведу их сюда, в этот зал, — настойчиво повторила я, — и мы все вместе сможем присоединиться к празднику по случаю визита короля Мэгона. Воистину — день, достойный того, чтобы его хорошо отметить. Нас спас от гибели такой великий король. Среди моих людей есть трубадур. Исполнитель превосходных баллад, ваше величество. Я уверена, что он сочтет за честь исполнить песню об этом замечательном событии.

Я повернулась в сторону лиры, широко раскрыла в изумлении глаза, делая вид, что заметила инструмент только что, и воскликнула:

— Вот это да! И он сможет сыграть вот на этой замечательной лире, ваше величество.

Произнеся эти слова, я вытянула руку и пальцем показала в ту сторону, где стояла подставка с лирой. В это мгновение маленькая искра волшебного поля, которую я послала вперед, чтобы узнать правду, невидимой пулей сорвалась с его конца. Искра ударила в лиру, и тут же я почувствовала характерное жжение от возвратного импульса магического поля, поэтому я быстро вернула искру и спрятала ее.

Я улыбнулась королю как можно мягче и спросила:

— Вы предпочитаете слушать мелодии, исполненные на лире, не правда ли, ваше величество?

Не успел король Мэгон что-либо ответить, как лира внезапно начала издавать звуки. Струны вздрагивали, как будто бы невидимые пальцы искусственного, но бесплотного духа бегали по ним, и чудесная музыка стала наполнять торжественный зал короля.

Затем от лиры ударила настолько сильная ослепительная вспышка света, что все вокруг поблекло и на мгновение исчезло.

Музыка звучала все громче и настойчивее, казалось, она разрасталась, а я в это время заставила себя посмотреть в сторону лиры, как можно лучше защитив глаза от ее сияния.

Теперь лира казалась огромным фонтаном света, струны вздрагивали, создавалось впечатление, что музыка и свет не только заливают все вокруг, но и проникают в плоть и

кровь.

Вслед за этим лира превратилась в птицу с ярко сверкающими крыльями и очень широким хвостом, отливающим всеми цветами радуги. Птица мерно колыхалась в такт музыке, ее крылья то вздымались, то опускались в медленном, ровном ритме.

Внезапно музыка оборвалась, и тронный зал короля Мэгона, только что шумевший вокруг меня, растаял, и теперь я уже стояла в комнате, украшенной со вкусом подобранными коврами, подушками и гобеленами.

Король Мэгон лежал в расслабленной позе, утопая в глубоких подушках на невысоком диване. Как бы подчеркивая фигуру короля, на стене за диваном висела большая шкура белого медведя.

Я огляделась. В комнате больше никого не было. Но я ощутила чье-то присутствие и поэтому посмотрела на занавешенный альков, расположенный недалеко от шкуры медведя. Не успела я как следует разглядеть его, как занавески раздвинулись и появилась женщина.

На какое-то мгновение она задержалась, слегка позируя, ухватившись за край полога, так чтобы ее красота могла быть оценена по достоинству.

Это была та женщина, которую я видела рядом с Мэгоном на палубе золотого корабля. Она сменила разноцветные лоскутки шелка на обрывки паутинки, которая мерцала, подчеркивая естественную красоту ее обнаженного тела. Женщина была небольшого роста и обладала точеными формами, как мне и показалось в первый раз, но теперь я увидела, что она настолько изящна, что ее нагота выглядела похожей на костюм артиста и не воспринималась как откровенная демонстрация женского могущества.

Ее кожа была слегка загорелой, как будто бы она прожила всю жизнь именно в таком одеянии, свободно и подолгу передвигаясь под жарким южным солнцем. Груды были полными, высокими и очень красиво очерченными. Талия была столь узкой, что я смогла бы обхватить ее пальцами двух рук [две пяди, приблизительно 34,5 см], бедра столь выпуклы, что напоминали изгибы волшебной лиры. Несмотря на ее небольшой рост, ноги были длинными и стройными.

Женщина улыбнулась мне, потом легкой походкой вышла из-за полога, обе половинки которого бесшумно сомкнулись за ней.

Король застонал, смахнул с головы корону и начал растирать лицо толстыми пальцами, поросшими густыми волосами.

— Слава богу, ты пришла, Новари, — произнес он, — голова раскалывается.

Она коротко взглянула на меня бледными, прозрачными и ничего не выражающими глазами и пожала плечами, как будто бы прося прощения у своей сестры за то, что ей приходится тратить время на этого мужчину.

— Ах ты бедняжка, — пробормотала Новари, склонившись над Мэгоном, при этом мне показалось, что воздух слегка задрожал, наполняясь слегка различным ароматом духов, который до звона в ушах обострил все чувства, — это было похоже на очень приятное мягкое прикосновение.

Новари встала за Мэгоном, взяла его голову в руки и начала массировать виски. Король закрыл глаза и слегка замычал от удовольствия.

Потом произнес:

— Новари от меня без ума.

Она поцеловала его в голову, и как звон небольшого колокольчика прозвучал ее смех. Новари сказала:

— Но ты снова был гадким, непослушным мальчиком, радость моя. — Она скривила губы и слегка передернулась. Потом продолжала: — Заставил бедную Рали долго ждать в этой отвратительной тюрьме. Очень грубо и непочтительно с твоей стороны, сладкий мой. Признай это. Ты был груб. И я думаю, что тебе следует немедленно извиниться.

Король поднял голову, поворачивая глазами, нашел Новари, пока она, не переставая, массировала его виски.

— А я-то думал, что нам следует побыстрее убить ее, Новари, — пожаловался он, — с

ней не оберешься хлопот.

Новари крепко прижала короля к своим грудям.

Король заскулил от наслаждения. Новари негромко спросила:

— Я когда-нибудь давала тебе неправильные советы, радость моя?

Мэгон непрерывно поворачивал голову из стороны в сторону, стараясь поуютнее устроиться в золотисто-медовой прелести ее грудей.

— Никогда, — произнес он.

— Тогда сделай мне одно маленькое одолжение, ведь ты сделаешь, добрый мой, — промурлыкала Новари.

Король снова приподнял голову. Хитро усмехнулся.

— Ты хочешь получить ее в качестве подарка? — пробормотал он.

— Да, дорогой, — ответила Новари, — в качестве подарка. Вместо ответа король стал увлекать Новари вокруг дивана до тех пор, пока она не оказалась перед ним.

— Тогда она твоя, — сказал он.

Мэгон зарылся лицом в ее животе и начал его целовать и ласкать, слегка покусывая, постепенно спускаясь к маленькой золотистой долине.

Новари потрепала его по голове, повернулась и взглянула на меня.

— Тебе лучше уйти, — сказала она, показав в сторону двери, расположенной в другом конце комнаты, — там ты найдешь тех, кто ждет, чтобы проводить тебя в твои комнаты.

Король действовал все решительнее, и я оставила их наедине.

В точности как и говорила Новари, снаружи меня поджидали два стражника, стоявшие по обеим сторонам двери.

Как только они затворили за мной эту дверь, я вновь услышала звуки лиры.

И еще я услышала, как король издал громкий стон наслаждения, как будто попал в рай.

Когда я вспоминаю время, проведенное в Короносе, то удивляюсь, насколько была холодной, как прочно замкнулась, глубоко спрятав под ледяным панцирем все эмоции и магические ощущения. Я с абсолютным безразличием взидала на происходящее, всячески избегала каких-либо мыслей о будущем, полностью сосредоточившись на ближайших проблемах. Мне устроили засаду в виде шторма, отключили мое магическое зрение с помощью колдовской атаки, предпринятой врагом, поэтому у меня не было ни малейшего шанса для полного восстановления.

Я была свидетелем того, что случилось с Дасиар, и твердо усвоила, что любое маломальски значительное заклинание, которое мне захочется послать на врага, немедленно вернется и произведет непоправимые разрушения.

Теперь же, когда я полностью находилась во власти врага, мне следовало бы проявлять еще большую осмотрительность.

Точно так же не могла я и подумать о том, чтобы раскрыть пределы своей магической силы, так как это могло стать единственным фактором внезапности, если только судьба предоставит подходящий случай.

А пока единственное, что я могла сделать, — искать трещину во вражеской защите, а потом использовать эту трещину, изо всех сил ударяя по ней, пока защита не расколется.

В течение двух последующих недель я праздно проводила время в роскошной тюрьме, обосновавшись в шикарных апартаментах. Меня кормили отборной пищей, подавали изысканные вина и коньяки, молодые служанки без конца баловали и нежили меня. Я восстанавливала силы, заботливо сохраняя каждую их крупинку, изо дня в день спокойно наращивая свое могущество. Но я ни одного мгновения не сомневалась, что враг делает паузу сознательно, а не по недосмотру.

Я была уверена, что меня откармливают для того, чтобы потом убить. Но с какой целью — это было для меня полнейшей загадкой.

В этот период практически не удавалось выкроить времени на личные дела. Может быть, минуточку-две каждый раз. Но этих минут было достаточно для того, чтобы постепенно складывать то заклинание, которое я смогла окончательно сформулировать втайне даже от

самого настороженного и чувствительного вражеского колдуна.

Применив это заклинание, я превратила косточку ящерицы в длинную золотую булавку для волос. Я спрятала булавку глубоко в сундуке с драгоценностями, который открывали передо мной молодые служанки в первые дни после рудников Короноса, а потом, вроде бы случайно, нашла ее. Я долго любовалась этой булавкой, а потом объявила, что хочу носить ее в причёске.

Служанки охотно согласились, а одна из них даже сама заколола мои волосы и держала зеркало, показывая мне, что получилось.

Я оценила результат как бы неуверенно. Служанки в один голос объявили, что я выгляжу превосходно. Они старательно хлопотали вокруг булавки, лепеча, как она хороша и как идет мне. Я окончательно убедилась в том, что была права, когда отказалась от украшений, которые мне были предложены ранее.

Я немного подразнила служанок, еще раз изобразив неуверенность, но потом смягчилась.

Начиная с этого момента я непрерывно носила в волосах эту булавку — ночью и днем.

Однажды после обеда, ближе к вечеру, служанки неожиданно лихорадочно засуетились. Пока одно симпатичное трио лестью и обманом пыталось во внеочередной раз заманить меня в ванну, щедро добавляя в воду ароматные эссенции и нагретые смеси, содержащие мед и вино, другие хлопотали по всему помещению, приводя покои в порядок.

Они одели меня в простые, но очень элегантные одежды; мои волосы расчесывали до тех пор, пока они не засияли; несколько служанок приготовили подносы с легкими закусками и напитками, поставив их около камина, где они взбили подушки и раздули огонь. Потом девушки закрепили мои волосы любимой золотой булавкой.

Я не спрашивала, чем были вызваны спешные приготовления, но обратила внимание на то, что служанки поставили на один из подносов два богато украшенных бокала и собирались принести вино или коньяк, чтобы наполнить их. Потом они притушили свет и отодвинули в сторону занавес, закрывающий часть одной из стен, — это они проделали впервые, и моему взору открылось большое окно с видом на замерзшее озеро. Ночное небо было совершенно прозрачно, на нем ярко светились мириады звезд, но от поверхности замерзшего озера отражалась полная луна.

Звуки лиры, негромкие и идущие как бы издалека, привлекли меня к окну и заставили внимательно вглядываться в суровую красоту зимней ночи.

Я услышала шорох шелковых одежд и заметила, что служанки молча покидают комнату.

Музыка зазвучала громче, но и приятнее, так что наплыв чудесных звуков полностью захватил меня.

Я увидела, как на некотором отдалении, на фоне светлого лика луны дрейфует неясное облачко. Затем оно превратилось в птицу, которая стремглав пронеслась по ледяным просторам, опускаясь все ниже и ниже, до тех пор пока не заскользила над самой поверхностью белого, сверкающего в лунном свете льда и не подлетела наконец к окну.

Птица быстро налетала на поверхность стекла — но в последний момент перед неминуемым столкновением широко раскинула крылья и замерла, паря в воздухе.

Музыка все больше усиливалась, когда хвост этого необычного создания раскрылся веером, демонстрируя все великолепные цвета оперения, которое мерцало в такт музыке, — как будто бы перья были струнами волшебной арфы.

То была Птица Лира.

Именно ее я и ждала.

Птица Лира начала извергать фонтанирующий свет, и, когда я заслонила от него глаза, она медленно прошла сквозь оконное стекло. Музыка прекратилась. Свет погас.

А передо мной стояла Новари.

Она замерла на некоторое время, позволяя сердцу успокоиться, а ее проникновенной красоте распространиться вокруг, как ароматам необыкновенно редкого мускуса.

Тонкие, почти невесомые, разноцветные шелковые одежды трепетали вокруг ее превосходных форм. Тонкая тиара, богато украшенная бриллиантами, венчала голову с длинными, чудесными волосами. Она мило улыбнулась; улыбка на мгновение обнажила белые крепкие зубы, на фоне которых ее губы показались мне лепестками только что распустившейся розы. Плавным и в то же время летящим шагом Новари шагнула, поднимая изящную руку и прикасаясь к моей руке в знак приветствия. Пока Новари приближалась, ее шелковые одежды разошлись, обнажая участки тела золотисто-медового цвета.

Я непроизвольно поежилась, когда ее пальцы скользнули по внешней поверхности кисти моей руки. Это вызвало еще одну улыбку Новари, после чего она очень пристально и глубоко взглянула в мои глаза, как бы окончательно признавая факт взаимного притяжения. Ее глаза были похожи на бледные зеркала, которые вызвали непреодолимое желание увидеть в них отражение моих самых заветных мыслей.

Я вернула ей улыбку, щедро одобренную заклинаниями страсти и желания. Позволила моим чреслам запульсировать от того жаркого прилива, которого она добивалась. Почувствовала, как покрылась гусиной кожей от воздействия возбуждающего биополя Новари. Но на самом деле все мои средства самозащиты были приведены в полную боевую готовность, позволяя обострившейся ситуации вести меня к цели сквозь толстое облако ароматного дурмана, которое создала Новари.

Новари напряглась, и я уловила своего рода гримаску разочарования, потому что сочла, что я недостаточно податлива под влиянием ее чар.

— Как любезно с вашей стороны, что вы пришли навестить меня, — произнесла я, показывая на яства и напитки, расставленные служанками на подносах, расположенных вблизи камина, — хотя теперь мне кажется, что я вас ждала.

Я почувствовала сгусток неукротимой жизненной энергии после того, как Птица Лира полностью превратилась в Новари. Она откинула назад свою красивую голову и рассмеялась. Звук был сильный, глубокий, бархатный. Ее дыхание пахло маком.

— Ты хочешь услышать правду, Рали? — спросила она. — Так в этом мое призвание. Я не могу говорить ничего, кроме правды. Даже пожелай я обратное, — не могу ничего с собой поделать.

Сказав это, Новари подмигнула мне с таинственным и одновременно циничным видом.

— Давай, дорогая Рали, не стесняйся, спрашивай все, что пожелаешь. Я думаю, что у нас впереди столько, — она остановилась, вздрогнула так, как будто бы только что пережила острый оргазм, — столько времени для изысканных способов самоотдачи...

Новари прижала мое запястье к своей груди и повела меня к очагу, где нас дожидались закуски и мягкие подушки.

Волшебница долго хлопотала, чтобы ублажить меня, и я наконец смогла опуститься на уютное ложе. Новари взбивала, перекладывая, поправляя, подушки, а потом, как какая-нибудь служанка, подала мне маленькую тарелку с деликатесами и наполнила мой бокал коньяком.

Я позволила ей суетиться. Заставила ее суетиться все больше и больше. Я играла в ее собственную игру — буквально швырнула ей в ответ требование льстить моей женственности и непрерывно преувеличивала это требование.

Я жаловалась и капризничала по мелочам, говоря, например, что бутерброды с печенкой, а я больше всего на свете не люблю печенку.

В то же время я исповедовалась Новари доверительным, сестринским тоном, что, когда у меня наступают месячные, меня неудержимо тянет на хороший кусок жареного сердца.

Я решительно отодвинула от себя бокал с коньяком, заявив, что предпочла бы чай. Однако, убирая бокал, я позволила верхней части моего платья сползти с плеча и увидела голод в глазах Новари. Я покраснела и быстро прикрылась, стыдливо опустив глаза, позволив моим длинным ресницам трепетать, как крылья колибри.

И все это время я втайне потешалась над волшебницей — если бы я дала волю своим эмоциям, то это был бы громогласный солдатский хохот.

Новари возбудилась, ее лицо покраснело от нетерпения и похоти.

— Ты знаешь, — сказала я, когда она подала мне чашку чаю, который сама заварила, вскипятив воду над очагом, — пожалуй, я все-таки выпила бы немножко коньяку, — я поежилась, — что-то сегодня мне кажется холодно.

В крепкий чай, поданный Новари, я добавила изрядную порцию коньяку, посмаковала аромат получившегося напитка, потом залпом выпила. Затем я посмотрела прямо в глаза Новари ничего не выражающим солдатским взглядом.

— Я буду принцессой, — спросила я хриплым голосом, — или ты будешь принцессой? По мне — все равно, так как мы обе знаем, что и так и эдак — только игра.

Блеклые глаза Новари моргнули. Несмотря на то, что ее лицо оставалось вежливой маской, я смогла распознать, что мой маленький дротик, брошенный почти наугад, попал точно в цель.

Новари пришла в себя и, звонко рассмеявшись, произнесла:

— Ты поразительная женщина, Рали Антеро.

— Я точно такая же женщина, как все те, которых ты встречала на своем веку, моя дорогая Новари.

Подцепив кувшин согнутым пальцем, я вновь наполнила чашу. Расслабившись на подушках, я скрестила локти, поставив их под грудь.

После этого я посмотрела на Новари, слегка скривив губы в презрительном недоумении.

— Ты заявила, что твердо намерена говорить только правду?

— Да, — ответила Новари.

— Не могу твердо сказать, что окончательно поверила тебе, — продолжала я, — обсуждение этого вопроса может завести нас в непроходимые дебри длительных и абсолютно бесполезных дискуссий о нравах и множествах философских терминов, как то: когда правда может стать ложью, а ложь — правдой.

— Давай, Рали, я расскажу тебе свою историю, — полупросительно сказала Новари, — а потом ты сама решишь, где правда, а где — ложь.

Я пожала плечами.

— Если тебе так охота, я ведь нахожусь в твоей власти и не смею командовать. Тем не менее я все равно не смогу узнать, насколько правдива твоя история, не так ли?

— Так или иначе, поведаю тебе, Рали, свою историю, и посмотрим, что ты скажешь, когда я закончу.

Костер постепенно угас. Я сделала магический жест, и он снова вернулся к жизни и весело затрещал.

Новари засмеялась, звук ее голоса напоминал музыку, струнную музыку лиры.

— Я принимаю это как приглашение к рассказу, — сказала она.

Птица Лира нахмурилась, черты ее прекрасного лица стали серьезными. Потом лицо Новари прояснилось, и она начала говорить.

Глава 10. РАССКАЗ ПТИЦЫ ЛИРЫ

— Я единственная в своем роде, — сказала Новари, — насколько мне известно, больше нет... созданий... похожих на меня.

Я возникла задолго до того, как начал править первый король Белый Медведь, может быть, тысячу лет назад... или больше. Я была создана могущественным колдуном для того, чтобы стать рабыней его принца. С моей помощью этот колдун намеревался подчинить себе своего хозяина и его королевство.

Для того чтобы создать меня, колдун долго рыскал по всей стране в поисках подходящего сырья. Он высматривал наиболее красивых и интеллигентных девственников. Я не знаю, сколько именно девушек похитили его охотники. Две тысячи или даже больше.

Новари выпила. На этот раз она почти полностью осушила бокал. Я увидела, как ее щеки совершенной формы непроизвольно дернулись при болезненном воспоминании. И это не являлось лицедейством: те воспоминания, которые Новари сейчас поднимала из самых затаенных уголков подсознания, не были приятными.

— Когда колдун получил уверенность в том, что имеет достаточно материала, он принес девушек в жертву в храме, который построил специально для этих целей на территории королевского дворца. Кровь текла рекой. Крики умирающих девушек можно было услышать на таком удалении, что жители деревень вынуждены были плотно затворять ставни и дополнительно закрывать двери, думая, что вдали зреет шторм невероятной силы.

Потом колдун, используя тела и души убитых им девушек, а также их муки и все, что могло их составлять, — создал одно-единственное существо. Рабу любви, которая была без ума от своего рабства. — Новари опустила глаза. — Меня.

Я спросила:

— Так что же, этот колдун сделал все это для себя?

— Нет, — ответила Новари, — он заключил сделку с демоном. Со злым демоном, мошенником и негодяем, который был изгнан даже из демонической среды.

Я, похоже, догадалась, о ком идет речь. «Злой демон» звучало почти как лорд Элам, который был могущественным, но диким демоном, с которым я столкнулась в Западном море.

— А что произошло с демоном? — спросила я.

Новари рассмеялась. И на этот раз в ее голосе не было музыки — только грубый цинизм.

— А ты как думала? Колдун убил его. Он обманул демона, украл все его магические способности и присоединил к своим.

— А теперь этот колдун не только обладает огромным могуществом, но у него есть еще и ты, — сказала я.

— Да, — подтвердила Новари, — у него есть я. Но для того чтобы завладеть мною, ему пришлось трансформировать мою сущность. Сначала он создал волшебную лиру, потому что лира является самым благозвучным и самым чувствительным из всех музыкальных инструментов. Даже морской бриз может заставить звучать ее струны. Даже мягкое дыхание. А мелодии, которые можно извлечь из лиры, трогают самые зачерствелые души, будят давно спящие воспоминания и воскрешают яркие эмоции. Более того, в умелых руках она способна управлять воспоминаниями, эмоциями и душами.

Потом колдун применил лиру для того, чтобы создать волшебную птицу. Птицу Лиру. Он выбрал именно эту птицу благодаря ее красоте. И благодаря ее способности точно подражать крику любого живого существа, обитающего на земле. Будучи в магическом образе, птица способна понять самые глубинные мотивы мыслей и действий, забот и печалей тех, рядом с кем она находится.

В конце концов колдун использовал Птицу Лиру, чтобы создать меня. Дух, первичной формой которого было обличье женщины. Несмотря ни на что, я по желанию могу выбрать между тремя образами — лиры, птицы и женщины.

— Таким образом ты была создана для того, чтобы обслуживать интересы принца? — вклинилась я с вопросом. Новари ответила:

— Да, ублажать его. Но моей самой главной обязанностью было служить колдуну.

Новари голосом выделила ключевое слово, подчеркнув, что речь идет о совершенно разных услугах. Она продолжала:

— После того как принц сделал меня своей рабыней, он поработил и себя. Я могла — и я в действительности доставляла ему все мыслимые и немыслимые удовольствия. Для принца я явилась тем, что и обещал колдун, но, может быть, и чем-то большим. Не существует и, по-видимому, нельзя вообразить себе такого способа сексуального контакта, который я не предлагала бы принцу. С момента первого проникновения в меня, когда я кусала губы от боли дефлорации, — я становилась все более изощренной и искушенной с

каждым последующим часом. И к концу дня я без скованности и стеснения участвовала в самых разнузданных актах. А на следующее утро вновь становилась девственницей. Невинной и чистой. Готовой к тому, чтобы меня вновь соблазнили и лишили девственности.

Будучи превосходной куртизанкой, я поощряла его гордость. Я без конца хвалила его воображаемую силу, не замечала или же упорно отрицала его многочисленные неудачи. Он полностью мне доверял, так как я всецело завладела его душой и телом.

Часть заклинания, которое было применено для того, чтобы создать меня, требовала, чтобы я всегда оставалась правдивой, поэтому принц верил мне буквально во всем. Конечно, правда может облачаться в разные одеяния, некоторые из них могут быть более приятными, чем остальные. Вот почему мой истинный хозяин — колдун — позаботился о том, чтобы я приобрела достаточно опыта в искусстве приукрашивания правды с целью угодить желаниям принца.

По указаниям колдуна я зажгла в принце искру амбиций. Я раздувала огонь до тех пор, пока не загорелось неукротимое пламя жажды власти. Принц вообразил себя великим завоевателем. Армии устремлялись в чужие земли. Создавались заклинания, поощряющие войну. И многие королевства были принуждены склонить свои знамена под нами.

Все это принцу удалось совершить, даже не покидая пределов дворца. Я поддерживала его в состоянии перманентного счастья, пока колдун лично руководил военными действиями и управлял разросшимся королевством.

— А потом все пошло наперекосяк? — спросила я.

— Да, конечно, — ответила Новари, — и довольно быстро. Колдун слишком растянул фронты армий, в результате чего королевство потерпело унижающее поражение. Несколько вражеских правителей объединили свои усилия, ворвались в пределы королевства и захватили принца и его колдуна.

— А тебя? — спросила я. — Им удалось поймать тебя? Новари помрачнела от страшного воспоминания.

— Конечно, — промолвила она, — я ж была рабыней, как же я могла скрыться?

— И что же сделали короли? — спросила я. Новари продолжала:

— Они устроили суд и предъявили принцу и колдуну обвинения в преступлении против самой природы, естества и богов. Я была заметным участником этого суда, меня представили как злую ведьму, которая соблазняет невинные жертвы и которая завладела сознанием принца и склонила его подчиниться колдуну.

Народ открыто ненавидел каждого из нас. Но люди сосредоточили свой гнев на мне как на воплощении зла. Я была обвинена во всех грехах, которыми страдали мои монаршие негодяи.

Каждый из нас был признан виновным и осужден.

Принцу повезло более всех других. Он был убит быстро и безболезненно.

Колдуна пытали в течение многих недель. Потом было создано заклинание, которое позволило поддерживать жизнь в колдуне, пока его расчленили на куски и заставляли меня поедать их — один за другим.

Новари замолчала. Ее грудь высоко вздымалась от волнения. По ее щеке скатилась слезинка. Потом она вздохнула, и ее вздох прозвучал как скорбная музыка — похожей я никогда не слышала. От этой мелодии защемило сердце, обострились эмоции, как будто бы и они вдруг стали чувствительными струнами лиры.

Я поставила защитное заклинание, и тоска Птицы Лир иссякла.

И я спросила:

— А что случилось потом?

Новари, похоже, не обратила никакого внимания на ледяной тон моего голоса.

— А потом они без конца насиловали меня, — произнесла она без какого-либо выражения, — долго и упорно. И я становилась девственницей для каждого нового мужчины, который овладевал мной.

Наступила еще одна длительная пауза. Тишина нарушалась только потрескиванием

огня в очаге.

Я молчала. Мой мозг отказывался воспринимать то унижение и боль, которые пережила Новари. Но в то же время я отдавала себе отчет в том, что она говорит правду. И это последнее откровение было настолько мощным, как будто бы Новари специально создала заклинание, чтобы до основания потрясти меня.

Мой рот внезапно пересох, я произнесла:

— Но они не убили тебя. Каким-то чудом ты выжила.

Новари мрачно улыбнулась и сказала:

— До этого я постоянно находилась во власти чар колдуна. Я не была способна совершить ни одного магического действия, которое не исходило бы от него. Я была не в состоянии контролировать ни свои действия, ни окружающую действительность... — Новари тронула грудь. — Ни свое тело... — Прикоснулась к голове. — Ни свое сознание... — Она ласкающим движением провела ладонью по воздуху. Я услышала мягкий звон лиры. — Ни свою магию.

Новари позволила звукам лиры постепенно угаснуть и продолжала:

— Но пока меня... истязали... я сумела зажечь в себе искру самосознания. И из этой искры я выковала волю. Я начала брать по чуть-чуть — совсем помалу — от каждого мужчины, который насиловал меня. И я постепенно копила силы, преследуя единственную цель. Я создала заклинание, которое вызывает чувство большого сожаления. Постепенно я делала это заклинание все мощнее и мощнее, до тех пор пока сожаление не стало таким огромным, что оно гарантировало — каждый, кто осмелился бы убить меня, потом переживал бы нестерпимые страдания из-за того, что уничтожил столь красивое существо, как я.

Несмотря на это, я постоянно ощущала очень сильную неприязнь к себе, которую мне не удавалось преодолеть. Поэтому колдуны собрались для того, чтобы найти приемлемое решение. Они не могли убить меня. Но необходимо было сделать так, чтобы я не представляла больше опасности.

Поэтому колдуны привезли меня на маленький скалистый остров. Они посоветовали мне принять форму духа, чтобы я не умерла от ударов стихии, голода и болезней.

И с этим островом я распрощалась всего несколько лет назад. Я была духом, едва заметно шепчущим одной мне понятные молитвы, пока я без конца пролетала над безжизненной поверхностью острова, такого маленького, что простой смертный мог бы за десять минут пройти из одного его конца в другой. Я изучила каждую пядь этого острова так, что знание стало для меня болезненным наваждением. Много раз мое отчаяние достигало таких пределов, что я едва удерживалась от того, чтобы принять материальную форму, стать смертной и умереть. Но я знала, что даже это не прекратит моего изгнания. Слишком много зла было мне причинено. Поэтому мне предстояло стать злым привидением, ведущим бесконечную яростную борьбу с пустотой. — Новари посмотрела на меня и спросила: — Ты можешь представить себе что-нибудь более ужасное?

Я молча замотала головой. Конечно же, не могла...

Новари продолжала:

— Так как этот мир отверг меня, я сосредоточила все усилия на магических способностях. И в этом деле преуспела. Я стала достаточно могущественной. — Она хихикнула и пояснила: — В конце концов, у меня было достаточно времени для того, чтобы отточить мастерство.

— А также для размышлений, — сказала я. Новари задумчиво кивнула и произнесла:

— О, именно этим я занималась. Я размышляла на протяжении веков.

— И ты поклялась отомстить?

— Да, — ответила она бесцветным голосом.

— Те, кто причинил тебе зло, давным-давно мертвы, — возразила я.

Новари пожала плечами.

— Теперь у меня есть другие цели, кроме мести.

— И ты используешь короля Мэгона для того, чтобы осуществить свои честолюбивые замыслы?

— Да, — ответила Новари.

— Играешь роль оборотня в облике женщины, не так ли? — спросила я. — Ведь именно за это ты и была осуждена много лет назад. И именно этим ты и являешься, не правда ли?

— В большей или меньшей степени, — ответила она, — ответ более сложен, чем «да» или «нет».

— Как ты вышла на короля Мэгона? — спросила я. Новари усмехнулась и произнесла:

— На самом деле он вышел на меня. Он был мелким военачальником, который пытался завоевать себе имя. Однажды он оказался на моем острове во время одного из пиратских набегов, которым руководил.

— И ты вошла в его мечты и завладела им? — спросила я. Новари хихикнула, как девочка, и сказала:

— Для него это не так уж плохо.

— И он только по счастливой для тебя случайности набрел на остров? — спросила я, едва сдерживаясь.

Новари качнула головой и ответила:

— Нет, я его заставила сделать это. Не его именно, а кого-то, похожего на него.

— Как тебе это удалось? — спросила я. — Ведь ты рассказала, что остров расположен в стороне от всего живого. Слишком далеко даже для того, чтобы твое заклинание достигло цели.

— Я наслала на него шторм, — ответила Новари, при этом на ее лице засветилось какое-то подобие гордой улыбки, — я научилась использовать штормы для таких вещей.

Теперь я поняла, что произошло, когда ледяной шторм захватил нас врасплох в бухте Антеро. Однако надо признать, что заклинание, использованное, чтобы привлечь дурака из дальних стран, должно значительно отличаться от заклинания, позволившего вызвать магический шторм. Я была уверена, что ни один колдун не способен осуществить такое в одиночку.

— Ну вот ты и услышала мою историю, — произнесла Новари. Я не ответила. Я неотрывно смотрела на пламя в очаге и ждала. Бесконечные секунды тянулись и тянулись... Новари была разочарована.

— Ты ни о чем больше не хочешь меня спросить? — резко бросила она.

— Нет, — ответила я. И снова я молча ждала.

Ее буквально корчило от нетерпения. Наконец она выпалила:

— Что за несносная женщина! Спроси же меня о чем-нибудь! Спроси что хочешь!

— Где мои люди? — требовательным голосом произнесла я. Новари вздохнула и спросила:

— И это все, о чем ты способна думать? О своих драгоценных людях?

— Они и есть драгоценные. По крайней мере — для меня.

— Подумала бы лучше о себе, Рали, — посоветовала Новари, — неужели тебе не интересно, что ждет тебя?

Я пожала плечами.

— Задумаюсь об этом после того, как увижу, что мои люди живы и здоровы.

Новари иронически подняла бровь и сказала:

— Такая верность солдатскому долгу меня трогает. Одно жаль, что не все из твоих людей столь же верны тебе. Один из них уже успел тебя предать.

Как бы горько ни было мне услышать эту новость, я не стала переспрашивать Новари о правдивости ее заявления. Я презрительно сказала:

— Всегда найдется один... думаю, ты имеешь в виду лорда Сирби, моего заклинателя. Именно его ты назвала предателем, не так ли?

— Да, это именно он, — ответила Новари, блестя глазами.

— В действительности я удивлена, что предал только один, — сказала я. — В конце концов, ты же дьявол в облике развратной женщины. И ты немало преуспела в мастерстве соблазнения. Ты умело поработаешь с помощью магии мужчин... или женщин..

Губы Новари раскрылись, влажные, вызывающие. Она лукаво произнесла:

— Ты хорошо меня знаешь, сестра...

— Лучше, чем хотелось бы.

Новари поморщилась и сказала:

— Тебе не стоит быть жестокой. Кстати, твой драгоценный заклинатель вовсе не нуждался в совращении. Он заявил о согласии сотрудничать сразу после того, как мои капитаны захватили его.

Я буквально подпрыгнула, когда Новари допустила такой прокол.

— Ты признала это! — крикнула я. — Ты признала, что преднамеренно атаковала моих людей. Убила их. Пытала одного из них до тех пор, пока он не умер. И похитила другого. — Я презрительно усмехнулась и произнесла: — И после этого ты толкуешь мне о жестоких колдунах и королях!

Вместо того чтобы разгневаться, Новари казалась ошеломленной, она покраснела.

— Мне очень жаль. Я сделала это не из жестокости. Это была необходимость.

— Пытки — необходимость? — яростно спросила я.

— Это не моя вина, — отрезала она. — Предполагалось, что его доставят ко мне в целости и сохранности. Захватившие его были дикарями. Они вышли из-под контроля. Если это доставит тебе хоть какое-нибудь удовлетворение, это стоило им жизни. Так что твой заклинатель отомщен.

Пока нарастающий гнев опалил мне горло, я почувствовала, как Новари напряглась, ощутила завихрение эфира, когда она начала аккумулировать энергию, чтобы ударить меня первой, если я буду столь неразумна, что попытаюсь атаковать ее. Я обрела контроль над эмоциями. И сразу почувствовала, как растаяло напряжение биополя Новари. Как можно мягче я спросила:

— Что сказал тебе лорд Сирби? Если он рассказал о цели моего путешествия, что ж, она в том, чтобы разобраться на месте, какую угрозу представляет для нас король, превращенный тобой в безвольную марионетку. Если уж быть до конца откровенной — это не столь невинная цель, как я объявила вначале, но моя откровенность принципиально ничего не меняет.

Новари рассмеялась, неопределенно взмахнув рукой.

— Будь уверена, он быстро выболтал все, что касается этой стороны дела, — иронически произнесла она, — а остальные подробности твоей экспедиции меня совершенно не интересуют.

— А что тебя интересует? — спросила я.

— Конечно же, ты, — ответила она, — Рали Эмили Антеро. Солдат. Колдунья. И, что наиболее важно, женщина. — Новари резко подалась вперед. Она, казалось, светилась от возбуждения, но продолжала: — Я должна была когда-нибудь встретить такую женщину. Которая нашла в себе смелость столько сделать в жизни. Сделать, будучи простой смертной, а не духом. Можешь не поверить, когда я впервые узнала о тебе, то сразу же поняла, что ты именно та, которую я ждала.

Легкая рука прикоснулась к моему колену.

— Вместе мы могли бы совершить великие дела, Рали!

Я смахнула ее руку с колена и хрипло рассмеялась.

— Если ты видишь меня спутницей твоей жизни, — презрительным тоном произнесла я, — то ты выбрала неверный способ добиться моего расположения. Думаю, что это от бога, и тут уж ничем не поможешь. Тебя запрограммировали соблазнять, поэтому сейчас твои слова и действия, когда ты претендуешь на то, чтобы добиваться любви, как простая смертная, выглядят как чудовищная комедия. — Я скривила губы. — Но сначала ты все-таки попробовала магию, не так ли? Ты попыталась завладеть моими сновидениями. Сначала ты

являлась ко мне в облике моего брата. Потом — в облике жены моего брата, которая является моим самым близким другом. А после этого у тебя хватило наглости, чтобы попытаться использовать против меня давно умершую мать. Но ты потерпела неудачу! Во всех трех попытках.

Новари кивнула и сказала:

— Это порадовало меня. Все было бы испорчено в самом начале, если бы мне удалось так легко и просто победить тебя с помощью колдовства.

— И поэтому теперь ты используешь в качестве последнего средства такие приемы, как угроза и устрашение? — с издевкой спросила я.

— Рали, постарайся посмотреть благосклонно на мои неуклюжие действия, — взмолилась Новари. — В таких делах я как была, так и осталась наивным ребенком. Ведь у меня не было никакого опыта грамотного общения, меня только готовили к службе при дворе. Во мне сосредоточены сотни и сотни тех юных девушек с дурными манерами и без образования, которые потом были принесены в жертву, чтобы создать меня. Мое могущество столь огромно, что ты могла бы, вроде бы по ошибке, принять меня за равную во всех людских делах. В действительности же я не равна тебе в этом. Но способна научиться. Я могу расти. Дай мне этот шанс!

Лицо Новари засияло юношеской открытостью, но «нежное сердце» демонстрировалось слишком легко и чересчур невинно.

Я пригубила коньяку и молча посмотрела на огонь.

Новари сидела тихо в течение некоторого времени. Ее красивые руки изящно легли на колени. Затем она сказала:

— Я открыла великую тайну.

Я продолжала молчать. Новари продолжала:

— У меня были сотни лет на проведение экспериментов и на обучение с помощью этих экспериментов. У меня не было ни книг, ни учителей. Остров, где я находилась в бессрочной ссылке, был абсолютно безжизнен, за исключением, может быть, моллюсков в лужицах, оставляемых приливом. Иногда к острову подплывали крупные рыбы. Одним словом, я могла работать с нетронутой природой.

Передо мной были свет, тепло, холод, воздух, земля, вода и силы, созданные из них... движение. У меня нет уверенности в том, что это слово правильно отображает суть понятия. Но именно о движении я могу думать как о понятии, наиболее близко подходящем для описания частиц эфира, потоки которых я чувствую то здесь, то там — во всех перечисленных стихиях.

Мои глаза совершенно независимо от моей воли снова повернулись к Новари. То, что она говорила, свидетельствовало о том, что Новари нащупала нить в те запредельные области познания, которые открыл Янош Серый Плащ. Колдун, который думал, что все естественные и магические силы на самом деле — различные проявления одной силы, которая трансформируется разными путями в зависимости от обстоятельств.

Как Новари оказалась на пороге такого невероятного открытия, о котором до Серого Плаща никто даже и не помышлял? И в придачу будучи в полной изоляции от остального мира?

— Ты ведь знаешь, о чем я говорю, Рали, не правда ли? — спросила она.

— Да, — ответила я.

— Твой исключительно преданный заклинатель рассказал мне, что ты осведомлена о проблеме, — сказала Новари. — Он рассказал мне все о Яноше Серый Плащ. О твоём брате, матери и семье. О Дальних Королевствах. О твоей битве с Архонтом. Все-все. В мельчайших подробностях. Это была очень трогательная и захватывающая история. И вдохновляющая.

Лорд Сирби, подумала я, был в эти последние несколько дней трусливым мерзавцем.

Новари сместила акценты в обсуждаемой теме.

— Ты знаешь, что существуют Другие Миры, не правда ли? — спросила она.

— Да, — ответила я.

— Лорд Сирби поведал мне, что ты посещала некоторые из них, когда воевала против Архонта.

— Если ты знаешь, тогда зачем тебе спрашивать? — произнесла я в ответ.

— Я могу притягивать к себе эти миры и черпать из них энергию, — сказала Новари.

— Это достаточно обычно для магии, — заметила я, пожав плечами. — Мы обычно достигаем Других Миров и извлекаем из них энергию для создания заклинаний.

— Нет, я имею в виду настоящую энергию. Энергию, с помощью которой можно взорвать гору.

— Ты не сможешь взорвать гору. Ты же сама сказала, что для переноса на значительные расстояния заклинаний тебе приходится использовать естественные стихии, такие, как уже зародившийся где-то шторм. И ты не способна сфокусировать свое заклинание. Это похоже на бросание обрывков бумаги по ветру. Тебе приходится создавать пургу из этих заклинаний-обрывков, чтобы быть уверенной, что ты поразила цель. Более точна, по-видимому, аналогия с залпом лучников в наступающего врага.

— Да, сейчас я не готова к решительным действиям, — признала Новари, — но я приобрету к ним способность довольно скоро. Мне необходимо сначала кое-что доделать. Тогда мои возможности будут гораздо больше. Рассуди сама — энергия безгранична. Я смогу стереть в порошок целые горные хребты.

— Не торопись... Да и с какой целью? С чего бы это вдруг тебе потребовалось уничтожить эти ни в чем не виноватые горы?

Новари засмеялась.

— Не прикидывайся глупой, — сказала она. — Ты хочешь знать, какое мне дело до заоблачных вершин? Суть дела в могуществе. В беспредельном могуществе. Ведь именно об этом и мечтают все колдуны, не так ли?

— Но не я, — ответила я.

— Кто б говорил, — сказала Новари. — Как ты можешь говорить это и утверждать, что правдива? Посмотри, сколько сил тебе пришлось потратить на то, чтобы оказаться там, где ты сейчас!

Посмотри, как над тобой издевался человек, который правит этим миром, который принуждает всех женщин твердо усвоить, где их место, и заниматься унижительным делом.

— Да-да, конечно, — произнесла я, — все, что ты делаешь, ты делаешь во имя своей сестринской любви. Ты нападаешь на соседей, с помощью пиратских кораблей берешь на бордаж хитростью и из засад торговые караваны, убиваешь моих друзей или принуждаешь их к предательству, возмущаешь мои сны — и все это во имя наших дорогих сестер, принесенных когда-то в жертву в замке маньяка?

Новари рассердилась, ее прекрасные черты исказил гнев.

— Почему ты так настойчиво испытываешь мое терпение? — требовательно спросила она. — Я ведь уже все объяснила тебе. Каждое слово, произнесенное мной, — чистая правда! И ты знаешь, что это правда. Тем не менее ты продолжаешь напрашиваться на неприятности. Тем не менее ты продолжаешь издеваться надо мной. И увиливать от прямых ответов. Почему?

— Где мои люди? — жестко спросила я. Новари раздраженно дернула головой:

— Ты все то же!

— Да, — подтвердила я, — все то же. Где они?

— Мертвы, — ответила Новари.

— Все? — спросила я, изо всех сил стараясь сдержать вскипающий гнев.

— Кроме твоего заклинателя, — ответила Новари, — он мне нужен.

— А если я с презрением отвергну все твои предложения, — спросила я, — так ты и меня убьешь тоже?

— Нет, этому не суждено случиться, — ответила она, — ты мне нужна живой. Хочешь ты того или нет.

— Для той же самой цели, что и лорд Сирби? — спросила я. — И Дасиар, и другой мой

заклинатель лорд Серано?

— Частично, — ответила Новари, — хотя я больше нуждаюсь именно в тебе, чем во всех остальных, которых я захватила. Я уже успела собрать любопытную коллекцию колдунов с тех пор, когда Белый Медведь начал свои набеги.

Это я пропустила мимо ушей.

— Так ты не хочешь знать, почему я пустилась во все тяжкие, чтобы собрать эту коллекцию? — настаивала Новари.

Я продолжала молчать. Она должна была рассказать мне об этом без принуждения. Только тогда можно будет считать, что знание пришло ко мне без инициации, усиленной заклинаниями.

Наконец Новари сказала:

— Я делаю с ними то, что колдун сделал со всеми похищенными девушками. Отличие состоит в том, что создание, которое я готовлю, будет подчиняться только мне!

Теперь я точно узнала, каким способом Новари смогла послать столь убийственное заклинание вместе со штормом, захватившим нас в бухте Антеро. Каким-то образом она сумела отобрать магические способности у всех захваченных ею колдунов и сплавить их в порождение своей злобной воли.

Я ничем не показала, что догадалась.

С рассеянным видом я осушила бокал, после чего добавила в него еще немного коньяку. В этот момент я вспоминала свой диалог с Дасиар, когда я объявила, что ни один колдун не способен украсть магические способности другого. Новари, похоже, доказала, что это утверждение неверно.

— Сдается мне, что передо мной две возможности: присоединиться ко всем этим колдунам, независимо от того, какую чертовщину ты для них заготовила, или же присоединиться к тебе.

Новари слегка наклонила голову, на ее губах была игривая улыбка.

— На этот счет у меня на уме были более тонкие моменты, — произнесла она.

Я с преувеличенной женственностью поправила прическу, удостоверившись, что золотая булава на месте. Это было мое единственное оружие, которое я могла пустить в ход.

Я изобразила на лице улыбку, почти такую же игривую, как улыбка Новари, и спросила:

— Почему же нет?

После этого я превратила улыбку в широкую усмешку, залпом допила остатки коньяка и поставила бокал на поднос. Сделав свой голос грубым, я сказала:

— Я бы трахнула сейчас симпатяшку, которая рядом со мной.

Новари изумленно моргнула в ответ на мою прямолинейную грубость и произнесла слегка дрожащим голосом:

— Я готова.

— Так не медли.

Она скользнула ко мне, ее тело отсвечивало в огне очага. Я лежала на подушках без движений, ожидая ее. Она резко опустилась рядом со мной. Глубоко посмотрела мне в глаза, и я смогла увидеть, как в ней бурлят эмоции. Ее губы, казалось, внезапно распухли, они были теплыми и мягкими. Запах ее тела напоминал горячий, крепкий, опьяняющий мускусный напиток, который согревал все внутри, пока я вдыхала воздух.

Новари тронула мою руку.

— Пожалуйста, — произнесла она. Голос был умоляющий и настойчивый.

Я не шелохнулась. Она тронула мою грудь.

— Пожалуйста. — Теперь голос звучал гораздо мягче, почти как шепот.

Она склонилась надо мной, ее волосы ласкали мне щеки, отчего моя кожа буквально зазвенела. Ее губы были совсем рядом с моими. Ее дыхание было похоже на сладкий аромат июльского леса.

— Не могу дать тебе того, что я не чувствую, — прошептала я. Новари кивнула и прошептала в ответ:

— Дай я тебе помогу.

Ее лицо все еще находилось рядом с моим, она едва ощутимым движением пальцев поласкала мои виски и еще глубже заглянула в мои глаза. Магия ее аромата еще больше усилилась, впечатление было такое, как будто бы я медленно плыву в нагретом меде. Еще жарче мне стало, когда тело Новари прижалось к моему.

Звуки лиры были все настойчивее, и в то же время как бы мягко омывали меня, словно спокойные волны теплого Южного моря. Струны волшебной лиры говорили мне о прошедшей любви, печальных воспоминаниях, с ней связанных.

Я не чувствовала себя испуганной и позволила этой гипнотизирующей песне унести меня в Другие Миры. Я чуть не вскрикнула от изумления, когда там обнаружила Отару.

Мою любимую Отару. Единственную любовь. Женщину, которая была для меня всем в жизни и утрата которой стала для меня незаживающей раной.

— О Рали, — вскрикнула Отара, — мне так тебя не хватало! Она бросилась в мои объятия, и пропасть бесконечных лет разлуки исчезла.

Мы обнялись.

Мы поцеловались.

И мы заплакали.

Слезы текли, как широкие речные потоки, и чем дольше мы плакали, тем веселее я себя чувствовала, а вскоре мы уже смеялись и искренне, как школьницы, радовались встрече после долгой разлуки. Вспыхнула страсть, и мы буквально вцепились друг в друга, неистово ласкали друг друга, и я почувствовала именно то страстное желание, разжечь которое во мне могла только Отара.

Затем мы двинулись в сторону постели, нашей огромной, мягкой, такой знакомой нам обеим постели, которую мы разделяли с Отарой на протяжении долгих лет.

Как только мы вплотную приблизились к ней, я остановилась. Я расколола волосы, давая им возможность упасть свободными волнами и рассыпаться по моим плечам.

— Ты всегда любила, чтобы мои волосы были распущены, — сказала я.

Отара рассмеялась. Ее голос был низким и гортанным. Мне так нравился этот смех... Потом она завлекла меня в постель и начала раздевать меня, целуя каждый участок тела, который освобождала от одежды.

Мое сердце стучало столь неистово, что ребра могли в любой момент треснуть. Тело стало ватным, мягким, податливым и восприимчивым к каждому, даже самому легкому прикосновению. К каждой ее ласке.

Но в моем кулаке была зажата, как кинжал, золотая булава.

Отара обняла меня, сомкнув свои объятия, и я почувствовала своими бедрами нестерпимо жгучий жар ее чресел.

Я в мельчайших подробностях вспомнила нашу большую любовь с Отарой, присоединила к этому воспоминанию те эмоции, которые Новари вызвала во мне с помощью заклинания соблазнения, и превратила все это в свою силу.

И я вонзила золотую булаву в спину Новари.

Она вскрикнула, и ее крик был подобен пронзительной молнии, которая опалила мой слух. Она выгнула спину, изо всех сил стараясь избежать агонии от удара волшебной булавы. Я держала крепко, стараясь вдавить булаву все глубже и глубже.

Внезапно я ощутила, что зажата огромными крыльями. Они хлестали меня по голове и бокам, как большие дубинки с перьевыми набалдашниками. Птица Лира пронзительно вскрикивала, билась, царапала и рвала меня своими когтями.

Я пыталась удержать ее, но вдруг, как взрыв, вспыхнул яркий свет, ударивший мне прямо в лицо. Я почувствовала, как на меня накатывается огромная сила, и мои руки рывком были отброшены в разные стороны. Птица Лира освободилась, я услышала громоподобное движение крыльев и почувствовала дуновение ветра, который они вызвали.

Я вскочила на ноги, наполовину ослепленная, обнаженная и задыхающаяся, держа перед собой золотую булавку.

Смутно, как будто бы сквозь туманное марево, на фоне стены я увидела мерцающие очертания Птицы Лиры. Свет пульсировал, и мой взгляд прояснился, дух Птицы Лиры превратился в Новари.

Она слабым движением коснулась стены, но потом отшатнулась, оставляя густые следы крови на стене и на полу. Кровь сильно текла из раны, струилась по ее спине и ногам, образуя внизу небольшую, но быстро увеличивающуюся лужицу.

Я вошла в облако пульсирующего света, в ускользящую тень Других Миров, и в отчаянии пыталась ухватить там хотя бы кончик моего бывшего могущества. Имея над головой защитные заклинания Новари, прикрывшие, как куполом, весь дворец, это было все равно что искать иголку в стоге сена.

Занимаясь поисками, я смогла увидеть, что шок на лице Новари сменился ненавистью. От ее обнаженного тела во все стороны стремительно летели магические искры гнева. Она собиралась отомстить, а я тем временем старалась захватить хоть сколько-нибудь магической силы и была готова отступить, как только Новари попытается поймать меня в волшебную ловушку.

Птица Лира подняла руку, и зажглась искра. Искра превратилась в шаровую молнию, которая устремилась ко мне так быстро, как будто бы была выпущена из корабельной катапульты.

С помощью золотой булавки я поставила мощное заклинание, и шаровая молния взорвалась, наткнувшись на острие. Раскаленные добела капли расплавленного металла забрызгали стены, заставили камень кое-где растрескаться, а ударная волна заклинания вернулась и поразила Новари.

Я опустила защиту, метнула в Новари огненное копье и мгновенно восстановила ее.

Но она была начеку и успела поставить свою защиту, рассеивая силу моего удара и отклоняя мое энергетическое копье.

Я не давала ей ни малейшей возможности полностью прийти в себя и двинулась вперед, швырнув магическую защиту прямо ей в глаза, точно раскаленный плазменный жгут, но Новари парировала удар.

Я приблизилась к ней, проскользнув под ее защитой, увидела, как ее глаза пылают от избытка энергии, и ударила по ним.

Новари рывком откинула голову назад, и магическая игла чиркнула по ее щеке, оставляя длинный кровавый след на прекрасной коже.

Новари вскрикнула, и я ударила еще раз, стараясь точно попасть прямо в источник ее могущества.

Но мое нападение было ослаблено, так как сильные руки грубо схватили меня сзади и резко оттащили от Новари. На меня посыпались тяжелые удары, я упала на колени. Охранников было трое или четверо. Первому из нападавших я быстро разбила коленную чашечку, но остальные сбили меня с ног.

Отбиваясь от стражников, я с отчаянием пыталась сформулировать еще одно заклинание против Новари. Я должна была ударить до того, как она восстановит силы.

Я успела наполовину создать заклинание, когда взрыв подбросил меня и швырнул на стену. Несколько тяжелых предметов больно ударили меня. Я была оглушена. Попыталась подняться, но почувствовала головокружение, дурноту и слабость. Рядом со мной валялись трупы стражников.

Новари возвышалась надо мной. Я беспомощно моргнула, глядя на нее. Ее атака полностью опустошила меня.

Новари молчала, и я слышала звук тяжело топающих сапог — это приближались другие стражники. Жест Новари — и стража подняла меня на ноги. Я безвольно свисала с рук поддерживающих меня двух охранников, ноги меня совсем не держали.

Я увидела, как мои хорошенькие служанки бросились к Новари, навзрыд плача и

причитая по поводу раны на ее щеке и вытирая струящуюся кровь. Новари молча стояла, пристально смотря на меня, пока служанки пытались остановить кровь и надевали на Новари платье.

Потом она так же молча, одним движением руки отогнала девушек в сторону и неуверенной походкой двинулась вперед. Ее шаги были широкими и медленными. Новари остановилась прямо передо мной.

— Подумать только, мне показалось, что ты мне нужна, — произнесла она.

Я не ответила. Я не смогла бы проронить ни слова, даже если бы сильно захотела.

Новари тронула рану на щеке. Ее глаза наполнились слезами. Она смахнула их движением руки. Затем сказала:

— Ты целилась мне в глаза.

Она на секунду замолкла — и я сумела различить какую-то искру в ее глазах и поняла, что Новари приняла решение. Она прошипела мне в лицо:

— Сука! — Потом повернулась к страже и сказала: — Отправьте ее в рудники. Для нее там найдется полезная работа.

Стражники повернулись и поволокли меня к выходу. Но Новари вдруг добавила:

— Да, вот еще что...

Стража замерла на месте. И превратилась в слух. Новари произнесла:

— Принесите мне ее глаз.

Новари снова потрогала правую щеку, на которую пришелся мой удар.

— Принесите мне ее правый глаз, — приказала она голосом, хриплым от ярости, — смотрите не ошибитесь. Мне нужен только правый глаз.

Глава 11. РУДНИКИ КОРОНОСА

Я не в состоянии подробно и связно рассказать о том, что произошло вслед за проигранным сражением с Новари. Те дни и недели, которые последовали, были мутной пеленой непрерывной муки и боли. Иногда мне казалось, что я лечу на какой-то сумасшедшей колеснице сквозь кошмар, которому нет ни начала, ни конца.

Я не помню, когда и как у меня вырвали глаз. Сквозь густое марево дурноты и тумана я помню только тот момент, когда осознала, что осталась с одним глазом.

Ощущение было такое, как будто я всплывала со дна илистого болота боли, отчаяния и ничтожества. Я всплыла, кашляя и судорожно глотая горячий, насыщенный пылью воздух, обжигавший легкие. Я обнаружила, что согнувшись тащусь впереди цепочки похожих на меня существ, одетых в грязные, отвратительные лохмотья. Я ощутила, что о мою шершавую кожу трется что-то жесткое, и поняла, что одета так же, как и все остальные.

Услышав рев пламени и дыхание кузнечных мехов, я попыталась повернуть голову, чтобы посмотреть, что это за кузница. Все завертелось, и я с размаху врезалась в кого-то. Неизвестный обругал меня, и я почувствовала сильный рывок и услышала звон цепей. Я пробормотала извинения, и до меня как-то не сразу дошло, что вокруг моей талии опоясана цепь и я скована ею с остальными членами моей группы. Однако ноги и руки были свободны.

Я слышала стук молотка по наковальне — медленный, размеренный звук. Снова попыталась посмотреть, что там происходит. Все окружающее казалось странным, искаженным и плоским. Мне было очень трудно определить границы предметов и прийти к заключению, близко или далеко они расположены. Я осторожно потрогала лицо. Поперек лба шла повязка, закрывающая правый глаз. Под ней я почувствовала болезненную пульсацию пустой глазницы.

Мои мысли представляли собой несвязный поток обрывков образов, порождаемых затуманенным сознанием. Про себя я забормотала:

— Мой глаз? Ага, правильно. Его забрала Новари. Она приказала, чтобы глаз

вытащили.

По отношению к своему увечью я не испытывала других эмоций, кроме вялого любопытства. Я была слишком подавлена. Находилась в шоке в результате бесчеловечного обращения.

Кто-то зарычал, как от боли. Тяжелая рука ударила меня в плечо. Я неуверенной походкой двинулась вперед, едва волоча болящие ноги. Гремя цепями, остальные последовали за мной. Еще один удар чуть не свалил меня на землю. Автоматически я огрызнулась, посылая проклятия обидчику, и в ответ услышала извинения, произнесенные невнятной скороговоркой. Я не могу объяснить, как и почему я знала, что должна действовать именно так. Но до меня уже дошло, что я нахожусь в данных условиях в течение достаточно продолжительного времени. Каким-то образом я узнала, что должна делать, чтобы выжить.

Я обливалась потом и с трудом дышала. Мой рот пересох от сильного обезвоживания организма. Я наклонила голову и осторожно осмотрелась с помощью единственного глаза. Я находилась в большой кузнице. Стены были увешаны связками гнutoго железа, цепями, инструментом. Я слышала шипение металла, который опускали в ведра с маслом для закаливания, и чувствовала запах влажных маслянистых испарений.

Кузнечные мехи возобновили работу, и мне удалось установить, где расположены горн и наковальня. Кузнец с фартуком, прожженным горячим железом и пламенем, который был надет прямо на его голое тело, раздувал мехи. По одну сторону от горна располагалась наковальня. А по другую стоял человек, одетый в чистые и дорогие одежды. Он стоял около маленького столика, где лежало несколько медицинских инструментов и грязные бинты. Это был своего рода лекарь. Когда я его увидела, я так не думала. Мое сознание в тот момент было слишком затуманено и не могло воспринять столь простую вещь. Каким-то образом я знала, что это — лекарь.

Кто-то сказал мне об этом. Я не помнила, кто и когда.

Стражник с физиономией перекормленной свиньи отомкнул замок моей цепи. Он грубо подтолкнул меня вперед, и я неуверенной походкой засеменила к горну. Меня резко одернули и заставили остановиться перед лекарем.

— Давай посмотрим твою руку, — произнес он со скучным видом.

Мне не пришлось спрашивать, какую именно руку он хочет осмотреть. Непроизвольно я подняла левую.

И ахнула. Рука заканчивалась на запястье. Вокруг обрубка на культю был намотан ком грязного тряпья, пропитанного кровью. Лекарь снял повязку, удерживавшую это тряпье, слегка размотал и, совершенно не думая о той боли, которую причиняет, резким движением сорвал его с культи.

Очнувшись, я поняла, что пристально смотрю на обрубок на месте кисти левой руки. Из обрубка торчали два металлических болта с резьбой, пропущенных насквозь, так что они заметно выступали с двух сторон.

Лекарь взял мою руку за болты, повернул туда-сюда, чтобы получше рассмотреть. Он понюхал плоть, видимо, не почувствовал никаких признаков разложения и удовлетворенно кивнул.

— Готово, — сказал он кузнецу, — на сей раз мне удалась очень трудная работа, поверьте, я знаю, о чем говорю.

Кузнец насмешливо посмотрел на него.

— Не нужно обладать особым талантом, чтобы отрубать их, — сказал он, — это доступно любому мяснику. Приделать новую руку — вот настоящая работа.

— Не прикидывайся тупицей, — запыхтел лекарь, — она будет совершенно бесполезна для вас, если ее конечность загниет, я не прав?

Лекарь отпустил руку. Я некоторое время подержала ее на весу, стараясь получше рассмотреть единственным глазом. Все мои эмоции находились в этот момент где-то далеко. Единственное, что меня удивило, — мне показалось, что я все еще могу чувствовать кисть.

Как-то рассеянно я попыталась пошевелить пальцами. Но не ощутила ничего, кроме жгучей боли.

Кузнец крепко сжал руку и, дернув за нее, заставил меня приблизиться. Я попыталась отстраниться. Стражник отвесил мне тяжелую затрещину.

— Стой смирно, сука, с тобой еще не закончили. И я подчинилась.

Кузнец внимательно осмотрел обрубок, обратив особое внимание на болты. Он смазал резьбу промасленной тряпкой, потом крикнул через плечо своему подмастерью:

— Пожалуй, седьмой размер подойдет!

Я увидела, как к стеллажам вперевалку идет хорошо упитанный молодой человек. На стеллажах виднелось множество черных металлических кистей. Перекормленный ученик кузнеца лениво перебирал их, затем нашел одну, которая, как ему казалось, могла бы удовлетворить его хозяина. Он отдал протез кузнецу, который круглым напильником снял невидимую фаску, слегка обработал кромку кисти, потом приказал ученику крепко держать мою руку так, чтобы обрубок был расположен надлежащим образом.

— Теперь замри, — распорядился мастер, — прошлый раз ты отклонился и испортил исключительно удачный протез. — Потом кузнец показал на меня и сказал, давая последние наставления ученику: — Не думай о том, что причиняешь ей боль, она — животное. У нее нет чувств, о которых нам стоит волноваться.

Ученик крепко взял за мою культю, кузнец смазал внутреннюю поверхность металлической кисти, потом с силой надвинул на обрубок, поворачивая туда-сюда и слегка покачивая. Боль была нестерпимой. Думаю, я застонала.

— Села хорошо, — одобряюще сказал кузнец, — даже не надо поправлять.

Он сильно ударил молотком по железной кисти, и она слетела с культи. Я чуть-чуть не потеряла сознание, настолько чудовищная боль пронзила меня. Должно быть, я покачнулась, потому что стражник снова ударил меня по затылку и грубо приказал выпрямиться.

Кузнец зажал кисть щипцами и, сунув ее в огонь, начал раздувать мехи до тех пор, пока в горне не заревело яркое белое пламя. Когда кисть раскалилась докрасна, он вытащил ее, положил на наковальню и с помощью небольшого молоточка подправил — объясняя при этом ученику, что делает.

Когда кузнец наконец остался доволен результатом, он снова накалил кисть докрасна и сунул ее в ведро с маслом. С резким шипением взлетело облако пара. Кузнец вытащил кисть; она была темной и блестящей.

Снова ученик крепко держал мою руку, пока кузнец наворачивал железку на обрубок. После термической обработки она была все еще очень горячей, и сквозь сильную боль я смутно осознавала, что чувствую запах паленого мяса. Я услышала, как лекарь сказал что-то насчет того, что теперь заражение практически невозможно.

Болты с винтовой нарезкой выступали из отверстий в металлической кисти. Сверху на выступающие концы наложили тяжелую железную скобку с круглыми отверстиями, и две гайки закрутили до упора и приварили по резьбе так, чтобы их нельзя было снять.

Тут я потеряла сознание.

Мне кажется, что вскоре после этого я полностью пришла в сознание и вернулась в мир реальности. Но оказалось, что мозг был затуманен. Хотя я и осознавала унижительность своего положения и двигалась как хронический наркоман.

В следующий раз, когда я приобрела способность смутно различать окружающие предметы, оказалось, что я работала вблизи очень полной женщины невысокого роста. Я помогала ей вытаскивать увесистый золотой прут из прокатного стана. Прут был настолько горячим, что еще дымился, казался мягким на ощупь. Его длина достигала трех метров. Для того чтобы удержать этот стержень, мы использовали наши металлические руки, и я была изумлена, когда обнаружила, что схватила этот предмет так, как будто бы металлическая рука была не искусственной, а настоящей. Ощущение было такое, как будто это чужая рука, которой кто-то управляет, подавая сигналы с большого расстояния.

Женщина и я перенесли стержень через широкое помещение, которое, похоже, было

вырублено прямо в скалах. Стены, пол и неровный, в зазубринах, потолок были сильно испачканы машинным маслом, жиром и копотью. В цеху было очень жарко, гораздо жарче, чем в любом другом месте, где мне приходилось бывать. Кроме того, слышался непрерывный грохот работающих тяжелых машин. Я увидела других рабов, как мужчин, так и женщин, которые передвигались по комнате, едва волоча ноги, переходили от одной странного вида машины к другой и не обращали внимания на то, что эти машины время от времени извергают струи огня и облака перегретого пара.

У всех этих людей были такие же металлические руки, как и моя.

Полная женщина и я бросили стержень на довольно большую кучу таких же стержней. Мы остановились, часто и тяжело дыша, чтобы немного прийти в себя.

Я посмотрела на металлическую руку. Согнула и разогнула пальцы, потом повела большим пальцем. Рука двигалась медленно, но очень плавно, суставы поворачивались на хорошо смазанных подшипниках. В ладони я почувствовала присутствие маленького теплого, но невидимого обычным зрением пятна и сразу поняла, что это сгусток магической энергии.

Вскоре после того, как я уловила ореол поля, излучаемого заклинанием, мои чувства стали более разнообразными, диапазон восприятия расширился — но пока чуть-чуть, — и я смогла ощутить резкий неприятный запах озона, который возникал в результате непрерывного действия мощного магического поля. Очень неприятный запах исходил от машин. Очень сильно нагретый воздух, который я вдыхала, имел отвратительный привкус.

Где-то гроыхнул тяжелый гонг, и машины замерли. Окружающие меня рабы начали неуклюже собираться в длинные цепочки, которые протянулись через нашу огромную пещеру, и двинулись к закрытым дверям. Я растерялась. Теперь я не знала, что нужно делать.

— Нам нужно идти, Рали, — сказала женщина, беря меня за руку.

Вдруг мне показалось, что женщина мне знакома. Ее имя внезапно возникло у меня в голове, выскочив, как чертик из табакерки. Я кивнула и пошла вслед за ней, спрашивая на ходу:

— Куда мы идем, Залия?

— Туда, куда мы отправляемся каждую ночь, дорогая, — ответила она. Ее голос был приятен и мягок. Таким голосом обычно взрослые разговаривают с детьми. Залия продолжала: — В наши камеры.

— Понятно, — произнесла я, хотя очень смутно представляла, о чем в действительности идет речь.

Мы присоединились к колонне рабов. Прозвучали отрывистые команды. Все — несколько сотен человек — двинулись вперед, едва переставляя ноги, — засвистели и защелкали по спинам хлысты, раздались крики рабов.

— Где мы? — спросила я.

— Я уже рассказывала тебе, дорогая, — ответила Залия, — но я расскажу еще раз. Мы находимся в рудниках Короноса.

Вскипели эмоции и прорвались сквозь наркотический дурман, который окутал меня по воле злого колдуна. Я почувствовала, как по щекам струятся слезы, и подумала — мне никогда не выбраться отсюда.

Должно быть, я всхлипнула, потому что Залия ласково потрепала меня по плечу, пытаясь успокоить. Вслед за этим все то, что казалось мне совершенно новым, все увиденное и услышанное как будто бы впервые, новые чувства и ощущения, — все обрушилось с полной тяжестью и безжалостностью, и я поняла, что меня ведут по руднику на цепи, как собаку.

Окружающая действительность представляла собой ошеломляющую череду ужасов. Молоты били по скальной породе, расплавленное золото непрерывно выливалось из труб в большие чаны, машины долбили и сверлили камень, невероятно при этом грохоча, и выплевывали из чрева огонь. Повсюду я видела работающих людей, многие из которых

стонали от боли. Иногда нам приходилось ждать, пока проходила другая колонна рабов. Однажды большая повозка, везущая руду, перегородила нам путь. Я увидела, что в нее, как выючные животные, запряжены рабы, которые тянут груз по деревянному настилу.

Наконец мы вышли в коридор, по обеим сторонам которого равномерно располагались закрытые двери. Залия проводила меня в камеру, и я без сил опустилась на каменную скамейку.

Залия пошла к ведру с водой. Где-то взяла тряпку, которую намочила в воде. Вернулась, присела рядом со мной и осторожно подняла повязку, которая закрывала пустую глазницу. Залия не спеша обмыла грязь и запекшуюся кровь вокруг раны.

Несмотря на то что я ничего не помнила, даже того, как я встретила ее, нежные прикосновения Залии показались мне знакомыми. Я почувствовала, что могу доверять ей. Каким-то образом она стала моей напарницей и, вероятно, другом.

Омыв рану, Залия аккуратно вернула бандаж на прежнее место, приговаривая при этом: — Ну, вот и порядок, дорогая.

После этого она снова пошла к ведру, на этот раз для того, чтобы привести себя в порядок.

Я внимательно рассмотрела ее, когда она приподняла свою рваную одежду, чтобы смыть с ног сажу и грязь. Способность осознавать то, что происходит вокруг, медленно, но неуклонно возвращалась, и это заставило меня еще более пристально взглянуть на Залию. Я знала, кто эта женщина. Но до этого момента мне казалось, что она была только нежным голосом, исходящим из облаков.

Залия оказалась плотной и приземистой, ее икры были толщиной с мою талию. Ее спутанные волосы отливали медью, а на круглом лице красовались маленький курносый нос и красиво очерченные губы. Вокруг Залии я увидела необычную ауру, и это обстоятельство еще больше вернуло меня к действительности.

Я попыталась скользящим движением послать щупальце магического поля, чтобы исследовать границы ее ауры. И была чрезвычайно обеспокоена, когда ничего не произошло.

Я сделала еще одну попытку. И почувствовала сопротивление, потом неизвестное заклинание, которое сдерживало мое волшебное поле, стало постепенно отступать. ,

Я усилила нажим и услышала, что рвется что-то напоминающее материю, при этом ощутила легкое дуновение — и затем меня вдруг пронзила боль. Болевой импульс выстрелил из металлической руки, ударил по локтю так, как будто бы это был удар ломом, а вслед за этим мое плечо, шея и спина были захвачены такой мучительной болью, что мой желудок взбунтовался. Меня вырвало прямо на пол камеры.

Залия быстро подошла ко мне, мягко подхватила и начала успокаивающе гладить по спине, пока мои внутренности выворачивались наружу.

— Бедняжка, — повторяла она, — бедняжка.

Через некоторое время боль и ощущение отвратительной слабости исчезли. Залия отвела меня к каменной койке и уложила на спину. Она обтерла меня, положила на лоб холодную мокрую тряпку, а потом прибрала за мной.

Я лежала молча, единственная боль, которая докучала в этот момент, была дергающая пульсация в пустой глазнице. Я закрыла здоровый глаз.

Сквозь мрак медленно дрейфовали искры и светящиеся силуэты.

Я заснула.

Послышался удар палкой по бруску железа. Я проснулась и увидела, как Залия вносит в камеру ведро с едой. Сбоку ведра болталась большая деревянная ложка с крючком на ручке.

Внезапно я почувствовала голод. Села, облизывая губы, и смотрела, как Залия зачерпнула густую желтоватую похлебку и опрокинула содержимое большой ложки в деревянную миску. Неприятного вида куски мяса зелено-серого цвета стали всплывать на поверхность, пока она мешала похлебку оловянной ложкой.

Запах похлебки был невероятно вкусным. Мой рот наполнился слюной, и я встала, чтобы найти свою миску.

— Ты не можешь есть это, дорогая, — сказала Залия, — я уже предупреждала тебя.

Пока Залия говорила это, она подносила ко рту порцию еды.

— Почему нет? — спросила я.

— Это не пойдет тебе на пользу, Рали, дорогая, — ответила она.

— Так ты же ешь это — и ничего, — довольно грубо произнесла я, дрожа, как ребенок, которому явно несправедливо не досталось то, чем наслаждается каждый.

— От этого ты станешь толстой и уродливой, — предупредила Залия, — как я.

— Мне наплевать, очень хочу есть.

— Пожалуйста, Рали, потерпи немного, — сказала Залия, — я обязательно покормлю тебя сегодня поздно вечером. Я всегда так делала.

Я лихорадочно попыталась что-либо вспомнить, но тщетно. Я вернулась к скамейке и села.

Мной овладели раздражение, обида, негодование, которые, казалось, вот-вот выплеснутся через край. Разобравшись в своих чувствах, я ощутила себя глубоко несчастной. И подумала при этом: в чем дело? Это совершенно на меня не похоже.

Дурман еще больше рассеялся, и я получила более отчетливые представления о том, что меня окружает. Дверь в камеру была открыта. С того места, на котором я сидела, я могла видеть часть коридора. Двери других камер также были открыты, и я разглядела человеческие существа, которые были заняты своими жалкими рабскими делами. Они ели, ссорились или играли в кости. Я увидела, как мужчина и женщина занимались любовью, издавая звериные звуки, они напоминали мне двух собак.

Ошеломленная, я отвернулась. Голод напомнил о себе острой резью в желудке, и я почувствовала слабость.

Я услышала шлепки босых ног по каменному полу и снова повернула голову к выходу, чтобы увидеть, как в камеру входят несколько человек и во главе их, привлекая ноги, — неуклюжий, грубый, неприятный тип.

Залия быстро взглянула на них и продолжала есть как ни в чем не бывало. Казалось, что ее большое тело полностью расслаблено и отдыхает. Но я почувствовала, как внезапно в воздухе сгустилось напряжение.

— Я пришел, чтобы услышать твой ответ, — произнес волочивший ноги густым голосом.

Брови Залии взлетели, она изобразила изумление.

— А в чем, — спросила она, — состоял вопрос?

— Ты знаешь, — пророкотал гость и ткнул толстым крючковатым пальцем в мою сторону. — Что просишь за нее? — продолжал он.

— А, так ты об этом!

Глаза Залии расширились, как будто бы она что-то внезапно вспомнила. Потом она пожала плечами.

— Мне казалось, что это дело мы давно уладили, — сказала Залия. — Рали не продается. Я не отказала тебе в первый раз только для того, чтобы набросить цену. Теперь цены нет вообще, друг мой. Если ты поймешь это, тебе легче будет спать.

Залия показала на дверь камеры:

— До свидания. Было приятно поболтать с тобой.

Она мягко улыбнулась и продолжала есть.

Но гость не успокоился — он двинулся вперед, напрягаясь и вытягивая вперед железную руку.

Прежде чем ему удалось схватить Залию, она взлетела со скамейки, со всего маху ударила миской по лицу незваного пришельца, схватила его за шею своей железной рукой. Затем резко пригнула его голову, так же быстро поднимая в этот момент колено, которым ударила его в подбородок. Залия отпустила нападавшего, и он рухнул на пол.

Теперь остальные приближались к Залии, и она подняла им навстречу свое лицо.

Гнев сорвал последние обрывки туманного марева с моего сознания, я вскочила на ноги

и бросилась на одного из нападавших. Мне казалось, что железная рука обладает огромной силой, как будто бы была рукой гиганта, и я схватила его за горло, сжимала до тех пор, пока обидчик не начал издавать булькающие звуки, а потом изо всех сил ударила кулаком другой руки ему под дых.

Я услышала, как Залия избавилась еще от одного пришельца, и в этот момент мой противник обмяк. Переполненная гневом, я продолжала сжимать его горло, а потом очень сильные руки стали оттаскивать меня назад, и я позволила врагу упасть.

Я резко обернулась, по моему лицу катились слезы ненависти, и, ослепленная ими, я попыталась схватиться с Залией. Она взяла меня в объятия и так крепко сжала, что я уже ничего не смогла сделать, и мне оставалось только молотить кулаками по ее сильной спине.

— Полегче, Рали, — сказала она, — полегче, дорогая.

Гнев иссяк, и я расслабилась. Залия подняла меня и снова посадила на скамейку.

— Подожди здесь, Рали, дорогая, — сказала она, — я скоро вернусь.

Она по одному оттащила непрошенных гостей в коридор и снова подошла ко мне. Пока она устраивалась рядом со мной, я увидела, как мужчины оглянулись и заковыляли прочь.

Залия гладила меня и приговаривала:

— Вот так сюрприз, дорогая. Я никогда не видела тебя столь агрессивной.

— Агрессивной? — переспросила я. — Эти дети сифилитичных шлюшек не знают, что это такое!

Залия вздохнула.

— Хотелось бы верить, что это признак того, что тебе становится лучше.

С этими словами Залия поднялась и направилась в свою часть камеры, присела на корточки и собрала с пола разбрызганную похлебку. Закончив с этим, она села на свое ложе и закрыла глаза. Она не спала, но я постаралась тем не менее не тревожить ее.

Так прошло около часа. Я пыталась сосредоточиться, но мне это не удалось... Так неохотно приходят в движение прижавевшие друг к другу детали долго бездействовавшего механизма. Я продолжала попытки, и чем упорнее я пробивалась вперед сквозь дурман, тем легче мне становилось. Я никак не могла разобраться в том, как попала в столь бедственное положение, но у меня уже появилось смутное ощущение, что призрачные очертания постепенно начинают вставать на свои места и приобретают четкие контуры. Я почувствовала усталость, поэтому оставила свои попытки. Впервые заметила, что свет потускнел и только несколько лампадок светилось на стенах коридора. Было тихо. Тишину нарушал храп некоторых рабов.

Голод сжигал меня изнутри, поэтому я снова посмотрела на Залию. Как раз в этот момент она начала подниматься со своего ложа. Залия довольно долго ковырялась в ведре с едой, пока наконец не выловила большой кусок зелено-серого мяса. Она прилепнула этот кусок к стене рядом с небольшим отверстием. Затем снова присела на корточки, смешно расставив круглые колени, и надолго замерла без движений, как будто бы сама превратилась в камень.

В конце концов из отверстия в стене показались подрагивающие усики. Вслед за ними высунулся острый носик. Этот носик дернулся, не учуял опасности, и через мгновение ока появилась большая жирная крыса, которая осторожно двинулась к приманке.

Железная рука Залии метнулась вперед, схватила крысу и сломала ей шею.

В этот момент я вспомнила, что очень много лет назад делала нечто подобное. Там, где это происходило, было холодно: снаружи ревел шторм, а я ловила крыс так, чтобы мои друзья и я могли выжить и не умереть с голоду.

Неясный образ, возникший в памяти, растаял.

Тем временем Залия вытаскивала из стены свободно ходящий каменный блок, показывая мне довольно вместительное секретное хранилище. Внутри его я увидела несколько небольших свертков. Залия вынула их, по очереди развернула и начала колдовать над их содержимым. Вскоре под котелком горел небольшой костер, а Залия тем временем сняла с крысы шкуру, выпотрошила ее и разрезала на несколько частей.

После того как Залия приготовила похлебку, она подала ее мне в деревянной миске, и я, голодная как волк, набросилась на нее и быстро проглотила, наслаждаясь каждой каплей, после чего до блеска выскребла миску и высосала костный мозг из крысиных костей. Покончив с едой, я почувствовала себя замечательно, теплая сытость и сила растеклись по телу.

— Что случилось с моей рукой? — спросила я. — Она у Новари, как и мой глаз?

Залия устало поморщилась и произнесла:

— Я уже отвечала тебе на этот вопрос, дорогая.

— Скажи мне еще раз, — настаивала я, — не помню.

— Ты никогда ничего не помнишь, — сказала Залия.

— Скажи, прошу тебя.

— Они отрубают руку каждому попавшему в рудники, — сказала Залия.

Кивнув, я сказала:

— Я видела остальных.

— Вместо отрубленных нам приделали вот эти, — продолжала Залия, поднимая свою железную руку.

— Хорошо, продолжай.

— Кости и все остальное, что они берут от нас, попадает к колдунам Новари. Эти вещества потом используются для того, чтобы создать заклинания, помогающие приводить в действие металлические руки. Руки рабов.

Я обдумала сказанное Залией. И пришла к заключению:

— Получается, что у Новари нет моей руки.

— Да, Рали, твоя рука не у нее. В противном случае твоя железная рука бездействовала бы. И ты была бы совершенно бесполезна в рудниках.

Мне в голову пришла свежая идея.

— Почему эта рука причинила боль, — спросила я, — когда я попыталась создать заклинание?

Залия тряхнула головой. Было похоже, что ей уже много раз приходилось объяснять мне одно и то же. Но когда она отвечала мне, ее голос был ровным и терпеливым.

— Эта рука управляет каждым из нас, — сказала она, — если ты попытаешься убежать отсюда, рука сразу почувствует, в чем дело. Она причинит тебе боль с целью заставить остановиться. Она убьет тебя, если ты не подчинишься. То же самое касается и магии, Рали. Если ты попытаешься создать заклинание, эта рука станет твоим злейшим врагом.

— Хорошо, — произнесла я, — теперь мне многое стало понятным.

— Хотелось бы верить, что это так, — заметила Залия, — все это я рассказываю тебе каждую ночь. И ты каждый раз говоришь, что понимаешь. Но к утру ты абсолютно ничего не помнишь. И вслед за этим мне опять приходится наблюдать за тем, как ты причиняешь себе боль, пытаясь создать заклинание.

— Не беспокойся, Залия, — заверила я, — на этот раз я все запомню.

Внезапно я почувствовала, что меня клонит ко сну. Я зевнула и вытянулась на скамейке.

— Конечно же, дорогая, ты все помнишь, — успокаивающим голосом произнесла Залия. Но я была уверена, что она сомневалась.

— Честное слово, — настаивала я, — обязательно все запомню.

— Ох, Рали, — сокрушалась Залия, — хотелось бы верить, что это правда. Хотела бы, чтобы ты завтра поднялась утром и рассказала мне обо всем, что ты сегодня узнала. Но я знаю, что этого не произойдет. Не произойдет еще достаточно долго.

Несмотря на то что я уже засыпала, сквозь дремоту меня пронзила мысль о том, что голос Залии выдает высокий уровень культуры и отличается музыкальностью. Он казался необычным и совершенно не к месту в этой камере и в придачу исходил из такого неуклюжего тела.

Затем эта мысль потерялась в глубинах сонного сознания, и я пробормотала:

— Вот увидишь...

И закрыла глаза.

Я заснула. Мне ничего не снилось; раз я проснулась, чтобы прогуляться в угол камеры, справить нужду. Я услышала, как тяжело дышит во сне Залия, мне поначалу показалось, что ей плохо, но я не стала беспокоить ее, вернулась на свое ложе и снова погрузилась в сон.

Прошло еще довольно много времени, прежде чем послышался удар гонга, и я быстро приподнялась и села на скамейке. Пытаясь оглядеться, я повернула свой единственный глаз в сторону Залии, которая медленно просыпалась, позевывая.

Я спросила строгим голосом:

— Думаю, будет лучше, если ты расскажешь мне, кто ты на самом деле.

Залия моргнула, окончательно разбуженная моим неожиданным выпадом.

— Я Залия, — сказала она, — так ты не помнишь даже этого?

Я ответила:

— По крайней мере, я помню то, что было вчера. Тогда ты действовала как друг. Но я не знаю этого наверняка, не так ли? Потому что из моей памяти начисто стерто все, начиная с того самого момента, когда я была приговорена к рудникам — и до вчерашнего дня, когда я очутилась в кузнице.

Залия в восторге просяяла. По крайней мере, изобразила восторг. Но в тот момент я не верила никому.

— Хвала богам! — произнесла она. — Ты возвращаешься в нормальное состояние.

Женщина начала подниматься, но я подняла железную руку и остановила ее.

— Не торопись вставать, — сказала я.

Залия подчинилась, но мне показалось, что ее глаза излучают скорее интерес, чем разочарование.

— Послушай, — продолжала я, — ты очень сильная. Я хорошо это видела. Но вряд ли найдется что-либо, что я не знала бы об убийстве, поэтому твоя сила не даст тебе особых преимуществ. Делай, как я тебе говорю, а если выяснится, что я была грубой или ошибалась, — извинения не заставят долго ждать.

— Замечательно, Рали, — сказала Залия, — сделаю все, что ты пожелаешь. И с радостью.

— Отлично.

— Не думаю, что у нас достаточно времени для выяснения всех обстоятельств, так как примерно через час за нами снова придут и поведут в шахту.

— Для начала расскажи, каким образом я оказалась в твоей компании, — попросила я. — Если к концу первого часа ты все еще будешь живой, то у тебя появится надежда на то, что я позволю тебе благополучно дожить до вечера. А вечером ты расскажешь мне все остальное.

Залия пожала плечами.

— Может быть, я почувствовала жалость по отношению к тебе, — сказала она, — ты бессмысленно блуждала, то и дело натыкаясь на стены. Впечатление было такое, как будто бы тебя накачали наркотиками. Стража ставила тебя то на одно дело, то на другое. Однажды ты чуть-чуть не упала в печь. Потом у некоторых рабов стали появляться определенные идеи насчет тебя. Думается, мне стало тебя жаль, и поэтому я взяла тебя под свою опеку.

Залия посмотрела на меня.

— Если это имеет какое-либо значение — сейчас мне жестоко мстят за симпатии к тебе.

— Так это имеет значение? — требовательно спросила я. Залия рассердилась.

— Может быть, это и не имело никакого значения. Может быть, у меня были свои собственные идеи насчет тебя. Не исключено, что я хотела сделать тебя рабыней, чтобы заставить работать на меня днем и доставлять мне удовольствия ночью. А драка, в которой ты приняла участие, произошла потому, что я защищала свою собственность.

— Это не самый худший вариант для оправдания твоих действий, — сказала я.

Глаза Залии широко раскрылись от изумления. Но потом ее изумление сменилось цинизмом.

— Так ты считаешь, что я могу быть шпионом? Что я могу работать на Новари и замышляю завоевать твое доверие, чтобы в нужный момент предать тебя?

— Это только одна из возможностей, — ответила я, — еще ты можешь быть самой Новари, я знаю, на что она способна.

— Это глупость, — отрезала Залия. Она повела своей мясистой рукой вокруг, как бы показывая мне, что нас окружает. И спросила: — Ты допускаешь, что Новари может добровольно обречь себя на подобное существование?

— Мне приходилось видеть людей, попавших в беду, — ответила я, — из-за того, что они игнорировали совершенно глупые возможности.

— Хорошо, — сказала Залия, — это не может быть проверено тем или иным способом. Для этого потребуется волшебство. А железная рука убьет тебя, если ты попытаешься воспользоваться магией.

— Тогда нам останется уповать на твои способности убеждать, — продолжала я, — еще раз спрашиваю тебя: зачем я тебе?

— Сделать все, чтобы ты поправилась, — ответила Залия, — так, чтобы мы вдвоем смогли потом отсюда убежать.

Сказав это, женщина долго и пристально смотрела на меня. Я ответила ей таким же долгим и тяжелым взглядом. Потом заявила:

— Пока достаточно. Остальное ты расскажешь мне вечером.

— А пошла ты... — прорычала Залия, — думай что хочешь. Мне все равно. Уходи. Поищи место, где тебе будет лучше. Мне с тобой больше нечего делать!

— Мы поговорим вечером, — повторила я, — а там видно будет.

День, который последовал за этим, был одним из самых странных дней в моей жизни. Меня не оставляло ощущение, что я проснулась после кошмарного сна и обнаружила, что в действительности живу в этом кошмаре. Ощущения, которые нахлынули на меня, казались одновременно знакомыми и чужими.

Начать с того, что я могла видеть только одним глазом, который искажал действительность, пока я не приспособилась и не научилась компенсировать нехватку второго глаза. Пока я была в шоке, я каким-то образом выработала привычку резко наклонять голову в одну сторону, когда мне требовалось посмотреть на что-нибудь. Потом я очень быстро вздергивала ее снова вверх, что поначалу очень сильно нервировало стражников, а вскоре они стали смеяться над моими ужимками. Их издевательства надо мной способствовали тому, что я избавилась от этой привычки.

На этом странности не кончались. Была еще искусственная кисть. Она представляла собой нечувствительный предмет, прикрепленный к культе левой руки. Металлическая рука действовала как живая: она устремлялась к предметам, когда я желала этого, брала их и отпускала по моей команде. Но время от времени рука двигалась со значительной задержкой, как будто бы мои мысли замедленно проплывали сквозь воду. Поначалу чувствовалось легкое колебание, а потом рука дергалась вперед, как если бы мои мысленные команды только что достигли цели. Иногда мне действительно хотелось, чтобы это устройство двигалось помедленнее, так чтобы я не опрокидывала предмет, который хотела взять.

Кроме того, металлическая рука была значительно сильнее, чем живая, поэтому мне приходилось быть очень осторожной, чтобы по ошибке не сломать какую-нибудь хрупкую вещь. Металлическая рука была совершенно нечувствительна к теплу, поэтому само собой разумеется, что это ее качество может быть использовано в практических целях, например, при необходимости опускать ее в чаны с расплавленным металлом или поднимать раскаленные добела заготовки. Всякий раз, когда я сталкивалась с подобными делами, я усилием воли должна была подавлять в себе страх. Я сознавала, что боли не будет, но одно — знать, а другое — делать. Стражники заставили меня настрадаться, прежде чем я

научилась преодолевать естественный страх.

Наиболее необычным было то, что все испытываемое мной сейчас я уже испытала раньше, но не сохранила в памяти. Хотя и была во всем окружающем какая-то призрачно-знакомая тень, напоминавшая мне о том, что когда-то я была привидением в этих местах.

В то время я и была привидением.

Когда пришли стражники, чтобы отвести нас к месту работы, все эти воспоминания не оставили меня, и поэтому я автоматически последовала за Залией из камеры, а потом по коридору. Мы выстроились в колонну с тридцатью другими рабами, выползшими из «кроличьих садков», как они сами называют каждую группу камер. Присоединившись, я без рассуждений приняла тот факт, что Залия встала позади меня. Каким-то образом мне это оказалось знакомо.

Осознав это, я сильно расстроилась. Как же долго я находилась в рудниках и что еще могло со мной произойти за это время?

Потом на меня обрушилось осознание той дикой и жестокой несправедливости, которую со мной сотворили, и сердце взбунтовалось, застучало по ребрам, как отбойный молоток, так что стало трудно дышать. Я чуть-чуть не потеряла сознание и вслед за этим почувствовала, как руки Залии поддерживали меня — до тех пор, пока я не смогла нормально дышать. Ритм сердца стабилизировался... паническое чувство исчезло.

В этот момент стражники выкрикнули отрывистые команды, несколько раз щелкнули кнутами, и мы не спеша двинулись вперед, едва переставляя ноги, и направились прочь от нашего «кроличьего садка».

Вместо того чтобы вернуть в кузницу, где я впервые очнулась от болезненного дурмана, колонну погнали в другое место, где находилась огромная клеть подъемника, в которую нас всех и затолкали. Мы опускались в течение, наверное, десяти минут, после чего клеть со стоном остановилась.

Дверь клетки со скрежетом отворилась, и нас всех вытолкали на подземную площадь, где, выстроившись в линию вдоль по колеям, стояли тележки, предназначенные для перевозки руды. Кувалды, длинные железные ломы и другие инструменты рудокопов были прикреплены сбоку каждой тележки. Нас разбили на группы, каждой из которых предназначалась одна тележка.

Залия помогла мне надеть кожаную ленту, к которой был прикреплен рефлектор с располагавшейся в центре лампочкой. Все остальные рудокопы были экипированы аналогичным образом.

Потом нас подогнали к тележкам, усердно работая длинными хлыстами, которые свистели и щелкали не переставая, и таким же способом заставили двигаться, волоча их вперед по грубому настилу.

Я работала приблизительно в течение часа. От нагрузки заболели ноги и плечи, дыхание было похоже на конвульсии утопающего — так сильно врезалась упряжь в мою грудь. Когда наконец был дан приказ отдыхать, мне показалось, что силы полностью иссякли. Но на самом деле это было только начало трудового дня.

Сначала нам предстояло наполнить тележки золотоносной рудой.

Вслед за этим мы должны были оттащить их к подземной площади и выгрузить в дробилку.

Потом процесс повторялся — и так до бесконечности.

Наполнение тележки рудой отнимало все силы. С помощью кувалд и остро заточенных ломов нам предстояло откалывать от скальной поверхности туннеля, где мы работали, крупные куски. Их необходимо было разбить кувалдами на мелкие части. Эти осколки надлежало насыпать в тележку.

Каждая из перечисленных операций требовала огромных затрат энергии.

Залия сунула мне в руки лом, взяла кувалду и подвела меня к поверхности скалы. Золотоносная жила была хорошо видна даже в тусклом свете факелов и ламп. Это была широкая блестящая лента шириной почти в человеческий рост. Залия показала мне, где

находится трещина в жиле, куда я должна была направить острие лома, и приказала держать лом без движений.

Я сделала, как она мне приказала, имея весьма смутное представление о том, что произойдет в следующие мгновения. Я оглянулась и увидела, что Залия отходит назад, держа кувалду на изготовку. Потом я увидела, что кувалда полетела вперед, прямо в меня, причем она казалась мне расплывчатым неясным пятном — настолько стремительным было ее движение. У меня не было времени ни на то, чтобы отскочить в сторону, ни на то, чтобы хотя бы отклониться. Вместо того чтобы ударить в меня, кувалда обрушилась на торец лома. Лом глубоко вошел в трещину рудной жилы, от нее откололся большой кусок и с грохотом упал на пол.

Залия усмехнулась.

— Видела бы ты свое лицо, — произнесла она с самодовольным видом. — Теперь ты твердо усвоила, что я могла бы убить тебя в любой подходящий момент.

Я облизнула внезапно пересохшие губы.

— Твои слова ничего не доказывают, — возразила я.

Залия рассмеялась.

— Ты права. Но они заставят тебя думать. Это был достаточно подходящий момент... Ну, хватит! Стой смирно.

И Залия отошла назад, чтобы ударить еще раз.

— Смотри не двигайся, — сказала она, — а то произойдет несчастный случай.

Она подняла кувалду.

Я не шелохнулась.

Когда день кончился, мы, спотыкаясь от усталости, вернулись на подземную площадь, где вынуждены были стоять в глубоких лотках, пока другие рабы поливали нас такой холодной водой, что казалось, она вот-вот превратится в лед. Нас окатили ледяным душем не для нашей пользы. Цель состояла в том, чтобы смыть золотой налет, который накопился на одежде и на теле в течение долгих часов добывания и дробления руды. К концу дня наши лица и одежды были покрыты сверкающими блестками. Глаза и зубы казались неестественно яркими и представляли собой довольно жуткое зрелище на фоне золотистого покрова. Промывочные лотки, в которых нас окатили ледяной водой, уносили этот сверкающий грим к мелким лужицам, где другие рабы промывали золотоносный песок, поэтому потери драгоценного металла были минимальны.

Когда я наконец добралась до нашей камеры, она показалась мне милым и почти забытым домом. Опустившись без сил на каменную скамейку, я вздохнула с облегчением и легла на спину, как будто бы подо мной был не жесткий холодный камень, а пуховая постель. Почти мгновенно я провалилась в сон. Проснулась очень поздно, похоже, что меня разбудил запах поджариваемого крысиного мяса, и когда я открыла глаз, то увидела, как Залия хлопчет над приготовлением ужина.

Несмотря на то что я до сих пор не доверяла ей, я взяла миску без колебаний, съела все до последней крошки и обсосала косточки. Поглощая приготовленную Залией еду, я внимательно изучала соседку, которая в этот момент лежала на своем каменном ложе с закрытыми глазами, сложив руки на животе. Я знала, что Залия не спит. В тот момент я подумала, что если она намеревается постепенно размягчить меня, то ей предстоит еще очень и очень многое узнать о Рали Антеро.

Покончив с едой, я спросила:

— Теперь ты расскажешь мне свою историю?

Все так же лежа с закрытыми глазами, Залия заговорила:

— Я здесь уже семь месяцев. На один месяц дольше, чем ты. Из этого срока ты находишься рядом со мной около трех.

Я была ошеломлена и спросила:

— Так долго?

Залия поднялась и села.

— Да, Рали, — подтвердила она голосом, в котором слышалось искреннее сочувствие. — Ты здесь уже шесть месяцев. Полгода, в течение которых ты была беспомощной, как ребенок.

Я смогла бы быстрее тебе помочь, но мне предстояло лучше узнать рудники Короноса, чтобы не совершить ложного шага и умело организовать помощь. Как оказалось, здесь много неписаных законов, которые раб должен соблюдать, чтобы выжить. И еще он должен ублажать тех, кто сильнее. Залия повела рукой и продолжала:

— Ты знаешь, я ведь отдала свой недельный паек в обмен на то, чтобы нас вдвоем поселили в этом дворце.

— Это ты хорошо сделала, — сухо сказала я. Залия презрительно скривила губы:

— Если ты думаешь, что я лгу, то спроси кого хочешь — и ты убедишься, что я говорю чистую правду.

— Будь уверена, я так и сделаю.

— Хорошо, ты получишь подтверждение. Она слегка потерла глаза.

— Как ты очутилась здесь? — спросила я.

— Меня захватили в плен, — ответила Залия. — Я выполняла поручение, данное мне моей королевой. Новари и ее марионетка, король Мэгон, доставляли нам много неприятностей. Но получилось так, что я была захвачена штормом. Только я одна выжила.

Залия снова потерла глаза. Воспоминания вызвали произвольные слезы. По крайней мере, создалось такое впечатление.

— Воины Мэгона обнаружили меня и захватили в плен.

— Ты видела Новари? — спросила я.

— Да, — ответила Залия.

— О чем она попросила тебя?

— Она хотела узнать, в чем именно состоит поручение, данное мне королевой, — ответила Залия, — а также подробности, касающиеся королев.

— И каков же был твой ответ? Залия криво усмехнулась.

— Как ты видишь, — ответила она, — что бы я ни говорила, это не принесло мне добра.

Я игнорировала сарказм и очень пристально на нее смотрела, ожидая, что же она все-таки скажет. Наконец Залия вздохнула и ответила:

— Я ничего ей не сказала. Новари с помощью магии пыталась заставить меня предать королеву, но королева окружила меня защитным заклинанием. Я могла создать видимость того, что абсолютно случайно забрела во владения Мэгона и поэтому невиновна. Но оказалось, что в этом королевстве невиновность такого рода влечет за собой пожизненную каторгу на золотых рудниках Мэгона. Единственным утешением для того, кто сюда попал, может служить то, что в рудниках Короноса он долго не протянет.

Я задумалась на некоторое время, пытаюсь найти способ проверить Залию. Потом я попросила:

— Скажи мне заведомую ложь.

Ее тяжелые брови ошетинились от изумления:

— Ложь? Что ты имеешь в виду?

— Новари не может лгать, — сказала я, — если ты замаскированная Новари...

Залия резко оборвала меня:

— Так ты опять!

— Да, я опять, — ответила я, — глупо или нет, это способ, с помощью которого я могу проверить тебя. Теперь скажи мне что-нибудь ложное и хорошо известное нам обоим.

— Я могу представить более убедительные доказательства, рассказав тебе правду.

— Это как?

Залия слегка наклонилась вперед и произнесла:

— Мне было сказано, что, когда я встречу тебя, мне следует упомянуть... серебряный

корабль.

Меня как ветром сдуло со скамейки. Никто, кроме богини и Дасиар, не знал, что это обстоятельство может иметь ко мне хоть малейшее отношение.

— Кто тебе сказал, что ты должна упомянуть это? — жестко спросила я.

— В моем королевстве, — ответила Залия, — мы почитаем богиню Маранонию. Прежде чем я отправилась по поручению королевы, я советовалась с ее оракулом. — После некоторого колебания Залия продолжала: — Есть то, о чем мне запрещено говорить. Но я могу тебе сказать, что мне являлась Маранония. Она предсказала, что я встречу тебя и должна буду произнести слова «серебряный корабль», чтобы представиться надлежащим образом. После чего мы сможем действовать сообща.

— С какой целью? — спросила я.

— Для того чтобы победить Новари, — удивленно ответила Залия. — Какая же еще может быть цель?

Я едва не выкрикнула: «Почему же Маранония мне не сообщила всего этого?» — но вовремя сдержалась. Богиня дала мне строгое указание, что я ни в коем случае не должна рассказывать о том, что она являлась мне. Но все-таки было чертовски обидно узнать, что она предстала перед чьими-то еще взорами и, похоже, рассказала гораздо больше.

Залия спросила:

— Маранония ведь являлась тебе, не правда ли? Я тряхнула головой и сказала:

— Не могу ответить на этот вопрос. Залия кивнула.

— Это говорит мне о том, что так и было на самом деле. В противном случае ты должна была просто ответить «нет».

Последние слова Залии я пропустила мимо ушей и произнесла:

— Теперь расскажи о побеге.

— Так ты мне поверила?

— Пока не знаю, да или нет, — ответила я, — пока что я только двинулась навстречу вере, но есть очень серьезные сомнения.

— И на том спасибо.

— Мне очень жаль, но на большее я пока не способна. Я очень подозрительна.

Рассерженное лицо Залии смягчилось. Она слегка наморщила нос и сказала:

— Думаю, что мне не следует порицать тебя. Ты так много страдала.

— Хотелось бы услышать план побега, а не слова жалости, — жестко повторила я.

— Очень хорошо. Если тебя больше устраивают факты, а не мои симпатии, — ты получишь эти факты. Учти только, что если бы не моя симпатия, то ты представляла бы зрелище, достойное жалости. Можешь в этом не сомневаться.

— Говори, что задумала, — произнесла я.

— Ну что ж, — начала Залия. — Еще до того, как меня пленили, я знала, что вояки Мэгона идут по следу. Поэтому я спрятала свой корабль. Если нам удастся выбраться из рудников и добраться до корабля, то мы без труда сможем вырваться из владений Новари. — Когда Залия продолжила, в ее голосе зазвучали нотки гордости: — Это быстроходный корабль. В открытом море никто не в состоянии догнать его. По крайней мере если я стою у штурвала.

— Далеко ли до твоего корабля? — спросила я.

— Три дня пути, — ответила Залия, — может быть, четыре. Мы должны будем двигаться на запад, пересечь озеро и достичь гор. Как только мы доберемся туда, считай, что корабль найден.

— Гладко стелешь, — возразила я, — но сначала надо выбраться из рудников. Как насчет этого?

Залия помедлила, потом неохотно произнесла:

— Я еще не сумела придумать ничего подходящего. Боюсь, что я презрительно усмехнулась, услышав это.

— И на кой черт сдался нам тогда твой корабль? Залия покраснела.

— Я была занята тем, что старалась сохранить в живых нас обоих, — огорченно заметила она. Но Залии удалось сдержать гнев, и она со вздохом произнесла: — Ты права. Я долго ломала над этим голову, но мне не пришло ни одной стоящей идеи. Иногда мне начинало казаться, что побег отсюда невозможен.

Ее признание произвело на меня необычное воздействие — во мне шевельнулась надежда.

— Должен, обязательно должен быть путь на волю, — сказала я, — если есть достаточно времени, то можно выбраться из любого переплета. Залия рассмеялась:

— Уж времени-то у нас достаточно!

— У меня нет уверенности, что у нас осталось много времени, — возразила я. — Новари может послать за мной в любую минуту. Она может вдруг прийти к заключению, что наказание, которому она меня подвергла, недостаточно. Или же она может вдруг открыть новый и более интересный способ сломить мою волю.

— Тогда имеет смысл не мешкая приступать к делу, — заметила Залия.

Я поддразнила ее:

— Что я слышу? А где же симпатия? Залия пожала плечами.

— Ты вновь заслужишь ее в тот день, когда научишься верить мне.

— Этот день может и не настать, — парировала я. Залия снова легла на спину и закрыла глаза.

— Отныне и до веку, — произнесла она, — ты можешь сама готовить себе обед.

Женщина посчитала эти слова заключительной стрелой иронии в мой адрес, пущенной на сон грядущий, но вскоре она резко поднялась.

— Я забыла рассказать тебе кое-что насчет еды, — сообщила она озабоченно. — Похлебка, которой кормят нас всех, магически обработана. Хотя на самом деле это отвратительное пойло, которое ты постеснялась бы скормить и свиньям, — колдовством его заставили приобрести вкус и запах изысканного блюда. В результате такой обработки похлебка получила свойства наркотика, к которому быстро привыкают, и те, кто хоть раз ее попробовал, не могут есть ничего больше. Она делает тебя сильной, даже упитанной. Но эта еда привязывает пленников, употребляющих ее, к рудникам. Даже сама мысль о возможности остаться без похлебки вызывает страх, который парализует волю.

Залия кивнула на металлическую руку и продолжала:

— Эта штука тоже каким-то образом влияет на нас. Делает заклинание подчинения более сильным. Непреодолимым.

— Так вот почему ты не позволяла мне есть эту похлебку? — сказала я.

Залия кивнула.

— Я взяла тебя к себе, — продолжала она, — когда ты уже привыкла к этой гадости. Мне страшно вспоминать то время, когда я помогала тебе побороть эту привычку. Думаю, именно из-за этой еды ты была беспомощна в течение столь длительного времени. И я наблюдала, что, по мере того как мне удавалось ослабить твою зависимость от нее, твое сознание постепенно возвращалось.

— А как же ты? — спросила я. — Ты ведь все это время ела похлебку без видимого страха.

— Заклинание, которое создала моя королева для того, чтобы оградить меня от опасности, — ответила Залия, — предотвращает привыкание. И еще кое-что. Если бы мы обе избегали этой еды, питаясь крысиным мясом, то стражники вскоре заметили бы, что мы не едим, как все, и обмениваем похлебку на какие-нибудь вещи. Даже одной трудно создавать видимость, что не происходит ничего необычного. Откажись от тюремной еды мы вдвоем — это стало бы невозможным.

Залия рассмеялась.

— Кстати, я не против того, чтобы немного пополнеть. Я хотела бы стать сильной. Настолько сильной, насколько это вообще возможно в данных условиях. Сила потребуется, когда мы устроим побег.

Я посмотрела на свою искусственную руку с ее уродливо торчащими болтами, выступающими с двух сторон запястья. Я припомнила ту боль, которую причинила мне эта рука, когда я попыталась создать очень маленькое заклинание. И это несмотря на то что колдовство, управляющее рукой, если верить рассказу Залии, было ослаблено моей «крысиной» диетой.

Я невольно содрогнулась, когда до меня дошло, что могло произойти, если бы Залия вовремя не разгадала загадку, связанную с баландой.

Я взглянула на Залию с восхищением, хотя внешне сохраняла ворчливость.

— Спасибо тебе, — сказала я.

Залия кивнула. Она была явно удовлетворена.

— Совсем неплохо для начала, и, кто знает, может быть, к тому времени, когда мы выберемся отсюда, мы станем друзьями.

— Поживем — увидим, — произнесла я.

— Да, — подтвердила она, — увидим, не так ли?

И с этими словами Залия отвернулась и мгновенно заснула. Несколькими мгновениями позже я последовала ее примеру и провалилась во мрак. Пока что это был единственный способ бежать из рудников Короноса.

Утром мы посмотрим, есть ли другая возможность.

Глава 12. ПОБЕГ

Когда замышляешь побег, время может стать как злейшим врагом, так и лучшим другом.

Мне приходилось разговаривать с орисситами, попавшими в плен, после того как армии удавалось освободить их, и все в один голос клялись, что пытались совершить побег с момента пленения. Однако они говорят, что, когда вы начинаете обдумывать подробности, чтобы приблизиться к идеальному плану, дни могут постепенно сложиться в месяцы, а месяцы — в годы. Освобожденные пленники в один голос утверждали, что возникает какая-то особенная летаргия, сознанием овладевает растерянность, теряется уверенность в своих силах, поэтому все идеи отвергаются слишком быстро.

Другими словами, чем дольше вы ждете удобного момента для побега, тем менее вероятность того, что у вас хватит воли его совершить.

С другой стороны, тот, кто захватил вас в плен, наиболее насторожен именно в первые дни. Попытки выбраться на волю, предпринятые в первые недели плена, почти во всех случаях обречены на провал. Дело обычно кончается гибелью беглеца-неудачника, потому что захватчик в таких случаях склонен применить жестокую кару как предупреждение остальным.

С течением времени, однако, бдительность врага притупляется. Создается впечатление, что он впадает в состояние самогипноза и приобретает уверенность, что вы ни за что не решитесь и помышлять о побеге.

Когда я очнулась от шока и обнаружила, что являюсь рабыней в рудниках Короноса, несмотря на то что я пробыла здесь долгие месяцы, воля к побегу не ослабела.

Время стало моим союзником и в результате других обстоятельств.

В течение тех месяцев, когда я прозябала в бессознательном состоянии, ежесекундно рискуя расстаться с жизнью, я не смогла в полной мере оценить тот эффект защиты от окружающего, который оно создавало. Мой эмоциональный шок в результате полученного увечья был приглушен, потому что у меня не осталось никаких воспоминаний о том, что со мной сотворили. Этот провал в памяти, кроме того, дал мне возможность преодолеть горечь и скорбь, избежать болезненных воспоминаний о погибшей команде.

Они были моими друзьями, храбрыми воинами и положили головы, служа мне. Это оставило глубокий след в душе. Но эта рана, по-видимому, частично зарубцевалась.

Думаю, что мне было дано уникальное преимущество. Теперь я не сомневаюсь в том, что Новари сознательно опустила свою магическую защиту. Конечно, такое преимущество было слишком ненадежным, но я намеревалась использовать его в полной мере.

Прошло много дней, прежде чем замаячили первые неясные контуры плана побега. В течение рабочего дня я была безвольным животным, которое могло пригодиться только для того, чтобы добывать золото в рудниках Короноса.

К концу дня мы, спотыкаясь, возвращались в камеры и падали в полном изнеможении. Мне потребовалось огромное усилие воли для того, чтобы постепенно приближаться к ясному восприятию действительности. Единственным желанием было стремление как можно быстрее погрузиться в сон. Иногда я так уставала, что возникало обостренное чувство жалости к себе, и слезы непроизвольно струились по щекам.

Я в конце концов осознала, насколько сильна была воля Залии на протяжении тех долгих месяцев, когда она ухаживала за мной. Это совсем не означало, что я стала полностью ей доверять. Несмотря ни на что, она вполне могла быть шпионом Новари. Поразмыслив, я признала, что подвергаю себя опасности, доверяясь Залии. Но, так как первый шаг к доверию был сделан, уже невозможно было сдерживать естественные эмоции — и все возрастающее восхищение Залией стало одним из доминирующих чувств. Моей главной задачей было постараться удержать эмоциональный прилив в жестких рамках, поэтому я не полагалась абсолютно во всем на женщину, которую недостаточно знала.

Независимо от этого почти сразу стало очевидно, что воля Залии столь же тверда, сколь работоспособно ее большое и сильное тело.

Однажды я была свидетелем того, как Залия спасла жизнь одной женщине, когда мы работали в плавильной камере. По какой-то неизвестной причине высокий штабель золотых стержней вдруг упал на рабыню. Несколько довольно сильных рабов попытались растащить эту сверкающую, но и смертоносную массу, освободить пронзительно кричавшую женщину, но их попытки были тщетны. Залия бросилась вперед, одним движением отстранила рабов и подняла стержни, снимая с женщины непомерный груз. Все мышцы и суставы богатырши скрипели от невероятного напряжения. К сожалению, рабыню так сильно покалечило, что она стала практически бесполезна в рудниках; несколькими днями позже стражники уволокли ее прочь, чтобы добить, как сломавшее ноги выючное животное.

Когда мы работали в качестве рудокопов, я видела, как Залия отбивала одним ударом большой кусок породы, в результате чего обнажались новые золотые жилы толщиной с ногу. Когда мы тянули тележки, нагруженные рудой, вверх по чрезвычайно крутым подземным проходам, именно Залия помогала нам с наименьшими потерями добираться до верхней части выработки, а потом служила своего рода противовесом, чтобы снова спустить нас вниз. Я потеряла счет случаям, когда кто-нибудь спотыкался, выпадал из общей связки, а Залия спасала всех от неизбежного падения вслед за несчастным в глубокую яму с отвалами.

Кроме того, Залия могла быть исключительно нежной. Например, в тех случаях, когда она промывала мою рану, каждую ночь, перед сном, мягко снимая пыль и грязь, попавшие за день под повязку, и очищая пустую глазницу такими легкими прикосновениями, что я не всегда их чувствовала. Но что было более важным, так это то, что Залия не проявляла никаких признаков страха, который наверняка могли внушать мои раны. Она занималась врачеванием так, как будто бы это было самое обычное и простое занятие на свете.

Однажды мне захотелось самой посмотреть, насколько велика моя рана, и я начала лихорадочно искать какую-нибудь гладкую отражающую поверхность, чтобы воспользоваться ею как зеркалом и не спеша изучить причиненное мне увечье. Оказалось, что в рудниках практически нет блестящих предметов с гладкой поверхностью, — все, кроме золота, было изборозжено. Но и слиток золота не подходил. Ровная, гладкая поверхность золота отражает слабо.

И вот однажды я нашла большую блестящую ложку и попыталась разглядеть себя в ее внешней поверхности, снимая при этом с головы повязку. Но Залия помешала мне, мягко, но настойчиво отбирая у меня ложку и возвращая бандаж на место.

— Ты еще не готова к этому, — сказала она.

— Я так уродлива? — спросила я. Мой голос дрожал, что меня сильно удивило.

— В этой камере только одна уродливая женщина, Рали, — это я, — ответила Залия. — Пожалуйста, потерпи еще немного. Пусть рана немного заживет.

Потом Залия спрятала ложку в тайнике, расположенном за выходящим из стены камнем.

— Немного погодя мы обязательно ее достанем, — пообещала мне Залия, — когда придет срок.

Я почувствовала себя немного спокойнее, как будто бы с плеч упал груз. Поначалу мне очень хотелось увидеть свое лицо, но оказалось, что под тонким покрывалом этого желания прячется испуг. Мне действительно было очень страшно заставить себя посмотреть в зеркало, но почти так же я боялась и неизвестности. Залия мягко, но так настойчиво, как умела только она, запретила это до того времени, когда я, может быть, стану храбрее.

И это время вскоре наступило.

Однажды ночью Залия закончила обмывать мои раны и произнесла:

— Ну вот, наши дела заметно улучшаются, Рали. Теперь ты можешь сама все увидеть. И сама во всем убедишься.

Мое сердце подпрыгнуло, когда я услышала, что говорит Залия. Но прежде чем я смогла пролепетать ответ, Залия сорвала с моей головы надоевшую повязку. Потом она подошла к тайнику и вытащила из него ложку и маленький сверток. Вернувшись ко мне, Залия развернула его и показала мне содержимое.

Это была золотая латка для глаза, которая была прикреплена к золотому ремешку.

Приладив ремешок, Залия не спеша надела латку на мой глаз, так чтобы мне было удобно. Латка была мягкой и легкой, как шелк самой тонкой выделки. Вскоре болезненная пульсация и ощущение пустой глазницы исчезли, и ко мне вернулось давно забытое ощущение полноценности.

Залия протерла ложку рукавом туники и поднесла ее к моему лицу так, чтобы я смогла поглядеться в нее. Мгновенно покрывшись холодным потом, я инстинктивно попыталась отстраниться. Мое сердце трепетало, как крылья колибри.

Но я взглянула.

Сначала лицо показалось мне незнакомым. Оно было значительно более худым, озабоченным и тревожным, чем я его помнила, а волосы превратились в спутанный колтун, похожий на грязную швабру. Потом я стала узнавать эти удлинённые черты, все еще нежную кожу и единственный голубой глаз, пристально смотревший на меня с ложки. У этого глаза был тот внимательный вдумчивый взгляд, который отличает Антеро.

Я увидела золотую латку, которая закрывала то место, где раньше был второй глаз. Пониже латки шел маленький крючковатый шрам.

— Ты напоминаешь мне пирата, — улыбнулась Залия.

Я нервно посмотрела на нее и снова вернулась к отражению на поверхности ложки.

То, что я увидела, не было столь пугающим, как я боялась.

— Очень недурно. И даже романтично, — произнесла Залия, все еще пытаюсь ободрить меня.

Но я и в самом деле подумала, в последний раз внимательно вглядываясь в поверхность ложки, что женщина права. Но я была слишком застенчивой, чтобы признать это.

— Не знаю, — сказала я. И сразу попыталась превратить все в шутку. — Я выгляжу достаточно жутко, чтобы заставить добрую половину девушек в Ориссе истерически кричать при виде меня.

Залия рассмеялась.

— А другую половину, наиболее привлекательную, заставить кокетничать с тобой. Чтобы выяснить, настолько ли заманчива ты в постели.

— Ты, безусловно, права, — сказала я, — кстати, веришь или нет, у меня тут, в Короносе, есть рудник, который я хотела бы тебе продать.

Втайне я почувствовала облегчение. Я зашла столь далеко, что даже обняла Залию и поблагодарила. Это был довольно неприятный для нас обоих момент, поэтому мы быстро отстранились.

Я потрогала латку на глазу, не переставая удивляться тому действию, которое она на меня оказывала.

— Где ты ухитрилась найти это? — спросила я.

— Я сделала ее, — ответила Залия, — в течение того времени, когда ты ходила, непрерывно тыкаясь в стены. Мне оставалось только... подождать, когда заживут раны на лице. Теперь ты смогла ее надеть.

— Сделала? — удивленно переспросила я, слегка пощупав материал. — Каким образом? И из чего? Похоже на золото. На ощупь напоминает шелк, но такого качества материала я никогда не встречала. Моя семья занималась торговлей шелком в течение многих лет. И я знаю на ощупь все сорта шелка.

— Я сделала ее из того золота, которое мы добываем, — ответила Залия.

Я была изумлена.

— Из золота? Но это совсем не похоже на золото!

— Но тем не менее это так, — подтвердила Залия. — Ты рассказала мне, что видела золотой корабль короля Мэгона, до того как тебя захватили в плен, не так ли?

— Да, — ответила я, — тогда я удивилась, как этот корабль мог так легко держаться на поверхности. Еще меня очень удивили золотые паруса, которые надувались ветром, как шелковые.

Залия показала на латку.

— Латка в точности из такого же материала. В один из ближайших дней ты обязательно увидишь, как изготавливают такое золото, — богатырша передернулась, — это самое худшее, что есть в рудниках. Скоро подойдет наша очередь. — Немного помолчав, она продолжала: — Если судить по тем сведениям, которые мне удалось собрать, технология получения этого материала была разработана в те времена, когда правил первый король Белый Медведь. Она была утрачена после того, как королевство пало.

— До того момента, пока через много веков не явилась Новари и не открыла секрет повторно, — пробормотала я.

Залия кивнула.

— Новари сделала это открытие, когда король Мэгон возобновил работы в рудниках, чтобы поддерживать военные действия, оплачивать услуги союзников и наемных армий, воевавших под его знаменем. Но оказалось, что магический процесс получения этого материала гораздо дороже, чем рассчитывали поначалу. Стоимость конечного продукта значительно превышала стоимость сырья. Сейчас же все то золото, которое мы выкапываем из земли, поступает в те древние машины, которые Новари вернула к жизни. — Залия слегка наклонилась вперед и добавила: — А для производства всего одной унции [тройская унция — основная мера веса золота, равна 31,1 г] волшебного материала требуется много-много тележек, доверху нагруженных чистым золотом.

— Еще для этого требуется огромное количество энергии, — подчеркнула я. — Мне не известен ни один колдун в мире, который на такое способен.

— Так не один же колдун... — напомнила Залия.

— Ах да, — спохватилась я, вспомнив захватнические рейды Новари, которые коснулись и моих заклинателей.

— Вещи, которые изготавливают из этого материала, — продолжала Залия, — обладают настолько необыкновенными свойствами, насколько это вообще возможно в материальном мире. Оружие никогда не ломается, и его не требуется затачивать. Щиты отражают любой удар. Огромные корабли легки, как если бы они были построены из хорошо высушенной сосны, и при этом прочны, как стальные.

— Если судить по тем количествам волшебного материала, которые мы получаем в рудниках Короноса, Новари собирается вооружить самую большую армию в истории. У нее

есть пустоголовая марионетка Мэгон, которой предстоит возглавить эту орду.

Залия произнесла:

— Как твоя, так и моя родина находится в смертельной опасности, Рали. Именно поэтому я здесь.

— Ты имеешь в виду, что именно поэтому тебя сюда послали? — спросила я.

Чуть-чуть помедлив, Залия ответила:

— Да. Истинная причина в том, что... моя королева... приказала мне исполнить это поручение.

— А не пришло ли время рассказать мне о твоём королевстве? Я даже не представляю, где оно расположено. Не знаю ни имени твоей королевы, ни ее взглядов на жизнь, ни ее целей. Неизвестно мне и то, почему твой народ почитает богиню Маранонию. Она богиня войны. А война имеет поддержку в народе только на начальной стадии. Потом проливаются потоки крови, и только солдаты и садисты могут найти в себе достаточно желания славить Маранонию.

— Я должна тебя разочаровать, — отвечала Залия. — Я не скажу тебе ни слова до того дня, когда ты поклянешься, что полностью доверяешь мне.

— Думаю, что сама богиня приказала тебе получить от меня уверения в честности, ты же рассказала мне, что Маранония являлась тебе и приказала найти меня.

Залия презрительно усмехнулась и произнесла:

— Прежде всего ты хорошо понимаешь, что я больше ничего не могу рассказать тебе о видении. Кроме того, ты знаешь, что мне запрещено говорить о том, приказала ли Маранония доверять тебе или же просто хотела, чтобы я встретилась с тобой и произнесла определенные слова, то есть «серебряный корабль».

Маранония приказала: «Когда ты встретишься с Рали, упомяни серебряный корабль. Она знает, что я имею в виду».

— Ты старательно избегаешь острых углов, как придворный политик, — сказала я, — это так, это эдак. Ты говоришь мне то, что доставляет тебе удовлетворение. А раз к тебе явилась Маранония, то она обязала тебя доверять мне.

Залия презрительно скривила губы.

— Так это именно ты рассуждаешь, как придворный политик, — заметила она. — Ты говоришь о доверии, но мне не доверяешь. Рали, доверие должно быть взаимным. В противном случае я могу поставить мою королеву и мое королевство под угрозу.

— Нет, Залия, мое слово надежно. Ты узнала мое имя, воинский ранг. Новари знает ровно столько же, сколько и ты. В подходящий момент я снабжу тебя точно дозированной информацией. И это все, мой недоверчивый друг.

Я дотронулась до латки на глазу и решила как можно мягче и быстрее ускользнуть от назревающей ссоры, хотя бы в знак благодарности за этот чудесный подарок.

— Что бы там ни было, большое спасибо тебе за это, — добавила я.

Потом я сняла латку и протянула Залии со словами:

— Ты можешь быть уверена, что, когда я буду надевать ее каждую ночь, я снова и снова буду благодарить тебя.

Удивленная моим жестом, Залия сказала:

— Оставь ее себе, и почему ты собираешься использовать ее только ночью? Я сделала ее не только для косметических целей. По большей части для того, чтобы ускорить заживление раны, предотвратить попадание грязи и инфекции. Ты поймешь, что латка обладает волшебными свойствами, она не пропускает грязь, рудную пыль и прочие вредные частицы. Ради этой латки я пошла на многие лишения и испытала бесчисленные тяготы. Кроме того, я сильно рисковала, когда добывала этот материал для тебя.

— Но ты не учиываешь, что стража моментально обратит внимание на латку, — пыталась протестовать я, — даже самый тупой охранник не пропустит ее. В конце концов, это же золото. Более того, это волшебное золото!

— Тебе стоит беспокоиться только по поводу цвета, — успокоила меня Залия, — а это

очень просто уладить. Все, что тебе необходимо сделать, — так это выбрать цвет, который тебе нравится, удержать его в памяти на мгновение — и латка приобретет такой цвет. Подумаешь о черном — она станет черной. О красном — красной. Такова волшебная природа этого материала. А так как его производят здесь с применением волшебных машин Новари, то даже наиболее чувствительный колдун ничего не заметит. Получается, что часть магической силы была не украдена, а... взята взаймы... и возвращена в другом обличье.

Я была заинтригована, поэтому спросила:

— Любой цвет, какой пожелаю?

— Попробуй, — ответила Залия.

Я сняла латку с глаза и, держась за золотой ремешок, подняла на уровень глаз. Я представила себе, что латка стала черной, и она мгновенно почернела. Я попыталась представить себе красный, зеленый и другие чистые цвета — и каждый раз окраска латки изменялась и становилась такой, как я приказывала. Потом я снова сделала латку черной — угольно-черной, что лучше всего соответствовало условиям в рудниках, и снова ее надела.

Она показалась мне более гладкой и даже более удобной, чем раньше. И я не чувствовала более потребности рывком опускать голову к плечу, чтобы получше рассмотреть предмет здоровым глазом.

— Я всегда мечтала быть пиратом, — сообщила я Залии, — теперь, по крайней мере, вид у меня пиратский.

Залия оценивающе меня оглядела. И в конце концов сказала:

— Вот чего тебе действительно не хватает, так это пары больших сережек. Это полностью отвлечет внимание от латки. Поверь, такие сережки носят только самые проникательные пираты.

Благодаря латке из волшебного золота изменилась не только моя внешность. С течением времени я стала замечать, что стала более отчетливо и объемно видеть окружающие предметы. Я больше не страдала от головокружения, если мне приходилось смотреть на что-нибудь вскользь.

Несмотря на то что у меня был только один глаз, — тот, который я потеряла, похоже, тоже служил мне. Казалось, что он непрерывно устремлен в эфир, чтобы помочь здоровому глазу сфокусироваться на предметах материального мира и представить изображение, соответствующее бинокулярному зрению.

Вскоре я дополнительно обнаружила, что способна более четко «видеть» и то, что происходит в Других Мирах.

Это произошло ночью, сразу после очередной порции крысиного мяса, когда я счищала грязь с металлической руки. В этот момент Залия уже спала. Случайно в здоровый глаз мне попала соринка, и я несколько раз моргнула.

Однако, когда я закрыла глаз, в сознании всплыло странное изображение.

Я открыла глаз — и изображение исчезло. Было ли это только плодом воображения?

Я снова закрыла здоровый глаз, и вновь возникло туманное видение. Мне удалось различить неясные линии, напоминающие часть человеческого скелета, — это была кисть руки. Я пошевелила пальцами искусственной руки и увидела, как это призрачное изображение также пошевелило пальцами.

Открыв глаза, я увидела перед собой все ту же металлическую руку. Но теперь я все-таки могла со всей определенностью почувствовать тень своей живой руки — той руки, которая недавно была частью моего тела и которая была отсечена для того, чтобы попасть в колдовское варево Новари.

Я еще раз закрыла глаз и стала поворачивать голову из стороны в сторону. Мне показалось, что вокруг меня замелькали всевозможные сверкающие силуэты. Я выяснила, что могу видеть сквозь эфир без каких-либо усилий. Для этого мне надо всего-навсего закрыть здоровый глаз, мысленно сдвинуть центр зрения, и волшебный мир тут же предстанет передо мной.

— Залия, — сказала я, — проснись!

Она резко села на своей каменной постели.

— В чем дело? — взволнованно спросила она.

— Все в порядке, — ответила я. — Мне необходимо поговорить с тобой.

Залия застонала. Она намучилась, целый день с помощью кувалды и лома добывая золотоносную руду.

— Нельзя было подождать до утра?

— Ни секунды, — ответила я.

— Так чего же ты хочешь? — спросила Залия зевая.

— Пожалуйста, расскажи мне снова, как ты сделала золотую латку, — попросила я. — В мельчайших подробностях. А пока ты будешь рассказывать, попрошу тебя крепко подумать.

— О чем?

Я показала пальцем на латку.

— Как бы нам попасть на такую работу, которая позволила бы раздобыть побольше этого материала.

Залии потребовалось потрясающе мало времени для того, чтобы выполнить мою просьбу. И это пугало.

Два раба, с которыми мы вели переговоры, с радостью схватили маленькую взятку, которую им предложила Залия. Они с готовностью согласились поменяться с нами участком работы. При этом они поклялись, что не проронят ни слова и будут по мере сил помогать нам скрывать нашу маленькую сделку. Они заверили, что будут хранить молчание, и у меня не было сомнения в том, что они сдержат слово. Грозным голосом я произнесла несколько подобающих ситуации угроз, предупредив их на тот случай, если они вдруг вздумают предать нас, но думаю, что реальной необходимости в этом не было. Этих двоих рабов мы так осчастливили...

Для меня эта сделка явилась первым шагом в понимании того, что Залия вовсе не преувеличивала, когда говорила, что предстоящая нам работа — наиболее тяжелая из всех в рудниках Короноса.

А полное подтверждение я получила на следующий день, когда стражник просунул голову в нашу камеру и крикнул:

— Двое в Чрево Ада! Антеро! Залия! Поднимайтесь! Поднимайте свои зады — и побыстрее!

Собравшись на скорую руку, мы вышли из камеры, и я, быстро взглянув на Залию, прошептала:

— Чрево Ада?

Она поморщилась.

— Это была твоя идея, — прошептала она мне в ответ, — и, пожалуйста, не забудь об этом!

Я не забыла.

Шепот Залии взметнулся надо мной, как смех дьявола, безжалостный, унижающий... А потом нас кнутами и тумаками загнали в скорбную вереницу рабов. Когда цепь присоединяли к металлическому обручу на поясе очередного раба, я слышала щелчок закрываемого замка с невероятной четкостью.

Снова засвистели кнуты стражников, и колонна медленно двинулась вперед. Рабы в других цепочках смотрели на нас, когда мы проходили мимо, с сожалением, качали головами или издевались над нашим ничтожеством.

Нас гнали приблизительно в течение часа, заставляя пробираться по замысловатым туннелям, коридорам, проходам. Несколько раз мы спускались и поднимались в клетях рудничных лифтов. Наконец, когда раскрылись двери последнего из этих лифтов, мы вышли под яркое дневное солнце. Свет был сравним с шоком от молнии.

Впервые за много месяцев я не была замурована в туннелях под многотонной громадой скал. Воздух был морозен и свеж, и я непроизвольно задрожала от запаха призрачной свободы, который принес полярный ветер.

Я услышала, как многие рабы бормочут проклятия, и почти начала ругаться от избытка эмоций, но прикусила губу, когда почувствовала предостерегающее пожатие Залии.

Охрана ответила громким ревом, бросилась к тем, кто так неосторожно подал голос, и быстро выбила из них мольбы о пощаде. Причем это было проделано с таким мастерством, что я поняла, что происшествие является довольно обычным на пути в Чрево Ада.

Для тех, кто отведал кнута, это был только первый глоток того, что предстояло нам всем впереди.

Нас погнали, как стадо баранов, через большую площадку, которая упиралась в почти отвесные скалы, вздымавшиеся над нашими головами. Площадка была вся испещрена деревянными настилами, и по этим настилам рабы непрерывно катили тачки.

Наш путь лежал через всю площадку к усыпанной булыжниками дороге, которая извилисто спускалась к подножию скал.

Когда мы вступили на эту дорогу, на некотором удалении я увидела храм Медведя, доки, хорошо видные на фоне замерзшего озера, а также корабли со вздымающимися парусами, которые неслись по льду. Небо над головой было искрометно-прозрачным и ярко-голубым.

Эта панорама вызвала во мне почти непреодолимое желание вырваться из плена, даже если для этого потребуется перепрыгнуть через окружающие нас невероятно высокие скалы.

Залия вцепилась в мою руку, и я постаралась как можно глубже и равномернее дышать, чтобы успокоиться.

Приводя в порядок эмоции, я вспомнила, что уже видела эту площадку и скалы, но с другого направления. Взглянув на озеро, вдаль я увидела знакомый скалистый берег, на котором когда-то пряталась с командой и впервые наблюдала за рудниками и плавильнями Короноса.

Снова взглянув на доки, я заметила, что там нет золотого корабля короля Мэгона. Я догадалась, что он отправился дальше, и подумала о том, не вернулась ли Новари вместе с королем в столицу.

Размышления о Новари позволили мне немного успокоиться, и вскоре я была в состоянии плестись с остальными. Внешне я ничем не отличалась от обычного отупевшего раба, бредущего по воле погонщика, однако внутри меня все кипело от любопытства, я внимательно смотрела по сторонам, стараясь запомнить каждую полезную деталь, которая впоследствии может понадобиться.

Когда мы прошли один из поворотов дороги, я увидела, как над городом возвышается храм Медведя. Казалось, город спит. Более того, казалось, что он пуст. Вслед за этим я почувствовала жужжание магического поля и поняла, что колдуны снова приступили к работе. Однако Новари с ними не было. Я бы моментально ее почувствовала. Я удивилась: где же она? Что замышляет?

До подножия скал была приблизительно миля пути, столько же — до цели нашего скорбного путешествия.

Фабрика, куда нас гнали, была сооружена из простых, грубо обработанных каменных блоков. Нас направили к большим двустворчатым воротам. Строение было длинным и исключительно низким, но, как только мы вошли внутрь, я заметила, что основная часть сооружения располагается под землей. Я насчитала всего шесть этажей, пока мы спускались пролет за пролетом под землю, чтобы попасть наконец в главный цех.

Это было страшное место. Тусклый свет и неестественные, наводящие суеверный ужас оранжевые отблески, благодаря которым казалось, что все здание ритмично пульсирует, будто бы за его стенами бьется гигантское сердце. Непрерывно доносился звук, напоминающий то рокот огромного барабана, то резкий треск раскаленного металла,

падающего в воду, — такие удаленные, что казались исходящими из Других Миров.

Мы брели по огромным помещениям дьявольской фабрики, в которых стояли связки золотых мечей, копий и щитов. Я могла чувствовать излучение магического поля, исходящее от оружия, и быстро догадалась, что оно изготовлено из того же материала, что и латка. Однажды мы подошли очень близко к куче волшебных мечей, и я метнула быстрый завистливый взгляд на острые лезвия. Импульс, побуждавший меня броситься к куче, схватить оружие и лечь костями в бою со стражей, был настолько силен, что я испытала физическую боль.

Этот импульс внезапно сменился тревожным предчувствием, что все это волшебное оружие может вскоре быть направлено против моего народа. Тревога заставила меня идти быстрее. Пора действовать, и не мешкая.

Задумавшись, я врезалась в раба, идущего впереди меня, и он огрызнулся:

— Куда спешишь, сестренка? Не ведала, знать, Чрева Ада? Там нет похлебки, усекла?

Я сбавила темп, но продолжала, осторожно поворачивая голову, изучать военный потенциал противника, и моя тревога возрастала.

На шестом, последнем, уровне мы приблизились к огромным золотым воротам в скале. От ворот исходило такое ослепительное сияние, они выглядели столь чистыми и отполированными, что я быстро догадалась — они были сделаны из волшебного материала Новари.

Мы остановились перед воротами, стражники отмыкали замки и освобождали рабов из общей связки.

— Рали, — донесся до меня свистящий шепот Залии, — пока мы здесь, ты будешь делать только то, что я тебе скажу.

Я кивнула. Два огромных, обнаженных по пояс раба, которые обливались потом, с усилием открыли ворота.

Удар горячего воздуха чуть не сбил меня с ног. Я поперхнулась, почувствовав отвратительную кислотную вонь. Горло быстро начало гореть, губы пересохли.

Прежде чем я успела собраться с духом, нас пинками и тумаками затолкали внутрь. Вне себя от ярости, я увидела, как стража быстро вышла наружу. Охранники крикнули, чтобы мы приступали к работе, и с размаху захлопнули ворота. Мы оказались взаперти.

В Чреве Ада было настолько жарко, что работать, тем более с напряжением, там было возможно не более часа. По истечении часа рабов меняли. Они отдыхали в течение часа, пока другая команда страдала внутри. Затем их снова загоняли обратно в адскую кузницу. Рабы трудились до полного изнеможения. За сменой команд следили специально обученные охранники, которые меняли людей. Потом другие рабы отводили нас туда, где мы могли немного восстановить силы, пока вторая группа не приступала к работе. Во время отдыха нам давали обильное питье. Вода была холодной. Мы могли утолить жажду и умыться. Это не являлось благородным жестом со стороны хозяев. Это была жестокая необходимость. Если бы не отдых и не холодная вода, мы быстро бы поумирали. Кто бы тогда выполнял адскую работу?

Помещение, где мы работали, было огромным, наполненным машинами, изрыгающими огонь и дым. То и дело мимо нас ковыляли рабы, с усилием тащившие деревянные платформы на роликовых катках. Платформы доверху были нагружены длинными, толстыми стержнями, сделанными из обычного золота.

Эти стержни потом перетаскивали к огромным машинам, которые занимали почти половину кузницы. Стержни загружались на широкий, грохочущий цепями конвейер, формой напоминающий лоток для промывания золотоносного песка; конвейер уносил стержни прямо в огнедышащую утробу машины.

На выходе вместо золотых стержней на конвейере лежала тонкая пленка блестящей пыли.

Именно из этой пыли, как позже рассказала мне Залия, и производился волшебный материал Новари. Из него и был построен золотой корабль Мэгона, сделано его оружие и

моя замечательная латка.

Рабы двигались вдоль конечного звена конвейера, волоча на катках большие, но складные мехи, создающие обратный поток воздуха. Гибкими шлангами рабы отсасывали с конвейера золотую пыль. Она попадала в большие кувшины серого цвета, которые были сделаны, как мне позже рассказала Залия, из сахара. Эти кувшины направлялись в другой цех, где сахар испарялся, а пыль превращалась в тонкий золотой лист, который можно было шить и кроить так, как будто это была обычная материя, а также обрабатывать, придавая ему любую форму, как обычному металлу. Мечи, к примеру, были сделаны из множества слоев путем последовательного наворачивания одного слоя на другой, до тех пор пока лезвие не становилось прочным и упругим.

Помещение, в котором мы находились, я рассматривала урывками, на миг отрываясь от однообразной и мучительно тяжелой работы, которую боги, похоже, специально создали для осужденных. Под присмотром Залии я нагружала и сгружала золотые стержни. Помогала отсасывать пыль и относить наполненные сахарные кувшины, которые оказались удивительно легкими.

Нестерпимый жар и грохот машин отбирали всю энергию до последней капли, и очень скоро мне начало казаться, что я плаваю в горячей овсяной каше. Требовалось значительное усилие даже для того, чтобы поднять руку, не говоря уже о предельном напряжении, которое было необходимо, чтобы приподнять смертельно тяжелые стержни. Мне доставалось вдвойне по сравнению с остальными, потому что волшебная пыль, изготовленная машинами Новари, опалила мои чувства, иссушила их непрерывными энергетическими ударами магического поля.

Каким-то неведомым мне самой способом я сумела преодолеть это мучительное ощущение. К концу дня один из рабов не выдержал. Это был тот самый парень, который обругал меня за то, что я так неразумно спешила в ад. С ним случился апоплексический удар перед самым концом заключительной смены. Раб шлепнулся на пол и оставался там до тех пор, пока один из стражников нехотя не приблизился и не оттащил его прочь. Когда я попыталась пожать на прощание его руку, он испустил дух. Это был очень длинный вздох. Мне показалось, что в нем слышалось облегчение.

Когда я услышала его, то подумала: «Может быть, боги не оставят тебя, брат. Независимо от того, куда попадет твоя душа, там не может быть хуже, чем здесь».

Нас обработали химическим препаратом, от которого щипало в носу, а кожа покраснела так, будто мы неделю находились под солнцем пустыни.

Последний вздох умершего раба еще долго отдавался в моем сознании после окончания рабочего дня, когда я, едва волоча ноги, добралась до камеры и без сил рухнула на каменную скамейку.

Я услышала, как Залия слегка застонала, опускаясь на каменное ложе.

— Теперь скажи мне, ради всех святых, которые прокляли нас и забыли, — простионала она, — ты придумала копать наши могилы все глубже и глубже?

Я вскочила с постели, стараясь размять совершенно одеревеневшие мускулы, о существовании которых я забыла, переступив порог Чрева Ада. Но душевное равновесие быстро возвращалось, поэтому вместо ответа на причитания я ухитрилась изобразить улыбку и произнесла:

— Глянь-ка сюда, друг мой.

И протянула Залии кисть здоровой руки. Глаза Залии расширились, когда она увидела золотую пыль, набившуюся под ногтями.

— Получится симпатичная маленькая кучка, когда я почищу их, — сказала я.

— Мне казалось, что ты хочешь раздобыть кусочек конечного продукта, — озадаченно произнесла Залия.

— Хотела, — сказала я, — но я вовремя сообразила, что он не сможет послужить мне так, как я задумала. Кроме того, для моей цели потребовалось бы очень много готового волшебного металла. Новари или один из ее фаворитов обязательно заметили бы пропажу.

— Ты собираешься пустить в дело именно пыль? — спросила Залия, как-то очень недоверчиво глядя на меня.

— Да, — ответила я, — но предстоит совершить не менее дюжины походов в Чрево Ада, чтобы набрать достаточное количество пыли.

Залия ошеломленно спросила:

— Двенадцать?

— Может быть, и больше, хотя надеюсь, что этого не потребует.

— Ради богов — нет, — умоляюще выдохнула Залия, — ради всех богов прошлого, настоящего и будущего, если у нас вообще будет какое-либо будущее.

Я рассмеялась, пытаясь перевести спор в шутку, но мой смех прозвучал в тишине.

Позже, когда я извлекла золотую пыль из-под ногтей, кучка получилась удручающе маленькая.

Как и опасалась Залия, нам потребовалось спускаться в Чрево Ада более двенадцати раз, для того чтобы наконец получить желаемое. Думаю, что мы отработали там вдвое больше смен, а каждый час, проведенный у горнов, был пыткой, которую я не люблю вспоминать.

Я утешала себя тем, что осталась жива, хотя нынешний мой опыт был достоин только проклятий. Одно меня удивляло — почему Новари оставила меня в живых.

Может быть, она чувствовала себя в большей мере отомщенной, обрекши меня на это жалкое существование? Сколько еще времени она будет наслаждаться моим унижением? Кроме того, если Новари решила использовать рудники Короноса для того, чтобы сделать меня податливее, так чтобы я в конце концов подчинилась ее воле, то когда же она наконец явится ко мне? Роилось много вопросов, каждый из которых был, по сути дела, вариацией на тему: удивление тем обстоятельством, что я до сих пор жива.

У Залии до сих пор была иная версия происходящего.

— Не исключено, что Новари не может убить тебя, — предположила она, — по крайней мере, не причинив вреда самой себе.

Поначалу я восприняла такое предположение с иронией.

— Не думаю, что ты права, друг мой. Новари в состоянии в любой момент и без особенного труда прикончить меня. Ведь однажды она чуть-чуть это не сделала, после того как я неудачно атаковала ее. В результате ответного удара Новари были убиты несколько ее слуг. Новари послала в меня смертельное заклинание, а так как я в тот момент находилась на воспринимающей стороне, то я могу поклясться на любом святом предмете, который ты выберешь, что это было разящее заклинание, нацеленное точно в меня.

— Да, понимаю, — произнесла Залия, — но сначала ты атаковала ее, — и это доказывает только то, что Новари в состоянии защититься от твоих ударов. Но я все-таки не исключаю, что ей запрещено — может быть, над ней довлеет какое-либо проклятие — действовать прямолинейно. Она не может приказывать тебе умереть. Но она способна создать такие условия, которые гарантированно приведут тебя к гибели.

— Такое возможно, — признала я, — но маловероятно.

— Думаю, что этот довод ничуть не хуже всех твоих предположений, — возразила Залия. — У меня было гораздо больше времени, чтобы изучить Новари. Если уж на то пошло, именно моему королевству угрожает непосредственная опасность.

Я вскинула свой здоровый глаз на Залию.

— Твоему королевству? — спросила я.

— ... Я имела в виду — моей родине, — немного невпопад ответила Залия и тут же уточнила: — Владениям королевы Салимар.

— Ага! — торжествующе произнесла я. — Вот как, оказывается, зовут твою королеву. Черт бы тебя побрал, Залия, наконец-то я умудрилась из тебя что-то вытянуть!

Она покраснела.

— Так что из этого, я и так собиралась тебе все рассказать. Я возликовала:

— Пра-виль-но!

Залия замолчала и больше не проронила ни слова.

Я знала, что моя победа была детской забавой. Но в рудниках Короноса она показалась мне очень приятной, почти как те победы на полях сражений, которые я знавала в прежние времена. И я испытала настоящую детскую радость, когда поняла, насколько Залия была инфантильна, когда жалобно захныкала, что все равно собиралась все рассказать.

Ну что ж, женщина, теперь моя очередь посмеяться над тобой.

Моя очередь посмеяться.

Накапливая золотую пыль, я собирала также информацию о рудниках Короноса.

Почти сразу я обратила внимание на то, что охрана рудников организована из рук вон плохо. Конечно, повсюду стояла стража. Нас часто сковывали цепями, в особенности когда мы выходили из рудников на поверхность, подгоняемые в Чрево Ада.

Тем не менее мне казалось, что причина, по которой нас приковывали друг к другу, не имела никакого отношения к возможности побега. Искусственная рука моментально остановит любого раба, даже самого одержимого. В дополнение к этому была еще заколдованная похлебка, к которой все рабы, кроме Залии и меня, имели необоримую привычку. Нет, цепи предназначались в первую очередь для того, чтобы предотвратить нападение на охрану, а также любые попытки причинить вред себе, когда перед глазами маячит мираж свободы и начнется бунт.

По большей части мы были предоставлены самим себе, в особенности тогда, когда находились в камерах, где нам было позволено без свидетелей питаться и спать. Кроме того, было довольно просто пройти в соседние камеры. Для этого требовалось всего-навсего миновать нескольких стражников, охраняющих наш «кроличий садок», которые обычно едва достаивали раба сонным взглядом и вялым жестом разрешали пройти. Много раз на протяжении суток эти охранники отлучались на короткие промежутки времени по своим делам, часто спали. Никому до этого не было дела. Металлическая рука, намертво привернутая к запястью раба, предотвратит любое мало-мальски серьезное неподчинение.

Никто из охранников вовсе не собирался обращать внимание на «старожилов». Отбор был столь жестким, что выжившие в течение года отличались, по-видимому, необыкновенной приспособляемостью. Старожил мог говорить уголком рта так, чтобы не быть услышанным и увиденным никем, кроме собеседника. Старожил знал, как принимать удары кулаком и кнутом, чтобы последствия были минимальными. Старожил знал, как урвать несколько секунд для отдыха, как отслеживать настроение охраны, и точно знал, когда можно «закосить», то есть демонстративно уклониться от работы. Он знал систему. И система работала лучше всего, если раб уворачивался от ударов, внимательно выжидал удобного момента для того, чтобы урвать побольше еды, получить более удобные условия для работы и отдыха, улучшить качество рабской жизни. И все это в конце концов сводится к тому, что раб обеспечивает себе дополнительный срок жизни, секунда за секундой.

Точно так же — крупинка за крупинкой — я отбирала у Новари волшебное золото.

Собирая волшебную пыль, я сделала небольшое приспособление. Это была обычная крысиная кость, длинная, тонкая и довольно прямая. Я вычистила костный мозг, поэтому кость стала полностью пустой. Затем я отполировала ее внутреннюю поверхность с помощью грубой нитки, которую вытащила из своей робы. Много ночей подряд я неутомимо стачивала кость изнутри, пока ее стенки не стали тонкими, как бумага. Залия с любопытством наблюдала за мной. Но вопросов не задавала, так как знала, что я не отвечу ни на один из них. Вскоре она потеряла интерес к моему однообразному занятию.

Дасиар была права. Настоящему колдуну секреты раскрываются так же просто и естественно, как и эфир, которым он управляет.

Однажды ночью я вернулась из Чрева Ада такой изможденной, что даже не имела сил поесть. Удары магического поля со стороны дьявольской кузницы в тот день были особенно интенсивными, и мои мозги к концу дня стали похожи на раздробленную руду, которую мы нагружали на желоб.

Я заснула, не успев даже вычистить из-под ногтей драгоценную пыль. Не успела я вытянуться на каменном ложе, как надвинулся мрак и унес меня в неизвестные дали.

Я покачивалась на волнах сна, но без сновидений, в течение довольно длительного времени.

Потом в мирную дрему ворвался заглушённый крик. Он был слабым, как отдаленное эхо, в нем чувствовалась боль, как в криках, которые мы слышали, входя в Чрево Ада. Во сне у меня возникло внезапное желание разобраться, в чем дело, найти того, кто кричал, и успокоить. Я протянула вперед здоровую руку — руку с золотым налетом под ногтями — и почувствовала, как меня захватило мощной силой притяжения, как обычно луна подхватывает воды морей и создает приливы и отливы.

Я позволила этой силе завладеть мной, мое астральное тело свободно взлетело и зависло над дремлющим телом.

Снова я услышала слабый крик. Астральное тело двинулось в ту сторону, откуда он доносился, проплыло сквозь каменные стены. Его движение напоминало свободный подъем со дна глубокого пруда.

Рывком я выбралась на поверхность и очутилась под полной луной. Почувствовала, как луна упруго тянет меня за руку, вытянула ее и увидела, что все пальцы светятся. Я с восхищением посмотрела на яркий свет, исходящий от них, и ощутила, что нарастает энергия.

Будучи совершенно невидимой для спящей охраны, я поплыла по направлению к скалам и достигла Чрева Ада. В ярком лунном свете Чрево Ада казалось черным, оно выглядело как какой-нибудь айсберг, оторванный штормом от огромного ледника. Адская кузница притягивала меня значительно сильнее, чем луна. Я плавно спустилась, как призрак прошла сквозь каменные стены и металлические двери и наконец добралась до огромной машины Новари.

Помещение, в котором она находилась, было пустым, конвейер замер. Но магическое пламя продолжало реветь, притягивая меня к мерцающей границе, которая отделяла материальный мир от эфирного.

Тут я остановилась. Меня отталкивал почти непреодолимый поток магической энергии.

В который раз я услышала вскрик. На этот раз мне показалось, что кричали ближе. К первому голосу присоединился второй, потом третий, четвертый... пока не возник целый хор истязаемых душ, вызывающих из ада.

Я закрыла здоровый глаз и обнаружила, что способна видеть сквозь магический занавес. Это напоминало взгляд через телескоп в Другие Миры.

Сначала я увидела сплошной шторм пламени, потом видимость стала более контрастной.

Там оказалось множество, может быть, даже сотни душ, извивающихся в агонии. Их лизали желтые, зеленые и голубые языки пламени. Несчастные были намертво прикованы к месту длинными волшебными цепями, которые бесполезно было пытаться разорвать. Некоторые из попавших в адскую машину боролись с кольцами цепей, как Лаоокон с удавами, но жалобно хныкали и просили, чтобы их освободили. Там находились души мужчин и женщин, а также волшебных существ. Все они кричали и стонали от непереносимой боли.

Я быстро догадалась, что раньше все эти люди были колдунами или обладали магическим биополем. Цепи представляли собой те заклинания, которые создала Новари, чтобы удерживать плененные души.

Сейчас все эти обладающие магическим даром души являлись рабами Новари. Они работали в созданном с ее помощью аду. Точно так же, как я работала в ее рудниках. Но, клянусь богами, здесь было хуже. Хуже, чем я способна выразить словами.

Одна из жертв Новари увидела меня и стала кричать громче. Я более пристально взглянула на нее с помощью божественного глаза и с изумлением увидела лицо Сирби.

Потерянный заклинатель нашелся!

Он сделал попытку приблизиться ко мне, непрерывно выкрикивая мое имя. Я хотела помочь ему, но не могла допустить, чтобы и меня затянул и поглотил этот личный ад Новари. Сирби до предела натянул цепь, изо всех сил пытаюсь подойти как можно ближе.

Потом он вскрикнул и из последних сил бросился ко мне, но вскоре туго натянувшаяся магическая цепь остановила его. Сирби, похоже, свисал с нее перед самой мерцающей границей миров. Он был теперь так близко от меня, что, будь это в реальном мире, я могла бы протянуть руку и дотронуться до него.

— Спасите меня, госпожа Антеро! — закричал он. — Спасите меня!

— Я бы обязательно это сделала, если бы могла, друг мой, — сказала я как можно мягче. — Но не буду причинять тебе дополнительную боль, давая невыполнимые обещания. Я не уверена даже в том, что смогу спастись сама.

Несмотря на страдания, которые испытывал Сирби, лицо его внезапно приобрело хитрое выражение.

— Я могу быть очень полезен для вас, госпожа Антеро, — произнес он, — мне известен план Новари.

Я уже стала забывать, насколько болтлив может быть Сирби. И немало удивилась тому, что когда-то доверяла ему.

— Тогда расскажи мне, в чем состоит этот план, — попросила я, — это знание поможет мне освободить тебя.

— Нет, на этот раз вы не сможете так легко обвести меня вокруг пальца, — ответил Сирби.

— Зачем мне это делать? — удивилась я. — Ты же один из моей команды.

— Потому что я предал вас, — произнес он с едва заметной краской стыда на щеках, — и я предал Ориссу.

— Тебя заставили это сделать. Я не буду использовать против тебя твое предательство.

Сирби опустил голову.

— Я был слаб, — сказал он, — и испуган. А она обещала... обещала...

— Ты не обязан рассказывать мне о том, какие обещания дает дьявол в облике женщины, Сирби. Хотела бы я, чтобы тебя нельзя было так просто соблазнить. Но большинство из нас не так сильны, как представляется поначалу. Я, к примеру, вовсе не берусь судить, какое испытание может выдержать кто-нибудь, кроме меня.

— Я не трус! — запротестовал Сирби. — Вы не можете так думать обо мне.

— Не имеет особенного значения, трус ты или нет. Поведай мне план Новари, и все твои грехи будут стерты. По крайней мере для меня.

Сирби помедлил, призрачно покачиваясь на волнах магического биополя сразу за мерцающей границей. Вслед за этим адское пламя взметнулось выше, крики стали более пронзительными, за цепь, удерживающую Сирби, кто-то изо всех сил дернул. Он выгнул спину, пытаясь сопротивляться и стараясь остаться на прежнем месте.

— Я расскажу вам! — визгливо прокричал Сирби. — Но вы должны будете освободить меня... после этого.

— Быстро, — приказала я, — а то будет слишком поздно.

— Эта машина является основным источником могущества Новари, — бормочущей скороговоркой начал Сирби, — вся ее магическая сила исходит именно из этого ада. В него Новари отправляет каждого колдуна, каждую ведьму, любое живое существо с магическим биополем, которое удастся захватить. Новари может почерпнуть энергию из этой машины по своему желанию, в любой момент и независимо от того, где она находится. Каждый день все новые и новые души присоединяются к нам и становятся топливом для этой адской машины, делая Новари все сильнее и сильнее.

Мне не надо было гадать, для чего Новари понадобилась столь большая энергия. Все те, кто встает на подобный путь, являются сумасшедшими или параноиками. Чем больше возможностей они получают, тем жаднее становятся. В сочетании с непрекращающимся зудом дьявольского соблазна, который поглощает все эмоции и превращает их в чувство

самоудовлетворения, все это породило экстраординарного из всех правителей — Новари, Птицу Лиру.

— Она не знала о существовании... Ориссы до тех пор, пока... я не рассказал ей, — продолжал Сирби. Мне показалось, что ему стыдно, он говорил неуверенно, запинаясь, как будто бы это было очень мучительное признание. — Ничего важного... Но Новари заинтересовалась... когда услышала обо всех тех... тех... открытиях, которые были сделаны в Ориссе.

— Орисса очень далеко, — сказала я, — Новари предстоит сразиться еще с очень многими другими королевствами, прежде чем нашему народу придется столкнуться с ней лицом к лицу.

— Нет, нет и еще раз нет, — взвыл Сирби, — это совсем не так! Новари замыслила другое — сразу напасть на Ориссу. Для этого она собирается создать портал, что-то вроде ворот в пространстве. Я точно не знаю, не уверен. Задумано так, что проход должен привести прямо в Ориссу.

— Так почему же Новари до сих пор не сделала того, что задумала? — спросила я.

— Она не может, — ответил Сирби, — есть другое... королевство или другое препятствие... на ее пути... Могущественная королева. Она заблокировала усилия Новари. Новари показалось, что ей удалось победить эту королеву, но она исчезла. Новари не знает, где теперь эта королева. И поэтому боится атаковать — до тех пор, пока не найдет ее или же не соберет достаточно душ для того, чтобы ударить напрямик и захватить Ориссу.

Немного помолчав, Сирби продолжал:

— Я попал сюда... хм... совсем недавно. Может быть, неделю назад. Но, боже мой, я чувствую себя так, как будто нахожусь «здесь тысячи лет!»

— Вот как? — спросила я, почувствовав, что жалкое подобие нарождавшейся было симпатии улетучивается, — только неделю, я правильно поняла? И что же ты сделал, друг мой, чтобы навлечь на себя гнев Новари?

— Она просто не... она сказала, что больше не... Я имею в виду, что стал ей бесполезен. Поэтому она швырнула меня в ад. Протянула указательный палец, и я молниеносно оказался здесь. Но я думаю, что Новари постепенно овладевает отчаяние, госпожа Антеро. Королю приходится без конца совершать набеги и захватывать колдунов и ведьм то вблизи от его владений, то вдалеке, чтобы насытить утробу адской машины. По этой причине Новари и бросила меня сюда. Ей необходимы и мои способности заклинателя. А живой я не очень нужен.

— Скажи мне вот что, друг мой, — попросила я, — почему меня нет тут, рядом с тобой?

— Потому что вы — Антеро, — ответил Сирби, скрипя зубами не от боли, а от плохо замаскированной ненависти. — На самом деле именно вы должны были в числе первых попасть сюда. Новари сказала мне, что у вас есть некоторые возможности, с помощью которых вы не допустили этого. Некоторая очень древняя сила, которая может передаваться только через кровные узы, от родственника к родственнику, из поколения в поколение. Новари призналась... что она была... ранена... в первый раз, когда она по-настоящему столкнулась с вами.

Я припомнила атаку Новари, которую она предприняла на мои сны, пока я находилась в подземной тюрьме, вооруженная лишь косточкой ящерицы. Теперь я знала наверняка, что, когда наотмашь била осколком бокала по изображениям моего брата и Омери, я ранила Новари.

Я представила, как ей было больно. И это доставило мне удовольствие.

— Это все, что я знаю, — закончил Сирби, — теперь вытащите меня отсюда. Вы обещали.

— Как только у меня появится такая возможность, друг мой, — сказала я.

В этот момент за магическую цепь Сирби еще раз очень сильно дернули, и его отшвырнуло назад, туда, где неистовствовало адское пламя.

Заклинатель вскрикнул, пытаясь из последних сил вернуться к границе.

— Пожалуйста, госпожа Антеро! — взвыл он. — Спасите меня. Скорее!

— Не могу! — прокричала я. — Не могу!

Волшебное пламя разгорелось яростнее, чем раньше, и Сирби силой втащили в него. Когда его бросило в массу корчившихся в адском пламени колдунов, он завизжал от боли и страха.

— Я попытаюсь! — еще успела крикнуть я. — Попытаюсь! Вслед за этим я проснулась и увидела, что Залия сжимает меня в своих могучих объятиях, а я неудержимо плачу, уткнувшись лицом в ее плечо.

Полностью придя в себя, я рассказала Залии о том, что произошло. Она выслушала меня, не задав ни одного вопроса, как бы принимая, что все это являлось реальным, хотя и произошло во сне. Закончив рассказ, я спросила как можно мягче:

— Ведь это о твоём королевстве говорил Сирби, не так ли? Именно поэтому твоя королева — королева Салимар — послала тебя сюда.

— Да, Рали, это так, более того, я не из этого мира, если именно это ты хочешь услышать. Мое королевство находится в другом... измерении — мне на ум приходит только такое слово. Давление на нас уже было практически непереносимым, когда Новари услышала об Ориссе. Теперь нам должно быть совсем худо.

— Твоя королева исчезла, что может быть хуже этого? Залия пожала плечами, не проявляя видимого интереса, и сказала весело и почти шутливо:

— Думаю, что хуже — вовсе не найти ее.

Затем Залия нахмурилась и произнесла серьезным тоном:

— Мы обязаны выбраться отсюда, Рали!

— Знаю, — сказала я.

— Новари может напасть в любой момент.

— Это я тоже знаю.

Залия изо всех сил ударила по камню скамейки, на которой сидела. Камень раскрошился.

— Я чувствую себя совершенно слепой здесь, — произнесла Залия, — не знаю, что творится вокруг! Что замышляет Новари! О чем она думает!

Теперь наступила очередь Залии плакать. Это были злые слезы. Такие горькие, что они могли бы сделать соленым озеро.

Я утешала ее, обнимала ее, пока Залия не успокоилась. Она затихла в моих объятиях, необычайно легкая, несмотря на свои большие размеры.

Тихим голосом я попросила:

— Расскажи мне о своем королевстве, Залия. Что это за страна? И Залия пробормотала:

— Она называется Халилоу. Там постоянно лето. Куда бы ты ни посмотрела — повсюду цветы и цветущие деревья. Люди и животные свободно живут рядом. Небо всегда голубое. Солнце всегда яркое.

— А твоя королева? — спросила я. — Она красива? Мудра?

— Может быть, ты сама когда-нибудь увидишь ее, — пробормотала Залия, — но должна сказать вот что: она живет в хрустальном дворце с прекрасными фонтанами и фруктовыми деревьями и с библиотекой. Больше всего мне запомнилась библиотека. В ней столько книг — больше, чем женщина может прочитать за тысячу жизней.

— Я уже люблю твою королеву, — произнесла я, — хрустальные дворцы — это прелестно! Фонтаны и фруктовые деревья — тоже хорошо. Но книги? Ради такого сокровища я бы отдала мой левый...

Я внезапно замолчала. Потом со смехом продолжала:

— Теперь я уже точно знаю, какую часть своего тела я бы смогла пожертвовать. Всякий раз придется вспоминать, с какой стороны что осталось.

Залия усмехнулась.

— О Рали, дорогая моя! — сказала она со вздохом. — Если бы мы встретились с

тобой... в другое время.

Вслед за этим Залия закрыла глаза и быстро уснула. На ее губах блуждала легкая улыбка. Она выглядела почти хорошенькой.

И я еще подумала о том, какая жалость, что больше не смогу сосредоточенно думать о предстоящем побеге.

Было бы так приятно побывать в стране, где живет Залия. Увидеть дворцы, сады, книги и великолепную Салимар. И, может быть, даже получше узнать Залию в более приятных обстоятельствах.

Но побег теперь не занимал самую верхнюю позицию в перечне моих ближайших планов.

Каким-то образом я должна остановить Новари.

Я должна уничтожить ее машину.

Залии я об этом ничего не сказала. У меня осталось чувство вины перед ней. Потому что теперь я была уверена, что могу полностью ей доверять.

Но что, если я все-таки ошиблась? Моя ошибка может стоить жизней многим орисситам. Поэтому я похоронила чувство вины. В очень большой общей могиле, которая была почти полной, но я нашла все-таки маленький уголок, в который сумела затолкать очередной свой грех.

Первое, что мне предстояло сделать, — решить проблему уродливых металлических болванок, которые делали меня и Залию рабами, — проблему искусственных рук.

Для того чтобы осуществить задуманное, у меня уже имелось достаточно волшебной пыли Новари, но заклинание, которое я держала в голове, было настолько сильным, что оно наверняка бы насторожило колдунов Новари.

Для того чтобы не раскрывать планов врагу, необходимо было прибегнуть к помощи Залии. Я была еще больше пристыжена, когда посвятила ее в часть своего плана.

После того как я закончила, Залия радостно захлопала в ладоши, приговаривая:

— Наконец-то! Ты решила довериться мне.

Она слегка шмыгнула носом, засопела, вытерла слезы и произнесла, заставляя меня с каждым новым словом чувствовать себя все более гадкой:

— Я знаю, ты все эти дни ходила вокруг да около, Рали. Я продолжала повторять себе, что ты все еще страдаешь от пережитого. И если я буду такой терпеливой, какой только я умею быть, то ты в конце концов убедишься, что мы просто обязаны доверять друг другу. — Залия усмехнулась, на мгновение став похожей на ягненка, и продолжала: — Я должна честно признать, что не всегда была достаточно терпелива, Рали. Я оскорбляла тебя. Надеюсь, что ты примешь мои извинения. Я опустила голову и невнятно забормотала:

— В этом нет необходимости. — И вернулась к обсуждению основного предмета: — Проблема состоит в том, что нам может потребоваться больше времени, чем час смены в адской кузнице Новари. Сначала мы должны будем отработать смену. Поэтому мой вопрос звучит так: сможем ли мы выдержать два часа?

Залия нахмурилась и сказала:

— Не могу представить, что возможно находиться там так долго. Каждый раз, покидая эту камеру пыток, я думала, что наверняка бы умерла, если бы задержалась там еще хоть на одну минуту.

— Ты не ответила на мой вопрос, — настаивала я, — вопрос был в том, возможно ли это? Найдешь ли ты в себе силы сделать это?

— Я не узнаю ничего об этом, пока не попробую, — ответила Залия.

— Но есть ли в тебе желание?

— Да, клянусь богами! — ответила Залия, и ее глаза заблестели. — Сделаю все, чтобы выбраться отсюда!

Так я заручилась ее словом. Были сделаны необходимые приготовления, и несколькими днями позже мы присоединились к команде рабов, которую гнали в Чрево Ада.

Когда мы на этот раз поднялись из рудников на поверхность, воздух показался мне особенно сладким, а солнечный свет особенно ярким. Как никогда ранее. Со стороны озера я слышала крики. Мы все повернули головы, чтобы посмотреть, в чем дело.

Я увидела, как по озеру плывет, приближаясь к докам Короноса, золотой корабль. Впереди корабля неслись на лыжах воины Мэгона, которые молотили по щитам и пели знакомую мне песню:

Мэгон в походе — Враг дрожит!
Мэгон в походе — Враг бежит!
Мэгон в походе — Радость спешит!

Расстояние было очень большим для того, чтобы рассмотреть фигуры, стоящие на высокой палубе корабля, но я знала, что Новари там. Я смогла почувствовать эманации ее волшебного поля. Моя память среагировала на них, и я ощутила, как мягкая ласка демона-соблазнителя коснулась моих бедер и груди. Я невольно передернулась. Отвращение росло, отдалось болью в низу живота, я отвернулась, подавив раздражение.

На своем плече я почувствовала руку Залии.

— Что-нибудь не так, Рали? — спросила она. Я тряхнула головой, не в силах ответить.

Наконец неприятный миг прошел. Я восстановила душевное равновесие и вытерла лицо рукавом рабочей одежды. Как раз в этот момент охрана стала беспокоиться, что мы слишком сильно отклонились в сторону, и нас кнутами загнали вновь в строй и поторопили вниз, к Чреву Ада.

Когда мы вновь прошли поворот, за которым открывался вид на храм Медведя, внезапно заговорил его огромный колокол, призывно звеня в честь прибытия короля Мэгона и его супруги Новари. Золотой корабль уже причаливал, и я увидела первых лиц города, выходящих из храма и спешащих к пристани, чтобы поприветствовать короля. По-видимому, они не знали, что правители вернутся так скоро. Но колокол уже звучал в честь прибытия Мэгона и Новари.

Залия подергала меня за рукав и прошептала:

— Это меняет наши планы?

Я покачала головой. Наоборот, хотелось ускорить выполнение задуманного. Но неизвестно, как это сделать.

Когда двери дьявольской кузницы с грохотом раскрылись и горячий зловонный воздух вновь стал заполнять легкие, я позабыла о Новари. Я собрала в кулак всю свою волю. Двери ада закрылись. Мы оказались запертыми внутри.

Теперь мне предстояло пробыть два часа в Чреве Ада.

Охранник хлестнул меня по спине и грубым голосом приказал приступить к работе.

Неуверенной походкой я направилась к штабелю золотых стержней. Каждый новый шаг являлся испытанием решимости. В течение нескольких первых минут я усомнилась, что смогу выдержать даже час, не говоря уже о двух.

Залия помогла мне уложить стержни на тележку. Мы подтянули ее к конвейеру, подающему стержни в машину Новари.

Раньше я заметила, что все находящиеся в помещении, включая охранников, стараются держаться как можно дальше от машины. Чем ближе к машине, тем сильнее жар и тем тяжелее становилось работать. Мы приспособились отвозить тележку в самый дальний конец конвейера, как можно быстрее сгружать на него стержни, а потом стремглав отскакивать с пустой тележкой как можно дальше от зоны действия магического поля.

Только в эти краткие миги и можно было наблюдать в кузнице быстрое движение. Между конвейером и стеной был узкий проход. Никто не пытался ходить по нему. Однако я внимательно присмотрелась и увидела, что занавес, отделяющий машину от цеха, отбрасывает жутковатую пляшущую тень, захватывающую ближайшую часть прохода.

В один из последних подходов к машине я попробовала оценить глубину этой тени.

Выбрав момент, когда никто не смотрел в мою сторону, я с силой толкнула тележку вдоль узкого прохода; она помчалась вперед и резко остановилась у стены.

Мое сердце забилося от радости, когда я увидела, что тележка полностью скрыта пляшущими призраками, которых порождает светящийся занавес. Если бы мы с Залией смогли бы незаметно пробраться по проходу и спрятаться там, то никто бы нас не заметил. Оставаясь там в течение неопределенно долгого времени, мы могли бы делать все, что угодно.

Однако это была только первая проба. В действительности все произошло совсем иначе — войти в область волшебной тени оказалось гораздо труднее.

Смертельное излучение из машины ударило в нас, как только мы приблизились к конвейеру. Я огляделась — никого рядом не увидела и подала знак Залии. Вместо того чтобы остановиться и приступить к разгрузке тележки, мы быстро толкнули ее вдоль по узкому проходу, и она вкатилась в тень.

Скрипя зубами от боли, я все-таки посмотрела, не заметил ли кто-нибудь наших действий. Я увидела, как взгляд охранника скользит мимо, и поняла, что мы прикрыты дьявольской тенью.

Я чувствовала себя так, как будто бы с меня только что одним рывком магического поля содрали кожу, а в ушах неистовым завыванием отдавалась песня вскипающей крови. Дышать было почти невозможно. Я с усилием заставляла ребра сжиматься и разжиматься, чтобы вдыхать и выдыхать отвратительный воздух. Руки и ноги показались мне ватными, а сердце — открытой раной, в которую воткнули горячую кочергу.

Я услышала, как Залия застонала, увидела, что ее лицо побледнело так, что она стала похожа на бескровное порождение ночи. Я жестом приказала ей присесть около меня. Она кивнула, жадно глотая воздух, как рыба, и опустилась на пол.

Из рукава своей рабочей одежды я извлекла сверток и, положив прямо на пол, раскатала. В нем лежала трубочка из обработанной косточки крысы и небольшая горсть волшебной золотой пыли. Залия слегка похлопала меня по плечу, привлекая внимание, и протянула мне довольно тупую пилу, которую мы прихватили в одном из туннелей рудника.

Я схватилась железной рукой за одно из звеньев цепной тяги конвейера — левой, стараясь удержать его мертвой хваткой. Правой рукой я начала подпиливать болты, которыми к культе была прикреплена железная рука. Каждое движение доставляло мучительную боль, иногда мне казалось, что я медленно умираю. Но я продолжала бесконечные однообразные движения, как примитивная заводная игрушка.

Я поразительно быстро устала. Залия сменила меня и, кряхтя от усилий, начала пилить. Вскоре она отстранилась, будучи не в состоянии продолжать. Я возобновила работу, хотя в этот момент была близка к отчаянию, когда увидела, как мало мы продвинулись вперед.

Но я продолжала работу. Единственным местом, где можно в полной безопасности снять железную руку, являлась волшебная тень от огромной кузницы. Ни один колдун либо группа колдунов, независимо от того, насколько она многочисленна и могущественна, не смогли бы почувствовать то, что я делала, спрятавшись под смертельно опасным покрывалом.

Мне удалось полностью спилить один болт, и я почти справилась со вторым, когда пришла следующая смена. Мы видели, как все остальные рабы выходят из Чрева Ада и другую группу загоняют вовнутрь.

Первый час прошел. У нас впереди был еще один час.

Я проклинала время, проклинала себя, Новари и всех остальных. И из этого гнева я сумела извлечь силу, достаточную для того, чтобы продолжать.

Никто нас не хватится. Охрана уставала, поэтому никогда не производилось подсчета рабов до конца рабочего дня, перед тем как нас отводили назад, в «кроличьи садки».

Если уж на то пошло — кто, будучи в здравом уме, захотел бы остаться в дьявольской кузнице дольше, чем необходимо? Не было никаких оснований подозревать, что кто-либо добровольно попросится на вторую смену подряд, пренебрегая периодом отдыха,

помогающим выжить.

Я с силой вырвала культию из металлической руки, которая осталась на прежнем месте, сжимая звено цепи, я поглядела на культию. Неприятное зрелище, но от непрерывных ударов магического поля я стала уже достаточно бесчувственной, чтобы сокрушаться по поводу того, что со мной сотворили в рудниках.

Я закрыла здоровый глаз, сдвинула внутреннее зрение в сторону латки, которую называю теперь «божественным глазом», и увидела, как в поле зрения появляются призрачные пальцы. Пальцы казались более плотными, чем раньше. Мощное магическое поле сделало их более сильными. Я мысленно приказала им распрямиться и пошевелиться; и призрачные пальцы исполнили все, что я им приказывала. Точно так же, как и тогда, когда они были живыми.

Я открыла живой глаз, взяла трубочку из крысиной косточки и склонилась над горстью золотой пыли. Осторожно всосала небольшое количество пыли в трубочку, снова закрыла живой глаз, чтобы увидеть призрачные пальцы. В Других Мирах трубочка была прозрачной, и я могла хорошо видеть, как блестит волшебная золотая пыль, сделанная в адской кузнице Новари.

Я слегка дунула, и пальцы покрылись этим золотым налетом.

Пыль прилипла к ним, образуя золотистую тень кисти.

Когда я вновь наполнила трубочку, то заметила, что и в реальном мире рука начинает приобретать определенные очертания. Сначала появилось туманное облачко, из которого, казалось, постепенно образуются пальцы, ногти и даже ладонь со знакомой линией жизни.

Я попыталась пошевелить рукой.

Рука осталась неподвижной.

Но я уже вошла в азарт и продолжала начатое. Я наполняла трубочку и выдувала золотую пыль три раза, прежде чем достигла результата, покрыв и живую плоть, которая входила внутрь призрачной кисти, так чтобы захватить и отверстия от болтов, в результате чего граница исчезла и призрачная кисть плавно и красиво переходила в живое запястье; и практически нельзя было определить, где кончается тело и начинается металл.

Однако при взгляде живым глазом оказалось, что дело обстоит не столь благополучно. Вместо того чтобы блестеть золотом, левая кисть выглядела как обшарпанная, потертая пятнистая перчатка. Кисть все еще отказывалась подчиняться мне в реальном мире, хотя и подчинялась в Других Мирах. Там она двигалась, но в реальном мире она представляла собой мертвый кусок металла, прикрепленный к культе. Утешало то, что этот кусок металла был настолько легкий, что я почти не чувствовала его веса.

У меня было отлично отработанное элегантное заклинание, полные артистизма слова, что-то о светлых далях за пределами зла и греха... Но когда я начала было нашептывать их, то почувствовала, что мой мозг стал совершенно неповоротливым в результате перенесенных невзгод, и поэтому эти высокие слова сами собой растаяли.

Вместо этого я грубо крикнула:

— Стань рукой, черт тебя подери! Будь живой рукой!

И этого оказалось достаточно.

Я ощутила пульсацию энергии, и магические удары со стороны дьявольского горнила стали потише. Всей левой стороной тела я ощутила необыкновенный прилив энергии, и когда вновь посмотрела на руку, она показалась мне такой великолепной, вызывающей восторг изящной формой и красотой, что возникшее изумление вывело меня из бесчувственного состояния.

Я попыталась сжать пальцы в кулак, и пальцы мягко, без промедления подчинились. Я распрямила их, потом сгибала и разгибала, шевелила и скрещивала, и если бы не сила новой руки и не ее золотой блеск, я бы не смогла отличить ее от той, которую потеряла.

Я взглянула на Залию. Залия кивнула и, насколько позволяли силы, улыбнулась.

С моих плеч упал тяжелый груз, и я почувствовала себя свободной, как будто бы впервые за много веков. Несмотря на то что адская печь все еще доставляла мучение, все еще

по капле отсасывала мою жизнь. Но теперь я не обращала на это никакого внимания. Клянусь богами, если мне суждено сейчас умереть, то я умру свободной — по крайней мере от рабского заклятия Новари.

Я крепко обхватила железную руку Залии и начала спиливать с нее болты.

Теперь у меня было достаточно сил, чтобы создать заклинание среза, помогающее действиям пилы, поэтому я спилила эти болты за короткое время, после чего я нанесла золотой слой на призрачную кисть Залии.

На сей раз мне не пришлось беспокоиться о том, чтобы точно вспомнить слова заклинания, я просто командовала призрачной руке стать живой кистью, черт побери, и мгновением позже и Залия стала свободной.

Вслед за этим я услышала, как с грохотом открываются большие ворота дьявольской кузницы.

Прошел второй час.

А мы не только остались в живых, но и стали сильнее, чем раньше.

Залия быстро достала тряпку, которую прятала в рукаве своей рабочей одежды. В ней оказался комок сажи, смешанной с дегтем.

В соответствии с планом, по крайней мере, в той его части, которую я открыла Залии, мы должны были замаскировать наши волшебные руки, покрыв их слоем этого черного вещества. Маловероятно, чтобы кто-нибудь обратил внимание на обычные грязные руки рабов, которые много раз проплывали мимо.

Потом мы присоединимся к группе рабов, которые уходят на отдых, и будем молить богов, чтобы часа хватило на восстановление сил для следующей смены. Мы будем продолжать работу до конца дня, насколько это будет возможно. После этого мы сможем спланировать остальные этапы побега, оставшись без свидетелей в камере.

Залия бросила мне тряпку и вскочила на ноги. Она сказала мне, чтобы я поторапливалась. Вместо этого я швырнула тряпку на пол и встала, повернувшись лицом к машине Новари, и направила на нее мой божественный глаз.

Я смогла увидеть адское пламя, горящее за мерцающим покровом у входа. Я смогла различить корчившиеся от боли души и услышала их страшные крики.

Потом прыгнула на конвейер. Он дернулся и пополз вперед.

Я крикнула Залии:

— Нам туда! Новари ждет!

Я увидела, что Залия медлит. Почувствовала, как ее мысли в шоке мечутся от решительного отказа до согласия. Затем она с боевым кличем взлетела на конвейер рядом со мной.

Мы крепко стиснули наши живые руки. Высоко подняли сжатые золотые кулаки волшебных рук.

И въехали через горящую границу в ад, созданный Новари.

Глава 13. ЦАРСТВО ГРЕЗ

Взметнулось пламя. Ударил гром. Со всех сторон ревели дымные торнадо. Воздух наполнился зловонным дыханием демона, смрадом разлагающихся трупов и горящей плоти. Все цвета свелись к двум неестественно ярким и контрастным — красному и черному. Стоны проклятых душ, как мрачный потусторонний прилив горя и отчаяния, захлестывали и затягивали все глубже и глубже в адскую машину Новари.

Конвейер нес нас навстречу неукротимому вихрю энергии. Вокруг непрерывно кричали и дергались в конвульсиях сотни поработанных душ. Они были прикованы магическими цепями к тяжелым решеткам, которые служили настилом пола, и я увидела, что многие из них до крови ободрали руки и сорвали ногти, пытаясь избавиться от невидимых колдовских пут.

Тут же я заметила Сирби, услышала его истошные вскрики, увидела, как пламя обугливает его тело, уже прожженное местами до костей. И тут же, прямо на моих глазах, оно приняло прежний вид, страшные раны исчезли... и муки возобновились.

Перекрывая все эти страшные звуки и неестественное зрелище, звучала песня Птицы Лиры. Однако на этот раз струны говорили совсем не о желанных наслаждениях и соблазнительных грезах. Музыка представляла собой отвратительную какофонию, набор звуков, хаотически складывающихся, разлетающихся и вновь сгущающихся до пронзительного, визгливого крещендо.

Души плененных Новари колдунов корчились, извивались, дергались в сумасшедшем танце в такт этой музыке; их мучения подпитывали упругий огненный вихрь.

Впереди я увидела связку золотых стержней,двигающуюся по конвейеру. Во все стороны с треском сыпались огненные искры. На выходе из машины на конвейере, в емкостях, напоминающих формой лотки для промывания золотоносного песка, блестел тонкий слой волшебной пыли Новари.

Я крепко схватила руку Залии, почувствовала, как наполняюсь магической силой по мере продвижения вперед. Я ощутила себя волшебной губкой, непрерывно впитывающей энергию эфира, пока и душа не пропиталась до отказа.

В этот миг энергетический сгусток, посланный Залией, вошел в меня, и новый прилив энергии, казавшийся уже невозможным, захлестнул мою сущность. Изумление и радость по поводу способа прибавления силы были настолько велики, что мне в голову не пришло задавать какие-либо вопросы, удивляться тому, что Залия вдруг стала моей сестрой-колдуньей.

Вскинув голову, я громко выкрикнула прямо в огненный вихрь Чрева Ада волшебные слова:

Та, что выводит мелодию муки, Та, что играет на струнах измены, Та, что страстям предается из скуки, Та, что пленяется видами тлена, Та, что крадет беззастенчиво нежность, Та, что и жизни себе забирает, — Знай, Новари, я твой враг, как и прежде, Вижу, как ты от меча погибаешь. Ведьма, колдунья, злодейка лихая! Зло насаждаешь, не ведая края, Травишь мечты, убиваешь любовь, «Выйди на суд!» — повторяю я вновь.

Я с силой послала заклинание в эфир. Из наших сжатых в кулаки золотых пальцев ударили молнии. Небо раскололось, а наши волшебные руки светились и потрескивали от избытка энергии.

Я почувствовала, как сила буквально распирает меня и в Залии пульсирует немалая энергия, которая превращается, по всей вероятности, в ее магическое биополе. Подруга присоединилась к моему вызову Новари. Великолепный аромат вдруг сменил отвратительную вонь преисподней. А толстые, мягкие пальцы, которыми Залия держала мою руку, как будто бы превратились в стальные стержни.

Но я не ощутила какой-либо угрозы. Сила Залии была и моей силой. А моя сила — принадлежала Залии.

Как раз в тот момент, когда мы ворвались в огненный вихрь, Сирби заметил нас и вновь стал криками умолять о помощи. Он толчками продвигался вперед, пытаясь преодолеть сопротивление магической цепи, и я протянула золотую руку и без особых усилий подняла его на конвейер. Потом сломала магическую цепь одним ударом божественной руки и освободила Сирби.

И конвейер понес нас дальше...

Затем я ощутила, что проплываю сквозь пустоту, наполненную ярким белым сиянием. Шум стих. Раздавались только слабые звуки лиры, напоминающее отдаленное эхо. Теперь музыка казалась значительно мягче, очаровывала, соблазняла. Но это не имело для меня никакого значения.

Я была одна, несмотря на то что чувствовала пальцы Залии, сплетенные с моими пальцами. Я огляделась, но никого не увидела. Вслед за этим призрачный захват Залии стал крепче, как бы предупреждая меня об опасности, и в это мгновение в поле зрения появился

огромный краб.

Краб был в два раза выше меня. У него была единственная, но мощная клешня, которая то открывалась, то защелкивалась с устрашающей скоростью. Панцирь краба был окрашен в грязно-зеленый цвет, зазубренные лапы — в желтоватый.

Выпуклые шарообразные глаза краба дрогнули и закачались из стороны в сторону в такт музыке. Потом они резко повернулись и усталились на меня.

Струны лиры дернулись, издав глубокий режущий слух аккорд. Краб заработал лапами, стремительно приближаясь ко мне, при этом его мощная клешня угрожающе клацала.

Я протянула свою волшебную руку в Другие Миры. Представила себе вооружение Новари, все эти бесконечные связки мечей из заколдованного золота. Затем схватила один из мечей и постаралась вытянуть его из Других Миров. Я ощутила сопротивление, как будто бы мне пришлось пробиваться сквозь песок. Вслед за этим раздался громкий хлопок, и меч пошел свободнее.

Я нанесла удар как раз в тот момент, когда краб бросился на меня. Волшебное лезвие вонзилось очень глубоко, разрубив броню. Я услышала крик смертельно раненного человека. Из раны брызнули ил и кровь, и краб стремительно отскочил.

Между выпученных глаз краба, точно какой-то жуткий нарост, вздувающийся, готовый вот-вот лопнуть нарыв, проклюнулись человеческая голова и туловище.

Это был Сирби; частично краб, частично человек — и частично заклинатель, но на самом деле — полностью раб Новари.

— Я убью тебя, Антеро, — прохрипел Сирби, в бешенстве щелкая клешней.

— Дай я попробую помочь тебе, друг мой, — обратилась я к нему, — Новари держит тебя в колдовских объятиях. Но, если ты предоставишь мне возможность, я смогу освободить тебя раз и навсегда.

— Ты не друг мне, Антеро, — грубо ответил Сирби, — ты обманула меня!

— Когда? — спросила я. — Когда же я обманула тебя? Я назначила тебя на высокую должность. Ты являлся главным заклинателем важного торгового представительства. Твое будущее было обеспечено. Возможности безграничны.

— Ты всегда считала, что я — невоспитанный человек, — повысил голос Сирби, находясь на грани истерики, — пустой хвостун.

— У тебя были недостатки, — возразила я, — но я сознательно не замечала их. Хотелось верить, что твой талант их перевесит.

— Ты поднаторела в том, чтобы переписывать историю, Антеро, — бубнил Сирби, — ты отправила меня в это представительство и бросила на произвол судьбы, совершенно незащищенным от зла и стихии. Ты отказалась поделиться со мной магическими знаниями, чтобы я смог хоть как-нибудь защитить себя.

— Я никогда ни в чем тебе не отказывала, — заметила я.

— Это ложь! — вскричал Сирби. — И ты заплатишь мне за всю свою ложь!

— Послушай меня, — настойчиво убеждала я, — ведь я уже однажды спасла тебя в одном из миров. Могу сделать то же самое и здесь. Не старайся причинить мне зла. Мы же коллеги. Друзья. Граждане Ориссы. Мы смогли бы работать вместе и все уладить. Сирби внезапно успокоился. Однако он злобно посмотрел на меня и бросил:

— Некоторое время назад я начал работать в своих собственных интересах. В точности как и ты. Точно так же, как делали все Антеро.

Звуки лиры вновь усилились, казалось, что они распухают и заполняют белую сияющую пустоту мелодией, полной злой иронии.

Сирби поднял клешню и прокаркал:

— Ты слышишь, о чем скорбит лира? Новари говорит, что она сожалеет. Она любит меня. Она всегда меня любила. Она вовсе не желала причинить мне боль. Но у нее не оставалось выбора. Ты заставила ее, Антеро! Ты заставила Новари искалечить меня!

Я собралась возражать. Хотела предоставить Сирби еще один шанс, прежде чем он попытается перейти от слов к действиям.

Огромная клешня вдруг взметнулась, чтобы сокрушить меня.

Ожидая ее приближения, я стояла не шелохнувшись.

И в последнее мгновение ударила. Золотой меч рассек клешню так, как будто бы это была не прочная броня, а тонкий холст.

Сирби взвыл, отдергивая обрубок.

Я нанесла хлесткий удар плеча, и вой Сирби оборвался, послышался булькающий звук, кровь хлынула из перерубленных артерий.

Я замахнулась рубануть еще раз, чтобы быть уверенной в том, что Сирби мертв, но не успел мой меч пролететь и половины расстояния, как мерцающая пустота растворилась во внезапной вспышке света.

Я обнаружила, что стою на равнине, густо усыпанной валунами. Предсмертные крики Сирби эхом отдавались в ушах, а его кровь капала с меча.

Рука Залии была вырвана из моего захвата. Я обернулась, чтобы найти подругу. Я увидела тень женщины, протянувшуюся под небесами, излучающими холодный белый свет.

Я окликнула:

— Залия?

Мне показалось, что я услышала ответ. Почудилось, что ответ пришел от тени, имевшей очертания женщины. Тут вновь зазвучала лира, и тень исчезла.

Я повернулась навстречу звуку. Далеко на равнине я увидела горбатый силуэт черной машины. Из ее центра фонтанировало пламя, а сквозь мелодию лиры пробивался тихий, повторяемый до бесконечности лязг цепной передачи конвейера.

Новари позвала меня:

— Приди ко мне, Антеро. Приди, моя любимая. Я жду, Рали. Я жду твоих объятий.

Я крепче сжала меч и двинулась в сторону машины.

Впереди вспыхнул ослепительный свет. Из этого сияния выступила богиня Маранония с высоко поднятым сверкающим копьём.

Я вздохнула, устало оперлась о валун и произнесла:

— Итак, вы в конце концов решили помочь.

Богиня рассмеялась. Ее смех напоминал звон бьющегося стекла.

— В такие моменты, — сказала Маранония, — большинство смертных обычно падают ниц, забывая, как их зовут. Превозносят мое имя и молят о пощаде и прощении всех грехов, действительных и воображаемых.

— Посмотри на меня, — возразила я, — разве не достаточно потерь для того, чтобы простить любые прегрешения? Или ты потребуешь вторую руку, захочешь полностью ослепить меня?

Богиня снова рассмеялась. Смех был холодным, сардоническим, и я почувствовала порыв зимнего ветра.

— Я дарую тебе право сердиться на меня, Рали, — сказала богиня, — и я прощаю твой гнев. Я буду плохой богиней, если позволю себе поступить иначе.

Мне захотелось посоветовать, что сделать со своим прощением. Но у меня были дела поважнее.

— Что же ты хочешь теперь предложить мне сделать, моя богиня? — спросила я, показывая на приземистый силуэт машины Новари. — Моя цель состояла в том, чтобы уничтожить этот адский агрегат.

— Это наиболее мудрое решение, Рали, — ответила Маранония, — уничтожь ее, и Орисса будет спасена.

— Если ты не против, я попросила помочь. Может быть, ты изведешь эту чертову машину мановением руки, а я затем сумею расправиться с Новари.

— Я не могу непосредственно помочь тебе в этом, Рали, — сказала Маранония. — Если поступлю так, то отраженным ударом будет уничтожена не только Орисса. Мои враги только и ждут момента, когда я вмешаюсь.

— Это великолепно, — иронично произнесла я. — Тогда зачем ты здесь, о великая

богиня? Божественное явление с напутственной речью, чтобы поднять боевой дух? После которой ты изящно удалишься в свой дворец и будешь наблюдать за сражением с бокалом выдержанного вина из ваших небесных виноградников?

Маранония игнорировала сарказм.

— Моя цель, Рали, состоит в том, чтобы предостеречь тебя. Справедливости ради я должна предложить тебе возможность выбора наименьшего из двух зол.

— Каких именно? — спросила я.

— Сначала разреши мне пригласить нашу сестру.

Маранония взмахнула копьем, и я почувствовала удар теплого ветра. Передо мной возник ярко сияющий воздушный зазор. Оттуда вышла женщина и приблизилась к нам.

Несмотря на то что я устала от борьбы с порождением Новари и не полностью восстановила душевную энергию, я не могла сдержать искреннего восхищения красотой этой женщины. Она была высокой и стройной, с кожей цвета слоновой кости, лицом, сужающимся книзу и напоминающим по форме сердце. Ее глаза были широкими, темными и загадочными, как звездная ночь. Золотисто-медовые волосы развевались на теплом ветру. Платье плотно облегалo тело, подчеркивая его естественную красоту.

Это была женщина, которую я видела в своих снах много лет назад. Женщина, которая плыла на серебряном корабле по небу над бухтой Антеро, преследуемая жестоким неприятелем.

Женщина протянула вперед золотую руку. И когда она заговорила, я услышала голос Залии:

— Разве ты не узнаешь меня, Рали? Я задыхнулась от волнения:

— Залия! Быть этого не может! Маранония усмехнулась:

— Королева Салимар столь же хороша в искусстве маскировки, сколь ты, Рали, умела в обращении с оружием.

Мой рот так широко раскрылся от изумления, что, боюсь, я была похожа в тот момент на дряхлого караса, которого вытащили на берег.

— Королева Салимар? — переспросила я. — Ты имеешь в виду, что Залия в действительности...

— Мне очень жаль, — сказала Салимар, — но, думаю, обман был необходим. — Она холодно посмотрела на Маранонию и заметила: — Ты едва не сделала нас врагами, богиня, а мы с самого начала должны были подружиться.

Вместо того чтобы обидеться, Маранония казалась польщенной.

— Столь эмоциональная женщина! — произнесла она. — Не сомневайтесь, сражение пойдет так, как я задумала. Какой другой бог может похвастаться тем, что у него есть две такие помощницы, как вы?

— Я слышала, как Рали попросила у тебя помощи, богиня, — сказала Салимар, — и я услышала твой ответ. О каком выборе из двух возможностей ты говорила? Какая ставка на кону?

Мелодичный голос Салимар, звучавший слишком необычно, когда она приняла облик Залии, теперь казался естественным. Не могло быть никакого сомнения в том, что к Маранонии обращалась королева.

Богиня дважды взмахнула копьем, как бы пронзая воздух, и появились два мерцающих портала. Это были два соприкасающихся окна, открытых в два различных мира.

Через портал, расположенный ближе к нам, была видна с очень большой высоты Орисса. Сердце заныло от боли, когда я увидела любимую реку, несущую воды мимо города. Я различила доки и корабли, идущие под флагом Антеро. Увидела огромный амфитеатр, где я сражалась и завоевала награду. Рассмотрела Дворец Заклинателей, расположенный на холме, возвышающемся над столицей, и легкое сияние магического поля, свидетельствующее о том, что заклинатели работали не покладая рук. А за пределами города, где простирались леса, продуваемые свежими ветрами, я увидела очертания виллы Амальрика. Почувствовала аромат расцветающих роз, которые всегда украшали могилу

мамы. Услышала легкое журчание фонтана. И мягкие звуки чудесной флейты Омери.

Я увидела, как мой брат и Омери играют на соседней лужайке, смеясь и подбрасывая на руках маленького ребенка. Это их сын, тот самый, которого Омери носила под сердцем, когда я отправлялась в путь. Я восхитилась тому, как он вырос. Подумала о том, как назвали малыша, ведь Омери собиралась наречь его Клайгиусом. Вспомнила свое предсказание. Тоска по дому усилилась, мне захотелось побыть с ними, помочь этому невинному ребенку преодолеть рифы и отмели, с которыми в один прекрасный день непременно столкнется его душа.

Я ощутила влагу на щеках и вытерла лицо. Рядом тихо плакала Салимар — наверняка увидела похожие картины с ее родными. Я подошла к ней и успокаивающе положила руку на плечо. Ощущение было совершенно незнакомое. Моей плотной неуклюжей подруги как не бывало, вместо нее передо мной стояла стройная и очень красивая женщина. Салимар прижалась ко мне спиной, и я еще крепче сжала ее плечо.

Я взглянула сквозь ее портал на Халилоу. Ее мир выглядел именно так, как она рассказывала, — там были хрустальные дворцы, утопающие в прекрасных фруктовых садах, и голубые небеса с молочно-белыми облаками. Страна вечного лета.

Затем Маранония прошептала:

— Исчезни. — И оба портала растаяли в воздухе.

Я почувствовала себя так, как будто бы долго висела на нитке, которую внезапно оборвали, и я полетела в пропасть. Салимар меня успокоила. Я посмотрела ей в глаза. Они были влажными и полными страстной тоски по дому.

— Боюсь, что это был наш последний взгляд на родные места, — сокрушалась она.

Я повернулась к богине. Маранония выглядела печальной, и это пугало, так как я хорошо знала, что эта печаль может означать для нас с Салимар.

— Чего же ты требуешь от нас, госпожа? — спросила я. Теперь я была более уважительна. Печаль Маранонии заставила меня пожалеть ее, хотя я твердо усвоила, что глупо испытывать подобные чувства. Ведь именно нам предначертано время от времени испытывать боль и мучения, а не богине.

— Я хотела бы, чтобы вы исполнили то, что вы собирались довести до конца, Рали, — сказала Маранония, — я хочу, чтобы вы уничтожили машину Новари.

— Ты сказала что-то насчет необходимости выбора, — напомнила я богине, — что за выбор, не томи нас?

— Первая возможность состоит в том, что я тотчас же отправляю вас обеих по домам. Вы самостоятельно соберете армии, и я надеюсь, что кому-то из вас улыбнется счастье и вы сможете победить Новари, когда она нападет. В настоящее время шансы победы или поражения приблизительно равны. Но это не означает, что вероятности не изменятся в будущем. Птица Лира представляет собой примитивную, дикую и необузданную силу. Но она становится опытнее и сильнее с каждым днем.

Выбрав первую возможность, вы будете постоянно со своими близкими, многие из которых смогут разделить с вами радость победы или горечь поражения.

— В чем состоит вторая возможность? — спросила я внезапно охрипшим голосом.

— Вы можете выбрать бой, — ответила богиня, — если удастся уничтожить машину, угроза обеим вашим столицам исчезнет. А проход сквозь эфир, который связал Халилоу и ОриССу, будет надолго разрушен.

Маранония секунду помолчала. Потом продолжила:

— Дело в том, что в результате разрушения машины вы обе, по всей вероятности, погибнете.

В ответ я только пожала плечами.

Насколько я себе представляла, выбирать было не из чего. Но мне было интересно узнать, что скажет Салимар. Примирится ли королева так же просто, как и я, с судьбой солдата?

Я услышала, как Салимар отчеканила:

— Двум смертям не бывать. Речь о жизни моего народа. Я не могу рисковать этим. А королевство сможет прожить и без меня.

Маранония кивнула и улыбнулась:

— Я не ошиблась, когда остановила свой выбор на вас обоих. Я очень довольна.

Богиня щелкнула пальцами, и появилась бронированная колесница, запряженная четверкой вороных коней. Они храпели от нетерпения и били копытами. Маранония бросила мне копьё.

Я неуклюже поймала его правой рукой. Копьё пульсировало от избытка питающей его энергии, и я вдруг почувствовала, что моя кровь вскипела от неистовой ярости.

— Вперед, — скомандовала Маранония, — в бой!

Я отдала Салимар волшебный меч, перебросила копьё в левую, золотую, руку и прыгнула в колесницу. Салимар устроилась рядом со мной. Я взяла в руки поводья, и квадрига рванулась вперед.

Мы полетели по равнине с фантастической скоростью, едва касаясь вершин валунов, как будто бы неслись по хорошо утрамбованной проселочной дороге. С каждым мгновением машина Новари становилась все больше и больше, пламя, бьющее в небо из ее центра, — все яростнее и жарче. Затем из этого пламени внезапно возникла армия вражеских воинов.

Они шли под флагом Белого Медведя. Это были воины Мэгона. Ад извергал их навстречу нам, точно волны броневых лат, мечей и копий.

Мы ударили в первую волну. Я услышала крики, начала колоть копьём и все подгоняла коней. С острия копья струей вылетало пламя, мгновенно испепелявшее все, что встречалось на пути. Плавилась броня, горели тела.

Салимар рубила и колола, и кровь врага густым дождем оросила землю.

Вскоре мы прорвались сквозь вражеские ряды, сокрушая воинов Мэгона колесами волшебной повозки и копытами коней. И вот перед нами оказались мерцающие ворота дьявольской кузницы, в ненасытную пасть которой до сих пор со скрежетом вползал конвейер.

Я сформулировала заклинание и метнула копьё. В кузнице раздался сильный взрыв, разорвавший в клочья конвейер и во все стороны разбрызгавший раскаленный металл.

Мы мчались в горнило, возвращаясь в созданный Новари ад, — и вновь на нас обрушилось неистовое пламя, клубы дыма и стоны мучеников.

Я громко позвала Новари. Издалека я услышала ее ответный призыв, в котором угадывалось удивление:

— Рали?

Вслед за этим до меня донесся еще один изумленный возглас существа, освобожденного от телесной оболочки:

— Салимар? Откуда ты взялась?

— Из-под твоего носа, сука! — крикнула в ответ королева. Новари неистово заверещала — так обычно кричит стервятник, рвущий добычу.

Внезапно стены адской кузницы растаяли, затем исчезла колесница и четверка коней... внутри у меня все оборвалось, и я почувствовала, что мы стремительно падаем. Мое дыхание чуть-чуть не отлетело вместе с моей душой, когда я больно ударилась о твердую поверхность.

Я вскочила на ноги. Рядом со мной поднималась Салимар. Мы стояли в арсенале Новари, расположенном в самом сердце Чрева Ада. Со стен свисали связки оружия. Тишину разрезал нестерпимый, доходящий до визга звук лиры, и через дверь в арсенал ворвался король Мэгон. Он показался мне великаном. Латы гремели, как осадная машина, которую разогнали в сторону вражеских стен.

Я взмахнула копьём Маранонии. В сторону приближающегося Мэгона помчалась шаровая молния. Его броня и щит поглотили большую часть энергии. Но нанесенные повреждения были столь серьезны, что Мэгон покачнулся и чуть-чуть не упал на пол. Некоторое время он с изумлением взирал на то, как от его расплавленной брони поднимается

дымок.

Но когда я приготовилась нанести второй удар, Мэгон поднял голову и взмолился:

— Новари! Если ты любишь меня, помоги! Послышался циничный смех Новари. В нем не было ни намека на взаимность.

Вслед за этим струны лиры резко взвизгнули, как будто бы их дернула когтистая лапа. Все оружие в арсенале поднялось в воздух. Магия Новари метнула в нас сделанные из волшебного материала мечи и копья.

Но я была начеку, и наступил мой черед посмеяться.

Все это оружие было отражено моей магической защитой, а затем нанесло ответный удар.

Мэгон издал ужасный предсмертный крик, когда не менее дюжины мечей и копий прошило его тело. Он рухнул замертво.

Я внезапно почувствовала себя опустошенной, обессиленной — более беспомощной, чем когда-либо раньше. Я дрогнула и опустилась на одно колено, стараясь выровнять дыхание и восстановить силы.

Тут же на плечо легла рука Салимар. Откуда-то со стороны показался яркий свет, и пожатие Салимар стало тверже.

Перед нами стояла Новари, демонстрируя белым девическим платьем абсолютную невинность. Однако ее лицо искажала злобная гримаса. Волшебница обратилась к Салимар:

— Свиньей ты была, свиньей ты и останешься.

Новари подняла свой изящный пальчик, и Салимар отшатнулась от магического удара. Сраженная, она упала на пол.

И в довершение, тело Салимар стало изменяться. Вскоре на полу оказалась Залия, моя бедная, некрасивая Залия. Неуклюжая телом. Великая душой.

Новари повернулась ко мне:

— Теперь твой черед, Рали.

Я призвала все свои силы и почувствовала, как энергетические нити зазмеились ко мне. Однако было слишком поздно.

Новари бросила в меня смертельное заклинание.

Ко мне стремительно приближалась волна холодного голубого пламени.

Прежде чем она ударила, Залия внезапно вскочила на ноги, закрывая меня своим телом.

Она приняла на себя всю силу удара, вскрикнула и упала на спину. Вздрыгнула. И замерла.

Я посмотрела на Новари и почувствовала, что непроизвольно улыбаюсь. Я ощутила абсолютную опустошенность Новари. Я поняла, что, попытавшись убить меня, она полностью израсходовала запас энергии. Теперь уже Птице Лире пришлось лихорадочно искать источники волшебной силы в последней попытке обогнать меня. Я тем временем собирала свои силы.

И воспользовалась последним шансом. Собрав воедино последние капли энергии, я бросила в Новари копьё Маранонии.

Копье отделилось от моей руки, но, вместо того чтобы поразить цель, оно начало, казалось, всплывать. Медленно. Нестерпимо медленно продавливать вражескую защиту.

А Новари накапливала силы. Она превратилась в Птицу Лиру, ее огромные крылья быстро захлопали и вызвали настоящую бурю. Копье, все еще в замедленном полете, слегка изменило направление движения и продолжало преследовать поднимающуюся к потолку Птицу Лиру.

Я увидела, как огромную птицу окружило яркое сияние.

Музыка достигла крещендо.

Копье ударило как раз в то мгновение, когда колдунья бросила в меня смертельное заклинание. Обе силы встретились, как две энергетические волны, пытающиеся погасить друг друга.

Казалось, мир залил свет. Обрушилась тишина. Все чувства исчезли.

Затем белизна рассеялась. Я обнаружила, что стою на льду замерзшего озера недалеко от рудников Короноса. Огромный храм Медведя превратился в дымящиеся руины. От города остались обугленные груды дерева и камня. Золотой корабль Мэгона полыхал ярким пламенем. Кузницы и плавильни, включая и само Чрево Ада, лежали в развалинах. Рудники обрушились, из многочисленных расщелин в скалах сочился дым. Я не увидела ни одной живой души, хотя среди развалин заметила несколько обугленных трупов.

Рядом со мной на льду неподвижно лежала Залия.

Я услышала вскрик Птицы Лиры. Взглянув в небо, я увидела, как вниз стремительно падает огромное крылатое существо, судорожно взмахивая крыльями. Птица превратилась в Новари. Она непрерывно выкрикивала мое имя и продолжала падать, а ее белое платье развевалось, как оборвавшийся воздушный змей.

— Рали, — кричала она, — Рали!

Затем волшебница исчезла. Испарилась. Растаяла в воздухе.

Я склонилась над Залией. Она все еще слабо дышала. Ее ресницы дрожали, но веки не поднимались. Я взяла ее руку. Пальцы дрогнули — это было похоже на легкое пожатие.

Она попыталась сказать что-то, ее губы едва двигались. Я склонилась к ее лицу, чтобы расслышать.

— Я люблю тебя, — прошептала Залия, — всегда любила. И потеряла сознание.

Схватка так меня вымотала, что у меня не было слез, чтобы хоть немного утешиться.

Вслед за этим из-за горизонта возник серебряный корабль. Это был корабль моей мечты, корабль, на котором в моих видениях плавала Салимар. У штурвала стояла Маранония.

Богиня махнула мне рукой и приказала:

— Подойди. И принеси Салимар.

Я посмотрела вниз и увидела, что вместо застывшего тела Залии рядом со мной лежит Салимар. Я подняла ее на руки, и она показалась мне легкой и теплой.

Я понесла ее к кораблю, но мои ноги заплетались, я спотыкалась. Маранония взмахнула рукой, и мы вместе с Салимар перенеслись на палубу. Я опустила Салимар так нежно, как только могла.

Богиня протянула длинную изящную руку и дотронулась до Салимар — глаза богини сузились от напряжения. Она тряхнула головой.

— Королева никогда не очнется от заклятия Новари, — сказала Маранония, — она будет спать до тех пор, пока ее организм не исчерпает запас жизненных сил. А затем ее душа погрузится в вечный сон.

Салимар застонала, ее лицо исказилось от боли, я почувствовала, как она страдает.

— Сон не приносит ей радости, Рали, — продолжала богиня, — боюсь, что он будет для нее мучением.

— Что же можно сделать? — тупо спросила я. Маранония посмотрела на меня, и я вновь увидела, что ее глаза наполнены печалью.

— Я могу вернуть Салимар в ее королевство, — сказала богиня, — хотя это будет существовать только в ее снах. Но эти сны всегда будут радостными, полными лета, которое никогда не кончается.

— Тогда сделай это, раз уж она не заслужила большего за то, что сделала для тебя.

— И для тебя, Рали, — произнесла богиня, — ведь она спасла тебе жизнь.

— Только не знаю зачем, — устало сказала я, — я ослабла от бесконечных сражений и боли. От смерти и злой магии. — Подняв руку, показала на заледенелую безжизненную землю и сказала: — Я больна от всего этого.

Маранония мягко улыбнулась и спросила:

— Ты хотела бы присоединиться к Салимар? Присоединиться к ее долговому сну? Для меня это единственная возможность отблагодарить ее. Это хоть немного умиротворит королеву. Она смягчится только в том случае, если рядом с ней будешь ты. Соглашайся, я твердо обещаю: это будет рай. По крайней мере, у вас будут общие грезы.

Я снова взглянула на Салимар, на какое-то мгновение усомнившись в чувствах по отношению к этой прекрасной королеве. Была ли она в действительности той женщиной, рядом с которой я бы хотела провести вечность?

Вслед за этим сомнением я вдруг вспомнила все и увидела Залию без прекрасной маски любви. Память воскресила грубые черты, маленький нос, пухлые губы и сильные, ласковые руки.

— Так что же ты решила, Рали? — настаивала Маранония.

— Пожалуйста, сделай нам этот подарок.

Я увидела, как в глазах богини блеснули слезы. Она кивнула и отвернулась, чтобы снова встать к штурвалу.

Паруса наполнились волшебным ветром, и серебряный корабль взлетел с ледяной поверхности озера и взмыл в небо. Мы полетели над пустынными землями и замерзшими морями. Мы летели бесконечно, мы летели одно мгновение. И вскоре приблизились к ледяной крепости, сверкавшей под бледным солнцем.

Ворота крепости с грохотом распахнулись, и мы влетели внутрь.

Мы оказались в большом ледяном зале и вышли из корабля. Я несла Салимар на руках.

На стенах зала виднелись связки золотого оружия из волшебного материала Новари. Теперь оно стало моим. Боевым трофеем, доставшимся в результате победы.

В центре зала была расположена большая могила с полукруглой крышкой, сделанной из чистого льда. Могила была открыта.

Я поднесла Салимар к могиле и бережно уложила ее на мягкие подушки. Она вздохнула и улыбнулась, сонно произнеся мое имя.

Я устроилась рядом с ней, и Салимар слегка подвинулась, чтобы я смогла заключить ее в свои объятия. Ей было удобно. Я это видела.

Потом над нами встала Маранония и положила руку на крышку могилы.

Она улыбнулась.

— Наконец, Рали, ты получишь долгожданное вознаграждение.

Перед тем как закрыть могилу, богиня прошептала:

— Сладких снов вам, мои стражницы. Сладких снов.

Быстро спустился мрак. И так же быстро растворился и превратился в свет.

Мы вместе с Салимар вошли в царство ее грез. В ту страну, где постоянно светит солнце, дуют легкие, ароматные ветры! Там мы долго искали взаимности и в конце концов полюбили друг друга.

А затем богиня Маранония вернулась, разбудила меня и лишила сладких грез. Она сказала, что Новари жива.

Она рассказала, что Новари убила всех Антеро, кроме одного ребенка.

И что она сейчас охотится за этим ребенком.

За девочкой по имени Эмили.

Часть вторая. ЭМИЛИ

Глава 1. ПРИМЕТЫ И ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

У меня было достаточно времени, чтобы внимательно обдумать то, что рассказала Маранония. Достаточно, потому что я плыла в ОриССу от самого дна мира. Я отбросила в сторону все случайные совпадения, рассматривала каждый отрезок прошедшего времени и наполнявшие его события с различных точек зрения, после чего постаралась снова свести все воедино, чтобы взвесить результат. После этого я и обрела цель.

Даже Новари теперь уже не являлась для меня такой загадкой, какой была поначалу.

Я назвала ее злой. В действительности же это понятие давало бы волшебнице гораздо больше человеческих качеств, чем у нее имелось на самом деле. Птица Лира скорее напоминала чуму. Чума существует благодаря тому, что убивает. Когда все вблизи нее мертвы, она переплывает на кораблях по морю, бороздит с караванами пустыни, чтобы достигнуть других земель, уничтожить тех, кто привел ее туда, и возобновить свой пир на новом месте. Со временем, когда потенциальных жертв становится очень мало или же они слишком далеко, чума уничтожает сама себя. И ждет подходящего момента, чтобы вновь воскреснуть.

В первый раз Новари пришлось ждать много веков. Во второй, похоже, ей потребовалось менее пятидесяти лет. Существовали веские причины, благодаря которым она должна была стать очень мстительным призраком. Для того чтобы создать ее, было совершено массовое убийство. Птица Лира явилась средоточием сущностей сотен невинных девушек, чьи души должны непрерывно звать к отмщению. Я хорошо понимаю это. Какой-то частью своего рассудка я даже симпатизирую Новари. Ненормальность порождает ненормальность. Логичным и доступным пониманию было и то, что все мысли и действия Новари концентрировались на мести и на стремлении обладать таким могуществом, чтобы никто больше не посмел причинить ей зла.

Однажды Новари попыталась достичь цели, но потерпела неудачу. Преданная, с ее точки зрения, женщиной. Той, которую она любила. Эта женщина с презрением отвергла ее и чуть-чуть не уничтожила.

На этот раз Новари должна быть более злой и мстительной, чем когда-либо раньше. И более хитрой. Гораздо более хитрой. Я сомневалась, что Новари будет действовать прямолинейно. Она постарается зайти со стороны, взвешивая свои действия и укрощая пыл.

Во время нашего последнего сражения мне потребовались вся сила и воля, чтобы одержать верх. Моя сила значительно возросла за время долгого сна вблизи Салимар. Я постоянно ощущала в эфире огромный источник волшебной энергии, к которому могла бы припасть в любой удобный для меня момент.

Но будет ли этого достаточно для достижения цели?

В течение длительного времени я не видела ни одного смертного. Не сталкивалась ни с одним проявлением иного разума, пока бороздила часто штормящие ледяные моря далеких южных областей мира.

Но вот однажды, в нескольких неделях пути от Писидии, я огибала огромный айсберг бледно-зеленого цвета, наслаждаясь фантастическими формами, созданными стихией. При этом заложила широкий вираж, чтобы избежать столкновения. Выбрав точный курс, я устремилась на север. На некотором удалении я увидела бьющий вверх небольшой фонтанчик. Потом еще один и еще... пока не рассмотрела длинные серые тела, плывущие недалеко от меня. Я догадалась, что это стая китов.

Улыбнувшись самой себе, я тут же позабыла о них. Но киты развернулись и направились в сторону корабля, испытывая, без сомнения, любопытство. Когда стая приблизилась, я увидела, что одно огромное животное отделилось от остальных и подплыло поближе.

Самка кита казалась старой, как само время. К ее бокам прильнуло множество морских уток, здесь и там — виднелись водоросли. Она неслышно скользила параллельно курсу корабля, внимательно рассматривая меня своим единственным глазом.

Присмотревшись пристальнее, я заметила в этом глазу отблеск разума, и где-то в подсознании шевельнулось смутное воспоминание.

Почти сразу вслед за этим я почувствовала присутствие живого существа. В моей голове зазвучал голос, глубокий и бархатный

— Я знаю тебя, сестра.

— И я знаю тебя, — ответила я при помощи мысленных образов. Способность к экстрасенсорному общению каким-то неведомым способом стала доступна и этому древнему

существо.

Снова во мне зазвучал голос пожилой самки кита:

— Ты шла тем же путем много свадебных сезонов назад. Тогда я была в затруднительном положении.

— Помню, сестра, — сказала я, — это было страшное время. Из-за охотников Мэгона ты потеряла дитя.

— Охотники не появляются уже много свадебных сезонов подряд, — продолжала она, — с тех пор как ты убила Мэгона.

— Как же ты узнала об этом, сестра? — спросила я.

— Мы разговариваем и с тюленями, и с морскими львами, — ответила она, — а они общаются с птицами. Те разговаривают со всеми... Птицы так надоедливы. Они слишком болтливы. Хотя, надо отдать должное, я была другом одного старого альбатроса на протяжении многих свадебных сезонов. Он случайно натолкнулся на меня, когда однажды пролетал в том же направлении, в каком и ты сейчас плывешь. Старая, мудрая птица. Но очень разговорчивая, как и все остальные пернатые. К сожалению, он стал многое забывать. И меньше заботиться о том, куда садится, кому и что рассказывает. Последнее время я его что-то не вижу. Боюсь, его съела акула.

Моя пожилая подруга немного помолчала. Я ощутила легкое недоумение.

— Я уже стара, — продолжала китиха, — теперь я старше, по крайней мере, на пятьдесят свадебных сезонов, чем в день нашей предыдущей встречи. Тогда ты направлялась на юг, чтобы убить Мэгона и Птицу Лиру. С тех пор эти воды стали безопасными. Животные, которые обитают на суше, также говорят, что живут в мире. После того как не стало Мэгона, жизнь стала хороша как в тундре, так и на море. Многие благословляют тебя за то, что ты сделала, сестра. Матери рассказывают детенышам, как женщина-воин спасла нас от истребления дикарями Мэгона.

Я промолчала. Я почувствовала, что встреча не была случайной. Представила себе огромные расстояния, которые пришлось преодолеть стае китов, какие могучие течения пересечь, прежде чем найти мой корабль.

— Я некоторое время искала тебя, сестра, — продолжала китиха, — мне сказали, что ты вновь охотишься за Птицей Лирой. Я приплыла сюда специально, чтобы рассказать тебе, что одна из моих внучек видела ее несколько свадебных сезонов назад.

— Где ее видели, сестра? — спросила я. — И когда?

— Я точно не знаю когда, — ответила пожилая самка кита, — внучка вспомнила это случайно, когда мы слышали новости о том, что ты снова охотишься за Птицей Лирой. Это произошло семь или восемь свадебных сезонов назад. Внучка рассказала, что видела Птицу Лиру вблизи черных рифов, в полутора месяцах пути на юг. Внучка видела, как на рифах разбился корабль. Акулы были счастливы, они опьянели от крови. Вся команда корабля погибла. Внучка увидела, что на самой высокой мачте сидит большая золотая птица. Птица стала подзывать внучку с помощью музыки. Прекрасной музыки. Почти такой же красивой, как и песня кита. Но моя внучка испугалась, поэтому она не подплыла близко, как того хотела птица. Испугалась и уплыла.

Я начала расспрашивать других и обнаружила, что у меня есть внучатая племянница, которая тоже была вблизи черных рифов, когда там произошло кораблекрушение. Племянница сообщила, что видела, как на север направлялся корабль, вышедший, по всей вероятности, из района крушения. Она запомнила это, потому что снова слышала чудесную музыку. Но на этот раз она подумала, что музыка предназначена не для нее, а для мужчин, находящихся на борту.

На борту корабля племянница не увидела никакой птицы, там была женщина, которая играла на музыкальном инструменте. В воздухе чувствовалось очень большое возбуждение. Как показалось племяннице, это напоминало волнение свадебного сезона. Хотя при этом моя племянница была почти уверена, что женщина не собиралась петь свадебную песню, ей явно не нравился ни один из мужчин команды.

Все свидетельствовало о том, что это была Новари. Она, по всей вероятности, соблазнила матросов проходящего мимо судна и заставила их снять ее с обломков погибшего корабля. И потом использовала их для того, чтобы добраться до места, где находились более богатые и достойные ее внимания жертвы. Здесь Новари ухватилась за конец длинной цепи предоставленных ей возможностей и, преодолев огромные расстояния, оказалась в конце концов в Ориссе.

Думаю, что ей потребовалось несколько лет, чтобы достичь цели. Несмотря на перенесенные тяготы, она была вознаграждена, так как, без сомнения, обнаружила в Ориссе множество богатых и жадных до наслаждений мужчин, послуживших ей хорошим источником энергии.

Я еще некоторое время поспрашивала свою мудрую помощницу, но больше ничего не сумела добавить к тому, что уже знала. В конце концов я поблагодарила ее и попрощалась.

Удаляясь от стаи китов, я чувствовала, как китиха посылает мне вслед благословения. И еще долго после того, как я потеряла стаю из виду, серебряная палуба моего корабля вибрировала в такт напутственной песни.

Через несколько недель я достигла Писидии. Был самый разгар утра, ярко светило солнце, а свежий ветер дул ровно. Я приблизилась к городу без какого-либо опасения, обогнув далеко вдающийся в море мыс, в прежние времена густо поросший лесом.

С течением времени Писидия изменилась до неузнаваемости. Сначала я не признала ее и непроизвольно сверилась с картами, чтобы проверить, не совершила ли каким-то образом чудовищную ошибку. Первое, что бросалось в глаза, было поистине восхитительное отсутствие отвратительного запаха дубилен, который в прошлые времена встречал мореплавателей за несколько дней до того, как они прибывали к пристани. Теперь же воздух был очень приятным, наполненным ароматами богатого портового города. Дубильни исчезли.

За прошедшие годы город неимоверно разросся, широко раскинувшись по обеим сторонам от гавани, рассек леса, продвигаясь в глубь суши, расставляя на пути грозди домов, вилл, поселков.

Порт стал гораздо больше и работал с полной нагрузкой. Я посмотрела на торговые корабли и была разочарована, когда обнаружила, что ни один из них не несет флага Антеро.

Но основной приметой, по которой я признала Писидию, был впечатляющего вида храм, расположенный на знакомом холме. Старая деревянная постройка, в которой обитала Дасиар, мать провидица, исчезла. Когда я в последний раз была здесь, каменный храм, который заменил ее, только-только начинали строить. Теперь храм выглядел очень древним. Довольно убедительным свидетельством того, что прошло несколько десятилетий с тех пор, как Дасиар и я столкнулись с воинами-великанами Мэгона.

Я подняла на флагштоке торговый флаг, принадлежащий свободному мореплавателю, и сформулировала заклинание, с помощью которого замаскировала серебряный корабль так, чтобы он казался построенным из дерева. Причалив, я не привлекала к себе ненужного внимания, при этом портовый служащий поинтересовался лишь размерами взятки, которую я дам ему, чтобы обеспечить кораблю безопасную, удобную стоянку.

Я уделила особое внимание одежде. Мои чулки, туника и плащ были превосходного качества, но не броской расцветки, преимущественно серой и черной. Кроме того, на борту я оставила почти все украшения, за исключением простых золотых серег-колечек. Я надела перчатки по локоть, чтобы скрыть золотую руку. Латка на глазу придавала мне удалой вид, поэтому мне не составляло труда войти в образ, который выручал меня и прежде, — искателя приключений, купца, ищущего новые возможности для расширения торговли.

Мне не доставило особого труда влиться в Новую Писидию. В воздухе чувствовалась деловая лихорадка, и казалось, что каждый встречный спешил по точному адресу и с весьма определенной целью. Нарядные жилые дома и магазины радовали глаз. Горожане выглядели более солидно. Повсюду — обилие клиентов. Представители нового среднего класса,

ремесленники, мастера, владельцы лавочек строили себе довольно красивые дома — они тянулись вдоль холмистых склонов, которыми раньше никто не интересовался. Писидия не только разбогатела, но и окончательно сложилась как город.

Я обнаружила таверну около одного из посещаемых мелкооптовых магазинов, где капитаны, одетые в дорогие одежды, похоже, не обращали никакого внимания на цены, стремясь как можно лучше обеспечить предстоящее плавание. Купцы помоложе, многие из которых были одеты, как и я, часто забегали в эту таверну. Я с радостью заметила, что многие из купцов — женщины.

В таверне стоял гомон, посетители делились последними сплетнями и слухами о торговых делах. Я с усилием протиснулась на свободное место около одного из длинных, грубо обработанных дубовых столов. Симпатичная служанка, покрасневшая от непрерывного снования от стола к столу, принесла мне в конце концов кувшин хорошего вина и вкусный мясной пирог. Прошло много лет с той поры, когда мне в последний раз выпадала такая удача, поэтому я смаковала каждый глоток и каждую крошку.

Говоря по правде, я слегка растерялась от шума. Доносящиеся с улицы отзвуки напряженного движения, лай собак, ржание лошадей, мычание коров, скрип и скрежет телег и повозок — все это в сочетании с громкими голосами завсегдатаев таверны заставило меня почувствовать себя как-то необычно одинокой. Но, вслушиваясь в разговоры, я постепенно восстанавливала душевное равновесие.

— Что говорят о торговле шкурами? — спросила я соседа справа, краснолицего молодого человека с густыми, топорщащимися усами и дружелюбной улыбкой.

— Не очень выгодно, если у вас недостаточно средств для инвестиций, друг мой, — ответил краснолицый. — Цена за тюк выше, чем когда-либо. Но существует возможность получить большую прибыль, если накладные расходы низки, а рынки сбыта весьма отдалены.

Молодая женщина слева от меня услышала, что сказал мой собеседник, качнула головой в знак несогласия и произнесла:

— Будь я на твоём месте, сестра, я бы не вложила в шкуры и потертого медяка. В этом году они весьма низкого качества. Особенно плохие шкуры вам подсовывают, если вы покупаете маленькими партиями. Если путь неблизкий, то рискуете не довезти товар. Откроете трюмы, а там зловоние и черви... плакали денежки.

— О, я думаю, что дела обстоят не столь плачевно, — сказал краснолицый, отстаивая свою точку зрения. — Вы просто должны знать, какой товар покупаете. Нужно разбираться в шкурах.

— Раньше бывало совсем по-другому, — вступил в разговор осанистого вида пожилой человек, стоявший недалеко от нас. Хотя его купеческая одежда уже была сильно запачкана вином, было заметно, что она дорогая и отличного качества. В придачу с довольно толстой шеи свисала тяжелая золотая цепочка. Он продолжал: — В мое время здешние шкуры задавали тон и правили балом. Они высоко ценились повсюду. Не было ни одной плохо выделанной шкуры на тысячу.

Новый собеседник залпом осушил свой бокал. Его сосредоточенный вид как бы подчеркивал искреннюю веру в то, что с той поры все потускнело и измельчало.

— Но потом дубильни перенесли, — рассказывал он, — в Новую Писидию. За много миль отсюда, в сторону гор. После этого качество сразу же полетело к чертям. Новая технология. Волшебный процесс. Никаких мух, сточных вод, дубильных чанов. Вот так и говорят.

Он взглянул на меня. Произнес с прояснившимся лицом:

— На самом деле должен быть запах созревшей шкуры, и никто не сможет убедить меня в обратном.

Мои соседи стали смеяться над ним.

— Кому какое дело? — сказала женщина. Она была невысока ростом и довольно активно выражала свое мнение. — Мой дедушка рассказывал, что в те времена, когда шкуры

обрабатывали по старинке, в городе стояла невыносимая вонь. Такая, что в городе не имело смысла жить. Теперь же торговый оборот Писидии значительно превышает наши возможности справиться с потоком товаров. И шкуры составляют в нем только незначительную часть. Посмотри получше вокруг, старый пенъ. Воздух свеж. Улицы чисты. И у многих живущих в Писидии появилась возможность заработать. — Женщина подмигнула мне и продолжила: — Не ошибусь, если предположу, что твоя мать была так же изумлена, как и моя, когда узнала, что ее дочь собирается стать коммерсантом. В старые времена в Писидии женщина и думать не могла о том, чтобы заниматься подобными делами.

Я улыбнулась и кивнула в знак согласия. Потом сказала:

— Я не слишком понимаю, куда лучше вложить деньги. Я подумала о том, что стоит посоветоваться у вашей матери провидицы.

— Мудрое решение, коллега, — сказал краснолицый, — наша провидица все еще лучшая в мире. — Он посмотрел на осанистого мужчину и продолжал: — Этого никто не сможет оспаривать.

— Это близко к истине, — произнес пожилой человек, — хотя главная жрица Писидии никогда и близко не была так хороша, как мать Дасиар.

Он тряхнул головой и вновь заговорил:

— Она умерла, когда я был еще мальчиком. С той поры у нас сменилось две провидицы. А нынешняя, по моему разумению, слишком молода. Но это мое личное мнение, которое я не хотел бы широко распространять.

Краснолицый усмехнулся, поглядев на меня, и сказал:

— Не обращайтесь на него внимания. Обязательно навестите мать провидицу. Она не моложе меня и в десять раз мудрее любого мужчины и любой женщины Писидии. Она подскажет вам правильное решение — касается ли это любви или способа получения дополнительного дохода.

— Или того и другого, вместе взятых, — почти ликуяще произнесла соседка, — если вы достаточно удачливы, чтобы ухитриться сочетать бизнес и удовольствие.

Красивый юноша, обслуживающий посетителей таверны, прошел мимо, умело неся поднос. Женщина подмигнула мне и сделала недвусмысленный жест рукой.

Времена определенно изменились — по крайней мере в Писидии.

Я имела твердое намерение посетить провидицу задолго до того, как приплыла в Писидию, но в таверне я изобразила стремление получить совет случайной компании на этот счет и подробно расспросила соседей о сложившихся правилах таких визитов, узнала цену и имя матери провидицы, которую звали Хана.

Я была слишком уставшей, чтобы предпринять визит в тот же день, поэтому сняла хорошие комнаты, расположенные недалеко от таверны. Мальчику я дала монету и послала его к книжным развалам, чтобы он нашел копию книги, повествующей о последнем путешествии моего брата. Я уже видела наиболее важный этап этих приключений Амальрика и Янилы Серый Плащ в наиболее мощных видениях, которые растревожили мой ледяной сон. Но теперь мне было необходимо получить более материальные свидетельства о подвигах брата. А что может быть лучше, чем слова самого Амальрика?

Мальчик вернулся с потрепанной книгой. Судя по всему, она прошла через множество рук.

Я приняла ванну, поужинала, а затем прочитала книгу от корки до корки. Меня так затянуло в волшебное заклинание, созданное моим братом, что я не заметила, как пролетела ночь. Я вновь пережила вместе с братом мучительное разочарование в Клайгиусе, в сыне, чье будущее предательство я почувствовала, когда много лет назад бросила кости в саду на вилле Амальрика. Я вместе с ним и Янилой Серый Плащ пробивалась сквозь неисследованные просторы, за которыми лежала Тирения — настоящие Далекие Королевства. Я разделила отчаяние Амальрика после того, как он едва не был побежден, и его радость после победы, одержанной над Бейлендом, королем демонов. И я плакала, когда читала последние, полные любви слова Амальрика, написанные за несколько мгновений до

того, как он и Янила совершили обряд вечной любви и во имя ее ушли из жизни. Я молила богов о том, чтобы они нашли тот счастливый Другой Мир, который искали.

Когда я в конце концов заснула, мне приснилось, что я путешествую с ними в этом желанном Мире, и те картины, которые открывались перед нашими изумленными глазами, были настолько великолепны, что при попытке пересказать впечатление будет искажено.

Я проснулась поздно, разморенная непривычной роскошью, в которой оказалась после долгого пребывания на море, потом оделась. Я наняла экипаж, который доставил меня на вершину холма, к храму.

Я добралась до храма к вечеру. Последние просители выходили из его дверей. После довольно значительных пожертвований мне было дозволено увидеть мать провидицу Хану.

Ее комнаты располагались в отдаленном конце храма, и, пока меня вели по святому месту, курился столь густой фимиам, что я с трудом сдерживала чих. По дороге я заметила, что стены храма украшают рельефы с изображением важных событий истории Писидии и ее провидиц. Когда мы остановились перед дверью в покои матери провидицы, я попыталась более внимательно присмотреться к этим изображениям, но как только провожавшая меня священница постучалась в дверь, раздался голос, приглашающий нас войти.

Это была очень деловая мать провидица. Когда мы вошли, она быстро надела официальное платье и готовилась поприветствовать гостей. Я успела заметить, что провидица собралась отдохнуть перед началом вечерней службы. Но внезапно появилась я и сделала пожертвования, размер которых лишил возможности отказать во внеочередной аудиенции.

Мать Хана была красивой женщиной лет тридцати пяти. Она обладала царственной внешностью: темные брови, нос с горбинкой и пронзительный взгляд. На ее лице застыла та вызванная усилием воли улыбка, которую служители церкви надевают при виде богато одетого посетителя в надежде пополнить скудную казну храма.

Я не сомневалась в том, что в ту минуту Хана думала: «Я буду ласковой, независимо от того, насколько грубой и жадной является эта торговка. Думай о всех нуждающихся и страдающих младенцах, Хана. И улыбайся, улыбайся».

Я низко поклонилась. Потом произнесла:

— Для меня высокая честь, ваше святейшество. Благодарю вас от всего сердца за то, что нашли возможность пригласить незнакомку на душевную беседу.

Она пробормотала что-то вежливое в ответ, но в тот момент, когда я распрямилась после поклона, выражение ее лица на миг изменилось. Я постаралась не обращать на это внимания, подумав, что ее заинтриговала золотая латка на моем правом глазу. И продолжала:

— Ваше святейшество, жизнь снова привела меня на перепутье, и я пришла, чтобы попросить у вас совета. Если вы сочтете мои цели стоящими, может быть, я смогу убедить вас обратиться непосредственно к оракулу Писидии, который поможет мне выбрать верный путь.

Вместо ответа Хана еще внимательнее всмотрелась в мое лицо. Потом внезапно кинулась к двери, на ходу бросив:

— Подождите здесь!

Я забеспокоилась. Что-то не так. Может, я чем-то оскорбила ее? Или существует более серьезная причина? Я начала уже было сожалеть о том, что оставила все свое оружие при входе, но в этот момент Хана снова порывисто вошла в комнату. На ее лице было нескрываемое изумление.

— Я знаю, кого вы мне напоминаете! — воскликнула она. — Вы Антеро, не так ли?

Я уже было затараторила не особо убедительные оправдания, но вовремя спохватилась и спросила:

— Как вы догадались?

— Ну что ж, даже несмотря на эту... хм... латку, я вполне уверена.

Хана схватила меня под руку и с силой повлекла из комнаты.

— Смотрите, — скомандовала она, указывая на фреску на ближней стене.

Там, в два раза превышая натуральные размеры, были написаны сцены, показывающие сражение женщины-воина с великанами. У женщины было мое лицо, но, конечно, без латки. Рядом с женщиной-воином была изображена другая сражающаяся женщина. Похожая на Дасиар, одетая в платье провидицы и с волшебной диадемой в волосах.

— Вы могли бы стать близнецом Рали Антеро! — сказала Хана. — Так что давайте все начистоту, друг мой. Если вы пришли к нам в поисках святого убежища, то я дарю его без колебаний. Вся Писидия посчитает за великую честь защитить последнего Антеро от любого, кто может причинить ему зло.

Мое сердце остановилось.

— Последнего Антеро? — спросила я. — Еще есть ребенок. Эмили Антеро. Дочь моей племянницы.

— Боюсь, она мертва, мой бедный друг, — ответила Хана. — Думаю, что все Антеро были убиты этими сошедшими с ума орисситами. Но вы только посмотрите! Вы — вылитая Антеро. Может быть, остался еще кто-нибудь, кто знает? Может быть, на самом деле ребенок жив. Орисса далеко, новости поступают с задержкой и иногда сильно искажаются.

Слухи слухами, но я была поглощена мыслью о вероятности того, что проиграла до начала решающего сражения. Хана тем временем отвела меня к удобной кушетке и принесла коньяку, чтобы успокоить нервы.

Мне потребуется еще несколько месяцев, чтобы добраться до Ориссы и выяснить правду. Если Эмили мертва, мне придется действовать иначе. В моем сознании зазвучал горький смех. Я подумала: «Какие планы, Рали? У тебя ведь нет никаких идей». Хана присела напротив меня в кресло. Мы находились в приемных покоях, стены которых были выложены мрамором. Хана поставила удобную мебель, а на стены повесила несколько гобеленов с пасторальными сюжетами. Я подозреваю, что ее личные апартаменты должны быть менее уютными, чем комнаты Дасиар, но столь же гостеприимными.

— Скажите мне, пожалуйста, как вас зовут, — попросила Хана с теплой улыбкой. — Не могу же я каждый раз называть вас Антеро. Это звучит так... ну, не знаю... воинственно!

Я криво усмехнулась и сказала:

— Вы даже не подозреваете, ваше святейшество, как близки к истине.

— Пожалуйста, называйте меня Ханой, — попросила она, — или я вынуждена буду спрятать коньяк.

— Хорошо, Хана, — согласилась я и протянула ей рюмку.

Душевное равновесие постепенно возвращалось, и я постаралась дать взвешенный ответ. В конце концов я решила сказать правду — хотя и косвенно, как это заведено у колдунов.

— Думаю, лучше всего будет, если ты сама узнаешь, кем я являюсь в действительности.

Я наклонила рюмку, медленно выливая ее содержимое на ладонь руки, затянутой в перчатку. Вместо коньяка засверкал ручеек серебряных блесток. Они образовали маленькую мерцающую горсть на моей ладони. Я высыпала блестки обратно в бокал, и они снова превратились в коньяк. Пока я исполняла этот маленький трюк, почувствовала, что магические чувства Ханы как бы отпрянули от изумления, но потом осторожно двинулись вперед, ощупывая эфир.

Она усмехнулась, в ее глазах сверкнуло знание.

— Так вот почему ты уцелела, — сказала Хана, — ты колдунья! Как и твоя великая предшественница Рали Антеро.

— Но есть еще кое-что более значительное, — сказала я.

Я опустила все защитные оболочки биополя и предстала пред Ханой. Приглашая ее узнать истину. Я ощутила, как она приняла приглашение, следом возникло ощущение мягкого существа, проникшего под мою ауру. Любопытные щупальца заскользили по астральному телу, осторожно огибая края старых ран и еще более старых грехов, пока не добрались до самого центра. Там они дрогнули от изумления. Проверили еще раз. Затем

медленно отошли.

Хана посмотрела на меня глазами, похожими на две полные луны, излучающие суеверный восторг.

— Так ты и есть Рали Антеро? — спросила она. — Но разве это возможно? Или я сплю? Если это так, то не буди меня, иначе я подумаю, что определенно сошла с ума!

— Все те, кто сошел с ума, обитают на небесах и сидят на божественных тронах, — ответила я. — Не буду произносить вслух их имена, так как боюсь, что нас поразит молния.

После этого мы с Ханой подняли бокалы, звонко чокнулись, и я рассказала ей свою историю. Немало времени протекло прежде, чем я закончила.

Хана стерла слезы с лица и произнесла:

— Столько боли и отчаяния! Тем не менее более всего меня удручает мысль о твоей нежной Салимар. Как ей должно быть одиноко без тебя! Как отвратительно должна ты себя чувствовать в результате того, что тебе пришлось отлучиться. Ведь если тебя постигнет неудача, то ты не сможешь вернуться.

— Это может произойти и в том случае, если удача улыбнется мне, — возразила я, не скрывая горечи, — ведь победа может стоить мне жизни. Иногда я думаю, что должна была примириться с Хранителем Тьмы много лет назад. Я вовсе не жажду умереть, наоборот, испытываю совершенно нормальный, присущий каждому страх смерти. Но теперь...

Мой голос пресекся. Я в отчаянии потрянула головой.

— Теперь у тебя есть что-то особенное, личное — то, что ты очень боишься потерять, Рали, — сказала Хана, — у тебя есть Салимар. Раньше ты сражалась за родину, за семью. Но не было ничего, чем обладала бы только ты, и никто больше. Деньги? Не думаю, что деньги имеют для тебя какое-либо значение. Власть? Я прочитала твою книгу и обе книги, написанные твоим братом, и не почувствовала властных амбиций ни в тебе, ни в Амальрике. Однако твой брат встретил в своей жизни любовь. Большую любовь. А ты — до встречи с Салимар — долгое время не имела ничего, кроме печальных воспоминаний о первой настоящей любви.

— Об Отаре, — вставила я. Хана кивнула и продолжала:

— Да, именно так ее звали. Теперь я вспомнила — Отара. Из твоего путевого журнала определенно следует, что после того, как ты потеряла ее, ты уже не надеялась когда-либо в будущем встретить такую любовь.

— Да, это так, — подтвердила я.

— Тогда я должна сказать тебе, что завтра совершу жертвоприношение. Там соберется все население Писидии. И мы потребуем, чтобы боги помогли тебе выполнить намеченное. Рали Антеро заслуживает и большего.

— Пожалуйста, позволь отклонить это свидетельство необыкновенного уважения ко мне, — сказала я. — Ни одна живая душа не должна знать, что я вернулась. Мне хотелось бы, чтобы у Новари не возникло ни малейшего подозрения, что я жива.

Хана вздохнула, но потом кивнула в знак согласия:

— Понимаю, но, если все должно быть проделано втайне, то чем же мы сможем помочь тебе? Только скажи — все будет исполнено. Я позабочусь о том, чтобы не возникало никаких осложнений.

— Вот чего бы мне хотелось сейчас — так это информации от того, кому я могу доверять. Пожалуйста, расскажи мне все, что знаешь о событиях в Ориссе. И о том, как эти события влияют на остальной мир.

— О последнем поведать несложно, — начала Хана. — Весь цивилизованный мир находится в шоке. Твоя родина истерзана кровавой гражданской войной, которая уничтожила торговлю, разбила все союзы, породила тьму проходивцев, умело ловящих рыбу в мутной воде, наживающихся на чужом несчастье.

Мы находимся так далеко от всех этих тревожных событий, что единственным следствием для Писидии стало увеличение объемов торговли с теми купцами, которые начали искать новые пути. Но мы внимательно прислушиваемся ко всем новостям, потому

что наши чувства традиционно находятся на стороне граждан Ориссы, и в особенности — на стороне Антеро.

— Сколько времени продолжается гражданская война? — спросила я.

— Более двух лет, — ответила Хана. — Она вспыхнула, когда презренный заклинатель по имени Като выиграл выборы на должность главы магистрата. Он немедленно избавился от тех членов магистрата, которые не являлись его приятелями, и закрепил за собой пост главы. Затем он объявил о введении законов военного времени и нарек себя диктатором, ограничив практически все права граждан.

— Мой народ никогда не наденет такое ярмо по собственной воле, — возразила я.

— Так произошло, — подтвердила Хана. — Значительная часть жителей Ориссы взбунтовалась. Их возглавляли два лидера. Первым и наиболее популярным из них был твой племянник Гермияс Антеро. Вторым — главный заклинатель лорд Пальмирас.

Я даже моргнула, узнав имя второго вождя восставших. Пальмирас был главным заклинателем, когда Амальрик отправился в свое последнее путешествие. Из путевого журнала, который был издан впоследствии отдельной книгой, я узнала, что брат был высокого мнения об этом человеке.

— Ты представляешь, — продолжала Хана, — одной из первых акций Като был захват Дворца Заклинателей. Конечно же, он хотел добраться до волшебных мастерских, где каждый божий день совершались все новые открытия, которые продолжали и развивали открытия, сделанные Янилой Серый Плащ. Пальмираса выгнали из дворца. Он покинул дворец с небольшой группой верных ему заклинателей.

Я улыбнулась печальной улыбкой и сказала:

— Не удивлена, что группа была маленькой. Мы, колдуны, такое жадное и завистливое племя.

Хана кивнула в знак согласия.

— Они пытались завладеть технологией полного контроля над тем, что наши ученые называют законом Унификации Серого Плаща.

Я не смогла на этот раз сдержать эмоций. Иногда ученые умудряются заставить наиболее ошеломляющие теории казаться серыми, присваивая им свои имена.

— Ряды заклинателей Ориссы раскололись в результате этих событий, — продолжала Хана, — но большинство граждан поддерживало твоего племянника и Пальмираса. Продолжались обмены ударами, столкновения, которые время от времени угрожали сделать правление диктатора Като кратковременным. К несчастью, в ближайшее окружение Като входили влиятельные военные. По этой причине он контролировал значительную часть армии.

— Но не Стражу Маранонии, — вклинилась я. — Они никогда не поддавались на такие соблазны.

— Тогда я думаю, тебе будет приятно узнать, что твои сестры не разочаровали тебя. Стража Маранонии влилась в состав восставших — насколько я поняла, это были части специального назначения. Горные стрелки. Как правило, это были весьма незначительные по численности силы, но настолько умелые и опасные для врага, что в течение некоторого времени даже казалось, что они помогут взять верх. Увы! Последние новости, которые поступили ко мне, свидетельствуют о том, что Като одерживает победу за победой.

Сначала был убит Гермияс, который возглавлял штурм Дворца Заклинателей, где располагается резиденция. Как мне рассказали, наемный убийца хладнокровно зарезал Гермияса.

После этого в предместьях города была проиграна решающая битва, армия восставших в беспорядке отступила. Пальмирасу и большинству заклинателей удалось скрыться. Как и многим твоим сестрам из Стражи Маранонии. Остаткам армии пришлось очень туго. Как мне рассказали, человеком, который пытался организовать отступление, был генерал Квотерволс. Впоследствии этот маневр знатоки военного дела называли безукоризненным, отзывались о нем с восхищением и считали достойным того, чтобы его описание вошло во

все учебники тактики.

Имя генерала Квотерволса было мне тоже знакомо. Он являлся правой рукой моего брата во время экспедиции в Тирению, известную впоследствии как Королевство Ночи. Генерал был также одним из четверых людей, которым доверили выполнить чрезвычайное поручение — вернуть в ОриССу путеводный журнал Амальрика.

— Вся ОриССа и большая часть окружающих ее земель контролируется диктатором Като, — продолжала Хана. — Я узнала, что он использовал термин «умиротворение». На деле это означало, что все, кто находился в оппозиции, были схвачены и уничтожены. Вместе с семьями и друзьями. Антеро возглавляли этот список смертников.

Тебе следует знать, моя дорогая Рали, что Писидия испытала шок, когда узнала о нападении на твою семью. Мы долго плакали и молились за то, чтобы боги не покинули ваши души. Были безжалостно убиты мужчины, женщины и даже дети. Ходят слухи, что Антеро были стерты с лица земли.

— А как же Эмили? — спросила я. — Моя внучатая племянница? Насколько ты уверена в том, что ее тоже убили? Приходилось ли тебе когда-либо слышать о ней?

Мое сердце упало, когда Хана кивнула в знак подтверждения.

— Это очень трагичная история, поверь мне, Рали, — отвечала провидица, — один из капитанов, которому полностью доверял твой брат, погиб, пытаясь спасти твою маленькую Эмили. Ее звали Келе — ты сможешь вспомнить, если еще раз согласишься посмотреть журнал Амальрика.

Да, я очень хорошо ее знала. Келе была наиболее преданным и опытным шкипером Амальрика. Она командовала флотом, на котором было совершено плавание в Тирению. А ее отец, Луйр, был капитаном во время самого первого путешествия, предпринятого в поисках Далеких Королевств.

Хана продолжала рассказ:

— Келе тайно увезла Эмили из города, как только начался хаос и наемные убийцы начали охотиться за членами твоей семьи. Она отправилась по реке, к укрепленному лагерю восставших, в течение нескольких недель скрываясь и увертываясь от патрулей и войск Като. Если не ошибаюсь, этот лагерь называется Галана. Тебе известно это место?

Я кивнула. Именно в маленьком храме Галаны и началось мое путешествие пятьдесят лет назад. Кроме того, Галана всегда была пристанищем для стражниц Маранонии, достигших преклонного возраста. Галана являлась идеальным местом, чтобы выдержать длительную вражескую осаду.

— Капитан Келе, — продолжала Хана, — успела достичь Галаны. Перед лицом врага она отослала всех, приказав доставить Эмили в крепость как можно быстрее, а сама осталась биться до конца. В конце концов Келе погибла, но девочка была спасена. К сожалению, лишь временно. По крайней мере, это последние сведения, которые дошли до меня. Хочу подчеркнуть, что это скорее слухи. Думаю, что нам лучше всего строить расчеты исходя из того, что оборона восставших в Галане пробита и, несмотря на то что они не сломлены окончательно, ребенок все-таки захвачен.

— И убит? — спросила я. — Что говорят слухи, была ли Эмили убита?

Хана развела руками. Ей не хотелось вселять в меня ложную надежду. Но ей также не хотелось и причинять мне боль.

— Да, слухи таковы, — сказала Хана, — однако я уверена, что это ложные слухи... Хотя рассуди сама, какой может быть судьба Эмили в сложившейся ситуации?

— Если сравнивать с перспективой попасть к Новари, смерть может показаться не самым худшим концом.

Хана поморщилась. Помимо истории о своих злоключениях, я рассказала ей, что сообщила мне Маранония о врожденном могуществе Эмили. О том могуществе, которого так безуспешно и так отчаянно добивается Новари. А Хане не представляло труда догадаться, какие действия может предпринять Птица Лира, чтобы достичь желаемого.

— И ее не остановит то, что перед ней — ребенок? — спросила Хана.

— Да, — ответила я, — не остановит. Она и душу ребенка готова отправить в преисподнюю.

Потом я спросила:

— А что слышно о Новари? Какую роль она играла во всех этих событиях? Кроме, конечно, создания заклинаний. Это она хорошо умеет делать, оставаясь вне поля боя.

— Боюсь, дорогая Рали, что ты глубоко ошибаешься, — сказала Хана, — как раз теперь наступил звездный час Птицы Лиры. В действительности она в центре событий. Подожди-ка, я покажу тебе...

Хана поднялась, чтобы немного порыться в сундуке, и вернулась, держа в руках сверток голубой материи. Начала разворачивать, приговаривая:

— Привез один купец несколько недель назад.

На ткани была изображена чудесная золотая птица, сидящая на древней арфе.

Новари. Птица Лира. Хана продолжала:

— Это новый флаг Орииссы, Рали. Новари провозгласили живой богиней, и именно под этим флагом плавает Като, отдает приказы и заставляет людей ради него умирать. — Хана скомкала флаг, швырнула его на пол, затем ударом ноги отбросила далеко в сторону, опустилась в кресло и продолжала: — Я с горечью должна признать, что многие стали убежденными сторонниками Новари и уверовали в ее божественность. Магия Птицы Лиры чрезвычайно сильна. В особенности сейчас, когда в ее руках оказались Мастерские Заклинателей. Она все больше и больше овладевает новыми возможностями, вытекающими из закона Унификации. Просто удивительно, что Пальмирас и его соратники оказались в состоянии противостоять Новари столь продолжительное время.

— Это Эмили, — ответила я, — маленькая девочка экранирует восставших и не дает Птице Лире наносить удары в полную силу. — Я взглянула на Хану в упор. Потом произнесла: — Но если Эмили мертва...

Хана вздохнула и сказала:

— Да, тогда все потеряно. Но мы все молимся за то, чтобы этого не случилось. И если на то будет воля богов, то ты вскоре ее увидишь.

Когда я на следующий день отплывала из Писидии, меня провожал колокольный звон. Я все еще ощущала на щеке прощальный поцелуй Ханы и слышала произнесенные шепотом мне на ухо добрые напутствия.

Ветер был попутным. Боги, похоже, совершенно не интересовались мной, потому что я без каких-либо происшествий плыла на протяжении многих дней и ночей. Но это было унылое и мрачное путешествие. День за днем меня непрерывно терзали мысли о том, что случилось с родным городом. Я стала еще более мрачной и опустошенной, когда до меня полностью дошел истинный масштаб несчастья, обрушившегося на мою семью, и когти боли и отчаяния вгрызались все глубже и глубже в сердце, по мере того как я приближалась к Ориссе.

Хана сказала, что все мои родственники убиты. Так много жизней было положено, так много сил, страданий и боли пережито ради семьи Антеро!

И все Антеро уничтожены Новари.

Я о многом передумала за время продолжительного плавания. Оттачивала оружие и старательно готовилась к встрече с Новари.

Глава 2. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ОРИССУ

Когда я достигла устья реки Орииссы, был конец лета.

Я приближалась с максимальной осторожностью. Мне уже приходилось укрываться от назойливых, как осиный рой, патрулей, плавающих под флагом Птицы Лиры. Эти суда ошестинились оружием. На каждом патрульном судне имелся свой заклинатель, чтобы

распознавать магическую контрабанду. Но я очень хорошо знала дельту реки. Знала, где располагались отмели, закрытые в то время года туманом, бухточки, служившие мне убежищем еще в юности; знала, в каких местах дельты берег обычно пустынен и дает возможность спрятаться от посторонних глаз.

Я короткими бросками перебиралась от одной туманной отмели до другой, от одной бухты до следующей. Несколько раз, проскользнув в очередное убежище, я почти сразу сходила на берег и поднималась на ближайший холм, чтобы посмотреть, нет ли поблизости вражеских патрулей. Однажды я стала свидетелем того, как патруль захватил мелкого контрабандиста. Его судно было тщательно обыскано, небольшой груз, обнаруженный в трюмах, конфискован.

Это не показалось мне столь уж необычным. Все цивилизованные государства имеют законы, призванные защитить их торговлю от нежелательного вмешательства. По законам Ориссы — той Ориссы, которую я знала пятьдесят лет назад, — судно, капитан и команда подвергались в таких случаях аресту и должны были впоследствии предстать перед судом. Наказание, которое грозило контрабандистам, изменялось от очень больших штрафов до тюремного заключения. В отдельных случаях — вплоть до ссылки, если нарушившие закон были гражданами Ориссы.

Однако то, что произошло вслед за изъятием груза, было не только необычным, но и пугающим. С помощью подзорной трубы я увидела, как патрульный заклинатель приказал спрятать отобранные у контрабандиста товары в специальное помещение, которое он опечатал личной печатью. После этого капитан и команда захваченного судна были обезглавлены на месте, их трупы — спрятаны в трюме, а корабль — сожжен.

В течение ближайших двух дней я следовала неотступной тенью за другим патрулем. Наблюдала, как они берут на abordаж одно судно за другим. Почти никому не было причинено вреда и многим дозволили плыть дальше после того, как завершился досмотр судов. Но я видела, что отдельным беднякам не повезло, и они разделили судьбу первого контрабандиста.

Чтобы избежать подобной фатальной встречи, я должна была приблизиться к Ориссе по суше. От дельты до города была неделя пешего пути. Четыре дня — на лошади. Я приняла дополнительные меры предосторожности и изменила свою внешность, что смогла без труда миновать многочисленные контрольные пункты.

При обдумывании дальнейшего продвижения по суше труднее всего было принять мысль оставить корабль. Поблизости не было ни одного укрытия, за которое я была бы спокойна. Если на корабль кто-нибудь случайно наткнется, то вскоре заклинатели Новари будут прочесывать окрестности, быстро подхватят мой магический след, в отношении принадлежности которого Птица Лира не ошибется.

Поразмыслив, я лучше разогнала корабль и выбросила его подальше на берег. От мачты я отрезала небольшую серебряную полоску. Если мне посчастливится уцелеть, я смогу с помощью этой полоски восстановить корабль и полететь домой, к Салимар. Тогда я не думала, что обстоятельства складываются в мою пользу, вероятность того, что я останусь жива, была незначительна, но я все равно запаслась этой полоской и хорошенько припрятала ее.

После этого я попросила прощения у души корабля и создала заклинание, которое его уничтожило. Корабль охватило холодное голубое пламя. Дыма не было, но, как только он загорелся, воздух замерцал. А когда корабль исчез, раздался резкий звук, как будто бы взорвалась шаровая молния.

К тому моменту, когда я отправилась в путь, в том месте, где я выбросилась на берег, оставался только неглубокий след от кия.

Через два дня пути я выбралась из непрерывной череды холмов и увидела главную дорогу, ведущую в Ориссу. Я была верхом на старой боевой лошади, лучшие дни которой остались далеко позади. Она великолепно подходила к той маске, которую я для себя

придумала.

Я изображала из себя стражницу, которая была уволена по ранению, полученному в сражениях за Ориссу. Для того чтобы лучше соответствовать принятому образу, я сняла золотую руку, завернула ее в чистую белую тряпку и спрятала в седельной сумке. Культю я прикрыла специально вырезанной деревянной чашкой. На внешней поверхности чашки имелось приспособление, позволяющее крепко удерживать лук, который был перекинут за спину. Я приказала своей магической латке принять вид лоскута кожи темно-коричневого цвета и втерла немного румян в шрам под ней, чтобы он стал более заметным.

Я понизила себя в звании до сержанта, а для того чтобы полностью исключить досадные оговорки, сохранила свое старое имя — Рали. Мне не нужно было беспокоиться по поводу возникновения каких-либо подозрений. Если уж на то пошло, очень многие орисские девочки были названы таким именем после победы над Архонтом. Если даже кто-нибудь и подумает об этом, то, по всей вероятности, посчитает, что я одна из тех девочек, которым довелось стать стражницами Маранонии вслед за знаменитой тезкой.

Мой костюм представлял собой подходящую смесь: армейский плащ и сапоги, обычная сорочка и брюки, на голове потрепанная шляпа лучника с широкими полями. Я сформулировала заклинание, с помощью которого заставила меч и остальное мое оружие выглядеть соответственно чину. Кроме меча и лука, у меня были удобно припрятанные различные ножи и кинжалы. А в седельных сумках и в тюках с вещами были припрятаны неприятные сюрпризы для тех, кто может стать неумеренно любопытным.

Стараясь постоянно чувствовать реку до левую сторону от себя, я не спеша ехала в течение часа, произвольно выбирая дорогу. В этот короткий промежуток времени я почувствовала сладкий вкус свободы. Это был тот редкий момент в моей жизни, когда, несмотря на враждебное окружение, я внезапно ощутила, как все тревоги улечиваются и душа обретает умиротворение.

Я продвигалась вперед под теплым орисским солнцем. До меня свежим бризом доносился знакомый с детства запах орисской реки. Несколько рыбаков усердно работали сетями, стараясь раскинуть их пошире. Над рыбаками непрерывно кружились и кричали птицы, как будто бы подзывая своих многочисленных сородичей побыстрее прилететь и принять участие в предстоящем пире.

Справа от меня раскинулись поля, за которыми виднелся лес. Встречались фермы. Земля была заботливо обработана. Иногда из ближайшего куста выскакивали то заяц, то косуля, в течение неуловимого мгновения, застыв, смотрели на меня, а потом стремглав бросались обратно в заросли. Фермерские буренки подходили к самой ограде и, слегка опустив головы, провожали меня, пока я проезжала мимо. Запахи оливок, винограда и апельсинов смешивались с речным воздухом, образуя в результате неповторимый аромат — запах родного дома.

Я нежилась в этом аромате, как какое-нибудь животное, которое получает удовольствие, всякий раз когда жизнь предоставляет ему такую возможность. Затем я заметила фермерскую повозку, которая направлялась прямо ко мне, и на меня вновь обрушилась действительность.

Но как раз перед тем как приблизиться к путникам, я прошептала себе: «Добро пожаловать домой, Рали».

Тяжело нагруженную телегу тащил обиженный мул. Фермер с седой бородой шел рядом, время от времени подгоняя его палкой. Всякий раз мул кривил губы, как бы собираясь укусить, из-за чего его погонщик приходил в ярость и больно бил животину.

— Доброе утро, дедушка, — сказала я.

И старик и мул резко вскинули головы. Они так увлеклись выяснением взаимоотношений, что не заметили моего приближения. Оба встревожено посмотрели на меня.

— Доброе, — односложно ответил фермер.

— Скажите, дедушка, есть ли какое-нибудь жилье поблизости? — спросила я. —

Место, где старый сержант мог бы отдохнуть, промочить пересохшее горло, если вы не забыли, как это делается?

К этому времени фермер успел рассмотреть мои боевые шрамы и узнал сержантскую форму. Внезапно он дружески улыбнулся и ответил:

— Приблизительно в часе езды отсюда есть подходящее место, сержант. Но будь осторожна с хозяином, он бывает груб с незнакомцами.

— Пусть только попробует отнять у меня законное, — угрожающим тоном произнесла я, — и без него на моем пути было столько лжецов и обманщиков. Когда-нибудь Тедейт накажет всех этих толстозадых подонков, которые крадут у старых солдат последнее.

— Знаю, о чем ты толкуешь, сержант, — сказал фермер, — мне пришлось послужить. Я был тогда еще совсем молод. По-моему, нет ничего более почетного, чем быть стражницей, как ты. Но я свое отбарабанил. Все по чести. А когда срок кончился, я не имел ничего, кроме нужды.

— Проклятые казначеи, — громко продолжала я, — вычеркнули меня из списков тех, кому полагается повышенная пенсия.

Я подняла культю.

— Рассчитывала получить добавку вот за это. — Я потрогала латку на глазу. — И еще чуток за потерянный глаз. Теперь я наполовину слепа, уважаемый! Нет, конечно, те жалкие гроши, которые я смогла бы получить, не способны возместить потери. Но это хоть что-то, понимаешь? — Я насупилась. — Поэтому я направились в Ориссу, чтобы вправить хорошенько мозги казначеям. Но пока у меня достаточно денег. На обратную дорогу хватит. И, может быть, еще на пару выпивок для успокоения нервов. Так что хозяину постоянного двора, о котором вы говорили, лучше будет сразу же налить мне полный стакан. Потому что я все думаю об этих казначеях и пенсии, которую мне недоплатили. Клянусь, я не отвечаю за последствия, если он вздумает недолить или отказать.

— Мне не в чем винить тебя, сержант, — сказал фермер, — мне даже захотелось поехать с тобой и убедиться, что он все сделал правильно. — Потом крикнул и продолжал: — И посмотреть, что произойдет, если этот сквалыга откажется.

У фермера к поясу была пристегнута фляга. Он приподнял ее, отстегнул и протянул мне.

— Тут есть глоток-другой. Промочи горло, сержант. А то путь дальний.

Усмехнувшись, я поблагодарила фермера и сделала глоток. От души. Жидкий огонь разлился по внутренностям. Потом ударило в голову.

— Вот это да! — произнесла я, расплываясь в широкой улыбке. — Но горло я не промочила, оно горит!

Фермер засмеялся, а я тем временем приложила к фляге второй раз.

— Этот ром годится для самого короля демонов, — сказала я, — не приходилось пробовать ничего подобного в течение долгого времени.

— Все говорят, что я наливаю хороший ром, — сказал фермер.

— Тот, кто утверждает обратное, — лгун. И будет иметь дело со мной, уважаемый. А я с лжецами не церемонюсь.

Фермер внимательно посмотрел на меня. Он, казалось, колебался, потом пришел к решению.

— Ты поосторожней там, в Ориссе, сержант, — предупредил он, — ты в курсе, что сейчас не все в порядке?

— Вы намекаете на негодяев, которые управляют страной? — спросила я.

Несмотря на то что в радиусе нескольких миль вокруг нас никого не было, фермер рефлекторно оглянулся. Потом сказал:

— Что-то вроде этого, сержант. Послушай, тебе лучше бросить этот тон, когда приедешь в Ориссу. Не гневи богов, называя правителей негодьями.

Я презрительно фыркнула, но опустила голову, как бы сдерживая эмоции.

— Обещаю, дедушка, что попридержу длинный язык, — сказала я, — хотя, честно

говоря, не понимаю, к чему катится наш мир, в котором даже солдат не может пожаловаться на тяготы судьбы. Черт побери, ведь это наше право!

— Но не с такой командой наверху, попомни, — настаивал фермер. Потом вздохнул и продолжал: — Я стараюсь уйти в сторону. Прячу урожай и скотину, когда приходят налоговые агенты. Плачу им только за то, с чем им удастся меня захватить. И улыбаюсь. Так широко улыбаюсь им, как только могу. Потому что эти парни шутить не любят. Они очень любят чужие деньги. Я слышал, что они поймали нескольких фермеров и повесили на городских площадях, так чтобы до каждого получше дошла суть дела. Мне стало ясно, как следует себя вести. Не высовывайся. Плати по счетам. Помалкивай.

— Я не боюсь драки, — сказала я, — казначеи еще услышат обо мне. Настучит кто-нибудь или нет — все равно.

— Хорошо-хорошо, только не называй, ради богов, хозяев казначеев подонками, — умоляющим голосом попросил фермер. — А когда ты будешь возвращаться, я с радостью налью тебе рома, и ты все подробно мне расскажешь.

Я по-военному отдала фермеру честь, взметнув пальцы под широкие поля шляпы со словами:

— Благодарю вас, дедушка, за предостережение. Благодарю вас также за выпивку и за обещанную — тоже.

Я протянула ему флягу. Фермер махнул рукой и сказал:

— Оставь себе. Кто знает, свидимся ли... Если я случайно не встречу тебя на обратном пути, то совесть у меня будет чиста.

Я еще раз поблагодарила его и попрощалась.

Я торопилась, поэтому проехала мимо постоянного двора, о котором говорил фермер, и мне весьма пригодились фляга с ромом, великодушно им подаренная. И вскоре состоялась моя первая встреча с патрулем.

К счастью, я вовремя заметила патруль и у меня было время подготовиться. Всадники легким галопом выехали из-за поворота, такого резкого, что казалось, будто дорога упирается в реку. Первым предупреждением мне явился трепет голубого с позолотой знамени с изображением Птицы Лиры. Вслед за этим я услышала лязг доспехов и стук копыт, и в поле зрения появился патруль. Я увидела, как всадник, несущий знамя, указал в мою сторону, повернулся и что-то громко прокричал остальным.

Солдаты прищипорили лошадей и галопом направились ко мне.

Всего их было десять человек. Восьмеро всадников, в том числе и заклинатель, и двое на открытой тележке, запряженной лошадей и доверху нагруженной дорожными заграждениями. Не составляло труда догадаться, что патруль направлялся к какому-нибудь перекрестку, чтобы установить там очередной пост.

За знаменосцем ехали командиры патруля — седовласый сержант и наглого вида молодой заклинатель. Пока они приближались, я внутренне собралась, откупорила фляжку и сделала большой глоток. Потом покачнувшись в седле.

Сержант приказал патрулю остановиться, и они вдвоем с заклинателем быстро направились ко мне.

Я неуверенно отдала честь, чуть не свалившись при этом с лошади.

— Привет, сержант, — произнесла я заплетающимся языком, — я вот тоже сержант. Как видишь. Так приятно с тобой по-знак... познак... ик... ну, в общем, здрасте.

Я пьяно икнула и еще раз отхлебнула из фляжки, что привело почти к полной потере равновесия, и мне пришлось судорожно замахать руками, чтобы вновь выпрямиться в седле.

Потом я сделала вид, что только сейчас заметила заклинателя. Я вытаращила глаза, изображая изумление.

— ... звините, ваше святейшество, с-с-разу не заметила, — сказала я и потрогала латку на правом глазу, — с одной гляделкой немудрено.

Юный заклинатель был явно новичком, но у него были жуликоватые, блестящие, как у старого сутенера, глазки. Он цинично ухмыльнулся, как могут ухмыляться только

испорченные дети.

— Вы только посмотрите на фляжку, в которую она вцепилась, — сказал заклинатель сержанту, — старуха точно наполовину слепа... И так пьяна, что не видит дальше носа.

Он засмеялся.

Сержант слегка ежился, как будто бы его силой заставляли слушать этот раздражающий слух полувизжающий-полускрежещущий смех.

— Именно на пенсии вот таким, как она, мы тратим большие средства, — произнес заклинатель.

Он снисходительно посмотрел на меня. Я снова икнула, постаралась выпрямиться и звонко ударила себя по лбу, пытаюсь отдать честь.

Заклинатель снова издал радостное повизгивание. Сержанта передернуло, но он быстро изобразил на своем лице слабую улыбку и кивнул в знак согласия.

— Это присуще всей ее породе, заклинатель Джейхенс, — сказал он, — как вы точно указали нам приблизительно месяц назад.

Молодой колдун нахмурился, поэтому сержант быстро продолжал:

— Конечно же, это для нашего просвещения, заклинатель Джейхенс. И все парни были так тронуты тем, что вы проявляете такую заботу о нас. И повторяете свой маленький урок всякий раз, когда представится подходящий случай. Поэтому мы ничего не забудем.

Сразу вслед за этим сержант сильно прищипорил лошадь, оказался совсем рядом со мной и рявкнул:

— Какая твоя забота, сержант?

Но я знала, что эта грубость была показной. Я смогла прочитать симпатию в усталых глазах старого служака.

— Он сказал, — ответила я, кивая на заклинателя и мучительно икая.

Сержант удивился:

— Напиться — и все?

Отрицая услышанное, я так сильно затрясла головой, что едва не скатилась на землю.

Кобыла выпустила с испугу вибрирующую струю газов и немного подвинулась, чтобы помочь мне восстановить равновесие. Старая кляча была явно раздражена внезапным изменением моего поведения.

— Нет, кое-что другое, — ответила я сержанту, — эт-та... кас-с-сается пенсии. И солдата, который д-должен получить, что ему п-причитается.

Заклинатель Джейхенс вновь засмеялся. Смех был отвратителен.

— Ты что-нибудь понимаешь, сержант?

Я успела выпрямиться в седле. Мое чувство собственного достоинства было чрезвычайно оскорблено.

— Эт-т-т-о оч-ч-чень просто, — сумела выговорить я, — мне урезали п-пенсию. Не дали, что п-причитается. С-собираюсь свидеться с казначеем в Ориссе и в-в-вправить ему мозги!

Джейхенс захохотал.

— Пьяная дура, — сказал он, быстро становясь серьезным, — твоя попытка приведет к тому, что ты просто поймешь, какую огромную ответственность несут наши лидеры. Директор Като и богиня Новари являются наиболее великодушными из всех правителей. И получается, что похожие на этого пьяного солдата первыми пользуются всеми преимуществами, вытекающими из этого великодушия.

— Вы уже не раз говорили об этом, заклинатель Джейхенс, — заметил сержант, — и ваши слова сейчас звучат так же мудро, как и тогда, когда вы произнесли их в первый раз.

Изнеженное лицо Джейхенса засветилось от самодовольства. Но я обратила внимание, что некоторые из патрульных закатывают глаза и прячут усмешки, втайне наслаждаясь скрытой издевкой, умело замаскированной старым сержантом.

— Так что же решим с ней, заклинатель Джейхенс? — спросил сержант. — Я прикажу отпустить ее восвоюси? Она напилась и не представляет опасности.

Заклинатель пожал плечами и начал разворачивать лошадь.

— Думаю, что ты прав, сержант, — презрительно бросил он, — до тех пор, пока у нас не будет более строгих законов относительно бродяг и других маргиналов, мы повязаны по рукам и ногам необходимостью церемониться с отбросами общества, которые встречаются на дорогах владений богини Новари.

Я постаралась сдерживать облегчение. К сожалению, оно было слишком непродолжительным, потому что заклинатель Джейхенс помедлил и повернул назад. Я тут же почувствовала предупреждающий укол его магического поля и поняла, что он намеревался проверить мою ауру, а также мои вещи на предмет колдовской контрабанды.

— Может быть, мне все-таки следовало бы сначала посмотреть... — бормотал он, приближаясь ко мне.

Я мгновенно превратила содержимое моих седельных сумок и тюка с вещами в заляпанное рвотной массой тряпье закоренелого забулдыги. Я почувствовала, как Джейхенс запустил туда щупалец, буквально выстрелил заклинание отвращения и быстро отпрянул.

Лицо заклинателя Джейхенса выглядело так, как будто бы он случайно попал рукой в нечистоты. Он посмотрел на меня. Я встретила этот взгляд с широкой улыбкой окончательной идиотки, спрашивающей всех встречных: «Как меня зовут?» Затем я рыгнула прямо ему в лицо, он резко отвернулся, крикнув:

— Пусть едет, сержант!

Из оттопыренного кармана сержант достал стопку замусоленных пропусков. Вытащив один из них, он протянул его мне.

— Это поможет тебе, сержант, добраться до цели путешествия, — сказал он тихо, — счастливо тебе!

Потом показал в сторону дороги, ведущей в Ориссу, и произнес:

— Тебе лучше двигать отсюда, сестра. Пока их придурковатое святейшество не передумало.

Пьяным голосом я проямлила слова благодарности, еще раз приложила к фляжке и пришпорила кобылу.

И поехала прочь от патруля, качаясь, отхлебывая из фляжки и горланя любимую кабацкую песню одного из старых моих приятелей:

По бурному морю скиталась братва, Пристала к таверне у Глейда. Плясали и пели они до тех пор, Пока не иссякли бочонки, А их небывалый и смелый напор Запомнят надолго девчонки...

В течение ближайших нескольких дней я поменяла этот пропуск на несколько других, пока сумела добраться до столицы. В прежние времена свободные, ныне дороги моей родины охранялись патрулями на всех главных перекрестках. У каждого поста необходимо было доказывать, что идешь по делу, и предъявить пропуск, который удостоверял законность проезда от предыдущего пункта. Потом этот пропуск погашали и выдавали следующий, который также внимательно изучали на очередном контрольном пункте. Поэтому жест старого сержанта оказался гораздо более полезным, чем мне представилось поначалу.

Большинство патрульных бросали на меня беглый взгляд и сразу же становились равнодушными и слегка недоброжелательными, как только я начинала вновь докладывать о своих заботах, изливая желчь на «этого негодяя казначея из Ориссы». Некоторые из стражников держались настороженно. Но небольшая магическая маскировка, которая скрывала все чувства, кроме благородного негодования незаслуженно обиженного пенсионера, всегда помогала мне благополучно пройти очередной досмотр.

Чем ближе я подъезжала к Ориссе, тем более удручающие картины появлялись перед моим взором. Ни разу за всю свою историю Орисса не попадала под пяту тирана. Несколько раз враги были близки к тому, чтобы одолеть нас, но нам всегда удавалось найти силы и возможности отбить агрессоров.

На этот раз мы не просто проиграли, нас атаковали изнутри. Повсюду я встречала незарубцевавшиеся шрамы гражданской войны, которая продолжалась около двух лет.

Сожженные деревни. Вытопанные поля, искореженные и местами сгоревшие леса, которым был нанесен непоправимый ущерб боевыми действиями. И в довершение всего — голубое с позолотой полотнище Птицы Лиры, венчающее каждое учреждение.

Однако самым печальным было то, что гражданская война сделала с людьми. Обычно орисситы были радушным и открытым народом, отличавшимся гостеприимством. Сейчас же все куда-то озабоченно спешили, сгорбив от страха плечи и бросая на встречных подозрительные взгляды. Короткие разговоры состояли из тщательно продуманных фраз.

Когда тебя непрерывно буравят жадные и злые глаза доносчиков, когда каждое твое слово улавливают их уши, дергающиеся от садистского наслаждения, самое разумное — показывать всем постоянно сомкнутые губы. Именно я это чаще всего и видела на постоянных дворах и рынках. Убедительным подтверждением разумности такого поведения были трупы мужчин и женщин, которые болтались на виселицах, расставленных на площадях и рынках. Но наиболее ошеломляющее впечатление произвели на меня бригады закованных в цепи невольников, которых стражники Новари кнутами заставляли работать. Сейчас, когда правили Новари и Като, потеря свободы была самым мягким наказанием для отступников, а по количеству трудящихся осужденных я поняла, что законы теперь могли нарушаться с пугающей простотой.

У меня сложилось твердое убеждение, что дело не ограничилось полным уничтожением моей семьи, было ликвидировано главное достижение, которое Антеро ценили выше всех остальных благ, — отсутствие рабства как элемента государственного устройства Орииссы.

Я не слышала никаких новостей о сражении при Галане. Даже деревенский простак не решился бы сейчас обсуждать эту тему. В особенности с незнакомцем. Поэтому у меня не было никаких свидетельств, подтверждающих или опровергающих слухи, о которых мне поведала провидица Хана. Могли ли возглавляемые Квотерволсом остатки защитников Галаны и Стражи Маранонии в действительности сдаться Като и Новари? Была ли Эмили захвачена и убита? Или она все еще жива? Продолжается ли битва за Галану?

Пальмирас, как я узнала из книги Амальрика, являлся не только способным заклинателем, но и достаточно хитрым, как большинство представителей его профессии. Из всего того, что я сумела вычислить и вспомнить, я сделала вывод, что именно благодаря его усилиям была создана магическая защита, позволяющая держать Новари на расстоянии.

Я хорошо понимала, что не смогу получить ответы на мучившие меня вопросы, пока пробираться по опаленной пожаром земле.

Час ответов настанет, когда я достигну Орииссы.

Когда я наконец попала в город, был рыночный день. Все въезды в столицу усиленно охранялись. Я растворилась в потоке фермеров, жителей окрестных деревень, которые трижды в неделю наводняли Орииссу. Я спрятала лошадь и большую часть своих вещей, поэтому при входе в город не привлекла внимания.

Стоял теплый солнечный день, но небо казалось грязно-серым от зловонных испарений, поднимавшихся от реки. От нее воняло отходами и канализацией. В прежние времена ни один мало-мальски уважающий себя ориссит не потерпел бы этого ни минуты. Загрязнение реки считалось святотатством. Я увидела, что и улицы Орииссы теперь заполнены давно не убиравшимся мусором, то и дело попадались лужи нечистот — для меня это было еще одним свидетельством того, что нынешнее правительство не справляется со своими прямыми обязанностями. Сборщики мусора и старьевщики всегда получали дотации от городских властей, и это позволяло содержать город в чистоте. Заваленные хламом и залитые помоями улицы означали, что даже это простое и эффективное средство теперь не действовало.

Неприятные впечатления на этом не закончились. Я увидела, как неестественно покорно, с опущенными головами толпа молчаливо вливалась сквозь ворота. Мне не составило труда догадаться, в чем дело, когда проходила вместе со всеми между двух

огромных статуй, стоящих с двух сторон главной рыночной дороги.

Одна из них была фигурой закованного в броню высокого, мускулистого молодого мужчины, который в одной руке держал знамя, а во второй — поднятый меч. На знамени был изображен символ Птицы Лиры. На постаменте были выбиты слова: «КАТО — ЗАЩИТНИК БОГИНИ НОВАРИ».

Другая статуя изображала саму Новари. Она сидела, играя на лире. Каменное лицо было задумчивым и мягким, пальцы изящно изогнулись, перебирая струны.

Когда я проходила мимо статуи Новари, мое сердце неистово забилося.

Вслед за этим я почувствовала, что над толпой пролетел сгусток магического поля, несущий в себе заклинание. Источником его являлась статуя Новари, которая сканировала толпу в поисках скрытой магической угрозы. Я поставила непроницаемую защиту, пробиться сквозь которую не сумел бы никто, но чувствовала себя все еще неуверенно, ожидая, что вот-вот кто-нибудь из солдат, отслеживающих злоумышленников, с грубыми криками бросится ко мне. Но я прошла благополучно. Мое заклинание сработало. На этот раз я была хорошо подготовлена к встрече с Новари.

Мне следовало обращаться осторожнее с собственными магическими способностями. Я не должна была проявлять их слишком открыто, но при этом должна была иметь доступ к магической силе по первому желанию. Поэтому я сформулировала маскирующее заклинание, которое полностью экранировало меня от всех энергетических воздействий со стороны Новари, кроме, может быть, самых мощных прямых ударов.

Я придерживалась главного людского потока, который неуклонно увлекал меня к центральному рынку. Даже животные замолчали, когда мы проходили мимо Дворца Заклинателей.

Ни один цыпленок не пискнул, ни один осел не заревел. Несмотря на то что день был солнечный, дворец казался темным, от него веяло холодом. Окна мерцали, а в воздухе ощущался неприятный запах озона. Слегка наклонив голову, я внимательно посмотрела на дворец с помощью своего волшебного глаза. И увидела все в темно-красных тонах. Вокруг кружились призрачные силуэты, часть которых издавала стоны, а часть смеялась. Я сосредоточилась и услышала очень слабые звуки лиры. На тон ниже звучал непрерывный, низкий гул, напоминающий отголосок огромного пожара, бушующего за десятки километров отсюда.

Я вновь переключилась на обычное восприятие, позволяя запахам и шуму толпы вновь вернуть меня к действительности. Однако за короткое время, проведенное в магическом мире, я получила весьма определенные свидетельства того, что Новари что-то затевает. Птица Лира была так же могущественна, как и прежде. Возможно, даже стала еще сильнее. Но у меня сложилось впечатление, что ее внимание сосредоточено на чем-то, не относящемся к городу.

Город был охвачен скрытым негодованием. Многие магазины и жилые дома были разграблены, а то и разрушены в ходе недавней гражданской войны. Люди держались настороженно. Я видела совершенно голых детей, стоявших на улицах, как в пустыне, и плачущих без видимой причины, видела, как солдаты избивали старика. Толпа зевая молча наблюдала за этим, никто не вмешивался, но во взглядах горожан тлела ненависть.

На главной площади перед рынком был установлен эшафот с виселицей. С нее свисали закованные в цепи тела как напоминание о том, что может произойти, если позволишь себе оказать сопротивление новым правителям.

Толпа инстинктивно ускорила шаг и вскоре влилась в ворота центрального рынка.

Хотя было заметно, что многие еще дрожат от только что увиденной картины, я ощутила, что напряжение толпы уменьшается. Мы попали в более приятное окружение. Суэта, шум и запахи огромного орисского базара вскоре вытеснили чувство опасности. Атмосфера Центрального рынка казалась наэлектризованной гораздо в большей степени, чем обычно. Это напоминало мне истерический срыв.

Пока я шла по рынку, со всех сторон кричали зазывалы, расхваливающие тот или иной

товар:

— Пироги! Свежие мясные пироги! Отлично пропеченное тесто, вкусное мясо, бесподобная подливка!

— Мед! Апельсиновый мед! Прямо из улья!

— Груши! Вы только попробуйте мои груши! Шесть штук за медяк!

Последний призыв пришел от старой плутовки, и я задержалась около ее прилавка, чтобы схватить сочную грушу и устранить отвратительный кислый привкус во рту. Груши она держала во льду, и я выловила одну большую, понравившуюся мне и тут же вонзила в нее зубы. Заплатив за удовольствие медной монетой, я отказалась от сдачи и двинулась дальше по рынку, стараясь выглядеть обычно, не выдавая своих намерений и уплетая грушу.

Специально для визита в Ориссу я слегка изменила свою внешность. Я была по-прежнему отставным сержантом, тяжело израненным в битвах и жестоко обиженным чиновниками из пенсионного департамента. — Но теперь я открыто демонстрировала, что мои требования частично удовлетворены. Перед визитом в Ориссу я помылась, надела более качественную одежду и придала деревянной чашке, которая прикрывала обрубок моей левой руки, надлежащий блеск. Мой кошелек был набит монетами. Я имела вид человека, который намеревается хорошо провести время после того, как им так долго и незаслуженно пренебрегали.

Протискиваясь сквозь толпу толстолицых фермеров, деревенских парней и девушек с широко раскрытыми от возбуждения глазами, я изучала толпу в поисках заветной цели. И вскоре была вознаграждена.

Я увидела, как двое мальчишек, толкавших ручную тележку, наполненную товаром, врезались в пьяного мужика. Фрукты рассыпались по земле. Упал и пьяный. Один из мальчишек бросился поднимать его, непрерывно извиняясь за свою неловкость. Помогая пьяному встать, мальчик стряхивал пыль с его одежды. Я увидела, как он ловко подцепил кошелек и быстро передал его напарнику, а тот мгновенно спрятал кошелек в кармане.

Это было проделано столь профессионально, что, кроме меня, никто ничего не заметил, даже сам пьяница, которого к этому моменту подняли на ноги и подтолкнули в нужном направлении, дружески похлопывая по спине. Это движение избавило жертву от шелкового носового платка.

Отрадно было наблюдать за тем, что, по крайней мере, некоторые из орисских традиций все еще сохранялись, несмотря на все усилия Новари и ее марионетки Като положить им конец. Орисские воры по-прежнему были в теле, как мухи в старой Писидии. Сейчас моя судьба в значительной степени зависела от способности преступного мира Ориссы противостоять диктату Новари. Я не имела ни малейшего представления о том, кто именно остался в живых из партнеров и друзей моего брата. Я была готова пожертвовать чем угодно ради того, чтобы хотя бы один из них оказался достаточно хитрым и изворотливым и выскользнул из магических сетей, расставленных Птицей Лирой.

Такой человек существовал, и он однажды спас брата, прибегнув к услугам своей преступной братии. Я не представляла, где смогу найти его. Но знала, в каком направлении двигаться и кого следует расспросить.

Я последовала за мальчиками, с усилием прокладывая путь по рынку. В течение получаса они столкнулись еще с четырьмя посетителями. Дальний конец центрального рынка венчал знакомый многоквартирный дом, которым было отмечено начало трущоб, где воровские кланы процветали с самого основания Ориссы. В те дни, когда я была молодым солдатом и любила иногда отлучаться со службы, я частенько захаживала в этот район, пировала с друзьями, и мне часто доставалось на орехи.

Именно в трущобах я поклялась, что обязательно заплачу сторицей за те дорогостоящие уроки, которые получила в воровских малинах. Для достижения заветной цели мне потребуются все преступные навыки, которые я смогу извлечь из подсознания, помноженные на волшебство, и это должно заставить обитателей трущоб исполнить мою волю. Чем ближе я приближалась к району, тем хуже становились дороги. Повсюду

виднелись торговые ряды, ломившиеся от разнообразных товаров, по большей части — домашней утвари. Товар был превосходного качества. Я знала, что все это ввезено контрабандным путем, за время регулярно повторяющихся ночных набегов на богатые соседние районы. И там проживало немало негодяев, втайне потирающих ладони в предвкушении от потерь тех, на кого они навели воришек. И здесь, как и на центральном рынке, зазывалы непрерывно расхваливали свой товар или же повторяли без усталости названия известных всему городу и пользующихся дурной славой кабаков и домов терпимости.

Парни с тележкой направились к столу, за которым десять или двенадцать подвыпивших мужиков плотно окружили долговязого наперсточника. Наперсточник быстро передвигал по столу три половинки от скорлупы грецкого ореха, а потом предлагал кому-нибудь из возбужденной аудитории угадать, под какой из них спрятана горошина. Мальчишки с фруктовой тележкой остановились около этого стола и вступили в переговоры со скользкого вида кричаще одетым типом. Слова произносились тихим шепотом. Этот тип явно наблюдал за действиями наперсточника. Такие вот ребята, снующие с тележками по улицам и рынкам, являются глазами и ушами владык преступного мира Ориссы. Беспрепятственно перевоза фрукты или другую поклажу от места к месту, прихватывая по случаю плохо лежащее имущество или выуживая из карманов кошельки, они собирают информацию, представляющую интерес для хозяев.

Цветисто одетый мошенник очень внимательно выслушал то, что ему прошептали мальчишки, кивнул, сунул каждому по монете и отпустил. Я не стала более следить за ними и метнулась к столу наперсточника, врезавшись в разодетого наблюдателя, чтобы наверняка привлечь его внимание. Он выразительно на меня посмотрел, отряхнул пыль с одежды. Его лицо в этот момент было преисполнено величия.

Отлично, подумала я. Ты именно тот человек, которого я ищу. Этот разодетый мошенник будет первым звеном той цепи, которая, как я надеялась, приведет меня к тому, кто руководит здешними ворами.

— Дайте мне взглянуть на скорлупки, ребята! — заорала я, изо всех сил протискиваясь к столу. — Кладу новый полтинник на то, что угадаю с первого захода, где горошина!

Я рыгнула прямо в лицо наперсточнику, так что он отчетливо почувствовал, что от меня несет перегаром. Я потрясла кошельком перед его носом.

— Меня зовут сержант Рали, приятель, — прокричала я, — сделай мне игру. Начинай!

Наперсточник пребывал в нерешительности. Он уже успел наметить жертву. Его мозг был не в состоянии быстро переключиться на другую мишень. Я с силой шлепнула серебряной монетой по столу, чтобы улучшить его сообразительность.

— Давай, приятель, не медли, крути скорлупки! — произнесла я.

При виде серебряной монеты его глаза заблестели. Для пущей убедительности я еще раз трянула кошельком. Услышав звон, он широко улыбнулся, до самых своих обрезанных ушей преступника.

— Шас изобразим, точно как в аптеке, сержант, — ответил он сальным голосом, — ну я враз растаю, когда ты влепишь в десятку. Просто обязан отдать тебе всю казну, усекаешь? Эх как тебя уделало ради нашей старушки Ориссы!

Он положил руку на сердце, а все собравшиеся громко захлопали в ладоши, услышав слова, звучащие весьма искренне.

— Давай начинай, — произнесла я, — и поглядим, улыбнутся ли сегодня боги моему любимому старому сержанту Рали.

И наперсточник начал игру. Показал три пустые половинки скорлупы ореха, перевернув их на столе. Артистично взмахнул зеленой горошинкой, зажатой между большим и указательным пальцами. Скороговоркой произнес свою считалку:

— В первую постельку идет-ложится она. Теперя во второй, потому как первая холодна. А вот и с третьим парнем спит, бо второй туюфак. Но у третьего сосиска мягка, и она прыг-скок взад в холод, но туда, где твердо.

Я смотрела, как горошинка переходила от одной скорлупки к другой. У меня не было

необходимости следить за тем, куда она в конце концов попадет. Я могла совершенно отчетливо видеть горошинку с помощью волшебного глаза. Кстати, я предвидела, что наперсточник позволит мне выиграть первый раунд, чтобы я сразу не утратила интереса к игре.

Сразу, как только он прекратил тасовать горошину, я прокричала:

— Вот здесь она!

И, хлопнув рукой по среднему наперстку, добавила:

— Ждет меня, хорошая, послушная горошинка! Наперсточник приподнял скорлупу, открывая горошину всеобщему обозрению, и с силой шлепнул себя по лбу, как будто бы был так же изумлен, как и все остальные.

— Она взяла меня тепленького, парни! — прокричал он собравшимся.

Толпа ответила радостными криками, одобряя мой выигрыш.

— Рискни еще раз, сестренка, — сказал наперсточник, — не смотри, что у тебя только один глаз, не дрейфь, сержант, ты зыришь так, что и фраера с двумя лампочками не могут.

Я засмеялась, сгребла выигрыш, после чего высыпала на стол и добавила еще несколько серебряных монет из кошелька.

— Сегодня, приятель, Тедейт мне улыбается, — с пьяным ликованием произнесла я, — заставила этого проклятого казначея отстегнуть по-хорошему, что мне причиталось. — Я высоко подняла кошелек, так чтобы все его видели, и продолжала с пьяным упорством: — Сидела на мели еще два часа назад. Но теперь вода высока. Четыре года я ждала... ик... когда же мне вернут должок, ребята. Четыре года, черт побери! — Я грохнула кулаком по столу и крикнула: — Как насчет того, чтобы удвоить ставки? Покажи горошину!

Наперсточник пожелал мне удачи, забормотал какое-то подобие молитвы, ни на секунду не переставая перемещать горошину от одной скорлупы к другой. Однако на сей раз он действовал нарочито медленно. Неуверенно. Так, как будто бы старался сделать так, чтобы я наверняка угадала, где именно осталась горошинка после того, как он прекратит тасовать скорлупки. Волшебный глаз ясно показал мне, что наперсточник прикрыл горошинку ладонью после последнего круга. Но его умело наработанные движения уверяли нетренированного наблюдателя в том, что и на этот раз горошина попала под средний наперсток.

— Давай, не робей, сержант! — громко крикнул наперсточник, сделав свое дело. — Сорви куш! Угадай, где горошина!

Я снова сильно шлепнула по центральному наперстку.

— Вот здесь! — крикнула я. — Прячется в той же постельке! К тому моменту, когда наперсточник протянул руку, чтобы перевернуть расположенный посередине наперсток, его лицо уже почти успело принять выражение сожаления о моем проигрыше.

Я знала, что он незаметно протолкнул горошину в одну из крайних скорлупок почти одновременно с моими словами. Но в тот момент, когда он приподнял наперсток, на который показала я, под ним на столе лежала горошина, которая, казалось, весело мне подмигнула. Зрители, собравшиеся на этот спектакль, взревели от восторга. Я увидела, как наперсточник инстинктивно сжал кулак, все еще предполагая, что в нем спрятана настоящая горошина. Его изумление стремительно приблизилось к состоянию шока, когда он убедился в том, что горошина исчезла. В течение нескольких секунд наперсточник тупо таращил глаза на горошину, не находя объяснения своему промаху.

— Вот те на! — крикнула я. — Счастье все еще улыбается старине Рали! Давай еще раз! Ну как — слабо?

Собравшиеся вокруг нас подвыпившие зеваки единодушно решили, что необходимо продолжить игру. Но наперсточник, который до сих пор пытался выяснить, где совершил ошибку, казалось, не слышал. Он начал было подниматься от стола. Я заметила, что одетый в яркие одежды тип приблизился к нам, пытаясь понять, что происходит. Потом он кивнул наперсточнику, разрешив ему продолжать. Собравшиеся начали заметно негодовать из-за его медлительности. Прежде чем опустел кошелек наперсточника, я четыре раза точно

угадывала, где спрятана горошина. Каждый раз ставка на кону и количество зрителей резко возрастала.

В конце концов хозяин стола поднял руки:

— Все, ребята, продулся вчистую!

Он попытался изобразить на лице легкую ироническую усмешку, но походил скорее на улыбающуюся змею.

— Тем не менее, — продолжал он, — я сегодня вечером обязательно поставлю свечу в храме, клянусь богами, парни! Деньги уплыли, но — на стоящее дело.

Наперсточник похлопал меня по спине.

— Пусть тебе это будет на пользу, сержант. Ты — прирожденный игрок.

Толпа начала постепенно таять, а наперсточник протянул мне кувшин.

— Ну, это мне сейчас вовсе не мешает, уважаемый! — сказала я и сделала глоток.

— Как насчет того, чтобы потолковать тут с одним моим корешом, а? — спросил наперсточник, кивая в сторону ярко одетого типа. Тот обнажил в улыбке выступающие, как у лошади, зубы.

Когда он приблизился, я улыбнулась в ответ. Тип выглядел миролюбиво, но был смертельно опасен: одну руку он протянул для рукопожатия, а другую в этот момент держал у бедра, где в кармане наверняка был спрятан острый клинок. В то мгновение, когда наши ладони соприкоснулись, я почувствовала, что он пристально и бесцеремонно меня разглядывает, внимательно изучая мои физические недостатки. Но самое пристальное внимание он уделил качеству моего оружия.

— Меня звать Легг, — произнес он довольно дружелюбно, неделовым тоном, — я тоже, как и ты, сержант Рали, азартный игрок. Однако наперстки не моя игра. Нужна слишком острая интуиция и железные нервы, чтобы успешно охотиться за горошиной. Поэтому прими самые теплые поздравления, сержант. И похвалу твоей выдержке. Смотреть было — одно удовольствие.

Я осушила кувшин и протянула его наперсточнику. При этом я ухмыльнулась — пьяная и счастливая.

— Никогда раньше не ш-шлепала по скорлупе! Выигрыш не имеет никакого отношения к опыту. Слепая солдатская удача. Которая всегда проходила мимо меня в прошлом.

Для подтверждения сказанного я потрясла деревянной чашкой, прикрывающей культию.

— Я случайно узнал, что тут неподалеку есть небольшое, но вполне пристойное заведение, — сказал Легг, нервным движением выдергивая длинную нитку из своей цветастой одежды, — там можно перекинуться и в кости, и в карты.

Я колебалась, как будто бы взвешивая все «за» и «против». Потом тряхнула головой и сказала с задумчивым лицом, но покачиваясь, как и полагается пьяному сержанту:

— Я стараюсь не заходить в незнакомые кабаки, Легг. Там имеют обык... ик... новение раздевать догола бедных солдат, в особенности когда рядом никого нет. Нет друга, чтобы прикрыть спину.

— Тогда можешь считать, что я твой друг, сержант Рали, — заметил Легг, похлопывая меня по плечу, — и вот что я тебе скажу. Сегодня тебе здорово везет. Я готов даже допустить, что ни я, ни один из моих корешей не сравнится с тобой в удаче.

Я уставилась на него подозрительным взглядом и спросила:

— Ты давай, это, не темни.

— Почему бы не пропустить по маленькой и не потолковать о деле в более подходящей обстановке? — спросил Легг и кивнул в сторону небольшой забегаловки под открытым небом, расположенной недалеко от нас. — Если тебя не устроит дельце, которое я обрисую, то сразу завяжем — и никаких фокусов. У тебя останется только веселое воспоминание о крутой шараге и легкий балдеж от забуханного подогрева.

Немного подумав, я приняла предложение, и мы направились к столикам. После четырех-пяти тостов мы с Леггом и наперсточником стали лучшими друзьями. Я поведала

им о своих злоключениях. О том, с каким трудом пробиралась в столицу от дельты Ориской реки, чтобы получить наконец причитающуюся мне по закону пенсию, которой я была так несправедливо лишена. О том, как в конце концов этот проклятый казначей смилоствился и выплатил почти все, но только после того, как потребовал и получил изрядную долю моих кровных в качестве вознаграждения за доброту. Собеседники активно сочувствовали мне. Вместе со мной переживали по поводу того, что добытой с таким трудом суммы не хватит на долгий срок и вскоре я вновь стану бедной. Потом мы условились о том, как обеспечить мне более сносные условия жизни после выхода на пенсию.

Мы должны были внести равные доли в общую казну. Те суммы, которые смогли себе позволить мои «компаньоны», по невероятному стечению обстоятельств были в точности равны сумме денег, которая находилась в моем кошельке. Содержимое кошелька перед этим подверглось быстрой профессиональной оценке в несколько мимолетных, но жадных взглядов. Я должна была держать общую казну. Так сильно мне доверяли. И мы направились в игорный дом. Меня постарались убедить в том, что это пристойное место, после посещения которого такая счастливица, как я, без сомнения, уйдет с выигрышем, достаточным, чтобы удовлетворить всех троих.

Я согласилась. И пошла вместе с новыми знакомыми, подвесив и их кошельки к поясу. Легг и наперсточник обнимали меня за плечи с демонстративным дружелюбием. Однако я заметила, что, как только я начинала медлить или делала вид, что хочу повернуть в сторону, их объятия мгновенно камелели, чтобы не предоставить мне ни малейшей возможности дать деру с деньгами. «Небольшое, но вполне пристойное заведение», о котором сообщил мне Легг, оказалось игорным притоном самого низкого пошиба. Он располагался в одном из боковых проходов темной, тесно застроенной улицы, напоминающей кроличий садок, которая в дни моей юности была известна как Смертельный ряд и поэтому, по сути дела, была идеальным местом для того, чтобы без свидетелей перерезать горло жертве и потом утопить раздетый догола труп.

Потрепанная вывеска извещала о том, что мы добрались до цели. Вход представлял расшатанную лестницу, ведущую в подвальное помещение старого многоквартирного дома. Безвкусно наляпанные буквы вывески складывались в название, которое можно было прочесть с некоторым трудом: «ДЫХАНИЕ ДИКОГО КАБАНА». Название полностью соответствовало обстановке, потому что именно такой аромат захлестнул меня сразу после того, как мы вошли. Потолок был низким, закопченным до черноты испарениями кухни. Сквозь этот смрад я увидела, как по стенам снуют ящерицы, охотясь за жуками, тараканами и клопами. При этом мне показалось, что корм для ящериц был в изобилии, так как их упругие бока лоснились. Несмотря на непереносимую вонь и удручающий интерьер, это место, похоже, было излюбленной воровской берлогой. Я увидела, что за столами собрались практически все представители этого крысиного племени, чтобы за рюмкой дрянной водки похвастать последними «достижениями». С легким раздражением я почувствовала, что со своей нынешней внешностью — с латкой на глазу и деревяшкой вместо кисти — я вполне подхожу к этому окружению. Половина помещения была заставлена столами для игры в карты и кости. От остальной части игорного дома ее отгораживал низкий парапет. Мужчины и женщины, выпятив зады, перегнулись через него, толкали друг друга локтями и громкими криками одобряли или порицали действия тех игроков, за кого болели.

— Так это здесь нам и предстоит приступить к делу? — спросила я, обращаясь одновременно к Леггу и к наперсточнику.

Легг кивнул.

— Ты, как всегда, чрезвычайно проницательна, сержант, — сказал он. — Теперь так — почему бы вам вдвоем не пойти не посмотреть, что там творится, а я раздобуду чего-нибудь выпить и потолкую с приятелями?

Наперсточник слегка подтолкнул меня в сторону игровых столов, а Легг принялся быстро шептать на ухо плотно сбитому мускулистому типу, явно воровскому авторитету, который был обвешан совершенно безвкусными украшениями из золота и драгоценных

камней. В каждом его ухе болталось по четыре-пять серег, еще две серьги были продеты сквозь ноздрю, одна свисала из щеки, не менее дюжины тяжелых серебряных и золотых цепочек оттягивали шею, а его короткие толстые пальцы были унизаны перстнями и кольцами. Услышав то, что Легг нашептал ему на ухо, авторитет кивнул и улыбнулся мне, и я увидела, как блеснули два золотых зуба с бриллиантовыми вставками. Такое впечатление, что они подмигивали, когда он улыбался.

Наперсточник потащил меня вперед, и мы начали прокладывать путь, бесцеремонно расталкивая завсегдаев воровского притона. Впечатление было такое, будто я случайно наткнулась на тайник старой вороны. Казалось, что добрая половина богатства Ориссы выставлена напоказ мужчинами и женщинами, собравшимися в этом логове. По умолчанию принималось, что второй половине постоянно грозит опасность со стороны негромко разговаривающих друг с другом профессионалов, которые непрерывно замышляют что-нибудь новенькое.

Зарабатывающие себе на жизнь свободной любовью красотки и красавчики держались тесными группками. Они выглядели настолько вульгарно, были одеты так неестественно и безвкусно, что попавший сюда впервые деревенский парень с иссеченным ветром и снегом лицом, мозолистыми руками тут же грохнулся бы в обморок.

Профессиональные душителы с каменными лицами сбились в тесный круг за одним из столов и о чем-то глубокомысленно толковали. Пьяные посыльные и возчики ручных тележек плясали под фальшивую мелодию, которую наигрывало трио обливавшихся потом музыкантов. Посетители, за исключением душителей, непрерывно кричали, били кулаками по столам, размахивали руками, толкались и требовали дополнительной выпивки от суесящихся слуг.

Около одного из карточных столов мы слегка задержались, чтобы немного вникнуть в игру. За этим столом играли в «Демонов и Заклинателей». На столе уже лежал солидный банк, и с дюжину плутоватого вида мужчин и женщин в поте лица делали ходы, повышали ставки, наотмашь шлепали картами, на пределе возможностей голосовых связок выкрикивали карту и масть:

— Король Демонов бьет Дракона!

— Призрачный охотник поймал Короля Демонов!

— Заклинатель войны захватил всех!

Крупье, казалось, не обращал абсолютно никакого внимания на играющих. Два круга он все поднимал ставки в ожидании того момента, когда кто-нибудь выиграет. Я угадала, что на третьем круге крупье распорядится удвоить ставки. После этого игра приобретет действительно захватывающий характер.

Я прошептала заклинание и вызвала образ той карты, которую собирался бросить крупье. Это была простая Рыночная Ведьма, которую модно было побить любой другой картой, кроме самых младших карт — Бедняк и Крестьянин. Вслед за этим я заметила, что крупье шевельнулся, его рука пошла вниз, как будто бы ему потребовалось почесать колено. Неуловимо мелькнули пальцы, и Рыночная Ведьма была заменена на всемогущего Арлекина, козырную карту, которая гарантировала выигрыш всего банка. То, что я увидела, было отработанным до совершенства профессиональным приемом карточного шулера, который пускался в ход при исключительных обстоятельствах, когда овчинка стоила выделки: в течение всей игры карта оставалась зажатой между нижней поверхностью стола и ногой игрока. Ему оставалось только незаметным движением колена приблизить к себе козырную карту и заменить на нее явно проигрышную, находящуюся на руках. В тот момент, когда ни у кого не останется ни одного старшего козыря.

Кивком я привлекла внимание Легга и сказала:

— Слушай, приятель, я не чувствую, что в картах мне повезет. Почему бы не попытаться кинуть кости?

Не успела я услышать ответ, как сдающий громко объявил:

— Арлекин обставил всех! Банк остается у заведения!

Заявление крупье сопровождалось громкими столами проигравших. Когда наперсточник услышал это, он изобразил крайнее изумление моим отказом от участия в игре. Но выражение его лица мгновенно преобразилось, и он сказал, что я должна поступать в согласии со своими чувствами, и повел меня к площадкам, где играли в кости. Легг присоединился к нам у центральной площадки, где собралась самая густая толпа, наблюдавшая за тем, как игроки долго трясли кости, потом с силой швыряли их в стену, на полу под которой были нанесены деления. На этот раз Легга сопровождал обвешанный украшениями авторитет, с которым он несколько мгновений назад о чем-то шептался.

— Сержант Рали, — произнес он, — рад видеть в тебе доброго своего друга, а я, видишь ли, владеец этого замечательного уголка. — Он усмехнулся, демонстрируя золотые зубы, и продолжал: — Звать-то меня Фиорокс, сержант Рали, уж поди десять годков, как владею-то... К военным мы — завсегда с уважением, никто не даст соврать... Гордимся этим, хотя, если честно, не можем обслужить по заслугам доблестных защитников столицы.

Я дынула на него перегаром, когда он протянул руку, чтобы поприветствовать доблестную защитницу, и скомкала слова в невнятную скороговорку, выражая искренний восторг по поводу встречи с Фиороксом. Он еще шире улыбнулся, показывая язык с татуировкой, изображающей обнаженную женщину.

Я решила, что Фиорокс будет моей второй мишенью.

Он сказал:

— Легг тут вякал, что ты и Динк-кидала хочут сыграть с нами?

Легг захихикал и произнес:

— Все в лучшем виде. Всегда гордился спортивным азартом и следил за соблюдением правил.

— Конечно, конечно, — сказал Фиорокс, посмеиваясь. Наперсточник присоединился к нему и тоже начал смеяться.

Довольно скоро мы вчетвером громко ржали, хотя было совершенно очевидно, что единственное, что воспринималось как шутка, — был мой вызов жуликам.

— Каков предел ставки? — спросила я Фиорокса.

— Каков твой интерес? — ответил он.

— Мой интерес, — сказала я, — взять все, что у тебя есть! Боже, как они смеялись надо мной!

Четыре часа спустя я была единственной, кто был способен смеяться. Почти все посетители заведения собрались около нашей площадки, громкими криками подбадривая меня и выражая восторги по поводу кучи золота, скопившегося в моем банке. Фиорокс, владеец заведения, был мрачен. Он то и дело бросал злые взгляды на не менее мрачного Легга, а наперсточник не переставая шептал что-то утешительное ему на ухо.

Я только что сделала не идущий в зачет бросок, и женщина-крупье, сильно накрашенная стерва с длинными ногтями и одетая в платье, которое до отвращения выпячивало ее наруганные груди, возвратила мне кости.

— Шесть! — объявила она. — Пять палок, и точка!

Она достаточно громко выкрикнула ставки, соответствующие моему выбору, так что все слышали.

— Любая комбинация дает выигрыш. Прямой удар удваивает. Твой выбор?

Я игнорировала советы, которые стали доноситься из толпы собравшихся зрителей, и немного помедлила, размышляя. Окружающим я продемонстрировала со всей очевидностью «размышления» вдребезги пьяного сержанта, как следует при этом в очередной раз приложившись к своей кружке, которая каким-то невероятным образом оказывалась всякий раз наполненной крепким напитком, состав которого трудно было определить.

— Д-давай п-прямой удар! — произнесла я. — Пять и одна! Вот так... я решила!

Мое решение вызвало еще несколько дополнительных вздохов и упреков толпы. Ведь я претендовала на то, что выбью шесть очков самым трудным из всех возможных способов, —

так что на одной костяшке выпадает пять полосок, или палок, а на другой — одна точка. Для того чтобы взвинтить и без того разгоряченную публику, я широким жестом показала на мой предыдущий выигрыш, чуть не повалившись навзничь.

— Ставлю все! — объявила я. — И будь все проклято!

Толпа заверещала от восторга. Моя смелость произвела впечатление. Я поняла, что новость о небывалой ставке передается из уст в уста, так чтобы все, кто не мог уже подобраться поближе, услышали и узнали. Женщина-крупье нахмурилась, потом вскинула глаза на Фиорокса. Он был в нерешительности. Легг что-то прошептал ему, и в конце концов он кивнул в знак согласия. И тут же сказал:

— Заведение настаивает на смене костей. Собравшиеся вокруг меня жулики хором выдохнули стон разочарования. Они хорошо знали, что это значит.

Все были уверены, что на сей раз мне подсунут специально обработанные кости. Некоторые даже прокричали мне предупреждение о грозящем полном провале.

Я покачнулась и, делая вид, что ничего не слышала, крикнула, слегка подбрасывая на ладони новые кости, которые мне только что вручила накрашенная стерва:

— Д-давай-ка нач-нем!

При первом же беглом взгляде на кости я догадалась, что к костяшке-бобышке прикреплена фальшивая поверхность с нарисованной на ней неестественно большой точкой, и заметила восковой блеск на костяшке с палочками.

Я пьяно усмехнулась и произнесла, покатывая кости в кулаке:

— В-выглядят ду-достаточно... ик... х-хорошо, чтобы с-сде-лать работу.

Со всего маху я ударила этими подложными костяшками о самую высокую отметку на стене, выкрикнув при этом:

— Дайте мне шесть, милашки-костяшки, — удар прямой! Мысленно я направляла их во время полета, делая так, чтобы в момент приземления все встало на свои места — и палочка и точка. Кости ударились об пол, и я тотчас же почувствовала, что от одной из них отвалилась, лишая меня начисто выигрыша, фальшивая отметина, прикрепленная воском. Сжав зубы, я заставила ее встать на прежнее место. Кости замерли. Наступила томительная пауза, пока толпа пыталась осознать невероятность происшедшего. Пять зарубок на одной кости. Одна точка на другой. Ведьма-крупье вскинула на меня изумленно-озлобленный взгляд.

Затем чей-то голос, полный суеверного ужаса и восторга, произнес:

— Шесть, клянусь всеми богами, шесть! Пять палок и точка в придачу!

И весь игорный зал взорвался, как вулкан. Я заметила, как Фиорокс что-то яростно шепчет Леггу и наперсточнику. Они неистово трясли головами, полностью отрицая свою причастность к происшедшему. Я знала, что они убеждали хозяина в том, что именно меня нужно пришить как единственную и главную виновницу краха выгодного дела.

Я запихала выигрыш в сумку и перебрала ее через плечо. Со стороны я была похожа, видимо, на пьяного клоуна. Я сделала вид, что с трудом выдерживаю груз денег, к невероятному восторгу моих доброжелателей и к смертельной злобе обвешанного драгоценностями Фиорокса.

— Устала-т... костей, — объявила я пьяным голосом, — теперь пора домой! Иду спать!

Раздались стоны разочарования. Лицо Фиорокса побагровело от гнева. Легг и наперсточник, перепрыгнув через низкое ограждение зала для игры, оказались рядом со мной.

— Ты не можешь сейчас просто так уйти, сержант, — умоляющим голосом произнес Легг.

— Так какого ж хрена нет? — спросила я. — Мы уже и так достаточно богаты. Или ты не согласен? Разделим сразу, как только выберемся отсюда.

Легг похлопал меня по плечу, потом слегка пожал его, как будто бы стал моим старым мудрым дядюшкой, и сказал тоном старого хитреца, умеющего убеждать:

— Подумай только о той жиле, сестренка, о невероятной фарте, которые сопровождают

тебя. Ты не можешь прекратить игру просто так — это будет... будет настоящим потрясением для богов. Ведь они так благоволят тебе!

Я отчетливо понимала, что на самом деле Фиорокс настолько разъярен, что готов пойти на убийство. Несколько киллеров присоединились к нему, как только он метнул несколько откровенных взглядов на Легга и наперсточника.

Вслед за этим, к великому облегчению моих компаньонов, я громко произнесла:

— Не хотела бы п-просто так п-посылать богов... п-подальше. Я подняла изувеченную руку, показывая всем чашку, прикрывающую культю, и продолжала:

— Вот так, е-мое, со мной поступили раньше. Но теперь платят. Сполна.

Фиорокс и его киллеры замерли. Я хорошо понимала, что происходит на самом деле. Легг и наперсточник затащили меня в «Дыхание дикого кабана» для того, чтобы неплохо нажиться. Я не сомневалась в том, что уже были согласованы условия получения ими немалого дивиденда за предоставление выгодного клиента. Но Фиорокс воспринял итоги игры как заговор его бывших компаньонов — со мной и против него. И ему не представляло особого труда расправиться с нами. Его киллеры в одно мгновение могли бы перерезать нам горло, завладеть кошельками и без следа ликвидировать трупы. Однако внушительная толпа завсегдатаев притона была слишком сильно возбуждена моим невероятным везением в игре, поэтому у Фиорокса не было никаких шансов на успех. Те, кто симпатизировал мне, могли бы в случае такого исхода дела вдребезги разнести заведение.

Я сделала вид, будто поворачиваю назад и готовлюсь снова приступить к игре в кости, но внезапно изменила решение и тронулась прочь от площадки, что немало беспокоило моих компаньонов.

— А мне до хрена, — объявила я, — старина Рали сыта по горло костями. Эти долбаные костяшки затрахали мне все мозги.

Сказано — сделано. Толпа болельщиков радостно сопровождала меня, пока я выбиралась с игрового поля и приближалась почти вплотную к Фиороксу, неотступно сопровождаемая двумя обеспокоенными компаньонами.

Усилием воли Фиорокс изобразил улыбку. Пришлось пересиливать себя, так как ситуация была для него бесповоротно проигрышной и он уже отчаялся получить деньги.

— Невероятное везение! — сказал он. — Никогда не видел ничего подобного. — Он почти дружески пожал мне руку и предложил: — Однако ты, блин, должна дать мне шанс отыграть хотя бы часть денег.

— Если откажешься, сержант, — тебя не поймут, — поддакнул наперсточник.

— Да, было бы несправедливо отказать такому джентльмену, как Фиорокс, в еще одной попытке, — согласился Легг.

Пьяно рыгнув, я произнесла:

— Ска-ик... зала же, что костяшки осточертели.

— А почему бы нам, дорогой друг, не попробовать перекинуться в карты? — предложил Фиорокс. — Не сомневаюсь, что и здесь удача не оставит тебя.

Я тряхнула головой и сказала:

— Не люблю карты. Не моя игра. И никогда не была моей.

Киллеры Фиорокса приблизились настолько, что я могла отчетливо различить их кинжалы, спрятанные под одеждой.

— Давай сыграем, сержант, — попросил Фиорокс, — я сам раздам. Все будет чисто, без фокусов.

Фиорокс улыбался, но в его глазах горел огонь смертельной угрозы. Он взял меня за руку и повел к одному из игорных столов.

— Ла-а-дн-о-о, — неохотно согласилась я.

Потом рассмеялась, хлопнула его по спине и сказала:

— А ты так... ниче... с-себе. Ты зас-с-служил игру. Дарю.

Казалось, все присутствующие сопровождают нас к центральному столу, который был заблаговременно очищен от играющих громилами Фиорокса. Кто-то помог мне сесть за стол

как раз напротив него. Кто-то услужливо подал мне кружку с очередной порцией выпивки. Я почувствовала острый запах сногшибательной смеси, который поднимался от этой посуды.

Я подняла ее повыше и произнесла пьяный тост в честь Фиорокса:

— Пью за тебя!

В то же самое время я сформулировала заклинание, которое применяла до этого на протяжении всей ночи, чтобы превратить дьявольское пойло, которым меня потчевали, в воду, и немного усилила его, чтобы нейтрализовать подмешанное снотворное. Под одобрительные крики собравшихся я опрокинула в себя содержимое кружки. Зрители были изумлены не столько моим везением в игре, сколько моей способностью пить и оставаться на ногах.

Затем я грохнула весь свой выигрыш на стол.

— Ты такая лапа, — сообщила я Фиороксу, — что я ставлю эт-т-то се. Даю т-тебе лучший ш-шанс.

Фиорокс был ошеломлен моим поступком. Он тупо посмотрел на кучу золота, большая часть которого не так давно принадлежала ему. У меня сразу возникло устойчивое подозрение, что во всем этом притоне не осталось достаточно средств, чтобы покрыть мой банк. Я увидела, как Фиорокс поднял голову, глазами начал сканировать толпу зрителей. На самом краю толпы стоял высокий малый с внешностью состоятельного вельможи. Богатая одежда, властный облик и обширное пространство, которое было ему предоставлено окружающими, ясно свидетельствовали о значимости этого владыки Чипсайда.

Я едва сдерживала улыбку, мысленно представив себе, как раздenu до нитки следующую жертву. Никто из зрителей и не подозревал, как близко я подобралась к цели.

Воровской пахан кивнул Фиороксу. Он решил поддержать его и оплатить ставки. Бородатый киллер, вероятно наемник раздетого пахана, принес увесистый кошелек. Он открыл его, и толпа ахнула при виде струи драгоценных камней, которая, сверкая в неярком свете, вылилась на стол.

Фиорокс не скрывал своей радости, пока сгребал довольно большую горку в центре стола.

— Пора приступать к делу, сержант, — торжественно объявил он.

И начал в две руки сдавать карты для игры в «Демонов и Заклинателей» — в самую жесткую и остроумную, самую изнурительную для участников азартную карточную игру в Ориссе. В высших сферах общества в нее проматывались не только целые состояния. В прежние времена некоторые весьма состоятельные вельможи проигрывали свободу своих семей всего одним роковым карточным ходом, обрекая на рабство всю родню, вплоть до третьего-четвертого колена.

Я пьяно ухмыльнулась и начала по одной брать карты. Настроив латку на волшебном глазу, я получила отчетливое изображение руки Фиорокса. Мой противник был довольно искусным мошенником, и, несмотря на то что мои карты были довольно крупными, у него оказались все-таки крупнее благодаря его незаметному скользящему движению коленом под столом. Я сконцентрировалась настолько, что почти полностью отключилась от внешнего мира, и изменила свой расклад так, чтобы при достаточно умелой игре можно было побить Фиорокса.

Мне пришлось вспомнить все свои старые навыки, приобретенные в годы службы в Страже Маранонии. Тогда, в казармах, я была довольно опытным игроком. И сейчас я шаг за шагом, с каждой новой картой, незаметно подталкивала противника к ловушке. Я филигранно проводила Фиорокса до самого шабаша ведьм. Я пошла с простой Рыночной Ведьмы, и он с радостью ударил ее Прислужником Дьякона. Но я защелкнула челюсти капкана, выложив Заклинание Успеха, внезапно увеличив силу Ведьмы и блокируя действия Фиорокса.

После этого я позволила игре идти с переменным успехом на протяжении нескольких часов. Иногда Фиорокс вырывался вперед. Но большую часть времени я лидировала, не

забывая при этом исправно выпивать все, что мне подсовывали, и делая вид, что мой глаз уже почти ничего не различает и вот-вот совсем закроется. Фиорокс тем временем все больше сатанел. Перед каждым новым кругом он требовал принести новые карты. То и дело без видимых причин начинал неистово орать на своих людей. Несмотря на то что мы оба хорошо были осведомлены в том, что карты, которыми я играла, отличались от тех, которые мне сдал Фиорокс, он никак не мог взять в толк, каким образом мне удавалось каждый раз их незаметно заменить. Поэтому ему оставалось только дожидаться того момента, когда я упаду без чувств от избытка выпитой дряни, которой меня непрерывно потчевали его люди. То, что я была совершенно нечувствительна к этому пойлу, тоже выводило беднягу Фиорокса из равновесия. Ведь он потратил немало времени, чтобы придумать это убойное снадобье и хорошенько его приготовить. Но я заставила его играть в течение очень длительного времени, когда он был бы прочно прибит к столу собственной жадностью и страхом, порожденным угрозой со стороны тех, кто находился у него за спиной и взирал, как Фиорокс подсыпает все новые и новые порции красиво сверкающих драгоценных камней, — только для того, чтобы снова проиграть!

И каждый раз я шла ва-банк. Каждый раз я возрождала его надежду на то, что ему удастся наконец вернуть деньги и честь.

Воровской пахан стал наблюдать за игрой. Он стоял возле Фиорокса. По одну сторону от него устроился бородатый киллер, по другую — незнакомый мне мрачный тип. Каждый раз, когда Фиорокс проигрывал очередной раунд и его алмазы становились моей собственностью, лицо этого типа искажалось гримасой, и он слегка похлопывал Фиорокса по плечу. После каждого такого прикосновения мой противник становился все бледнее и бледнее. И испуганнее. И еще более настроенным на то, чтобы отыграть все, что он потерял, потому что теперь на кону стояла и его жизнь.

Но наступил решающий момент игры. Я довела ставки до такого уровня, что у Фиорокса и тех, кто его поддерживал, не оставалось за душой ни гроша. Весь центр стола был завален золотыми монетами и драгоценными камнями. Фиорокс пошел на крайнюю меру, чтобы наконец прикончить меня. Он сдал мне нарочито слабую карту. И я изумила его, играя из рук вон плохо, как никогда. Впервые за всю игру те карты, которые я бросала на стол, были именно такого достоинства и масти, как он и вычислил и предполагал увидеть. Фиорокс мгновенно стал уверенным в себе и даже прошептал пахану, что на этот раз он меня сделает. Пахан кивком дал ему знать, что согласен. Я знала цель, которую преследовал Фиорокс, пожелав пошептаться с паханом. Ему надо было отвлечь мое внимание, чтобы беспрепятственно исполнить коронный финт и с помощью мягко скользящего по нижней поверхности стола колена достать козырную карту, которая принесет победу. Между его коленом и столом давно был зажат Арлекин, который долго ждал своего часа.

После того как Фиорокс закончил обсуждение дальнейших действий с паханом, он позволил игре продолжаться еще два круга, при этом весьма эффектно удваивал рискованные ставки.

И снова я прибегла к ходу с Рыночной Ведьмы и к Заклинанию Успеха, чтобы заблокировать противника. У меня оставалась только одна карта, простая Пастушка Гусятница. Фиорокс прекрасно знал об этом, потому что преднамеренно сдал мне эту младшую карту в самом начале игры. Благодаря волшебному глазу мне было достоверно известно, что на руках у Фиорокса осталась именно такая же Пастушка, что делало нас равными в игре. Но в такой игре, как «Демоны и Заклинатели», победа должна была остаться на стороне заведения. Поэтому Фиорокс чувствовал себя в безопасности. Все, что ему предстояло сделать, — заменить Пастушку на Арлекина, и со мной было бы покончено.

Мы почти одновременно бросили наши последние карты мастью на стол. Я посмотрела прямо в глаза Фиорокса и усмехнулась, когда начала переворачивать свою карту. Он победно засмеялся, переворачивая свою. И, не удостоив взглядом ни одну из карт, потянулся к банку.

— Не т-так б-бб-ыстро, друж-жочек, — пьяным невнятным голосом произнесла я и высоко подняла свою карту, так чтобы всем показать ее достоинство.

— У меня Арлекин, ус-с-сек, приятель? — объявила я. — А Арлекин производит с помощью Заклинания Успеха Рыночную Ведьму в Главного Заклинателя.

— Ты пьяна, — огрызнулся Фиорокс, — у тебя всего-навсего Пастушка Гусятница.

Он ткнул пальцем в мою карту, хотя его глаза все еще не воспринимали истину.

— Видишь, — продолжал он, — долбаная Гусятница. Вслед за этим нижняя челюсть Фиорокса отвисла. Вместо Пастушки я показывала Арлекина. Челюсть опустилась еще ниже, когда он посмотрел на свою карту и увидел, что на ней изображена белолицая девушка, хворостинкой погоняющая гусей на рынок.

— Действительно долбаная Гусятница, — удовлетворенно произнесла я, — но у тебя, Фиорокс!

То, что произошло в дальнейшем в «Дыхании дикого кабана», можно сравнить, пожалуй, только с бунтом. С восстанием, которое не стихало всю ночь. После моей победы толпа буквально взбесилась. Выигрыш был до единой монеты собран и заботливо положен в мою дорожную сумку, после чего я была триумфально поднята на плечи свидетелей небывалого события и увлечена к бару. В одно мгновение ока я превратилась в героя, то и дело слышалось «сержант пошел так» или «сержант побил этак» и самое главное — «дай-ка я подолью тебе еще чуток, сержант, никогда в жизни не видывала такой игры!».

Я весело смеялась и с радостью выпивала предложенное — почему бы немного не выпить в честь знатного выигрыша, а потом, глубоко опустив руку в свою дорожную сумку, запускала в толпу горсть монет и драгоценных камней, чтобы показать всем, насколько великодушна. Вскоре я разбрасывала свой выигрыш, с возрастающей частотой доставая из сумки очередную порцию золота. Но одновременно я постаралась достать с ее дна круглый сверток и незаметно опустить его в карман плаща.

Вслед за этим наступил момент, который я предвидела, и, когда я в очередной раз подняла бокал и произнесла громкий тост, последовало гробовое молчание.

Быстро осмотревшись по сторонам, я поняла, в чем причина столь внезапного изменения настроения собравшихся.

Выход загоразивали шесть-семь киллеров. Их вид не предвещал ничего хорошего. Во главе стоял разодетый пахан. Толпа молча смотрела на них. Некоторые нервным движением облизывали внезапно пересохшие губы. По внешнему виду моих недавних почитателей я сразу поняла, что эти киллеры были достаточно хорошо известны. Пахан с важным видом продолжал стоять в окружении своих подчиненных. Они молча переводили глаза с одного человека из толпы на другого, на секунду-другую задерживая оловянный взгляд, не выражающий ничего, кроме смертельной угрозы. Толпа начала редеть. Поначалу очень медленно, иногда с оправданиями по поводу позднего часа или внезапного приступа слабости или дурноты. Потом, как неуверенная, редкая капель превращается в сплошной ливень, так тонкий ручеек отдельных струсивших превратился в поток желающих поскорее исчезнуть, спрятаться, убежать с опасного места.

И вскоре в «Дыхании дикого кабана» не осталось никого из моих недавних почитателей. Фиорокс захлопнул двери и подпер их стулом. Легг и наперсточник оказались по обе стороны от меня. Они стояли, прислонившись к стойке бара.

Фиорокс что-то прошептал своему пахану, который тут же ему кивнул. Сразу вслед за этим он двинулся вперед в сопровождении киллеров. Легг и наперсточник моментально отступили от меня в разные стороны, подняв руки и жалобно бормоча что-то о том, что они совершенно не виновны.

— Никогда в жизни не видели ее, поверь, Эриз, — сказал наперсточник пахану.

— Я так и не знаю, что она затеяла на самом деле, Эриз, — жалобно заныл Легг, — но в одном я уверен — она хитрая, коварная сука. Обвела меня вокруг пальца. А меня, как ты знаешь, довольно трудно одурачить.

Эриз не обратил на их причитания ровно никакого внимания и встал напротив меня.

— Кто ты? — требовательно спросил он. — И кто поддерживал тебя во время игры?

Он приблизился настолько, что его нос почти касался моего лица. Я с отвращением

ощутила неприятный запах гнилых зубов, который он попытался замаскировать мятной пастилкой.

— Послушай, служивая, у тебя есть время не более чем на два вдоха, или ты ответишь, — грубым голосом произнес Эриз, — или же я сам выколю тебе второй глаз.

— Не хотелось бы доводить до такого безобразия, — сказала я, — и так тяжело ковылить с одной моргалкой.

Я сунула руку в карман плаща. Эриз закаменел. Киллеры подвинулись вперед.

— Не суетись, — сказала я, поднимая здоровую руку, — то, что ты ищешь, лежит у меня в кармане. Вот. Смотри сам.

Я широко развела руки в стороны. Эриз помедлил, потом резким движением сунул руку в карман моего плаща. Его пальцы нащупали и извлекли круглый сверток. Эриз тупо уставился на ком тряпья. Потом с презрительной усмешкой взглянул на меня.

— Это что — твой обед?

— Разверни, — почти приказала я.

Он подчинился. Медленно. Осторожно. Не спеша размотал тряпку. Остальные еще немного приблизились. Некоторые стояли на цыпочках, чтобы не пропустить чего-либо важного.

Наконец тряпка упала на пол, и взорам предстала моя золотая рука. Волшебный материал блестел даже в тусклом освещении этого кабака.

— Какого черта... — начал было говорить Эриз, но я крикнула:

— Рука! Взять его!

Эриз отпрянул, но было уже поздно. Золотая рука бросилась вперед, ее пальцы схватили Эриза за горло. Раздался общий возглас изумления. Эриз был легко поднят высоко над полом и начал конвульсивно дергаться, когда пальцы немного сжались.

— Все назад, — проревела я, — или я убью его!

После этого я позволила волшебным пальцам немного расслабиться, чтобы позволить Эризу хриплым, визгливым голосом призвать своих подчиненных к послушанию.

— Сделайте как она говорит, — прохрипел Эриз. Бандиты мгновенно отступили.

— Теперь бросьте оружие, — приказала я. Послышался звон металлических предметов, бросаемых на пол. Громилы подчинились.

Мысленно я приказала своей волшебной руке опускаться до тех пор, пока ноги Эриза не коснулись пола. Со стороны он выглядел как подвыпивший клоун, который никак не мог принять устойчивое положение.

Скользящим движением вытягивая из плаща припрятанный кинжал, я подошла к нему, по дороге срезая с деревянной чашки, прикрывающей мою культю, тонкую стружку. Кинжал был достаточно острым.

— Мне очень нужен один человек, — произнесла я совершенно трезвым голосом, — мне хотелось бы, чтобы твои парни нашли его и привели сюда.

Вслед за этими словами я прикоснулась острием кинжала к вздутию на штанах Эриза. Он завизжал и задержался.

— Мелкота, — презрительно бросила я.

Я слегка нажала на кинжал, и Эриз резко отпрянул, как будто его прижгли каленым железом.

— Человек, о котором я говорила, нужен мне через час, — приказала я, — иначе твой приятель станет еще короче.

Глава 3. ВОРОВСКОЙ КОРОЛЬ

К моему великому облегчению, воры вступили со мной в спор. Фиорокс и все остальные заметно разволновались, когда я назвала имя человека, которого искала, и все в один голос начали уверять меня, что он ни за что не придет. Ведь только после этого я

узнала наверняка, что тот, кого я разыскивала, до сих пор жив. Но я заставила их выполнить требование отправить гонца.

После того, как последний завсегдатай кабака исчез и мы были оставлены вдвоем, я освободила Эриза. Он скрючился на полу, судорожно дыша и массируя горло. С изумлением он наблюдал, как я сняла деревянную чашку, прикрепила волшебную руку на прежнее место и натянула на нее черную кожаную перчатку по локоть.

Затем я грохнула волшебной рукой по стойке бара так сильно, что Эриз подпрыгнул.

— Приготовь-ка чего-нибудь выпить. И не жадничай, — приказала я, — всю ночь напролет мне пришлось надуваться одной водой — осточертело!

Эриз суетливо приступил к исполнению. Я выпила, крепко обхватив стакан божественной рукой. Я вздохнула и расслабилась, ощущая, как крепкая бормотуха согревает внутренности. Прошло уже много дней с того момента, когда я в последний раз испытала нечто подобное.

Слегка откинувшись, я начала ждать.

Человек, которого я искала, пришел не позже чем через час.

К моему немалому удивлению, компания самых богатых обитателей трущоб, которая в то же время была сборищем отъявленных и хладнокровных негодяев, в полном составе возникла из ночи и ввалилась в «Дыхание дикого кабана».

Они немного задержались у входа, чтобы удостовериться, что Эриз и я — единственные посетители притона. Самый высокий прошептал что-то человеку, стоявшему позади него, потом отступил в сторону и с глубоко почтительным видом позволил ему пройти вперед.

Взглянув, я поначалу ничего не увидела. Потом взгляд скользнул вниз. Потом еще ниже, до тех пор, пока я не обнаружила высокую шляпу.

А под этой шляпой был Пип!

Несмотря на то что мы никогда в жизни не встречались, я моментально узнала его по описанию, сделанному моим братом в путеводном журнале, изданном впоследствии в виде отдельной книги.

Однако когда я увидела Пипа, то первое, о чем я подумала, — так это о его росте. Я знала, что он был мал, но чтобы настолько!

От подошвы его ботинок с очень высокими каблуками до полей высокой шляпы было не более полутора метров.

Эта мысль как-то сама собой улетучилась, когда я увидела, как Пип стукнул по полу внушительным посохом и стал расправлять узкие плечи до тех пор, пока не натянулась ткань его одежды благородного зеленого цвета. У Пипа было длинное узкое личико, маленькие глазки, острый, как у мышки, нос, который постоянно дергался. Однако держался он как миниатюрная коронованная особа.

И это соответствовало действительности. Потому что, к моему великому изумлению, Пип теперь был королем. Королем воров.

— Пошто звала меня, сестренка? — произнес Пип надменно. — Давай начистоту и быстро, а не то запоешь, как накрытая свистулька [пойманная тайная осведомительница (уголовный жарг)].

Я выпрямилась, сбрасывая остатки маскировки, и сказала:

— Неплохо исполнено, Пип.

Потом кивнула на его трость, набалдашником которой служил череп кота с изумрудами вместо глаз, символизирующий власть воровского короля, и произнесла:

— Хотя меня немного удивляет тот путь, который ты в конце концов избрал.

От неожиданности Пип вздрогнул. Он подошел поближе, движением руки останавливая своих людей. С озадаченным видом он начал пристально в меня вглядываться.

— Неужто я тебя знаю, сестренка? — спросил он.

— Мы никогда не встречались, — ответила я, — но ты слышал обо мне. Точно так же,

как я слышала о тебе. Ты в течение долгих лет служил Амальрику Антеро, не так ли?

Глаза-бусинки Пипа начали излучать ярость, пальцы, сжимающие череп зеленоглазого кота, побелели.

— Ты того, запахло [Нарушитель воровских традиций (уголовный жарг)], не вякай тут! — произнес Пип угрожающе. — Амальрик Антеро был самым лучшим из всех людей, живших на свете! Я не желаю, чтобы его именем швырялся неизвестно откуда взявшийся пьяный солдат!

— У меня больше, чем у кого-либо еще, прав произносить это имя, Пип, — сказала я, — именно поэтому я и пришла к тебе. Ты был одним из немногих, кому Амальрик полностью доверял. Ты был его разведчиком во время последней экспедиции, когда вы пытались разыскать Далекие Королевства. Ты был среди тех, кто вернулся в Ориссу с последними словами Амальрика, обращенными к миру. Насколько мне известно, ты был хорошо вознагражден за все то, что сделал для семьи Антеро. Хотя, на мой взгляд, никакие суммы не могут оплатить тот риск, на который ты шел.

Я замолчала и осмотрела Пипа с ног до головы, пытаюсь получше представить себе героического человечка. Человечка, который теперь командовал всем преступным миром Ориссы.

Затем закончила:

— Но клянусь всеми богами, которые не желают нам ничего, кроме счастья, я никак не ожидала, что ты используешь полученные средства с такой целью! Пип! Воровской король! Пахан! Если бы мой брат узнал об этом, то смеялся бы так, что умер бы во второй раз!

Пип подпрыгнул.

— Бр-рат? — вскрикнул он, слегка задышавшись и плохо выговаривая слово. — Так ты сказала — брат?

— Да, Пип, ты не ослышался, — ответила я с улыбкой. Потом я произнесла громко, так чтобы все слышали: — Я Рали Антеро. И пришла, чтобы попросить вашего пахана помочь мне спасти Ориссу.

В комнате установилась гробовая тишина. Затем ее нарушил звук падающего на пол королевского посоха с зеленоглазым черепом.

Многие люди любили Антеро, некоторые ненавидели, немногие боялись, но все — уважали. Для таких, как Пип, имя Антеро неизменно ассоциировалось с миром магии, доброй магии. В глубине своей романтической и возвышенной души многие из этих людей годами лелеяли надежду, что однажды услышат, как один из Антеро восстал из мертвых, и тут же помчатся к нему, чтобы попросить его взять их с собой в еще одно грандиозное и очень опасное путешествие.

Пип стоял плечом к плечу с Амальриком и Янилой Серый Плащ в далекой Тирении. Этот маленький человек вместе с ними воевал против Короля Демонов. История так устроена, что всегда есть исполнители и лидеры, которым достаются лавры победителей. Рядовой солдат и простой гражданин игнорируются, несмотря на то что они на самом деле являются ключевыми фигурами переломных событий, как и те великие люди, которые их возглавляют. Но, может быть, и более важными. Только потому, что именно они служат тем ключом, с помощью которого переводятся стрелки часов истории.

Пип хотя и стал в конце концов чипсайдским вором, но был в действительности таким же героем, как и многие сыновья и дочери Ориссы, сражавшиеся за ее свободу.

И, как выяснилось, он тоже ждал и втайне молил богов, чтобы они приблизили момент, когда перед ним появится волшебница и объявит, что она — Рали Антеро, и попросит принять участие в решающем сражении.

Конечно же, были элементы сомнения. Конечно же, мне учинили допрос с пристрастием. Но в конце концов Пип поверил — больше всего потому, что очень хотел верить.

Он упал на колени, всхлипнул, вцепился в мою руку и громко закричал:

— Клянусь бородой самого Тедейта, грызи ее вошь, ты Рали Антеро! — Пип стремительно повернулся назад, сияющими глазами посмотрел на свою гвардию и произнес: — Я откушу нос любому, кто скажет, что это не так!

«Гвардейцы» нервно заерзали, по-видимому, зная нрав хозяина, и почти хором ответили:

— Конечно, Пип, конечно. Как ты говоришь, Пип, так и будет.

Пип так же стремительно повернулся ко мне. За этот микроскопический промежуток времени выражение его лица успело измениться от величественно-дарственного до верноподданнического. Его глаза фанатично пылали, когда он клялся:

— Я пойду с вами, госпожа Антеро, на край света, как ходил и с вашим братом. Клянусь любым богом, блин, как подскажите. Ваши слова — моя клятва, сукой буду — не продам!

Для усиления остроты момента я пустила одну-две слезы, но потом резко подняла коротышку на ноги и приказала:

— Правило номер один — никаких преклонений!

Пип рассмеялся, явно почувствовав облегчение. Потом спросил:

— А что за правило номер два, госпожа Антеро?

— Брось это «госпожа». Никогда не любила этого. Пип улыбнулся и кивнул.

— Как насчет «капитана»? Однажды ты была капитаном, не так ли? Командиром стражи Маранонии?

К моему удовольствию, Пип уже почти совсем перестал стесняться и незаметно для себя перешел на «ты».

— Мне это нравится, — ответила я, — капитан Антеро — то, что надо.

Клянусь богами, я была неимоверно счастлива вновь услышать это из уст близкого человека. Ощущение было такое, как будто бы я после очень длительного перерыва вновь примерила полевую форму и неожиданно, к величайшему удовольствию, обнаружила, что она превосходно мне подходит. Не исключено, что гармонию нарушала некоторая несимметричность моего лица. Я поймала себя на том, что сожалею об отсутствии зеркала.

Пип кивнул, подобрал посох с зеленоглазым кошачьим черепом и повернулся к своим людям.

— Жучок — мигом сюды! И ты — Трехпалый! Тащите тарахтелку [Конный экипаж (жарг.)]. И чтоб сверкала. С занавесками. Как шлюшкина качалка [Карета фаворитки воровского короля (жарг.)]. И чтоб легавые не унюхали, почем суета.

Двое из сопровождавших Пипа людей — один с лицом, выглядевшим так, как будто оно долго служило мишенью для метания ножа, а второй с трехпалой уродливой клешней вместо кисти, моментально выскочили вперед и хором ответили:

— Будь зде, Пип! Моментально, Пип!

И умчались исполнять приказание главаря.

Вот так я воочию убедилась, что Пип обладает непререкаемым авторитетом среди подчиненных. Это впечатляло, несмотря на то что его подчиненные — воры и убийцы!

Теперь я не сомневалась в том, что Пип полностью оправдает надежды, которые я с ним связывала, а может быть, принесет значительную пользу.

Пип обустроил свое логово в городской канализации.

С самого основания Орисса являлась городом-чистюлей, причем дело доходило до мелочной придирчивости в вопросах наведения чистоты и порядка. В этом отношении мы напоминали скорее всего кошек — без конца прихорашивались на солнце, но и прятали все, что касалось привычек, глубоко под землю, настолько глубоко и скрытно, насколько это вообще возможно. Первая система канализации была построена в Ориссе много веков назад. По мере роста города возникло множество новых уровней. В настоящее время многие из них уже давно не использовались и были забыты всеми, но не обитателями трущоб.

Будучи старожилом Ориссы, я тем не менее практически не имела понятия об этой

стороне жизни. Но после того как вместе с Пипом окунулась в самую гущу уголовного мира, я с изумлением узнала, насколько глубоко под землей он спрятался.

Старая система канализации образовала весьма запутанный лабиринт, расположенный под столицей. Его составляли сотни очень старых глиняных труб огромного диаметра, в которых можно было запросто сгинуть. Как я узнала, в некоторых местах глиняные стенки труб и туннелей обрушились, образовав непроходимые завалы, но всегда можно было найти выход из положения и обойти препятствие по одному из многочисленных боковых каналов.

Если по случаю вы читаете этот бортовой журнал, сидя за едой, то лучше отложить его на некоторое время. Мой долг предупредить вас, уважаемый читатель. То, что я собираюсь рассказать, может вызвать у некоторых неожиданную тошноту и потребность облегчиться. Все дело в том, что для воровства нет и не может быть лучше способа добраться до цели, представляющей профессиональный интерес, иначе, нежели с помощью орисской канализации. Потому что калитка, всегда открытая калитка находится прямо под вашими ногами. За время, проведенное вместе с Пипом в Чипсайте, я узнала, что среди его людей есть специально обученные команды воров, называемые крысами, которые используют канализацию, чтобы пробираться в дома богатых людей и представителей среднего класса. Так что если вы поняли, в чем суть, и удовлетворены определением контингента, который представляет наибольший интерес для обитателей Чипсайда, то с вашей стороны будет разумным в будущем обращать внимание на слабый шорох, доносящийся из вашего «одиночного окопа». Вполне может случиться, что это кто-нибудь из лучших крыс Чипсайда.

Мы не сразу направились в логово Пипа. Несколько раз мы меняли экипажи, не каждый из которых был «шлюшкиной качалкой», проезжая каждый раз относительно небольшой отрезок пути, и то — кружа и петляя по улицам и аллеям, которые змеились по городу, а то и возвращались и вновь пересекали Чипсайд. На протяжении всего пути люди Пипа, незаметно рассеявшись впереди и сзади, как призраки, обеспечивали нашу безопасность. По мере нашего продвижения с треском закрывались ставни на окнах, так что те, кто находился внутри домов, могли в случае чего честно сказать, что не видели, кто проходил по улице. Так велики были почтение и страх перед Королем Воров.

Последний отрезок пути привел нас в самую гущу многоквартирных домов трущоб. В одном из таких перед нами отворилась потайная дверь в виде уходящей в сторону фальшивой стены, и мы спустились по лестнице прямо в широкий туннель, ярко освещенный лампадами на металлических крюках. В туннеле нас ожидали два портшеза, каждый из которых изготовились нести двое дюжих головорезов. Мы с Пипом сели в кресла, и после того, как раздался громкий окрик Пипа, нас быстро понесли вперед.

Вскоре мы оказались в огромном подвале. Стены были увешаны шкурами, коврами и гобеленами. Подвал был плотно уставлен разнообразными экзотическими скульптурами, вазами, мебелью. Здесь были стулья, кресла и столы, выполненные искусными мастерами в виде фантастических животных. Все эти изделия отличало высокое качество и воображение дизайнера. Многие из них были инкрустированы фольгой драгоценных металлов, слоновой костью, мелкими россыпями драгоценных камней. Столы были завалены связками ожерелий из драгоценных камней и нитками белого, голубого и розового жемчуга вперемешку с дорогим столовым серебром и другими предметами домашнего обихода, однозначно свидетельствовавшими о богатстве прежних хозяев.

Пип провел меня по своим владениям, и всюду меня не оставляло ощущение, что я нахожусь в сказочном царстве, хотя я осознавала, что все это добро награблено.

Скульптуры были одеты в украденные у прежних владельцев роскошные наряды. Многочисленные раскрытые сундуки ломились от мехов и шелков. То здесь, то там были бочонки с экзотическими маслами, эссенциями, эликсирами и пряностями. От всего этого великолепия в воздухе стоял сладкий аромат.

Мы приблизились к возвышению, которое было покрыто двойным слоем толстых подушек. Пип остановился и огляделся. Потом он улыбнулся и обвел рукой все то богатство,

которое нас окружало.

— Уютное местечко, не правда ли, кэп? — спросил он.

— Для пирата — вполне, — ответила я. Пип хихикнул и потер ладони.

— Честно говоря, кэп, нечто подобное не раз приходило мне в голову, — произнес он. — Встречал, встречал я немало пиратов — в Восточном море. Убогое племя. Если уж быть предельно откровенным, они меня разочаровали. Поначалу мне казалось, что пираты должны быть... — Пип неопределенно махнул рукой. — Ну, я не знаю, внушительнее, что ли. — Пип пожал плечами, вспоминая собственное недоумение. Затем кивнул в сторону своего сезама, королевской пещеры, почти до отказа набитой сокровищами, награбленными на торговых кораблях и виллах наиболее богатой части населения Ориссы. — Думаю, что у меня гнездышко не хуже, чем у любого пирата прошлых времен, ты знаешь, в книгах об этом написано довольно много.

Я согласилась, потому что и в самом деле в юности прочитала много книг о похождениях пиратов.

Я ощутила незнакомое доселе мне трогательное чувство, когда наблюдала, как Пип садится на свои немыслимые подушки. Он удовлетворенно вздохнул, когда опустился на них, перед этим с величайшей заботой разровняв и поправив и без того гладкую поверхность.

— Всю жизнь, кэп, мне приходилось сидеть на жестком, — объяснил Пип, — особенно во время путешествия в Тирению. Моя бедная задница так часто прикладывалась к камням, что в конце концов мне стало казаться, что она сама превратится в камень. В этом отношении совсем не плоха пустыня — песок сыпуч и поэтому кажется мягким. Ненавижу леса. В них так много змей, укусы которых вовсе не полезны для здоровья такой честной, хорошей, богобоязненной жопы, как у Пипа.

Я рассмеялась. Наши взгляды на жизнь существенно совпадали. Если должным образом позаботиться о ногах и заднице, то остальные части тела будут пребывать большую часть времени на своих местах и в полном согласии с остальными.

— Однажды в критический момент жизни, — продолжал Пип, — я пообещал своей жопе, что обеспечу ей вечный комфорт, если она не отскочит и не даст никому себя оттяпать. — Пип похлопал по одной из подушек и с гордостью закончил: — Вот это и есть вознаграждение моей заднице, кэп, за то, что она оказалась верным другом.

Пока я хохотала над шуткой, Пип сделал произвольное движение, и я увидела, что появилась, как будто бы материализовавшись из воздуха, довольно устрашающего вида молодая женщина с пронзительными черными глазами и развевающимися юбками. Женщина несла, легко балансируя, широкий поднос, который она поставила между мной и Пипом.

— Достала немного грога, как ты и просил, Пип, — произнесла она, показывая на вместительный хрустальный бокал, наполненный ароматным вином, — и немного закуски. — Затем женщина улыбнулась мне, пожалала плечами и продолжала: — Не знала, что может понравиться госпоже. Поэтому решила, была не была, принесу-ка я все сразу.

Она показала на дюжину, не меньше, фарфоровых мисок, закрытых крышками. Когда она подняла одну за другой эти крышки, оказалось, что в них кушанья, мощностью которых можно утолить самый звериный голод. Там красовались паровые устрицы, тонкие сыры и джемы и, конечно же, мясные блюда, от которых поднимался острый аромат.

— О, думаю, что этого вполне достаточно, спасибо, — сказала я.

Женщина покраснела и сделала реверанс. Она повернулась к Пипу и положила руки на свои бедра.

— Ну какой же ты пахан, — укоризненно произнесла она, — не мог предупредить, что придешь пообедать с какой-то шестеркой.

— Ты вот что, — сказал Пип, — полегче на поворотах. Лучше поцелуй своего старого папочку и проваливай. Небось забот полон рот.

Пока Пип произносил грозную тираду, жестом опытного заклинателя он выудил из

рукава массивное ожерелье и, слегка раскачивая, поднес к ее лицу. Женщина взвизгнула от восторга, подхватила ожерелье, чмокнула Пипа в щеку и исчезла.

— Так это твоя дочь? — спросила я.

Пип смущенно прокашлялся. Затем сказал:

— О нет, капитан, это совсем другой случай. Молода больно. Зовет меня папочкой из чувства восхищения. Но мы не связаны родственными узами. Но, с другой стороны, она является своего рода одной из моих жен.

Услышав такое, я чуть-чуть не подпрыгнула.

— Своего рода? Одной из жен? — тупо повторила я. Пип немного помедлил, но потом объяснил:

— Я нахожусь в довольно непростой ситуации, кэп Антеро. Как пахан, воровской король, я несу огромную ответственность. Одни только разборки и поножовщина, часто заканчивающаяся перерезанным горлом, чего стоят! Мне приходится общаться с различного рода людьми — от оборванного бедняка до сановника из богатейших слоев орисского общества. Поэтому порой мне приходится довольно туго. Иногда нужно облачаться в личину дипломата. Особенно в тех случаях, когда затрагиваются интересы богатых фамилий. Вот почему мне без конца приходится жениться. В некотором роде жениться — раз, второй, третий... Поэтому у меня много вроде бы жен и — более того — «жен этих жен», некоторые из которых в действительности находятся в браке друг с другом, хотя я не понимаю, как это вообще возможно. Но я вынужден терпеть и терплю — до тех пор, пока они нормально ведут себя в постели со мной.

Прежде чем продолжить, Пип озабоченным взглядом посмотрел на меня:

— Согласись, капитан Антеро, мягкая, уютная постель является довольно важной вещью в жизни.

— Как и подушки? — спросила я.

Весьма польщенный тем, что я поняла, Пип улыбнулся и подтвердил:

— Именно так, кэп, как и подушки, именно так.

Это был очень важный момент в развитии наших отношений. В это мгновение мы спаяли наши судьбы воедино, хотя при беглом, поверхностном взгляде неосведомленного наблюдателя могло показаться, что не произошло ровным счетом ничего.

Ровным счетом ничего — для всех и каждого, но не для Пипа.

Вот почему я рассказала ему свою историю, не утаив ничего, но постаравшись быть предельно лаконичной. Более того, я раскрыла Пипу истинную цель своего путешествия в Ориссу.

Когда я кончила, Пип снова потер сложенные вместе ладони и сказал:

— Я искренне сожалею о том, что произошло с тобой, капитан. Однако по сравнению с тем, что нам предстоит, это не стоит и горошины наперсточника в базарный день. Дело в том, что я собираюсь кое-что рассказать тебе, капитан Антеро. Думаю, что это добавит остроты зрения твоему единственному глазу.

Пип придвинулся вплотную ко мне. Его лицо стало напоминать мордочку мартышки, которая учуяла запах сыра.

— Твоя Эмили жива, капитан Антеро, — торжественно объявил Пип. Увидя, что я радостно воспринимаю это известие, он широко улыбнулся и мгновенно приобрел исключительно гордый вид. — Но не только это я хотел тебе сообщить, продолжал он. — Суть в том, что Эмили находится под охраной твоей Стражи Маранонии. И все они вместе с Квотерволсом и лордом Пальмирасом сражаются за правое дело, пытаюсь прорвать осаду Галаны.

Я вцепилась в его руку и спросила:

— Ты уверен? Какие у тебя есть доказательства?

Больше всего на свете я боялась, что и эта новость в конце концов окажется только плохо проверенным слухом.

— Никто не может быть более уверенным, чем я, капитан Антеро, — ответил Пип, —

ведь разве не Пип является глазами и ушами его друзей, осажденных в Галане? Разве не Пип доставляет под самым носом у патрулей Новари и Като оружие и продовольствие защитникам крепости, чтобы они могли продолжать борьбу? И наконец — разве не Пип ведет неустанную, ежедневную войну здесь, в Ориссе, нанося удар за ударом всякий раз, когда предоставляется такая возможность. Не давая ни секунды покоя, чтобы враг помнил, боялся и пребывал в постоянном напряжении. Нанося удар каждый раз, когда враг на одно мгновение закроет глаза.

Пип кивнул на большие, красиво разрисованные песочные часы, которые, казалось, только что сняли с камина на вилле какого-нибудь короля оптовой торговли.

— Обрати внимание, кэп, — попросил он меня, — запомни уровень песка. В течение ближайшего часа ты убедишься в том, что старина Пип не старый болтун, хлопающий ушами.

— Это я старый болтун с хлопающими ушами, — сказала я, — более того, я никак не могу оправиться от изумления, слушая тебя. Сначала узнаю, что моя дорогая племянница жива. А раз так, то у нас сохраняется надежда на то, что мы сможем остановить Новари. Вслед за этим выясняется, что в Ориссе по-прежнему силен дух борьбы за свободу и справедливость. А то поначалу я испытывала отчаяние, видя людей, боязливо бредущих по улицам города. Они напоминали мне стадо баранов, смилившихся с предстоящим убоем.

— Не суди слишком строго, капитан, — возразил Пип, — некоторые из них заслуживают осуждения, но далеко не все. Так вот те, кто не заслуживает, помогают мне готовить несъедобные блюда для Новари и Като. Ты будешь удивлена, когда узнаешь, как рискуют эти люди. И тем более удивлена тем, кто предоставляет им возможность избежать опасности.

— Я тебе верю, Пип, — сказала я, — и клянусь, если останусь жива, то позабочусь о том, чтобы те жадные мужчины и женщины, которые поддались соблазнам со стороны Новари, заплатили за все сполна.

Кроме того, Ориссе был сделан подарок, о существовании которого не знали даже боги. Этот подарок преподнесли мой брат и Янила Серый Плащ. Если распорядиться им с умом, то никому никогда в будущем не придется страдать.

Однако в действительности большинство граждан Ориссы в погоне за мелкой выгодой для себя лично не только не обратили на моего брата ни малейшего внимания, но и позволили уничтожить всю мою семью.

— Да, ты права, капитан, — мрачно подтвердил Пип, — те, кто заслуживает этого, заплатят в полной мере за содеянное, не сомневайся.

— Но в то же время я должна быть предельно собранной, чтобы гнев не заслонил истину.

Я взглянула на песочные часы. Насколько я могла судить по изменению уровня песка, прошло несколько минут.

— Может быть, Пип, ты расскажешь мне, что происходит в Ориссе на самом деле, — попросила я, — для меня это был довольно долгий и трудный путь, а раз судьба позволила мне вновь встать у штурвала, то я хотела бы поточнее узнать курс.

Помолчав с минуту, Пип кивнул. Отпил вина из своего бокала. Потом приступил к рассказу.

— Мы с Отави в последний раз были в Тирении. Твой брат передал нам последнюю часть своего бортового журнала и сказал, чтобы мы непременно доставили его домой, что он рассчитывает на нас.

Поэтому мы с Отави тут же отправились в Ориссу, оберегая драгоценные страницы так, как будто бы они были написаны богом. Да, может быть, так оно и было на самом деле, кто знает? Ведь то, что в них содержалось, было бесценно. Наше путешествие нельзя назвать приятной прогулкой. Много раз за нами гнались бандиты, охочие до легкой наживы. Бывало, что изголодавшиеся хищники принимали нас по ошибке за свой ужин. Но мы все равно,

назло стихии и неприятелям, добрались до дома. И это главное.

Конечно же, мы стали героями в глазах жителей Ориссы.

Черт побери, я думаю, что если и таракан совершит путешествие в Королевство Ночи на корабле Антеро, да еще целый и невредимый вернется назад, он станет героем.

Мы передали журнал Гермиасу, как и просил твой брат.

В отсутствие Антеро твой племянник стал во главе семьи, ты знаешь. Ведь после того, как Клайгиус оказался подлым предателем, другого выбора не оставалось. — Пип поднес руку к глазам и смахнул навернувшиеся слезы. Потом продолжал: — В голове совершенно не укладывается, как могло случиться, что такой подонок мог родиться от Антеро. Это явилось очень тяжелым ударом для всех нас, кто ходил с ним под парусами. Твой брат был чудесным человеком, поэтому богам следовало бы сгореть со стыда от своих деяний после того, как они подсунули твоему брату Клайгиуса вместо сына.

Но твой брат сделал правильный и, самое главное, самостоятельный выбор. Гермиас Антеро был ему в большей степени сыном, чем Клайгиус, гораздо в большей степени. И кроме того, он являлся наилучшей кандидатурой для того, чтобы надлежащим образом вести все дела семьи.

Вот почему мы и отдали Гермиасу журнал твоего брата. Он щедро отблагодарил нас, набив наши дорожные сумки золотом, таким количеством золота, что его было бы достаточно, чтобы сделать богатыми сотни людей. Более того, он проследил, чтобы нам были оказаны надлежащие почести за ту роль, которую, как он выразился, мы сыграли в истории.

Пип тряхнул головой и усмехнулся.

— Сколько я себя помню, моя мать без конца повторяла мне, что я был рожден, чтобы занимать высокое положение в обществе. Думаю, она имела в виду виселицу. Уж она-то как никто знала, что все мои предки были закоренелыми преступниками с тех незапамятных пор, когда Тедейт еще мочил пеленки.

Но после того как благосклонная судьба свела меня с твоим братом, я понял, что старина Пип достоин лучшей участи, чем та, которую то ли в шутку, то ли всерьез предрекала ему бедная мать. Позже, когда я попал в Тирению и увидел то, чего никто не видел ни во сне, ни наяву, я понял, что значит жить настоящей жизнью.

А вслед за этим мы сумели прикончить демонов и вновь вернули мир к нормальной жизни. Разве это не сама история? — Пип с гордостью ударил себя в шуплую грудь и произнес: — И Пип вошел в нее! Вот так я вернулся домой и стал в один миг настоящим героем. И сразу выяснилось, что быть героем — значит нести груз многочисленных обязанностей, которых гораздо больше, чем у рядового жителя. Я, к примеру, теперь должен был непрерывно следить за тем, чтобы все хорошее оставалось хорошим и впредь, а все плохое — катилось к чертовой матери.

Пип сделал небольшую паузу, чтобы прочистить горло, а затем продолжал:

— Но, к великому сожалению, старина Пип не догадывался о своих новых обязанностях еще долгое время после того, как вернулся из опасного путешествия. Первое, что вскоре произошло, — так это то, что весь город стал в один голос оплакивать твоего брата. Казалось, все жители Ориссы собрались на похороны Амальрика и Янилы. Странное это было зрелище. Оно казалось еще более странным, если вспомнить, что не было тел тех, кого так усердно оплакивали. Однако все было обставлено довольно торжественно. Потом я узнал, что прибыли многие представители из других городов. Короли, королевы, принцы и принцессы — все со свитами. Они стояли в толпе, рядом со стариками и старухами, которые помнили времена рабства, долгого рабства, продолжавшегося до тех пор, пока твой брат не освободил всех этих людей. Теперь все они отдавали ему дань уважения.

После того как процедура была закончена, твой племянник Гермиас собрал всех на торжество. Он объяснил, что Амальрик Антеро и Янила Серый Плащ просили, чтобы мы не печалились, а радовались за них. Потому что они попали в более счастливое место, чем этот мир, и там непременно будут счастливы. И более того, не исключено, что в этот самый миг

они наблюдают за нами и надеются, что и у нас наступят светлые дни. Поэтому мы неплохо повеселились, устроив вместо поминок праздник. Он продолжался почти месяц.

После этого в течение довольно длительного времени все было более или менее нормально. Лорд Пальмирас успешно встретился с колдунами короля Соляриса, после чего до нас дошли сведения, будто бы они собираются значительно улучшить качество нашей жизни с помощью того открытия, которое было сделано твоим братом и госпожой Серый Плащ. Насколько я понял, это своего рода обобщенный закон или что-то в этом духе. Я не очень-то силен в этих премудростях, но звучит, по-моему, великолепно. В особенности хорошо было это слышать после того, как дела в действительности пошли на лад. Начать с того, что мы победили короля Бейленда. Вокруг уже почти не оставалось демонов, которые могли бы угрожать нашему благополучию. Но самые главные чудеса исходили из Мастерских Заклинателей. Новые лекарства против неизлечимых раньше болезней. Новые способы поддерживать постоянно благоприятную погоду. Новые изделия, инструменты, предметы повседневной жизни, которые помогали тем, кто своим трудом зарабатывал на жизнь. Да, кэп. Иногда мне даже начинало казаться, что впереди нас ждут только солнечные дни. Но потом эта злодейка Новари свалилась на нас как снег на голову и сделала Като своей марионеткой. И все пошло наперекосяк. Для многих людей дело закончилось полнейшим провалом, казна опустела, как кошелек беспробудного пьяницы.

Пип щелкнул пальцами.

— Вот так. Вот так мгновенно все и произошло.

Но все те, кто рискнул вместе с Амальриком Антеро пуститься в опасное путешествие в Тирению, все же были более устроены в жизни. Поэтому удар в период слома был настолько силен, что многие из нас присели на свои бедные задницы и больше уже не поднялись.

А до этого, понимаешь, наша жизнь была благоустроена. У меня имелось весьма неплохое жилище здесь, в трущобах. Я купил большой особняк, принадлежавший когда-то священнику. Потом купил дом для матери и отца. В конце концов приобрел почти целую улицу жилых строений для родни.

Многие из тех, кого я знал, также весьма выгодно вкладывали деньги, заработанные благодаря твоему брату.

Отави, к примеру, приобрел большую ферму, расположенную в живописных окрестностях Ориссы. Квотерволс совместно с капитаном Келе купил целый флот торговых кораблей. Они, как я слышал, планировали интересные путешествия. Остальные намеревались сделать нечто похожее, с выгодой распорядившись немалым трудом доставшимися средствами. Все эти люди начинали жить интересной жизнью, наполненной важными делами. И многие уже начинали привыкать к тому благополучию, которое они заслужили.

Пип сделал паузу и презрительно усмехнулся.

— А были мы круглыми идиотами. Вот как. Плыли себе по течению, не замечая предупреждающих об опасности знаков. Расслабленные и широко раскрытые даже для ловких пройдох, жуликов и проходимцев. Напоминали, наверное, подвыпивших фермеров, впервые собравших урожай и с толстыми кошельками напоказ разгуливающих в туманную ночь по закоулкам.

Видишь ли, капитан, я не политик. Поэтому этот подонок Като сразу не привлек моего внимания. Он, понимаешь, стал главным вершителем судеб всех и каждого. А раньше был рядовым заклинателем, непонятно как проник в высшие сферы.

Прежде чем стать диктатором Ориссы, Като служил одним из тех заклинателей, которые поддерживали Клайгиуса в тот момент, когда он пошел против твоего брата. До сих пор не могу понять, как все-таки Като удалось вылезти наверх, в особенности после того, как наружу вышло все то, что сотворил Клайгиус. Сотворил не без помощи таких мерзавцев, как Като.

Я не сомневаюсь, что его презирали. Но я не раз убеждался в том, что в богатых домах Ориссы обитает гораздо больше негодяев, чем в трущобах. И ты скоро поймешь, что это

правда, капитан Антеро.

Пип налил нам обоим еще вина. Затем продолжил:

— Эти куражные жлобы без устали гребут под себя. И они сумели крепко заграбастать Като. И крепко его прижать. Вскоре из Мастерских Заклинателей начали поступать различные волшебные изделия, которые тут же были присвоены. А раньше Пальмирас и твой племянник Гермияс заботились о том, чтобы плоды необыкновенного открытия доставались простым людям наравне с богатыми. Как и завещал Амальрик.

Однако Като и его заплочных дел мастера стремились во что бы то ни стало безраздельно завладеть богатством, приобретенным благодаря открытию Амальрика Антеро и Янилы Серый Плащ. Был пущен слух, что Пальмирас вместе с семьей Антеро замышляет уничтожить членов самых известных в Ориссе фамилий. Поднять на них массы недовольных — преимущественно отбросы общества. Возглавить бунт и направить его в нужном направлении.

Большая часть жителей Ориссы быстро разобралась, в чем дело. Распространители слухов сделались всеобщим посмешищем. Но куражные жлобы не смеялись. Ни один из них даже не улыбнулся, понимаешь? Даю тебе, кэп, честное слово старого Пипа. Они только поддакивали и с зубовным скрежетом наблюдали, как все богатства уплывают и скапливаются в руках одного человека — диктатора Като.

Вскоре Като собрался в дальний путь. Он поднял весь флот. С помощью именно тех, кто скрежетал зубами. Изображал из себя чуть ли не самого Амальрика Антеро, отправляющегося в дальние странствия, чтобы совершить еще одно великое открытие.

Как вскоре выяснилось, эта затея не принесла ему ни славы, ни достатка. Остановился на каком-то острове вблизи Лайкента. Рассказывал потом, что ему было видение. Утверждал, что познал истину. И когда он вернулся, то приказал устроить пышное зрелище и раскошелится. Не где-нибудь — а в Амфитеатре. Там собрались почти все жители города. Включая Пальмираса и прочих заклинателей.

Като довольно долго распространялся насчет видения. Утверждал, что имеет доказательства правильности действий Клайгиуса — от начала и до конца. Кроме того, что Амальрик Антеро вступил в сговор с демонами, результатом которого и явились все те неприятности, которые переживает Орисса. И — самое главное — Амальрик Антеро заключил соглашение с самим Королем Демонов Бейлендом, а Клайгиус пытался остановить их и умер как настоящий герой.

Многие быстро смекнули, что им пудрят мозги. Но вдруг в Амфитеатре зазвучала музыка. Как я потом выяснил — это были звуки лиры. И неизвестно откуда вдруг появилась эта проклятая птица. Села рядом с Като. Потом мы все разом подпрыгнули, потому что ярко сверкнула молния и птица превратилась в Новари.

Глаза Пипа засверкали.

— Никогда не встречал такой женщины. Стоило на нее взглянуть, как все внутри замирало. И эта лира, на которой она играла. Музыка была чудесная. Но и злая, очень злая. Превращала мозги во взбитый желток.

Вот и смотрели мы на нее разинув рты, все равно, мужчины и женщины. А она играла на лире и пела песню о том, как Антеро подружились с демонами. И о том, как на протяжении всей истории они продавали демонам наши души. Именно потому они и разбогатели. И именно по этой причине многие из Антеро сумели совершить Великие Открытия. Которые на самом деле были выдумкой и ложью.

Однако даже с помощью этой заколдованной музыки ее песня не укладывалась в сознании простых людей. И многие из них потеряли терпение. Начали негодовать. Бросать в исполнительницу припасенные заранее тухлые яйца и гнилые помидоры. Ты, как никто, знаешь, что весьма неразумно оскорблять Антеро в присутствии жителя Ориссы. Так, по крайней мере, было в то время. Вот и пришлось этой стерве показать, что же в действительности прячется под сладкоголосой личиной. Под фальшивой позолотой оказалась медь.

Ее голос зазвучал теперь как гром. Новари угрожала уничтожением Ориссы в том случае, если мы не изменим образа мыслей. Говорила, что она тут же повернется к нам спиной и оставит нас в полной власти Антеро, продавшихся дьяволам.

И вдруг — раз! И исчезла. А Като как стоял, так и пошел прочь из Амфитеатра, пошатываясь, как наемный убийца, вдруг обнаруживший, что забыл дома оружие.

Мы все весело смеялись над ним, но при этом совершенно упустили из виду то, что происходит вокруг. Не сразу поняли, что богатеи-предатели уходят вместе с ним, и некоторые генералы тоже. И даже пара заклинателей.

Одновременно целая галерея сторонников этих мерзавцев пытались испепелить нас ненавидящими взглядами. Среди них было немало старых приятелей Клайгиуса. Тех самых, которые тут же брякнулись на колени, едва Клайгиус пал.

Но беда в том, что большинство из нас не заметило этого. И винить в этом нужно только нас самих. Потому что первое, что мы узнали на следующее утро, что Като вновь пошел в гору. Встречается в конфиденциальной обстановке с важными персонами. В основном с теми, у кого совесть нечиста. Участились слухи, что Като и соучастники посещают оргии, на которых не обходится без колдовства, и что Новари является главной фигурой в этих оргиях. По правде говоря, кэп, лично я не обратил никакого внимания на эти слухи. Но должен был обратить, ой как должен!

Пип на несколько минут задумался, невидяще глядя в глубину своей пещеры. Его маленький нос озабоченной мышки начал непрерывно подергиваться. Затем Пип сказал:

— Была там замешана секс-магия или нет, все равно эта Новари — жуткая интриганка и прожекторка. Надеюсь, кэп, ты понимаешь, о чем я толкую. Однажды я проснулся и узнал, что Като избран Главным Управляющим.

Пип снова посмотрел на меня и уточнил:

— Но выбирали его совсем другие члены совета управляющих Ориссы. Это были специально отобранные кандидаты, которым было выгодно сохранение режима Новари и Като. Многие из них вовсе не являлись гражданами Ориссы. Думаю, что вы, Антеро, никогда не думали о таком повороте событий. Вот вы однажды взяли и даровали свободу всем гражданам, ликвидировав рабство. Но не подумали о том, что при этом необходимо дать власть, с помощью которой удалось бы эту свободу удержать. Вы доверились известным в Ориссе фамилиям. Высокие принципы, одухотворенность благородного класса и все прочее...

Я покраснела. Пип был абсолютно прав.

Он помрачнел, предвидя впечатление, которое произведут на меня следующие его слова:

— Като пригласил Пальмираса и других заклинателей для того, чтобы они официально поздравили его с назначением на новую должность. Это была обычная процедура для нового Главного Управляющего. Отличие состояло в том, что на сей раз гостей поджидали солдаты. Те солдаты, которых нанял Като. Все они носили мундиры с изображением Птицы Лиры. Вот, оказывается, как тщательно подготовились к предстоящим событиям Новари и Като. Почти одновременно другие подразделения наемников были посланы захватить Дворец Заклинателей.

Пришли и за Гермасом. В то время он жил на вилле твоего брата. Казалось, замыслы Новари и Като должны реализоваться, но вышло так, что Гермаса вовремя предупредили. Вместе с Квотерволсом и верными ему людьми они выехали навстречу, уничтожили отряд кавалерии Като и попытались отбить Пальмираса. Завязалась ожесточенная схватка. Но силы были слишком неравными. Гермасу и Пальмирасу чудом удалось унести ноги. С ними избежали гибели или унижительного пленения еще несколько заклинателей. И снова я должен подчеркнуть, кэп, что, не будь там твоей Стражи Маранонии, поражение было бы неизбежно. Стражницы вовремя присоединились к силам Квотерволса недалеко от Ориссы и решили исход сражения. Им рассказали о том, что происходит, и это добавило решимости воевать.

Затем оставшиеся в живых пробились к Галане, несмотря на непрерывные магические удары Новари и наступавших на пятки наемников Като. Да, они пробились, и это главное. А затем развернулись и дали отпор злодеям. Я слышал, что тогда Новари была серьезно ранена с помощью неизвестного оружия, которое сделал Пальмирас. Но боюсь, что на самом деле рана не была столь уж серьезной — эта сука день ото дня становится все сильнее и сильнее.

Я узнал, что многие в армии недолюбливают Като и не хотят ему служить. Некоторые из них уже нашли возможность присоединиться к защитникам Галаны. В настоящее время дела Като довольно плачевны. Он явно выжидает, когда Новари обретет былое полное могущество, чтобы в нужный момент открыть решающую карту.

Мы поняли, что Новари вернулась, когда на нас обрушилась чума. Многие умерли. Вслед за этим началось нашествие саранчи. Небо стало черным. Как раз в то время, когда надо было собирать урожай. Многие погибли от голода.

Вот тогда-то и пошли разговоры, в которых все чаще во всех бедах обвинялись Антеро. Оказалось, что именно они виноваты в том, что нас поразили чума и саранча. При этом упорно утверждалось, что только Новари способна спасти Ориссу от полного уничтожения. А все Антеро должны быть наказаны. Они должны умереть. На деле слухи распространялись агентами Като. Затем активно заработали тайные осведомители Като. Они следили за людьми, тут же докладывая сатрапам Като о любом инакомыслии. И с людьми стали происходить неприятности. Мне рассказали, что по ночам в реку то и дело сбрасывают трупы.

Но некоторые, вместо того чтобы лечь и затаиться, восстали. Вокруг Ориссы полыхали бунты. Как я потом узнал, ими руководил старина Отави. В конце концов кто-то рассказал ему о последних событиях, происшедших в Ориссе, о прорыве Квотерволса. Затем подсказал, куда нужно направить основные усилия, и Отави поднял всех фермеров, всю бедноту, чтобы соединиться с Гермиясом.

Они с непрерывными боями пробивались до самых ворот Ориссы. Небо горело день и ночь, не потухая ни на одно мгновение.

Там видели Птицу Лиру. Ночами она парила на фоне луны, потом посылая молнии на землю и умело уворачивалась от ответных ударов.

Но неожиданно случилось что-то непредвиденное. Я не знаю, что это было на самом деле. Но какой-то предатель дотянулся до Гермияса. Как мне рассказали, Гермияса убили ударом ножа в спину. Более того, каждый из защитников Галаны подвергался такой же опасности. Отави был убит точно так же. На волосок от гибели был и Пальмирас. Но ему удалось скрыться.

После этого сопротивление было практически подавлено. Квотерволс должен был отступить. Его силы понесли тяжелейшие потери. Но он сумел отойти от стен Ориссы и засесть в Галане.

После поражения восстания царил апатия. Люди ползали, как черви. И именно тогда наступил момент, когда они начали убивать Антеро. Страшное было время. Не проходило и дня без того, чтобы мы не слышали, что еще один бедняга Антеро был убит прямо в постели. Как вскоре оказалось, из всех Антеро Новари более всего хотела добраться до Эмили, твоей маленькой племянницы. До любимой дочери Гермияса. Ради этого были испепелены практически все окрестности Ориссы. Разорены и сожжены дотла многие и многие деревни. Лишь однажды патрулям Новари и Като едва не удалось напасть на след Эмили. Но каждый раз, когда Птице Лире удавалось засечь ее присутствие, обязательно происходило нечто, что позволяло избежать опасности. Эмили удавалось перевезти в безопасное место. Так продолжалось еще некоторое время, пока мы не доверили Эмили капитану Келе, которая погибла, но сумела доставить девочку вверх по реке до самой Галаны. А остальное тебе известно, капитан.

— На самом деле это не так, — сказала я, — предстоит еще найти ответ на множество вопросов. Один из них — твое участие во всех этих событиях, Пип. Кто свел вместе в нужный момент Гермияса и Стражу Маранонии? Кто спас Эмили и передал ее в руки

капитана Келе?

Я увидела, как Пип краснеет. Он быстро опустил голову и пробормотал:

— Это был я, кэп.

— Я так и думала. Это означает, что Орисса теперь в неоплатном долгу перед трущобами и их Королем Воров.

Пип пожал плечами.

— Сначала я не хотел ввязываться. У меня было припасено достаточно добра, чтобы жить без забот. Но потом я понял, что это единственный способ победить Новари и Като.

Многие из воров достаточно хорошо относились ко мне. Как я тебе рассказал, у нас установились почти родственные отношения. Поэтому мне было нетрудно сделать это, поверь мне на слово, кэп. В трущобах я стал героем. Как-никак я здесь родился и вырос. Поэтому мне только потребовалось шепнуть пару раз нужным людям, после чего почти моментально были выкручены несколько суставов, слетело несколько голов, и дело завертелось с такой скоростью, что дух захватывало.

Пип самодовольно улыбнулся и добавил:

— Учти еще и то, что моя просьба задевала кровные интересы большинства воров. Потому что большинство воров ненавидит постоянное давление со стороны негодяев, служащих Като. Они вредили воровскому бизнесу, делая население Ориссы изо дня в день все беднее и беднее. И туго набивали при этом кошельки. Поэтому всякий нормальный вор не верит подобным типам и относится к ним с подозрением. — Пип закончил рассказ и показал на песочные часы. Уровень песка был ниже его отметки. — Вскоре тебе представится возможность познакомиться с тем, что мы здесь делаем, — сказал он.

Почти сразу вслед за этим послышался тяжелый удар. Посыпалась пыль, но сразу все стихло.

Пип злорадно усмехнулся и произнес:

— Мои парни только что рванули одну из казарм. Если нам повезло, то не менее пятидесяти вояк Птицы Лиры взлетели к чертовой бабушке, а может быть, и дальше.

— Так это и есть ваша работа? — с восхищением спросила я. — Такой сильный взрыв. В придачу — без помощи какого-либо волшебства! По крайней мере, сейчас я ничего не чувствую.

— Никакого волшебства, капитан Антеро! — торжественно произнес Пип. — Только добрый старый конский навоз и деготь. Идею подбросил Отави. Он ведь был фермером и неплохо разбирается в подобного рода вещах. Он объяснил, что для успеха замысла необходим хороший навоз, навоз заботливо ухоженных лошадей. И обязательно сухой. Рассыпчатый. Вокруг конюшен Ориссы его — целые залежи. И вот этот сухой рассыпчатый навоз хорошенько пропитывают дегтем и туго набивают в бочки. Чем больше бочек, тем глубже дыра в земле, остающаяся после взрыва. — Пип почесал затылок и продолжал: — Я запомнил, сколько бочек мы положили на сей раз. Но думаю, что получилась достаточно убедительная воронка, которая заставит их крепко призадуматься. — Коротышка весело подмигнул мне и с сожалением добавил: — Жаль только, что мы не можем пока сделать так, чтобы в момент взрыва сверху там порхала эта Новари. Мы бы послали ее куда-нибудь подальше, где она без помех оттачивала бы свое преступное ремесло.

— Видела ее статуи, — сказала я, не прикрывая неприязни, — когда это она успела превратиться в богиню?

— Да почти сразу, — ответил Пип, — не успел Като занять пост, как объявил, что Новари — богиня Ориссы. Ввел присягу в войсках. Пожертвовал целое стадо быков, заложил сразу несколько храмов, похожих на храмы Тедейта и Маранонии. Кроме того, сама Новари строит теперь свой храм своего имени. Только что закончили закладку фундамента.

На мгновение замолчав, Пип пристально посмотрел на меня. Затем продолжал:

— И стоит тот храм поблизости от виллы твоего брата. А на вилле — живет Новари. Чтобы удобнее было следить за ходом строительства. Вот так.

Мой живот свело судорогой, когда я представила себе, как Новари распоряжается в

доме Амальрика. Разгуливает по саду. Вытворяет, что в голову взбредет, с могилой моей матери.

Пип успокаивающе похлопал меня по плечу и твердо сказал:

— Мы обязательно избавимся от нее, капитан Антеро. Теперь, когда ты с нами, я не сомневаюсь, что нам удастся достичь цели.

Коротышка откинулся на подушки и отпил вина.

— А пока суд да дело, нам ничего не остается, как время от времени устраивать небольшой фейерверк. За пределами Ориссы с нами заодно действует целая армия тех, кого жизнь сделала изгоями, тех, кто честен и добропорядочен, — фермеры. С их помощью удалось быстро перемещать Эмили и прятать ее в безопасных местах.

Все эти люди оказывают нам неоценимую помощь, доставляя оружие и продовольствие в Галану. Мы обчищаем казармы войск Новари и магазины богатеев, а потом переправляем добычу крепким ребятам, ожидающим нас неподалеку от Ориссы. Они умело прячут все в фермерских повозках, в одежде — даже в задницах. И им удается обвести вокруг пальца патрули Като и Новари, усиленные заклинателями, которые без устали прочесывают все окрестности с того самого времени, когда началась вся эта хренотень.

Внезапно Пип замолчал, и его глаза метнулись к песочным часам.

— Что за черт? — спросил он неизвестно кого. — Ведь сразу вслед за первым взрывом должен был последовать второй. Тут что-то не так. Почему-то сорвалось. Сегодня мы рассчитывали пустить на воздух две казармы. — Пип смачно выругался и ударил кулаком по ладони другой руки. Потом с грозным видом пророкотал: — Это дерьмо виновато! Я с самого начала серьезно сомневался в его качестве, кэп. Недостаточно рассыпчатое. Я же говорил парням. — Пип сокрушенно вздохнул. — Очень важная деталь, кэп, без которой невозможно исполнить задуманное. Если ты не позаботишься должным образом о дерьме, то оно ответит тебе черной неблагодарностью.

Пип с такой внутренней убежденностью произнес эти слова, что мне стоило немало труда удержать взрыв хохота. После чего я рассказала Пипу, что мой отец говорил нечто похожее относительно торговли, но без грязных выражений. И добавила:

— Думаю, что у нас мало времени. Богиня Маранония дала мне срок до первого снегопада. Я помню ее слова так, как будто бы они были произнесены вчера, хотя на самом деле прошел почти год. «Когда в Ориссе в следующий раз выпадет снег, Эмили достигнет первого уровня своего могущества». Так сказала Маранония. И кроме того, богиня предостерегала меня, что Новари всеми силами будет стремиться воспрепятствовать этому.

Глаза Пипа сузились. Он медленно произнес:

— Первый снег может выпасть не позже чем через месяц.

— Это может произойти гораздо раньше, — возразила я, — но независимо от этого мы в первую очередь должны учитывать то, что нам противостоит. Поэтому мы должны признать, что времени не осталось. Когда сотни дней назад из дальнего Королевства Грез я отправлялась в Ориссу, то боялась, что выполнить поручение Маранонии практически невозможно. Все свои сомнения я честно и откровенно изложила тебе, Пип, поэтому надеюсь, что ты в полной мере оценил ситуацию, в которой мы сейчас находимся. Наши шансы на успех весьма малы, если не ничтожны.

Когда я прежде сражалась с Птицей Лирой, то столкнулась с некой примитивной силой, которая практически не обладала интеллектом. У Новари имелось вдоволь первобытной ненависти, которая подвигала ее на преступления. Но теперь она впитала знания, полученные в Мастерских Заклинателей. И эти знания находятся в полной ее власти.

На мой взгляд, единственная причина того, что Новари до сих пор не добилась полного успеха, состоит в том, что Пальмирас и несколько заклинателей, которые сумели выбраться вместе с ним из Ориссы и укрыться в Галане, также обладают этими знаниями. И они умело используют их, чтобы блокировать действия Новари. Однако неясно, как долго они выдержат.

— Не знаю, насколько ты согласишься со мной, кэп, — прервал меня Пип, — но я

боюсь, что ты смотришь на все это дело только с одной стороны. Если уж мы в цейтноте, то Новари тем более. Как ты сказала только что — не за горами первый снегопад. А это означает, что у Новари осталось так же мало времени, чтобы сомкнуть кольцо осады, как у нас — чтобы остановить ее.

Я одобительно похлопала коротышку по плечу и заявила:

— Теперь я вижу, почему выбрали тебя королем. Они не ошиблись в выборе. Я очень рада была услышать то, что ты только что сказал.

Пип взмахнул рукой, как бы отвергая похвалу, и продолжал:

— Новари хорошо знает то, что знаем мы. И, будь старина Пип в ее шкуре, он бы вскоре предпринял решительный штурм Галаны. Он бы бросил все силы, все имеющиеся резервы на то, чтобы овладеть крепостью.

— Думаю, что Новари уже приступила к подготовке штурма. Произведя разведку, я почувствовала, что внимание Новари совершенно определенно занято чем-то важным и не относящимся к Ориссе. На всем пути от дельты до Ориссы расставлена уйма магических ловушек, и без конца встречаются патрули, усиленные заклинателями, способными обнаружить проявления колдовства. Но мне удалось с легкостью преодолеть все эти препятствия. Кроме того, я не сомневалась в том, что если бы я ошиблась, задела бы волшебную сеть, то это прошло бы совершенно незамеченным.

— Это доказывает, что Новари сконцентрировалась на Галане, — сказал Пип.

— Точно, — подтвердила я.

— Что же нам делать? — спросил Пип.

— А что делает всякий уважающий себя вор, — ответила я, — когда он видит, что дом богатея остался без присмотра?

— А как же, кэп, — обиженно загудел вор, — он забирается в этот дом и вытаскивает все, что сможет унести.

— Именно это я и имела в виду, Пип, — удовлетворенно произнесла я.

Пип рассмеялся. И непроизвольно перешел на жаргон, которого он старательно избегал в разговоре со мной:

— Кента лучше меня, чтоб снять бризец и вымолотить хату [Вора, лучше меня способного найти подходящий дом для грабежа и полностью его обчистить (воровской жарг.)], тебе вовек не сыскать, капитан Антеро.

— Я не знала этого, когда отправлялась в Ориссу и попыталась разыскать тебя, — сказала я. — Но теперь я знаю.

Затем я молча и внимательно, как будто бы впервые, взгляделась в несметные сокровища, которые почти до краев заполнили подвал, ставший тайным жилищем Пипа. Теперь мне показалось, что это логово настоящего пирата.

Глава 4. ВОИНСТВО ТРУЦОБ

На следующий день после нашей встречи Пип собрал своих полевых командиров, чтобы приступить к выполнению первого этапа плана, направленного против Новари и директора Като.

— Прежде чем старина Пип начнет толковать о деле, — произнес он, — хотелось бы, черт побери, узнать, кто из присутствующих здесь думает, что капитан Антеро — вовсе не та, за которую она себя выдает. Хотя она — на самом деле Рали Антеро, которая восстала из мертвых, чтобы заткнуть наконец глотку этой Птице Лире.

Пип не спеша оглядел собравшееся вокруг него воинство. Это было довольно причудливое сборище. Среди пришедших по зову Пипа — Квини, глава банды душителей — напоминала большой бочонок, одетый в богатые меха, с вызывающего вида бриллиантовой диадемой в волосах. И Гарла — высокий, красивый вождь нищих. Жемчужница — профессиональная соблазнительница с золотистой кожей, возглавляющая гильдию

Свободной Любви. Палмер и Лэмер — баронесса и барон карманников. Тинк — предводитель крыс, еще меньше ростом, чем Пип, но весьма заметная фигура, потому что он густо облил себя ароматическими эссенциями и обмазал пряностями и маслами, чтобы скрыть неизгладимое свидетельство своей профессии — запах, который вьелся в него и ощущался независимо от того, сколько раз в день он принимал ванну.

Были и другие, не менее колоритные фигуры. Главные подручные Пипа запомнились мне потому, что они были первыми, на кого показал Пип сразу после того, как все собрались, и их имена засели в моей памяти.

Это была компания наиболее опасных мужчин и женщин, но, несмотря на свой устрашающий вид, недвусмысленно говорящий об исходящей от них смертельной угрозе, каждый из этих людей отводил глаза от пристального взгляда, который Пип неторопливо переводил от одного к другому. Коротышка не терял инициативы, настойчиво вглядываясь в подчиненных, поэтому молчание становилось напряженным.

В конце концов Квини прокашлялась и сказала:

— Что же мы такое натворили, Пип, что заставило тебя думать, что мы не доверяем тебе? Она — именно та, за кого себя выдает. Рали Антеро, если уж тебе так хочется. Лет ей так тридцать шесть — тридцать семь, ни дня больше. И это — несмотря на то что она проспала более пятидесяти лет. Сколько же ей в действительности, а, Пип? В особенности если учесть все те басни, которые мы слышали начиная с младенческого возраста?

— Ага! — рявкнул Пип. — Так вы мне все-таки не верите! Квини подняла мясистую лапу в знак протеста и произнесла:

— Я не говорила этого, Пип.

— Но подразумевала, — сказал Пип, нахмурившись. — Теперь слушайте сюда. Все вы. Выбросите глупости из головы. Подумаешь, е-мое, — верить или не верить! Старина Пип вправит вам мозги.

Молчание становилось нестерпимым. Подчиненные Пипа, судя по всему, побаивались произнести то, что вертелось на языке, — что Пип просто рехнулся.

Я вышла вперед, подняв золотую руку, которая угрожающе заблестела, как клюв хищной птицы. При этом излучала достаточно энергии магического поля, чтобы заставить их волосы встать дыбом. Я улыбнулась, чтобы разрядить обстановку.

— Извините меня, друзья мои, за то, что я собираюсь сейчас сделать. Но у меня нет времени на сомнения, всякие фокусы и тем более — на ссоры. Вы должны будете пойти со мной до конца, независимо от того, когда он наступит, этот конец.

И я произнесла волшебные слова:

Раздвинь завесу сплетен, Узнай, кто, не краснея, врет, Да так, что черт не разберет, А кто наивно честен.

Я сделала резкое режущее движение волшебной рукой, и внезапно возникло ощущение, что кто-то настезь открыл широкое окно. Из этого окна ударил порыв ледяного ветра, и все собравшиеся вокруг меня воры разом отпрянули.

Перед их изумленными взорами раскинулась мертвая ледяная пустыня с нагромождениями скал. Снежными вихрями завывала метель. На границе черного скалистого берега и полярного моря, усеянного льдинами, высилась моя ледяная крепость — полусферический купол, сиявший такой белизной, что смотреть на него было совершенно невыносимо.

— Мой дом, — сказала я.

Обитатели трущоб разом зашевелились и забормотали.

Я вновь взмахнула рукой, и изображение изменилось. Теперь крепость предстала изнутри. Посредине огромного зала были расположены стеллажи с оружием. Виднелся опустевший деревянный стапель, где когда-то стоял мой серебряный корабль.

А в широком алькове располагалась могила с прозрачной ледяной крышкой.

Внутри могилы спала Салимар. Моя Салимар с золотистыми волосами. Мое сердце дрогнуло и защемило, когда я увидела ее, и я ощутила стыд перед ней за то, что привела

чужих людей в нашу тайную спальню. Салимар шевельнулась, и мне показалось, что я услышала, как она прошептала мое имя. Я захотела ответить ей, но вовремя спохватилась, так как расстояние было невероятно большим. И передо мной было всего лишь видение.

Я показала на Салимар и объяснила:

— Моя королева. И женщина, которую я люблю больше всех на свете.

Послышался восхищенный шепот.

Внезапно Салимар еще раз шевельнулась. Ее губы раскрылись, и она позвала меня слабо, но достаточно отчетливо:

— Пожалуйста, Рали, дорогая. Мне холодно. Так холодно. И вытянула руки как будто мне навстречу.

Я не могла более терпеть эту муку. Рубанув воздух волшебной рукой, я заставила видение исчезнуть.

Квини, глава душителей, всхлипнула и вытерла глаза. Казалось, что на всех остальных увиденное произвело такое же сильное впечатление.

Только Гарла, предводитель нищих, был совершенно спокоен. На его красиво очерченных губах появилась циничная усмешка человека, знающего истину.

Пип, должно быть, тоже заметил необычную реакцию Гарлы, потому он грубо спросил:

— Какие проблемы, Гарла? Ты думаешь, что все увиденное — следствие галлюцинаций от принятой дряни?

Гарла тряхнул головой и важно ответил:

— Ничего подобного, Пип. Я искренне наслаждался спектаклем. До этого я считал себя непревзойденным мастером игры на тайных струнах души. Но это... — Тут Гарла бросил взгляд на меня, еще шире и еще циничнее усмехнувшись. — Это было исполнено подлинным гением. Я сам непроизвольно пустил слезу и не стесняюсь этого, госпожа Антеро.

— Она не любит, когда ее называют «госпожа», — отрывисто произнес Пип, — она капитан Антеро.

Гарла слегка склонил голову в поклоне и переспросил:

— Неужели капитан? Как это... похоже на вас.

Пип начал было сердиться, но я успокоила его взмахом волшебной руки и сказала:

— Не стесняйся, говори, что думаешь, Гарла. Никто не причинит тебе вреда.

Гарла пожал плечами и произнес:

— О, я, конечно же, верю вам, капитан Рали Антеро. Кто же будет отрицать все только что увиденное. И услышанные вдобавок слова Пипа. В которых я не сомневался с самого начала. Нет, я являюсь убежденным сторонником нашего пахана, Воровского Короля. Если уж на то пошло — кто, как не он, сделал столько, что хватило бы на добрую дюжину обычных жизней? В этом не может быть никакого обмана. Так же как и нет обмана в том, что вы — капитан Антеро. Хотя со стороны это может показаться чудом.

— Тогда к чему тут презрительная усмешка, друг мой, — спросила я, — откуда враждебность по отношению ко мне?

— Нет, не по отношению лично к вам, капитан Антеро, — ответил Гарла, — а по отношению к тому, что вы собой символизируете. — Гарла сделал элегантный жест, подтверждающий его презрение. И продолжал: — Всех тех господ, которые в мгновение ока постарались обчистить бедных жителей Ориссы для обеспечения собственного комфорта и ухитрились наловить в мутной воде немало рыбы. Теперь мы все вынуждены воровать. Но мы не ропщем на судьбу за то, что она распорядилась именно таким образом. Но не думали ли вы, капитан, вот над чем: как могло случиться, что только так называемые отбросы общества стоят за Ориссу до последнего, а все остальные — либо сломлены духовно и физически, либо сбежали?

— Я не в состоянии ответить на этот вопрос, Гарла, и должна честно признаться, что это меня очень удивляет.

— Что произойдет, капитан Антеро, — продолжал Гарла, — если мы победим в

борьбе? Кто будет управлять Ориссой, когда тираны будут уничтожены? Снова так называемые благородные фамилии? Вероятно, другая группа — но совершенно та же порода, поверьте мне на слово, капитан.

— А что бы ты хотел получить в итоге? — спросила я. Гарла посмотрел на меня с удивлением, его брови полезли на лоб. Потом он кивнул и заявил:

— Ну, если бы у меня появилась возможность выбора, то новые лидеры были бы из простого народа, но обладающие опытом и пользующиеся авторитетом. — Гарла показал на Пипа. — Воровской Король был бы одним из таких лидеров.

— Если это в действительности то, что ты намерен сделать, то тебе придется приложить немало усилий для завершения задуманного уже после того, как победа будет достигнута. Тебе предстоит самостоятельно строить будущее. Постарайся сделать так, чтобы все произошло по справедливости, и ты не услышишь ни одного моего замечания.

— Честно сказано, капитан Антеро, — произнес Гарла, — теперь я ваш сторонник. Не только Пипа, но и ваш, если быть точнее. — Вслед за этим Гарла оглядел всех присутствующих и спросил: — Мы все согласны, не так ли?

Ответные возгласы согласия прозвучали нестройно, но довольно громко.

В последующие дни Орисса была захвачена самой мощной в истории города волной грабежей, разбоя, воровства и убийств. Ни один состоятельный житель города, будь то рантье, купец или знатный сановник, — не мог свободно пройти по своим делам, не потеряв либо кошелек, либо даже голову. Ведь Гарла объяснил своему воинству, что именно они являются истинными ворами. И мы беспощадно расправлялись с ними.

Мы угоняли принадлежащие им экипажи, обчищали их магазины, а когда богатеи отступили и заперлись в своих домах, Пип послал против них «крыс» во главе с Тинком. Крысы проникли через канализацию и держали владельцев в страхе и непрерывном напряжении в течение длительного времени, пока мы не увезли остатки их имущества на принадлежавших им каретах.

Наше наступление было настолько яростным и не имеющим аналогов в истории, что представители знатных фамилий и купечества в отчаянии бросились искать защиты у Като, стуча зубами от страха. Как сообщили наши разведчики, они потребовали вмешательства регулярных воинских частей. На диктатора Като было оказано очень жесткое давление с целью получить объяснение, почему в критический момент у Като не оказалось в достаточном количестве солдат, чтобы справиться с преступниками. Это была воистину большая точка во взаимоотношениях режима Като с богатыми людьми ОриССы, которые не так давно предали ее истинные интересы. Груз машины подавления, которая могла держать все население города в узде, а в придачу долгое время осуществлять осаду Галаны, полностью лег на их плечи.

Поначалу они горячились, раздражались и нервничали, узнав о том, насколько высока стоимость этой машины, а вслед за этим — оттого, что, несмотря на невероятную эту стоимость, армия и силы внутренней безопасности ОриССы не в состоянии обеспечить безопасность граждан, почетных граждан — в их собственных домах.

Като пообещал что-либо предпринять, но в очень неопределенных выражениях, как сообщили наши разведчики, поэтому делегация знатных особ вышла от директора Като полностью неудовлетворенной.

Я не ставила главной целью доводить до белого каления богатеев, хотя это и доставляло удовольствие не только мне, но и воинству Пипа. Это была лишь промежуточная цель.

То, что не удалось сделать Като с помощью армии, Новари совершила с помощью разветвленной шпионской сети. Агенты запоминали каждое подозрительное движение или неосторожно произнесенное слово, которое сразу же становилось оружием, подвергающим опасности планы, разработанные Пипом. Мне пришлось спутать эту сеть в беспорядочный клубок сбитых с толку шпионов и противоречивой информации, иначе бы ни один из наших

замыслов не осуществился.

Многочисленные хорошо организованные нападения на зажиточных граждан Ориссы были удачным началом нашего наступления. Тайные осведомители Като и Новари оказались беспомощны, как пауки, у которых во время уборки порвали паутину.

Одновременно мы создали сеть разведки. Рыночные попрошайки, зеленщики и карманные воришки — в особенности специалисты по срезанию с пояса кошельков — были нашими ключевыми фигурами на улицах города. Взломщики сейфов с драгоценностями и «крысы» Тинка, точно чувствительные щупальца осьминога, проникали в самые укромные уголки вражеских домов.

Наши добровольные помощники и помощницы из гильдии Свободной Любви и из числа содержателей игорных притонов в этот период регулярно снабжали нас подробными отчетами о жалобах пострадавших богатеев, которые с легкостью добывались за карточным столом или в более доверительной обстановке.

Первые успехи стали возможны благодаря как новым волшебным приемам, так и усердию воинства Пипа.

Я создала неизвестные ранее заклинания для карманных воров, чтобы сделать их промысел более удачливым. Обычно они работали командой. Например, женщина, которая выглядела как невинная сиротка с огромными серыми глазами, и исключительно быstroногий мужчина. Я прибавила женщинам очарования, которое в нужный момент позволяло им казаться неотразимо соблазнительными, а мужчин снабдила амулетами, помогавшими затуманивать жертве мозги.

Однажды, стыдливо хихикнув, Палмер поделилась со мной секретом своего мастерства:

— Все, что мне требуется, — как следует налететь на клиента. Вывалюсь на улицу, издавая визг, способный свести с ума кого угодно, позаботившись при этом о том... ну, — ты знаешь... чтобы все хорошо было видно. А когда клиент созреет и начнет помогать мне подняться, я вроде бы случайно даю ему проверить, как у меня все устроено. — Палмер моргнула, как будто бы проверяя на мне свое искусство, а затем продолжала: — Проверенный факт, что у мужиков гораздо меньше ума, чем у нас, женщин. Дашь им подержаться за сиську, и они сразу же теряют остатки рассудка.

Лэмер даже застонал от скрытого негодования, потому что принял иронию на свой счет. Подозреваю, что он слышал это очень много раз.

— Если мне не удастся извлечь кошелек сразу, в тот момент, когда я налетаю на клиента, — продолжала как ни в чем не бывало Палмер, — или он не дает мне его сам после того, как поможет мне встать, то немножко попозже я все равно получаю денежки. Потому что благодаря твоему заклинанию клиенты совершенно теряют голову и забывают о правилах приличия. Все без исключения. Начинают старательно отряхивать с меня пыль. Ощупывают. Пытаются пригласить меня в таверну и предлагают выпить, чтобы немного сгладить последствия неприятного эпизода.

— Пока она плетет свои сети, — вмешался в разговор Лэмер, — я потихоньку потираю амулет, который ты дала мне. Произношу рифмованные строфы, смысл которых мне не совсем ясен, но твоё заклинание настолько убедительно работает, что вникать необязательно. Клиент тут же становится похож на лунатика, стоит выпучив глаза и, похоже, забывает, как его зовут. Палмер бросает мне кошелек, и я уношусь быстрее ветра — попробуй догони!

Маленькая ладонь Палмер скользнула за корсаж. Девушка достала два свернутых в трубку листа бумаги.

— Ну, в общем, это потерял один тип, — произнесла она неуверенно, подавая листки мне, — точнее, я достала это у одного часа два назад, врезалась в него, даже не удосужившись рассмотреть. Ему сперва было на меня наплевать, но с помощью заклинания, которым ты снабдила меня, все пошло как по маслу. Боюсь, что у меня вырабатываются плохие привычки.

От избытка презрения к себе Палмер скривила губы. У нее сложилась репутация,

которую необходимо было поддерживать на должном уровне.

— Так или иначе, я достала его кошелек, как обычно, — продолжала воровка, — а очередной растяпа уже скользил глазами по вырезу моего платья, лапал меня, хотя старательно делал вид, что отряхивает пыль. Как только я рассмотрела, кто это такой, я убралась подальше с такой скоростью, на которую не способен даже Лэмер.

— Это был Калин, да, точно он, — явно волнуясь, вступил в разговор Лэмер, — глава тайных осведомителей Центрального рынка. Это самый жуткий шпик в Ориссе. У него в кошельке были вот эти бумажки.

Я поспешила прочитать, что написано на этих «бумажках». Это были документы, составленные непосредственным руководителем оперативной службы наблюдения на Центральном рынке. Первый содержал перечень имен, написанный мелким убористым почерком и явно наспех. Перед каждым именем стояли цифры — это суммы полученных или причитающихся вознаграждений.

— Так это же список всех доносчиков, работающих на Центральном рынке, — улыбнулась Палмер, — и их гонорары. Вот, оказывается, чем занимается старина Калин! Он доставляет шпикам деньги, а взамен получает свежие новости.

— Судя по туго набитому кошельку, от которого мы его освободили, — сказал Лэмер, — он успел обойти не многих.

Я развернула второй листок. Он представлял собой официальный документ, скрепленный печатью с изображением Птицы Лиры. Документ удостоверял, что его обладатель состоит на службе у Новари и поэтому никто не вправе чинить ему препятствия на пути выполнения служебных обязанностей.

— Это пропуск, который выдают всем соглядатаям, — объяснила Палмер, — как только покажешь это патрулям — они тут же отпускают.

— Ну что ж, — сказала я, — вы очень и очень неплохо поработали сегодня. Можете не сомневаться, ваша добыча попадет по точным адресам.

Список имен я отдала Квини. И в течение двух дней все тайные осведомители исчезли с Центрального рынка.

Ее душители сработали столь безукоризненно, что никто не слышал ни одного сдавленного крика или призыва о помощи. Шпики будто бы испарились.

Ко второму документу, добытому Палмер и Лэмером, я применила заклинание копирования, создав таким образом множество пропусков для людей Пипа. Вслед за этим постепенно наши разведчики просачивались сквозь патрули, сети и заслоны, расставленные врагом, как обычная молочная сыворотка просачивается через марлю в процессе приготовления творога.

Кроме того, я изготовила снадобье для жриц свободной любви, которое они незаметно подмешивали в вино очередного клиента, чтобы помочь ему как следует расслабиться. Моя «микстура» делала жертву необычайно похотливой и тупой как козел. Окончательно одуревший клиент выбалтывал все секреты в ароматное ушко симпатичной шлюшки. Кроме этого, мое средство привязывало того, кто однажды его попробовал, исключительно к одной распутнице — потому что он становился импотентом по отношению ко всем остальным женщинам.

— Мы добились того, — хвасталась однажды красотка Жемчужина, — что каждая шлюшкина качалка, не переставая, раскачивалась и подпрыгивала всю ночь напролет.

При этом Жемчужина изящным движением высыпала внушительную горсть драгоценных камней и золотых монет в почти переполненный дубовый сундук. Потом немного потрясла кисетом, чтобы извлечь застрявшие в его складках несколько мелких камешков. Ее тело с налитыми формами контрастно обозначилось под полупрозрачной тканью одежды, что лишний раз недвусмысленно напомнило мне о ее профессии.

— Все это я достала у одного-единственного партнера, последнего за эту ночь, хвала богам. — Жемчужина застонала, помассировала спину и пожаловалась: — Трахал меня почти до рассвета и просил еще и еще, когда я выбросила его из кареты. Уверял, что любит

только меня, и подарил кисет с драгоценностями. — Жемчужина показала только что опорожненный кошелек и засмеялась. — Я швырнула ему прямо в лицо и обругала за то, что он был таким жестким в любви по отношению к женщине, которую любит. Но с твоим снадобьем, которое он успешно заглотил с немалой дозой вина, он был полностью моим. Умолял меня взять кошелек и обещал принести в два раза больше, лишь бы я его не отвергала. — Вслед за этим Жемчужина села, скрестив свои прекрасные длинные ноги, и продолжала: — Этот тип является одним из дипломатов директора Като. Очень хвастлив и любит рассказывать, сколь важный пост он занимает. Всю ночь тараторил без умолку, пока вбивал мою бедную задницу в сиденье качалки. Между прочим, немало наболтал мне в последнюю ночь о недавних связях с королем Солярисом.

Я как сидела, так и подпрыгнула.

— С королем Тирении?

— Именно так он сказал, — ответила Жемчужина. — Похоже, что старина Солярис начинает по-настоящему гневаться. Ему не по нраву все то, что у нас творится. Хотя, насколько я поняла из слов клиента, король не знает и половины того, что происходит в Ориссе на самом деле. По сути, он осведомлен лишь о том, что Новари и Като завладели открытиями, которые сделали твой брат и Янила Серый Плащ.

Солярис сказал, что Орисса нарушает соглашение, которое он заключил с Амальриком Антеро. Суть его состоит в том, что Орисса обязана делиться достижениями с остальными королевствами, расположенными в этой части мира, в то время как Тирения делится тайнами со своими соседями. Насколько я могу судить со слов клиента, король Солярис начинает подозревать, что Новари и Като незаконно присвоили себе достижения и подчинили всех, кто обитает вблизи Ориссы. Короля тревожит, что их аппетит может так разгореться, что они совсем потеряют голову и захотят оттяпать часть территории Тирении.

Я повернулась к Пипу, который с пристальным вниманием слушал.

— Не сомневаюсь в том, что захват Тирении является конечной целью плана Новари. Она хочет безраздельно владеть всем миром. Половина ее не удовлетворит, — сказала я.

Пип улыбнулся.

— Мне нравится то, что я слышу, очень нравится, — произнес он, — не исключено, что нам удастся получить какую-то помощь со стороны короля Соляриса. У него большое сердце, он честный малый, и поэтому ему не по нраву все то, что происходит в Ориссе. В особенности то, что сотворили с вами, с Антеро.

— Пип, не забывай, что Солярис слишком далеко, — как можно мягче напомнила я, — его войскам потребовалось бы больше года, чтобы добраться из Королевства Ночи до Ориссы. А тогда будет поздно не только для нас, но, вероятно, и для него. К тому времени Птица Лира приобретет такое могущество, что у короля не останется ни малейшего шанса на победу, независимо от того, какую по численности армию он с собой приведет.

Пип вздохнул.

— Верно. Но все равно мысль о том, что существует человек, способный поддержать в трудную минуту, придает старине Пипу бодрости. Я был бы глубоко разочарован, если бы король Солярис повернулся к нам спиной.

Я ощущала нечто похожее. И, несмотря на то что помощь издалека была невозможна, меня утешала мысль о том, что друг моего брата не забывает о нас.

Я поддержала волну грабежей с помощью нескольких пожаров, устроенных в дорогих магазинах, ювелирных мастерских и парфюмерных лавках, расположенных в излучине реки, неподалеку от Дворца Заклинателей. Для этой цели я пригласила душителей Квини, каждому из которых я вручила небольшой туго спрессованный шарик обычной ваты, обернутый вокруг веществом, по виду напоминающим угольки потухшего костра. Все, что требовалось сделать для того, чтобы устроить пожар, — положить шарик в укромное место, найти укрытие на расстоянии не более шести метров от шарика (что было самой сложной частью в этом деле) и произнести несложное заклинание. После этого маленький ватный шарик

превращался в огненный шар, который горел в течение нескольких часов, независимо от того, сколько на него выливали воды или высыпали песка.

Бывали дни, когда подчиненным Квини удавалось поразить так много мишеней, что весь город наполнялся дымом и криками солдат, безрезультатно сражающихся с заколдованным пламенем.

Продолжая поддерживать атаки воинства Пипа, я ни на секунду не переставала следить за тем, не проявит ли себя Новари. Если Новари не выдержит и даст о себе знать и мне по какому-то дьявольскому везению удастся приблизиться к ней на достаточно малое расстояние, я должна буду собрать воедино всю свою мощь и ударить открыто.

Однако она, должно быть, почуяла что-то неладное, потому что пренебрегла даже посещением ежегодного праздника Сбора урожая.

Надо отдать должное проницательности Птицы Лиры, которая на сей раз помогла ей остаться в невредимости, потому что мы с Пипом решили сделать праздник Сбора урожая днем самых яростных атак. Мы наносили удары одновременно во всех районах столицы, устраивали пожары, грабили дома и вселяли устойчивое чувство страха во всех обеспеченных граждан.

Като был вынужден прервать торжественную церемонию в Амфитеатре и поднять армию, которая бросилась наводить порядок. Но к тому времени мы уже давно исчезли в лабиринтах орисской канализации.

Несколько раз за это время я пыталась найти Новари. Я посылала свое астральное тело, чтобы постараться проскользнуть мимо ловушек незамеченной. Несмотря на то что ее магический след виднелся повсюду, я не смогла отыскать ее, не смогла пробиться сквозь многослойную защиту, созданную с помощью заклинания растерянности. В каждом слое защиты содержалось заклинание тревоги, преодолеть которое мне не составило труда. Но мне потребовались бы недели, чтобы пробиться сквозь всю защиту — и совершенно не было никакой уверенности в том, что в конце концов я выйду на Новари. Взвесив все «за» и «против», я отступила.

Однако предпринятые попытки кое-чему научили меня. Я убедилась, что защита, составленная из заклинаний смущения и растерянности, не является плодом деятельности одной только Новари. Я учуяла магические следы, по крайней мере, двадцати заклинателей. Интересно узнать, что для выполнения относительно простой работы Новари пришлось прибегнуть к совместным усилиям двух десятков колдунов, тех самых колдунов, магические способности которых она должна была использовать против Пальмира, чтобы осадить Галану.

Это открытие заставило меня подумать об объеме той магии, которая потребовалась Новари для создания всех необходимых защит, заклинаний и детекторов заклинаний, чтобы удерживать Ориссу под своей пятой. О том количестве заклинателей, которое требовалось для патрулирования и охраны всех главных дорог и водных путей от магической контрабанды.

И мне показалось в результате размышления, что магические силы Птицы Лиры были распылены еще до моего возвращения в Ориссу. Приятно осознать, что начиная с этого момента я заставляю ее натянуть струны волшебного биополя до предела.

Наступил наконец день, когда я уже не могла больше медлить с приведением в действие второго, и наиболее важного, этапа плана.

Я попросила Пипа собрать своих подручных и, как только они появились в его подвале, поднялась, чтобы сказать несколько слов.

Я поблагодарила их за предпринятые усилия, позаботившись о том, чтобы не забыть никого из присутствующих, назвав каждого по имени и подчеркнув наиболее яркое дело, им совершенное. Затем, когда все присутствующие слегка размякли, я сказала:

— Мы крепко врезали Новари и Като, в этом никто не посмеет усомниться. И, как вы хорошо знаете, это — только начало их полного изгнания из Ориссы.

Эти слова были встречены радостными криками, за чем последовали хвастливые разговоры о тех делах, которые предстояло совершить.

Когда я сочла, что они потешились вдоволь, то подняла волшебную руку. Сразу послышался шепот, призывающий к тишине.

— К великому сожалению, — сказала я, — не имею никакой возможности участвовать в заключительном этапе сражения.

Ответом мне были изумленные взгляды.

— Я обязана добраться до Галаны, мне необходимо помочь ее защитникам прорвать осаду. В противном случае наши усилия пропадут даром.

— Каждый из нас чувствовал, что этот миг приближается, капитан Антеро, — заявил Пип, — только мы не думали, что он наступит так скоро.

— Но, — продолжала я, — мне необходимо, чтобы со мной пошел ты, Пип.

Его первой реакцией была усмешка. Он улыбнулся так радостно, что, казалось, хочет проглотить воинов-великанов Мэгона. Пип оглядел соратников. Я знала, о чем он думал в этот момент. Пип уже летел вперед, свободный от всех обязательств, навстречу опасности.

Но потом Пип осознал смысл моего предложения и нахмурился.

— Однако, капитан, — произнес он, — старина Пип не может оставить корешей. На нем большая ответственность. Непрерывная головная боль. Я Воровской Король.

— Именно Воровской Король мне и нужен, — возразила я. — Представляешь: волшебство и воровство. Два сапога пара. Ты доставишь меня в Галану. А потом ты сможешь вернуться в Ориссу и руководить заключительным этапом сражения.

Все затаив дыхание и с напряжением наблюдали за вожак. Тот повернулся к Гарле.

— Ты возьмешься крутить шарманку, пока я не вернусь? — спросил его Пип.

Красивый нищий слегка поклонился и произнес:

— Это большая честь для меня, Пип. Будь спокоен. Я буду вести честную игру с каждым. Прослежу, чтобы каждый получил причитающуюся по праву добычу.

— Так-то лучше, — проворчал Пип, оглядел собравшихся и довольно грубо спросил: — Есть возражения? Если есть — давайте начистоту. Если нет — заткните варежки и не возникайте в будущем.

Возражений не было.

— Ну вот, капитан Антеро, — сказал Пип, — похоже, у тебя появился попутчик.

Прежде чем мы отправились в путь, я попросила Гарлу помочь мне приготовить все необходимое. Нужно было принять новый облик. Игра под демобилизованную стражницу Маранонии оказалась бы бесполезной и даже опасной в окрестностях Галаны. Первый же попавшийся патруль заинтересовало бы, зачем стражница Маранонии пробирается в осажденную крепость.

Размышляя обо всем этом, я не спеша брела по рынку. В мозгу начинали постепенно складываться мелкие детали плана сражения с Новари, поэтому я не обращала ровно никакого внимания на окружающих.

В тот момент, когда я повернула на главную улицу, ведущую в район трущоб, из переулка выползло необычайно уродливое создание. Это был безногий пожилой человек, сидевший на дощечке. Он передвигался толчками, опираясь на руки, защищенные толстыми рукавицами без пальцев. На калек была солдатская форма, давно превратившаяся в лохмотья. Лицо напоминало синевато-багровую, изборожденную шрамами и следами ожогов маску. Старый солдат приблизился ко мне, непрерывно кряхтя и энергично взмахивая руками в кожаных рукавицах. Мне пришло в голову не совсем, может быть, уместное сравнение со старой взволнованной курицей.

Нищий остановился, перегородив дорогу, и принялся сверлить меня взглядом.

— Подай пятак на пропитание, сержант, — произнес он, — помоги бедному брату, оказавшемуся в нужде.

И приподнял деревянную чашку для подаваний.

Меня захлестнула волна нестерпимого стыда и вины. Ведь я изображала из себя ветерана, нуждающегося в повышенной пенсии, но совершенно забыла, что многим из моих братьев и сестер, посвятивших себя воинской службе, по-настоящему не повезло.

Никому не было дела до того, остались ли они живы либо погибли.

Я выудила из кошелька полную горсть монет, по большей части серебряных

— Вот, возьми, приятель, — сказала я, высыпая монеты в чашку, — может, выпьешь за здоровье старого сержанта Рали.

Нищий покачал чашку, и монеты весело зазвенели. Он посмотрел на меня и произнес:

— Радостно видеть, дорогой капитан, что твои дела так же благородны, как и твои слова.

Вслед за этим калека отсоединил дощечку и стал постепенно вырастать выше и выше, пока не встал на двух совершенно здоровых ногах. При этом он одним движением руки сорвал с себя странную маску.

Предо мной во всей красе предстал предводитель нищих.

— Гарла! — воскликнула я. Он низко поклонился.

— Единственный и неповторимый, дорогой капитан, — сказал он, — единственный и неповторимый.

Я рассмеялась над тем, как ловко Гарла провел меня. К тому времени я уже неплохо разбиралась в уловках нищих. Много раз видела их в действии, когда они вышибали слезу у прохожих, ковыляя по улицам города одетые в немыслимые лохмотья. Кроме этого, я обладала способностями волшебницы, чтобы без препятствий проникать сквозь фальшивую внешность. Но я все еще была захвачена воспоминаниями об увиденном калеке. Импульс моментально отдать все имеющиеся монеты был непреодолим.

— Это был твой первый урок искусства маскировки, дорогой капитан, — заметил Гарла, — а теперь не пройти ли нам в мои владения, где мы без помех смогли бы продолжить?

Он предложил мне согнутую в локте руку, как благородный ухажер, а его улыбка стала такой же обворожительной, как улыбка Яноша Серый Плащ.

Я несильным шлепком ладони отбросила его руку.

— Не растрачивай зря талант обольстителя, Гарла, — сказала я. — У меня другие предпочтения. Можешь не сомневаться в том, что мне льстит искренний интерес со стороны такого красивого парня, как ты. Но все парни, красивы они или нет, безразличны Рали Антеро.

— Так я же знаю, капитан, — произнес Гарла как ни в чем не бывало. И, снова предложив мне руку, спросил: — Разве не должен быть джентльмен вежливым по отношению к даме?

Он изумил меня настолько, что я хихикнула, как глупая школьница. И вслед за этим иронично присела. Очень неуклюже, не сомневайтесь.

Я взяла его под руку, сказав при этом:

— Пошли, мой добрый господин. — Но почти сразу прибавила довольно грубо: — Надеюсь, что там, куда ты меня тащишь, у тебя найдется хотя бы капля спиртного промочить горло.

В подземных лабиринтах, где полными хозяевами являются нищие Ориссы, я встретила множество людей, многие из которых веселились, плясали и пели под быструю громкую музыку. Дети с радостными визгами то и дело пробегали сквозь толпу, отчего эти подземелья напоминали деревню в праздничный день. Обитатели были одеты в исключительно броские костюмы, украшенные лентами, бантами и даже колокольчиками, подвешенными на цветастых бечевках.

Я попала на праздник нищих. Все они сбросили свои наряды, в которых им приходилось работать на улицах города. С сожалением я отметила, что среди этих людей немало калек, так что не каждый из нищих на улицах демонстрировал фальшивый фасад. Но

и эти несчастные выглядели такими же радостными, как и все остальные. И каждый чувствовал себя непременно участником общего веселья.

Гарла, который успел содрать с себя остатки маскировки и заменить ее на праздничный шелковый наряд, начал созывать своих подопечных поближе, чтобы они поприветствовали гостью. Как и любой другой опытный лидер, Гарла решил, пользуясь моим присутствием, поднять боевой дух своего воинства.

Казалось, все собравшиеся искренне рады видеть Рали Антеро и охотно аплодировали мне.

Я выпила с ними вина, послушала музыку, которую исполнял самый странный из всех виденных мной оркестров. У них были обычные инструменты — флейта и трубы, барабаны и лютни, колокольчики и погремушки. Но у каждого из музыкантов имелся какой-нибудь зверек, который ему аккомпанировал. Пока флейтист выводил свою мелодию, из корзины медленно поднималась голова змеи. У барабанщика напарником была танцующая собака. Остальные, похоже, предпочитали обезьян, которые без конца верещали, подпрыгивали, раскачивались из стороны в сторону. Мы непроизвольно были захвачены этим зрелищем — как-никак, перед нами выступали дрессировщики, лучшие мастера в Ориссе. Я немного расслабилась и с сожалением подумала, что это может быть первым и последним моим праздником за много-много лет. Я не могла припомнить, когда в последний раз мне доводилось слышать столь жизнерадостную музыку, так беззаботно проводить время.

Затем мы с Гарлой уединились в его жилище. Оно было гораздо меньше, чем подземные апартаменты Пипа, и достаточно скромно обставлено, однако здесь чувствовался вкус. У меня непроизвольно возникло сравнение с апартаментами отца, где преобладала мебель из отполированного дерева и мягкая натуральная кожа. Здесь стоял тот же уютный запах, и я почти мгновенно расслабилась.

Я упала в глубокое кожаное кресло и взяла из рук Гарлы бокал с легким вином.

— Я чувствую, что должна кое-что у тебя спросить. Так что заранее приношу извинения за любопытство...

Прежде чем я успела закончить фразу, Гарла поднял руку и сказал:

— Ты хотела бы узнать, как такой парень, как я, мог очутиться в таком окружении?

— Надо быть окончательным тупицей, — ответила я, — чтобы не замечать, что ты не утратил благородных манер. Твоя попытка подражания, когда ты приглашал меня сюда, только усиливает мою уверенность. Ты не совершаешь ровно никакого насилия над собой, оставаясь джентльменом.

Гарла издал торжествующий возглас. Звук был глубокий и мощный. Затем сказал:

— В этом нет никакой тайны. Я отпрыск одного из тех сукиных сынов, отцы которых любили залезать в постель к служанкам. Единственное различие между мной и остальными, мне подобными, состоит в том, что моего отца непрерывно терзали угрызения совести. Он без конца мучился, потому что был, как ему представлялось, незаслуженно лишен общества воспитанных людей. В результате он запил и оказался на улице, а мне пришлось заняться попрошайничеством, чтобы выжить самому и содержать его до самой его смерти. — Гарла красноречиво пожал плечами и продолжал: — Так что я очень быстро нашел свое истинное призвание, — он поднял хрустальный бокал, — и преуспел.

— Это объясняет многое, — сказала я.

— Если ты имеешь в виду мои попытки казаться похожим на людей благородного происхождения, которых я презираю, то ты попала точно в цель. И я не вижу ни грана лицемерия в этом. Я не стремлюсь к обладанию тем, что есть у них. Я хочу пользоваться тем, в чем они ограничивают других. Уважением, которое заслуживают все люди, независимо от их материального положения и социального статуса.

— О, столь возвышенные мысли, — пробормотала я, копируя тон и улыбку Гарлы.

Тот засмеялся и произнес:

— Ну что ж, дорогой капитан, туше. Думаю, я это заслужил. Мы закончили нашу дружескую вечеринку в очень хорошем настроении. Затем Гарла проводил меня в

маленькую комнату, в которой стоял массивный платяной шкаф. Небольшой косметический столик с трюмо располагался слева. Он был уставлен множеством горшочков, пузырьков, бутылочек, баночек довольно странного вида, что живо напомнило мою собственную мастерскую.

Гарла скептически оценил мою внешность. Затем задумчиво спросил:

— Какого типа нищим мы сделаем тебя, дорогой капитан? Как ты хорошо знаешь, в душе каждого из нас глубоко запрятан попрошайка. Некоторые просят милостыни, другие — сочувствия. Одни обращаются с просьбами к богам, другие — к дьяволам, а третьи просят у вас прощения в тот момент, когда перерезывают вам горло.

— Есть еще милосердие, — сказала я, — ты почему-то вычеркнул его из перечня просьб.

— О нет, дорогой капитан, — возразил Гарла, — если ты предполагаешь, что в этом мире существует милосердие, то ты жестоко заблуждаешься. Либо тебя обманули преднамеренно.

Пока я наслаждалась последним замечанием Гарлы, он продолжал рассматривать меня.

Внезапно Гарла щелкнул пальцами и сказал:

— Придумал!

Он весь перекосялся и сгорбился, приподнял левое плечо так, что оно стало закрывать почти половину лица. Его правая рука змеиным движением двинулась вперед, скрюченные пальцы напоминали когти хищного зверя. И Гарла произнес высоким, дрожащим голосом старой карги:

— Позолоти ручку, капитан, всю правду расскажу. Всего пятак — и все мечты сбудутся.

— Рыночная ведьма? — ошеломленно спросила я.

Гарла мгновенно вышел из роли и выпрямился. Затем спросил:

— Разве можно придумать лучшую маскировку для нынешних условий? Ты сможешь путешествовать где душа пожелает. Будешь переходить от одного рынка к другому. Клянчить медную монетку и говорить людям ложь, которой они с нетерпением ждут. И это тоже, по-моему, подходит под твой истинный образ. Заклинатель, замаскированный под рыночную ведьму.

— Твои непомерные амбиции вновь дают о себе знать, друг мой, — произнесла я.

Гарла тихо засмеялся и сказал:

— Врать не стану — сама идея доставляет мне огромное удовольствие. Но какую еще маскировку ты можешь предложить?

— Замечательно, ведьма так ведьма.

Гарла удовлетворенно кивнул и приступил к раскопкам в своем необъятном шкафу, пытаясь обнаружить подходящие лохмотья.

— Утешайся тем, что тебе нет необходимости становиться попрошайкой с обезьяной на плече, — тебе пришлось бы весьма несладко.

— Хорошо, что напомнил, — парировала я, — как раз собиралась попросить у тебя обезьяну.

— Обезьяну? Для чего? Это же маленькие грязные твари, которые так и норовят устроить какую-нибудь пакость.

— Тогда, я думаю, ты не будешь особенно возражать, если с обезьяной, которую ты мне дашь, произойдут некоторые неприятности?

Гарла громко расхохотался. И изумленно спросил:

— Возражать? Я работал с обезьяной, когда был мальчишкой. Я ее ненавидел. Всякий раз, после того как она совершала какую-нибудь ошибку, мой хозяин больно порол меня, вместо того чтобы наказать зловредное животное. — Гарла даже передернулся при этих воспоминаниях. Потом сказал: — Я дам тебе обезьяну. Честно говоря, я буду рад, если ты от нее избавишься. Даже если ты свернешь ей шею, мне будет только легче.

— Боюсь, что бедняге придется побывать в аду, — сказала я, — или в местах, не столь

удаленных от ада.

Гарла ничего не ответил. Потому что в этот момент он открыл одну из шкатулок и высыпал на стол нечто похожее на маленькие черные конфеты. Кончиком пальца он поддел одну из них и повернулся ко мне со словами:

— Теперь замри. Я хочу показать тебе, как наращивают бородавки.

В ночь перед тем, как отправиться в Галану, я отдыхала в маленькой темной комнате. Я послала за моей лошадью и недостающими вещами, некоторыми из них я воспользовалась для того, чтобы создать заклинание. На полу комнаты была нарисована красным мелом пентаграмма. В ее центре зеленым мелом начерчен квадрат.

Я поставила на него шаткую клетку. Внутри ее находилась маленькая испуганная обезьяна с огромными печальными глазами и острыми зубами. Она истерически повизгивала и пыталась побольнее укусить меня за палец, пока я устанавливала клетку.

— Мне очень жаль, мой маленький братец, — сказала я. — Постараюсь сделать все возможное, чтобы тебе не было причинено никакого вреда.

Мое обещание вызвало еще более интенсивные истерические вскрики и оскал острых зубов. Обезьяна начала дергаться как сумасшедшая и раскачивать клетку.

Я понимала ее чувства. Мне много раз давали похожие обещания. В результате я лишилась руки и глаза.

Чтобы немного успокоить зверька, я дала ему несколько апельсиновых долек. Обезьяна ела и не отрываясь смотрела на меня огромными глазами.

Обрызгивая клетку маслами и эссенциями, я старалась не обращать внимания на этот взгляд.

Обезьяна замерла, когда я начала произносить волшебные слова:

Умный маленький зверек
Точит остренький клычок,
У него четыре лапы,
Он умеет крепко цапать,
И развязывать узлы.
Колдовские чары злы,
Мой приказ — их развяжи!

Клетку охватило холодное пламя. Обезьяна взвизгнула от страха. Скрепя сердце я с силой выбросила вперед волшебную руку, ткнув золотым пальцем прямо в клетку, и крикнула:

— Развяжи!

Раздался короткий визг, клетка подпрыгнула, как будто бы ее ударил сильный порыв ветра.

Обезьяна исчезла.

Я использовала волшебный глаз, чтобы проследить за ней до самых границ той области, в которую ее заслала. Пошарив то тут, то там, я вскоре заметила фигурку, стремительно несущуюся среди клубящихся облаков. Вот она исчезла во мгле. Повизгивание, выражающее удовольствие, которое послышалось вскоре за этим, ясно дало мне понять, что зверек отыскал то, зачем я его посылала: многослойное заклинание растерянности и смущения, созданное Новари.

Обезьянка радостно заверещала, когда нащупала узел, который приводил в действие первый магический сигнал тревоги. Затем она вгрызлась в этот узел. Острые зубы развязали его, потом животное перешло к следующему...

Выполнение задачи, которую я поставила перед обезьяной, займет не один день. Может быть, не одну неделю. Я рассчитывала на то, что защитное заклинание, которым я снабдила зверька, должно держать Новари в полном неведении относительно происходящего.

И молила богов, чтобы, вернувшись сюда, я обнаружила обезьяну в целости и сохранности и поняла, что дорога к победе свободна.

Мы с Пипом отправились в путь на следующее утро.

Я запрягла старую кобылу в маленькую повозку, в которой мы везли наши пожитки. Поверх я насыпала овощей.

Мы с Пипом шли впереди лошади, непрерывно шепча ласковые слова и извиняясь перед теми, кого ненароком задела наша повозка. Кобыла прежде была боевой лошадью, поэтому она не любила, когда ее запрягали в тяжелую телегу.

Пип был одет в залатанные штаны и полотняную рубаху, подпоясанную широким ремнем. На мне был грязный, черного цвета плащ с капюшоном, полностью скрывавший мою фигуру. Длинные седые волосы выбивались из-под капюшона, а дополнял мой новый облик острый нос, напоминавший клюв хищной птицы. На самом кончике носа красовалась бородавка, в которую для усиления эффекта Гарла воткнул несколько жестких волосков. В волшебной руке, окрашенной в трупно-серый цвет, с приклеенными неестественно длинными ногтями, была крепко зажата корявая палка, служившая посохом.

Мы достигли ворот, где плотность толпы была максимальной, а стражники работали с неистовым рвением, не успевая следить за всеми.

В мгновение ока над нами с грозным видом навис стражник.

Я подошла к нему вразвалочку и вцепилась в его руку.

— Рассказать тебе всю правду, дорогуша? — прокаркала я. — Дай бедной старушке пятак и разреши глянуть на ладошку.

Стражник брезгливо отдернул руку.

— Прочь руки, — прорычал он, — старая грязная ведьма!

— Послушай, — вступил Пип, — так не пойдет разговаривать с моей бедной матерью.

— Я говорю с кем хочу и как хочу, — огрызнулся стражник, — и не привык церемониться со всякими оборванцами.

Я снова вцепилась в его руку и прокаркала:

— Ну хоть полгроша дай, дорогуша. Если дашь, точно расскажу, кто подносит твоей зазнобе горшочек, чтобы сделала пи-пи.

Это уже было слишком для огрубевшей натуры стражника. Он криком приказал нам убираться.

— И не пытайтесь даже вернуться тем же путем! — крикнул он нам вслед, пока мы уносили ноги. При этом я ковыляла, как заправская рыночная ведьма. — Если встречу, проломлю ваши дурные головы!

Оглянувшись, я увидела, как к воротам подкатил богатый экипаж, фореитор бросился раздвигать толпу, чтобы образовался проход. Все стражники кланялись и оправляли амуницию, пока карета проплывала мимо.

— Скажи-ка, Пип, — спросила я, — разве так происходило всегда, и в старые добрые дни, когда Новари и Като и духа не было?

— Что было, капитан, то было, — ответил Пип, — богатый человек ценит то особое отношение к нему, которое дает богатство, может быть, посильнее накопленного золота. Ему нравится наблюдать, как бедняки пресмыкаются. Это позволяет ему чувствовать себя значительнее, больше. Может быть, даже помогает преодолеть страх смерти.

— Гарла прав, — сказала я, — необходимо изменить существующий порядок вещей. Но сначала нам предстоит справиться с теми задачами, которые мы перед собой поставили.

И пошли мы под небом орисским, отчаянные смельчаки, самоуверенные герои, до самой Галаны. Скрюченная временем и нуждой старая рыночная ведьма и ее придурковатый сын.

Я играла роль предсказательницы судьбы, которая на самом деле не была способна грамотно прочитать рисунок ладони и тем более разглядеть будущее. Я не представляла, что ожидает меня — победа или поражение. Не знала и того, что приготовила судьба для Ориссы

в случае победы. Богачи не имеют обыкновения расставаться со своим богатством по доброй воле. Обладающие властью — со своим могуществом.

Однако оно служило мне утешением.

Прежде чем покинуть столицу, я с предельным напряжением магических сил создавала заклинания. В течение двух дней я извлекала из Других Миров волшебное оружие, заклатья, снадобья, амулеты — все и в таком количестве, о котором воинство Пипа могло только мечтать.

Думаю, этого будет достаточно, чтобы успешно продолжать борьбу и после того, когда я оставлю Ориссу. Ведь после того, как я удовлетворила запросы каждого жителя лабиринтов, я припасла множество волшебных предметов, наполнив ими несколько помещений.

То, что я сделала, ждет своего часа. Моих подарков богачам хватит на много лет успешной деятельности воинства Пипа. Это был мой способ немного выровнять шансы бедных и богатых в этом несправедливом мире.

Глава 5. ДОРОГА НА ГАЛАНУ

Мы ехали на восток, затем через десяток километров, убедившись, что опасность миновала, повернули на север и продолжали путь по дороге Великого урожая, которая петляет среди земельных угодий и знаменитых виноградников Ориссы. Мы выбрали наиболее длинный путь в Галану, но зато он проходил на значительном удалении от реки, которую патрули Като охраняли особенно тщательно. Именно по этой дороге контрабандисты Пипа доставляли грузы для защитников Галаны. Вдоль нее жили те, кто сочувствовал и стремился поддержать восставших. Я подумала, что нам с Пипом можно будет воспользоваться помощью со стороны этих людей.

В первую ночь по дороге в Галану мы воспользовались гостеприимством одной такой семьи. Это были слуги с постоялого двора, расположенного на перекрестке. На этом постоялом дворе часто останавливались крупные землевладельцы, следовавшие из орисских вилл и особняков для осмотра принадлежащих им ферм и угодий. Мы с Пипом устроились на ночлег в одной из конюшен постоялого двора, на свежем ароматном сене, заготовленном для породистых рысаков, на которых путешествовали богатые землевладельцы. На ужин нам достались настоящие деликатесы и чудесное вино, которое Пип стянул прямо из комнаты одного лорда, который много дней подряд беспробудно пьянствовал и поэтому не заметил пропажи.

Среди ночи наш сон был неожиданно прерван. Упитанная барменша, потратив немало труда, взобралась на сеновал, чтобы предупредить нас, что сюда направляются люди.

— Это друзья, — отдышавшись, прошептала она, — поэтому вам нет необходимости бояться. Они скоро уедут, а вы без помех доспите остаток ночи на мягкой перине.

С сеновала мы наблюдали, как вошло несколько человек в темных плащах, один из которых нес фонарь. Лошадей вывели из стойла, сено отбросили в сторону. Подняли скрытый под ним люк. Под ним оказались спрятаны копья, мечи и коробки с наконечниками стрел.

Пришедшие очень быстро собрали и унесли оружие и после этого так же быстро вернули сено и лошадей на прежнее место.

Один из них, прощаясь, отдал нам молчаливый салют по всей форме, и пришельцы в плащах исчезли.

Пип сказал, что оружие будет распределено между людьми и попадет на местные фермы, где в условленное время его заберет возница, доставляющий грузы в Галану.

— Думаю, что это оружие еще вчера остывало в кузницах Ориссы, — произнес вор скороговоркой, — похоже, ребятам понравилось использовать это место в качестве первого тайного склада на пути в Галану. Пока любимчики Като дрыхнут наверху, мы прямо у них

под носом продолжаем снабжать оружием защитников крепости.

Однако не всегда нас с Пипом ждал столь уютный ночлег. Большую часть ночей мы провели в поле или в лесу. Однажды мы устроились в свинарнике. Матрацы, набитые на скорую руку ячменным жмыхом, были достаточно удобными, но вонь, пропитавшая все помещение, была столь нестерпима, что в какой-то момент мне даже показалось, что я вновь нахожусь в прежней Писидии, в те времена, когда над ней вились тучи мух, а испарения, поднимающиеся от огромных дубилен, отравляли воздух.

В течение многих дней мы шли по дороге Великого урожая. Поначалу движение по ней было довольно оживленным — встречались повозки фермеров, погонщики со стадами овец, коз, коров, парни и простоволосые гусятницы, ведущие на рынок последнюю буренку или выводок домашней птицы. Эти дети бедных крестьян шли босыми, а обувь несли, перекинув через плечо или на шее. Старый верный способ уберечь дорогую обувь от быстрого износа на длинной, пыльной, избитой дороге.

В том случае, если в каком-нибудь большом селении, которое встречается на пути, шумит ярмарка, эти парни и девушки непременно сойдут с дороги, остановятся в укромном месте, чтобы помыть ноги, надеть сапоги и туфли.

Войдя в роль рыночной ведьмы, я много раз непреднамеренно гадала таким вот молодым людям о судьбе.

— Неужто и в самом деле он, бабушка? — спрашивала, бывало, смущаясь и краснея, девушка, вдавливая тем временем медяк в мою ладонь.

— Любит ли она меня? — выпытывал у меня молодой увалень фермер, переминаясь с ноги на ногу.

В ответ я обычно довольно долго бормотала, от сглазу сплевывала по сторонам, чесала нос около фальшивой бородавки, размышляя при этом о том, что увидела на ладони очередного искателя счастья, и тщательно взвешивая ответ, так чтобы он прозвучал достаточно дружески. Пристальное изучение ладони использовалось только для создания внешнего эффекта, потому что с помощью своего волшебного глаза я могла совершенно отчетливо видеть ответы на все вопросы, — они свободно читались по ауре.

Однако, формулируя ответы, я постоянно помнила о тех инструкциях, которые дал мне Гарла.

— Никому не нужна правда, если новости печальны, капитан Антеро, — предупреждал он, — твой ответ должен быть лживым, но добрым. Предоставь судьбе самостоятельно поработать над будущим.

Похожий совет дал мне и Пип.

— Говори только сладкие для слуха слова, — учил он, — и никто не запомнит, что мы когда-то и куда-то проходили. Начнешь рассказывать жесткую правду — обязательно найдется хотя бы один, кто нас хорошенько приметит. Передаст друзьям и родным, что встретил ведьму, которая предрекала приближение темных дней. Если уж на то пошло, ты не хуже меня знаешь, что независимо от того, что им советуют, молодые люди чаще всего следуют влечению.

Должна со всей определенностью сказать, что колдуны, люди моей профессии, не чураются целесообразной лжи, но они в первую очередь дорожат своей репутацией, даже в тех случаях, когда приходится скрываться от врагов, изменив предварительно внешность. Вот почему, здраво поразмыслив над советами моих друзей Пипа и Гарлы, я решила, что по возможности не буду уклоняться от прямых ответов.

В тех случаях, когда ответ на наиболее часто встречающиеся вопросы об истинности любовных чувств и верности в любви был положительным, я обычно устраивала настоящий спектакль и извлекала максимальную выгоду из этого открытия.

— О да, ты счастливица, дорогуша, — говорила я в таких случаях, по-старчески жуя губами, как будто бы мое сердце было тронуто романтикой юности, — с этим парнем ты проживешь всю жизнь в любви. Помяни мое слово, внучка. Если ты будешь с радостью принимать его ночью и никогда не позволишь себе грубого окрика, то ваша долгая

совместная жизнь будет счастливой.

В годы моей необузданной юности я много раз слышала подобные советы от старых гадалок. Должна признать, что и сейчас, когда вспоминаю их, они звучат достаточно убедительно. А если что и не сбылось — так и вреда такие советы мне не принесли.

В тех случаях, когда ответы на вопросы желавшего узнать свою судьбу были отрицательны, я в первую очередь старалась поменьше суетиться. И я уклонялась от прямого ответа.

— О, дорогой мой, я вижу любовь. Придет к тебе обязательно. Думаю, что эта любовь принесет тебе удовлетворение. Но учти, что я вижу пока только твое сердце. Сердце твоей зазнобы пока холодно. Для того чтобы я смогла сказать наверняка, тебе следует как-нибудь ненароком привести ее ко мне.

Это удовлетворяло почти всех. Однако мне не всегда удавалось обойти острые углы. В таких случаях вынужденная ложь надолго оставляла горький осадок в моей душе.

Однажды, приблизительно на половине пути до Галаны, мы довольно долго задержались на одном месте, дожидаясь гонца. Он должен был доставить нам оружие, продовольствие и новости из Ориссы. Пип сказал мне, что этот человек предостережет нас об опасностях на пути в Галану.

Человек, которого мы ждали, так и не появился, поэтому вплоть до самых сумерек Пип вновь грузил пожитки в повозку, освобожденную под груз для Галаны.

Неожиданно к нам приблизилась довольно высокая фермерша лет сорока. Она крепко держала за руку сухопарого парня, которого, по-видимому, долгое время с усилием влекла за собой, как упирающегося молодого жеребчика.

Женщина подтолкнула парня вперед и произнесла:

— Я хочу, чтобы ты, бабушка, вправила мозги моему Нэту.

Она бросила две серебряные монеты в телегу. Наша лошадь испуганно покосилась на пришельцев.

Мое лицо исказилось, я почесала бородавку на носу, закашлялась и сплюнула в пыль.

— По какому поводу вправить мозги-то, дорогуша? — прокаркала я.

Женщина посмотрела на меня так, как будто бы я была самым ничтожным на земле созданием.

— По поводу службы в армии, поняла? — грубо выкрикнула она. — Расскажи насчет войны, службы и всяких там ранений и преждевременной гибели! Я и мой бедный муж — пусть душа его покоится с миром — обували и одевали, кормили и лелеяли его, воспитывали, чтобы он был хорошим мальчиком и не проказничал. — Женщина показала на монеты и продолжила: — Мне нужно, чтобы ты провела особенное гадание, бабуля. Мне говорили, что это недешево стоит. За медяк ничего не получится, надо дать больше. Но я готова заплатить столько, сколько потребуется, лишь бы этот оболтус остался дома.

— Пожалуйста, мама! — взмолился юный Нэт. — Я уже взрослый. Мужчина. И ты не должна мешать мне.

Фермерша дернула сына за руку так, что он охнул.

— Вот я покажу тебе мужчину! Ты у меня быстро образумишься! Уж я постараюсь! — Она наотмашь шлепнула сына по спине, что вызвало еще один вскрик. — Ты можешь умереть раньше своей бедной старой матери, придурок! Но я скорее расстанусь с жизнью, чем стану свидетельницей того, как мой единственный сын гибнет на войне.

Вслед за этим она разрыдалась, вздрагивая, как старая корова, только что потерявшая последнего теленка.

Юный Нэт отпрянул от изумления. Он попытался утешить мать, робко погладив по плечу, но она резко стряхнула его руку и заревела еще громче.

Рядом оказался Пип с весьма озабоченным видом. Он спросил:

— Эй, парень, в чем дело? Что натворил? Что заставило твою мать так плакать?

— Ничего особенного, на мой взгляд, — ответил юноша, упрямо выпятив вперед нижнюю челюсть. — Директор Като и богиня Новари просят помощи у всех парней Ориссы.

Требуется все больше солдат, чтобы преодолеть сопротивление упорствующих в Галане. Предлагают немалое вознаграждение. А это много значит для такой небогатой семьи, как наша. Дают золотой за каждого волонтера. — Нэт повернулся к матери и воскликнул: — Золотой, ты слышала, мама? Подумай только, какие возможности откроются перед тобой с такими деньгами!

В ответ фермерша только еще громче завывала. Парень вздохнул и обратился ко мне и к Пипу:

— После смерти отца нам пришлось туго. Дымоход полностью засорился. Нам пришлось продать значительную часть земли. Дошло до того, что теперь мы не в состоянии прокормить самих себя. Зерна для посева в будущем году сумели купить всего ничего. И вот этот золотой, который мне предлагают, может в корне изменить положение. Я молод, способен воевать. И как раз это и требуется Като и богине Новари.

— Ты можешь до морковного заговенья восхищаться Като и Новари, — сказал Пип, — но учти, что это вконец разобьет сердце твоей несчастной матери. По ту сторону стен Галаны умирают люди, — сказал Пип, — старина Пип кое-что слышал об этом.

Юный Нэт посмотрел на Пипа оловянными глазами и спросил тоном прокурора:

— Но ты, блин, не один из них, правда? И даже не сочувствующий?

— Единственным человеком, кому я сейчас сочувствую, — ответил Пип, — является твоя бедная мать. Она выплакала все глаза от страха за своего единственного сына.

— Мой единственный сын! — взревела фермерша. — Почему у меня нет дочки? Я же умоляла богов дать мне еще и дочь, чтобы я не так страдала от этого придурка!

— Пожалуйста, мама! — снова взмолился Нэт. — Постесняйся незнакомых людей. Ты удивляешь меня!

Я схватила две серебряные монеты и, обращаясь к фермерше, сказала, стараясь подражать местному говору:

— Милая, не слишком ли ты щедра для бедной женщины, давно потерявшей мужа?

— Это все, что у меня есть, — ответила та, всхлипывая и вытирая глаза, — припасла на черный день. В конце концов он наступил, этот черный день, когда мой единственный сын вбил в башку, что ему обязательно надо пойти на эту проклятую войну. Уверю тебя, что стану продавать свое старое тело в ближайшем борделе, но не допущу, чтобы мой сын погиб. Пойду на панель, как самая дешевая шлюха, вот так.

— Ты не можешь заранее с уверенностью утверждать, что со мной обязательно что-то случится, мама, — возразил Нэт, — со мной все будет хорошо. Вот увидишь. Там ведь уже воюют многие такие, как я. Не исключено, что некоторых из них убьют, но не твоего Нэта.

Слова юноши произвели все тот же эффект — последовал настоящий водопад слез.

Поэтому я прокашлялась, быстрым движением отдала монеты Пипу и вцепилась в руку Нэта.

— Ну что ж, милый, — прокаркала я, — давай-ка глянем, что там впереди: то ли враги убьют, то ли девки зацелуют.

Юноша попытался высвободить руку, но я поймала его ладонь в ловушку, глубоко вонзив в нее свои длинные ногти.

— Не волнуйся, дурачок, — сказала я, — бабуля не сделает тебе больно. Такому милашке, как ты. Сердца многих девчонок плавятся, как нагретый мед — от тебя, милый, от тебя, помяни старушку, не обманывает.

Нэт дернулся еще сильнее, но его мать дала ему увесистый подзатыльник и приказала:

— Стой смирно! Пусть посмотрит. Узнаем, что произойдет, если ты пойдешь на войну вопреки воле своей бедной матери!

— А что, если она ничего не увидит? — неожиданно спросил обзлившийся Нэт. — Тогда ты меня отпустишь?

Женщина растерялась. Она посмотрела на меня, как бы прося о помощи, и в тот самый момент Пип незаметно, чисто профессиональным скольльзящим движением опустил две серебряные монеты в карман ее фартука.

Наконец она произнесла:

— Не расскажешь ли ты, бабуля, нам всю правду, как есть, без утайки? Не смогла бы ты хотя бы пообещать, что сделаешь это? Оставь деньги себе, боги поймут меня. Только скажи правду. Ты сможешь сделать это, бабушка? Ты сможешь предсказать будущее Нэта?

Я почувствовала, как в моем здоровом глазу созревает, наворачивается и вот-вот сойдет по щеке слеза жалости. Я закашлялась и сплюнула в придорожную пыль.

— Бабушка все может, милая, — уверила я фермершу, — сможет увидеть все совершенно отчетливо.

Я откинула капюшон, обнажая волшебную латку.

— У бабушки есть Второй Взгляд, — сказала я, — и Третий тоже...

Я раскрыла перед своими глазами ладонь юного Нэта и произнесла нараспев волшебные слова:

Взгляд один — во внешний мир,
А второй — в себя.
Третий чувствует эфир,
Очень чуткий взгляд.
Вижу, как родился Нэт,
К матери пришит,
Пуповины больше нет —
То отец убит.
Глубоко в земле гниет,
И тоскует дух,
Потому что не найдет
Он обитель мук.
Скорбна доля бедняка...
Слышу drobный зов сверчка:
То ли Нэту долго жить,
То ли голову сложить?

Подобно плащу Хранителя Мрака, на меня обрушилось видение. Была ночь, на вершине холма горел костер. Я мчалась верхом на коне, непрерывно выкрикивала боевой клич, направляясь прямо на вражеский часток дlinных копий. Вокруг меня сражались и с криками боли и отчаяния умирали мужчины и женщины. Я была ранена. Рана причиняла жгучую боль. Но я начала молотить своим мечом направо и налево, превращая эту боль в яростную силу. Вокруг меня мелькали испуганные и озлобленные лица врагов, и я без колебания срубала их головы.

Цепкие вражеские руки хватали меня за ноги, пытались задержать и выбить из седла, но я без промедления их отсекала. Вслед за этим линия копыеносцев дрогнула и сломалась. Я радостно выкрикнула победный клич и пришпорила коня, который еще глубже врезался во вражеские ряды, пришедшие в полнейший беспорядок. Я пробилась и, как ветер, помчалась к вершине холма, где давно меня ждал Квотерволс.

Внезапно прямо передо мной, как чертик из табакерки, выпрыгнул молодой вражеский воин, пытавшийся проткнуть меня своим длинным копьем. Казалось, что время в этот момент остановилось, и я с предельной отчетливостью рассмотрела нападавшего. Он был высок и так болезненно тонок, что потемневшая нагрудная пластина его броневых доспехов болталась, как портфель на вешалке.

Это был Нэт с узкой черной полоской усов, немного изменившей его внешность. В его глазах затаился страх, он без конца повторял «ой, мамочка», но продолжал идти вперед с копьем наперевес, уверенный в том, что он умрет, если не сумеет меня опередить.

Я попыталась овладеть моментом, остановить свой уже занесенный меч, но, видимо, я немного опоздала, мой замысел не удался, и мой конь бросился вперед, меч рубанул, с силой

опускаясь на голову Нэта. Послышался удар, затем звериный жалобный вскрик. Последний вскрик Нэта раздался, когда мой конь выбил из него копытами остатки жизни.

Видение пронеслось перед моим внутренним взором так неожиданно и с такой ошеломляющей контрастностью, что сразу после этого я обнаружила, что стою на дороге посреди мирных орисских равнин и судорожно хватаю ртом воздух. Поблизости не гремело сражение, никто не проливал крови и не умирал. Я все еще крепко сжимала руку юного Нэта. В это самое мгновение я услышала, как мать Нэта произнесла:

— Не томи, бабушка. Расскажи, что увидела.

Я выпустила руку парня, которая тут же безвольно опустилась, и попыталась дышать как можно глубже, чтобы вновь обрести душевное равновесие. Когда мне это удалось, я сказала:

— Не ходи, мой юный Нэт, не ходи.

Фермерша всплеснула руками и не смогла сдержать радости. Но парень остался недоволен. Он спросил:

— Так что же ты увидела, бабушка?

— Я видела, как ты умираешь, Нэт, — ответила я, — тебя убьют во время сражения у Галаны.

Сказав это, я начала поворачиваться, чтобы уйти прочь от мучительно неприятного разговора, но Нэт схватил меня за рукав и сказал:

— Я не верю. Ты все выдумала. Лишь бы улажить мою мать.

— Она же обещала, что будет говорить только правду, Нэт, дорогой мой мальчик, — возразила она, — и я думаю, что бабуля не обманывает. Теперь самое время вспомнить, что ты дал мне слово, Нэт. Ты обещал. Поэтому пошли домой. Туда, где твое место.

Но он не унимался и повторил, почти крича:

— Я уверен, что старуха врет! — Он ткнул в Пипа и в меня пальцем, его голос стал громким и приобрел прокурорский оттенок: — Эти двое повстанцы. Иначе бы старая ведьма сделала другое предсказание.

Пип быстро подошел к парню, больно ущипнул его за руку чуть выше локтя, чтобы привести дурня в чувство.

— Попридержи язык, сынок, не возводи напраслину на невинных людей.

— Она предсказала мне, что я погибну! — произнес Нэт голосом, полным нескрываемой ненависти.

— Только в том случае, милай, если ты поедешь в Галану, — сказала я, — тогда, и только тогда. Иди домой, и ты избежишь смертельной опасности.

— Вот я возьму и позову стражу, — воскликнул вдруг юный Нэт, — и доложу о вас! Скажу, что вы отговариваете молодых парней Ориссы от помощи Новари.

— Ты не сделаешь ничего подобного, — твердо возразила его мать, подталкивая сына по направлению к их дому. — Ты останешься со мной, как ты обещал. Так что пошли, мой дорогой Нэт, и оставь людей в покое.

Вскоре после того, как мать с сыном исчезли из виду, мы как можно быстрее побросали в телегу оставшиеся пожитки и помчались прочь, не переставая понукать и хлестать из всех сил нашу бедную лошадь.

Примерно через час, когда нам показалось, что мы находимся в относительной безопасности, мы перешли на медленный шаг.

— Если бы ты немного приврала, капитан, нам бы не пришлось рвать когти, — сухо заметил Пип, — этот недоносок, без сомнения, о нас настучит. Не сомневаюсь я и в том, что он убежит в Галану. Независимо от того, что ему будет говорить его бедная мать.

Тогда я сказала:

— Я увидела, как Нэт умирает во время сражения при Галане.

— В таком случае мне его искренне жаль, — ответил Пип. Мои слова прозвучали хрипло — я неожиданно ощутила ком в горле:

— Дело в том, Пип, что мне предстоит убить юного Нэта. Коротышка молча посмотрел

на меня, глянул в направлении Галаны.

— Вот что, капитан, — произнес наконец Пип, — если я его там встречу, то постараюсь убить, чтобы опередить тебя и взять этот грех на себя. И будь он проклят, этот недоносок, за то, что вынудил меня пойти на мокрое дело.

Вслед за этим мы услышали позади топот копыт. В спешке мы убрались с дороги. Я успела создать заклинание укрытия, с помощью которого мы сумели спрятаться. Едва я успела прошептать нужные слова, как появилась, по крайней мере, дюжина всадников под флагом Птицы Лиры, скачущих галопом. Они явно за кем-то охотились. Очень спешили. У нас с Пипом не было ни тени сомнения в том, что они охотились за рыночной ведьмой, которая слишком часто предсказывала правду, одну только правду.

После того как кавалькада промчалась мимо, Пип произнес сухим тоном:

— Я не колдун, капитан. Но теперь я начинаю по-настоящему опасаться за жизнь юного Нэта. А раз он донес — ему хуже.

На следующий день небо нахмурилось, начались дожди, в воздухе повеяло прохладой, предшествующей зимнему холоду.

Но то, что я считала только намеком, для Пипа явилось важным предзнаменованием.

Он тут же завернулся в овчинный тулуп и старался поплотнее его запахнуть, пока мы двигались по направлению к Галане, без конца объезжая наполненные до краев жидкой грязью рытвины и ухабы.

— Никогда не любил холода, капитан, — пожаловался Пип, — в старые добрые времена я бы без ложной скромности пришел к твоему брату и попросил дополнительной платы, компенсирующей вынужденные неудобства.

— Но не пытайся проделать то же самое со мной, Пип, номер не пройдет, — сказала я, стараясь поплотнее обернуть вокруг шеи шерстяной шарф, служивший мне единственной защитой от холода, — только я знаю, каким бывает настоящий мороз. В тех местах, откуда я пришла, такая погода бывает летом. Мы как раз вспахиваем снег и сажаем айсберги.

— У тебя каменное сердце, капитан, — возразил коротышка, — все пытаешься шутить над несчастным старым Пипом. Но факты — упрямая вещь. Сейчас холоднее, чем в п... у злой колдуньи, не отрицай очевидного, капитан. — Он показал на низкие гроззовые облака, которые надвигались с севера, и добавил: — И похоже, дело идет к тому, что с каждым днем будет все хуже.

Я внимательно посмотрела на эти облака, размышляя о том, не являются ли они предвестниками ранней зимы.

Несмотря на то что я только что поддразнивала Пипа, меня беспокоило, что может начаться снегопад, который должен был ознаменовать, как предсказала Маранония, конец моего пребывания в Ориссе. Но тут из облаков неожиданно вырвался сноп ярко-оранжевого света, за чем последовал совершенно неестественный звук, отдаленно напоминающий нестройный хор мучеников, умоляющих о пощаде. Черные облака угрожающе быстро приближались к нам.

Первые магические щупальца коснулись нас, наполнив легкие жгучей кислотной вонью. Они опалили, как огнем, горло, заставив непроизвольно плакать. Лошадь жалобно заржала, встала на дыбы и едва не опрокинула в кювет телегу с нашими пожитками. Мы судорожно дышали, стараясь не потерять сознания. Одновременно нам пришлось изо всех сил удерживать бедную кобылу.

Жалобный вой, исходящий из мрачного облака, превратился тем временем в ужасные крики, на нас обрушился смрад горячей плоти. Затем ветер изменил направление, облака начали удаляться. Мы постепенно восстановили дыхание и успокоили лошадь.

Странное образование, напоминающее гроззовое облако, исчезло. Небо приобрело свинцовый оттенок, который сопровождался очень необычным ярким отблеском. Жалобный вой затих, но теперь слышался назойливый, нарастающий гул. Даже Пип, не обладающий магическими чувствами, догадался, что мы встретились с призрачными видениями войны.

— Нам бы лучше поспешить, капитан, — сказал он, — в Галане умирают наши люди.

С того места, где накрыло нас смертельное облако, теперь мы хорошо рассмотрели следы долгой осады Галаны. Деревни и фермы обезлюдели. Пастбища опустели. Поля и сады выглядели как после нашествия саранчи.

Небо красноречиво отражало последствия этой удаленной войны. Станный свет и пугающие облака, не переставая, кружились в смертельном танце все дни напролет. А по ночам луна и звезды были невольными свидетелями магического сражения, развернувшегося между заклинателями Птицы Лиры и Пальмирасом.

Демоны на дьявольских конях неистово бились с многоголовыми чудовищами. Извергающие огонь ящеры сталкивались с закованными в броню гигантскими воинами. Большие стаи человекоподобных монстров с головами шакалов охотились за добычей в ночном небе и наполняли окрестности леденящим душу воем.

Я создала заклинания, благодаря которым мы должны были показаться недостойными внимания со стороны любого из воинов. Однако масштабы битвы были настолько огромными, что мы с Пипом и так не являлись заметной мишенью. Оставалось только скрыть наши астральные тела и замаскировать истинные намерения.

Мы столкнулись с несколькими патрулями, но они так были озабочены поиском провианта и дров, что не обратили на нас никакого внимания.

Пип применил старый, хорошо известный профессионалам прием конокрада, чтобы создать видимость, что наша старая кобыла увечна. Теперь никому и в голову не придет конфисковать ее. Кроме того, наш внешний вид свидетельствовал о такой безысходной бедности, что даже самому жадному солдату-мародеру не пришло в голову немного потрясти наши скудные пожитки, чтобы поживиться хоть горбушкой хлеба.

Только однажды патруль попытался отнять нашу телегу, чтобы пустить ее на дрова. Но я устроила целое представление — зловеще плевалась, кляла грабителей на чем свет стоит и угрожала заклясть их мужскую силу. Грабители поспешили ретироваться, не осмеливаясь даже повернуть головы, пока я не переставая извергала им вслед поток изощренных оскорблений.

Чем ближе мы приближались к Галане, тем мрачнее и безысходнее выглядела окружающая местность. Вокруг нас лежали дымящиеся руины, а небо напоминало плавильный чан для боевых заклинаний обеих воюющих сторон.

Приблизительно за день до Галаны мы выбрали другую дорогу, которая огибала крепость. Вдали от арены наиболее ожесточенных сражений дорогу пересекала река, и в месте пересечения была расположена маленькая деревня. В наши намерения входило резко повернуть на юг именно здесь и приблизиться к Галане со стороны этой деревни, где мы надеялись встретиться с друзьями.

От маленького деревенского порта не осталось ничего, кроме обугленных руин центрального здания и почти полностью разрушенной пристани.

Это по инициативе Пипа мы не отправились сразу по дороге, ведущей из деревни в Галану, а вышли к реке.

Причал пришел в непригодность, из воды торчали искореженные бревенчатые столбы, на которых раньше держался дощатый настил пристани. Несколько рыбацких шаланд, видневшихся у берега, пестрели пробоинами.

Пока кобыла пила из реки, мы молча стояли на берегу и смотрели на темную воду. На меня нахлынуло ощущение безграничной печали. Я смогла услышать голоса, очень слабые и удаленные, но в то же время казавшиеся очень близкими, знакомыми, затрагивающими самые чувствительные струны души.

— Это то самое место, где погибла Келе, — тихо сказал Пип. В моем горле стоял ком. Я прокашлялась, пытаюсь преодолеть судорогу.

— Она передала Эмили в надежные руки ниже Галаны, — продолжал Пип, — потом, пока неизвестные мне храбрецы увозили девочку подальше от врага, Келе стремительно отступала вверх по реке. И всю дорогу непрерывно сражалась. Уводила подонков за собой.

— Пип показал на маленькую бухту и уничтоженную пристань. Затем продолжил: — Они настигли старину Келе здесь, как раз в этом месте. — Потом кивнул в сторону сгоревшей деревни и объяснил: — Так как они сначала разграбили и сожгли порт, то загнали Келе в тупик между деревней и рекой. Разгорелось сражение. Очень яростное. В этом сражении была убита Келе и все, кто вместе с ней прикрывал Эмили. Но они забрали с собой много врагов. Не сомневайся, капитан, Келе заставила их дорого заплатить. Очень дорого. Я знаю. Мне очень жаль, капитан. — Мне захотелось почтить память соратника. Она бы сделала то же самое, окажись я на ее месте.

В эту ночь мы поднялись на холмы, которые защищают Галану с тыла. Все небо светилось — настолько интенсивное сражение развернулось за крепость. За холмами непрерывно раздавались удары грома, и, чем выше мы поднимались, тем отчетливее становились яростные крики людей, звон, лязг, скрежет оружия.

Внезапно небеса разверзлись, и начался ливень. Дорога в мгновение ока превратилась в поток жидкой грязи. Казалось, что теперь нам потребуются бесконечные усилия, чтобы добраться до вершины холма. Мы часто останавливались, чтобы помочь нашей старой кобыле вытащить телегу из густой жидкой глины, когда очередная рытвина оказывалась слишком глубокой.

В конце концов нам удалось достичь вершины. Мы немного отдохнули под прикрытием высокого, с выступающим козырьком валуна, после чего взглянули на расстилающуюся внизу долину. Поле боя непрерывно освещалось всплесками молний и взрывами бомб, начиненных сгустками магической энергии.

Как раз под нами располагалась Галана, которая, казалось, скорчилась под проливным дождем. В хаотических вспышках света я рассмотрела частокол ограды и сторожевые башни. Это была крепость Галаны. Я увидела казармы, которые во времена моей юности служили домом демобилизованным стражникам Маранонии. Очередная вспышка молнии высветила острый шпиль на крыше маленького храма, в котором богиня впервые явилась мне. Я заметила светящиеся в отблесках пламени входы в пещеры, расположенные на длинном склоне невысокого холма. Там укрылись близкие мне люди, обороняющие крепость.

Внезапно Пип крепко схватил меня за рукав. Когда я взглянула вниз, то увидела, как ворота крепости распахнулись настежь и из них высыпало несколько сотен вооруженных защитников крепости. Я смогла услышать их крики, которые время от времени перекрывали рев битвы. Остро заточенные наконечники копий отражали всплески молний и напоминали мне зубы акулы, готовые вонзиться в жертву.

Две шеренги воинов схлестнулись. Впечатление было такое, как будто бы столкнулись две волны. Моя кровь вскипела, когда я увидела, как вражеская линия прогнулась под тяжестью яростного удара контратакующих защитников крепости. Я увидела, как с флангов начало подтягиваться подкрепление, чтобы закрыть образовавшуюся брешь. Пип еще сильнее сжал мою руку и сказал с торжеством в голосе:

— Эти детишки сифилитичных шлюшек не успевают закрыть прорыв. Похоже, сегодня эти недоноски Новари крепко получают по задницам.

Внезапно мы услышали музыку. Звуки лиры. Музыка началась с одной пронзительной ноты. Она с легкостью рассекла шум битвы и рев непогоды.

Дождь неожиданно кончился, но облака все так же неистово клубились над Галаной, сталкиваясь, перемешиваясь и разлетаясь по всему небу. Из них то и дело били молнии, казалось, что зазубренные копья непрерывно летят вниз и попадают как раз туда, где сражаются основные силы противоборствующих армий Новари и Пальмираса.

Молнии били без выбора. Сражающихся подняло в воздух ударной волной и разбросало в разные стороны. Я уже ничего не могла разобрать, кроме непрерывно давящей на слух колдовской мелодии, которую сопровождали грозные разряды.

Битва была настолько яростной, что мы с Пипом и не заметили, как оказались внизу холма. Колдовство Новари, усиленное совместными действиями захваченных в плен заклинателей, было настолько мощным, что мы оба не выдержали, нас вывернуло почти

наизнанку. Я заставила себя собраться, но непроизвольно застонала — настолько тяжел был удар. Мне удалось поднять волшебную руку, и я, скрипя зубами, произнесла защитное заклинание.

Вслед за этим груз как будто бы стал легче, непрерывные удары, похожие на грохот пневматического молота, прекратились. Я смогла снова свободно дышать. Я помогла Пипу подняться, но он не обратил на меня ровно никакого внимания и тут же помчался вверх по склону холма, чтобы посмотреть, как развивается сражение за Галану. Я сдвинула защиту, чтобы Пип все время оставался под ней, и прокричала вдогонку, чтобы он не отклонялся сильно в сторону. Я уже прикинула, какую площадь земли могу защитить, не обнаруживая своего присутствия.

Я поднялась к Пипу и долго стояла рядом с ним, наблюдая за кровавой резней, происходящей внизу. Молнии перестали бить по сражающимся. Я заметила, что обе враждующие стороны перестраивают ряды. Сразу вслед за этим в дело вступило вражеское подкрепление, и силы защитников крепости дрогнули и начали отходить к воротам Галаны.

Я увидела, как часть отступающих войск образовала прикрытие, пока главные силы постепенно вливались через ворота в крепость. Однако напор вражеских сил все усиливался и усиливался благодаря поддержке дьявольской песни Птицы Лир. Казалось — еще мгновение, и все будет потеряно, враг прорвется сквозь тонкую линию защиты и овладеет крепостью.

Вдруг из ворот выскочила большая стая огромных собак, которые грозно щелкали зубами. На собаках были широкие ошейники с острыми шипами, с которых слетали языки пламени. Собаки без промедления бросились на ближайшую шеренгу нападающих и быстро ее уничтожили. Остальные войска дрогнули, начали в полном беспорядке отходить, чтобы избежать кошмарной участи. И вновь зазвучала лира, враг опомнился и бросился в атаку. Собаки были перебиты.

Затем враг развернулся, чтобы закрепить успех. Однако было уже слишком поздно — ворота крепости с лязгом захлопнулись.

Враг продолжал атаку, пытаясь пробиться сквозь заграждение из толстых бревен. Но защитники Галаны были начеку. На головы нападавших полилось кипящее масло, расплавленный металл. Враг отпрянул, унося с поля боя обваренных, обожженных товарищей.

Музыка прекратилась.

Сражение закончилось.

Мы с Пипом молча наблюдали за тем, как вражеские войска отходят с поля боя — многочисленные колонны солдат, пехота, усиленная боевыми машинами.

Затем мы увидели, как защитники Галаны вышли из ворот, чтобы забрать раненых и убитых.

Облака раздвинулись, и пролился лунный свет. Я заметила, что по небу неслась мерцающая фигура, старающаяся все время держаться под черными облаками, которые мы с Пипом поначалу приняли за грозовые. Похожий на тень неясный силуэт стремительно направлялся в сторону Ориссы. Мой волшебный глаз уловил огромную огненную ауру, которая окружала этот силуэт. Я рассмотрела широкие крылья и изящно очерченный хвост.

— Это она, Пип, — сказала я, — Птица Лира. — Непроизвольно скрипнув зубами от ярости, я продолжала: — Будь она хоть немного поближе, клянусь богами, я сделала бы все, чтобы приблизиться к ней незаметно. И тогда бы показала ей, на что способна моя рука, честно заработанная в рудниках Короноса.

— Расслабься, капитан, — утешал меня Пип, — ты же сама сказала, что за Новари стоит не менее двухсот заклинателей. У тебя нет ни малейшего шанса. — Он по-дружески хлопнул меня по плечу. — Если бы вы встретились с ней один на один, я бы отдал предпочтение тебе. Но сейчас расклад такой: двести и одна, капитан. Поверь, что каждый из них — более твердый орешек, чем наперсточник на рынке. Да, капитан, это тебе не игра в кости.

В отчаянии я опустилась на валун. Так быстро, что больно ушибла то место, о котором более всего заботился Пип.

— Утром мы спустимся в Галану, чтобы встретиться с Квотерволсом и Пальмирасом, капитан, — предложил Пип, — а там видно будет. Утро вечера мудренее.

Вслед за этим Пип стал устраиваться на ночлег. Впереди у нас была холодная ночь.

— Не хотелось бы вводить твоих друзей в замешательство на ночь глядя, — произнес он немного погодя, — думаю, что они изрядно выдохлись за день. Могут спросонка и не разобрать, кто к ним пожаловал — друг или враг.

— Защитники крепости выглядят гораздо хуже, чем я думала.

— Однако они весьма неплохо выступили сегодня, — возразил коротышка.

— То, что мы видели, Пип, носило все следы последней отчаянной атаки, — сказала я, — защитники крепости пытались поймать нападавших на испуг, но им явно не хватило ни сил, ни магии для успеха задуманного. Контратака собаками-людоедами была очень эффективным трюком, но не более того. У Пальмираса не было ни одной лишней секунды на размышление. К великому сожалению, у него нет и части тех ресурсов, которыми владеет Новари. И нет заклинателей, которые могли бы ему помочь. Думаю, что я могу оценить разницу. Она огромна, поверь мне.

— Ты вскоре будешь там. — Пип кивнул в сторону крепости. — Защитники Галаны получают открытый доступ к твоим магическим возможностям. Разве не так?

— Этого может не хватить для достижения победы, Пип, — ответила я, — по-видимому, мне удастся немного качнуть чашу весов в нашу пользу. При счастливом обороте дела, не исключаю, может, и удастся получить временные преимущества. Но все дело в том, что для победы в этой битве недостаточно одного везения.

— Не исключаю, что ты права, капитан, — произнес Пип, — однако за всю мою долгую жизнь фортуна ни разу не поворачивалась ко мне спиной. До самого последнего времени она неизменно следовала за стариной Пипом. Вот так. А все потому, что я не ленился и шевелил мозгами. Потому, что удача улыбается проворным и сообразительным и проходит мимо ленивых и тупых. Так всегда говорила еще моя бабушка.

В эту ночь мне удалось поспать только часа три-четыре, но сон был очень глубоким, и, когда наступил рассвет, я проснулась бодрой и готовой к тому, что мог принести день.

В одном из камней с относительно плоской вершиной, выщербленной временем и стихией, я нашла небольшую лужицу чистой холодной воды. Достала крем, который приготовил для меня Гарла, чтобы я смогла в нужный момент стереть с лица грим, превративший меня в рыночную ведьму. Я терла кожу до тех пор, пока она не стала розовой. Вслед за этим я распаковала костюм, который берегла с тех самых пор, когда я покинула Салимар. Прошло уже много месяцев, как мы с ней расстались.

Это была парадная форма стражницы Маранонии: сверкающие сапожки, белоснежная туника, отполированная портупея с мечом и кинжалом, вышитый золотом плащ и широкая золотая лента, венчающая голову. В моих ушах были сережки с изображением копья и факела — в них знак почитания богини Маранонии, хотя, положив руку на сердце, я думаю, что она его не заслуживает.

Увидев меня, Пип затаил дыхание.

Если учесть, что у меня теперь была золотая волшебная рука и довольно лихого вида латка на глазу, то мой вид, похоже, был способен шокировать самого Воровского Короля.

— Ты выглядишь как ангел-мститель, которого послала сама богиня, — восхищенно произнес он.

— Думаю, что так и есть на самом деле, Пип.

Затем я по-дружески хлопнула его по спине, чтобы коротышка расслабился и перестал тарашить на меня глаза.

— Давай с тобой договоримся, Пип, — предложила я, — что если я начну сплевывать на дорогу и скрести нос, как рыночная ведьма, то ты тут же меня ущипнешь. Понимаешь, ангелы-мстители обязаны постоянно следить за своими манерами.

Для того чтобы дать сигнал о нашем прибытии в Галану, Пип воспользовался маленьким ручным зеркалом — известный прием контрабандистов. За этим последовал быстрый обмен солнечными зайчиками. В крепости были сильно удивлены, что к ним пожаловал сам Воровской Король. Без промедления был послан отряд, чтобы провести нас в крепость. Для нас с Пипом привели двух замечательных коней — Пип тут же сказал, что его сопровождает более значительная фигура, чем он. Но мне почему-то стало жаль старую кобылу, которая длительное время терпеливо сносила унижительную обязанность тащить за собой телегу.

У нее за плечами была долгая и весьма достойная служба в кавалерии, поэтому я распрягла ее, приладила ей на спину добротное седло, потом надела уздечку из сыромятной кожи — все это я припрятала на всякий случай в телеге — и оседлала.

Кобыла сразу подняла голову и принялась гордо вышагивать, пока мы спускались с холма. Время от времени она радостно пофыркивала, явно гордилась собой и с пренебрежением посматривала на отвергнутую мной лошадь, которая понуро трусила рядом.

Мы последовали по довольно сложному маршруту, часто петляя, пересекая небольшие горные ручьи и мелкие, но очень бурные реки. Цель состояла в том, чтобы приблизиться к крепости незаметно от вражеских наблюдателей. В конце концов мы оказались перед воротами Галаны, которые гостеприимно распахнулись.

Во главе довольно большой толпы защитников крепости, собравшихся для встречи с нами, мы увидели четверых людей. Один из них был высоким, мускулистым воином, заросшим темной бородой, которую кое-где уже тронула седина. Его лицо покрылось загаром и было изборождено морщинами. Воинские знаки отличия на его форме говорили о том, что он — генерал.

Я безошибочно определила, что это Квотерволс.

Второй человек был примерно одного роста с генералом, но так тонок, что казался еще выше. У него было удлиненное лицо, черная борода, которую давно не подстригали, и желтые глаза. Он был одет в одежды заклинателя, а корона на его голове свидетельствовала о том, что он был Главным Заклинателем.

Это был, конечно же, Пальмирас.

Третьей была женщина в униформе со знаками отличия капитана Стражи Маранонии, и она возвышалась над двумя весьма высокими мужчинами. Ее рост явно превышал два метра. Фигура напоминала огромные песочные часы. Капитан носила форму и доспехи легко и изящно. У нее была прекрасная кожа и светло-коричневые волосы. Она так напоминала Полилло, что я испытала шок. Она была чуть-чуть пониже, волосы — немного светлее, но все равно — впечатление такое, что они могли бы быть сестрами.

Я неотрывно смотрела на нее, недоумевая, кто же она на самом деле.

Затем мой взгляд скользнул вниз.

В руку этой богатырши крепко вцепилась маленькая девочка, в первый момент показавшаяся мне красивой куклой, которая внезапно попала в страну великанов.

В тот самый момент, когда я увидела девочку, я забыла обо всех остальных и не могла отвести от нее глаз. Девочка была настолько изящна, что только великий скульптор мог бы создать нечто подобное.

У нее была нежная, точно фарфоровая, кожа, лицо обрамляли густые темно-рыжие волосы, а цвет глаз напоминал море, которое долго целовалось с солнцем.

Глаза Амальрика. Волосы Амальрика.

Я ощутила легкое прикосновение магического биополя, как будто бы рядом пронеслась большая бабочка. Я почувствовала запах цветов, детской невинности и щенячьего любопытства. Мою ауру исследовали маленькие нежные пальчики.

Я спустилась с лошади, девочка высвободилась из руки могучего капитана и приблизилась ко мне.

Мы взглянули друг на друга, не скрывая взаимного восхищения.

Вслед за этим я преклонила колено и произнесла:

— Здравствуй, Эмили. Мне пришлось преодолеть немало препятствий, пока я до тебя добралась.

Глаза девочки расширились, как будто бы она только что меня узнала. Она улыбнулась. Впечатление было такое, как будто бы она осветила весь мир этой своей улыбкой. И она повернулась к остальным и спросила:

— Разве вы не знаете, кто это? Люди, ведь это тетя Рали! Моя тетя Рали!

Глава 6. ЭМИЛИ

Я не собираюсь изливать чувства, возникшие у меня во время встречи. Тем более я не намерена проливать слезы умиления на страницы бортового журнала, что недостойно капитана Стражи Маранонии.

Еще труднее мне признаться в том, что, как только Эмили оказалась в моих объятиях, я почувствовала, что она — дочь, о которой я втайне мечтала всю жизнь.

Я солдат. Солдат чрезвычайно чувствителен ко всему, что касается личных взаимоотношений. Но кроме этого я — колдунья. А колдуны гораздо сильнее, чем принято считать, подвержены воздействию эмоций.

Эмили была дочерью человека, с которым я никогда не встречалась, — моего племянника Гермияса. Ее лицо ничем не отличалось от лица единственного ребенка в мире, которого я любила, — моего брата Амальрика.

Я обняла ее. Я не переставая шептала ей на ухо ласковые слова. Тем не менее я постаралась не выходить слишком далеко за незримо очерченные границы, потому что в том случае, если поток чувств прорвется сквозь них, мне будет чрезвычайно трудно вернуться к выполнению задачи, поставленной передо мной Маранонией.

Клянусь богами, в Эмили уже чувствовалась магическая сила! В ее хрупком теле, без всякого сомнения, были скрыты те самые таинственные возможности, которые боги крайне редко дарят людям. Я безошибочно почувствовала под волшебной рукой пульсацию магического биополя и увидела волшебным глазом яркие искры, непрерывно слетающие с ауры, окружающей Эмили. Мы обнялись в реальном мире и с изумлением изучали друг друга волшебными щупальцами в Других Мирах. Там я смогла уловить, что в душе Эмили прячется страх. Кроме того, я уловила неистово пульсирующее любопытство, которое вскоре сломало барьер страха. Однако я не сомневалась в том, что мой нынешний облик, который только одна Эмили была способна увидеть без прикрас, глубоко ее разочарует. Думаю, что причина предстоящего разочарования состоит в том, что я должна была стать ее союзником в войне против Новари.

Другого выбора у меня не было.

События, которые последовали за встречей в Галане, очень трудно изложить в их строгой очередности. У меня осталось воспоминание о растерянности, усиленной тем, что очень много людей почти одновременно говорили разом. Поток информации был огромен и беспорядочен, поэтому у меня в голове стоял легкий туман, в ушах звенело.

Иногда мне казалось, что все присутствующие заранее договорились о распределении ролей и были склонны одобрять суждения друг друга. Восторженные замечания Эмили, как правило, подтверждали Пип, а затем и Пальмирас. Со всех сторон непрерывно доносились возгласы восхищения по поводу чудесного возвращения Рали Антеро.

Я догадалась, что после долгой и очень изнурительной осады обитатели Галаны были рады воспользоваться представившейся возможностью немного порадоваться жизни. Они высыпали из своих укрытий на склонах холма. Думаю, что почти все скудные запасы еды и питья были израсходованы в течение праздника, продолжавшегося почти всю ночь. Защитники крепости разожгли костры, заиграл импровизированный оркестр, начались

пляски — и все это происходило под открытым небом, с полнейшим пренебрежением к врагу, огни в лагере которого светились в отдалении на холмах и были так многочисленны, что поначалу показались мне загадочным, расположенным у самого горизонта созвездием.

Я почувствовала себя немного лучше, когда Квотерволс сказал мне, что, по его мнению, наш праздник обеспечит противнику бессонную ночь и заставит его непрерывно думать о том, как все-таки оказался высок боевой дух защитников крепости — той горстки негодяев, которая, как уверяли лидеры врага, была близка к полному разгрому.

Эмили вцепилась в мою руку и на протяжении моего пребывания в Галане старалась ее не выпускать. Я должна была даже сопровождать Эмили до «одинокного окопа» и терпеливо дожидаться рядом.

Когда Эмили сморил сон, я отнесла ее в надежно укрытую келью, в которой жила девочка. Келья располагалась в самом конце длинного туннеля, пробитого глубоко под холмом. В туннеле, не затихая, свистел ветер и было довольно прохладно. Я пронесла Эмили мимо седовласых женщин с холодными глазами. В их массивных дланях профессиональных воинов были крепко зажаты мечи. Это были стражницы, которые присягнули на верность Маранонии. В дополнение к этому каждая из них дала клятвенное обещание, что Эмили будет жить и этой зимой обязательно отпразднует свой седьмой день рождения.

К тому времени, когда я донесла Эмили до ее подземного жилища, девочка вновь проснулась.

— Я знала, что ты приближаешься к Галане, тетя Рали, — сказала она. Поежившись, Эмили постаралась поплотнее завернуться в стеганое одеяло. — До этого ты была в холодном месте, — продолжала она, — одна госпожа мне показала. Она была очень красива. Но она меня очень сильно напугала. Однажды она разбудила меня и объяснила, что я должна помочь ей разбудить тебя. А затем все мне показала.

— Так что же она тебе показала, Эмили? — спросила я.

— Сначала ты была там, где очень тепло, — ответила Эмили, — и была счастлива. Я видела, что ты не одна. Ты была вдвоем с человеком, имеющим, как мне показалось, для тебя особое значение. — Маленькая девочка растерянно провела ладошкой по одеялу. — Ты поцеловала ее, — произнесла она нерешительно, — сперва в губы, а потом — в платье.. И я почувствовала, что ты счастлива. Настолько счастлива, что мне захотелось стать тобой.

Но потом красивая женщина пояснила мне, что сейчас ты находишься совсем в другом месте. На самом деле ты спишь. Очень долго спишь.

И тогда она показала мне. Холодное место. Кругом лед. И могила. И ты — внутри могилы. Рядом с той женщиной, с которой, как я видела, ты была счастлива.

— Ее зовут Салимар, — сказала я, — она королева.

В глазах Эмили заблестели слезы.

— Если бы она была королевой, то приказала бы красивой госпоже остановиться. — Девочка опустила голову. Затем продолжала: — Я сказала, что было бы несправедливо будить тебя. Ты была так счастлива.

Я слегка похлопала здоровой рукой по тоненькой руке Эмили, постаравшись соразмерить усилие и не причинить ей боли.

— Ты зря переживаешь, Эмили, — утешала я свою внучатую племянницу, — твоей вины тут нет. Дело в том, что из тех, кто мог бы помочь Ориссе, осталась я одна.

— Так ты меня видела? — спросила она, и глаза ее стали такими огромными, как будто бы она увидела необыкновенный мираж в пустыне. — Сразу после того, как она меня разбудила, эта... тетка... эта дрянная тетка... она попыталась захватить меня. И украсть. Завязалась схватка. Было много раненых и убитых. А другие... Ну, я точно не знаю... не могу точно выразить... Превратились в материал. В очень плохой материал. Это было похоже на страшный сон, который стал вдруг реальностью и причинял боль. — Внезапно ее озабоченное личико просветлело, и девочка сказала: — Но я вскоре перестала бояться.

Эмили взмахнула рукой, и я тут же ощутила, как на меня накатила энергетическая волна.

— Иногда мне удается заставить исчезнуть то, что мне не нравится. Оно исчезает и больше не возвращается. Дрянной тетке это пришлось не по нраву. А я этому обрадовалась.

Вслед за этим Эмили нахмурилась и сказала:

— Но так или иначе, я все равно должна была разбудить тебя. И заставить тебя покинуть место, где ты была счастлива.

— Смогу ли я когда-нибудь побывать там, тетя Рали? — спросила она, взглянув на меня.

На такой вопрос нужно было отвечать честно и без промедления.

— Я не знаю, Эмили. Но думаю, что все-таки это невозможно. По крайней мере, в течение длительного времени.

— Я потеряла маму, — тихо произнесла Эмили. Я обратила внимание, что она просто констатирует факт, в ее голосе не чувствовалось жалобы на судьбу. — Она тоже была там? — спросила малютка.

— Нет, моя дорогая Эмили, — ответила я, — по всей вероятности, твоя мама находится сейчас вместе с моей. Ты же знаешь, что для матерей имеется специальное место.

Эмили тряхнула головой и возразила:

— Только для некоторых матерей. Я знаю, где находится твоя мама. Однажды она приходила. Пальмирас объяснил мне, что это было привидение. Но я так не думаю. Привидения обычно так несчастны. В свое время я немало их повидала. А твоя мать не выглядела несчастной. Она была чем-то встревожена.

Она появилась после того, как эта красивая, но очень злая женщина заставила меня разбудить тебя. Она рассказала мне, что моя тетя Рали скоро придет. И еще она сказала мне, что твое имя — Рали — означает надежду. Надежду для всех тех, кто в ней нуждается. Но в первую очередь — для меня, потому что я была названа Эмили в ее честь, твоей мамы. Ведь твою маму звали Эмили, не правда ли, тетя Рали?

— Да, дорогая моя, ее звали Эмили, — ответила я, — а знаешь ли ты, кем она была в жизни? Я имею в виду — кроме того, что она была моей матерью?

— Нет, не знаю. Расскажи мне, пожалуйста.

И я рассказала Эмили старую легенду. Одну из тех, которые я когда-то поведала Амальрику и которая обросла со временем всевозможными подробностями, не всегда правдивыми.

Мать умерла, когда Амальрик был совсем крошечным — почти таким же маленьким, как и Эмили в тот год, когда она лишилась своей матери. Поэтому прошло много лет, в течение которых легенда повторялась немыслимое количество раз, пока слегка подросший мальчик однажды ее не услышал.

Я рассказала Эмили о деревне, в которой родилась моя мама. О том самом месте, которое она пощадила, несмотря на то что люди, которым она в течение своей жизни долго помогала, предали и отвернулись от нее. Я рассказала об этой мудрой и красивой женщине, которая с бесконечным терпением относилась ко мне в пору моей неистовой юности и постаралась направить мою страсть в разумное русло. Именно она помогла мне стать знаменитой фигурой среди людей, которые отводят женскому полу только второстепенные роли.

Однако, делясь с Эмили воспоминаниями о матери, я не упоминала о тех страстях и желаниях, которые приходят обычно в более зрелом возрасте. Эти страсти и желания моя мать также помогла мне воспринять как нормальные — и дай бог, чтобы каждая мать смогла бы когда-нибудь достичь такого уровня взаимопонимания с подрастающей дочерью. Эмили пока была слишком юной, чтобы познавать все, что касается любви и отношений полов.

Но малышка сказала:

— Ты сейчас думаешь о... всех этих глупостях, которыми занимаются взрослые. Ну, как тогда, когда я видела, как ты целуешь Салимар. У тебя нет необходимости говорить мне об этом. С этим все в порядке. Хотя я думаю, что на самом деле вы обе ненормальные. — Лицо Эмили стало серьезным. — Я догадываюсь, что поцелуй — норма для взрослых.. И все

остальное — тоже. Как мне кажется, Дерлина однажды сказала мне, что я сама все об этом узнаю, когда немного подрасту. Может быть, я полюблю больше всего мальчика. Но может быть — и девочку. Но Дерлина говорит, что в любом случае это сопряжено с большими тратами времени. И еще она говорит, что каждый раз, когда мне в голову приходят подобные мысли, я должна усиленно тренироваться с мечом. Потому что меч — единственный мой надежный друг. И я догадываюсь, что она говорит правду, потому что Дерлина — лучший воин в Галане. Капитан Стражи Маранонии.

Так я выяснила, что капитан Дерлина — это была женщина-великан, которую я видела в день встречи и которая так напоминала мне Полилло.

Эмили презрительно скривила губы и сообщила мне:

— Я не очень часто думаю обо всех этих взрослых глупостях. Вот почему я не очень хорошо владею мечом.

Затем девочка дотронулась до моей волшебной руки, и я почувствовала удар мощного энергетического импульса ее магического биополя.

— Но иногда, — продолжала Эмили, — мне удается кое-что другое. Время от времени я заставляю невкусное стать вкусным. Например, в тех случаях, когда продукты становятся гнилыми. Все так радуются, когда мне удастся сделать их свежими. В других случаях я могу хорошее превратить в плохое. Например, в тех случаях, когда Дерлина очень много выпивает и становится ненормальной. Я заставляю ее остановиться. Я заставляю ее выпивку пахнуть, как, — Эмили непроизвольно дернула носом, — протухшая рыба. Я могу делать еще многое другое. Но только иногда. Я могу сделать так, что солнце будет греть немного слабее. — Эмили вздохнула. — Это довольно трудно. Но у меня иногда получается. Я делаю облако. И становится холодно. Затем я заставляю облако растаять. И снова возвращается тепло. — Эмили пожала плечами и посетовала: — Это довольно скучно. Но это делает Пальмираса счастливым. Он мой учитель. Поэтому мне доставляет удовольствие делать его счастливым.

Малышка зевнула. Похоже, события насыщенного дня окончательно ее утомили.

— Ты действительно победила Архонта? — спросила неожиданно она.

Я ответила, что да.

— И ты победила эту... ну, дрянную тетку? Раньше? Ведь победила?

— Да, — ответила я, — победила. Ее зовут Новари. Тебе, пожалуй, это следует знать.

Эмили еще шире зевнула и сказала:

— О, я знаю ее имя. Мне просто ненавистно его произносить. Я подозреваю, что когда я произносила ее имя... это придавало ей дополнительную силу. Поэтому я старалась этого избегать. Иногда она выглядит как женщина. Иногда как большая птица. И она играет на лире. Очень странная музыка. Все говорят, что это чудесная музыка. А я думаю, она отвратительна. И однажды, когда эта дрянь снова начнет играть на лире, я обязательно доберусь до нее и оборву все струны. После этого люди уже не будут внушать себе, будто она их богиня.

Вслед за этим глаза Эмили закрылись, вскоре ее милое бормотание превратилось в легкое дыхание спящего ребенка. Во сне она немного шевелила губами, напоминающими бутон розы.

Ее дыхание пахло парным молоком.

Прежде чем я успела покинуть келью Эмили, она прошептала мне, как будто бы очнувшись на секунду от безмятежного сна:

— Мне так жаль, тетя Рали, что мне пришлось разбудить тебя. За дверью меня ждала Дерлина. Она всхлипнула и смахнула слезу.

— Не смогла удержаться, чтобы не заглянуть, капитан, — произнесла она хрипло.

— Называй меня Рали.

Она вскинула голову и сказала:

— Хорошо, пусть будет Рали. Так или иначе, я заглянула и увидела тебя и малышку. В этот момент наша сиротка выглядела такой счастливой оттого, что встретила наконец с любимой тетей Рали, что я чуть было не лишилась чувств.

Большим кулаком Дерлина размазала по щеке еще одну невольно навернувшуюся слезу.

Внезапно в коридоре послышался какой-то неясный шум, и Дерлина мгновенно повернула голову и начала внимательно прислушиваться. Оказалось, что мимо проходит очередная смена караула, поэтому Дерлина снова переключила внимание на меня. Я с удивлением заметила, что ее лицо приобрело смущенное выражение. Заметно стесняясь, она попросила меня:

— Я бы посчитала за великое одолжение, сделанное одной сестрой для другой, если бы ты предпочла не распространяться о том, как я тут раскисла и пустила слезу.

Вслед за этими словами лицо Дерлины внезапно осветилось улыбкой.

— Новобранцы называют меня за глаза Каменное Сердце. И мне не хотелось бы испортить эту репутацию.

— Пока ты со мной, — уверила я Дерлину, — тебе нечего бояться за свою репутацию. Я имею весьма длительный опыт общения с женщиной, которую ты мне напоминаешь.

Мы двинулись по подземному коридору. Дерлина сопровождала меня на встречу с лидерами Галаны. На сей раз встреча была назначена на необычно поздний час.

— Мне кажется, что я уже кое-что слышала об этом, — сказала Дерлина, — припоминаю, что ты спросила что-то сразу после нашей встречи. — Выражение ее лица стало серьезным. — Ты спросила тогда: «Полилло?», а я ответила: «Нет, я Дерлина». Ты, по всей вероятности, думаешь о той, которую навечно запечатлели в мраморе. О моей двоюродной бабушке Полилло. Некоторые уверяют, что мы с ней удивительно похожи. — Серьезное лицо Дерлины стало почти нахмуренным. — Обычно, подозреваю, новобранцы пытаются подобрать ключи к доброй стороне моей души.

— Ты не только почти ничем внешне не отличаешься от Полилло, — сказала я. — Но у вас одинаковая манера разговаривать, а главное — одинаково грозная внешность и наидобрейшее сердце.

Дерлина вновь улыбнулась.

— Почему я знаю? — с грубовато-шутливой интонацией в голосе пророкотала она и широко размахнулась, чтобы «по-дружески» шлепнуть меня по спине. По-видимому, она вовремя спохватилась, потому что вспомнила, что такой шлепок может свалить с ног сразу нескольких быков. Я устояла.

— Извини, — виновато произнесла она. — Так я и вправду похожа на бабушку Полилло?

— Как две капли воды, — ответила я, — поверь, что лучше меня ее не знал никто. Понимаешь, мы с Полилло вместе выросли. И в один день поступили на службу в Стражу Маранонии.

— Вместе с Корайс, — подтвердила Дерлина, при этом кивнув. — Рали, Полилло и Корайс. Величайшая троица воинов за всю историю Стражи Маранонии.

Дерлина весело рассмеялась. Тем самым жизнерадостным смехом, который отличал Полилло. Я поежилась. В этом было что-то сверхъестественное.

— Ты была достойна гораздо лучшей участи, Рали, — сказала богатырша, — судьба тебя явно не баловала. Уж и не знаю, сколько молодых женщин без конца сносили оскорбления и обвинения в тупости и неповоротливости со стороны вьедливых сержантов, которые день за днем твердили одно и то же — как посмели они оскорбить своим презренным присутствием Стражу Маранонии?! Как у них не горит земля под ногами? Та самая земля, по которой некогда ходили три наиболее великих в истории воина: Рали, Полилло и Корайс?!

Я тихо рассмеялась.

— В свое время нас называли тремя самыми плохими стражницами, которые, как никто, чернят репутацию Стражи. Должна со всей откровенностью признаться, что в годы юности мы проломили гораздо больше черепов во время попоек и кутежей в трущобах, нежели на полях сражений.

— Об этом я тоже слышала, — сказала со смехом Дерлина, — слышала, судя по всему, в некоторых из тех кабаков, в которых вы бывали. Они носят теперь ваши имена. На стенах висят картины с изображением наиболее нашумевших драк. Владелец любой из этих таверн поклянется, что винные пятна на полу — свидетельства многочисленных набегов, которые именно вы совершали на его заведение.

— Что было, то было, но клянусь, что тот бочонок вина разбила не я. Это была Полилло. Если я правильно помню — о голову какого-то охранника. Он совершил непоправимую ошибку — позволил себе злую иронию по поводу интеллекта Полилло. Ты ведь знаешь, она очень чутко реагировала на такие «шуточки».

— Я слышала, что она придушила того типа, — сказала Дерлина.

Она обняла воздух своими длинными, красиво очерченными руками, чтобы показать, как именно Полилло придушила обидчика, и прижала их к своей пышной груди.

— Вот так. Удавила между грудями.

— Не исключено, что кого-нибудь другого она трахнула бочонком по голове, — предположила я, — в этих кабаках всегда было много задиристых парней, которые то и дело напрашивались на неприятности.

На этот раз Дерлина слабо улыбнулась. Она уже думала о предстоящих событиях. Я могла прочесть это по ее открытому лицу, как будто бы передо мной вновь стояла сама Полилло, мой старый друг.

И на сей раз лицо Дерлины было озабоченным

— Я не отношу себя к нытикам, Рали, но должна признать, что нас крепко блокировали в Галане. Здесь уже не осталось почти ничего, кроме равнины, усыпанной валунами и скальными обломками. — Дерлина с силой сжала свои внушительные кулаки, всем видом показывая решимость уничтожить невидимого врага. — Ты, черт побери, собираешься схватить нас за шею? — Дерлина изобразила, как хватает врага и теряет его, как крысу. — Собираешься крепко потрясти нас? Привести нас в чувство?

— Я понимаю тебя так, Дерлина, — произнесла я, — что, по твоему разумению, твои соратники по оружию утратили боевой дух?

— Ни в коем случае, — ответила Дерлина, совершенно не обращая внимания на мой сухой тон, — и думать об этом не могли!

Она с такой силой шлепнула себя по лбу, что в первый момент я испугалась за ее здоровье. Потом шлепнула по лбу еще раз, так же крепко, и я поняла, что все в порядке.

— Возьми, к примеру, прошлую ночь, — заметила Дерлина.

— Я все видела.

Богатырша остановилась и положила руки на свои внушительные бедра.

— Отлично! — воскликнула она. — Я очень рада, что все видела! Тогда ты хорошо понимаешь, что я имею в виду.

Еще одна тень набежала на ясное чело Дерлины.

— Клянусь всеми обитателями небес, которые, как никогда, равнодушны к нашим нуждам, ты никогда не видела ничего подобного! Не сомневаюсь в том, что эта стерва Новари ударила в нас чем-то магическим. И что же вышло? Она убила немало и своих солдат. Черт побери, на этот раз мы могли их победить! Все, что от нас требовалось, — подняться и идти в бой! Мы смогли бы заставить завывать немало сифилитичных шлюшек, если бы немного усилили нажим. Поднялся бы вой до небес по их бессердечным отродьям, которых мы послали бы в ад, — именно туда, где им настоящее место.

Дерлина снова двинулась вперед. Шаг ее ускорился, стал более энергичным, твердым и злым. Мне пришлось напрячься, чтобы не отстать.

— Будь я там, — рокотала Дерлина, — исход сражения был бы иным. Но Пальмирас и Квотерволс вдвоем насели на меня и заставили отказаться от моей затеи. Они сказали, что было бы непростительной глупостью рисковать командиром Стражи в открытом неравном бою с Новари. Со стороны Новари это был очередной отвлекающий маневр, зондаж быстроты нашей реакции и способности противостоять нападению. Проверка нашей силы.

Понимаешь, мне ни к чему всякие такие «пробы». Черт побери, почему бы не трахнуть по врагу — и вся недолга! Почему бы не выйти из крепости и не очистить от него все холмы?!

Я не стала возражать, хоть и не считала, что богатырша права, но тут я поняла, что Дерлина снова и снова вдумывается в свои слова — и постепенно осознает свою ошибку.

Дерлина тяжело вздохнула и сокрушенно произнесла:

— Не обращай, пожалуйста, на это никакого внимания, Рали, я только хотела... ну ты знаешь...

— Приподнять с котла тяжелую крышку, — предположила я, — и дать выход пару?

Дерлина поморщилась. Затем призналась:

— Да, что-то вроде этого. — Но через мгновение она упрямо тряхнула головой и сказала: — Так или иначе, мы должны что-то придумать. Нужны решительные действия. А мой внутренний голос подсказывает мне, что дело зашло так далеко, что нам остается либо действовать решительно, либо умереть. Предстоит еще один — последний — раз повысить подбросить кости судьбы. И плевать на богов, которые нас породили!

Второй раз за сегодняшний вечер я не спешила с ответом. Хотя на этот раз Дерлина была совершенно права.

Дерлина привела меня в комнату с высоким сводчатым потолком. Простым смертным потребовалось бы много лет, чтобы выкопать под холмами столько земли и вынести ее на поверхность. Эта огромная пещера была освещена ярким голубым светом, стиравшим все тени. Добрая половина пещеры была занята разнообразными машинами странного вида. От них исходило легкое потрескивание, свидетельствующее об очень высоком напряжении магического поля.

Некоторые из этих машин возвышались, как башни, другие — напоминали округлые валуны, которые довольно шумно работали, а также — с прозрачными смотровыми окнами, которые давали представление о том, что делается внутри магических печей.

Некоторые из волшебных машин были небольшими и довольно изящными: стеклянные паутинки с разноцветными шариками плавленого горного хрусталя, которые непрерывно двигались вдоль нитей, создавая необыкновенное зрелище; хрустальная трубка, из которой периодически вырывалось красноватое облачко, от которого доносился райский аромат.

Среди этих машин непрерывно, как лунатики, бродили несколько заклинателей с красными от недосыпания глазами; их заштопанные во многих местах одежды равномерно колыхались и мерно шелестели в такт шагам. Заклинатели то и дело производили мелкие исправления, что-то настраивали, регулировали, нажимали на кнопки, вращали колесики, не забывая при этом прошептать необходимые заклинания, покрoshить сверху нужную в каждом случае сушеную травку.

И благодарные машины урчали, двигались, шипели, с радостью, не останавливаясь ни на секунду, занимались своим делом и создавали волшебные предметы в невероятном количестве. У меня даже закружилась голова, когда я принялась наблюдать за пульсациями магической энергии с помощью божественного глаза.

За машинами располагалась небольшая ровная площадка, посреди которой виднелось огороженное перилами углубление.

От этого углубления исходило мощное свечение. На противоположном конце вдоль перил двигались три знакомые мне фигуры.

Мы с Дерлиной направились к этому углублению, прокладывая довольно извилистый путь среди чудесных машин. Я с трудом угадывала принципы, заложенные в основу их действия. Некоторые отдаленно напоминали мне даже устройства, использовавшиеся Архонтом, которому чуть-чуть не удалось уничтожить ОриССу. Ведь именно я привезла чертежи этих машин после победы над Архонтом. Сейчас, с изумлением взирая на все то великолепие, которое окружало меня в волшебной пещере Галаны, я пришла к выводу, что с тех пор наши заклинатели далеко продвинулись на пути познания нового. Мне оставалось только удивляться и с трудом различать в контурах новых устройств очертания, весьма отдаленно напоминающие их прототипы.

Принципы действия и назначение некоторых из увиденных мною машин я не поняла. Однако я точно угадала, что они основаны на новых законах Универсальности, которые были открыты моим братом и Яношем и Янилой Серый Плащ.

Как только мы приблизились к углублению в полу пещеры, внутри его сверкнула молния. Через мгновение я услышала удар грома. Нас накрыло эхо, отраженное от этого углубления. Источник звука находился где-то далеко за его пределами, но молния, совершенно определенно, сверкала внутри углубления.

Я поспешила к перилам и заглянула внутрь.

Там я увидела миниатюрную модель Галаны и окружающего ее поля битвы. Впечатление было такое, как будто бы я заглянула в блюдце с прозрачной водой. Поверхность воды выглядела как ночное небо со скоплением грозовых туч у горизонта. А внизу возвышалась превосходно исполненная миниатюрная копия Галаны с мельчайшими подробностями — от мерцающих входов в пещеры, которые ведут прямо в сердце укреплений, до мигающих, как удаленные звезды на ночном небе, вражеских костров на холмах. Я смогла даже различить маленькие, похожие на движущиеся тени фигурки солдат.

Уголком глаза я уловила всплеск молнии. Ее копьевидное острие злобно ударило из скопления грозовых туч прямо в площадку перед главными воротами нашей крепости. И снова я заметила, что раскаты грома доносятся откуда-то со стороны, а не рождаются внутри углубления. Как и в первый раз, после задержки продолжительностью всего в один вздох я услышала удар грома со стороны. И я наконец поняла, что гроза, бушующая внутри углубления, на самом деле собирается как раз над моей головой.

Вдоль внутренней поверхности углубления располагалась винтовая лестница с небольшим уклоном, поэтому заклинатели имели возможность приближаться к любому участку миниатюрного изображения Галаны и ее окрестностей. Я быстро сообразила, что в другой ситуации, в условиях мира, им не составило бы особого труда создать заклинания для смягчения погоды, ускорения созревания хлебов и, более того, обуздать яростные весенние паводки.

Именно с такими устройствами встретился мой брат во время путешествий в Ирайю и Тирению.

Нечто подобное я встретила у Архонта. Это была часть его машины судьбы, которая несла всем гибель и разрушение. Архонт использовал свою дьявольскую машину для того, чтобы создать ложное подобие Ориссы, в которое он надеялся заманить меня. Но Архонта подвело недостаточно хорошее знание нашей столицы. Поэтому он соорудил плохую копию, что в конце концов привело его к гибели.

Преодолев немалое изумление, я начала пристально изучать детали этого волшебного «глобуса». Рядом никого не оказалось, и я молча смотрела, как он медленно вращается вокруг невидимой оси. Я заметила, что изображение меняется автоматически, иногда показывая нашу крепость в мельчайших подробностях, иногда — каменистую равнину, начинающуюся сразу за баррикадами, построенными ее защитниками. Однажды изображение сфокусировалось на холме, где прошлой ночью притаились мы с Пипом и наблюдали за сражением. За этим холмом виднелась темная извилистая линия — дорога, ведущая к разрушенному порту, где, спасая жизнь Эмили, погибала капитан Келе.

Внезапно изображение надвинулось прямо на меня, я почувствовала, как напряглись струны моего магического биополя, потом поддались мощному воздействию, и я услышала, как внутри меня потрескивают и вновь оживают спавшие доселе узлы.

Не сдержав любопытства, я сфокусировала свой божественный глаз на дороге. Изображение на «глобусе» мгновенно застыло. Потом оно медленно качнулось и, как будто с помощью телескопического объектива, приблизилось и стало исключительно контрастным. Волшебной рукой я показала на дорогу, мысленно пожелав, чтобы передо мной появилось изображение порта. Картинка возникла так внезапно, что я чуть было не бросилась на пол, чтобы избежать столкновения. Я смогла в мельчайших деталях рассмотреть руины, где капитан Келе приняла свой последний бой.

Неожиданно за моей спиной раздались взволнованные голоса. Я так глубоко ушла в свой произвольный эксперимент, что не заметила, как Дерлина тихо вышла из помещения. Теперь она вернулась, приведя с собой заклинателей, которые, судя по всему, уже некоторое время в восхищении стояли рядом и молча наблюдали за ходом эксперимента. Больше всего их волновало, сколь я сильна в своем мастерстве. Сможет ли великая Рали Антеро показать, на что она в действительности способна?

Я обернулась, чтобы принести извинения за несанкционированное вторжение и манипуляции с магической моделью панорамы сражения. Но вместо сердитых взглядов я увидела, что все четверо смотрят на меня с таким изумлением, как будто бы я только что совершила необыкновенное открытие. Пип растерянно чесал в затылке, Дерлина молча смотрела на меня, широко раскрыв глаза, а Пальмирас и Квотерволс не переставая обменивались удивленными взглядами.

Первым нарушил молчание Главный Заклинатель:

— Как тебе удалось сделать это, Рали?

— Сделать — что?

— Заставить нашу панораму переместиться, — вступил в разговор Квотерволс.

— Извините меня, — ответила я, — не знала, что это запрещено. Надеюсь, я не причинила никакого ущерба?

— Ишь ты, «запрещено», — пророкотал Пальмирас. В его желтых глазах колдуна закипало некое чувство, которое показалось мне полной растерянностью, смешанной с восхищением. — Моя дорогая Антеро, — сказал он, — то, что тебе сейчас удалось, раньше было абсолютно невозможно. Как же мы могли думать о том, чтобы запретить или разрешить то, что нельзя сделать?

— Для того чтобы совершить нечто похожее, требуются совместные усилия Пальмираса и еще шести-семи заклинателей, — уточнил Квотерволс. — И им иногда приходится сосредоточиваться в течение всего дня.

— И вдруг появляешься ты, друг мой, — сказал Главный Заклинатель, — и заставляешь нашу видеорама весело плясать под свою дудку, вызываешь то один вид, то другой — и все без каких-либо заметных усилий!

— Не смогу объяснить, как мне удалось это сделать, — сказала я, — в какой-то момент времени просто почувствовала, что смогу, — и все. Мне показалось, что если я попробую, то особого вреда не причиню. Попробовала — и получилось. Однако я думаю, что каждый раз не будет получаться так хорошо.

Я показала волшебной рукой на углубление, где располагалась видеорама. Вернулось прежнее изображение Галаны и вражеских костров на отдаленных холмах. Именно на эти костры я хотела более всего обратить внимание собравшихся вокруг меня защитников крепости.

— Даже не стоит пытаться, — сказала я, — приблизить изображение вражеского лагеря, чтобы мы смогли производить разведку, не выходя из пещеры. Новари намертво заблокировала эту возможность.

Я сконцентрировалась, затем с конца указательного пальца моей божественной руки слетела искра. Она помчалась по направлению к вражескому укреплению. Но незадолго до того, как она должна была ударить в землю вблизи одного из костров, искра как будто бы споткнулась, ярко вспыхнула и исчезла.

— Вот где расположена защита, поставленная Новари, — объяснила я, — очень прочная защита. Я не могу проникнуть сквозь нее.

Пальмирас вздохнул и провел рукой по спутанной и давно не стриженной бороде.

— В какой-то момент у меня зародилась надежда, — печально произнес он, — что тебе одной удастся совершить то, что долгое время не удавалось всем нам.

При этих словах Пальмираса я почувствовала зарождающуюся внутри волну гнева, но мне быстро удалось погасить ее.

— Простите меня, друг мой, — произнесла я, — будучи вашим гостем, не хочу

показаться грубой. Но я хотела бы раз и навсегда определиться. Мой «геройский поступок», свидетелем которого вы были, ни в коем случае нельзя переоценивать. Ни один из тех — будь то мужчина или женщина, — на долю кого выпала нелегкая участь пожизненно нести тяжкий крест заклинателя, не стал бы мне возражать. Свершения любого заклинателя не являются актами единоличного творчества. Они проявляются как итог действий многих людей. И только по злой прихоти богов, по каким-то неведомым причинам усилия одного из многих выделяются, в то время как не менее существенные усилия более достойных, более храбрых и самоотверженных людей игнорируются. — Я взмахнула волшебной рукой, как бы стараясь охватить видеораму и все магические машины Пальмираса. — Какими бы замечательными ни показались несведущему наблюдателю все эти машины, являющиеся венцом магии и колдовства, я, к великому сожалению, знаю, что они — ничто по сравнению с возможностями Новари. У нее в сотни раз больше машин. У нее в сотни раз больше заклинателей, которые, так же как и наши, день за днем, час за часом поддерживают их работу. Кроме того, у Новари есть послушная марионетка — Като, армия которого, стоящая у стен крепости, значительно превосходит по численности наш маленький гарнизон.

Тем не менее вам удавалось сдерживать непрерывное давление со стороны Птицы Лиры на протяжении многих месяцев. Независимо от того, с какой силой она обрушивала на крепость магические удары, вы не только смогли каждый раз успешно восстанавливаться, но и наносить ответные удары по нападавшим. А это, мой мудрый Пальмирас, является самым убедительным аргументом в вашу пользу. Думаю, что со мной согласились бы все жители Галаны — от мала до велика.

Поэтому все, что я могу предложить вам, — это свежий взгляд на тактику и стратегию обороны, мои возможности заклинателя. Но в конце концов, когда дело снова дойдет до рукопашной, мы должны будем действовать сообща. И не один какой-нибудь человек, а все те, кто примет участие в сражении, будут героями.

Пальмирас с пристальным вниманием выслушал то, что я сказала. Мне было приятно почувствовать, что мои слова ни разу не вызвали возражений. Более того, он кивал в знак согласия. Квотерволс и Пип радостно улыбались. Будучи людьми, которые не один раз делом подтвердили свою храбрость, они лучше всех остальных поняли, что я имела в виду, говоря о переоценке «геройского поступка».

И снова я увидела, как Дерлина смахнула наворачнувшуюся слезу. Вслед за этим она сказала:

— Нет ничего приятнее для души, чем врезать пару раз по вражеским задницам.

Наконец я предложила:

— Почему бы мне самой не осмотреть поле брани — завтра же утром? После этого мы все сядем и попробуем высидеть нескольких цыплят.

Моя шутка не вызвала особого веселья. Более того, вскоре мне пришлось пожалеть о сделанном в ней сравнении. Потому что выяснилось, что то «яйцо», с которым я пришла на военный совет, могло быть высижено только мной.

На следующий день на нас обрушилась яростная буря со шквалистым ветром и проливным дождем. Потоп был настолько силен, что заставил обе стороны отказаться от очередного сражения. В противном случае войска и вооружение увязли бы в глубокой жидкой грязи и вскоре бы заблудились — настолько плохой была видимость. Поэтому враг оставался на своих высотах, пока защитники крепости залечивали раны, латали одежду, точили оружие.

В сопровождении Дерлины я решила обойти лагерь, чтобы получить по мере возможности полные представления об истинном состоянии войск. На первый взгляд картина была довольно удручающая. По моим подсчетам, обитателей Галаны насчитывалось не более двух тысяч человек, которым противостояли, по словам Дерлины, силы Като в пять раз большей численности.

Из наших воинов только двести пятьдесят были Стражницами Маранонии, многие из

них — седовласыми, преклонного возраста, как и те женщины со стальными взглядами, которые отвечали за безопасность Эмили.

А в начале сражения в их рядах было полторы тысячи воинов — обычная численность Стражи... не считая пенсионеров. В который раз за всю славную историю Стража Маранонии была поставлена на грань полного уничтожения — до последнего воина, способного удержать в руках хотя бы кинжал.

Остальные силы были представлены смешанными частями из очень опытных отставных Стражниц, фронтовых разведчиков, солдатами, обученными воевать в горных условиях и в пустыне. В ту пору, когда войска, ведомые Квотерволсом, совершали вошедший впоследствии во все учебники тактики отход в Галану, их насчитывалось три тысячи человек. Теперь же из них оставалось менее тысячи семисот.

Дерлина заверила меня, что силы Новари понесли гораздо более тяжелые потери.

— Но Новари может приказать Като призвать на службу столько солдат, сколько ей потребуется, — сказала я.

Сразу вспомнив свое недавнее столкновение с Нэтом, я добавила:

— Они выплачивают золотой за каждого молодого воина. А это означает не только то, что Новари имеет практически неограниченный источник пополнения потерь в живой силе. Самое главное состоит в том, что скудеет кровь Ориссы, ее жизненная энергия, потому что получается так, что мы сами убиваем свое будущее. Будь у них трижды мозги набекрень — но это наши, орисские парни.

Иногда Новари напоминает мне демона с несколькими головами. Всякий раз, когда ты срубашь одну из них, она тут же отрастает, но с лицом твоего лучшего друга.

Дерлина произнесла с угрозой в голосе:

— Ты только дай мне малюсенький шанс добраться до нее и как следует врезать! Когда я снесу своим топором ее поганую башку, она больше не отрастет. Это я гарантирую!

Ее эмоциональная реакция на мои слова свидетельствовала о том, что боевой дух Галаны не угас. Несмотря на то что за много месяцев тяжелой обороны силы защитников крепости подытожились, я ни разу не встретила сомнений в необходимости продолжать борьбу до последнего.

Защитники Галаны постарались с максимальной пользой провести неожиданно подаренную судьбой передышку. На кухнях сутились повара, спеша приготовить как можно больше еды впрок. В полевых кузницах раздавался звон брони, стук молотков и кувалд по наковальням, гул пламени, вздохи кузнечных мехов, шипение и треск закаливаемого металла. Конюшни были вычищены, кони хорошо помыты и накормлены, клинки тщательно наточены, стрелы — заготовлены. Боевые колесницы и машины — отремонтированы и подготовлены к действию. Даже те, кто был ранен и не смог бы принять участия в предстоящем сражении, чинили одежду, оружие или конную упряжь для других.

А в волшебных мастерских Пальмирас и его заклинатели регулировали магические машины, ремонтировали сломанные и создавали новые заклинания, чтобы еще успешнее противостоять усилиям колдунов Новари. И эта невидимая борьба не прекращалась ни на мгновение. Бесконечная война велась в Других Мирах с переменным успехом. Атаки чередовались контратаками, за ними следовали новые взаимные удары, и ни одна из сторон не сдавала ни пяди позиций.

Но в течение этого относительно мирного дня все-таки происходили отдельные стычки. Локальные столкновения лишний раз проверяли прочность обороны противника и его готовность к ответному удару.

Буря пришлась как нельзя кстати контрабандистам, которые доставляли в крепость оружие и продовольствие. Выяснилось, что неподалеку припрятано многое из того, в чем остро нуждаются осажденные.

Шторм давал возможность безопасно выкопать припрятанное и отвезти в крепость, не опасаясь встречи с вражеским патрулем. Рано утром Пип ушел с одной такой группой контрабандистов и вернулся вечером очень обеспокоенным.

Он нашел меня вблизи видеорамы. Не вмешиваясь, я наблюдала, как работают Пальмирас и его заклинатели.

— Что-то там нечисто, капитан, — сказал Пип, — мои парни, которые только что вернулись с дела, рассказали, что все дороги вокруг стана Новари запружены тяжелыми телегами, там скопилась масса рабочих под охраной целой армии новобранцев. Моим людям пришлось в течение целого дня обходить этот район стороной, чтобы случайно не нарваться на патруль.

Я взглянула на волшебный глобус, стараясь сосредоточиться на отдаленных холмах, где располагался вражеский лагерь. Лагерь был частично закрыт ливнем, но сквозь его завесу я смогла различить мерцание множества огней. Эти огни непрерывно двигались.

— Мои гонцы говорят, что вся Орисса гудит от сплетен о Новари, причем каждая новая пострашней и похлестче предыдущей. Птица Лира укрылась на вилле твоего брата и никак себя не проявляет. Вместе с ней собрались почти все ее заклинатели. Они что-то замышляют. Как говорят, что-то хотят построить. Что-то очень большое. Собирают макет по частям, потом разбирают — и все начинают по новой.

Гонцы сообщают, что они почти завершили свою работу. Те парни, с которыми я встречался, называют поделку этой компании «проклятой хреновиной». А как же иначе, когда в ее изготовлении участвует сама Новари? Так или иначе, гонцы считают, что это новоизобретенное хитроумное приспособление не только было доведено до ума, но и уже втайне погружено на крытые повозки. Мои парни утверждают, что именно такие повозки они и видели. Караван повозок, поднимающихся в горы.

Пип показал на мигающие огни вражеских костров, которые отчетливо виднелись на видеораме, и сказал:

— Где-то вон там Новари собирается установить то, что она построила на вилле твоего брата. Это старый Пип нутром чувствует.

Я как бы продолжила мысль Пипа:

— Похоже, предстоит немного размяться и произвести разведку, а Пип?

Он нахмурился и возразил:

— И ты хочешь уверить меня в том, что не собираешься сама произвести эту разведку? Так, капитан?

Я вздохнула и произнесла:

— Не вижу никакой другой возможности.

Пип был категорически против моего участия в разведке. Остальные согласились с ним.

— Ты можешь бродить по холмам, — сказал Квотерволс, — в течение долгих часов или, может быть, даже дней. И не найти того, что ищешь. Черт побери, капитан Антеро, мы ведь даже не знаем, что представляет собой эта штука, которую Новари приготовила нам на погибель! Строго говоря, мы не уверены наверняка в ее существовании.

— Я думаю, мы должны признать, что она существует, — спокойно возразила я, — согласитесь, что вероятность достаточно высока. Кроме какой-то конструкции, обязательно должна быть магическая сердцевина. Энергетический центр.

Если бы не магическая защита, поставленная Новари, мы смогли бы обнаружить его на нашей видеораме и создать заклинания, которые позволили бы нам без особых усилий рассмотреть мельчайшие детали. Тогда я смогла бы проскользнуть под этой защитой и вплотную приблизиться к цели. И у меня была бы ничем не ограниченная возможность применить мое волшебное мастерство и узнать все, что нам необходимо.

Пальмирас начал закипать от злости.

— Ты ничем не отличаешься от своего брата, — горячился он, — умение гладко говорить является сущим проклятием рода Антеро. Прошлой ночью ты проповедовала нам высокие материи, касающиеся ложного и истинного героизма. Толковала о том, как великие дела совершаются за счет объединения духовных усилий многих, а не отдельных, пусть даже одаренных природой лидеров.

И вот при первой же представившейся возможности ты без каких-либо колебаний собираешься отправиться на дело в одиночку, чтобы еще раз испытать судьбу. Именно так и поступил бы твой брат Амальрик, и будь я проклят, если я поддамся на твои сладкоголосые речи!

Я усмехнулась. Потом спокойно возразила:

— А кто утверждал, что собирается сделать в одиночку? — Я показала на стоящих рядом Квотерволса, Дерлину и Пипа. Затем продолжила: — Мне потребуются несколько отчаянных головорезов для обеспечения моей безопасности. — Вслед за этим я показала на Пальмираса и продолжила: — И еще мне потребуется мастерство самого хитрого в Ориссе заклинателя, который прикрывал бы мои тылы.

После моих слов все мгновенно заулыбались.

Не правда ли, странно, как быстро испарилась их настороженность и исчезло стремление возражать, когда они убедились, что их жизнь будет поставлена на кон в той опасной игре, которую подготовила нам судьба?

Таковы были герои, защищавшие Галану.

— Льсти не переставая, и я навеки твой, дорогая Антеро, — произнес Пальмирас, — твой брат частенько так поговаривал...

Заклинатели, которые по долгу службы владели вопросами, связанными с погодой, предсказали, что после захода солнца шторм немного утихнет. Более того, они пообещали, что смогут на короткое время стабилизировать ее — может быть, на несколько часов, пока колдуны Новари не почувствуют, что за этим стоит чужое заклинание, и тут же его не заблокируют.

Пальмирас добавил, что он гарантирует такое насыщение неба над Галаной заклинаниями, что скроет нас, пока мы будем подкрадываться к вражеским позициям.

— Вы должны подойти к передней линии обороны противника как раз в тот момент, когда я создам первое заклинание прорыва, — объяснил Пальмирас, — это позволит вам проскочить без сучка и задоринки. У вас не будет возможности дать мне знать, когда вы начнете возвращаться, поэтому будет лучше всего, если мы с вами сейчас назначим точное время. Тогда я смогу создать второе заклинание, которое поможет вам в целости и сохранности вернуться домой. — На короткое время Пальмирас задумался. Потом добавил: — Конечно, приходится гадать на кофейной гуще, даже в этот век профессионального колдовства. Но все-таки я надеюсь, что погода будет на нашей стороне, по крайней мере в течение трех часов. Думаю, что это я могу предсказать с достаточно высокой вероятностью. Считайте это нашим предложением. Каковы ваши предложения, моя дорогая Антеро? Сколько времени вам потребуется?

Я посмотрела на остальных участников предстоящей операции. Все пожимали плечами. Тогда я решила:

— Пусть будет три часа.

Было решено, что наиболее надежным способом отсчета времени должна стать система сигналов, передаваемых из крепости. Вспышки света должны были предшествовать моментам начала действия заклинаний прорыва, которые обещал создать Пальмирас. Первая вспышка откроет отсчет первого часа. Следующая будет через час. Когда мы заметим четвертую — наше время истечет. При этом мы пришли к общему мнению, что после четвертой вспышки мы должны будем немедленно отходить, независимо от того, достигнем цели или нет, и как можно быстрее возвращаться к передовой линии обороны. Второе заклинание прорыва, нашего прорыва домой, в Галану, Пальмирас обещал создать вскоре после четвертой вспышки, поэтому наша задержка или промедление могли обернуться катастрофой.

Пальмирас повторил несколько раз, что лучше всего, если мы сможем увидеть четвертую вспышку у самой линии обороны.

После того как мы во всех деталях обсудили и согласовали предстоящую операцию и подготовились к ней, я сумела выкроить несколько минут, чтобы навестить Эмили. Я обещала ей, что не уйду, не попрощавшись.

При встрече она очень обрадовалась и тут же сообщила, что у нее есть для меня замечательный сюрприз.

— Пообещай мне, тетя Рали, что ты обязательно пойдешь со мной, — возбужденно попросила Эмили, схватила меня за рукав, — скажи, что не откажешься, пожалуйста!

Я настроилась отдохнуть перед предстоящим делом, но Эмили так радостно улыбалась, что я не смогла не согласиться.

Племянница вывела меня из кельи. За нами молча двинулись неотступные тени — две пожилые стражницы, телохранители Эмили. Шрамы на их лицах свидетельствовали о том, что у обеих за плечами немало сражений. Их звали Торпол и Уини. Это были очень высокие, сильные, суровые женщины. Но их глаза начали излучать необыкновенную нежность, когда они смотрели на Эмили.

Дождь на короткое время прекратился, и она стремглав бросилась вперед, радостно шлепая по лужам, наслаждаясь неожиданной свободой. Эмили широко размахивала руками, напоминая большую птицу в своем голубом плаще с капюшоном.

— Она и есть то, за что мы сражаемся, капитан, — сказала Торпол.

— В прежние времена была Орисса, — добавила Уини, — я дала клятву защищать ее, будучи совсем юной. Затем Ориссу у нас предательски отобрали. Так что теперь осталась только Эмили.

— Она имеет в виду, что мы стоим за жизнь последнего Антеро, — вступила в разговор Торпол, — если Эмили погибнет, то Орисса уже не возродится. Так все говорят. И я в это верю.

Я не стала уточнять, что Эмили не была последней из рода Антеро. Если уж на то пошло — здесь была и я: Рали Антеро. Но я не думаю, чтобы кто-либо из обитателей Галаны смог ясно представить себе, кем я являлась на самом деле — привидением или живым человеком. Положа руку на сердце, я должна признать, что и сама этого не знала...

Не знаю и сейчас, когда пишу эти строки.

Эмили провела нас сквозь перелесок, который окружал храм Галаны. По тому, как расслабленно следовали за нами телохранительницы, я сделала вывод, что они не раз ходили с Эмили этим путем. Пахло листвой — тот самый запах, который называют «осенний чай». Когда мы с Эмили вошли в храм, Уини и Торпол остались снаружи у входа, чтобы нас никто не потревожил.

Как только я вступила на каменный пол храма, меня захлестнул поток воспоминаний.

Я прошла мимо знакомого ящичка для пожертвований, расположенного на подставке недалеко от входа, и направилась по священным камням прямо к алтарю, где возвышалась статуя богини Маранонии. Прямо над ней, в потолке, — как и в прежние времена, было расположено витражное окошко. Когда я была здесь в последний раз, сквозь него пробивались лучи яркого летнего солнца. Сейчас же свет был холодным и слабым, поэтому статуя богини казалась какой-то отчужденной.

Те же самые фрески с изображением в исторической последовательности победных сражений Стражи Маранонии украшали стены храма. Среди них я нашла и ту, которая была посвящена моей победе над Архонтом. Когда я последний раз рассматривала эту фреску, она была только-только нарисована. Сейчас же она потускнела, как и все остальные.

Эмили увлекла меня к небольшому бассейну, устроенному на мраморном возвышении вблизи алтаря.

— Прежде всего нам потребуется немного воды, — объяснила она, — особенной воды. Для определенной цели.

Из кармана плаща Эмили достала чашку, которую тут же погрузила в бассейн. В тот момент, когда чашка коснулась поверхности воды, до меня донесся легкий аромат. Эмили подняла чашку, и капли, сверкая, как маленькие алмазы, быстро побежали по ее стенкам и,

чуть-чуть помедлив, начали падать в воду. Соприкасаясь с поверхностью воды в бассейне, эти капли шипели так, как будто бы они были каплями расплавленного металла.

— Он уже был волшебным, — сказала Эмили, показывая на бассейн, — но недостаточно.

Манера говорить Эмили постоянно приводила меня в состояние искреннего восторга и изумления.

Она подняла и показала мне большой и указательный пальцы, раздвинутые на очень незначительное расстояние, как бы стараясь подчеркнуть, сколь ничтожны волшебные свойства воды в бассейне.

— Поэтому мне пришлось немного постараться... ну, вроде как поиграть. И она стала более волшебной. И знаешь что?

— Что?

— Хорошо, что у меня на этот раз получилось то, что я загадала, — задумчиво отвечала Эмили, — потому что теперь выясняется, что мне потребуется очень много волшебной воды.

И мое маленькое сокровище, моя дорогая Эмили широко раскинула руки, чтобы показать, сколько именно заколдованной жидкости ей необходимо.

— В-о-о-т столько! — нараспев произнесла она.

Вслед за этим девочка увела меня за статую Маранонии, а там стояло залитое холодным светом маленькое деревце в цветочном горшке.

Высотой мне по пояс, деревце было сероватого цвета, с шестью-семью изящными веточками, каждая из которых не длиннее моего мизинца. На деревце остался единственный серебристый лист. Непропорционально большой, он выглядел очень изящно благодаря изящным очертаниям и рельефным прожилкам.

— Тетя Рали, ну скажи — разве не прелесть?! — воскликнула Эмили.

Вслед за этим она стремглав подбежала к дереву и опустилась перед ним на колени.

Она начала выливать в цветочный горшок воду из чашки, которую чудом не расплескала по дороге, и нараспев произносить волшебные слова:

Я заглянула в книгу, а в ней
Нарисовано дерево:
Много ветвей, много корней.
Волшебное дерево в книге живет,
В храме богини растет
И... ярко цветет.
Приходи посмотри:
Это дерево — чудо,
Творенье рук Эмили.
Убедишься, что не трудно
Быть свободным, как дух.

Вода заструилась из маленькой чашки. Удивительно, как много жидкости вмещалось в столь маленькой посуде, она лилась и лилась, пока Эмили произносила детскую считалку, забурилась у ствола дерева, перелилась за край горшка и расплескалась на каменном полу храма.

Когда девочка закончила произносить заклинание, она осторожно опустила чашку. Вслед за этим хлопнула в ладоши, воскликнув:

— Эмили — не перечь!

Маленькое дерево замерцало, и серебристый оттенок его единственного листа стал ярче. Я смогла уловить, как в него начала вливаться магическая энергия. Корни впитывали соки, поступающие из Других Миров, и я отчетливо ощутила, как растение начало расти и наливаясь упругой силой.

— Прекрасное дерево было нарисовано в книге дяди Амальрика, — сказала Эмили, —

но я на самом деле не читала эту книгу. Я только недавно начала учиться читать. Но дядя Амальрик часто использует очень трудные слова. Поэтому я попросила, чтобы Пальмирас, Торпол и Уини по очереди читали и объясняли мне сложные места. Так я узнала почти все о приключениях дяди Амальрика и его соратников, когда они путешествовали в поисках Дальних Королевств. Мое любимое место в книге — когда они добрались до волшебного дерева. Деревя с серебряными листьями.

Эмили показала на цветочный горшок с волшебным саженцем и пояснила:

— Вот и я сделала такое же. — Затем ее личико исказилось. Девочка с досадой произнесла: — Но оно почему-то очень маленькое. И не хочет подрастать в этом холоде. Но я все-таки сумела заставить его выпустить лист с помощью волшебной воды.

Эмили слегка потрогала лист, и он шевельнулся под ее пальцами. Казалось, что он стремится спрятаться от чужака, как это делает застигнутый врасплох котенок.

— Может быть, ты используешь мой лист, тетя Рали, чтобы выиграть войну? — спросила Эмили с видом жрицы, размышляющей о судьбах паломников. — Это моя главная цель. Надеюсь, что лист поможет. Я без конца поливаю его, создаю заклинания, чтобы он рос и наливался силой. Я потратила на него немало труда.

Услышав это, я расчувствовалась и чуть было не прослезилась. Подумать только — ребенок беспокоится о таких ужасных вещах. И кропотливо, день за днем выискивает возможности помочь взрослым. Но я не могла понять, каким образом наше положение может спасти лист — пусть даже с самого волшебного в мире дерева.

Я заметила:

— Это замечательно, Эмили. Я горжусь, что ты научилась создавать такие вещи. Не думаю, что Пальмирасу удалось бы так просто материализовать дерево, нарисованное в книге, и тем более вырастить его. Я точно не могу сделать ничего подобного.

— Но оно не из книги, — запротестовала Эмили, — дядя Амальрик подсказал мне идею. После этого я представила лес, в котором растут такие деревья. Но они оказались слишком большими для меня, я не смогла бы и приподнять ни одно из них. Поэтому я взяла одно семечко и вырастила дерево.

То, что рассказала мне Эмили, казалось удивительным. Маленькая девочка научилась с легкостью перемещаться из одного мира в другой. На это обычно были способны только заклинатели с многолетним опытом.

— Лист еще не совсем готов, — пояснила Эмили, — ему нужно немного подрасти. Я думаю, что он отделится от ствола, когда у нас выпадет первый снег. Вот тогда он созреет.

— Почему ты в этом уверена? — спросила я. Эмили пожала плечами и ответила:

— Знаю — и все. И знаешь что? Я уверена, что в этом году снег выпадет в день моего рождения. Именно в этот день лист должен будет отделиться от ствола, и с его помощью можно будет победить эту мерзкую тетку. Разве это не прекрасный подарок к моему дню рождения, тетя Рали?

— Подожди-ка минутку, Эмили, подожди... Твоя любимая тетя Рали немного сбита с толку. Сначала ты показала мне заколдованный бассейн в храме, потом — созданное с помощью заклинаний дерево, а теперь ты предсказываешь погоду. Погоди, дай старому солдату собраться с мыслями.

Я присела рядом с цветочным горшком, в котором Эмили вырастила свое замечательное дерево, и крепко ее обняла. Девочка прильнула ко мне.

Вслед за этим спросила:

— Ну что, ты наконец готова?

— Готова, — ответила я. — Теперь расскажи-ка мне поподробнее насчет твоего снегопада. Это очень важно.

— А что именно ты хотела бы узнать? — спросила Эмили, сплетая пальцы, как это часто делают маленькие девочки.

— Ты действительно можешь точно сказать, когда начнется снегопад?

Девочка нахмурилась и надолго задумалась. Затем тряхнула головой и ответила:

— Нет, не точно. Но знаю, что скоро. Разве ты не чувствуешь? Снег придет оттуда. — Эмили показала в южном направлении. — Пока он далеко, очень далеко.

Затем мы с ней вдвоем перебрались в Другие Миры и двигались до тех пор, пока не попали туда, где свирепствовал колючий мороз.

— Вот мы и добрались, тетя Рали, — услышала я шепот Эмили.

Во рту появился металлический привкус. Услышала, как бешено режут метели. И сказала:

— Давай-ка вернемся домой, Эмили.

Я почувствовала, как она шевельнулась в моих объятиях, и внезапно поняла, что мы с ней снова находимся в храме.

— Благодарю тебя за то, что ты показала мне снег, Эмили, — произнесла я, — не смогла бы отыскать его без твоей помощи.

Девочка пожала плечами. По-видимому, собственные магические способности не казались ей сверхъестественными.

— Не стоит благодарности, тетя Рали, это не составило мне труда.

— Мне показалось, что снежная буря находится не очень далеко, может быть, в нескольких неделях пути отсюда, — как бы размышляя вслух, предположила я.

— Я уже говорила тебе, — сказала Эмили, — первый снег в этом году выпадет как раз в день моего рождения. И вслед за этим я должна стать гораздо сильнее. По крайней мере, так говорила красивая дама. Но я не знаю наверняка. Я еще слишком мала, тетя Рали. Не думаю, что вдруг стану значительно сильнее. Что ты скажешь мне по этому поводу?

— Я не могу ответить тебе на этот вопрос, дорогая Эмили, — сказала я, не покрывив душой, — подождем немного, и все станет ясно.

— Даже если ничего не произойдет и я не стану сильнее, ты все равно сможешь воспользоваться листом с моего волшебного дерева. Точно так же, как пользовались такими листьями Янила и дядя Амальрик. Потому что, как только начнется снегопад, мой лист созреет. Он упадет с дерева, и тогда я сделаю, — тут Эмили немного помедлила, — большое-пребольшое заклинание. И война закончится. И может быть, красивая дама позволит затем вернуться моим маме с папой, чтобы мы жили все вместе.

Я почти непроизвольно взглянула на статую богини Маранонии. Она стояла спиной ко мне. И я подумала: «Как это похоже на тебя! Повернись-ка лицом, о великая богиня. Богиня, которой мы все слепо поклоняемся, как последние дураки. Повернись, черт тебя побери, и ответь ребенку! Попытайся объяснить, почему ее мать и отец не смогут вернуться. Попытайся объяснить, почему вся ее семья была уничтожена. А пока ты будешь обдумывать свои слова, учти, что рядом с Эмили стою и я, — которую твой ответ может и не удовлетворить!»

К счастью, Эмили забеспокоилась, выпорхнула из моих объятий и подбежала к волшебному дереву.

— Я могу вызвать снег и без всякого шторма, тетя Рали, — прямо сейчас, если хочешь.

Я кивнула в знак согласия, и Эмили начала плавно водить растопыренными пальцами вокруг дерева, как бы поглаживая его, и крикнула тоненьким голосом:

— Эмили — не перечь!

Внезапно я увидела, как с ее ладоней начали слетать и плавно опускаться на дерево снежинки.

Девочка громко засмеялась, еще активнее задвигала пальцами, и снежинки весело закружились в воздухе. Некоторые из них опустились прямо на серебряный лист, заставив его вздрогнуть и негромко, но мелодично зазвенеть, как звенят колокольчики конской упряжи в морозный день. Снежинки не таяли, а опускались на пол храма. Я смела их здоровой рукой, они захрустели, как пересохшая скорлупа ореха, и превратились в пыль.

Я начала было сдувать эту «снежную пыль» в сторону смеющейся Эмили, но сразу же остановилась.

— Не могла бы сделать, Эмили, немного побольше этой пыли? — спросила я,

показывая на ее чашку, из которой она поливала свое волшебное дерево, — столько, чтобы ее наполнить?

— Ты собираешься создать заклинание, тетя Рали? — спросила она.

— Да, дорогая, и для этого мне потребуется немного твоей замечательной «Эмили — не перечь» пыли.

Услышав, как я назвала продукт ее творчества, Эмили весело рассмеялась и тут же пошевелила пальцами, приговаривая «Эмили — не перечь». В результате закружилась настоящая метель, и я получила то, чего добивалась.

Немного позже, когда Квотерволс вывел отряд разведчиков из ворот крепости, чтобы направиться в тыл воинства Новари, у меня с собой была полная чашка волшебной пыли и воспоминания о нежном поцелуе Эмили, которая пожелала мне благополучно вернуться.

Ливень сменился очень густым туманом, влажно клубившимся вокруг нас, пока мы с трудом продвигались вперед по грязи, в которую превратилось поле битвы. И туман, и лужи под ногами значительно затрудняли передвижение. По дороге встречались размокшие и разбухшие от многодневного дождя деревянные обломки разбитых боевых машин, колесниц, сломанные древки копий. Каждая такая встреча могла обернуться ловушкой или ранением. Давно покинутые окопы и полузабытые защитные рвы теперь превратились в почти невидимые озера, наполненные жидкой глиной, смешанной с нечистотами, готовые заживо поглотить любого, кто будет недостаточно осторожен. Однажды мы видели плавающие на поверхности одного из таких озер трупы солдат, которые выплыли из земляных могил, на скорую руку засыпанных во время сражения. Во мгле даже почудилось, что костлявые руки со скрюченными пальцами стремятся схватить нас и потянуть на дно.

Квотерволс возглавил наш отряд, то и дело демонстрируя свой непревзойденный талант разведчика, который позволил ему умело провести нас мимо всех опасностей, поджидавших на пути. Должно быть, со стороны мы напоминали гигантскую сороконожку, которая, основательно увязнув в грязи, то и дело отклонялась в разные стороны от основного курса, слепо следуя сигналам, подаваемым Квотерволсом. Довольно часто нам приходилось останавливаться. Генерал подавал знак мне, я Пипу, который, в свою очередь, останавливал Дерлину. И мы почти мгновенно замирали. После того как опасность, о существовании которой, по-видимому, догадывался Квотерволс, исчезала, он еще раз подавал сигнал — теперь уже отбоя — и мы вновь принимались мерно месить грязь.

Таким способом мы двигались вперед в течение довольно длительного времени, после чего нам удалось выбраться на относительно твердую землю, поросшую сильно вытоптанной травой. Я почувствовала, что мои ноги стали значительно тяжелее, и поняла, что теперь мы спускаемся под уклон. Вскоре туман поредел, и я смогла различить укрепление, сооруженное нашими солдатами из наспех спиленных бревен и валунов. За этим укреплением начиналась территория, контролируемая противником.

Нас уже поджидал один из наших патрулей. В его обязанности входили поиск и устранение любых препятствий, которые могли бы возникнуть на пути в тыл врага. Сейчас, когда мы благополучно добрались до рубежа, караул заспешил назад, чтобы сообщить Пальмирасу, что пора приводить в действие часы, отмеряющие последовательность сигнальных вспышек, и начинать первый рейд в стан противника.

После поспешного прощания с патрульными, пожелавшими нам удачи, мы остались без прикрытия — далеко позади была крепость, а впереди, прямо перед нами, уже маячили враги.

Пока мы дожидались сигнала Пальмираса, я осторожно поднялась на укрепление и внимательно осмотрела склон холма с помощью волшебного глаза. Я увидела неяркое мерцание первого слоя защиты, поставленной Новари, и не спеша проверила, нет ли хотя бы небольшой трещины у ее краев. Защита предназначалась как для блокирования любой магической атаки, так и для того, чтобы подавать сигнал тревоги в том случае, если кто-нибудь попытается сквозь нее прорваться. Но в данном случае этой защите приходилось

охранять столь значительную поверхность земли, что я была почти уверена — она не может быть совершенной. Обязательно должны были образоваться маленькие дырочки и углубления, иные из которых могли быть достаточно большими, чтобы позволить нам пробраться во вражеские владения.

Я вскоре обнаружила вероятное место прорыва. Ткнув в него пальцем волшебной руки, я постаралась как можно дольше удержать его, потом осторожно запустила туда магический щупалец. Помня о коварном нраве Новари, я старалась действовать как можно тише, не вызывая возмущения волшебного поля. Я заставила щупалец плавно извиваться и выискивать узлы, прикосновение к которым обычно вызывает сигнал тревоги. Как только я коснулась щупальцем первой натянутой струны магической защиты, сразу почувствовала хорошо знакомое мне покалывание. Поэтому я тут же его отдернула.

Я набралась смелости и сделала еще одну попытку, пытаюсь точно определить расположение волшебной нити, задев за которую вторгающийся обычно обрекал себя на неминуемую гибель. Не трогаясь с места, я снова выпустила волшебный щупалец. Мои нервы были на пределе. И я едва себя сдерживала, когда обнаружила вторую туго натянутую нить вражеской защиты, затем третью, четвертую... паутина, сплетенная колдунами Новари, была настолько густой, что мое астральное тело буквально утонуло в непрерывном жужжании, предупреждающем об опасности. Не имело ровно никакого значения, где я пыталась прощупать надежность вражеской защиты, — я снова и снова натывалась на очередную туго натянутую нить, готовую спустить невидимую, но разящую насмерть стрелу арбалета. Я не обнаружила ни одного зазора, через который мы смогли бы проскользнуть во вражеский тыл. Я была задета за живое и поэтому упорно продолжала поиски, но в конце концов была вынуждена отступить ни с чем и без сил откинулась на спину, чтобы немного собраться с мыслями и отдохнуть. Приведя мысли в порядок, я почувствовала, что ко мне постепенно возвращается привычная отрешенность солдата, отбросившего все страхи и сомнения и готового идти в наступление. Мне стало лучше, и я успокоилась. Теперь пришло время предоставить действовать другим.

И в первую очередь — Пальмирасу.

Сверкнула вспышка, взметнулся сноп горячего волшебного пламени, осветив лощину, по которой мы вышли на исходные позиции, и надолго завис над нами, выстреливая в ночное небо искрами волшебных петард.

Мы все разом вскочили на ноги. Товарищи молча смотрели на меня, ожидая сигнала. Я тряхнула головой и подняла палец, одновременно призывая еще немного помедлить. Я показала пальцем на небо, потом вперед, в сторону врага, подразумевая, что мы начнем бросок, как только Пальмирас осуществит магический прорыв на небе.

Через какое-то мгновение я услышала звук огромного горна, доносящийся откуда-то сверху. Мы все вскинули головы и увидели, как над Галаной сквозь туманное марево пробивается тусклый, размытый свет луны. Вновь раздался трубный призыв, и мне показалось, что луна загорелась ярче. Вдруг вслед за этим в небе показалась широкая огненная дорога, которая рассекала туман и пробила коридор до самых холмов, где располагались войска противника.

Послышался гулкий топот гигантских копыт, грохот доспехов и лязг невидимого оружия. Внезапно на огненную небесную дорогу выскочила волшебная кавалерия во главе с Пальмирасом и, как лава, помчалась на врага. Это были огромные призрачные фигуры, созданные из тумана с помощью магии. Однако броня их доспехов и оружие сверкали, как само Горнило Богов. Воинственные крики, которые издавали атакующие всадники, отдавались эхом от холмов, как Божественный Молот.

Боевой клич Пальмираса перекрывал громкие крики остальных всадников. Заклинатель грозно размахивал огромным мечом и призывал трусливого врага выйти и сразиться с ним в чистом поле, один на один.

Мое сердце радостно дрогнуло. Услышав клич Пальмираса, я подумала, что на свете нет такой силы, которая смогла бы одолеть нас. Но не успела я до конца насладиться

натиском конницы Пальмираса, как услышала резкий звон струны, — магическая лира Новари подавала сигнал тревоги. Вслед за этим полился густой поток звуков, извлекаемых из волшебной сети, натянутой вокруг вражеского укрепления. Внезапно, точно родившись из потока демонической музыки, на небе появилась еще одна призрачная кавалерия, одетая в черную броню с золотым оружием и закованными в латы конями, впереди каждого из которых торчал острый стальной бивень, и со сверкающей эмблемой Птицы Лиры на щитах.

Впереди этой конницы мчался огромный колдун в серебристо-черных доспехах. Развевающиеся волосы напоминали ключья горящей материи, а в глазах неистово бушевало пламя ненависти. Стремительно приближаясь к отряду Пальмираса, колдун закричал громовым голосом:

— За Новари!

И магические воины громко вторили:

— За Новари!

Пип дернул меня за рукав и прошептал на ухо:

— Капитан, похоже, это сам Като.

Вслед за этим две призрачные конницы столкнулись. Кони ревели и храпели, воины неистово размахивали мечами, стараясь разрубить противника в мелкие ключья.

Как только над нашими головами завязалась яростная битва, я стремглав перелетела через укрепление и помчалась вверх по склону ближайшего холма. Остальные старались не отстать от меня ни на шаг.

Я направилась к довольно большому зазору, обнаруженному мной под первым слоем магической защиты. Хотя повсюду находились натянутые струны невидимой охранной сигнализации, я выбрала именно это место и теперь показала остальным, как преодолеть первый опасный рубеж. В двадцати шагах за первым слоем защиты мои магические ощущения подсказали, что мы приближаемся ко второму, напоминающему сеть, сплетенную из заколдованных нитей. Но теперь я совершенно не беспокоилась о том, что мы можем активизировать эту сеть. Пальмирас надежно нас прикрыл. Тем не менее любая прореха, которую мы сделаем во время прорыва, должна быть немедленно залатана. В противном случае образовавшийся зазор будет замечен сразу после того, как окончится атака, предпринятая Пальмирасом. Поэтому я осторожно раздвинула струны магической сети, чтобы образовался проход, позволяющий пройти самому крупному из нас — Дерлине. После того как мы все пробрались сквозь второй эшелон вражеской защиты, я восстановила сеть. Затем посыпала вокруг «Эмили-пыль», чтобы замести мой магический след.

Дерлина возглавила наше восхождение на вершину первого холма. Перед этим мы договорились, что любой противник, который попадется нам, должен быть уничтожен. Дерлина подняла боевой топор, ее скулы угрожающе сжались, своими длинными ногами она пожирала расстояние, отделяющее ее от цели. Я искренне посочувствовала тому смертному, который мог бы встретиться на ее пути.

Незадолго до того, как мы достигли вершины, небесная битва прекратилась. Перестал греметь гром, не сверкали больше молнии. Тишина обрушилась на нас столь неожиданно, что топот моих сапог по склону холма едва меня не испугал.

Но вскоре мы достигли цели и спрятались среди валунов, пытаясь восстановить дыхание и собраться с мыслями. Каждый из нас, как я заметила, украдкой смотрел на небо, восхищаясь, насколько чистым, спокойным оно стало, и сомневаясь, уж не привиделся ли прорыв волшебной конницы Пальмираса.

Постепенно сгущался туман, обеспеченный Пальмирасом, поэтому у меня практически не оставалось времени для того, чтобы как следует изучить окрестности. Видимость быстро ухудшалась. Я успела заметить, что как раз перед нашим «наседом» расстилается унылая череда темных холмов, на склонах которых горит множество костров.

Я не сомневалась в том, что Новари устанавливает свое секретное оружие где-то поблизости. Я достаточно хорошо знала ее, поэтому была почти уверена в правильности своей догадки. К такому логическому умозаключению можно было прийти, вспомнив обо

всех волшебных машинах Галаны. Я знала о пристрастии Новари к такого рода вещам. Она и меня захватила в рабство и бросила в рудники Короноса, чтобы я помогала ей снабжать энергией аналогичное устройство, предназначенное для производства волшебного золота.

Я глядела на мириады огней, усеявших склоны холмов, не зная, с чего начать. Где-то все-таки может быть спрятана секретная машина Новари? Куда в первую очередь следует нам направиться для ее поисков?

Я снова достала чашку Эмили с волшебной пылью и, слегка потряхивая ее, как обычно кондитер потряхивает над булочками ситом с сахарной пудрой, стала насыпать белую пыль на землю, стараясь изобразить змею. Голову я сделала немного шире, чем тело.

Затем я развернула серебряный кусочек волшебного корабля, который помог мне добраться из Короноса до Ориссы. Я поцеловала его, прошептала извинения и воткнула его в голову змеи, чтобы получился глаз.

Я поднесла волшебную золотую руку к голове змеи и произнесла заклинание:

Клык.
С клыка струится яд,
Песня — будто сладкий ад.
Птица Лира запоем,
И твоя душа умрет.
Потому что знаю я:
Птица жалит, как змея.
Свить бы девушке гнездо,
Парню — в деле чтоб везло...
Но с клыка струится яд,
Вслед за песней — прямо в ад!

Змея, которую я сделала из «Эмили-пыль», вдруг слегка пошевелилась, на ее боках стали видны белые чешуйки. Вслед за этим ожил и замерцал серебряный глаз змеи, и я услышала, как вскрикнула Дерлина, когда сверкающая голова змеи внезапно поднялась над землей. Сначала тварь неуверенно раскачивалась в разные стороны, единственный глаз, казалось, непрерывно буравил туманную мглу, а волшебный блестящий язык замелькал в пасти.

Внезапно змея уловила магический запах Новари и мгновенно замерла. Медленно она начала подниматься все выше и выше, не отклоняясь от направления, откуда исходил дразнящий призыв, до тех пор пока почти одна треть ее блестящего тела не оказалась в воздухе.

— Приготовьтесь, — предупредила я остальных.

— Давно, блин, пора! — выпалил Пип.

И так, как будто бы его грубый ответ послужил сигналом к действию, волшебная змея метнулась вперед, промелькнула между ног изумленного Пипа и исчезла за ближайшим валуном.

— Вперед! — прошептала я.

И все мы поспешили вслед за маленьким ночным охотником.

Мне потребовалось всего несколько минут, чтобы восстановить полный контроль над змеей и сделать ее управляемой. Я заставила ее двигаться достаточно медленно, чтобы мы смогли идти быстрым шагом, который позволил бы нам в случае опасности вовремя остановиться и спрятаться до того, как враг нас обнаружит.

В другое время и при иных обстоятельствах это могло показаться совершенно невероятной погоней. Маленькое сверкающее существо время от времени замирало по моей мысленной команде, затем поворачивало и скидывало на меня свою голову; из ее полураскрытой пасти высовывался пульсирующий серебристый язычок, что ясно свидетельствовало о том, что змея недовольна задержкой. Мне даже пришла в голову

сумасшедшая мысль, что в такие моменты эта волшебная змея похожа на Эмили, которой внезапно помешали играть.

Магический запах, который доносился из гнезда Птицы Лиры, свитого где-то в этих холмах, притягивал волшебную змею. Она скользила по извилистым, почти невидимым из-за тумана тропинкам, которые огибали холмы. Чем глубже мы проникали во вражеский стан, тем чаще приходилось прятаться. В таких случаях мы бросались на землю и лежали плашмя до тех пор, пока вражеские солдаты не исчезали во мраке. При этом мысленно мы каждый раз благодарили змейку за ожидание и проклинали на чем свет стоит нехотевших подвернувшихся противников.

Вскоре поднялся ветер, который немного разогнал мглу; и нам стало гораздо проще следовать за призрачным ночным охотником. Однако теперь нас стало легче обнаружить, поэтому мы продвигались вперед еще медленнее.

Наконец мы приблизились к холму, который очертаниями напоминал купол. Его поверхность была перечеркнута примерно посередине двумя глубоко продавленными колеями от множества повозок. У основания холма мы увидели когда-то поставленный на скорую руку и теперь пришедший в полный беспорядок палаточный лагерь. Вблизи палаток и костров виднелись люди. Некоторые из них носили военную форму и были вооружены. Прочие были в грязных рваных рабочих робах, тяжелых сапогах, с молотками, топорами, другими инструментами в руках. Работяги непрерывно стонали, пытались размять суставы и расслабить мускулы, будто бы они только закончили длительную, тяжелую работу. Несколько воловьих упряжек все еще тянули вверх по дороге тяжелые телеги со строительными материалами. Я услышала негромкий стук молотков и скрежет металла о металл, доносившийся с вершины холма.

Теперь волшебная змея продвигалась вперед уверенно. Ее серебряный глаз был неизменно направлен на вершину холма, оттуда доносился шум строительной площадки. Змеиный язык пульсировал еще более активно, казалось, что рептилия впитывает густой магический аромат Новари.

Я снова достала чашку Эмили и протянула ее змее. Она повернула голову, глаз оживленно замерцал, язык еще быстрее запульсировал. Впечатление было такое, как будто бы змея с удивлением спрашивала меня: «И это все? Так просто?» Затем она рухнула на землю и превратилась в белую пыль.

Я собрала пыль в чашку. Завернула серебряный осколок волшебного корабля в шелковую тряпочку и засунула в сапог.

Мы спрятались в канале, снабжающем стройку водой, недалеко от дороги, и в течение довольно длительного времени изучали лагерь и вершину холма, пытаясь выбрать наиболее безопасный путь вверх. Квотерволс и Дерлина осторожно двинулись в разные стороны, чтобы разведать, что нас окружает, а мы с Пипом тем временем терпеливо ждали, голодные и замерзшие.

Они вернулись вместе. По улыбкам и радостным взмахам руками я поняла, что есть утешительные новости. Квотерволс и Дерлина в один голос рассказали, что впереди, с другой стороны холма, есть неглубокое, но извилистое ущелье. Оно тянется почти до самой вершины холма и поэтому должно будет скрывать наше приближение.

В тот момент, когда мы приготовились к подъему, небо над Галаной вновь осветилось. Это была еще одна вспышка. У нас почти не оставалось времени.

Огибая холм, мы старались держаться канала. Ущелье вклинивалось в него, поэтому нам пришлось поначалу переходить канал вброд. Мы старались держаться поближе к берегам этого потока и поэтому остались практически полностью сухими, промолив ноги и слегка забрызгав одежду. Если не считать ободранных коленок и оцарапанных о камни ладоней и костяшек пальцев, наш путь был сопряжен с гораздо меньшими трудностями. Дно ущелья стало плоским, поток превратился в мелкий ручеек. А вскоре и ущелье, и этот ручеек исчезли, и нам пришлось подниматься по скалистым уступам, следуя за Квотерволсом, который непрерывно показывал нам то выбоину, то углубление, чтобы можно было удобно

поставить ногу или ухватиться, поэтому мы поднимались без особых проблем.

Свет и звук обрушились на нас, когда перед нашими взорами открылась вершина холма. Казалось, что свет исходит от тысяч факелов, в ушах зазвенело от шума строительной площадки, где возводилось грандиозное сооружение.

Мы были настолько ошеломлены, что не успели найти подходящего укрытия.

Послышались взволнованные крики солдат. Они заметили нас и подняли тревогу. Тяжелый удар между лопаток едва не заставил меня потерять сознание, в глазах помутилось.

Я начала вслепую хватать воздух волшебной рукой. Мне удалось ухватиться за край чьей-то одежды, но противник вырвался.

Озираясь по сторонам, я увидела, что Квотерволс сжимает в своих железных объятиях солдата в порванной форме.

Раздался громкий треск ломающихся шейных позвонков, и мертвый противник, как куль муки, шлепнулся на землю.

Еще один вражеский солдат возник перед Квотерволсом, но внезапно из-за ближайшего валуна метнулось маленькое облачко. Это был Пип с ножом в руке, напоминавший хищную птицу. Пип прыгнул на солдата, и они покатались кубарем. Сверкнуло острое лезвие, и враг затих.

Вслед за этим я услышала частый топот сапог, быстро повернулась и увидела, как еще один вражеский солдат убегает по направлению к строительной площадке, к свету, туда, откуда доносились звуки работающих инструментов.

Дерлина склонилась, чтобы помочь Пипу подняться, затем не спеша подняла топор. Она чуть-чуть помедлила, потом слегка отклонилась назад — ее боевая стойка свидетельствовала о превосходной выучке — и метнула топор вслед убегающему врагу. Топор вонзился между лопаток вражеского солдата, и он, пролетев по инерции несколько метров, упал в пыль лицом вниз.

Когда все было кончено, мы стояли рядом, тяжело дыша. На этот раз мы победили. К нашему удивлению, никто из занятых на строительстве секретной машины Новари не заметил короткой, но ясной схватки.

Вздохнув с облегчением, мы сбросили тела вражеских солдат в ущелье. Затем неподалеку на земле мы нашли игральные кости и несколько мелких монет. По всей вероятности, эта тройца решила немного расслабиться после трудового дня и «скинуться по маленькой». Похоже, что мы наткнулись на них как раз в тот момент, когда они только-только расположились в удобном месте и намеревались приступить к игре.

Пип бросил кости вслед за неудачливыми игроками в ущелье и произнес:

— Не пожелал бы и своему заклятому врагу так сыграть в кости.

Затем мы начали осторожно подкрадываться к строительной площадке — туда, где светились огни и откуда доносился гул.

В тот момент, когда мы собирались укрыться в тени большой палатки, предназначенной для хранения строительных материалов, над Галаной взметнулась последняя вспышка волшебного пламени.

Мы слишком долго добирались до цели.

Время, отведенное нам Пальмирасом, истекло.

Я посмотрела на своих друзей. Дерлина тряхнула головой.

Ее ответ означал твердое «нет». Квотерволс немного помедлил, затем согласился. Пип взволнованно замахал руками, показывая, что надо быстрее идти вперед.

Поэтому мы не приняли во внимание последнюю вспышку и скользнули вдоль палатки, стараясь все время оставаться в ее тени.

Вскоре на нас снова обрушился свет — струящийся теперь от центра строительной площадки. Там, в окружении строительных лесов, рабочих и охраны, возвышалось секретное оружие Новари. Это была огромная лира, установленная на массивном каменном основании. Металлический корпус, на который вот-вот натянут стальные струны, с двух сторон удерживали деревянные леса. Рабочие суеились на всех уровнях. Они поднимали с

помощью канатных лебедок детали со стоящих снизу повозок, тут же прилаживали их в нужное место, или же подправляли с помощью молотков и других инструментов не совсем подходящие, чтобы использовать затем по назначению. На каждом уровне были устроены маленькие кузницы, где трудилось по паре кузнецов, один из которых непрерывно раздувал мехи, поддерживая огонь в горне, а второй бил кувалдой или молотком.

Присмотревшись, я увидела отверстия в металлической раме гигантской лиры. В них будут закреплены струны, как только все остальное будет готово. Я невольно начала размышлять о том, какую песню собирается исполнить Новари на этом чудовищном инструменте со струнами, напоминающими корабельные канаты. Но более всего меня волновало, как она собирается играть на этой лире.

Мои размышления были нарушены внезапным ударом удаленной молнии, потом долетел звук, который окончательно вернул меня к действительности.

Вдруг я поняла, что знаю ответ.

Я подала знак остальным.

Мы повернулись и поспешили назад, в Галану, по тому пути, которым добирались до логова Новари.

Глава 7. ПЕСНЯ ПТИЦЫ ЛИРЫ

Возвращение было быстрым и прошло без потерь.

Пальмирас провел вторую небесную атаку и еще раз схватился с Като и его ордой колдунов. Пока над головой гремело магическое сражение призрачных конниц, мы спешили домой, в Галану. На пути мы ни разу не встретились с вражескими солдатами. Уже стали видны ворота крепости, когда отвлекающий маневр Пальмираса завершился. Вскоре мы быстрым шагом входили в крепость под нестройный хор приветствий.

Эмили выпорхнула из-за спин Торпол и Уини, вмиг забыв о своей охране, и бросилась в мои объятия, осыпая меня поцелуями и орошая слезами.

— Мне было так страшно, так страшно, тетя Рали, — воскликнула она, не скрывая радости, — я боялась, что злая тетка может поймать тебя. Ведь она уже убила всех моих родных. Всех уничтожила. Больше у меня никого не осталось.

Я погладила ее замечательные темно-рыжие волосы и сказала:

— Ну что ты, что ты... Теперь, дорогая Эмили, все будет хорошо.

Я еще некоторое время утешала ее теми же глупыми словами, которыми почти все взрослые стараются унять плач ребенка. Эмили вцепилась в рукав моей одежды и спросила:

— Но ведь война еще не закончена, скажи, тетя Рали?

— Да, дорогая моя Эмили, — ответила я, — мы еще не покончили с Новари.

Времени для отдыха у нас не было. Торпол и Уини увели Эмили, а я поспешила помыться с дороги и сменить одежду, втайне надеясь, что вода, мыло и чистое платье помогут мне отогнать усталость.

В воду я добавила немного ароматических эссенций, но успокаивающий запах навевал мысли о сатиновых подушках, набитых лебяжьим пухом, и шелковых простынях. Снова вернулись мысли о Салимар, лежащей в ледяной могиле; я представила себе, как ее золотисто-медовые волосы рассыпались по плечам, точно она приглашала меня к любовной игре... Глубоко запрятанная печаль снова начала выплывать из закоулков подсознания. Я вдруг почувствовала панический страх, на какое-то мгновение представив, что никогда больше не притронусь к этим прекрасным волосам... Одна только мысль о таком, хотя и маловероятном, исходе дела заставила горло судорожно сжаться.

Я немного всплакнула. Затем осушила слезы. В моей голове стал созревать план действий.

Мы встретились в самой удаленной, неудобной пещере, в которой жил Квотерволс. Она

была обставлена по-походному — все то, что могло потребоваться генералу по тревоге, находилось на расстоянии вытянутой руки, а все то, что предназначалось для длительного пользования или относительно длительного хранения, размещалось в нескольких больших сундуках, которые генерал поставил в центре пещеры и накрыл походным плащом, превратив их в обеденный стол. Вокруг него на походных стульях расположились мои друзья, на лицах которых в той или иной мере отпечаталась крайняя усталость и истощение.

Пальмирас был бледен от постоянного напряжения нескольких последних часов, но он с честью справился с очень сложной даже для опытного заклинателя задачей. Его желтые глаза профессионального колдуна светились от нескрываемого удовлетворения удачно проведенными атаками призрачной конницы. Дерлина сидела расслабленно, широко раскинув длинные ноги, крепко сжимая в руке рюмку выдержанного коньяка.

Квотерволс помогал Пипу забинтовать легкую рану, которую он получил в единоборстве с неудачливым игроком в кости.

Я с удовольствием взяла рюмку коньяка, предложенную генералом, и опустилась на походный стул рядом с Пальмирасом.

Повернувшись к нему и приподняв бокал, я произнесла тост:

— Думаю, что сам Гэмелен не смог бы осуществить более эффективные прорывы. Думаю, Като был основательно испуган этой неожиданной атакой.

Пальмирас кивнул, не скрывая удовольствия, — думаю, что на сей раз он был этого достоин.

— Като должен до сих пор чесать свой затылок, — сказал Пип, — пытаюсь понять, что бы все это значило.

— Остается только молить богов, — вступил снова Пальмирас, — чтобы Новари пребывала в аналогичном недоумении. — Он пригубил коньяку, потом продолжал: — Мне рассказали о большой лире, которую ты видела. Не могу представить себе, каково ее назначение, но мне совершенно ясно, что нужно уничтожить ее как можно быстрее.

— У нас нет ни малейшего шанса осуществить это, — возразила я, — поэтому выбросьте подобные идеи из головы. Если нескольким из нас удалось подобраться близко к гигантской лире, то это не значит, что то же самое удастся сделать более многочисленному отряду. Эта волшебная лира, судя по всему, очень важна для Новари. Поэтому она будет подготовлена к любым сюрпризам с нашей стороны.

— И поэтому, дорогая моя Антеро, — спросил Пальмирас, — этот инструмент нас совершенно не касается?

— Как раз напротив, — ответила я. — Едва Новари оживит лиру, нам не удастся сдержать ее натиск.

И я рассказала присутствующим о шторме, который настиг меня в бухте Антеро более пятидесяти лет назад. О том, как Птица Лира использовала силу природной стихии, энергию шторма, чтобы сокрушить все более или менее обладавшее магическими способностями. И о том, как она использовала грубую силу короля Белого Медведя и его воинов, чтобы сокрушить все живое.

— Нечто похожее Новари задумала совершить и на сей раз, — закончила я рассказ, — но теперь ее замысел более грандиозен.

Я поделилась своими наблюдениями насчет приближающегося снегопада, который показала мне Эмили.

— Метель обрушится на нас не позже чем через две недели, — предупредила я. — Новари скоро узнает об этом и быстро подготовится к нападению. Этой ночью я видела, как рабочие разгружают из телег струны толщиной с канат. Их натянут на лиру как раз к тому времени, как ударит первый зимний шторм.

Когда подует ураганный ветер, огромная лира Новари зазвучит. А когда буран разыграется в полную силу, Новари метнет в нас свое смертельное заклинание.

Я отчетливо вспомнила те мучения, которые пережила в бухте Антеро по милости Птицы Леры. Не испытывал чего-либо подобного, ни один заклинатель, даже столь опытный,

как Пальмирас, не сможет противостоять такому бешеному натиску. Я догадывалась, что на этот раз нам придется гораздо хуже.

— Вскоре после того, как метель кончится, — продолжала я, — Новари прикажет Като атаковать нас всеми имеющимися у него силами. Като останется только провести операцию по «очистке местности».

— Ставка слишком велика — Новари стремится заполучить Эмили. Заполучить живой и невредимой.

Квотерволс кивнул. Затем произнес:

— В таком случае сам диктатор Като должен будет руководить этой операцией. Солдаты диктатора слишком плохо обучены и недостаточно ему преданы, чтобы доверять им что-нибудь серьезное, кроме упражнений на плацу.

— По всей вероятности, они будут убивать все, что движется, — вступила в разговор Дерлина. Затем добавила: — Черт бы побрал эту Новари! К черту ее долбаную машину! К дьяволу их всех! Давайте ударим первыми! Трахнем до того, как она обретет почву под ногами!

— Именно это я и имела в виду, — сказала я, — но хочу предупредить, что для того, чтобы победить Птицу Лиру, сначала мы должны... проиграть.

Это был сумасшедший план. Поначалу никто не согласился. Сомневаюсь, что абсолютно все присутствовавшие считали этот план единственно возможным. Однако времени на длительные размышления не оставалось. Я была почти уверена, что больше других была недовольна Дерлина. И поэтому в конце концов мне пришлось воспользоваться ее же собственными словами, чтобы ее убедить:

— Ты же сама мне однажды сказала, что ты печенками чувствуешь, что рано или поздно все упрется в вопрос жизни или смерти. «Один смертельный бросок игровых костей» — вот твои слова. — И «нас...ть на богов, которые породили нас»!

В конце концов все было улажено. Мы решили, что нанесем удар всеми силами. Пойдем ва-банк. Пипу было поручено как можно быстрее возвращаться в орисские трущобы. Ему предстояло организовать и возглавить общее восстание бедноты. Начало восстания будет согласовано по времени с началом нашей атаки на силы Като, осадившие Галану. Мы решили, что вложим в наш удар всю силу.

Дерлина недобро оскалилась и прорычала:

— И после всего этого мы позволим этой суке победить?!

— Да, — ответила я, — после всего этого мы позволим этой суке победить. Точно так же, как наперсточники на рынке дают намеченной жертве выиграть несколько первых раундов — «по маленькой». Пока жертва не уверится в том, что имеет смысл рискнуть всем.

Дерлина поморщилась и спросила:

— Насколько ты все-таки уверена в том, что Новари не затевает такую же игру?

Я солгала Дерлине, что абсолютно уверена.

Всем известны те великие дела, которые последовали за нашим решением.

Каждый житель Ориссы помнит отчаянный рейд Пипа, его дерзкий прорыв из Галаны с отрядом Стражи Маранонии, когда они сметали всех, кто осмеливался преградить им дорогу. Пипу и его спутникам потребовалось два дня, чтобы пробиться в Ориссу. Они делали остановки только для того, чтобы сменить лошадей и передать весть о надвигающейся битве.

Не успев появиться в Ориссе, Воровской Король поднял всех своих соратников, и воины трущоб вышли из подземных лабиринтов, чтобы сразиться с хозяевами жизни.

Все теперь хорошо знают, как Квини и ее душители объявили непримиримую войну диктатуре Като, неистово истребляя чиновников и членов правительства Ориссы.

Широко известно и то, как Жемчужина и ее подруги помогали им в их смертельной работе, используя все уловки, открывая самые порочные двери, за которыми прятались те, кто дрожал за свою шкуру.

Натиск воинства Пипа был неистов, яростен и бесстрашен. Часто воины трущоб стремительно атаквали прямо из канализационных люков, из темных глухих аллей — и так же стремительно в них исчезали. А иногда и в прямом бою, стенка на стенку.

Карманники потеряли своих лидеров, когда в схватке на Центральном рынке погибли Палмер и Лэмер.

Гарла, красивый вождь нищих, погиб во время штурма Дворца Заклинателей.

Это только отдельные обитатели подземного мира, отдавшие свою жизнь ради освобождения Ориссы.

А Пип! Он был великолепен! Казалось, он находится одновременно во всех местах, участвует во всех поединках, мгновенно меняет стратегию и тактику борьбы, замещает погибших лидеров восстания.

В конце концов из искр, высеченных Пипом, возгорелось пламя настоящей освободительной войны, которое быстро распространилось на всю территорию Ориссы. Наконец-то поднялись все, кого поработил режим диктатора Като.

Горожане вышли на улицы и почти голыми руками стали нападать на хорошо вооруженных солдат. Это значительно укрепило позиции восставших, тем более что вскоре жители Ориссы вооружились ступицами от колес, булыжниками, ломami, заостренными кольями оград и успешно противостояли регулярным войскам.

Одновременно запылали все окрестности Ориссы. Это присоединились к восстанию крестьяне и фермеры.

Все новые и новые силы оглушали врага яростными атаками, и восстание охватило Ориссу.

Между тем мы продолжали сковывать самые значительные силы Като и Новари у стен осажденной Галаны.

Для подавления восстания силы диктатора сначала должны были взять Галану и уничтожить ее гарнизон.

Снова и снова ворота крепости раскрывались, и мы отчаянно бросались на врага. Мы применяли тактические хитрости, чтобы получить хотя бы незначительное преимущество перед силами Като, численность которых превосходила нашу многократно.

Например, Дерлина начинала атаку, которая могла показаться со стороны самоубийственной. Под ее началом стражницы Маранонии с яростью викингов, находящихся в боевом трансе, так глубоко вклинивались во вражескую территорию, так глубоко увязали в гуще застигнутых врасплох солдат диктатора Като, что путь к отступлению казался намертво отрезанным. И в тот момент, когда все считали, что поражение и гибель неизбежны, с флангов внезапно атаковал Квотерволс. Его отряд, точно брошенное умелой рукой копье, пробивал оборону противника и соединялся с отрядом Дерлины. Затем они быстро отходили, оставляя горы вражеских трупов.

Однако после каждого такого прорыва нас оставалось все меньше... Наконец осталось две трети, не более.

Я не знаю, что в то время печалило меня больше всего. Ежедневные известия о новых жертвах среди защитников Галаны или вид многочисленных трупов вражеских солдат на равнине перед крепостью. Ведь я однажды сказала Пальмирасу, что и те и другие были жителями Ориссы. Именно это обстоятельство более всего терзало меня, когда однажды ночью я сопровождала Дерлину во время очередного отвлекающего маневра в направлении гряды, где достраивалась гигантская лира. Квотерволс заранее притаился на одном из соседних холмов. В наши планы входило ударить туда, где располагалась волшебная машина Новари, втянуть в схватку как можно больше вражеских солдат, потом резко оторваться от противника, сделав широкий конный маневр, соединиться с силами Квотерволса на свободной от врага равнине и совместными силами ударить с фланга.

Я преследовала двоякую цель. Во-первых, я должна была помочь Дерлине и ее отряду пробиться сквозь защитное поле Новари, чтобы приблизиться незамеченными. Во-вторых, я должна была прикрыть Пальмираса с земли, пока он вместе со своими заклинателями будет

осуществлять очередную магическую атаку на Като и его колдунов.

Однако очень скоро выяснилось, что наши планы были построены на песке. Вместо того чтобы взять врага на испуг, мы сами угодили в расставленную им ловушку.

Внезапно на нас обрушился смертоносный дождь стрел. Послышались запоздалые возгласы, предупреждающие об опасности, которые тут же утонули в криках боли. Я почувствовала сильный удар по бедру, как будто бы в него вонзилась раскаленная игла. Я вскрикнула от боли, рука инстинктивно дернулась, чтобы достать эту иглу. Моя окровавленная рука скользнула по рваной ране: наконечник задевшей меня стрелы довольно глубоко распорол ногу. Со всех сторон на нас бросились вражеские солдаты, внезапно появившиеся из темноты. Они нападали с дикими воплями, как дикари Мэгона.

Дерлина отрывисто отдала команду, и мы ударили в центр нападавших. Это был единственно возможный способ прорвать засаду. Впереди, на холмах, призывно маячили костры Квотерволса.

Все, что последовало за этим, было почти точным воспроизведением сцены, которую я увидела по дороге в Галану, когда изображала рыночную ведьму. Тогда, в очень ярком и убедительном видении, мне было показано, что моя судьба трагически пересекается с судьбой деревенского парня по имени Нэт. Юный Нэт предал меня и Пипа, но это предательство вовсе не обязательно должно было повлечь за собой его гибель. Он был так юн, а его бедная мать так дрожала над ним!

Но печальную судьбу Нэта разделили в ту ночь многие парни, которые встретились на моем пути.

Рваная рана, оставленная вражеской стрелой, хотя и была неопасной, но причиняла жгучую боль. Преодолевая ее, я рассмотрела плотную шеренгу копьеносцев, которая стремительно приближалась. Вокруг меня непрерывно слышались стоны умирающих солдат. Меня пытались окружить, и я, забыв о ране, начала неистово рубить и колоть нападавших. Меня то и дело старались схватить и стянуть с лошади. Из темноты выпрыгивали лица. Я взмахивала мечом, и вражеские головы катились на землю.

Но каждый раз, нанося смертельный удар, я чуть-чуть медлила, потому что мне казалось, будто передо мной лицо юного Нэта и именно его голова покатится с плеч в следующее мгновение. Несколько раз я чудом избежала смерти.

Опомнившись, я пришпорила старую боевую лошадь, она радостно заржала и стрелой метнулась прямо в центр шеренги копьеносцев. Шеренга дрогнула и сломалась.

Почувствовав вкус свободы, я не сдержала крика радости, и моя лошадь помчалась еще быстрее.

Вот тогда и наступил тот момент, которого я больше всего боялась.

Внезапно передо мной возникла фигура молодого солдата, который пытался проткнуть меня копьем. Мне показалось, что изображение врага застыло во времени и пространстве, поэтому я смогла отчетливо рассмотреть его лицо. Он был высок и болезненно тонок, его доспехи болтались на нем.

Это был Нэт. У него уже отросли небольшие усы. На меня смотрели почти безумные, побелевшие от страха глаза. Я ясно услышала, как он клянет на чем свет стоит свою мать.

Вслед за этим произошел как будто пространственно-временной сдвиг, и я закричала Нэту, чтобы он убирался с дороги. Но Нэт продолжал двигаться вперед — его копье неумолимо было нацелено прямо мне в сердце. Выбора не оставалось — один из нас должен был погибнуть. Так распорядилась судьба.

Я не сдавалась и предприняла последнюю попытку изменить ход событий, повернув свою лошадь. Но она уже прыгнула. Лошадь неумолимо несла меня на копье Нэта.

Почти инстинктивным движением я взметнула меч, чтобы сразить врага. Но в последнее мгновение я сумела почти невероятным усилием воли повернуть оружие, ударив Нэта плащом по голове.

Удар был так силен, что Нэт замертво рухнул на землю.

А я помчалась дальше — на тот холм, где ждал Квотерволс.

Дерлина оказалась свидетельницей происшедшего. Позже она сказала мне, что я была дурой и могла ни за грош расстаться с жизнью. А после того, как я поделилась с ней воспоминаниями о видении, она презрительно усмехнулась и изрекла, что у юного Нэта нет никаких шансов выжить, даже если я его не прикончила. В этом случае я только отсрочила то, что так или иначе должно произойти по воле судьбы. Нэт все равно погибнет, если только не догадается вовремя дезертировать, чтобы опять прилепиться к мамочкиной юбке.

Дерлина была права.

Тем не менее я почувствовала, что ночью буду спать немного спокойнее.

Дело в том, что на войне необходимо научиться в полной мере ценить значение даже микроскопических нравственных побед.

В противном случае постепенно, капля за каплей, теряется человеческая сущность.

Несмотря на все наши усилия и жертвы, понесенные за время восстания, вскоре всем стало ясно, что запас почти ничем не подкрепленного энтузиазма приближается к концу. Новари полностью сохранила свое могущество. Силы диктатора Като медленно, но верно перемалывали наши относительно малочисленные силы. Близилось время, когда враги используют надвигающийся снежный фронт, чтобы покончить с нами.

Однако не все было потеряно. Если уж на то пошло, у меня имелись собственные планы, связанные со штормом.

Когда в последний раз мы с Эмили побывали в храме, мороз разрисовал землю узорами, воздух стал по-зимнему прохладен, и я смогла различить негромкие звуки, которые ветер извлекает из струн гигантской лиры, сооруженной врагами на вершине одного из холмов. На Эмили был голубой плащ с поднятым капюшоном. Пришло время защищаться от холода.

Когда мы приблизились к храму, нас уже поджидали: Дерлина, Пальмирас, Квотерволс, десять-двенадцать старших офицеров, сержантов, заклинатели.

Наступивший в этот момент закат был мрачен. Вся восточная сторона неба горела зловещим заревом. Низко над горизонтом, почти у основания окрашенного в кроваво-красный, фиолетовый и желтый цвета купола, клубились, бурлили, неистово перемешивались, вспучивались огромные черные штормовые тучи. Никому из собравшихся не требовалось прибегать к помощи магии, чтобы догадаться, что эта метель обрушится на нас со всей своей ураганной яростью к концу дня.

Каждый из присутствующих четко представлял себе, что ему предстоит сделать, поэтому вскоре в Галане все пришло в движение, готовясь к решающей битве.

Нам предстояло ударить первыми, незадолго до того, как начнется шторм.

Маленькая группа, собравшаяся в храме Маранонии, намеревалась в последний раз попросить у нее благосклонности и помощи.

Эмили стояла рядом, крепко сжимая мою руку, пока Пальмирас совершал жертвоприношение. Она вздрогнула и отвернулась, когда заклинатель зарезал ягненка.

Пальмирас внес окровавленный нож в священное пламя, после чего приблизился к статуе Маранонии. Затем вскинул руки и обратился к богине от имени собравшихся в храме.

— О великая Маранония, — произнес Главный Заклинатель. — Мы стоим перед тобой, послушные твои чада, смиренно ожидая, что ты будешь ласкова с нами, как мать с любимыми детьми.

Голос Пальмираса звучал настолько проникновенно, так был полон искренних, глубоких чувств, что все присутствовавшие едва не прослезились.

Он продолжал:

— Ориссу уже готовы столкнуть в бездонную пропасть. Нашей родине грозят разрушение и гибель. О прекрасная Богиня! Пропать, на краю которой мы оказались, грозит полной катастрофой. Без твоего божественного вмешательства мы наверняка рухнем в бездну, и ничто не спасет нас. И некому будет в Ориссе, а может быть, и во всем остальном мире восхищаться твоей божественной сущностью. Твой волшебный свет более не польется

над нами, не укажет нам верный путь. Новари, Птица Лира, уничтожит нас. Всех до единого. Она представляет собой самую серьезную опасность, которая когда-либо угрожала нам.

Дай же нам силы, о Возлюбленная Богиня! Наполни наши сердца хотя бы маленькой долей той храбрости, которой ты обладаешь, придай нашим ослабевшим телам силы, а душам — волю к победе.

Благослови нас, о Великая Богиня! Будь милостивой!

Никто из нас не ожидал, что вслед за молитвой Пальмираса может произойти чудо. Едва ли молитва может изменить твою судьбу. Если нам удастся одолеть врага, то благоговение перед Маранонией станет более трепетным. Если же мы проиграем, то оставшиеся в живых и все так же почитающие ее священники найдут немало аргументов в пользу и этой доктрины, не только оправдывающей существование Маранонии, но и ограждающей от нападков ее святость и величие.

Несмотря на скептическое отношение к богине и к ее культу, я была увлечена словами Пальмираса, доверительным, мягким тоном его голоса и неожиданно для себя вдруг обнаружила, что чего-то жду. По всей вероятности — того, что внезапно сквозь окно в потолке храма заструится поток яркого божественного света и статуя оживет. И восхитительная, великолепная, бесподобная Маранония поднимет факел, взмахнет мечом и сметет наших врагов с лица земли ураганным ветром раз и навсегда.

Внезапно я обнаружила, что стою, до боли сжав зубы и с горечью думая: «А часто ли ты откликалась на мольбы, богиня?»

Затем я услышала, как Эмили прошептала:

— Тетя Рали, она не придет.

Все. Пришла пора покинуть храм. Наше время истекло.

И почти сразу я услышала, как за стенами усиливается ветер, которому вторит пока еще слабая мелодия зловещей лиры.

Квотерволс сказал, что самое время начинать. Наступила минута прощания. Первым я обняла Пальмираса, пожелав ему удачного колдовства в предстоящей битве. Ощувив запах, отличающий заклинателя от простого смертного, я вспомнила своего учителя Гэмелена и едва смогла сдержать слезы.

Вторым был Квотерволс, который чисто по-солдатски хлопнул меня по спине и попросил не беспокоиться. При этом добавил, что очень скоро мы снова встретимся — в аду. По-видимому, он шутил...

Когда ко мне приблизилась Дерлина, я приготовилась к ее медвежьему объятию, способному переломать ребра, но огромная женщина-воин на сей раз была исключительно нежной. Она поцеловала меня в щеку и прошептала:

— Вспоминай меня, как вспоминаешь Полилло. И, быстро отвернувшись, ушла.

Вслед за этим мимо меня прошли все остальные, пожимая мне руку, обнимая или коротко, по-военному отдавая честь.

Наконец мы остались вчетвером: Эмили, я и два пожилых сержанта, которые ее охраняли — Торпол и Уини. Женщины быстро отерли слезы и взяли мечи на изготовку.

— Вы знаете, что надо делать, — сказала я, — мы много раз тренировались.

— Мы не заставим вас волноваться, капитан, — ответила Торпол.

Уини кивнула в знак согласия. Ее скулы сжались. Она произнесла:

— Обязанности усвоены твердо, капитан.

— Тогда подождите здесь, побудьте немного с Эмили, я скоро вернусь.

Я быстро вышла и остановилась на наветренной стороне храма. Повернувшись лицом навстречу ледяному шторму, я постаралась собрать воедино свою волю. Похолодало настолько, что броня доспехов холодила кожу. На небе неистово клубились черные грозовые тучи, готовые в любой момент разразиться снегопадом. Мелодия, издаваемая огромной лирой, построенной Новари, все еще была еле слышимой, но теперь я смогла более отчетливо различать отдельные звуки. Казалось, что усилившийся ветер не трогает, а уже слегка дергает за струны.

Вскоре Птица Лира должна была запеть свою дьявольскую песню.

Я быстро вошла в Другие Миры, пытаюсь проникнуть как можно глубже. Отыскав кромку защиты, поставленной Новари, я скользнула в нее и вскоре обнаружила небольшой разрыв магического поля. Прислушавшись, я поняла, что где-то глубоко внутри защиты маленький демон — посланная мной обезьяна — неустанно продолжает грызть и распутывать ее узлы.

Чит-а-чит. Чит-а-чит.
Счет идет. Счет идет.

Мой демон медленно, но верно уничтожал один слой защиты за другим, с маниакальной последовательностью распутывая все узлы.

Чит-а-чит. Чит-а-чит.
Счет идет. Счет идет.

В обнаруженный разрыв я запустила волшебный щупалец. Прореха оказалась гораздо больше, чем поначалу показалось. Мое сердце радостно забилося, когда, беспрепятственно проникая все глубже, я добралась наконец до обезьяны. Зверек обрадовался, увидев меня, принялся возбужденно подпрыгивать и истерически повизгивать. Я постаралась успокоить ее, возобновив мое обещание проследить за тем, чтобы ей не причинили никакого вреда. Затем я более внимательно осмотрела результаты проделанной работы.

Мое сердце бешено заколотилось, когда я поняла, что в действительности удалось совершить моему маленькому демону, как близко он к завершению начатого. Многослойная магическая защита, поставленная Новари, была пройдена насквозь, моя обезьяна прогрызла и процарапала ее, долго и упорно работая в одном направлении. Поэтому я смогла почувствовать слабый, но хорошо мне знакомый жужжащий звук, отличающий биополе Новари.

Внезапный удар штормового ветра и музыка, извлекаемая им из струн гигантской лиры, которая обжигала душу, заставили меня отпрянуть.

В это же мгновение небеса разверзлись, и Пальмирас вновь бросил волшебную кавалерию навстречу врагу. Я услышала воинственный клич, вслед за которым последовал не менее громкий решительный ответ Като.

А на земле, за лесом разворачивалась битва простых смертных. Ворота крепости распахнулись, и Квотерволс с Дерлиной начали атаку.

На землю стали опускаться первые снежинки, и я быстро подставила ледяному ветру плащ, расправив его на вытянутых руках, пока он не покрылся толстым слоем снега. Надев его и повернувшись спиной к полю брани, я вновь поспешила в храм.

Там я нашла Эмили. Она присела около своего любимого дерева, на котором рос один серебряный лист. Теперь он едва держался и непрерывно дрожал, как будто бы предчувствуя надвигающийся лютый холод.

— Он почти созрел, тетя Рали, — произнесла Эмили слегка дрожащим голосом.

Ее глаза были широко раскрыты, и в них отчетливо читался страх. Но еще я увидела в них отчаянную храбрость Антеро, которые всегда боролись со страхом. Я присела рядом с Эмили, откинула назад капюшон голубого плаща, поцеловала ее и погладила непокорные кудри, чтобы немного подбодрить и тем самым помочь одержать ей победу в борьбе.

После того как она успокоилась, я сказала:

— Эмили, дорогая, сделай так, чтобы пошел снег.

Девочка вздохнула и поднялась. Она встала около волшебного дерева и, как прежде, взмахнула руками и одновременно пошевелила растопыренными пальцами. И снова с ее ладоней стали слетать снежинки, которые медленно кружились в воздухе и опускались на серебристый лист, превращаясь на его поверхности в блестящую волшебную пыль.

Я старательно собирала «Эмили-пыль» в каменную чашку, которую припасла заранее,

и смешивала ее с хлопьями первого снега, вызванного ледяным штормом Новари.

— Думаю, этого будет достаточно, — сказала я через несколько минут.

Я поставила чашку на каменный пол, пригласила Эмили подойти ближе и обняла ее. На несколько мгновений мы замерли. Каждая думала о чем-то своем, глубоко личном.

— Надеюсь, что Дерлина сделает все как надо, — произнесла крошка, когда пауза закончилась. И затем добавила, как будто бы не хотела обидеть отсутствующих друзей: — И Пальмирас и Квотерволс тоже. — Повела рукой, как бы показывая на всех тех, кто защищал Галану, со словами: — И что у всех все будет хорошо.

— Так и будет, дорогая Эмили. С твоей помощью.

— Я очень рада, тетя Рали, что ты не считаешь меня слишком маленькой.

— Конечно же, ты не маленькая, — подтвердила я, — уверена, что ты уже достаточно взрослая девочка, чтобы все сделать правильно.

Ласковый котенок радостно поежился в моих объятиях. И тут же попытался сделать яростный выпад против обидчицы:

— Я покажу этой... этой... этой Новари! Вот только подожди немного!

— Без сомнения, ты покажешь, радость моя, — заверила я.

В течение некоторого времени Эмили молчала. Я смогла вновь услышать зловещую музыку, которая звучала теперь гораздо громче. Но она все-таки не смогла заглушить звуков сражения.

Вскоре наши силы должны будут изобразить, что атака захлебнулась, и начать отступать в кажущемся беспорядке. Новари и Като, стгорая от нетерпения поскорее расправиться с нами, поспешат, не дожидаясь шторма, воспользоваться нашей воображаемой слабостью. И ударят всеми силами. Войска «в панике» побегут. Квотерволс и Дерлина будут пытаться остановить их, но в конце концов и им, и всем заклинателям тоже придется покинуть поле боя.

Оставив нас с Эмили в храме.

— Как ты думаешь, тетя Рали, — спросила вдруг племянница, — смогу ли я стать таким же хорошим воином, как и ты, когда вырасту?

— Ты превзойдешь меня, — улыбнувшись, ответила я.

— И я буду такой же красивой?

Я слегка погладила ее, думая при этом: «Боги, подарите ей лучшую судьбу!». А вслух произнесла:

— Даже еще красивее.

Эмили повернулась, чтобы еще раз посмотреть на свой волшебный лист.

— Уже почти наступил мой день рождения, — объявила она, показывая на лист. Потом продолжала: — Как только он упадет, мне исполнится семь лет. — Она посчитала по пальцам: — Один, два, три, четыре, пять, шесть... и семь.

Потом подняла их, как бы подтверждая полученный результат, и сказала:

— Тогда я стану на самом деле сильной!

Эмили с серьезным видом приподняла свою маленькую руку и сделала вид, что напрягает мускулы. Вслед за этим ее плечи опустились.

— Но не такой сильной, как Новари, — сокрушенно произнесла она.

— На ее стороне значительный перевес в численности войск и заклинателей, — постаралась утешить я Эмили, — ты же знаешь, это неравный бой.

— Но я все равно буду становиться все сильнее и сильнее, не правда ли, тетя Рали?

— Через каждые семь зим, — ответила я, — ты помнишь, как мы с тобой это выяснили? Когда мы бросили кости судьбы, которые я взяла у нашего Главного Заклинателя, у Пальмираса.

Эмили кивнула и сказала:

— Я уверена, что так и будет. В каждый седьмой день рождения я буду переходить на новый, более высокий уровень. И каждый раз буду становиться все сильнее и сильнее. До тех пор, пока не стану настолько могущественной, что смогу вызвать молнию, которая оторвет

Новари пальцы ног. — Девочка хлопнула в ладоши и произнесла: — Эмили говорит — покончить с Новари!

— И с Новари будет покончено, — сказала я. Эмили рассмеялась:

— И она брякнется на землю.

И теперь мы уже обе рассмеялись.

Вдруг мы услышали звук, отдаленно напоминающий звон маленького серебряного колокольчика. Мы быстро обернулись и увидели, что волшебный лист оторвался и опускается на пол.

Я подхватила его золотой рукой и поднесла к самым глазам Эмили.

— Поздравляю тебя, Эмили, теперь уже все по-настоящему. Тебе исполнилось семь.

Ее глаза наполнились откровенным детским изумлением. Малышка протянула руку и дрожащими пальцами осторожно взяла волшебный лист. В то мгновение, когда она прикоснулась к поверхности листа, я почувствовала, как из Других Миров ударил Импульс магической энергии.

Эмили вскрикнула:

— Мне больно, тетя Рали! Хватит!

Она задрожала всем телом, и я обняла ее еще крепче. Божественный огонь тек по ее венам и начинал вливаться в меня. Огненная магическая сила и боль, которую испытывала девочка, стали почти неразличимы. Нам обеим было больно. Стремясь облегчить положение Эмили, я приняла удар на себя и постаралась поглотить как можно больше избыточной энергии. Но это была все-таки сила Эмили. И ее боль. Поэтому она должна была страдать, чтобы стать по-настоящему сильной.

Когда этот неприятный момент прошел, крошка ослабла в моих объятиях и тихо заплакала.

— Все кончилось, тетя Рали? — спросила она сквозь слезы, — неужели все кончилось?

— Да, почти.

Я вытерла слезы и повернула в ту сторону, где стояла каменная чаша с «Эмили-пыль», которая теперь плавала в воде, образовавшейся от растаявшего снега.

Отголоски сражения доносились теперь уже почти от входа в храм. Двери храма были закрыты на засов.

— Они приближаются, капитан, — донесся голос Уини. Эмили последний раз всхлипнула и выпрямилась, стараясь держаться как можно солиднее.

— Теперь я это сделаю, — объявила она.

Она погрузила лист в чашу, начала размешивать «Эмили-пыль» и произнесла волшебные слова:

Что мало — то мало,
А большое — большим и пребудет.
Только свинье все равно,
И — Новари не забудет.
Старается дождь,
Но солнце никак не намочит.
Эмили с тобой,
Не робей, мой волшебный листочек.

Жидкость в каменной чаше, которая только что была простой талой водой, смешанной с «Эмили-пыль», превратилась в густой серебристый расплав, напоминающий ртуть.

С помощью волшебного листа Эмили зачерпнула немного этого расплава и начала понемногу его разбрызгивать, произнося при этом заклинание:

Восток — это солнца подъем, Запад — владение ночи. Мир встает вверх дном, Если Эмили захочет.

Вслед за этим Эмили вытянулась как можно выше, широко раскинула руки,

совершенно бессознательно, но очень точно подражая Пальмирасу, и крикнула:

— Эмили приказывает... остановись!

Мгновенно за стенами храма стих ветер и смолкла музыка. Сразу стало очень хорошо слышно, как кричат наши солдаты, изображая паническое отступление.

Вслед за этим послышались гулкие удары в двери храма. И властный голос произнес:

— Дорогу диктатору Като!

Эмили спокойно отдала мне серебряный лист, на поверхности которого теперь матово блестел плотный спекшийся слой «Эмили-пыль». Я свернула его в трубочку, вовнутрь поместила серебряный осколок корабля, на котором когда-то вырвалась из плена. Затем быстро вернула лист Эмили. Она бережно спрятала драгоценную трубочку во внутреннем кармане плаща.

Я ее поцеловала. Мы коротко обнялись.

Снова послышалось грозное требование:

— Выдайте ребенка, пока не поздно!

Я отошла немного назад. Торпол и Уини подбежали и встали с двух сторон от Эмили.

— До свидания, тетя Рали.

— До свидания, Эмили, — как эхо отозвалась я. Вслед за этим девочка хлопнула в ладоши.

Раздался звук, напоминающий удар грома во время сильной летней грозы. Голос Эмили зазвучал как грозный глас рассерженного великана. Она крикнула:

— Эмили приказывает — начнись!

И шторм, о котором мечтала Новари, подавленный могучей волей Эмили, со всего маху обрушил свой ледяной кулак прямо на Галану.

В одно мгновение в реве бушующего урагана исчезли все звуки. Все чувства стали казаться приглушенными и придавленными неимоверной тяжестью. Я ощутила, как, закружив бешеный эфирный вихрь, меня обжигает злая магия Новари.

Эмили и ее верных стражниц накрыло туманное, зыбкое марево, из-за которого их фигуры стали казаться расплывчатыми. Видимость быстро ухудшалась. Племянница протянула ко мне руки. Я увидела, что ее губы шевелятся, но слов разобрать уже было нельзя.

Вслед за этим изображение начало стремительно исчезать.

Я быстро протянула указательный палец волшебной руки в сторону призрачных фигур. Эмили и обе стражницы исчезли. Откуда-то издалека до меня донесся зовущий голос Новари:

— Эмили... Эмили. Где же ты, Эмили?

И совсем рядом со мной раздался голос, который отвечал:

— Я здесь, Новари.

Голос Новари медленно приближался на волнах чудесной мелодии, исполняемой на лире...

— Эмили... Эмили...

И я услышала, как зовет умоляющий голос ребенка:

— Я здесь, Новари. Пожалуйста. Мне страшно!

Вслед за этим воздух передо мной сгустился, и я ощутила знакомый аромат.

Голос Новари зазвучал прямо мне на ухо:

— Так вот ты где, моя прелесть! Пойдем со мной. Новари спасет тебя.

Внезапно стены храма растворились, и вихрь поднял меня и понес все выше и выше. Меня кружило, швыряло и бросало в неистовом штормовом ветре, как какое-то мелкое насекомое, каким-то чудом прилепившееся к спасательной веточке. Я сталкивалась с облаками, проваливалась в воздушные ямы, пока наконец шквал не подхватил меня и не забросил далеко-далеко вниз по течению магической реки Новари.

Неожиданно ветер стих, и я начала падать с огромной высоты. Земля медленно, но неумолимо приближалась.

Вслед за этим я услышала радостный клич этого хищного существа, похожий на крик ястреба, поймавшего добычу, и на меня обрушилась Птица Лира. Она схватила меня когтями и, взмахивая мощными крыльями, зависла в воздухе. После очередного взмаха крыльев я обнаружила, что стою в саду на вилле Амальрика.

Светило яркое солнце, вокруг меня было много цветов, вблизи могилы моей матери тихо журчал ручеек.

Из тени деревьев вышла прекрасная женщина. На ней была сверкающая безупречной белизной туника горожанки с длинными развевающимися рукавами и подолом, который мерно вздымался в такт ее шагам, точно легкое облачко тумана, дрейфующее в слабом ветре.

Женщина приблизилась ко мне. Она показалась мне чрезвычайно высокой.

— Здравствуй, дорогая Эмили, — произнесла Новари сладким голосом, в котором слышалась чистая трель горного ручейка

— Здравствуйте, — сказала я в ответ очень тонким голосом. И протянула Новари руку, которая показалась мне очень маленькой. Соответствующей моему детскому голосу. Затем я позволила этому голосу задрожать: — Вы ведь не причините мне боли?

— Конечно же, нет, дорогая Эмили, — ответила Новари, слегка сжимая мою руку, — у меня никогда и в мыслях не было обидеть такую симпатичную девочку, как ты.

— Правда? — спросила я. На мои глаза навернулись слезы. — Вы клянетесь?

— Мне нет нужды приносить клятву, Эмили, радость моя, — уверяла меня Птица Лира, — я Новари, Птица Лира. И первое, что тебе следует узнать обо мне, это то, что... я всегда говорю правду.

Глава 8. МЕСТЬ ЭМИЛИ

Новари склонилась надо мной. Сладкая улыбка играла у нее на прекрасном лице.

Внешне я была Эмили, нежной, как полевой цветок. У меня были глаза семилетней девочки. Молочные зубы, напоминающие по цвету жемчужины. Но на самом деле я была Рали Антеро. С искусственной, хотя и волшебной, рукой, с единственным живым глазом и сожженной дотла душой.

Однако Птица Лира видела только Эмили и обращалась именно к ней, когда говорила:

— Я так долго ждала часа, дорогая, когда смогу наконец с тобой встретиться.

Она непроизвольно красовалась передо мной. Белоснежная туника ослепительно сверкала на солнце. Прическу Новари украшал веночек из маргариток. Браслеты с драгоценными камнями, выполненные древними мастерами, сверкали на запястьях. Кожа издавала необыкновенный аромат, напоминающий запах спелого лимона.

Но я хорошо помнила, как обольстительна Новари, как умело пользуется она своим порочным искусством. Я увидела, как Птица Лира демонстрирует мне пышные формы. Легкий ветер перебирал складки ее платья, ласкал тело и подчеркивал его естественную красоту.

Я помнила также и ее изощренность в магическом соблазнении. До сих пор я ощущала ее теплые руки и горячие губы, которые однажды заставили меня трепетать. Тогда я затаилась и долго выжидала, чтобы в удобный момент убить Новари. Но во владениях Мэгона эта попытка не удалась.

И вот я снова встретилась с Новари.

И вновь затаилась.

Я огляделась с чисто детским любопытством. Казалось, только что меня кружила метель, но здесь, на вилле моего брата, где я родилась, магия Новари оградила нас от буйства стихии.

В саду было по-весеннему тепло. Под приветливым солнцем кивали разноцветными головками цветы. Насекомые жадно собирали нектар, не спеша перелетая от одного растения к другому. Среди деревьев порхали, радостно щебеча, птицы.

Я увидела, как старый серый кот притаился в тени куста черной смородины и ждал удобного момента, чтобы стремительно броситься на жертву. У кота был один глаз. Как и у меня, Рали Антеро.

Наконец Новари произнесла:

— Ну вот, Эмили. Теперь расскажи мне, что тебя тревожит.

Я опустила голову и постаралась поплотнее закутаться в голубой плащ, накрыв голову капюшоном, как будто бы внезапно почувствовала холод, и спросила:

— Я была очень плохой девочкой?

Новари положила руку на крутое бедро и укоризненно посмотрела на меня. Затем сказала:

— Ну что ж. Ты действительно помешала мне направить метель куда следует.

— Я сделала так, чтобы она никуда не поворачивала, — пропищала я, пытаюсь отстоять свою точку зрения.

— Но на самом деле, моя дорогая Эмили, — настаивала Новари, — ты все испортила.

Она махнула рукой в сторону Галаны.

— Потому что из-за тебя метель кончилась слишком рано. Она продолжалась всего пару часов, вместо того чтобы бушевать в течение нескольких дней. Мне бы очень хотелось, чтобы этого не было, Эмили. Но ты вмешалась. Это просто отвратительно.

— Но ведь умирали люди, — возразила я, — именно по этой причине я и вмешалась.

— Но я все-таки думаю, что все это можно понять и простить, — произнесла Новари, сменив гнев на милость, — у тебя настолько деликатная натура. Мне с самого начала нужно было сделать скидку на это. Учесть при составлении заклинаний. А что... эти люди... были твоими друзьями?

— Так они все умерли? — спросила я дрожащим голосом и заставила задрожать свою нижнюю губу.

— Нет, моя радость, — ответила Новари, — они все... не мертвы. Твои друзья живы. Но я не могу дать никаких прогнозов насчет их будущего. Мои войска сейчас успешно преследуют их.

— Почему вы не разрешите им всем просто уйти? Я бы попросила их больше не быть плохими.

— О, дорогая Эмили! Это не так просто сделать, — ответила Новари. — Мне бы очень хотелось сделать тебе приятное, но я не могу. Не в состоянии, даже если бы и очень захотела. В особенности теперь, после того как они сбежали, убив директора Като. Бедняга!

С нескрываемым детским изумлением я вытаращила глаза и спросила дрожащим голосом:

— Като убит? Как?

Новари пожала плечами. И ответила:

— Я думаю, один из твоих друзей отрубил ему голову. Топором. Мне рассказали, что это была очень большая женщина.

Я с усилием подавила произвольную улыбку.

— Однако это не имеет для меня значения, — продолжала Новари, — Като не был моим другом. Мысли у него текли совсем в другом направлении. Видишь ли, мужчины начинают думать обо всем сразу. И их намерения вступить в дружбу с женщиной всегда оборачиваются стремлением быть поближе к ее чреслам. Но Като был полезен, этого у него не отнять. Он был диктатором Ориссы. Несмотря на то что всегда имелось достаточно кандидатов, чтобы занять его место, я не могу позволить, чтобы бедный Като остался неотомщенным. — Вдруг Новари улыбнулась, явно довольная пришедшей ей в голову мыслью, и сказала: — Однако вот что я должна тебе сказать.

— Что? — спросила я, изображая детское нетерпение.

— Обещаю тебе, что, когда мои люди поймают твоих друзей, я не допущу, чтобы над ними издевались и тем более — пытали. Они все умрут быстро. И безболезненно. Это я умею. — Новари радостно всплеснула руками, как будто бы только что сделала мне

исключительно щедрый подарок. — Ты поняла? — спросила она, пристально вглядываясь в мои глаза. — Разве это не улучшило уже твое самочувствие? Так что мы теперь друзья? Договорились?

Сделав вид, что глубоко задумалась и размышляю, я нахмурилась. Затем я улыбнулась и вместо ответа сказала:

— Я хочу есть.

Новари громко рассмеялась.

— Что за прелесть этот ребенок! Не сомневаюсь, что мы с тобой отлично поладим. — Перейдя на более деловой тон, она скомандовала: — Пошли, Эмили.

И предложила мне руку.

Я молча смотрела на нее, как бы борясь с последними сомнениями и приходя к трудному, но окончательному решению.

— Я не кусаю маленьких девочек, Эмили, — уверила меня Новари.

Я нервно хихикнула. Потом взяла ее руку и слегка прыгающей походкой пошла с Новари по тропинке. Она привела меня к знакомой с детства скамейке в саду, на которой я вместе с Амальриком и Омери часто беседовала, ужинала, пробовала молодое вино их собственного изготовления... И все это — более пятидесяти лет назад.

На сей раз нас уже ожидали подносы, уставленные всевозможными лакомствами — кексами, печеньями, пирожными. На подносах красовались запотевшие кувшины с молоком, фруктовыми соками. На блюдах и в вазах были уложены сыры, нарезанные светящимися ломтиками, и сочные фрукты. В маленьких глиняных горшочках, поставленных в ведро со льдом, нас ожидал шербет.

Я немедленно вскарабкалась на скамейку и устроилась как можно ближе к целой горе сладостей. При этом я позаботилась о том, чтобы ни на секунду не выходить из роли Эмили. Поэтому я подчеркнуто осторожно достала финик. Затем преувеличенно деликатно надкусила и принялась стряхивать с плаща невидимые простым глазом сахарные крошки. Одним словом, я была такой же привередливой, разборчивой, утонченной, как и моя маленькая Эмили.

— Мне нравится, — сказала я.

— Почему бы тебе не снять плащ, Эмили? — предложила Новари. — Тебе, должно быть, в нем очень жарко.

Моя глубоко спрятанная сущность — Рали Антеро — торжествовала: «Ты ничего не учуяла».

Псевдо-Эмили плотнее запахнула плащик. Я слегка погладила его, как будто бы он был старым надежным другом, и заодно незаметно проверила содержимое внутреннего кармана, где был спрятан серебряный лист, туго обернутый вокруг осколка волшебного корабля.

— Нет, мне хорошо. Я мерзлячка. — И добавила: — Надеюсь, я вам не грублю?

Новари рассмеялась.

— Так вы, оказывается, маленькая принцесса! Такая положительная, чувствительная и нежная. Я тебя люблю, Эмили. Честное слово.

А я в это время подумала: «Ты всегда торопила события, Новари. Ты что же — на самом деле влюбилась в ребенка?» Но почти сразу спросила высоким голосом Эмили:

— Почему вы всех убиваете, Новари?

Гладкое чело Птицы Лиры нахмурилось. Так обычно изображают озабоченность родители, которые сдувают пылинки со своих обожаемых чад.

— Ты слишком долго слушала речи моих врагов, — ответила Новари, — вовсе я не... убиваю всех подряд. Только тех, кто заслуживает смерти. И то — только в тех случаях, когда это крайне необходимо.

Мое лицо внезапно сморщилось, и брызнули слезы.

— Ты убила моего папу! — вскричала я.

— О, моя радость, мне так жаль, что пришлось это сделать, — сказала Новари.

В ее глазах заблестели слезы симпатии и сочувствия. Она продолжала:

— Сейчас я чувствую, что была невероятно жестокой и причинила тебе огромное горе. Но я сделала это не потому, что на самом деле являюсь злой волшебницей. Новари не злая волшебница, понимаешь, Эмили? Она никого не уничтожает ради собственного удовольствия. Она ненавидит причинять людям боль. Но, к сожалению, люди сами иногда заставляют ее причинять им боль. И тогда эти люди делают Новари совершенно неуправляемой. Сумасшедшей. Абсолютно сумасшедшей.

Дрожащими губами я спросила:

— И ты была сумасшедшей, когда убивала моего папу? Именно поэтому ты убила его? И всех остальных Антеро? Ты и тогда была совершенно неуправляемой?

— Думаю, что, к великому сожалению, так и было, моя дорогая Эмили, — ответила Новари, — я уже рассказала тебе, что способна говорить только правду. А это означает, что самой себе я время от времени должна признаваться в вещах, которые заставляют меня почувствовать душевный дискомфорт. — Она вздохнула и сокрушенно произнесла: — Правда приносит столько печали. Это очень тяжелая ноша. Ты все равно не поймешь.

— Так почему же ты была сумасшедшей с моими родными? — спросила я. — Какой вред они причинили тебе?

— О твоей семье, моя дорогая крошка, я не хотела бы говорить ни одного плохого слова, — ответила Новари, — но правда в том, что один из них много лет назад попытался убить меня. Этого человека звали Рали Антеро. Кажется, это твоя двоюродная бабушка.

Я кивнула.

— Я слышала много историй о тете Рали. Она была великим воином. И заклинателем.

— Именно об этой Рали Антеро я и говорю, — сказала Новари с горькой улыбкой, скорее похожей на гримасу, — Она признанный всеми герой. — И тихо добавила: — Даже мной.

— Так почему же она попыталась убить тебя? — спросила я. — Ты поступила с ней подло? Была ли ты подлой с моей тетей Рали?

Я была изумлена, когда, вместо того чтобы ответить, Новари заплакала. Я взглянула на нее и увидела, что она пытается найти подходящие для ответа слова. Слезы, струящиеся по ее щекам, явились совершенной неожиданностью.

— Подлой по отношению к ней? — переспросила она. — Почему же? Я предложила ей почти все, чем обладаю. Я любила ее, Эмили. Она была самой сильной и самой прекрасной женщиной на свете. Рали всегда была так уверена в себе. Абсолютно надежна. Я любила ее даже тогда, когда мне пришлось бросить ее в подземную тюрьму. — Плечи Новари вздрогнули от неприятного воспоминания. Она сказала: — Я совершила небольшую ошибку. И я ни в чем ее не обвиняю. Тем более в том, что Рали рассердилась на меня за эту ошибку. Погибли люди. Вот такие дела. Пролилась кровь. Но я постаралась искупить свою вину. Я хотела сделать ее своей королевой. Равной мне во всем. — Птица Лира помедлила. Потом уточнила: — Ну хорошо. Почти равной. За исключением малого. В ответ мне хотелось всего-навсего, чтобы она поделилась со мной своим магическим мастерством, Волшебной силой Антеро.

— Если ты была так добра, как утверждаешь сейчас, — спросила я, — то почему же тогда моя тетя Рали ответила «нет»?

Слезы мгновенно высохли на щеках Новари, она рассердилась и воскликнула:

— Потому что она была дурой! Как посмела она отвергнуть меня — Птицу Лиру? Ведь я выстрадала все, познала все горести и печали, которые выпадают женщинам. Кто же, как не я, мог бы лучше всех других понять ту боль, ту душевную муку, которую испытывала Рали? Как посмела она в ответ повернуться ко мне спиной, пренебречь моей женской мукой? Ведь я представляю собой воплощение всех земных страданий. И она об этом знала. Я все рассказала, понимаешь, Эмили. Все! Поэтому не может быть ей прощения. — Новари подошла почти вплотную ко мне. На меня нахлынул ее дурманящий магический запах. — Я создана из тысяч и тысяч юных существ, многие из которых были похожи на тебя, Эмили. Эти бедные девочки были сначала унижены, а потом уничтожены ради прихоти одного

очень злого человека. — Новари прикоснулась к груди. — Все они — внутри меня, Эмили. Внутри меня стонут души этих несчастных девушек. Стонут и плачут. День за днем. Не переставая. Ты даже представить себе не можешь, что это значит — без конца слушать их стоны и причитания. Постоянно. Даже сейчас. Но сама посуди — как я смогла бы всех их выпустить на свободу и остаться после этого... Птицей Лирой?

— И поэтому ты убила ее? — спросила я без всякого выражения в голосе. — Ты убила мою тетю Рали?

Новари постаралась сдержать гнев. Затем кивнула. И сказала:

— Да, Эмили, я убила ее. Но сначала она дважды пыталась прикончить меня. Во второй раз ей это едва не удалось.

Плечи Новари непроизвольно вздрогнули от страшного воспоминания. Она пояснила:

— Я не могу умереть просто так. Более того, я не уверена, что вообще смертна. Однако думаю, что рано или поздно я это выясню.

— Так ты будешь жить всегда? — спросила я голосом, полным детского, почти суеверного восторга.

— Думаю, что так и есть на самом деле, — ответила Новари, — и именно это я и предлагаю и тебе, Эмили. Ты тоже сможешь жить бесконечно. И когда-нибудь, когда ты вырастешь и станешь красивой и сильной, ты сможешь стать моей королевой.

— А если я отвечу тебе «нет» — ты меня убьешь, как убила тетю Рали?

Последний вопрос вывел Новари из равновесия. Она пристально посмотрела на меня, затем рассмеялась, пытаясь замять неловкость, и произнесла:

— Вот только посмотрите, какие вопросы задает эта маленькая симпатичная девочка!

Птица Лира устроилась на скамейке рядом со мной.

— Ты такая прелесть, Эмили. — Глаза Новари увлажнились. — Такая умная и восприимчивая.

Она крепко меня обняла, и мое лицо прижалось к ее теплему и мягкому животу. Ее пальцы рассеянно ласкали мои волосы.

Но, когда Новари собралась все-таки ответить на мой последний вопрос, я сразу обратила внимание на то, что она старательно уходит от прямого ответа.

— Я думаю, что у нас с тобой будет достаточно времени, чтобы подробно обсудить все интересующие тебя проблемы. Сейчас ты немного подавлена. Расстроена гибелью друзей. Я не собираюсь форсировать события. Со временем ты все поймешь. Во многом разберешься сама. И тогда наступит время, когда перед тобой откроются неограниченные возможности для получения удовольствий. Тогда я покажу тебе некоторые волшебные игры, в которые ты научишься играть. Тебя будет окружать изобилие — одежда, игрушки, подарки. Их будет гораздо больше, чем может вообразить себе маленькая девочка в самых сладких грезах.

В этот момент я подумала, что сама Новари никогда не имела ничего подобного, не знала простых детских радостей, вот почему тон ее голоса стал завистливым.

Но волшебница продолжала изливать свой сладкий яд:

— И в конце концов люди будут вынуждены исполнять то, что ты им прикажешь. Потому что ты станешь настоящей маленькой принцессой. Представляешь, Эмили, одно твое слово — и все сразу выполнено! Все с радостью подчиняются!

— Кроме тебя, — уточнила я.

Новари рассмеялась. И снова с восторгом воскликнула:

— Что за ребенок! Бьет не в бровь, а в глаз! — Она слегка погладила меня по спине. Затем продолжала: — Я думаю, что мы с тобой, моя прелестная Эмили, хорошо поладим. Мы будем замечательно проводить вдвоем время. Ты будешь каждое мгновение купаться в лучах счастья.

— А что будет, если я не соглашусь? — спросила я.

— Не согласишься — что, моя радость?

— Каждое мгновение купаться в лучах счастья.

Новари немного помолчала, а потом тихо произнесла:

— Тогда я буду вынуждена обойтись без тебя, моя прелесть. Точно так же, как я сумела обойтись без твоей тети Рали.

Вот мы и добрались до ответа на мой вопрос.

Несмотря на извилистый путь, который выбрала Новари, чтобы избежать прямого ответа на мой «детский» вопрос, я сумела все-таки заставить ее сказать в конце концов правду.

Внезапно я с силой вцепилась в нее и начала испуганно причитать:

— Я буду хорошей девочкой! Обещаю, что буду. И заплакала.

В отличие от Новари, я способна лгать. Она начала успокаивать меня словами и жестами. Это дало мне возможность еще крепче схватиться за нее и... скользящим движением скрытно послать в это самое мгновение волшебный щупалец — на разведку в Другие Миры. Послать для того, чтобы он разыскал моего маленького демона — обезьянку.

И тут же услышала, как она работает совсем рядом:

Чит-а-чит. Чит-а-чит.

Счет идет. Счет идет.

Она пробилась сквозь все слои магической защиты, поставленной Новари.

Я освободила ее от заклинания, она тут же радостно заверещала и с невероятной скоростью умчалась прочь. Наверное — в свой обезьяний рай.

Затем я слегка отстранилась от Новари и начала проявлять беспокойство в ее объятиях, как обычно делают маленькие девочки.

Она позволила мне отойти, и я соскочила со скамейки и стремглав бросилась к фонтану, потом к могиле моей матери.

— Куда же ты собралась, Эмили? — спросила Новари, поднимаясь вслед за мной.

— Вон туда, — ответила я.

И этот мой ответ прозвучал достаточно обычно для семилетней девочки.

Около маминой могилы я внезапно остановилась.

— Чаще всего я играла здесь, — сказала я, когда Новари приблизилась. Она шла не спеша, легкой, грациозной походкой. Казалось, что она плывет над тропинкой.

— Надеюсь, что и в будущем ты вдоволь наиграешься в этом чудном месте, в конце концов — это был твой дом. И теперь он будет твоим навсегда. Но жить в нем ты будешь вместе со мной. Я научу тебя новым играм, в которые ты сможешь играть столько, сколько душа пожелает.

— Чаще всего я играла с Амальриком и Халебом, — сказала я, — они были моими братьями.

Новари нахмурилась. Она спросила озабоченным голосом:

— Как же так, Эмили? Я не знаю, кем был Халеб, но Амальрик Антеро был твоим двоюродным дедушкой. Вовсе не братом.

Я пожала плечами и произнесла:

— Может быть, это призраки?

Я показала на могилу и пояснила:

— Вот особое место для моей матери. Затем я показала на фонтан и сказала:

— А это — особенный фонтан.

Новари начала заметно нервничать. Она сказала:

— Да ладно тебе, Эмили. Ты ведь очень хорошо знаешь, что это могила Эмили Антеро, твоей прабабушки. Той, в чью честь ты была названа. Скажи, наконец, какую игру ты затеяла на сей раз?

— Это не игра — все правда. — И я нахмурилась. Затем предположила: — Но, может быть, и другой призрак. Здесь много призраков Антеро. Очень и очень много.

Я отвернулась и быстро достала из кармана голубого плаща свернутый в тугую трубочку серебряный лист. Я развернула его и зажала в кулаке осколок моего серебряного

корабля. Затем я погрузила серебряный лист в воду фонтана.

Лист моментально посвежел и повеселел, как будто бы только что упал с волшебного дерева. Сверкающие крупные капли гулко шлепались на мраморные плитки у моих ног.

Я снова повернулась к Новари, изобразив внезапное смущение и робость.

— Что это такое, Эмили? — спросила она, указывая на сверкающий лист.

Как можно сдержаннее я ответила:

— Подарок. Для тебя.

Казалось, что Новари была польщена.

— Какая приятная неожиданность, первый подарок...

Но она все еще медлила, ее пальцы замерли вблизи листа. Она изучала неожиданный подарок.

— Серебряный лист, — наконец промолвила она, — очень мило. Где ты его достала?

— Я вырастила его сама, — с гордостью объявила я, — потратила очень много сил. Потому что сначала мне пришлось вырастить дерево. Какой же лист без дерева? Я каждый день, в течение долгих и долгих недель, поливала саженец в цветочном горшке. А потом родился лист. — Я подняла указательный палец и пояснила: — Только один.

И протянула его Новари.

— Если хочешь, возьми. — Затем пожала плечами, как будто бы потеряв к листу всякий интерес. — Я могу вырастить теперь сколько угодно таких листьев.

Новари потянулась за подарком.

Под листом я спрятала острый осколок серебряного корабля, и в тот момент, когда Новари почти прикоснулась к подарку, я больно ее уколола.

Вскрикнув, она отдернула руку. И сердито посмотрела на капельку крови, выступившую на пораненном пальце.

— Мне очень жаль, — произнесла я.

И подняла серебряный осколок. Затем пояснила:

— Он тоже лежал у меня в кармане. Должно быть, прилип к листу.

— Тебе следовало бы быть более осторожной, Эмили, — немного рассердившись, проворчала Новари.

Я почувствовала, как мои глаза наполняются слезами.

— Это случайно, я не хотела испортить подарок, — произнесла я, едва не плача и дрожа всем телом, — ты ведь не станешь неуправляемой, правда? Ты не станешь убивать меня, правда? За такую маленькую оплошность?

— Конечно же, не стану, что ты, Эмили, — с явным раздражением произнесла Новари. — Хорошо. Давай сюда свой лист. Мне нравится подарок. Большое спасибо. Потом я подарю тебе что-нибудь. И мы станем лучшими друзьями.

— Раз и навсегда, — подтвердила я.

— Да, дорогая Эмили. Теперь давай мне твой лист.

И я отдала ей, так неумело и неуклюже, чтобы она прикоснулась к нему пораненным пальцем и чтобы ее заколдованная кровь смешалась с волшебным веществом, из которого состоял мой лист.

Новари взвыла так, как будто только что угодила рукой в чан с щелоком.

Она отскочила, яростно размахивая руками и пытаясь сбросить лист. Но он расплавился, плотно прилип к ее коже и жег ее волшебным огнем.

— Отстань, отстань, чертов лист! — выкрикивала Новари и изо всех сил встряхивала руками. Наконец она восстановилась в достаточной мере для того, чтобы создать заклинание и выкрикнула: «Исчезни!»

Расплавленный лист растаял в воздухе. Но кожа на руке Новари оставалась ярко-красного цвета, как обваренная.

Она с грозным видом приблизилась ко мне, ее гнев, казалось, вот-вот заставит воздух вспыхнуть и загореться. Я почувствовала нестерпимый жар. Думаю, что Новари испытала поначалу нечто похожее, когда я пустила в дело свой «подарок». Я почувствовала

удушающий сернистый запах отравы, который сопровождал созревающее в голове Новари заклинание убийства.

Я сделала вид, что съежилась от страха, но в тот же момент послала свои магические щупальца вперед, заставив их как можно быстрее обнаружить пробелы в защите Новари. Тогда я смогла бы воспользоваться своим секретным оружием.

— Что же ты наделала, Эмили! — закричала Новари. — Что же ты натворила!

Молния расколола небо пополам.

И голос моего любимого ребенка, напоминающий голос рассерженного великана, грозно спросил:

— Эмили? Хочешь заполучить Эмили? Где же? Где же она может быть?

Вслед за этим послышался смешок, и небо слегка замерцало от воздействия мощного биополя Эмили. Она произнесла волшебные слова:

Эмили здесь,
Эмили там,
Грозить не стоит небесам.
Посмотришь вверх,
Посмотришь вниз
И убедишься в этом сам
Эмили здесь и там — везде,
Ищи вокруг,
Мой бывший друг,
Ищи — иначе быть беде!

Последовала еще одна вспышка молнии, и перед моим взором возникло огромное белое облако. Оно выглядело как увеличенная голова Эмили.

Новари изумленно посмотрела на меня, потом на облако. Ее рот широко раскрылся. Впервые я увидела, что черты лица Новари исказились до неузнаваемости.

Вслед за этим мы услышали:

— Эмили приказывает — стоп!

Впечатление было такое, как будто бы небо раскололось. Сначала его пронзило одно длинное зазубренное копьё молнии. Затем второе, третье... молнии сверкали все быстрее и быстрее. Казалось, вот-вот с бледного зимнего неба на землю обрушатся желтые брызги взорвавшегося солнца.

По цветущему саду пронесся ледяной ветер. Цветы замерзли. Насекомые попадали на землю. Вода фонтана превратилась в ажурный каскад, похожий на россыпь горного хрусталя.

Одноглазый кот, жалобно мяукнув, стремглав помчался в поисках укрытия.

Вслед за этим я услышала, как со стороны Галаны, откуда-то издалека, зазвучало отдаленное, многократно отраженное эхо мелодии, исполняемой ураганным ветром на огромной лире Новари.

Но вовсе не она играла на лире.

Под музыку, под веселый, энергичный мотив детский голос пел:

Эмили здесь,
Эмили там,
Грозить не стоит небесам.
Посмотришь вверх,
Посмотришь вниз
И убедишься в этом сам
Эмили здесь и там — везде,
Ищи вокруг,

Мой бывший друг,
Ищи — иначе быть беде!

Начался снегопад. Яркие сверкающие снежинки выплывали из облака, медленно опускались на землю и вскоре закружились вокруг нас настоящей метелью.

Я твердо шагнула навстречу Новари. Мои тяжелые солдатские сапоги скрипели на только что образовавшемся белом покрове. Новари с нескрываемым изумлением посмотрела на меня. Черты ее лица еще раз исказились — теперь уже судорогой суеверного страха и запоздалого прозрения.

Теперь я была высокой и сильной. Женщиной-воином, закованной в броневиновые доспехи, с пиратской латкой на правом глазу, яростным взглядом левого, живого глаза и золотой волшебной рукой, пульсирующей от избытка энергии. И в волшебной руке я держала серебряное копьё, в которое превратила осколок волшебного корабля, спасшего меня некогда от смерти в рудниках Короноса.

— Рали! — вскрикнула Новари.

Я увидела, как на ее лице отразилась целая гамма новых чувств, — она полностью оправилась от шока и была готова к сражению. Ее изумление перешло в гнев, а гнев сменился ненавистью. Вслед за этим вокруг Новари замерцало незнакомое мне слабое сияние.

Она потупила взгляд и очень мягко произнесла:

— Рали...

В ее голосе слышалась огромная, не высказанная до конца любовь.

Я много раз старалась представить себе именно этот момент. Наше решающее сражение с Новари снилось мне бесчисленное количество ночей. Снилось и тогда, когда я в течение нескольких месяцев плыла по бурным морям, под тяжелыми, мрачными небесами в Ориссе от самого конца мира, где до этого мы спали с Салимар в ледяной могиле, чтобы встретиться с Новари в последний раз.

Мне казалось, что я готова высказать ей очень и очень многое. По крайней мере — сказала во время всех тех воображаемых встреч. Каждое слово ранило. Каждое слово несло в себе заряд неприкрытой ненависти.

Но, встретившись с Новари лицом к лицу, я почувствовала, что ненависть исчезла.

И это меня удивило. Удивление еще больше возросло, когда я увидела, как Новари приветливо кивает головой. Между нами стало возникать чувство, близко напоминающее взаимопонимание. Вновь Новари произнесла тихим, очень спокойным голосом:

— Рали...

Мои губы начали быстро раскрываться, когда я — почти непроизвольно — захотела произнести что-нибудь в ответ. Легкая улыбка тронула губы Новари, и она немного наклонилась вперед, чтобы лучше услышать мои первые слова.

Но я не вымолвила ни слова.

Вместо этого я метнула копьё.

Божественная рука придавала броску такую силу, что стремительный полет волшебного копьё, казалось, взорвал воздух и оглушил меня внезапным всплеском магического поля.

Новари вскинула руку, чтобы отразить бросок. Но я направляла копьё с помощью божественного глаза. Это дало мне возможность уверенно вести его сквозь защитные заклинания, поставленные противницей. Я из всех сил ударила в разрыв, созданный в этой защите маленькой испуганной обезьянкой. Силой воли я заставила копьё вонзаться глубже, пронизывая все слои ослабленной магической защиты, пока оно не добралось до энергетического центра.

Силой удара Новари отбросило далеко в конец сада. Она судорожно схватилась за грудь и отчаянно вскрикнула от боли. Затем упала на снег, который тут же окрасился ее кровью.

Когда Новари вскрикнула еще раз, я бросилась вперед, потому что, вопреки всем

ожиданиям, рана не оказалась смертельной.

Я устремилась к серебряному копыю, намереваясь проткнуть Новари насквозь и глубоко вонзить острие в землю. Но в то мгновение, когда я прикоснулась к нему, Новари исчезла, копьё упало на снег.

Я быстро обернулась, чтобы не получить от Новари удар в спину, и вынула меч из ножен.

Птица Лира скрючилась у могилы моей матери и без успеха пыталась подняться. По ее прекрасному белому платью струилась кровь.

Увидев, как я устремляюсь к ней, Новари снова вскрикнула. На этот раз ее крик напоминал вопль смертельно раненной хищной птицы. Я увидела, как она превращается в большую золотую Птицу Лиру.

Волшебные когти вырвали меч из моей руки и далеко его отбросили. Раздался взрыв, напоминающий взрыв шаровой молнии, и я столкнулась с твердой, но едва заметной даже с помощью моего божественного глаза матовой поверхностью новой магической защиты, созданной Новари.

Сразу за прозрачной защитой я увидела Новари, у которой постепенно вырастали за спиной золотые крылья, похожие на крылья Птицы Лиры.

Вслед за этим послышался громкий шелест, сопровождающий обычно разряды магического поля. Птица Лира проникла в Другие Миры, чтобы восполнить запасы почти полностью растроченной энергии. Я увидела, как в нее начал вливаться божественный огонь, вливаться яростно и неудержимо, точно, внезапно прорвав плотину, вниз устремилась горная река.

Я ударила по матовой поверхности защиты Новари своей золотой рукой, пытаясь во что бы то ни стало добраться до нее, пока она окончательно не превратилась в Птицу Лиру. Вначале я почувствовала, как защита поддалась, но почти мгновенно вновь затвердела.

Я поняла, что через какое-то мгновение будет слишком поздно. И будет все потеряно.

И в этот момент я услышала детский крик:

— Эмили приказывает — нет!

Ударил гром. Казалось, что воздух внезапно выжжен огнем. Такова была сила заклинания, созданного Эмили. Снег быстро растаял, и по земле побежали бурные горячие ручьи.

Ручьи слились в один быстрый водный поток, который промчался мимо меня и проник под защиту Новари.

Он омыл могилу моей матери, и отполированная руками Антеро и временем поверхность камня весело заблестела. Я почувствовала запах сандалового дерева, любимый запах моей матери. Затем я услышала, как ее призрачный голос прошептал мне прямо на ухо:

— Я здесь, Рали!

Собрав все силы воедино, я ударила по поверхности матового купола защиты Новари.

На этот раз она разбилась вдребезги, и осколки разлетелись в разные стороны. Я двинулась вперед, вынимая на ходу кинжал.

Новари, которая теперь полностью превратилась в Птицу Лиру, начала приподниматься над землей, ее огромные крылья бешено заработали. В когтях были зажаты остро заточенные лезвия, напоминающие косы. С них слетали разряды магических молний. Птица Лира бросилась в атаку.

Я бросилась навстречу, готовая дать отпор и победить. Рядом неотступно следовал призрак моей матери.

Вслед за этим мне показалось, что время остановилось. Я почувствовала себя совершенно спокойной. Мысли стали кристально чистыми. Я была готова умереть. В это невероятное мгновение я вспомнила всех Антеро, всех тех, кто сражался и умирал. Некоторые из них погибли, не совершив подвигов. Но они до конца оставались Антеро. И я почувствовала, что принадлежу к ним, являюсь одной из них. Я подумала об Эмили, которая теперь была последней надеждой семьи на будущее. Если будущее вообще возможно.

Призрак моей матери прошептал мне:

— «Рали» — означает «надежда». Следом вздохнул ветер:

— Рали — это надежда.

До меня донеслись другие голоса. Призрачные голоса Антеро. Сначала я услышала Халеба и Гермаса. Затем остальных — мужчин и женщин, детей и стариков, — все они звали меня, шептали мое имя. И вслед за этим я услышала, как Амальрик произнес твердым голосом, как бы приказывая мне:

— Возьми нашу силу, Рали. Призови на помощь наши души. Борись, Рали, борись!

И я боролась.

Сначала я почувствовала, что становлюсь сильной, как богиня. Я топнула ногой по земле, земля треснула, и я достигла источника адской энергии. Закон Серого Плаща стал и моим законом. Все те скрытые от простого смертного механизмы, которые порождают вес, тепло, свет и штормы, которые терзают нас, стали мне доступны и понятны. И к этому я добавила закон Рали: волю к жизни. И превратила его в огромный плазменный сгусток и метнула его в налетающую Птицу Лиру с яростным криком:

— Эмили — не перечь!

В последний раз на предельно высокой ноте взвизгнули струны магической лиры. Птица рухнула на землю.

Когда я подбежала к ней, птица вновь превращалась в Новари. В прекрасную Новари... Едва она приобрела свой истинный облик, на меня накатила океанская волна скорби и печали. Такова была сила ее зловещей магии.

Я молча смотрела, как Новари прощается с земной жизнью. Вскоре она замерла. Затем ее лицо расслабилось, стало спокойным и умиротворенным. В последний раз слегка раскрылись ее губы, и я услышала, как она прошептала:

— Свободна...

Ее шепот вызвал легкое ароматическое облачко, и я с изумлением отступила.

Из тела Новари стали появляться полупрозрачные призраки девушек. Они поднимались к замерзшему небу под звуки божественной мелодии, исполняемой на золотой лире.

Это были призраки тех девушек, которых принесли в жертву ради создания Новари. Сотни, тысячи девушек. Некоторые — совсем еще девочки. Другие — молодые женщины. И все так прекрасны, что сами боги должны были с наслаждением смотреть на них.

Девушки исчезли. Музыка смолкла.

Наступила тишина. И я почувствовала внезапное одиночество, потому знала, что меня покинули и призраки Антеро.

Взглянув на землю еще раз, я увидела, что там, где только что лежало тело Новари, осталось белоснежное платье.

Силы оставили меня. Неуверенно повернувшись, я осмотрела любимый с детства сад. Было холодно. Растаявший снег уже успел вновь заморозиться. Ровные ледяные лужицы, как отшлифованные грани бриллианта, отражали яркий солнечный свет.

Я вспомнила Салимар, которая ждала меня вдалеке, за морями, покрытыми льдинами и айсбергами, за вечно заснеженными необозримыми просторами, где кончается земля и начинается наша любовь.

По моим щекам покатились слезы радости.

Две-три слезы имели привкус горечи. Это была горечь сожаления о печальной судьбе зловещего создания — Птицы Леры и несчастной женщины, которую я знала как Новари.

Глава 9. ПОСЛЕДНИЙ АНТЕРО

Перед вами последнее напутствие Рали Антеро. Ее завещание. Завещание всех Антеро, некогда живших в Ориссе. В живых останется только один из нас — Эмили.

Она пришла ко мне вчера, когда я работала в кабинете брата. Крепко обхватив старого

одноглазого кота поперек туловища, Эмили старалась не упустить добычу. Кот свисал с ее рук, как махровое полотенце.

— Угадай, тетя Рали, — звонко спросила Эмили, — что я собираюсь сделать?

Не успела я поднять голову, как Эмили ответила на свой вопрос:

— Я собираюсь починить Пирата!

Бедное животное взглянуло на меня своим единственным глазом и тяжело вздохнуло, как бы подтверждая бесконечность кошачьего терпения.

— Так что же случилось с Пиратом? — спросила я. — Похоже, что все в порядке, если не считать потерянного в драке с вороной глаза.

— Именно это я и хочу починить, — сказала Эмили, с трудом забрасывая кота на мой письменный стол. Она погладила кота, и Пират громко заурчал. — Вставить ему глаз, — уточнила девочка, отдышавшись.

— Не уверена, что это возможно, — заметила я и, потрогав латку на правом глазу, добавила: — Думаю, что если уж глаз потерян, то он потерян навсегда.

— Может быть, это и так, тетя Рали, — ответила Эмили, — но я все-таки попытаюсь.

И девочка устроила настоящий спектакль, напевая волшебные слова:

— Эмили приказывает — явись, паучок, явись!

Воздух над моим столом слегка замерцал, на него шлепнулся довольно большой паук. Его челюсти без конца щелкали — то ли от страха, то ли от ярости. Я вскочила на ноги. Кот громко зашипел, выгнул спину, вздыбил шерсть и выпустил когти.

— Пират, стой! — скомандовала Эмили.

Но кот не обратил на нее никакого внимания и начал потихоньку отползать, не спуская с паука своего единственного глаза. Эмили схватила кота, настойчиво повторив:

— Эмили приказывает — стой!

Пират замер. Паук тоже. И я внезапно почувствовала, что не могу пошевелить и пальцем, как будто бы меня схватил великан. Эмили быстро догадалась о том, что она в сердцах сделала.

— Прошу прощения, тетя Рали, — сказала она, — я приказала Пирату остановиться, а не вам!

И она без заметного усилия создала обратное заклинание, произнеся:

— Эмили приказывает — иди!

Груз мгновенно исчез, и я почувствовала себя свободной.

В тот же самый момент Пират метнулся прочь со стола, выскочил через открытую дверь, а паук быстро спустился на пол и не мешкая отыскал подходящее укрытие под кожаным диваном моего отца.

Разочарованная Эмили топнула ногой.

— Ну вот, — раздосадованно заявила она, — теперь придется начинать все сначала — заманивать Пирата, ловить паука.

Девочка широко развела руками, показывая, сколько всего теперь придется сделать.

— Вот сколько дел! — Потом сокрушенно вздохнула и сказала: — Я так долго трудилась над этим заклинанием!

Я не спросила Эмили, каким образом она намеревалась «починить» потерянный глаз Пирата с помощью паука. Не знаю, что именно она придумала, но уверена, что это возымело бы действие. Хотя я предполагаю, что результат был бы не совсем тот, на который она рассчитывала.

Вслух я мягко заметила:

— Я не сомневаюсь, Эмили, что ты искренне стремишься помочь. Но тебе, вероятно, следует на этот раз настойчиво проявлять усердие. Не исключено, что Пирату может не понравиться то, что ты задумала. Он достаточно долго был без глаза, возможно, уже принимает это как должное.

Эмили теребила пальцы и довольно долго думала. Затем печально посмотрела на меня и спросила:

— Ты в этом уверена, тетя Рали? Потому что я не сомневаюсь в том, что если смогу сделать Пирату лучше, то я смогу потом помочь и тебе.

Я подумала: «Ах, вот в чем дело! Славная девочка!» Я обняла ее и сказала:

— Спасибо, дорогая Эмили.

На мой здоровый глаз невольно навернулась слеза. Эмили, похоже, стала еще печальнее. Она спросила:

— Это означает, что ты не хочешь, чтобы я попробовала восстановить твой глаз. Я правильно тебя поняла?

Я погладила ее рыжие волосы и ответила:

— Да, я не хочу. Я — как Пират. Я тоже к этому привыкла. К тому же мир иногда кажется мне намного лучше, когда смотришь на него только одним глазом.

Я обняла племянницу и поцеловала.

— Я так надеялась, что это будет для тебя приятным сюрпризом, — произнесла Эмили с оттенком обиды в голосе, — прощальным подарком.

У меня защемило сердце. Откуда она узнала, что времени у меня почти не осталось?

— Я чувствую, тетя Рали, что красивая леди ждет где-то совсем рядом, — сказала Эмили, как будто бы прочитав мои мысли, — она собирается забрать тебя с собой, как только ты закончишь книгу. Я угадала?

— Да, — ответила я как можно спокойнее, — именно так и обещала мне богиня.

— Салимар соскучилась по тебе, — заметила Эмили, внезапно всхлипнула и добавила: — Это я тоже чувствую. Несмотря на то, что она очень и очень далеко. Потому что она сильно любит тебя, тетя Рали.

— А я — ее.

— Но ты несчастлива, разве не так, тетя Рали? Ты хочешь вернуться. И в то же время — ты хочешь остаться.

Меня обхватили маленькие руки Эмили. И она прошептала:

— Ты хочешь остаться со мной.

Горло сжало судорогой. Я прокашлялась. И подтвердила:

— Да, Эмили, хочу. Нестерпимо.

— Потому что ты любишь нас обеих, — рассудительно произнесла Эмили, — но не можешь быть с нами обеими одновременно.

На сей раз у меня не нашлось подходящего ответа. Я почувствовала, что теряю контроль над эмоциями. Поэтому вместо ответа я молча сжала девочку в крепком объятии. Немного погодя Эмили отстранилась. Ее лицо приобрело не свойственное ее возрасту решительное и серьезное выражение.

— Я думаю, что ты не можешь оставаться здесь, — объявила она, — потому что это может причинить Салимар очень сильную боль. Она очень нуждается в тебе, тетя Рали. Я даже не знаю, с чем можно сравнить это чувство. Оно огромно. Салимар может... умереть, если ты к ней не вернешься. — Эмили положила ладонь на мою руку и спросила: — Мы ведь не хотим, чтобы Салимар умерла, не правда ли?

— А как же ты, Эмили? Мне не хотелось бы причинить боль и тебе. Кто же о тебе позаботится? Кто будет учить тебя всему тому, что так необходимо знать в жизни?

Эмили пожала плечами.

— Осталось много хороших людей. Многие из них раньше заботились обо мне. И многому научили меня. Иногда они так старались, что мне хотелось крикнуть им, чтобы они прекратили. Но эти люди искренне меня любили и желали мне только добра. Не только тетя Рали, Дерлина, Квотерволс. И все женщины из Стражи Маранонии. — Она широко раскинула руки и объявила: — Все любят Эмили!

Всякий раз, когда я вспоминаю Эмили, я чаще всего представляю себе этот момент. Ее волосы сверкали в лучах солнца, струящихся сквозь окно. Лицо сияло от счастья и уверенности в будущем. Маленькие руки взметнулись, как крылья готовой вспорхнуть бабочки.

И ее великолепные слова:

— Все любят Эмили!

В это мгновение я почувствовала, как у меня появляются силы, чтобы принять единственно правильное решение.

Я сделала все необходимое, чтобы обеспечить будущее племянницы. Ее будут воспитывать друзья, которым будет доверено все богатство, оставшееся в тайных хранилищах нашей семьи. Эмили ни в чем не будет нуждаться. Пальмирас станет первым наставником Эмили. Он обучит ее искусству магии и постарается, чтобы талант девочки раскрылся в полной мере. Дерлина и Квотерволс научат постоять за себя. А Пип сделает Эмили хитрой, что тоже необходимо в нашем несправедливом мире. Он научит ее, как видеть врага, спрятавшегося за углом, и читать мысли предателей.

Эмили замечательный ребенок. Последний подарок Антеро жителям Ориссы.

Малышка обладает огромными магическими способностями, которые будут непрерывно возрастать. Эмили необходимо, чтобы с ней обращались мягко, только тогда она сможет сформироваться в необыкновенно сильного заклинателя. Мне кажется, что Эмили похожа на небожителя, дитя богов, которое волей случая вынуждено жить и расти среди диких племен. И поэтому ей может быть причинен вред — не по злему умыслу, а в силу неловкости или непонимания.

Я верю в счастливую судьбу Эмили. Уверена в том, что она вырастет и превратится в прекрасную женщину, обладающую невиданным ранее могуществом.

Независимо от того места, которое она займет в жизни Ориссы, все должны помнить, что, когда племянница произносит: «Эмили приказывает» — это на деле означает, что Эмили приказывает. В таких случаях я не хотела бы быть на месте обидчика.

А что касается меня — как только допишу последние строчки этого бортового журнала, который начала заполнять, плавая по бурным морям много лет назад, я найду свою внучатую племянницу и поцелую ее на прощание.

Вслед за этим богиня Маранония унесет меня назад к Салимар.

И вновь мы окажемся в хрустальном дворце со сверкающими, искрящимися фонтанами, утопающем в саду, в котором круглый год цветут розовые и желтые розы. Мы будем жить жизнью, наполненной радостными днями и сладкими ночами любви.

И — клянусь богами, — мне будет жаль вновь расстаться с Салимар!

Мой старый переписчик напомнил бы мне, что я обязана на этой странице уделить внимание будущему Ориссы. Ему очень хотелось, чтобы я изображала из себя пророка, каким был мой брат.

Я никогда не стремилась к этому. Амальрик был слишком мягок и добр, поэтому видел будущее исключительно в розовом цвете.

У меня остался только один глаз, и он смотрит вокруг не всегда добрым взглядом. По этой причине я не буду вглядываться в сердца тех, кто останется жить в этом мире, в мире, который я вскоре покину. Я не стану искать в них червоточину и тем более — обвинять их в грехах прошлого, настоящего и... в тех, которые они намереваются совершить.

Пусть люди строят жизнь по своему желанию. Не мое дело судить.

Но хотела бы предостеречь. Как я и написала с самого начала, это является главной целью, которую я преследовала, приступив к заполнению своего путевого журнала.

Прошу всех запомнить мои слова.

Я оставляю ребенка, значение которого для меня безгранично. Не причиняйте Эмили никакого вреда, иначе познаете мой гнев. Не имеет значения, обладаете ли вы богатством, превосходящим все богатства королей, живших во все времена. Не имеет значения, сколько воинов вы сможете поднять, сколько привлечь заклинателей, магов, колдунов с возможностями самого Архонта для защиты собственных интересов.

Если Эмили будет причинен вред, я снова вернусь. Обязательно вернусь.

И если мне придется восстать еще раз, то я приду с огнем, которым уничтожу ваши дворцы.

Я приду с холодом, чтобы превратить в лед ваши грешные тела.
Я приду, разливая отраву, напуская чуму и развязывая войны
И те, кто сумеет выжить, будет проклинять имена тех, по чьей злой воле меня
заставили вернуться. И передавать проклятия из поколения в поколение.
В этом клянусь вам я.
Я, Капитан Рали Эмили Антеро.
Последняя стражница Маранонии.